ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПРИЛОЖЕНИЯ

СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1950

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*
Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

„ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“

(Историко-литературный очерк)

Летописец сравнил книги с реками: „Се бо суть рекы, напаяюще вселеную“ („Повесть временных лет“ под 1037 г.). Это сравнение летописца как нельзя более подходит к самой летописи. Величавое и логическое изложение летописью русской истории, действительно, может быть уподоблено торжественному и могущественному течению большой русской реки. В этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое. Тут и предшествующие летописи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской. Из всех этих истоков — „исходищ мудрости“ — родилась и „Повесть временных лет“ — создание многих авторов, произведение, отразившее в себе и идеологию верхов феодального общества, и народные воззрения на русскую историю, народные о ней думы и народные чаяния, произведение эпическое и лирическое одновременно — своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины.

Истоки „Повести временных лет“ в значительной степени определили и направление ее изложения. Мощное, логически стройное, проникнутое патриотическим подъемом повествование „Повести временных лет“ в своем неуклонном движении от про-

шлого к настоящему, несло в себе широкое осмысление политической действительности своего времени. Ее повествование было настолько властным, настолько захватывающим, что втянутые в его движение летописцы в течение многих последующих веков — вплоть до XVI столетия — продолжали его в своих местных, областных, а затем и общерусских летописях. „Повесть временных лет“ сама стала „исходищем мудрости“ для последующих летописцев. С нее они начинали свое изложение, ее идеи продолжали, в ее содержании видели в пору феодальной раздробленности и „злой татарщины“ живое свидетельство единства Русской земли.

„Повесть временных лет“ — произведение родное для всякого русского человека. Она повествует о начале Русской земли, о начале русского народа голосом далеких и, вместе с тем, близких нам русских людей XI — начала XII вв. К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в нем новые и новые, не замеченные нами прежде глубины содержания.

1

Высокие достоинства „Повести временных лет“ выросли на плодотворной почве русской культуры начала XII в., когда „Повесть временных лет“ была создана. Эти высокие достоинства были связаны с повышенным интересом к родной истории во всех слоях общества Киевской Руси и с высокими качествами русского литературного языка, оказавшегося способным выразить и тонкости отвлеченной мысли и многочисленные реальные понятия чрезвычайно усложнившейся в XI в. конкретной исторической действительности.

*

В самом деле, „Повесть временных лет“ принадлежит эпохе, в которой ясно определились характерные черты феодализма, но еще живы были и старые традиции эпохи древнерусского го

сударства. Уже отчетливо деление общества на господствующую феодальную верхушку и закабаленные низы городского и сельского населения, но еще живо воспоминание о патриархально-общинных отношениях в рассказах о пирах Владимира, ра́вно открытых для всех. Уже утрачено политическое единство Русской земли, втянутой в процесс феодализации, уже обособились Новгород, Полоцк, Галицко-Волынская земля, Смоленское и Владимиро-Суздальское княжества, но еще действенно сознание единства Руси. Крепнут новые феодальные полугосударства-княжества, но еще сохраняются традиции единой Киевской державы, пробивающие себе дорогу к реальной политической жизни в княжение Владимира Мономаха. Русская культура уже развивается в областных границах, но еще не замкнута в них. Еще воздвигаются обширные и светлые здания, типичные для Киевской державы. Еще чувствуется дыхание большого и жизнерадостного искусства в фресках Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря, собора новгородского Антониева монастыря, Николо-дворищенского собора в Новгороде, а позднее — Кириллова монастыря в Киеве, Мирожского монастыря в Пскове, Георгиевской церкви в Старой Ладоге, в миниатюрах Мстиславова евангелия и мн. др. Еще не прошла резкая межа между архитектурными формами Киева, Новгорода, Чернигова... Русская культура еще предстоит нам во всем величии и пышности, типичных для конца X—XI вв.

Феодальная раздробленность была неизбежным этапом исторического развития Руси. Начавшийся с конца XI в. распад Киевского государства был связан с ростом его отдельных частей, с развитием производительных сил на местах, с образованием новых областных центров, городов, с подъемом активности городских масс населения. Этот процесс политического дробления Киевского государства и роста областных центров имел первостепенное значение в интенсивном культурном развитии Руси XII в. Русская культура, которая в эпоху расцвета Киевского государства была по преимуществу культурой Киева, с конца XI в. дробится и концентрируется вокруг

многочисленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира-Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира-Залесского и т. д. Все эти областные центры обнаруживают с конца XI в. решительное стремление к политической самостоятельности и культурному отъединению. „Каждая из обособившихся земель обращается в целую политическую систему, со своей собственной иерархией землевладельцев (князей и бояр), находящихся в сложных взаимных отношениях. Эти разрозненные ячейки, все больше замыкаясь в тесном пространстве своих узких интересов по сравнению с недавним большим размахом международной политической жизни Киевского государства, заметно мельчали. Однако внутренняя жизнь этих политически разрозненных миров текла интенсивно...“.[1]

Культурная жизнь начала XII в., когда создана была „Повесть временных лет“, уже шла по многочисленным дорогам и тропам феодального развития. Она испытала на себе благотворное влияние нового этапа в развитии производительных сил. В ее мощном поступательном движении заметно сильное воздействие, наряду с верхами феодального общества, новой крупнейшей культурной и общественной силы — горожан: ремесленников и купцов. Вместе с тем, не утрачены и многие преимущества предшествующего периода развития. Сознание единства Руси и общерусский размах идей может быть еще интенсивнее давали себя чувствовать именно теперь, когда реальная социально-экономическая и политическая почва для этого единства уходила из-под ног, когда могущественная держава Владимира отошла уже в прошлое, хотя еще и сохранялось живое ощущение Русской земли как единого целого. В этом соединении стремительного движения вперед с сохранением лучших традиций прошлого — основа творческой мощи этого периода.

„Повесть временных лет“ отражает в своем содержании победу феодального общественного уклада над дофеодаль-

---

1 Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 502.

ным — патриархально-общинным. Она создана в эпоху, когда феодальная культура была явлением прогрессивным, молодым. Летописцы, соединившие свои усилия в создании „Повести временных лет", несмотря на всю свою грусть по утрате былого единства Руси, несмотря на весь свой гнев на начавшиеся раздоры князей, полны оптимизма, они гордятся Русью — ее прошлым и будущим. Это достаточно отчетливо видно на одном примере. Под 1093 г. летописец рассказывает об одном из самых ужасных последствий феодальной раздробленности: нашествии половцев. Он дает яркую картину страданий русского населения, угоняемого в плен половцами: „стражюще, печальни, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи и в беде, опустневше лици, почерневше телесы; незнаемою страною, языком испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем", пленники со слезами обращались друг к другу: „Аз бех сего города", и другие: „Яз сея вси (деревни)". И сразу же, после этой, так искусно обрисованной им, картины страдания русских, летописец восклицает: „Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими богомь есмы! Да не будеть! Кого бо тако бог любить, яко же ны возлюбил есть? Кого тако почел есть, яко же ны прославил есть и възнесл? Никого же!".

Оптимизм и патриотизм „Повести временных лет" были проявлениями силы нового общественного уклада, в котором еще не успели в полной мере сказаться печальные политические последствия раздробленности Руси.

*

Письменной истории Руси предшествовала ее устная история. Устная история Руси и впоследствии сопутствовала письменной, питая ее живительными соками. Своим расцветом летопись непосредственнее всего обязана этой неписаной истории Руси, хранителем которой был сам народ.

В самом деле, первые русские летописцы, воссоздавая предшествующую им историю Руси, сумели собрать сведения о про-

шлом Русской земли за несколько столетий. Они пишут о походах и о договорах, об основании городов, дают живые характеристики князьям и рассказывают о расселении племен. Следовательно, у летописцев были какие-то устные материалы об исторической жизни народа в течение многих поколений. Вглядываясь в состав тех сведений, которые сообщают летописцы, мы видим, что этим огромным историческим источником был для них фольклор. И это не случайно. „От глубокой древности, — писал М. Горький, — фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории“.[1] Исторические песни, предания и легенды были той великой неписаной историей Русской земли, к которой вынуждены были постоянно обращаться и первые русские летописцы.

Трудно переоценить значение исторических произведений устной литературы. „Былины — это история, рассказанная самим народом“, — пишет акад. Б. Д. Греков, открывая обзором фольклорных источников свою книгу „Киевская Русь“.[2]

В летописи, а также в житиях и проповедях сохранены многочисленные остатки исторических преданий, легенд и песен, которыми древнерусские книжники стремились восполнить недостаток письменного материала по истории своей родины. Они-то и явились подлинной основой для восстановления русской истории древнейшего периода. В них заключалось то историческое самосознание народа, которое позволило вырасти русскому летописанию.

Исторические сказания, отложившиеся в „Повести временных лет“, восходят ко временам глубокой древности. Уже основание первых городов на восточноевропейской равнине было связано с легендами. Их знает и древний Киев — один из старейших городов Восточной Европы. Летописец рассказывает о построении Киева тремя братьями-князьями Кием, Щеком и Хоривом и сестрою их Лыбедью.

---

[1] Доклад на Съезде советских писателей 17 августа 1934 г.

[2] М.—Л., 1949, стр. 5.

Легенда эта была записана уже в VII в. н. э. армянским историком Зенобом Глаком как легенда об основании Куара (Киева) в стране Полуни (полян) Куаром, Ментеем и Хереаном. Рассказать эту легенду в Армении могли те славянские дружины, которые в VII в. совместно с хазарами воевали в Закавказье. Могли эти легенды перейти и через славянские поселения, с древних времен державшиеся на Северном Кавказе в районе Тамани. Следовательно, уже в VII в. у восточнославянских племен имелись исторические предания, бережно сохраненные на протяжении почти полутысячелетия и записанные летописцем.

Есть и другие показатели, говорящие о том, что равнина, населенная русскими племенами, сохраняла исторические предания глубокой старины.

Многие из исторических легенд зародились во времена большой давности. Мерцающий свет этих древнейших исторических припоминаний, дошедших через столетия до первых русских летописцев, свидетельствует о существовании в древнейшие времена на территории, занятой восточнославянскими племенами, интереса к родной истории.

Столетия, непосредственно примыкающие к деятельности первых русских летописцев — IX и X, — дали им несравненно больше исторического материала, заимствованного из исторического фольклора, чем предшествующие. Нетрудно различить и главные типы исторических произведений, использованных летописью. Их несколько. Один из главнейших — местные легенды, связанные с урочищами, могильниками, селами и городами всей великой русской равнины.

Могильные насыпи издавна и у всех народов были связаны с историческими преданиями. Высокие холмы, насыпавшиеся над могилами вождей, сами по себе свидетельствовали о стремлении сохранить на многие поколения память об умерших. Но, кроме того, память о погребенных поддерживалась тризнами, совершавшимися на их курганах, культом, которым были окружены многие из могильных насыпей. Естественно,

что с ними связывались различные сказания, жившие в окружающем населении, пока существовали и самые насыпи. Число этих холмов на территории древней Руси было особенно велико. Их было исключительно много в самом Киеве.[1] Со многими из них были связаны предания, немаловажные для определения исторических судеб восточного славянства. Недаром летописцы неоднократно ссылаются на эти могильные холмы как на достоверных и правдивых свидетелей точности их исторического повествования. Так, например, завоевание Киева Олегом было связано народной памятью с могилами Аскольда и Дира; гибель Игоря — с его могилой „у Искоростеня града в Деревах“; легенда о вещем Олеге — с его могилой: „есть же могила его и до сего дьне, словеть могыла Ольгова“; смерть Олега Святославича связывалась с его могилой „у града Вручего“ (современного Овруча) и т. д. О всех этих могилах летописец замечает, что они существуют и „до сего дьне“, о многих из них он говорит, что они „словут“, т. е. связаны со славой погребенных в них князей. Однако с принятием христианства, изменившего погребальный обычай, отменившего поминальные празднества, где вспоминались деяния прошлого, могилы князей перестают быть центрами, к которым была прикреплена историческая память о погребенных. Христианские могилы редко привлекают внимание летописца.

Но не только с древними могилами была соединена народная память о делах минувшего. Города и урочища прочно хранили память о своем возникновении. Народная память в Новгороде и в Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. Сами по себе эти местные предания охватывали единой сетью всю Русскую землю, объединяя и собирая ее историческое прошлое. С княгиней

[1] М. К. Каргер. Дофеодальный период Киева по археологическим данным. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, т. I, 1939.

Ольгой были связаны местными воспоминаниями многочисленные урочища, села, погосты, перевесища (места, где ловились птицы) по Днепру и Десне. В Пскове хранились сани Ольги. „И ловища ея суть по всей земли и знаменья и места и повосты“, — пишет летописец, отмечая общерусский характер исторических преданий об Ольге.

Насколько обильными и подробными были эти исторические воспоминания, показывает хотя бы та точная топография древнего Киева, которую дает летописец, описывая времена, отстоящие от него на целое столетие: „Бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевьския, и на подольи не седяху людье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града, и бе вне града двор другый, идеже есть двор Демьстиков за святою Богородицею; над горою двор теремный, бе бо ту терем камен“.

Характерно, что наиболее древние исторические воспоминания самым тесным образом связаны с языческим, дохристианским культом предков, но чем ближе ко времени, когда уже пишут летописцы, тем яснее выступают исторические припоминания сами по себе, тем четче выделяется интерес к истории родной страны. Историческое самосознание народа становится все более интенсивным, вводится в точные хронологические рамки

Таким образом, на всем пространстве Руси от Изборска, Ладоги и Белоозера и до северных берегов Черного моря, до Корсуни, где показывали летописцу церковь, в которой крестился Владимир, и до Тмуторокани, хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, „трудом“ своим великим собиравших Русскую землю. Даже вне пределов Руси, на далеком Дунае, указывали город (Киевец), основанный Кием, а в Болгарии, по свидетельству летописца, еще видны были в его время остатки городов, разрушенных Святославом. Местные по своему приурочению, но общерус-

ские по своему содержанию, эти предания свидетельствовали о широте исторического кругозора народа. В этих местных исторических преданиях говорилось не только о Руси, но и о соседящих с нею народах и странах: венгры, печенеги, греки, скандинавы, хазары, поляки, болгары, а с другой стороны; Царьград, Тмуторокань, Корсунь составляли тот широкий географический фон, на котором развертывалось действие легенд, связанных с урочищами. Таким образом, сама Русская земля с ее многочисленными городами, урочищами, селами, могильными насыпями была как бы живою книгою ее неписанной истории.

Та же „Повесть временных лет“, которая сохранила нам многие местные легенды, свидетельствует и о других формах устной исторической памяти.

Внимательный анализ киевского летописания показывает, что многие записи сделаны в нем на основании рассказов двух лиц: Вышаты и его сына Яна Вышатича, участие которого в летописании прямо отмечено под 1106 г.; под этим годом составитель „Повести временных лет“ говорит о Яне, о его смерти и отмечает: „От него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах“.

В самом деле, три поколения летописцев были в дружественных отношениях с Вышатой и его сыном Яном на протяжении 1064—1106 гг.

Можно установить, что круг рассказов Вышаты и Яна, использованных летописцами, был шире тех сведений, которые сообщали они летописцам, согласно исследованиям акад. А. А. Шахматова.[1] Повидимому, эти рассказы связаны с преданием этого древнего новгородско-киевского рода, судьба которого может быть прослежена в летописи на протяжении семи поколений: Ян был сыном Вышаты; Вышата, как это отмечено в „Повести временных лет“ под 1064 г., был сы-

---

[1] Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 226 и др. (в дальнейшем цитируется: Разыскания . . .).

ном новгородского посадника Остромира, с именем которого связан древнейший из дошедших до нас памятников русской письменности — знаменитое Остромирово Евангелие 1056—1057 гг.; Остромир, как это было установлено еще известным археологом Д. И. Прозоровским,[1] был сыном новгородского посадника Константина; Константин был сыном новгородского посадника Добрыни — будущего героя русских былин Добрыни Никитича; Добрыня был сыном Мистиши-Люта; Лют — сыном знаменитого в русских летописях воеводы Свенельда. Судьба всех этих представителей рода Яна Вышатича отражена в летописи на основании устных рассказов Вышаты и Яна.

Эти рассказы, неточные хронологически, как и все устные припоминания, несут в себе следы сказочных мотивов и окрашены тенденциозной мыслью; они героизируют этот род, подчеркивают его весомость в общем раскладе сил Киевского государства, его близость к роду киевских князей.[2] И Вышата, и Ян упорно говорили летописцам о тех мудрых советах, какие давали их предки киевским князьям. Нежелание Святослава послушать совета Свенельда — объехать днепровские пороги и пойти на Русь на конях — привело к гибели Святослава: печенеги, подстерегавшие русских в этом опасном месте, напали на Святослава, разбили его дружины и убили его самого. Владимир I Святославич неоднократно следовал советам Добрыни в своих походах. Добрыня добивается для Владимира руки полоцкой княжны Рогнеды. Слушая советы сына Добрыни — Константина, Ярослав получил киевский стол. Когда Ярослав, разбитый Святополком и польским королем Болеславом, прибежал в Новгород и собирался отсюда бежать дальше за море, посадник Константин, сын Добрыни и дед Вышаты, рассек с новгородцами ладьи Ярослава, заявив: „Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь“. Новгородцы во главе

---

[1] Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892, стр. 3.

[2] См. подробнее: Д. Лихачев. Устные летописи в составе „Повести временных лет“. Исторические записки, М., 1945, № 17.

с Константином собрали деньги на дружину, и Ярослав разбил Святополка и Болеслава. Как Владимир был обязан княжением Добрыне, так Ярослав был обязан киевским столом его сыну Константину.

В рассказах Вышаты и Яна Вышатича о собственных подвигах опять-таки присутствует та же „родовая“ тенденция. Так, например, в рассказе „Повести временных лет“ о последнем походе русских на Царьград в 1043 г. сделаны вставки. Можно считать достоверным, что эти вставки были сделаны на основании рассказов Вышаты или Яна Вышатича. В этих вставках подчеркнуто воеводство Вышаты, причем так, точно Вышате принадлежало главное воеводство, хотя в первоначальном рассказе воеводой значился Иван Творимирич.

И Вышата, и Ян рассказывали, кроме того, летописцам о своей борьбе с волхвами, о сборе полюдья в Белозерском крае (1071 г.).

Кроме родовой тенденции, в рассказах Вышаты и Яна Вышатича о своих предках отчетливо выступают и ноты личной обиды. И Вышата, и Ян сблизились с летописцами уже на закате своей служебной карьеры. Летопись указывает, что Всеволод стал „любить смысл уных“ дружинников и отодвигать „первых“ (т. е. прежних). В числе обиженных был и Ян Вышатич. Старые дружинники упрекали Всеволода в том, что он „вирами и продажами“ разорял свою собственную землю, а не в далеких походах искал наживы для прокормления себя и дружины.

В деятельности всех решительно представителей рода Вышаты и Яна отмечаются их дальние походы, их сборы даней и полюдья, что должно было служить косвенным упреком современным им князьям, которые не думают о сборе дани с соседних народов, предпочитая „вирами и продажами“ разорять собственное население. О походах за данью повествуется в известиях о Свенельде и Мистише-Люте. О сборах дани с болгар рассказывается в летописных статьях о Добрыне. В собственной деятельности Вышата и Ян отмечают именно

эти далекие походы, участниками которых они были: на Константинополь (Вышата), за сбором полюдья в Белозерье (Ян).

Предания о роде Яна Вышатича и Вышаты были известны не только в узких пределах этого рода. Они получили широкое распространение.

Уже в 1128 г., через 22 года после смерти Яна, летописец привлек исторические предания о Добрыне для объяснения родовой вражды полоцких князей Рогволодовичей с Ярославичами. Изложив под этим годом некоторые события в Полоцком княжестве, летописец переходит к изложению предания о Владимире I Святославиче и Рогнеде, в котором в активной роли выступает и Добрыня. Историческое предание это летописец передает уже не со слов какого-либо представителя рода Добрыни, а как народную молву. На это прямо указывают первые же слова рассказа: „О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведущии преж". Далее летописец рассказывает, как Владимир, княживший еще в Новгороде, послал своего воеводу Добрыню к Рогволоду просить руки его дочери Рогнеды. Рогнеда не пожелала выходить замуж за „робичича" — сына Малуши („она же рече: «Не хочю розути робичича»"). Владимир гневается и жалуется Добрыне. Добрыня же, „исполнися ярости", идет походом на Полоцк, берет город приступом, а Рогволода, жену его и дочь уводит в плен. Владимир убивает Рогволода и женится на Рогнеде, назвав ее Гориславой.

Эпизод этот сохранен русским героическим эпосом в былинном сюжете о Добрыне-свате. Но рассказ на этом не прерывается, и дальше сообщается легендарная история ссоры Владимира и Рогнеды, во время которой малолетний сын их Изяслав вступается за мать с мечом в руках.

Приведя это историческое предание о Владимире и Рогнеде-Гориславе, летописец замечает: „И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлим внуком", мотивируя тем самым вставку в летописный текст народного сказания.

Итак, перед нами ясное свидетельство того, что уже в начале XII в. предания о Добрыне, выделившись из родового

предания потомков Свенельда, получили широкое распространение в народе.

Исследователями давно отмечена связь современных былинных сюжетов о Добрыне с летописными известиями о нем же. Отметим некоторые стороны этой связи, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Добрыня и в былинах, и в летописи занимается сбором дани с соседних народов. Как в тмутороканском предании, в котором русские первоначально платили дань хазарам, а затем сами стали ее собирать с них, так и в былинах Добрыня вместо того, чтобы отвезти дань Идолищу, сам собирает ее и привозит Владимиру. Вместе с тем былины подчеркивают родство Добрыни и Владимира, подобно тому как это делает летопись. В былинах Добрыня — „племянник“ Владимира, т. е. его родственник, „соплеменник“ (см. „Толковый словарь“ Даля). Значение этого слова в древнерусском языке также не вызывает сомнений: это родственник, соплеменник.[1]

В русский былевой эпос проникли из родовых преданий Вышаты и Яна Вышатича не только воспоминания о Добрыне. В разное время в нем отразились следы каких-то припоминаний об отце Добрыни — Мистише, его сестре Мальфредь Мистинишне, сыне Константине, брате Яна Вышатича — Путяте, о самом Яне Вышатиче и др.

На исторический прообраз Никиты Залешанина в лице Мистиши Древлянина было указано еще А. А. Шахматовым в „Разысканиях“: „былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском своде: они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. Ввиду этого мы вправе искать в былинах воспоминаний о самом Мистише, которого ждем, между прочим, в виде Никиты. Пред-

---

[1] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. — Наше же значение слова „племянник“ последовательно передается в древней Руси словом „сыновец“.

полагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древлянина;[1] замечательно, что он — богатырь не киевский, поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям, знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей.[2] Мальфредь Мистинишну, или Мстиславну, следует, быть может, видеть в Марфиде Всеславьевне, хотя, повидимому, самый свой образ Марфида заимствует у Запавы Путятичны".[3]

В числе воевод, разбивших в 1106 г. половцев у Заречьска, Ипатьевская летопись упоминает брата Яна Вышатича — киевского тысяцкого Путяту, двор которого был разграблен во время восстания киевлян против Святополка. Это известное в свое время лицо Вс. Миллер считал возможным отожествлять с былинным Путятиным Путятовичем[4] в былине о Даниле Ловчанине,[5] возводить к нему отечество Запавы Путятичны и некоторые отголоски народных сказаний о Добрыне и Путяте в „Истории" Татищева.[6] Якимовская летопись, как известно, делает Путяту сотоварищем Добрыни и современником Владимира I Святославича. Нельзя видеть в этом исторического свидетельства существования какого-то второго Путяты, отличного от Путяты времени Владимира Мономаха, так как сама Якимовская летопись использует народные предания, в которых объеди-

---

1 Ср.: Песни, изд. Киреевским, IV, 46. (Примечание А. А. Шахматова).

2 Например: Песни, изд. Киреевским, IV, 46. (Примечание А. А. Шахматова).

3 Разыскания..., стр. 378.

4 Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. 1910, стр. 28 и сл.

5 Песни, изд. Киреевским, III, стр. 29.

6 Вс. Миллер. Очерки..., стр. 28 и сл. — Необходимо отметить, что время княжения Владимира описано в Якимовской летописи „со многими пирами и веселием" (В. Н. Татищев. История российская, кн. I, ч. I. М., 1768, стр. 38); описание подвергалось, очевидно, значительному влиянию со стороны былин.

нены в единое лицо Владимир Святославич и Владимир Всеволодович Мономах.

Характерно, что Запава Путятична называется иногда племянницей князя Владимира, чем подчеркивается принадлежность обоих к одному роду. С Путятой Вышатичем, братом Яна, связан и другой герой русского эпоса — Казарин, которого Вс. Миллер не без основания отожествляет с летописным воеводой Казариным — сотоварищем Путяты Вышатича и Яна Вышатича по походу на половцев в 1106 г.[1] Их деятельность, во всяком случае, относится к одному времени, и репертуар их сказаний в общем весьма близок, охватывая и Киев, и Тмуторокань.

Итак, наличие в X—XI вв. развитого родового предания настолько сильного, что оно проникало и в летопись и в былевой эпос, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений.

Ряд признаков заставляет предполагать, что эти родовые предания не были единичными. Князья постоянно вспоминали отцов и дедов своих, в широкой степени считаясь с родовыми традициями, с родовою преемственностью, с правами своего рода. Когда, например, в 1097 г. Давыд и Олег Святославичи узнали об ослеплении Василька Теребовльского, оба они „печална быста велми“ и сказали: „Сего не было в роде нашем“.

Еще одним видом устной исторической памяти, отраженной в „Повести временных лет“, была дружинная поэзия.

Дружинная среда, окружавшая русских князей, прочнее всего сохраняла память о военных подвигах прошлого. Она была хранительницей своих дружинных традиций. Именно поэтому Святослав не решается нарушить заветы старины и принять крещение. Святослав говорит своей матери Ольге, предлагавшей ему креститься: „Дружина смеяться начнут“.

„Повесть временных лет“ сохранила нам от дописьменного периода Руси содержание нескольких героических преданий

---

[1] Вс. Миллер. Очерки..., т. II, гл. „К былине о Казарине“, стр. 1—31.

именно этой дружинной поэзии. Их основной темой были смелые походы русских дружин на главный и богатейший центр тогдашней Европы — Константинополь. Необычайно дерзкие походы русских создали особенно благоприятные условия для расцвета героической песни. Отголоски этой дружинной поэзии звучат в летописных рассказах о походах на Царьград Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Они присутствуют в рассказе о том, как Олег повелел своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. С попутным ветром корабли развернули паруса и с поля подошли к Царьграду. Испуганные греки предложили мир и дань. Дружинные песни рассказывали о том, как вещий Олег отказался принять под стенами Царьграда предложенные ему в знак мира яства и вина, которыми греки собирались его отравить. Остатки дружинных песен об Олеге можно видеть в рассказе „Повести временных лет" о щите, который Олег прибил над вратами Царьграда, „показуя победу". Наконец, и предание о смерти Олега от любимого коня через песни перешло в летопись и распространилось по всей северной Европе, в местных преданиях Ладоги и в скандинавских сагах.

Отголосками дружинных песен явились и рассказы летописи о знаменитых пирах Владимира Святославича. Воспоминания об этих пирах, для которых варилось по 300 провар меду, на которых было „множство от мяс, от скота и от зверины", сохранились в современных былинах. Сознание дружиной своей силы и значения отчетливо выражено в летописном описании одного из пиров, составленном летописцем также, очевидно, на основании дружинной песни. Дружина ропщет на князя за то, что ей приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Более всего на свете любя свою дружину, Владимир, согласно этому дружинному преданию, приказал исковать ей серебряные ложки. „Сребромь и златом не имам налести дружины, — говорит Владимир, — а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра".

Особенно рельефна в „Повести временных лет“ созданная на основе дружинных песен характеристика бесстрашного князя Святослава, всю свою недолгую жизнь проведшего в далеких походах. „Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по собе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину на углех испек ядяше, ни шатра имяше, но подъклад постлав и седло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя: «Хочю на вы ити»“. Когда побежденные им греки, желая испытать его, прислали ему многочисленные дары — золото и знаменитые византийские паволоки, Святослав не взглянул на них, приказав отрокам спрятать принесенное. Когда же греки принесли Святославу меч и иное оружие, Святослав принял их в свои руки, ласкал, хвалил и просил приветствовать византийского царя, пославшего ему их. Греческие послы ужаснулись воинственности Святослава и, вернувшись к своим, сказали: „Лют се мужь хочеть быти, яко именья не брежеть, а оружье емлеть. Имися по дань“. И послал царь своих послов к Святославу, говоря: „Не ходи к граду, возми дань еже хощеши“.

Сходный рассказ, подчеркивающий воинственность русских, передает летописец и о полянах. Когда хазары обложили полян данью, поляне выплатили ее оружием: по мечу от дыма. Хазары отнесли эту дань своему князю, и старцы хазарские ужаснулись воинственности русских: „Не добра дань, княже! Мы ся доискахомь оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сих оружье обоюдуостро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах“.

Таким образом, дружинная поэзия дописьменной Руси была поэзией высокого патриотического пафоса. Именно это делало поэзию дружинников одновременно поэзией народной. Дружина русских князей была дружиной р у с с к о й по своему патриотическому сознанию.

Можно было бы привести еще и другие формы исторического эпоса, послужившего основой создания „Повести вре-

менных лет“, например: своеобразные сказы, обладавшие диалогической формой.[1] Нет нужды стремиться исчерпать все формы устной исторической памяти народа. Необходимо подчеркнуть, однако, что летопись пользовалась устной народной исторической памятью не только как историческим источником. „Повесть временных лет“ во многом черпала отсюда же свои идеи, самое освещение прошлого Русской земли.

В самом деле, уже из того, что было приведено выше, ясно, что народная память об исторических событиях и исторических лицах не была безразличной и „механичной“. Факты русской истории не преподносились в историческом эпосе „россыпью“, вне их взаимной связи друг с другом. Воспоминания о событиях русской истории в русском народе носили героический характер и были связаны общим, единым представлением о славном начале русской истории.

Замечательные слова об исторических знаниях древней Руси находим мы у Кирилла Туровского (русского писателя XII в.). Кирилл различает два типа хранителей исторической памяти — летописцев и песнотворцев, следовательно творцов истории письменной и творцов истории устной, но у обоих находит одну и ту же цель их деятельности как историков: прославление героев и, по преимуществу, их военных подвигов. Кирилл предлагает прославлять „героев“ церковных так же, как воспевает народ своих героев светских: „яко же историци и ветиа, рекше летописци и песнотворци, приклоняють своа слухы в бывшая между царей рати и ополчениа, да украсять словесы слышащая и възвеличать крепко (храбровавшая и) мужествовавшая по своемь цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчають; колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити и храбрымъ и великымь воеводам божиимь“.[2]

---

[1] См. о них: Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 132—143 („Диалог в летописи“).

[2] Слово на собор святых отец. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 167.

В летописи мы находим многочисленные свидетельства существования в самом народе живых представлений о героическом прошлом Русской земли.

В 1097 г. киевляне послали ко Владимиру Мономаху со словами: „Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскей земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“.

Исторические события больше чем через столетие могли вспоминаться народом с такими деталями, которые свидетельствуют о наличии подобных устных сказаний или песен о них. Так, например, перед Липицкой битвой 1216 г. новгородцы говорили Мстиславу Мстиславичу Удалому: „Къняже! Не хочем измерети на коних, нъ яко отчи (отцы) наши билися на Кулачьской пеши“.[1]

Битва на реке Кулачьце или Колакше произошла в 1096 г.— за 120 лет до Липицкой битвы. Перед тем как вступить в сражение на Колакше, новгородцы сошли с коней и затем выступили против Олега Святославича в пешем строю. Следовательно, в Новгороде в течение 120 лет народная память удерживала такую, казалось бы, мелкую деталь Колакшской битвы. Почему-то она привлекла внимание в начале XII в. и составителя „Повести временных лет“, записавшего о ней: „Мстислав же перешед пожар с новгородци, и сседоша с коней новгородци, и сступишася на Кулачьце“. Думается, что народная память не случайно удержала эту живую подробность. В ней отразилась удаль новгородцев и, следовательно, героическое прошлое Новгорода.

Этот особый характер народной памяти, отмечавшей прежде всего все героическое в прошлом, придал и первой русской

---

[1] Новгородская первая летопись по Синодальному списку, СПб., 18 8, под 1216 г., стр. 202—203.

летописи оттенок героичности и эпичности. Начало русской истории было для летописца напоено героизмом. Хвала и прославление отчетливо дают себя чувствовать в изображении первых русских князей — Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира. Напротив того, обращаясь к князьям — своим современникам, — летописец уже не воздает им хвалы, — он нередко противопоставляет им прежних князей. Тем самым героическое отношение к прошлому превращается под пером летописца в поучительное по отношению к современности.

Это героическое и учительное, одновременно, значение русской истории прямо подчеркнуто, и в тех же выражениях, что и у киевлян в 1097 г., в предисловии к Начальному своду, предшествовавшему „Повести временных лет“ (см. о нем ниже, стр. 54 и сл.): „Вас молю, стадо христово: с любовию приклоните ушеса ваша разумно! Како быша древнии князи и мужи их. И како отбараняху Руския земля и иныя страны приимаху под ся: тии бо князи не сбирааху многа имения ни творимых вир, ни продажь въскладааху на люди. Но оже будяаше правая вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая. А дружина его кормяахуся, воюючи иныя страны, бьющеся: «Братие! Потягнем по своемь князи и по Руской земли». Не жадаху: «Мало мне, княже, 200 гривен!». Не кладяаху на свои жены золотых обручей, но хожааху жены их в сребре. И расплодили были землю Рускую . . .“.

Так из устной, народной истории Русской земли летопись заимствует не только факты, но и освещение этих фактов, заимствует общее представление о русской истории, ставя эти представления на службу политическим задачам современности.

Впоследствии мы увидим, что летопись пошла дальше этих устных представлений о русской истории. Летопись отмечала не только „славные“, героические события русской истории. Летопись не только фиксировала события прошлого, выбирая из этого прошлого все примечательное, занимательно-героическое, — она рассказывала о д в и ж е н и и исторических событий, о начале Русской земли, племен, городов, языка, письмен-

ности, княжеского рода, поднимаясь тем самым над устным народным историческим эпосом X—XI вв., на новую высшую ступень исторического сознания.

Но летопись описывала не только события отдаленного прошлого. Летописец заносил в свою летопись и события еще не остывшего настоящего, отражая в своих записях не только размышления историка, но и впечатления современника. Чем дальше, тем больше летописец становился историком своего настоящего, передавая в летописи общественное мнение своей среды.

Его политических воззрений мы коснемся ниже, сейчас же отметим, что XI—XII в вв. жило историческое отношение не только к событиям прошлого, но и к событиям современности. И это историческое отношение не было достоянием одних летописцев. Можно смело сказать, что вся деятельность русских князей и русских воинов проходила в обстановке общественных и исторических откликов на нее современников и потомков. Князья постоянно считаются с тем, как на их деятельность взглянут современники и потомки, как будут оценены их поступки. Князья стремятся „поревновать“ своим отцам и дедам, „добрые славы добыти“, ищут себе „чести и славы“.

Существенное значение для летописи имеют при этом самые представления о том, что считалось в самой действительности достойным этой „чести“ и „славы“. „Ищут славы“ и достойны ее в глазах современников по преимуществу ратники, воины. „Славу“ поют князьям по возвращении из победоносных походов. Тогда народ выходит навстречу князьям и поет славу им перед воротами города. „Славы“ не „ищут“ лица духовные, представители церкви, ее и не поют им, но наряду с князьями ее могут получить и рядовые ратники.[1]

---

[1] Так, например, при осаде Судомира татарами волынский летописец отмечает подвиг простого воина („не боярин, ни доброго роду, но прост сый человек“) и его подвиг называет достойным памяти: „створи дело памяти достойно“ (Ипатьевская летопись под 1261 г.). Под 1282 г. в той же Ипатьевской летописи отмечен подвиг сына боярского Раха. И снова говорится: „створиста дело достойно памяти“ (Ипатьевская летопись под 1282 г.). О смерти

Вот почему летопись до краев наполнена звоном военной славы. Эта военная слава отражена в летописи по преимуществу на основании народного эпоса — возможно, тех самых „прославлений", которые пелись князьям при их возвращении из победоносного похода (как Александру Невскому, Даниилу Галицкому и др.), при поставлении на стол (как Всеславу Полоцкому в 1068 г.) или на пирах.

Важно при этом отметить, что „ареал" этой славы не мыслится замкнутым только в пределах Русской земли. Слава князя — не его личная слава, но также и слава всей Русской земли, если только деятельность князя направлена на пользу Русской земле. Эта патриотическая точка зрения, с которой рассматриваются героические подвиги князей, свидетельствует и о высоком историческом сознании.

О славе русских князей говорит митрополит Иларион в своем „Слове о законе и благодати": „не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, — обращается Иларион к Владимиру, — но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земля".[1]

О той же всесветной славе говорят и летописцы под разными годами. Под 1111 г. в Ипатьевской летописи говорится о возвращении Владимира Мономаха из победоносного похода на Дон: „възъвратишася русьстии князи в свояси с славою великою к своим людем; и ко всим странам далним рекуще к Греком и Угром, и Ляхом, и Чехом, донде же и до Рима проиде на славу богу, всегда и ныня и присно во веки, аминь".

Эта же всесветная слава Мономаха вспоминается и в его некрологической характеристике, помещенной в Лаврентьевской летописи под 1125 г. Умер Мономах, говорится там, — „прослувый в победах, его имене трепетаху все страны и по всем землям изыде слух его".

этого Раха и некоего Прусина летописец пишет: „Сии же умроста мужественемь сердцемь, оставлеша по собе славу последнему веку" (там же).

[1] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, вып. 1, СПб., 1894, стр. 69. (В дальнейшем цитируется: Памятники . . .).

О той же мировой славе русских побед говорит и „Житие“ Александра Невского: „И оттоле прослыся имя святаго во всех странах латынских и до моря Хупужьского и гор Араратских и обону страну моря Варяжскаго, даже и до самаго того Великаго Рима“.[1]

Нельзя думать, что перед нами бессознательный трафарет исторической литературы (в „Слове“ Илариона, в летописи, в „Житии“ Александра Невского). Об этой всесветной русской чести и славе говорят князья дружине и князья между собой. Это понятие было не только в литературе — оно было в самой жизни и именно из жизни, из действительности проникло и в летопись, и в „Слово“ Илариона, и в „Житие“ Александра Невского, и в „Слово о погибели“ и многие другие произведения русской литературы.

В 1152 г. Изяслав Мстиславич говорил своей дружине: „Братья и дружино! Бог всегда Рускы земле и руских сынов в безчестьи не положил есть; на всих местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому еси, у сих землях и перед чюжими языкы (народами, — *Д. Л.*) дай ны бог честь свою взяти“ (Ипатьевская летопись). Под 1170 г. Мстиславу Изяславичу говорили его братья: „Тако буди, то есть нам на честь и всее Рускей земли“. Эти слова не придуманы летописцем. Летописцы относительно точно передавали в своих летописях действительно произнесенные речи. Следовательно, в самой жизни было отчетливое представление о славе и чести Русской земли среди других стран мира. Именно поэтому в народном сознании сильнее закрепились походы русских на столицу тогдашнего культурного мира — Константинополь, чем походы на емь или на хазар.

„Повесть временных лет“ с ее всемирно-историческим введением, с ее широким стремлением обосновать место русского народа среди других народов мира, с ее особым вниманием к героическому, к военным подвигам, к славе русского оружия

---

[1] В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 42.

вводит нас в атмосферу эпического народно-песенного отношения к русской истории. Перед нами в „Повести временных лет“ в значительной мере эпическое, поэтическое отношение к родной истории. Вот почему „Повесть временных лет“ — это не только произведение русской исторической мысли, но и русской исторической поэзии. Поэзия и история находятся в ней в неразрывном единстве. Перед нами произведение литературное и памятник исторической мысли.

Однако, как мы увидим в дальнейшем, летописец выходит за пределы эпического сознания. Наряду с военной славой он отмечает мудрое управление князей, расширение ими границ Русской земли, широко оценивает всю государственную деятельность князей — вплоть до насаждения книжности и строительства зданий, — в песнях не закреплявшуюся. С другой стороны, летопись поднимается до критического отношения к деятельности князей.

Летописец взял лучшие стороны народно-поэтического отношения к русской истории, но присоединил к нему, как увидим ниже, и первые проблески критического отношения к своим источникам, первые проблески восприятия истории как связного причинно-следственного ряда, оценивал события с классовых позиций.

*

Тем же устным источникам „Повесть временных лет“ обязана и своим великолепным, сжатым и выразительным языком.

Необычайно быстрый рост русской литературы XI—XII вв. находится, прежде всего, в связи с тем высоким уровнем русского устного языка, на котором застает его появление и широкое распространение русской письменности. Русский язык оказался способным выразить все тонкости отвлеченной богословской мысли, воплотить в себе изощренное ораторское искусство церковных проповедников, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. И это произошло потому, что созданию

письменного литературного языка предшествовал устный литературный язык, язык „устной литературы“, содержание которой не покрывалось одним только фольклором.

В основе большинства лучших произведений русской литературы XI—XII вв. лежат произведения литературы устной. Легенды Киево-печерского патерика рассказывались десятки лет, передавались из поколения в поколение, прежде чем были собраны в письменный свод — патерик. Житие Бориса и Глеба составлено на основании устных рассказов об их гибели. Следы высокой культуры именно устной речи явственно ощутимы и в „Слове о полку Игореве“. Так же точно и в „Повести временных лет“, прежде чем быть записанными, сказания о Вещем Олеге, о походах русских на Константинополь, северночерноморские легенды, сказания о премудрой Ольге и т. п. рассказывались или пелись. Почти всякое известие летописи, прежде чем быть записанным летописцем, было им услышано, отложилось в устной речи прежде, чем в письменной.

Но особенное значение для развития языка летописи имела устная речь, выдержанная в традициях самобытного русского ораторского искусства: речи, произносившиеся князьями перед битвами, речи, передававшиеся устно через послов, речи, произносившиеся на вечевых собраниях, на судах, на пиршествах, на княжеских снемах и т. д. Не подлежит сомнению, что общественные формы древнерусской жизни XI—XII вв. давали возможности развития этого ораторского искусства даже в большей степени, чем в XIV—XVII вв., когда ряд форм этого ораторского искусства отпал совершенно.

В самом деле, те великолепные по своему лаконизму, образности, энергии и свободе выражения речи, которыми русские князья перед битвами „подавали дерзость“ своим воинам, не выдуманы летописцами: они отражают общую высокую культуру воинских речей, существовавшую на Руси независимо от всякой письменности. Вот, например, известные речи князя Святослава Игоревича к своим дружинникам: „Уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино!“ („Повесть времен-

ных лет“, 971 г.); „Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имам...“ и т. д. (там же). Эти речи Святослава в известной мере связаны со всей традицией русского воинского ораторского искусства. „Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною“, — говорит Вышата своей дружине („Повесть временных лет“, 1043 г.). „Потягнете, уже нам не лзе камо ся дети“, — говорит Святослав Ярославович перед битвой с половцами („Повесть временных лет“, 1068 г.). „Да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Рускую землю“, — говорит Василько Теребовльский („Повесть временных лет“, 1097 г.). С такими же речами обращается к своей дружине и герой „Слова о полку Игореве“ Игорь Святославич Новгород-Северский перед битвой с половцами: „Братья! Сего есмы искале, а потягнем“ (Ипатьевская летопись, 1185 г.) или: „Оже побегнемь, утечемь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех сих выдавше пойдемь; но или умрем, или живи будем на едином месте“ (там же).

Все эти речи свидетельствуют о высокой культуре устной воинской речи. В них чувствуется и княжеская ласка к дружинникам в названии их „братьями“, и отчетливое представление о воинской чести и чести родины, и мудрость воина. Поражают они и стройностью и исключительным лаконизмом выражения.

Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались и речи, произносившиеся на вечевых собраниях. Несомненно, что вече выработало свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко запоминавшейся формуле. Образность и пословичность отличает эти вечевые обращения. В ответ на зов Мстислава Мстиславича пойти на Киев против Всеволода Чермного новгородское вече отвечало ему: „Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вржем“ (Новгородская первая, Синодальный список, 1214 г.). Так же энергична и речь посадника

Твердислава на новгородском вече: „Даже буду виноват, да буду мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, господи“ (Новгородская первая, Синодальный список, 1218 г.).

Летопись донесла до нас много речей, произносившихся послами. По самому своему содержанию эти речи послов были гораздо более разнообразны и сложны, чем речи воинские и даже вечевые. В них меньше традиционных формул, шаблонных оборотов. Вместе с тем они легко заимствуют отдельные формулы из практики иной устной речи — вечевой, воинской, даже разговорной. Однако чем сложнее были задачи, ставившиеся дипломатическому языку, тем более блестяще они разрешались.

Прежде всего поражает своеобразный образный лаконизм посольских речей: „Аз уже бородат, а ты ся еси родил“, — вспоминает Вячеслав Киевский речи, переданные им через послов Изяславу Мстиславичу (Ипатьевская летопись, 1151 г.). „Оже есте мой Городець пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу“, — говорит Юрий Долгорукий через послов Святославу Ольговичу (Ипатьевская летопись, 1152 г.). Юрий Всеволодович следующим образом формулировал свое требование, переданное через новгородских послов: „Выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниця, Вячка, Иванца, Радка; не выдадите ли, а я поил есмь коней Тьхверью, а еще Волховомь напою“ (Новгородская первая, Синодальный список, 1224 г.). Не менее выразителен и лаконичен ответ Ярослава Всѐволодовича новгородским послам: „Мира не хочем, а мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо“ (Новгородская первая, Синодальный список, 1216 г.).

Особенное значение в посольских речах имела всегда выразительная антитеза: „Да аще вам любо, да седита, аще ли ни, — да пусти Василка семо“ („Повесть временных лет“, 1100 г.); „А поиди, а мы с тобою, не идеши ли, а мы есмь в хрестьном целовании правы“ (Ипатьевская летопись, 1148 г.); „Годно ти ся с ним (Юрием) умирити — умиришася, пакы ли а рать

зачнеши с ним" (Ипатьевская летопись, 1154 г.); „Аще ты ратен — си ратни же, аще ты мирен, а си мирни же" (Лаврентьевская летопись, 1186 г.) и т. д.

Повидимому, яркой выразительностью отличались и речи, произносившиеся на пирах и тризнах. Пиры были широко распространены в быту княжеском, церковном, купеческом и крестьянском. О погребальных тризнах упоминают Ибн-Фадлан и русская летопись в рассказе о третьей мести княгини Ольги древлянам. О полуязыческих трапезах роду и рожаницам упоминают списки тех исповедальных вопросов, которые священники обязаны были задавать на духу. Сохранилось немало свидетельств и о мирских братчинах городских и сельских общин. Наконец, летопись донесла до нас многочисленные свидетельства о пирах князей с их широким гостеприимством. Они устраивались и по поводу вокняжения нового князя, и по поводу построения новой церкви или монастырской стены, и по поводу военных побед, и при дипломатических свиданиях русских князей. На пирах этих произносились похвальные речи, провозглашались здравицы, произносились поучения „духовным отцом" за четвертой чашей. „Слово о богатом и убогом" говорит, что на пирах этих выступали „ласковьци, шьпилеве, праздьнословьцы, смехословьцы". Следов этого пиршественного ораторства до нас почти не дошло, но о наличии его выразительно свидетельствует надпись на „круговой" серебряной чаре Владимира Давыдовича (1139—1151 гг.): „А се чара кня(зя) Володимирова Давыдовича, кто из нее пь(ет), тому на здоровья, а хваля бога своего и осподаря великого кня(зя)". Отзвуком такой хвалы князьям, может быть, является заключительная здравица в „Слове о полку Игореве": „Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дру-

жина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!“.

Слава князьям провозглашалась не только на пирах. Ее пели победителю на улице или избранному князю на княжом дворе. Так было в 1068 г., когда киевляне, освободив Всеслава из поруба, „прославиша и́ (его) среде двора къняжа“ („Повесть временных лет“). Так было в 1242 г., когда псковичи встречали Александра Невского при возвращении с Ледового побоища, „поюще песнь и славу государю, великому князю Александру Ярославичю“ (житие Александра Невского в псковской редакции). Так было в 1251 г. при возвращении из победоносного похода Даниила Галицкого и его брата Василька: „и песнь славну пояху има, богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великого Романа...“ (Ипатьевская летопись).

Культура устной речи отчетливо дает себя чувствовать и в тех речах, которые произносились при погребении князей. Можно привести много других случаев, в которых сама действительность настойчиво требовала высокой культуры устной речи. Вспомним речи, произносившиеся при клятвенных заверениях на кресте (например крестоцеловальные речи на Любечском съезде 1097 г.), речи на княжеских снемах, в заседаниях совета господ в Новгороде, при судопроизводстве и т. п.

Вся эта высокая культура „устной литературной речи“ („литературной“, — так как приподнятое ораторское слово нельзя признать речью просто „разговорной“) отразилась в „Повести временных лет“ прямо и косвенно: прямо, — когда летописец, занося в свою летопись действительно произнесенные слова, сохранял в своем изложении выражения подлинные, косвенно, — когда летописец для описания явлений исторической действительности прибегал к тем выработанным формулам, терминам, художественным образам, которые он усвоил себе в большей мере слухом, чем глазом.

Широкое отражение получила в летописи и специальная терминология: военная, феодальная, юридическая, охотничья

(особенно в „Поучении Мономаха“) и т. д. В основе многих из терминов лежала яркая образность, выработанная народом: „взять град копьем“ — взять город приступом („Повесть временных лет“, 971 г.), „всесть на конь“ — выступить в поход („Повесть временных лет“, 968 г.), „утереть пот“ — вернуться домой с победою („Повесть временных лет“, 1019 г.), „взломить полк“ — разбить боевой порядок полка („Повесть временных лет“, 1093 г.), „есть хлеб деден“ — княжить в своей отчине и дедине, „показать путь“ — прогнать от себя кого-либо („Повесть временных лет“, 1073 г.) и т. д., и т. п. Пользуется летописец и поговорками: „погибоша аки обре“ („Повесть временных лет“ введение), „аще ся въвадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьють его“ („Повесть временных лет“, 945 г.), „беда аки в Родне“ („Повесть временных лет“, 980 г.) и др. Итак, язык летописи и, в частности „Повести временных лет“ в значительной степени зависит от языка устного. Отражая действительность, летопись отражает и язык этой действительности, передает речи, которые были на самом деле произнесены. В первую очередь это влияние устного языка сказывается в прямой речи летописей, но и речь косвенная, повествование, ведущееся от лица самого летописца, в немалой степени зависит от живого устного языка своего времени — прежде всего в терминологии — военной, охотничьей, феодальной, юридической и т. д.

Таковы были те устные основы, на которых зиждилось своеобразие „Повести временных лет“ как памятника русской исторической мысли, русской литературы и русского языка.

Теперь нам надлежит рассмотреть письменные основы „Повести временных лет“ — ее корни в русской письменности XI—начала XII вв.

„Повесть временных лет“ стоит на грани двух общественных укладов — уже ушедшего патриархально-общинного и нового, феодального, двух исторических сознаний — эпического и летописного; она же стоит на грани двух литератур — устной и письменной, будучи, по существу, произведением пись-

менным, отражая в основном сознание начально-историческое и принадлежа эпохе феодализма. Из прошлого „Повесть временных лет“ сохраняет лишь лучшее, творчески перерабатывая его в произведение нового времени. На основе устной традиции своего времени „Повесть временных лет“ создает письменный литературный язык, письменную историю Руси.

2

Мы рассмотрели выше устные основы „Повести временных лет“, — они многообразны, в них главные источники ее высоких достоинств. Тем не менее „Повесть временных лет“ — произведение письменное, при этом обладающее всеми особенностями именно письменного произведения средневековья.

Устные истоки давали главным образом материал, содержание и идеи для построения русской истории, отчасти ее стилистическое оформление, язык. Традиции же письменности вводили весь этот материал в привычные для средневековой книжности композиционные рамки. Летописцы работали обычными приемами средневековых книжников. В „Повести временных лет“ сказались навыки обращения с материалом, типичные для средневековых писателей и совсем не похожие на писательские навыки нового времени.

Средневековая русская книга внешне, своим составом резко отличалась от книг нового времени XVIII—XX вв. В средневековой письменности редко можно было найти произведение одного автора, или одно произведение, переплетенное в отдельный переплет, выделенное в отдельную самостоятельную книгу. Нельзя представить себе, что на книжной полке средневекового любителя чтения стояли рядом в отдельных переплетах „Слово о полку Игореве“, „Моление Даниила Заточника“, „Поучение Мономаха“ и т. д. Средневековая русская книга — пергаменная первоначально, а с конца XIV в. бумажная, крытая деревянными крышками, обтянутыми кожей, застегивавшаяся на медные застежки, многолистная и тяжелая — была чаще всего сборником.

Конечно, книги церковные, богослужебные, богословско-переводные не были сборниками. В сборники по преимуществу собирались произведения, предназначавшиеся для личного чтения. В своем составе сборники отражали вкусы читателей, их выбор, их интересы. Читатель и переписчик (а эти две категории книголюбцев древней Руси были гораздо более едины, чем в новое время), предоставленные своим собственным интересам, как только они чувствовали себя более или менее свободными от опеки церкви, переписывали, переделывали и соединяли в сборники особенно понравившиеся им произведения. Читатель становился соавтором, соавтор же был и „делателем книги“ — ее переписчиком. Средневековье не знало „авторского права“, авторской собственности в нашем смысле этого слова. Над автором господствовал читатель — он же, подчас, и переписчик книги. Читательские требования этого переписчика книги были сильнее всякого авторского права. Если только автор не был церковным авторитетом, „отцом церкви“, — с его правами не считались, его имя часто не упоминалось, его произведение переделывалось в переписке. Читатель превращался в соредактора, а подчас и в соавтора. Отсюда постоянные добавления, наращения вставками и переделки произведений; отсюда множественность редакций и изводов одного и того же сочинения.

Вот почему исторические произведения древней Руси в большинстве случаев дошли до нас отнюдь не в едином и цельном авторском тексте: одна и та же летопись или один и тот же хронограф сохранились в различных редакциях и различных изводах. Больше того: очень часто „автор“ в современном смысле этого слова в средневековых исторических сочинениях отсутствует. И в летописи, и в хронографах, а нередко и в повестях, житиях, патериках перед нами предстает своеобразный, „коллективный автор“, многоразличный, социально неоднородный, принадлежащий сразу нескольким столетиям, а иногда даже и нескольким национальностям (если мы имеем дело с русскими переделками переводных произведений). Было бы недопустимой модернизацией рассматривать тексты лето-

писей (в том числе и „Повести временных лет“) как тексты единые, принадлежащие единому автору. Попытки восстановить первоначальный „авторский“ текст „Повести временных лет“ (А. Шлецер) или найти единого автора для летописи Киевской XII в. (Татищев, Шлецер, Миллер) и Новгородской XI в. (Татищев, Миллер) давно оставлены наукой.

В самом деле, еще П. М. Строев обратил внимание на то, что летописи представляют собой своеобразные сборники разновременных и разнородных произведений — „своды“ предшествующего материала и нового текста.[1] Это понятие „свода“ было впоследствии конкретизировано и уточнено в применении к летописи в работах М. П. Погодина,[2] И. И. Срезневского,[3] И. Д. Беляева,[4] К. Н. Бестужева-Рюмина[5] и в особенности в многочисленных работах А. А. Шахматова, обратившего внимание на то, что создание этих сводов отнюдь не может рассматриваться как дело случая, что в основе их создания лежит не механический подбор случайного материала, а сознательная воля их составителя.

Действительно, внимательное и тщательное изучение многочисленных текстов русских летописей, то схожих, то различных между собой в отдельных частях и в целом, вариирующих известия, сокращающих друг друга или расширяющих известие других, показывает, что все эти сложные взаимоотношения летописей получились в результате того, что летописцы составляли свои летописи как сборники, „своды“ предшествующих летописных материалов с присоединением своих записей за

---

1 Взгляд этот высказан П. М. Строевым в предисловии к изданию „Софийского временника“ (СПб., 1820).

2 Главным образом в его „Исследованиях, замечаниях и лекциях“ (М., 1846—1854).

3 Исследование о летописях новгородских. Изв. 2-го отдел. Академии Наук, т. II, 1853, и др.

4 Русские летописи по Лаврентьевскому списку. Временник Общества истор. и древн. росс., II, 1849; О разных видах русских летописей. Там же, V, 1850.

5 О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

последние годы. Именно в результате такого рода соединений в летописях предшествующих летописных материалов получается так, что та или иная летопись дважды, а иногда и трижды говорит об одном и том же событии: соединяя несколько предшествующих летописей в одну, летописец мог не заметить, что он повторил свой рассказ, „дублировал“ известие на основании нескольких источников.

„Сводный“ характер русских летописей не только выясняется путем внимательного и кропотливого сличения списков, позволяющих выяснить, из каких источников составилась та или иная летопись, но иногда прямо заявлен и самим летописцем. В Новгородской пятой летописи под 1405 г. летописец перешел к другому источнику, отметив заимствование словами: „А се с другого старого“.[1] Составитель Синодального списка Псковской летописи в первых же строках ссылается на какую-то „книгу сию“.[2] Ссылка на „старые летописцы“ имеется в летописи Авраамки под 1421 г.[3] В Софийской первой летописи имеются на полях отсылки к „киевскому летописцу“.[4] Свои источники указывает и составитель свода тверского князя Бориса Александровича.[5]

Этим характером „сводов“ обладают не одни только русские летописи, но и другие исторические произведения древней Руси. Такими же сводами, как и летопись, являются и хронографы (Еллинские летописцы всех видов, Русские Хронографы всех редакций, палеи — хронографическая, толковая, историческая), патерики, жития. В своды же иногда группируются по местному, локальному признаку и многие русские повести исторического характера. Цикл рязанских сказаний об иконе Николы Заразского объединяет в своем составе воинскую повесть о разоре-

---

[1] Полное собр. русск. летописей (ПСРЛ), т. IV, стр. 145, прим. а.

[2] А. Насонов. Из истории псковского летописания. Исторические записки, т. XVIII, 1946, стр. 281.

[3] ПСРЛ, т. XVI, стр. 173.

[4] Там же, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 147—149.

[5] Там же, т. XV, 1863, стр. 465.

нии Рязани Батыем, переработку былины о Евпатии Коловрате, церковную легенду о перенесении иконы Николы из Корсуни, ряд вставных эпизодов XIV—XVI вв., рассказ о чуде от иконы в Коломне, генеалогию „служителей“ этой иконы и др. Отдельные местные своды составляют также муромские повести, новгородские повести, китежские предания и т. д.

Характер сводов, который имеют древнерусские исторические произведения, — особенность не только их формы. Самая форма сводов, в которые облекались древнерусские исторические произведения, была тесно связана с особым историческим сознанием их авторов. Средневековые своды предшествующего исторического материала составлялись прежде всего ради сохранения первоначального их текста как своего рода документа в произведении новом. Средневековый читатель ценил в исторических произведениях прежде всего их документальность. Древнерусский читатель в литературных произведениях искал того, что было „на самом деле“, его интересовал не реализм изображения, а сама реальность, не фабула, а сами события, хотя в оценке и понимании исторических событий он нередко был чужд реализма, принимая за реально бывшее рассказы о чудесах, знамениях, явлениях и т. п. В связи с этим древнерусский историк давал свой новый авторский текст преимущественно о современных ему событиях, о тех, которым он мог быть свидетелем или о которых он мог знать от свидетелей. Мы редко можем указать в древней русской литературе историческое произведение, первоначальный текст которого был бы написан спустя столетие или более после описываемых событий. О более или менее далеком прошлом средневековые авторы не писали новых произведений, предпочитали соединять и перерабатывать старые произведения, составлять своды, сохранять всю старую фактическую основу, ценя в старых произведениях документ, подлинность.

Сколько бы труда ни положил летописец на составление своего летописного свода, личный, авторский текст летописца будет охватывать лишь последнюю часть этого свода. Лето-

писные труды постоянно дополнялись, разрастались новыми записями. История вплоть до XVI в. не имела для русских людей законченных периодов, а всегда продолжалась современностью. Каждый летописец всегда стремился довести летописные записи „до князя нынешнего", до своего времени. И в этих конечных записях летописцев заключен обычно особенно ценный исторический материал: здесь летописец пишет не выдержками из чужих произведений, а своими собственными словами. Вот почему летопись фактически не имеет конца; его конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем. Настоящее как продолжение истории, как живой и вечно продолжающийся итог, — это своеобразное историческое восприятие сказалось также и в самой форме сводов, соединяющих старый, документально ценный материал и продолжающих его новыми записями до современных летописцу событий.

Итак, летопись — это с в о д. Составляя свой свод, летописец прежде всего заботился о том, чтобы получить в свои руки труды своих предшественников — таких же летописцев, затем исторические документы — договоры, послания, завещания князей, исторические повести, жития русских святых и т. д., и т. п. Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в погодном изложении. Летописи он соединял год с годом, стремясь избегнуть повторений, документ помещал под годом, к которому он относился, житие святого — под годом смерти этого святого, историческую повесть, если она охватывала несколько лет, разбивал по годам и каждую часть помещал под своим годом, и т. д. Построение летописного изложения по годам давало ему удобную сеть для разнесения в нее все новых и новых произведений. Работа эта не была механической: летописцу приходилось иногда устранять противоречия, иногда производить сложные хронологические изыскания, чтобы поместить каждое событие под своим годом. Исходя из своих политических представлений, летописец иногда пропускал то или иное известие, делал тенденциозную подборку

этих известий, изредка сопровождал их собственным кратким политическим комментарием, но при этом не сочинял новых известий. Закончив свою работу „сводчика“, летописец дополнял этот материал собственными записями о событиях последних лет.

Составленная из разновременных кусков, из произведений разных жанров, летопись внешне кажется пестрой, сложной, неоднородной. Однако пестрота и сложность дошедших до нас памятников летописания объясняется не только тем, что они представляют собою своды. В научной литературе неоднократно указывалось на стилистические трафареты в русской средневековой письменности („воинские формулы“ — акад. А. С. Орлов,[1] житийные шаблоны — В. О. Ключевский[2]). Эти стилистические трафареты являются проявлениями своеобразного средневекового писательского этикета. О каждом роде фактов приверженный этикету феодального общества средневековый писатель стремится писать в своей, только для этой группы фактов предназначенной манере: о святом — только в житийных штампах (в трафаретных выражениях описываются детство святого, подвиги в пустыне, кончина, предсмертные слова и т. п.); о военных действиях — только в воинских формулах (враг наступает „в силе тяжце“, стрелы летят, „как дождь“, кровь течет „по удолиям“); умершему князю преподносится шаблонная некрологическая похвала, и т. д. Не следует думать, что воинские трафареты применяются только в воинских повестях, житийные шаблоны только в житиях святых, и т. д. Здесь дело не в шаб-

---

[1] Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 4, 1902, стр. 1—50; О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук (ОРЯС АН), т. XIII, кн. 4, 1908, стр. 344—379; Хронограф и „Повесть о казанском царстве“. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Сборник ОРЯС АН, т. CI, № 3, 1928.

[2] Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, особенно стр. 358—438.

лонах жанров, как думали некоторые исследователи древнерусской литературы (А. С. Орлов, В. О. Ключевский), а именно в этикете: каждый род фактов следует описывать в только ему принадлежащей манере, в выражениях, для него предназначенных. Вот почему в житиях святых военные действия изображаются не в житийных выражениях, а в воинских, а в воинских повестях изображение святого подчинено житийным шаблонам. Вот отчего и в летописях применяются все манеры изложения — в зависимости от того, о чем идет речь. И дело здесь заключается опять-таки не только в форме изложения, но и в существе изложения, поскольку все эти стилистические трафареты, весь этот „этикет" писательского ремесла был связан и с идейными представлениями средневековья о святом, о злодее, об идеальном типе князя, о мотивах, по которым враги нападают на Русскую землю, о причинах стихийных бедствий (моровой язвы, засухи и т. д.), изображаемых в своих этикетных выражениях. Как и сводный характер летописей, это „нанизывание" различных типов стилистических трафаретов в одной и той же летописи ведет нас к иному, глубоко отличному от современного представлению и об авторском тексте (единство которого вовсе не было обязательным), и об авторской точке зрения на события.

Летописи — это своды, при этом не только своды предшествующих произведений, не только своды различных трафаретов писательского „этикета", но и своды идей. В них получают свое отражение различные идеологии.

В самом деле, уже давно и бесспорно установлено, что „рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы".[1] Сами летописцы неоднократно заявляют о политической целенаправленности своих летописей. В 1241 г. галицкий князь Даниил приказал своему печатнику Кириллу „исписати грабительство нечестивых бояр", и этот отчет Кирилла соста-

[1] А. А. Шахматов. „Повесть временных лет", т. I. Пгр., 1916, стр. XVI.

вил основную часть княжеской летописи Даниила.[1] В другом случае (1289 г.) князь Мстислав Данилович приказал занести в летопись крамолу жителей Берестья. В сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи начала XV в. под 1392 г., по свидетельству Н. М. Карамзина, читались горькие упреки новгородцам по поводу их непокорности великим князьям московским: „Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставны... кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им? Аще и великий Александр Ярославичь (Невский) не уноровил им“.[2] В качестве доказательства летописец ссылается на московскую летопись: „И аще хощеши распытовати, разгни книгу: Летописец Великий Русьский — и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего“.[3] Действительно, московская летопись полна политическими выпадами против новгородцев, тверичей, суздальцев, рязанцев, так же как и рязанская, тверская, новгородская, нижегородская летописи — против москвичей. В летописи мы встретим гневные обличения боярства (в галицкой, владимирской, московской), многословные выступления против демократических низов (в новгородской), защиту „черных людей“ от „житьих людей“ и боярства (в некоторых псковских), антикняжеские выпады боярства (в летописи новгородской XII в.), защиту основ великокняжеского „единодержавия“ (в летописи владимирской XII в., в летописи тверской середины XV в. и в московской конца XV—XVI вв.) и т. д. О чисто „мирских“ — политических — задачах, которые ставили перед собой летописцы, говорят и предисловия к летописям. Составитель „Летописца княжения тферского благоверных великых князей тферьскых“ (свод тверского князя Бориса Александровича) пишет в предисловии к своему труду, что он выполнил его по повелению „благочестия дръжателя“ князя

---

[1] Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. Исторические записки, № 12, 1941, стр. 251 и сл.

[2] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, прим. 148.

[3] Там же.

Бориса Александровича, что труд свой он посвящает прославлению „чести премудраго Михаила, боголюбиваго князя“, т. е. Михаила Александровича тверского.

Однако многие из исследователей летописей, и в первую очередь акад. А. А. Шахматов, рассматривали „идеологическую“ сторону летописи только в связи с политическими концепциями того или иного феодального центра, где составлялась летопись. С точки зрения А. А. Шахматова, летопись отражала политические концепции Киева, Владимира, Новгорода, впоследствии Москвы, Твери, Нижнего и т. д. Иногда внутри феодального центра различались точки зрения княжеская и епископская, митрополичья, — и только. Для А. А. Шахматова не существовало глубоких сдвигов в общественном сознании, классовой борьбы. Политическая точка зрения летописца, по представлениям А. А. Шахматова, была прежде всего местной, областной, и это, в известной мере, вело к затушевыванию отражения классовой борьбы в летописях.

Между тем, в летописи отражена не только идеология тех или иных феодальных центров, но и идеология классовая. Мы видели выше, что в „Повести временных лет“ отражены рассказы старых дружинников — Вышаты Остромирича и Яна Вышатича. Вместе с ними в „Повесть временных лет“ проникли элементы дружинной идеологии. Эта дружинная идеология сказывается не только в рассказах Вышаты и Яна. Так, например, под 1075 г. в рассказе о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. „Се ни в что же есть, се бо лежить мертво, — говорят послы о богатствах Святослава. — Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищуть и болше сего“. В сходных выражениях говорит в летописи и Владимир Святославич, когда до него дошел ропот его дружины: „Сребромь и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра“ (в „Повести временных лет“ под 996 г.). Особенно ярко противопоставление дружины богатству ощущается и в рассказе „Повести временных лет“ под

971 г. о дарах Цимисхия Святославу: Святослав и не взглянул на золото и паволоки, а оружие взял и приветствовал. То же противопоставление заметно и в рассказе под 1073 г. о бегстве Изяслава в Польшу „со именьем многым“, о котором Изяслав, обманываясь, думал: „Симь налезу вои“. Наконец, то же противопоставление золота дружине звучит и в „Предисловии“ предшествовавшего „Повести временных лет“ Начального свода, и в словах Ярослава Мудрого в Начальном своде, обращенных к своей дружине, под 1016 г.: „Любимая моя и честная дружина, юже высекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите“.

Естественно напрашивается вопрос: как могла проникнуть в монастырскую летопись дружинная точка зрения на политические события своего времени? Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в сводном, компилятивном характере „Повести временных лет“. Летопись — это не только свод предшествующих исторических материалов, не только свод различных стилистических приемов, требуемых „этикетом“ писательского ремесла, но иногда и свод различных идеологий. При этом необходимо отметить, что остроте и целенаправленности политической точки зрения летописца не противоречит его стремление сохранить в своей летописи более или менее сходные точки зрения, — сходные по своей направленности, хотя иногда и различные по исходным позициям. Идеология „старой дружины“ в конце XI в. была направлена против новой политики князей, и она дает себя чувствовать в летописи Киево-печерского монастыря, находившегося в ссоре со Святополком, а впоследствии эти же дружинные упреки князьям через Киево-печерский Начальный свод переносятся в Новгород и здесь используются в совершенно иной социальной среде в целях боярской антикняжеской пропаганды.[1] Для летописца часто не важно, с каких позиций критикуется княжеская власть: ему важна сама критика ее; вот

---

[1] Д. Лихачев. Новгородское летописание XII в. Известия АН СССР, Отделение языка и литературы, 1944, № 3.

почему дружинная аргументация против новой политики князей применяется в антикняжеских целях и в монастыре, и в боярской республике.

То же самое следует сказать не только о политической идеологии летописца, но и о его мировоззрении в целом. Принято говорить о провиденциализме летописца, о его религиозном мировоззрении. Следует, однако, заметить, что летописец отнюдь не отличается последовательностью в этой своей религиозной точке зрения на события. Ход повествования летописца, его конкретные исторические представления очень часто выходят за пределы религиозного мышления и носят чисто прагматический характер. Свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам, он не является для него следствием особенностей его м ы ш л е н и я. Свои религиозные представления летописец во всех их деталях получает извне, от этого они в значительной степени могут расходиться с его личным опытом, с его практической деятельностью как историка. Русская политическая мысль находила себе выражение в тесной связи с реальными отношениями своего времени. Она конкретно опиралась на факты современной истории. Для нее не характерны самостоятельные отвлеченные построения христианской мысли, уводившей летописца от земного мира к отвлеченным вопросам предстоящего разрыва с земным бытием и устроения мира потустороннего. Вот почему, к счастью для исторического знания древней Руси, летописец не так уж часто руководствовался своей философией истории, не подчинял ей целиком своего повествования, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к своему деловитому и в общем довольно реалистическому рассказу о событиях. Важно при этом отметить, что в выборе моментов, по поводу которых летописец находил необходимым пускаться в религиозно-дидактические комментарии, сказывался тот же средневековый „этикет“ писательского ремесла, о котором мы говорили уже выше. Религиозно-дидактические комментарии летописца вызывали всегда одни

и те же явления описываемой им жизни: неурожаи, моры, пожары, опустошения от врагов, внезапная смерть или небесные „знамения“. Итак, момент религиозный, мешающий историческому осмыслению действительности, не пронизывал собою всего летописного изложения.

В этой непоследовательности летописца ценность летописи, так как только благодаря этой непоследовательности в летописное изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма, политическая злободневность — все то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись.

Если летопись — „свод“ предшествующего исторического материала, „свод“ различных стилистических отрывков, „свод“ политических идеологий и если летопись даже не отражает единого, цельного мировоззрения летописца, то почему же все-таки она предстает перед нами как произведение в своем роде цельное и законченное?

Единство летописи, как исторического и литературного произведения, не в заглаженности швов, и не в уничтожении следов кладки, а в цельности и стройности всей большой летописной постройки в целом, в единой мысли, которая оживляет всю композицию. Летопись — произведение монументального искусства, она мозаична. Рассмотренная вблизи, в упор, она производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но окинутая взором в ее целом, она поражает нас строгою продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи, всепроникающим патриотизмом содержания.

Летописец развертывает перед нами картину русской истории — всегда от ее начала, за несколько столетий, не стесняясь размерами своего повествования. Он дает эту картину в противоречиях своего собственного мировоззрения и мировоззрения своих предшественников. Эти противоречия жизненны и закономерны для его эпохи. Его представления о перспективе отличны от наших, но они есть, и они укладываются в рамки его собственной средневековой системы.

Летопись — как произведение стенописи XI—XII вв., где одна человеческая фигура больше, другая — меньше, здания помещены на втором плане и уменьшены до высоты человеческого плеча, горизонт в одном месте выше, в другом — ниже, ближайшие к зрителю предметы уменьшены, отдаленные же увеличены, но в целом вся композиция сделана продуманно и четко: увеличено наиболее важное, уменьшено второстепенное, сверху показано то, что должно быть раскрыто именно сверху (например, стол с лежащими на нем предметами), снизу показано то, что мы обычно видим снизу, каждый предмет взят не со случайной точки зрения, а с той, с которой он может быть показан зрителю лучше всего.

Противоречивой, нецельной и мозаичной летопись будет казаться нам только до той поры, пока мы будем исходить из мысли, что она создана вся от начала до конца одним автором. Такой автор окажется тогда лишенным строгого единства стилистической манеры, мировоззрения, политических взглядов и т. д. Но как только мы станем исходить из мысли, что единого автора летописи не было, что подлинным автором летописи явилась эпоха, ее создавшая, что перед нами не система идей, а динамика идей, — летопись предстанет перед нами в своем подлинном единстве, — единстве, которое определяется не авторской индивидуальностью, а действительностью, жизнью, в единстве, отражающем в себе и все жизненные противоречия. Огромные просторы вечнотекучего содержания летописи окажутся тогда включенными в широкое, но тем не менее властно подчиняющее себе движение летописного текста русло — русло русской действительности.

Как и всякая летопись, „Повесть временных лет“ — свод. В самом деле, в „Повести временных лет“ мы отнюдь не имеем дела с единым авторским текстом, принадлежащим одному автору. Ясно, например, что тексты договоров русских с греками под 907, 912, 945 и 971 гг. не выдуманы летописцем, что это — документы, только включенные летописцем в свою летопись. Совершенно отчетливо выделяются в „Повести временных

лет“ и переводные источники ее исторической осведомленности. Летописцы пользовались как историческими источниками различными переводными сочинениями, делали из них выборки, кропотливо, на основании документов воссоздавая историческое прошлое Руси. Эти переводы дошли до нас полностью; поэтому не трудно установить, откуда, из какого места того или иного сочинения взят летописцем какой-нибудь текст и как он переработан для включения в летопись. Из переводных источников исторических сведений летописца укажем прежде всего Хронику Георгия Амартола („безгрешного“, т. е. монаха) и его не известного нам по имени греческого продолжателя. На эту Хронику ссылается и сам летописец: „Глаголеть Георгий в летописаньи...“. Ссылается летописец и на Хронограф (под 1114 г.), из которого также приводит выдержки в разных местах „Повести временных лет“. Этот Хронограф был, вероятно, однороден по типу русскому Еллинскому и Римскому летописцу, составленному на основании переводных хроник Амартола и Иоанна Малалы. Во всяком случае, выдержки из Хроники Георгия Амартола приводятся в „Повести временных лет“ в ряде мест в том же сочетании с отрывками из Хроники Иоанна Малалы, что и в этом Еллинском и Римском летописце. Пользуется летописец как историческим источником и „Летописцем вскоре“ константинопольского патриарха Никифора, откуда заимствует под 852 г. хронологическую выкладку. Из переводного греческого „Жития“ Василия Нового летописец приводит под 941 г. описание военных действий Игоря под Константинополем. Ссылается летописец и на авторитет „Откровения“ Мефодия епископа Патарского под 1096 г. („Мефодий же свидетельствует о них...“ — о половцах; „яко сказаеть о них Мефодий Патарийскый, глаголя...“). Летописец дает из Мефодия Патарского большие выдержки. Несомненно, что и большое Сказание о начале славянской грамоты под 898 г. также не выдумано летописцем, а приведено им из каких-то западнославянских источников. Труднее определить отдельные русские сказания, вошедшие в состав „Повести временных лет“: о крещении

и смерти Ольги, о первых мучениках-варягах, о крещении Руси с „речью философа“, о Борисе и Глебе и др. Еще более трудно определить те предшествовавшие „Повести временных лет“ летописи, которыми пользовался ее составитель и его предшественники. Каков был состав этих предшествовавших „Повести временных лет“ летописей? Какими из внелетописных исторических источников воспользовался каждый из летописцев, когда были составлены эти летописи? На все эти вопросы ответить нелегко, здесь возможны по большей части лишь предположения — одни более убедительные, другие менее, но ответить на эти вопросы необходимо, так как от этого зависит и степень достоверности приводимых ими сведений.

Пристальное наблюдение текста „Повести“ тотчас же обнаруживает отдельные части, которые не могли быть написаны автором XII в. Летописец XII в. не мог знать, что поражение Всеволода половцами в 1061 г. произошло точно 2 февраля, что Ростислав Тмутороканский умер 3 февраля 1066 г., что в 1065 г. рыбаки выловили в Сетомле неводом урода, что 3 марта 1067 г. произошла битва на Немиге и многое другое.

Кроме того, в „Повести временных лет“ обнаруживаются явные вставки, разрушающие логическое развитие рассказа. Так, например, рассказав о троекратном мщении Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: „и победиша деревляны“. Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о второй победе Ольги — о ее четвертой мести; и только после этого уже следуют слова: „възложиша на ня дань тяжьку“. Ясно, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст.

Или еще пример вставки: в 971 г., видя убыль в своей дружине, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском: „Поиду в Русь, — говорит он, — приведу боле дружины“. И он действительно исполняет свое решение:

„поиде в лодьях к порогом“. Но между рассказом о решении и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Ясно, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Вставки в тексте „Повести временных лет“ были обнаружены различными исследователями.[1] Особое внимание обратил на них А. А. Шахматов. Наличие этих вставок свидетельствует о том, что в основе „Повести временных лет“ лежит летопись, еще более древняя. Очевидно, что составитель „Повести временных лет“ использовал труд своего предшественника летописца, расширив его этими самыми вставками и продолжив изложение событий до своего времени.

Восстановление летописных сводов, предшествовавших „Повести временных лет“, принадлежит к увлекательнейшим страницам филологической науки. Приведем лишь некоторые из соображений, дающих возможность восстановить работу предшественников составителя „Повести временных лет“.

В начале списков первой Новгородской летописи (кроме Новгородской первой по Синодальному списку, где начало рукописи утрачено) читается текст, частично сходный, а частично различный с „Повестью временных лет“. Исследуя этот текст, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в нем сохранились отрывки более древней летописи, чем „Повесть временных лет“. В числе доказательств А. А. Шахматов приводит и отмеченные выше места, где в тексте „Повести временных лет“ обнаруживаются вставки. Так, под 946 г. в Новгородской первой летописи отсутствует рассказ о четвертой мести Ольги и повествование развертывается логически: „и победиша древляны и возложиша на них дань тяжку“, т. е. именно так, как, по предположению А. А. Шахматова, читалось в летописном своде, предшествовавшем „Повести временных лет“ (см. выше).

Так же точно отсутствует в Новгородской первой летописи и договор Святослава с греками, который, как указывалось

[1] Ср., например: А. А. Потебня. К истории звуков русского языка, вып. II, стр. 16.

выше, разорвал фразу: „И рече: «Поиду в Русь и приведу больше дружине»; и поиде в лодьях“.

Мысль, что в числе источников Новгородской первой летописи находился летописный свод более древний, чем „Повесть временных лет“, находит себе подтверждение еще и в следующих соображениях. Новгородская первая летопись не могла явиться простым сокращением „Повести временных лет“. В ней нет ни одной выписки непосредственно из греческой хроники Амартола, ни одного договора с греками и т. д.: так систематически сокращать не могли древние летописцы; да и зачем было летописцу задаться целью опустить в своем труде все выдержки из греческой хроники Амартола, все четыре договора с греками и т. д.?

Но, кроме того, между Новгородской первой летописью и „Повестью временных лет“ замечаются значительные расхождения и по существу. Эти расхождения опять-таки могут быть объяснены только при том предположении, что текст, лежавший в основе Новгородской первой летописи, древнее „Повести временных лет“.

Так, например, в Новгородской первой летописи рассказывается о том, что со смертью Рюрика вступил на княжеский престол его сын Игорь, у которого был воеводою Олег. В „Повести же временных лет“ сказано, что Игорь, после смерти Рюрика, был малолетен и за него правил не воевода, а князь Олег. Такое различие станет нам вполне ясным, если исходить из предположения, что „Повесть временных лет“ составлена позднее начальной части Новгородской первой летописи. Очевидно, что составитель „Повести временных лет“, включая в нее договор 911 г. Олега с греками, обратил внимание на то, что Олег является в нем вполне самостоятельным князем, и соответственно этому перестроил рассказ предшествующей летописи. Если же мы предположим, наоборот, что „Повесть временных лет“ составлена ранее начальной части Новгородской первой и что составитель последней просто сокращал „Повесть временных лет“, то окажется совершенно непонятным, почему,

выбросив договоры с греками, летописец „перевел“ Олега из князей в воеводы.

На основании этих и многих других соображений А. А. Шахматов пришел к выводу, что в основе начальной части Новгородской первой летописи лежит летописный свод более древний, чем „Повесть временных лет“. Летописец, составивший „Повесть временных лет“, расширил его новыми материалами, различными письменными и устными источниками, документами (договорами с греками), выписками из греческих хроник, и довел изложение до своего времени.

Однако свод, предшествовавший „Повести временных лет“, восстанавливается по первой Новгородской летописи лишь частично, например в нем отсутствует изложение событий 1016—1052 гг. и 1074—1093 гг. Пробелы эти восполняются предположительно по самой „Повести временных лет“.

Свод, легший в основу и „Повести временных лет“, и Новгородской первой летописи, А. А. Шахматов назвал „Начальным“, предполагая, что с него именно и началось русское летописание. Шаг за шагом в различных исследованиях А. А. Шахматову удалось восстановить полностью его состав, установить время его составления (1093—1095 гг.) и показать, в какой политической обстановке он возник.

Начальный свод составился под свежим впечатлением страшного половецкого нашествия 1093 г. Описанием этого нашествия он заканчивался, размышлениями о причинах несчастий русского народа он начинался. Во вступлении к Начальному своду летописец писал, что бог казнит Русскую землю за „несытство“ современных князей и дружинников. Им, алчным и своекорыстным, летописец противопоставляет древних князей и дружинников, которые не разоряли народ судебными поборами, сами содержали себя добычей в далеких походах, заботились о славе князей и Русской земли.

Назвав этот свод „Начальным“, А. А. Шахматов не предполагал, что вскоре это название окажется неточным. Дальнейшие исследования А. А. Шахматова показали, что и в со-

ставе Начального свода имеются различные наслоения и вставки. А. А. Шахматову удалось вскрыть в основе Начального свода два еще более древних свода.

Один из главных аргументов, на основании которого доказывается наличие в Начальном своде более древних летописей, извлекается из анализа рассказа Начального свода о крещении князя Владимира.

Начальный свод, а за ним и „Повесть временных лет" рассказывает под 986 г., как к Владимиру пришли представители разных вер и убеждали его принять их веру. Последним выступил греческий „философ", который произнес обширную речь. Он подробно изложил христианское учение, закончив тем, что показал Владимиру „запону" — полотно с изображением страшного суда. Создается впечатление, что летописец подводит читателя к ожидаемому концу — согласию Владимира креститься. Однако на вопрос „философа" о согласии креститься Владимир отвечает несколько неожиданно: „Пожду еще мало, хотя испытати о всех верах". Под следующим 987 г. рассказывается о том, как избранные Владимиром люди объезжают все страны и возвращаются с тем же заключением, что греческая вера лучшая. Но и в этом случае Владимир не крестится, а задает боярам странный вопрос о том, где ему принять крещение. На этот вопрос бояре отвечают уклончиво: „Где ти любо". Под следующим 988 г. в летописи находится рассказ о крещении Владимира в Корсуни: независимо от уговоров „философа", Владимир принимает греческую веру только потому, что византийский император соглашается отдать ему в замужество свою сестру при единственном условии — крещении Владимира.

Создается впечатление, что в летописи слиты два рассказа: в одном из них говорилось о крещении Владимира в Киеве, в результате „испытания вер", а в другом о крещении в Корсуни, как условии женитьбы Владимира на сестре императора, причем последний рассказ был вставлен в первый. И, действительно, следы этой вставки явственно ощутимы в летописи.

Чтобы выяснить характер и происхождение обоих рассказов, А. А. Шахматов обратился к изучению всех житий Владимира, списков церковного устава Владимира и в особенности так называемого „Жития Владимира особого состава“ (в Плигинском сборнике). В результате А. А. Шахматов пришел к выводу, что рассказ о крещении Владимира в Корсуни существовал первоначально в виде особого произведения и что древнейшая летопись, предшествовавшая Начальному своду, рассказывала о том, что Владимир крестился в Киеве, непосредственно вслед за речью „философа“ в 986 г.; поход же на Корсунь был совершен Владимиром уже христианином в 989 г. Именно такая последовательность событий и нашлась в тех кратких извлечениях из какой-то очень древней летописи, которые имеются в „Памяти и похвале князю рускому Володимеру, како крестися . . .“.

Определить время составления этой древней летописи, предшествовавшей Начальному своду, помогает ряд наблюдений. Среди них приведем и такое. Под 977 г. сказано, что Олега Святославича похоронили у города Вручего (современный Овруч) и что могила его есть „и до сего дне у Вручего“. Но в дальнейшем летописец рассказывает, что „кости“ Олега Святославича и его брата Ярополка Святославича были выкопаны в 1044 г. из могил и похоронены в киевской церкви Богородицы („Десятинной“). Отсюда ясно: летописец, писавший о том, что Олег Святославич был похоронен у Вручего, где могила его есть „и до сего дне“, работал до 1044 г.; иначе он оговорил бы такое важное обстоятельство, как отсутствие в могиле погребенного в ней тела Олега.

Обратим внимание на ту обширную запись, которая относится к 1037 г.: под этим годом подробно описана строительная деятельность Ярослава и помещена пространная похвала ему; все же последующие записи 1037—1044 гг. носят характер кратких приписок. Возможно, что древнейший, первый летописный свод заканчивался этой записью 1037 г. с прославлением Ярослава и его деятельности.

Однако между первым летописным сводом и Начальным сводом 1093—1095 гг. можно усмотреть существование еще одного свода, обстоятельства составления которого и сам составитель могут быть выяснены почти с полною достоверностью.

Начиная с 1061 г. в тексте Начального свода появляются точные датировки текущих событий. Летописец не только указывает год того или иного исторического факта, но, кроме года, — месяц и день. Это говорит за то, что события начинают записываться вскоре после их совершения. Замечательно, однако, не это, а то, что записи с точными датировками отмечают первоначально события в Киеве (1061—1063 гг.), затем подробно же сообщают о событиях в далекой Тмуторокани (1064—1066 гг.), оттуда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве.

Принимая во внимание, что после первого летописного свода, заканчивавшегося похвалой Ярославу, летописание прочно утвердилось в Киево-печерском монастыре, следует признать, что такого рода переход летописных записей из Киева в Тмуторокань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в этом монастыре. Из „Жития Феодосия", составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-печерского монастыря Никон, по прозванию „Великий", в начале февраля того самого 1061 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий, бежал в Тмуторокань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмуторокани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на черноморских берегах до февраля 1066 г., т. е. как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмуторокани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем, по поручению жителей Тмуторокани, Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него сына Глеба на тмутороканское княжение. Святослава Никон в Чернигове не

застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого, затем, в 1068 г., водворился в Киеве.

В Киеве Никон прожил до 1073 г., когда он вновь вынужден был покинуть его и вернуться в Тмуторокань. Но летописных записей в Тмуторокани Никон уже не продолжал, очевидно, закончив свою летописную работу на этом, 1073, году.

Таким образом, история древнейшего русского летописания представляется А. А. Шахматову в следующем виде.

В 1037—1039 гг. была составлена первая русская летопись — Древнейший Киевский свод. С начала 60-х годов XI в. игумен Киево-печерского монастыря Никон продолжил ведение летописания и к 1073 г. составил второй летописный свод. В 1093—1095 гг. в том же Киево-печерском монастыре был составлен третий летописный свод, условно называемый Начальным. Наконец, в начале XII в., не сразу, а в несколько приемов, была составлена дошедшая до нас „Повесть временных лет“ (к истории ее создания мы еще вернемся).

Эту схему истории древнейшего летописания, в общем хорошо обоснованную множеством соображений, и следует принять, несмотря на то, что уже после смерти А. А. Шахматова ему были сделаны возражения академиками В. М. Истриным и Н. К. Никольским. Возражения В. М. Истрина и Н. К. Никольского исходили из неполного числа фактов и не принимали в расчет всей аргументации А. А. Шахматова в целом. Между тем, воссоздавая свою картину древнейшего русского летописания, А. А. Шахматов пользовался всеми сохранившимися списками русских летописей, согласовывал свои положения со всей историей русского летописания в целом, с которой она и оказалась самым тесным образом связана.

Но А. А. Шахматов не останавливался на выяснении главнейших факторов истории начального русского летописания. Он стремился к восстановлению самого текста каждого из перечисленных выше сводов. В „Разысканиях о древнейших русских летописных сводах“ (1908 г.) А. А. Шахматов дал восстановленный им текст древнейшего свода в редакции

1073 г., — т. е. текст свода Никона 1073 г., с выделением в нем при помощи особого шрифта тех частей, которые вошли в него из Древнейшего свода 1037—1039 гг. В более позднем своем труде „Повесть временных лет" (т. I, 1916) А. А. Шахматов дал текст „Повести временных лет", в котором крупным шрифтом выделил те части ее, которые восходят к Начальному своду 1093—1095 гг.

Необходимо отметить, что в своей чрезвычайно смелой попытке наглядно представить всю историю русского летописания, восстановить давно утраченные тексты А. А. Шахматов сталкивался с целым рядом вопросов, для решения которых не могло быть подыскано достаточного материала. Поэтому в этой последней части работы А. А. Шахматова — там, где он поневоле должен был решать все вопросы — даже и те, на которые было почти невозможно ответить, — выводы его носили только предположительный и недостаточно обоснованный характер.

Наряду с крупнейшими достоинствами, исследования А. А. Шахматова обладают, однако, существенными недостатками. Эти недостатки — в первую очередь методологического характера. Для своего времени общее понимание А. А. Шахматовым истории русского летописания отличалось прогрессивными чертами. А. А. Шахматов впервые внес в тонкий, но формальный филологический анализ буржуазной филологии исторический подход. Он обратил внимание на политически острый и отнюдь не бесстрастный характер летописей, на их связь с феодальной борьбой своего времени. Только на этих предпосылках А. А. Шахматов смог создать историю летописания. Однако исторический подход А. А. Шахматова был неправилен. А. А. Шахматов связал изучение летописания с исторической наукой и в этом было его громадное достоинство, на этом главным образом зиждился успех его метода, приведший его к целому ряду выдающихся открытий (открытий конкретных летописных списков, конкретных фактов истории летописания). Но А. А. Шахматов связал свой филологический метод с буржуазной исторической наукой, и в этом заключена

его слабость. А. А. Шахматов признавал только политическую борьбу феодальных центров, но он не видел классовой борьбы. В летописи, и в частности в „Повести временных лет“, он открыл, и открыл верно, отражение идеологий отдельных феодальных центров, но не видел и не мог видеть отражения в летописи идеологии классов. Вот почему в дальнейшем (см. раздел 4) мы решительно разойдемся с А. А. Шахматовым в общем главном понимании того, что представляет собою летопись как явление исторического мышления своего времени, и будем вынуждены исправлять общую схему развития русского древнейшего летописания. В особенности это коснется предложенной А. А. Шахматовым картины составления Древнейшего русского летописного свода при Ярославе Мудром.

Следуя А. А. Шахматову, мы должны были бы предположить, что уже первая русская летопись соединила в себе все особенности русского летописания: манеру составлять новые записи по годам, особенности языка, широкое привлечение фольклорных данных для восстановления русской истории, самое понимание русской истории, ее основных вех. Мы должны были бы предположить также, что летопись стояла вне социальной борьбы своего времени.

Само собой разумеется, что такое начало летописания мало вероятно. На самом деле, как мы увидим ниже, летопись, ее форма и ее идейное содержание росли постепенно, меняясь под влиянием идей и направлений своего времени, отражая внутреннюю, социальную борьбу феодализирующегося государства.

3

В самом деле, вставки, переделки, дополнения, соединения разнородного идейно и стилистически материала характеризуют и Древнейший летописный свод даже в том его виде, в каком он восстанавливается А. А. Шахматовым.

Легко обнаруживается в нем два слоя: с одной стороны, церковные сказания о первых русских христианах, а, с другой, — народные предания о первых русских князьях-язычниках.

Оба эти слоя явно не могли принадлежать одному автору: они различаются и идейно и стилистически. В церковных сказаниях проводится та точка зрения, что русская история началась только с проникновением на Русь христианства, что христианство несомненно выше язычества, что язычники — „невегласы" и т. д. В тех же частях летописи, которые составлены на основании устных преданий, говорится о диаметрально противоположном: „невегласы" оказываются и „мудры" и „смыслены". О мудрости-хитрости русских князей-язычников — Вещего Олега, Игоря, язычницы Ольги — и повествуют главным образом эти народные предания.

Если отделить друг от друга эти два слоя, то сразу заметим, что церковные сказания составляют как бы одно целое, представляют собою законченное повествование о начале христианства на Руси, а слой устных преданий лишь прикреплен к ним и не может составлять самостоятельного произведения. Отсюда-то и заключаем, что повествование о начале христианства на Руси древнее прикрепляемых к нему устных преданий.

Обратим внимание на шесть различных произведений, объединяемых единством темы — прославления христианства на Руси — и единством стиля. Это — сказание о крещении и кончине Ольги, сказание о первых русских мучениках варягах-христианах, сказание о крещении Руси (включая речь „философа" и похвалу Владимиру), сказание о князьях Борисе и Глебе и обширная похвала Ярославу Мудрому под 1037 г.

Сказание о крещении Ольги легко отделяется от привнесенных в него народных преданий. Народные элементы проглядывают в отношении Ольги к греческому царю (известный летописный рассказ о том, как Ольга обманула его в момент крещения), церковные — в отношении ее к патриарху. Те же два слоя выделяются и в сказании о кончине Ольги.

Остальные из перечисленных нами сказаний выделяются легко и их обособленность в летописном тексте не нуждается в особых доказательствах. Но вот что важно: все шесть произведений обнаруживают свою принадлежность одной руке.

Несмотря на то, что все они перебиты многочисленными позднейшими вставками и частично сокращены, они обнаруживают теснейшую взаимосвязь между собою — композиционную, стилистическую и идейную.

Так, например, в тесной связи с рассказом о крещении Ольги находится рассказ о ее кончине. Вопрос этот уже рассматривался А. А. Шахматовым, признавшим, что и рассказ о крещении Ольги, и рассказ о ее кончине восходят к единому внелетописному произведению, отразившемуся также и в статье Пролога под 11 июля, связно рассказывавшему об обоих событиях.[1]

Взаимною близостью отличаются также сказание о крещении Ольги и сказание о крещении Руси. Так, например, похвала Ольге схожа и стилистически, и по существу с похвалою Владимиру.[2] Сравнение Ольги с царицей Еленой поддерживается сравнением Владимира с Константином. Перед нами единая мысль, проведенная в обоих сказаниях; дело Ольги и Владимира для Руси то же, что дело „равноапостольных“ Елены и Константина для Византии.

Сказание об Ольге постоянно имеет в виду будущее крещение Руси. Ольга молится о том, чтобы земля Русская была просвещена крещением („Повесть временных лет“, 955 г.); вся ее деятельность, с точки зрения автора, была предвестием будущего крещения Руси. С другой стороны, и летописное сказание о крещении Руси постоянно ссылается на княгиню Ольгу,

---

[1] Разыскания ..., стр. 115 и 116.

[2] В похвале Владимиру: „схраниша тело его с плачемь, блаженного князя“ и дальше „се есть новый Костянтин великого Рима“ (Лаврентьевская летопись, 1015 г.); а в рассказе об Ольге: „сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстей земли, аки денница пред солнцемь“ (Лаврентьевск. лет., 969 г.). В похвале Владимиру: „сего бо в память держать Русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють бога“ (Лаврентьевская летопись, 1015 г.); а в похвале Ольге: „сию бо хвалят Рустие сынове аки началницю... Се бо вси человеци прославляють [бога], видяще [ее] лежащю в теле на многа лета“ (Лаврентьевская летопись, 969 г.).

как на первую русскую христианку, хотя фактически она была далеко не первой.[1] Пример Ольги, принявшей христианство, служит для Владимира таким же стимулом к крещению, как для киевлян пример самого Владимира. Таким образом, и в рассказе об Ольге, и в рассказе о Владимире лежит общая мысль: они взаимосвязаны и стилистически едины.

В тесной связи со сказанием о крещении Руси находится и сказание о первых мучениках-варягах. Оба они называют язычников-русских редким термином „невегласы", оба они одинаково изображают сетования побежденного христианством дьявола; тесное сходство намечается и в рассуждениях варяга-христианина и немцев-проповедников об истинном боге и идолах.[2]

Все шесть сказаний о первоначальном русском христианстве пронизывает единая терминология, только в этих сказаниях и встречающаяся. Таков, например, термин „новые люди", применяемый в отношении русских христиан. Термин этот употребляется в речи „философа", в прославлении крещения Руси, в изображении крещения, в описании создания Десятинной церкви, в похвале Владимиру, в сказании о Борисе и Глебе, в похвале Ярославу Мудрому и нигде больше.

Таким образом, перед нами единое произведение: все шесть сказаний не только написаны в единой стилистической манере, посвящены единой цели прославления деятельности первых русских христиан, но связаны между собою единою мыслью о постепенном торжестве христианства на Руси.

---

[1] См.: В. Пархоменко. Начало христианства Руси IX—X вв. Полтава, 1913, стр. 51 и сл.; В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение. Пгр., 1915.

[2] В сказании о варягах-мучениках: „не суть то бози, но древо..., а бог есть един, ему же служать грьци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце и человека... а си бози что сделаша? Сами делани суть" (Лаврентьевская летопись, 983 г.). Ср. в сказании о крещении Руси: „кланяемся богу, иже створил небо и землю, звезды, месяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть" (Лаврентьевская летопись, 986 г.).

Сказание об Ольге и сказание о варягах-мучениках — это приступ к основному рассказу о крещении Руси. Ольга, как „деньница пред солнцем“, как „заря пред светом“, предшествует Владимиру. Ярослав же продолжает дело Владимира, и не случайно, что похвала Ярославу почти буквально повторяет похвалу Владимиру.[1]

Поразительно, что и идейно, и стилистически это Сказание о постепенном распространении христианства на Руси близко подходит к „Слову о законе и благодати“ митрополита Илариона.

И в „Сказании“ и в „Слове“ Илариона заключены одни и те же идеи, чрезвычайно актуальные именно для времени Ярослава Мудрого, когда оба произведения и составились.

В годы княжения Ярослава Мудрого особенное значение приобрел вопрос об организации своей, независимой от Византии русской церкви.

Ярославу удается высоко поднять международный авторитет Руси, и на основе общего подъема народного самосознания в первой половине XI в. заложить прочные основания русской политической и церковной самостоятельности, русской книжности, русского летописания, русской архитектуры и изобразительного искусства.

Эта борьба за свою самостоятельность захватывала все области духовной культуры Киевского государства; печатью этой борьбы отмечены и литературные произведения этой поры, и летопись, и бурное архитектурное строительство, и изобразительное искусство княжения Ярослава. Она совпала с высоким подъемом политического самосознания русского народа.

В 1037 г. Ярослав Мудрый добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата. Назначе-

[1] „Володимер же, рад быв... рече: боже... призри на новыя люди сия... и мне помози, господи, на супротивьнаго врага“ (Лаврентьевская летопись, 988 г.); ср.: „и радовашеся Ярослав... зело, а враг сетовашеться, побежаем новыми людьми хрестьяньскыми“ (Лаврентьевская летопись, 1037 г.).

ние особого митрополита для молодого Киевского государства было немалым успехом Ярослава, поднимавшим международный престиж Русской земли. Давая разрешение на установление отдельной Киевской митрополии, греки все же надеялись, что новый митрополит, избираемый императором не из русских, а из угодных ему греков, станет надежным агентом Византийкой империи и будет проводить политику полного подчинения Руси императору. В свою очередь Ярослав рассматривал назначение особого киевского митрополита как успех своей политики и рассчитывал добиться впоследствии полного признания независимости русской церкви от Константинополя.

Торжество русской политики, первый крупный политический успех в отношениях с Империей и свои надежды на жизненно-крепкое будущее Руси Ярослав подкрепил богатым строительством: „В лето 6545. Заложи Ярослав город великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью; и посемь церковь на Золотых воротех святыя богородица Благовещенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины“. То, что Ярослав смотрел на назначение киевского митрополита только как на первый успех своей политики, доказывается тем, что сразу же после 1037 г. Ярослав продолжал свои домогательства в Константинополе, добиваясь расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения ее из-под опеки Константинопольского патриарха и византийского императора. Для этого Ярослав стремится к канонизации ряда русских святых. Цель этих домогательств Ярослава понятна: канонизация русских святых усиливала позиции русской церковной самостоятельности. Она должна была свидетельствовать о том, что русская церковь вышла из младенческого состояния, обладает собственными святынями и не нуждается в пристальной опеке Византии.

Ярослав упорно настаивает на признании святыми княгини Ольги, варягов-христиан (отца и сына), убитых язычниками в Киеве при Владимире, и своих братьев Бориса и Глеба. Канонизация Ольги и варягов-мучеников была решительно от-

клонена Византией, но настойчивость Ярослава в отношении Бориса и Глеба сломила упорство императора. Ярославу удалось добиться канонизации своих братьев князей Бориса и Глеба и тем самым увенчать ореолом святости и свою собственную княжескую власть.

Установление почитания первых русских святых явилось торжеством национальной политики Ярослава и приобрело формы национального культа. Память Бориса и Глеба праздновалась с необычайною торжественностью шесть раз в году. День 24 июля — главный из этих празднеств — причислялся к великим годовым праздникам.

Почитание Бориса и Глеба быстро перешагнуло русские пределы. В самой Византии был принят этот культ: в константинопольской Софии была поставлена икона Бориса и Глеба; в Испигасе была построена им церковь.[1] Сохранился армянский Пролог о Борисе и Глебе, очевидно, переводный с греческого.[2] Наконец, культ Бориса и Глеба был установлен и в Чехии: в Созавском монастыре был построен в их честь придел.

Эти политические идеи Ярослава получили наиболее яркое воплощение в „Слове о законе и благодати“ пресвитера загородной дворцовой церкви Ярослава в Берестове — Илариона, ставшего затем первым киевским митрополитом из русских.

Тема „Слова“ — тема равноправности народов. Иларион указывает, что евангелием и крещением бог „все народы спас“, и прославляет русский народ среди народов всего мира.

Идеи эти изложены в „Слове“ с пластической ясностью и конструктивной цельностью. Точность и ясность замысла отчетливо отразилась в самом названии „Слова“: „О законе Моисеом данеем, и о благодати и истинне Иисус Христомь бывшим, и како закон отъиде, благодать [же] и истина всю землю исполни и вера в вся языки простреся и до нашего языка

[1] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII в. С пред. и прим. П. Савваитова, СПб., 1872, стр. 79 и 159.

[2] В. Н. Бенешевич. Армянский пролог о св. Борисе и Глебе. Известия Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1909, кн. I.

[народа] русьскаго, и похвала кагану нашему Владимеру, от него же крещени быхом (и молитва к богу от всеа земли нашеа)".[1]

Трехчастная композиция „Слова", подчеркнутая в названии, позволяет органически развить основную тему „Слова" — прославление Русской земли, ее „кагана" Владимира и князя Ярослава. Каждая часть легко вытекает из предшествующей, постепенно сужая тему, переходя от общего к частному, от общих вопросов мироздания к частным его проявлениям, от универсального к национальному, к судьбам русского народа. Основной пафос „Слова" лежит в систематизации, в приведении в иерархическую цепь фактов вселенской истории в духе средневековой схематизации.

Первая часть произведения касается основного вопроса исторических воззрений средневековья: вопроса взаимоотношения двух заветов — Ветхого и Нового, — „закона" и „благодати". Взаимоотношение это рассматривается Иларионом в обычных символических схемах христианского богословия, однако на основе богословской аргументации Иларион создает собственную патриотическую концепцию всемирной истории. Он нигде не упускает из виду основной своей цели: перейти затем к прославлению Русской земли и ее „просветителя" Владимира.

Иларион приводит многочисленные доказательства того, что время замкнутости религии в одном народе прошло, что наступило время свободного приобщения к христианству всех народов без исключения; все народы равны в своем общении с богом. Христианство, как вода морская, покрыло всю землю[2] и ни один народ не может хвалиться своими преимуществами в делах религии. Всемирная история представляется Илариону как постепенное расширение христианства на все народы мира, в том числе и на русский. Излагая эту идею, Иларион прибегает к многочисленным параллелям из Библии и упорно под-

---

[1] Памятники..., стр. 59.
[2] Памятники..., стр. 63.

черкивает, что для новой веры потребны новые люди. „Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди въсияти, не вливают бо — по словеси господню — вина новаго — учения благодатна в мехы ветхы... но новое учение новы мехы, новы языкы [народы], новое и съблюдеться, якоже и есть“.[1]

Возможно, что, подчеркивая и настойчиво варируя свою мысль о преимуществах новых народов перед старыми, о награждении меньших перед большими, о разрушении Иерусалима за ограничение божественного откровения, Иларион явным образом имел в виду греко-русские отношения своего времени. „Слово“ родилось в обстановке подготовки военного похода на Константинополь Владимира Ярославича,[2] в обстановке противодействия греков канонизации Владимира.[3] „В судьбах новых народов «сбывается», что в символических образах представлено в истории ветхозаветной, — писал о „Слове“ акад. И. Н. Жданов. — Нужно только уметь понимать эти образы: «да разумееть, иже чтеть»“.[4]

Подчеркнув значение новых народов в истории христианского учения, Иларион свободно и логично переходит затем ко второй части своего „Слова“, сужая свою тему, к описанию распространения христианства по Русской земле: „вера бо благодатная по всей земли распрострѣся и до нашего языка руськаго доиде... Се бо уже и мы съ всеми христианы славим святую Троицу...“.[5] Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке: „вся страны благый бог помилова, и нас не презре, въсхоте и спасе ны и в разум истиный приведе...“.[6]

[1] Памятники..., стр. 67.

[2] Общее оптимистическое, жизнерадостное содержание „Слова“, настроение торжества, повидимому, свидетельствует о том, что „Слово“ возникло до похода Владимира Ярославича 1043 г.

[3] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 66 и сл.

[4] И. Н. Жданов, Сочинения, т. I, 1904, стр. 19.

[5] Памятники..., стр. 67.

[6] Там же.

Русскому народу принадлежит будущее, принадлежит великая историческая миссия. Патриотический и полемический пафос „Слова“ растет по мере того, как Иларион описывает успехи христианства среди русских. Словами Писания Иларион приглашает всех людей, все народы хвалить бога. Пусть чтут бога все люди и возвеселятся все народы, все народы восплещите руками богу. Патриотическое воодушевление Илариона достигает высшей степени напряжения в третьей части „Слова“, посвященной прославлению Владимира I Святославича. Если первая часть „Слова“ говорила о вселенском характере христианства, а вторая часть — о русском христианстве, то третья часть предназначена для похвалы князю Владимиру. Органическим переходом от второй части к третьей служило изложение средневековой богословской идеи, что каждая из стран мира имела своим просветителем одного из апостолов. Есть и Руси кого хвалить, кого признавать своим просветителем. Русская земля и до Владимира была славна в странах, в ней и до Владимира были замечательные князья. Владимир, „внук старого Игоря, сын же славного Святослава“.[1] Оба эти князя „в своя лета владычествующа, мужьством же и храбрьством прослуша (прославились) в странах многих и поминаются ныне и словут (славятся)“.[2] Иларион высоко ставит авторитет Русской земли среди стран мира. Русские князья и до Владимира, „не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в русской, яже ведома и слышима есть всеми концi земля“.[3] Владимир — это только „славный от славных“, „благородный от благородных“.[4] Иларион описывает далее военные заслуги Владимира, силу и могущество русских князей, славу Русской земли. „Единодержавство“ Владимира и его военные успехи Иларион описывает с нарочитою целью — показать, что принятие христианства могущественным Владимиром не было вынужденным, что оно

[1] Памятники..., стр. 69.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

было результатом свободного выбора Владимира. Описав абстрактными чертами добровольное, свободное крещение Владимира, Иларион переходит затем к крещению Руси, приписывая его выполнение исключительной заслуге Владимира, совершившего его без участия греков.[1] Подчеркивая, что крещение Руси было личным делом одного только Владимира, — князя, в котором соединились „благоверие с властью“, Иларион явно полемизирует с точкой зрения греков, приписывавших себе инициативу крещения „варварского“ народа.

Затем Иларион переходит к описанию личных качеств Владимира и его заслуг, очевидно имея в виду указать на необходимость канонизации Владимира, против которой возражали греки. Довод за доводом приводит Иларион в пользу святости Владимира.

Сопоставление дела Владимира на Руси с делом Константина для ромеев-греков тенденциозно направлено против греческих возражений на канонизацию Владимира: равное дело требует равного почитания.[2] Нетерпимое и обидное для греков-ромеев сопоставление Владимира с Константином Иларион развивает особенно пространно, а затем указывает на продолжателя дела Владимира — на его сына Ярослава, перечисляет его заслуги, его строительство. Патриотический пафос этой третьей части, прославляющей Владимира, еще выше, чем патриотический пафос второй. Он достигает сильнейшей степени напряжения, когда, пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и „славный град“ Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом восстать из гроба и посмотреть на плоды своего подвига.

За третьею, заключительною частью „Слова“ следовала молитва к Владимиру, пронизанная тем же патриотическим подъемом, патриотической мыслью. „И донелиже стоит мир, — обращался Иларион в ней к богу, — не наводи на ны (т. е. на рус-

---

[1] Памятники..., стр. 71.

[2] Там же, стр. 73.

ских) напасти искушениа, ни предай нас в руки чуждиих (т. е. врагов), да не прозовется град твой (т. е. Киев), град пленен, и стадо твое (т. е. русские) пришельцы в земли не своей...".[1]

Итак, истинная цель „Слова" Илариона не в догматико-богословском противопоставлении Ветхого и Нового заветов, как думали некоторые его исследователи.[2] Иларион прославляет Русь и ее „просветителя" Владимира. Иларион развивает свое учение о равноправности всех народов, свою теорию всемирной истории, как постепенного и равного приобщения всех народов к культуре христианства.

История Руси и ее крещение изображены Иларионом как логическое следствие развития мировых событий. Чем больше сужает Иларион свою тему, постепенно переходя от общего к частному, тем выше становится его патриотическое одушевление.

Таким образом, все „Слово" Илариона от начала до конца представляет собой стройное и органическое развитие единой патриотической мысли. Впоследствии своим принятием сана митрополита без санкции Константинополя, единственно по выбору русских епископов, Иларион практически выступил против гегемонии Византии, проводя политические идеи Ярослава и на деле доказывая, что Киев равноправен Константинополю.

Исследователи неоднократно обращали внимание на стилистические и идейные соответствия „Слова" Илариона и первоначальной русской летописи.[3] Замечательно, однако, что все эти совпадения падают в летописи только на ту часть ее, которую мы выделили выше и условились называть „Сказанием о распространении христианства на Руси".

---

[1] Памятники..., стр. 78.

[2] Первоначально считали, что „Слово" было направлено против иудейского учения. Мнение это опроверг И. Н. Жданов (1872 г.), не дав, впрочем, своего собственного четкого толкования идейного содержания „Слова" (Сочинения, т. I, стр. 1—80).

[3] Разыскания..., стр. 147 и сл.; В. П. Адрианова-Перетц. История русской литературы, т. I, ч. 1. Изд. Института литературы АН СССР, М.—Л., 1941, гл. II, стр. 40.

И „Слово“ Илариона и „Сказание“ основываются на общем материале выдержек из „священного писания“. Можно было бы думать, что совпадения эти случайны, если бы цитатный материал не сопровождался одинаковыми толкованиями и одинаковыми замечаниями.

И в „Слове“ Илариона и в „Сказании“ одинакова характеристика языческой дохристианской Руси. И в „Слове“ и в „Сказании“ подчеркивается, что бес изгнан из страны, не видевшей апостолов.[1] Но и в „Слове“, и в „Сказании“ говорится о том, что хотя апостолы не приходили на Русь, „апостольская труба“ огласила Русскую землю наравне со всеми странами мира.[2]

Единственные из русских источников, и „Слово“ и „Сказание“ единогласно свидетельствуют о человеческих жертвоприношениях языческой Руси.[3]

Одинаково изображено в обоих произведениях крещение Владимира и Руси. Владимир свободно, по своему усмотрению, а не по греческой указке избирает византийское христианство среди других религий. Рассказывая о событиях крещения, автор „Сказания“ подчеркивает, что Владимир мог принять любую религию: магометанскую, еврейскую, христианство католического Запада, но избрал восточное православие по своему личному усмотрению, а не под влиянием давления греков. Та же самая идея лежит и в основе „Слова“ Илариона. Иларион подчеркивает личную инициативу Владимира в принятии христианства. Владимир пришел к Христу „токмо от благаaго помысла и остроумия“.[4]

Полностью совпадает и в „Сказании“, и в „Слове“ похвальная характеристика крещения Руси. Она выдержана в одинаковых образах: язычество — ночь, христианство — день.[5] В то-

[1] Памятники..., стр. 72; Лаврентьевская летопись, 983 и 988 гг.
[2] Памятники..., стр. 71; Лаврентьевская летопись, 983 г.
[3] Памятники..., стр. 67; Лаврентьевская летопись, 983 г.
[4] Памятники..., стр. 72.
[5] Памятники..., стр. 71; Лаврентьевская летопись, 988 г.

жественных выражениях и в „Слове“, и в „Сказании“ восхваляется крещение.

Иларион говорит, что на месте разрушенных капищ Владимир ставил церкви, на месте поверженных идолов явились иконы святых, бесы бежали, крест осиял города, были поставлены священники; епископы, и пресвитеры, и дьяконы возносили „бескровную жертву“.[1] В „Сказании“ аналогично рассказывается о том, что сразу же по своем крещении Владимир „повеле рубити церкви и поставляти по местом, иде же стояше кумир Перун... И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити“.[2] И в „Слове“, и в „Сказании“ сходно описывался сбор людей на крещение.

Даже бегство бесов, упоминаемое Иларионом,[3] имеет параллельный рассказ в „Сказании“, драматизированный сетованиями изгоняемого дьявола, в которых он отрицает за Владимиром те самые качества „апостола“ и „мученика“, которые отрицали и греки, но признания которых упорно добивались Иларион в своем „Слове“, а Ярослав в своей церковной политике: „и се уже побежен есмь от невегласа, а не от апостол, ни от мученик“.[4]

Полемически направленное против греков сравнение Владимира с императором Константином Великим имеет центральное значение и для „Слова“,[5] и для „Сказания“.[6]

С точки зрения Илариона, русские — это новый народ, пришедший на смену старым (в том числе и грекам). Новый народ воспринял новое учение, как новые мехи — новое вино: не вливают новое вино в старые мехи. Так указывается Иларионом историческая миссия русского народа. Та же терминология лежит и в основе „Сказания“. Не один раз называет ав-

---

1 Памятники..., стр. 71.

2 Лаврентьевская летопись, 988 г.

3 Памятники..., стр. 71.

4 Лаврентьевская летопись, 988 г.; ср.: Памятники..., стр. 75.

5 Памятники..., стр. 73 и 74.

6 Лаврентьевская летопись, 1015 г.

тор „Сказания“ русских „новыми людьми“,[1] „избранными“ богом.

Одинакова и характеристика Ярослава как последователя и продолжателя дела Владимира. Характеристика Ярослава искусно перевита у Илариона с похвалою его строительному делу.[2] Теми же чертами строителя и распространителя христианской веры характеризует Ярослава и „Сказание“, причем замечательно, что описание строительной деятельности Ярослава дается в „Сказании“ в той же последовательности, что и в „Слове“. В тожественных выражениях говорит и „Слово“, и „Сказание“ об украшении собора Софии.[3]

Но особенно разительно совпадение символического толкования посвящения Благовещению церкви на Золотых воротах Киева. Благовещение — это благая весть, которую принес архангел Гавриил богородице. Церковь же Благовещения в Киеве — это благая весть Киеву. Архангел сказал богородице: „Радуйся, обрадованная, господь с тобою“, к городу же архангел как бы обращается со словами: „Радуйся, благоверный граде, господь с тобою“.[4] Так патриотически толкует и „Слово“, и „Сказание“ строительную деятельность Ярослава. Хвалой Ярославу заканчивалось „Сказание“, хвалою же Ярославу логически заканчивалось и „Слово“ Илариона.

Итак, условно называемое нами „Сказание о распространении христианства на Руси“, из которого, как мы предполагаем, развилось русское летописание, чрезвычайно близко и по идейному содержанию, и по стилю, и по композиции, и по материалу цитат из „священного писания“ к „Слову о законе и благодати“ ставленника Ярослава — Илариона. Можно было

---

[1] Лаврентьевская летопись. 996, 998 (дважды), 996, 1015, 1037 гг.

[2] Памятники..., стр. 74.

[3] В „Сказании“: „украси ю златомь и серебромь и сосуды церковными“ (Лаврентьевская летопись, 1037 г.); в „Слове“: „украси... златом и сребром и камением драгыим, и съсуды честныими“ (Памятники.., стр. 74).

[4] Памятники..., стр. 74—75. Ср. в Ипатьевском и Хлебниковском списках под 1037 г.

бы предположить, что либо „Сказание“ зависело от „Слова“, находилось под его влиянием, либо, наоборот, „Слово“ зависело от „Сказания“. Однако ближайшее рассмотрение сходных мест отчетливо убеждает, что ни одной из этих зависимостей установить нельзя. Вся богословская тематика подробнее и яснее развита в „Слове“ и как будто бы предполагает зависимость „Сказания“ от „Слова“, однако историческая сторона развита в „Сказании“ детальнее и, казалось бы, говорит об обратной зависимости. Нельзя думать, что и „Слово“, и „Сказание“ восходят к какому-то третьему, более подробному, не дошедшему до нас произведению: против этого говорит различие в самых жанрах „Слова“ и „Сказания“. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что автором обоих произведений было одно лицо — Иларион или тесный круг ярославовых книжников, проводивших политические идеи Ярослава.

А. А. Шахматов отнес составление Древнейшего летописного свода ко времени построения Софии и основания митрополичьей кафедры в Киеве, т. е. к 1037—1039 гг. Действительно, в заключительной части Древнейшего свода так, как он восстанавливается А. А. Шахматовым, читалась обширная похвала христианской деятельности Ярослава, в которой упоминалось и о закладке им Софии, что было совершено, повидимому, именно в 1037 г. Эта заключительная похвала Ярославу и с нашей точки зрения завершала собою первое произведение по русской истории. Однако нельзя считать, что все перечисленные в этой статье деяния Ярослава, его обширная строительная деятельность (закладка города, Златых ворот, Софии, церкви Благовещения, Георгиевского монастыря) — относилась целиком к 1037 г. Ведь отнесение этой статьи к 1037 г. было сделано позднее, — повидимому, по времени наиболее известного события — закладки Софии в 1037 г. На самом же деле в статье этой дается характеристика деятельности Ярослава не одного какого-либо года, а более или менее обобщенная.

Совпадение между „Сказанием о распространении христианства“ и „Словом“ Илариона позволяет нам отнести его создание

к несколько более позднему времени — к началу 40-х годов XI в. (когда было, повидимому, создано и „Слово“ Илариона), после чего, как это мы увидим ниже, это первое произведение по русской истории, касавшееся первоначально только церковной истории Руси, начало неудержимо развиваться, насыщаясь сведениями и по светской истории Русского государства.

Итак, при Ярославе Мудром было составлено „Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси“. В него вошли рассказы о христианстве Ольги, о первых русских мучениках-варягах, о крещении Руси, о Борисе и Глебе и о просветительной деятельности Ярослава.

Перед нами одно из первых русских исторических произведений, но это еще не летопись. Оно своеобразно по жанру, не имеет еще хронологической канвы, близко к житиям или к произведениям учительной литературы. Произведение это посвящено главному, с точки зрения автора, событию в жизни Руси X — начала XI вв. — ее крещению. Оно исследует его предисторию, начиная от первых русских христиан — Ольги и варягов-мучеников. Оно рассказывает только церковную историю Руси, игнорируя ее военную историю, что вполне естественно для представителей новой культуры, для одного из тех „новых людей“ — христиан-русских, о которых говорит и „Слово“, и „Сказание“.

Мы видели выше, какое огромное политическое значение имел для эпохи Ярослава церковный вопрос, и нам понятно теперь, почему необходимо было составить произведение, правильно — с русской, а не с византийской точки зрения — излагавшее церковную историю Руси. Мысль о праве Руси на культурную и церковную самостоятельность пронизывает собою „Сказание“. Его автор прославляет благочестие русских людей, проводит мысль о свободном, а не о подневольном принятии Русью христианства и о равенстве всех народов.

Точка зрения автора „Сказания“ — это точка зрения верхушки молодого феодального общества. Она была прогрессивной для своего времени, — поскольку был прогрессивен и сам фео-

дализм для первой половины XI в. Однако тщетно было бы искать в этом первом историческом произведении народной точки зрения на русскую историю. В „Сказании“ не отразились народные предания о русском прошлом. Оно было написано в традициях церковной литературы для „преизлиха насытившихся сладости книжной“ читателей, как и „Слово“ Илариона.

Автор „Сказания о распространении христианства на Руси“ имел в виду дать нравоучительный рассказ и вместе с тем опровергнуть греческую точку зрения на Русь. Он не увлекается передачей самих событий, а обращает внимание главным образом на их „сокровенный“ смысл. Создается впечатление, как будто бы он повествует о событиях, которые еще свежи в памяти его читателей, и поэтому он занят тем, чтобы лишь интерпретировать их. Вот почему „Сказание“ дает по преимуществу общие суммарные характеристики деятельности Ольги, варягов-мучеников, Владимира и Ярослава.

Условно называемое нами „Сказание о первоначальном распространении христианства“ сложилось при Ярославе. Его окончательное оформление, прежде чем быть расширенным в историю Руси в целом (не только церковную, но и политическую), относится к первой половине 40-х годов XI столетия. Оно было направлено против византийской государственной идеологии и тесными узами связано с подъемом политического самосознания русского народа при Ярославе Мудром.

Вот из этого-то первого русского исторического произведения, в своем роде замечательного патриотизмом содержания, и выросло впоследствии постепенно русское летописание. Как увидим ниже, русское летописание родилось из постепенного присоединения совсем иных — народных в своей основе — сведений к этому церковному ядру, носившему еще традиционный для церковной письменности характер „патерика“, но уже обладавшему элементами историзма, которые и привлекли к нему внимание и творческую инициативу жаждавших сведений по родной истории русских читателей.

*

„Сказание о первоначальном распространении христианства“ было составлено книжниками киевской митрополии при храме Софии. Своими идеями равенства всех народов между собою и, в частности, русского народа народу греческому „Сказание“ было тесно связано со всей политической деятельностью Ярослава Мудрого.

Этот первый обширный труд по русской истории, еще понимавшейся как церковная история по преимуществу, и не являвшийся еще летописью, не получил, однако, дальнейшего продолжения в Софии. Книжная деятельность этого церковного центра Руси замирает, что объясняется крупными переменами в ее политическом положении. Константинопольская патриархия, очевидно, решительно отказалась утвердить Илариона на Киевской митрополии. Этот отказ был смягчен браком сына Ярослава Мудрого — Всеволода — с греческой царевной, и в Киеве водворяется новый митрополит — грек Ефрем. Таким образом, Ярославу не удалось довести до конца своего дела. „Русская митрополия“ — София — перешла в греческие руки и стала отныне в течение многих десятилетий опорой греческой политики на Руси.

Как выяснено обстоятельными исследованиями М. Д. Приселкова,[1] новым центром русского просвещения, оппозиционным к власти митрополита-грека, становится с середины XI в. Киево-печерский монастырь, где получали образование первые русские епископы и священники и где книжность и литература нашли себе до поры до времени надежное пристанище.

С Киево-печерским монастырем связан весь начальный период русского летописания. По существу все внешние особенности русского летописания — его связь с фольклором, с деловою речью (посольской, воинской, юридической и т. д.), хронологи-

---

[1] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

ческий принцип изложения (построение его по годовым статьям) и т. д. — все это определилось уже здесь, в Киево-печерском монастыре. Здесь же определились и многие идейные черты русского летописания — его публицистические тенденции, его учительный по отношению к княжеской власти характер, его рассудительность и принципиальность.

Политическая позиция, которую занял Киево-печерский монастырь, позволяет понять многое в идейной направленности первых русских летописных сводов. В древней Руси монастыри не были отрешенными от политики местами молитвенного уединения. Вступая под покровительство той или иной ветви княжеского рода или той или иной социальной среды и получая от них богатые вклады, монастыри принимали деятельное участие в феодальной и социальной борьбе. Сплоченной и единой политической линии русской церкви в XI—XIII вв. не было. Отдельные монастыри занимали подчас различные политические позиции, отражая феодальную и классовую борьбу своего времени, ориентируясь на различные группы господствующих классов общества.

Киево-печерский монастырь на первых порах его существования не был княжеским монастырем. Его игумены по временам вступали в резкие отношения с киевскими князьями, хотя иной раз умело пользовались их расположением и охотно получали от них богатые вклады. Не был Киево-печерский монастырь и митрополичьим: еще чаще чем с князьями монастырь вступал в конфликты с киевскими митрополитами-греками.

Это был крупный центр оппозиции и власти константинопольской патриархии, и власти киевского митрополита-грека.[1]

[1] Монахи Киево-печерского монастыря в своих литературных произведениях не раз противопоставляли свой монастырь другим: — митрополичьим и княжеским. Так, например, составитель „Сказания, чего ради прозвася Печерский монастырь“ пишет: „мнози бо манастыри от цесарь и бояр и богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бденьем“ („Повесть временных лет“, 1051 г.). Составители печерских житий подчеркивают, что Антоний не имел золота и серебра, а Феодосия первоначально из-за бедности одежды не принимали ни в один монастырь.

Эта оппозиция исходила из очень четких и последовательно продуманных политических взглядов митрополита Илариона.

Самое возникновение монастыря было связано с Иларионом. Когда Иларион был попом в загородном селе Ярослава — Берестове, он ископал себе на холмистом берегу Днепра среди „великого“ леса „печерку“ (пещерку) и обычно удалялся туда для уединенной молитвы. В 1051 г. Ярослав поставил Илариона митрополитом, и пещера оказалась заброшенной. В ней-то, очевидно не без совета Илариона, и поселился затем Антоний, основавший здесь на берегу Днепра Киево-печерский монастырь. В дальнейшем монастырь практически продолжал дело Илариона, но в изменившихся условиях середины и второй половины XI в.

Монастырь постоянно выступал во второй половине XI в. как духовный руководитель того общерусского или антигреческого направления, которое созрело на Руси в пору княжения Ярослава Мудрого. Монастырь не раз поднимал свой голос в политических делах русской церкви и Русского государства, и к голосу этому прислушивались и князья, и правящая знать.

Монастырь возник в ту пору, когда в самой Византии нравственный и идейный уровень монашества был чрезвычайно низок. И вот замечательно, что первые русские деятели Киево-печерского монастыря не руководствуются действующими в Византии монастырскими правилами, а стремятся к самостоятельному возрождению монашества и вводят забытый в Византии строгий монастырский устав, который разыскивают в Константинополе. Тем самым первые деятели Киево-печерского монастыря брали на себя смелый почин, практически осуществляя свое убеждение, что русские способны самостоятельно разбираться в делах религии и итти впереди своих „учителей“, строже осуществляя заветы христианства. Этот почин монастыря нашел широкий отклик, и большинство русских монастырей постепенно начинают переустраиваться по примеру Киево-печерского.

Киево-печерский монастырь становится крупным центром русской образованности, где получали свое образование буду-

щие священники и епископы русской церкви;[1] он стремился к установлению самостоятельной церковной организации, свободной от мелочной опеки Византии. Это была задача большой национальной важности. Вот почему монастырь с самого начала оказывается в оппозиции и к митрополичьей кафедре в Киеве, и к деятельности константинопольской патриархии.

Совсем иную почву имели выступления монастыря против киевских князей. Конфликты, в которые вступал Киево-печерский монастырь с Изяславом, Святославом, Святополком и др., не были направлены против княжеской власти вообще. Наоборот, конфликты эти обусловливались деятельным стремлением монастыря поддержать княжескую власть, сохранить ее целостность, прекратить междоусобия и внести порядок в наследование киевского стола.

Для Киево-печерского монастыря были обычными всякого рода выступления общественного характера. Можно думать, что большинство монахов Киево-печерского монастыря принадлежало к верхам городского общества. Вот почему монастырь так часто выступает на стороне „кыян".

Тревожные события разыгрались в 1068 г. Князья Изяслав, Всеволод и Святослав потерпели поражение от половцев. Изяслав и Всеволод бежали в Киев. Недовольные киевляне стали вечем на торговище и требовали от Изяслава продолжить борьбу с половцами, выдать им оружие и коней. Отказ Изяслава вызвал восстание киевлян. Изяслава изгнали из Киева, и киевляне освободили Всеслава Полоцкого, год назад посаженного в „поруб" Ярославичами, нарушившими тем самым свое крестоцелование. Характерно, что вокняжение Всеслава приветствуется Печерским монастырем. Совпадение освобождения Всеслава из поруба с днем воздвижения креста толкуется в монастыре как наказание божие Изяславу за нарушение им целования креста. После этого через некоторое время в Киев вступил сын Изя-

[1] В начале XIII в. печерский воспитанник епископ Симон с гордостью писал в Печерский монастырь, что из его стен вышло около пятидесяти епископов.

слава — Мстислав, жестоко расправившийся с участниками восстания. Мстислав иссек 70 человек, других ослепил, третьих, по словам печерского летописца, „без вины погуби, не испытав“.[1] Печерский летописец явно сочувствует киевлянам, чьи действия описываются им с подробностями, характерными для очевидца, а может быть и для участника событий. Расправа Мстислава с противниками его отца коснулась и печерского монастыря. Сам его основатель, Антоний, вынужден был ночью тайно бежать в Чернигов к князю Святославу.

Еще более серьезным было второе политическое выступление Киево-печерского монастыря, и опять-таки против княжеских клятвопреступлений.

В 1072 г. союз трех братьев, сыновей Ярослава, распался: Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский изгнали из Киева своего старшего брата Изяслава. События эти грозили чрезвычайными последствиями для всей Русской земли. Был нарушен принцип старшинства в наследовании киевского стола, узко семейные распри князей становились общенародным бедствием.

Киево-печерский монастырь и в этом случае выступил с политическим протестом. Игумен Феодосий отказался явиться на пир, которым Святослав собирался ознаменовать свое вокняжение в Киеве, а затем неоднократно обличал Святослава в проповедях, посланиях („епистолиях“) и через приходивших к нему „вельмож“, которых просил передать Святославу свое осуждение его поступков. Феодосий утверждал, что Святослав „не по закону“ [2] сел в Киеве, прогнав своего старшего брата, которого должен был иметь вместо отца. Феодосий запретил поминать имя Святослава на монастырских службах, и в монастыре попрежнему поминали Изяслава. После одной из „великих зело“ епистолий, в которой Феодосий сравнивал Святослава с Каи-

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 32.

[2] Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 66.

ном и „иными многими древними гонителями, убийцами и братоненавистниками“, Святослав пришел в страшный гнев. Он бросил на землю послание Феодосия и „яко лев“ рыкнул „на праведного“.[1] С трудом произошло затем примирение Святослава и Феодосия. Феодосий стал считаться со Святославом как с киевским князем, но поминал его на богослужении всегда на втором месте после Изяслава. Авторитет монастыря был к этому времени уже настолько велик, что Святослав, радуясь примирению, дарит монастырю близлежащее место, на котором приступлено было тотчас же к возведению „великой“ церкви — Успенского собора Киево-печерского монастыря.

После того как в Киев был прислан из Константинополя на смену „русину“ Илариону митрополит-грек, водворившийся в киевской „митрополии“ — храме Софии, София не смогла уже быть центром русской книжности, русского просвещения. Поэтому работа над „Сказанием о первоначальном распространении христианства“ продолжается в новом оплоте антигреческой политики — Киевопечерском монастыре, но в иной социальной среде печерских монахов: более пестрой социально, менее однородной. Здесь это „Сказание“ получает добавление, касающееся светской истории Руси, поскольку военное столкновение с Византией 1043 г. перевело русско-византийское разногласие из области церковных вопросов на общеполитическую почву. Здесь появляются добавления в „Сказании“ из народных исторических преданий; здесь создается хронологический принцип разбивки всего изложения по годовым статьям и т. д. Одним словом, первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными к нему в Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы привыкли называть летописью, с ее основным признаком — расположением исторического материала по годовым статьям.

Идейное содержание печерской летописи (а добавления летописного характера стали вестись в Киево-печерском монастыре

[1] Там же, стр. 67.

с 60-х годов XI в.) целиком определяется политической позицией Киево-печерского монастыря. Летопись эта была выразительницей идей и настроений по преимуществу верхов городского общества — тех самых „горожан“, которые вступили в конфликт с Изяславом в 1068 г.

И А. А. Шахматовым, и М. Д. Приселковым основательно доказано участие в печерском летописании сподвижника Антония и Феодосия печерских — Никона, биография которого многое объясняет в летописании печерского монастыря. В Несторовом житии Феодосия Никон этот назван „великим“, он изображается за неустанной книжной работой: „сидящу и строащу книгы“.[1] М. Д. Приселков предполагает в нем первого русского митрополита Илариона, принявшего схиму с именем Никона.[2] Именно поэтому, считает М. Д. Приселков, Никон пользовался таким уважением с самого начала своего пребывания в монастыре, вот почему и монастырь проводил в своей деятельности такую широкую программу, целиком продолжавшую взгляды Ярослава. Смещенный с митрополичьей кафедры, Иларион принужден был скрыться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем, по обычаям того времени, он и назвался. Впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека.

Так думает М. Д. Приселков. Но кем бы ни был Никон, перед нами ученый и деятельный политик, смелый продолжатель дела, начатого еще при Ярославе.

В пещере Илариона Никон, Антоний и Феодосий прожили почти десять лет. Очевидно, в 1060—1061 гг. стало возможным получить от киевского митрополита официальное разрешение на устроение монастыря, и Никон постриг в своей пещере двух

---

[1] Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 46.

[2] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 181—184. — Он же. Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 22.

киевских вельмож (Варлаама и Ефрема). Разгневанный князь Изяслав потребовал, чтобы к нему привели Никона. Изяслав в гневе говорил ему: „На заточение послю тя и сущаа с тобою и печеру вашу раскопаю“.[1] В дальнейшем Изяслав примирился с обитателями „печеры“, но Никону пришлось бежать в Тмуторокань. Никон основал близ Тмуторокани монастырь и скоро стал одним из самых авторитетных людей в Тмутороканском княжестве. В феврале 1067 г. Никон, после смерти Ростислава, „умолен бысть от людей тех“ просить на тмутороканское княжение сына Святослава — Глеба;[2] Никон вернулся на Русь, но не застал в Киеве Святослава, ушедшего походом на Всеслава Полоцкого. Феодосий просил Никона вернуться в Печерский монастырь, что Никон вскоре и исполнил, как только выполнил поручение тмутороканских жителей. В монастыре Никон поучал братию „от книг“, тогда как Феодосий поучал братию „духовными словесы“.[3] Вскоре по возвращении Никона в монастырь вновь произошли тревожные события: монастырь вмешался в восстание киевлян 1068 г., после подавления которого Антоний вынужден был бежать в Чернигов. В 1073 г., как уже упоминалось, монастырь вновь выступил против княжеских раздоров и нарушения принципа старшинства двумя Ярославичами. На этот раз уезжает из монастыря Никон. Он вторично едет в Тмуторокань, несмотря на уговоры Феодосия, просившего его остаться. Никон был непреклонен и не желал итти на примирение с нарушителями заповеди Ярослава. Вернулся Никон в Киево-печерский монастырь лишь после смерти Феодосия (1074 г.), был избран затем в игумены монастыря и умер в весьма преклонном возрасте в 1088 г.

Выше мы видели, что „Сказание о первоначальном распространении христианства“ не знало расположения материала по годам и не заботилось о точности датировок событий. На появление современных событиям записей о них в приписках к „Сказанию“

[1] Киево-печерский патерик. 1931, стр. 33.

[2] Там же, стр. 45.

[3] Там же.

указывает точность датировок, которая начинает проявляться с 60-х годов XI в. С 1061 г. (т. е. с года организации Печерского монастыря) летопись начинает указывать даты событий — месяц, число, иногда день недели. Такая точность свидетельствует о том, что к „Сказанию“ уже в самом начале 60-х годов начинают прибавляться записи о текущих событиях. Появляется забота о своевременном записывании фактов истории; „Сказание“ продолжается, и по существу возникает летопись с ее наиболее типичным признаком — погодностью записей. Под 1061 г. указан день поражения Всеволода Ярославича впервые напавшими на Русь половцами — 2 февраля. Под 1066 г. отмечен день кончины Ростислава Владимировича в Тмуторокани — 3 февраля. Под следующим 1067 г. отмечены день битвы на Немиге — 3 марта и захвата Всеслава Ярославичами — 10 июля. Под 1068 г. определен день освобождения из поруба Всеслава — 15 сентября и день победы Святослава над половцами — 1 ноября; под 1069 г. день возвращения Изяслава в Киев — 2 мая. Начиная с 1072 г. точные хронологические указания становятся все чаще.

Как мы уже говорили выше, биография летописца Никона дает основания понять точность этих дат: все датированные киевские события произошли именно тогда, когда Никон был в Киеве, все же тмутороканские события, которые отмечены точными датами, относятся ко времени пребывания Никона в Тмуторокани.

Никон отбыл в Тмуторокань в первых числах февраля 1061 г. О поражении Всеволода 2 февраля Никон узнал еще в Киеве. С февраля 1061 г. по февраль 1067 г. Никон вынужден был провести в Тмуторокани. Показательно, что в летописных статьях 1062—1066 гг. почти вовсе нет событий, которые относились бы к Киеву. Напротив, в них отмечены три события, относящиеся к Тмуторокани. 3 февраля 1067 г. умер при нем от отравы Ростислав Тмутороканский. В марте 1067 г. Никон был уже на Руси; вот почему в летописи определенно отмечены события 3 марта (битва на Немиге) и 10 июля (захват Всеслава

Ярославичами), а затем точно отмечены события 1068, 1069 и последующих годов.

Точность датировок определенно свидетельствует о том, что Никон придавал большое значение хронологии и строил изложение событий, располагая их по годам. Эти годовые статьи ясно определяются уже в летописном рассказе 60-х годов.

Причины этого перелома в летописании заключаются в том, что Никон стоял на более высокой ступени исторического сознания, чем автор „Сказания". Автор „Сказания", кто бы он ни был, понимал исторический процесс весьма ограниченно: в нем еще сильно чувствуется составитель церковных житий, занятый благочестивыми размышлениями хотя бы и по поводу исторических судеб целой страны. Он интересуется главным образом осмыслением фактов. Напротив того, автор первой летописи понял свои задачи гораздо глубже. Он уже поднялся до сознания необходимости точной хронологии и хронологического расположения исторического материала. Для него существует ценность исторического факта самого по себе и непрерывность исторического процесса.

Самая же форма погодных записей могла явиться у Никона под влиянием пасхальных таблиц (т. е. таблиц, указывающих даты празднования Пасхи в каждом году). В этих таблицах не редко делались краткие летописные отметки (например в пасхальной таблице в рукописи б. Синодальной библиотеки № 325 — теперь в Государственном Историческом музее). На связь погодной формы изложения в летописях с пасхальными таблицами было указано еще акад. М. И. Сухомлиновым,[1] отметившим и то, что именно от пасхальных таблиц могла произойти и такая черта русских летописей, как встречающееся в них иногда обозначение годов без описания событий. Например:

В лето 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

[1] М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи как памятнике литературном. Сборник Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. 85, № 1, СПб., 1908, стр. 32 и сл.

В лето 6520.
В лето 6521.
В лето 6522. Ярославу же сущу Новегороде.
Ср. в пасхальной таблице б. Синодальной библиотеки:
В лето 6805.
В лето 6806. Дмитрий родился.
В лето 6807.
В лето 6808.
В лето 6809.
В лето 6810. Борис преставися князь.

Итак, на основании вышеизложенного можно думать, что Никон приступил к собиранию материала еще в начале 60-х годов XI в. Он продолжал собирать этот материал и в Тмуторокани и затем снова в Киеве. Замечательно, что Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые и восполнял недостаток письменных материалов устными источниками. Так, например, только Никон мог записать в свою летопись целый ряд тмутороканских событий, случившихся как раз в те годы, когда Никон был в Тмуторокани. Таков рассказ Никона о борьбе из-за Тмуторокани Ростислава Владимировича с Глебом Святославичем Черниговским; таков рассказ об отравлении Ростислава греческим наместником („котопаном“) и о том, как затем жители Корсуни побили этого наместника камнями. Никон же воспользовался в Тмуторокани и местным преданием: какими-то фольклорными данными о поединке тмутороканского князя Мстислава Владимировича с косожским князем Редедею (эпизод этот помнил впоследствии и автор „Слова о полку Игореве“), затем каким-то местным рассказом о том, как хазары собрали с полян дань мечами и как старцы хазарские увидели в этом недобрый знак: предвестие того, что когда-нибудь русские сами будут собирать дань с хазар.

Использование фольклора Причерноморья привело Никона, как догадывался В. Л. Комарович,[1] и к переработке рассказа

[1] История русской литературы. Изд. Института литературы Акад. Наук СССР, т. I, 1941, стр. 271.

„Сказания“ о крещении Руси. Никон ввел в свою летопись так называемую Корсунскую легенду, рассказывавшую о взятии Корсуни Владимиром, о сватовстве Владимира и, наконец, о крещении его именно в Корсуни (а не в Киеве или Василеве): „Се же, не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша в Василеве“, — пишет Никон (Повесть временных лет, 987 г.), опровергая версию своего предшественника — составителя „Сказания о первоначальном распространении христианства“. В этом рассказе Никона есть ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды. По топографической точности легенда несомненно принадлежала Причерноморью. В ней указаны детали устройства водопровода в Корсуни из колодца вне города; указано место, где стояла церковь святого Василия, в которой крестился Владимир: „в Корсуне граде... иде же торг деють корсуняне“; указано место, где стояла палата Владимира: „с края церкви“ Василия; о палатах Владимира отмечено, что они сохраняются „и до сего дне“ и т. д.

Чтобы внести корсунскую легенду в рассказ „Сказания“, Никону пришлось прибегнуть к целому ряду искусственных приемов, оттянувших крещение Владимира до корсунского похода.

Отмечу как ошибку попытку А. А. Шахматова[1] и особенно М. Д. Приселкова[2] истолковать корсунскую легенду как греческий памфлет на Владимира. Действительно, при взятии Корсуни Владимир-язычник бесчестит дочь корсунского князя на глазах родителей; отдает ее в жены своему дружиннику, а затем убивает и корсунского князя, и княгиню; Владимир не сразу исполняет свое обещание креститься, за что бог „наказывает“ его слепотою, от которой он исцеляется только при крещении. Но каковы бы ни были грехи Владимира-язычника, они не могли ставиться с христианской точки зрения

---

[1] Разыскания..., стр. 396.

[2] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XI вв. СПб., 1912, стр. 274 и сл.

в укор Владимиру-христианину. Наоборот, чем ниже был нравственный уровень Владимира до крещения, тем выше, с точки зрения автора, становился его подвиг принятия христианства, тем резче выступал происшедший в нем перелом, тем более величественным становился самый акт крещения. Этим лишь подчеркивалась идея спасительности крещения. Не случайно христианская литература настойчиво описывает случаи нравственного перелома, которые приносило крещение (например в житиях Константина Великого, с которым, кстати, Владимир и сопоставлялся).

Никон встретился в Тмуторокани с новгородцем Вышатой, рассказами которого воспользовался в своей летописи. Повидимому, все новгородские известия „Повести временных лет“, имеющиеся в ней как раз до 1064 г. — года встречи Вышаты и Никона, — вставлены в летопись именно Никоном на основании рассказов Вышаты. Неточные хронологически и несистематические, они носят на себе все признаки устного происхождения.[1]

Как утверждают А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, Никон ввел в свою летопись целый ряд сказаний о первых русских князьях. В рассказ о крещении Ольги Никон ввел эпизод о состязании в хитрости Ольги с константинопольским царем, затем рассказ о каком-то длительном стоянии Ольги в кораблях под Константинополем, ввел героические эпизоды борьбы Святослава с греками[2] и т. д. Можно думать, что все

---

[1] Так предполагаю, вопреки утверждениям А. А. Шахматова о том, что в новгородских известиях „Повести временных лет“ отразился новгородский летописный свод 1050 г., использованный составителем киево-печерского Начального свода. Вполне согласен с мнением М. Н. Тихомирова, что слабым местом концепции А. А. Шахматова является построение существования Киевского свода 1037 г. и Новгородского свода 1050 г. (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 55). Подробнее о рассказах Вышаты см.: Д. Лихачев. Устные летописи в составе „Повести временных лет“. Исторические записки, № 17, 1945.

[2] См. об этом: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 33.

вообще рассказы о походах русских на Константинополь были впервые введены в летопись именно Никоном. Они были бы неуместны в повествовании „Сказания“, где рассказывалось о крещении русских от греков, но были понятны в летописи Никона, раздраженного попытками греков установить греческую гегемонию на Руси. К тому же его снабжал своими рассказами Вышата, возможно ослепленный в плену греками вместе с другими русскими пленниками[1] и уж, во всяком случае, порядочно раздраженный против них. Участник последнего похода на Царьград, Вышата, конечно, слышал много рассказов о предшествующих более удачных походах русских. Вот почему в летописи так подробно и красочно рассказывалось о походах русских князей против Византии и ничего не сообщалось о походах на восток и юго-восток к берегам Каспийского моря, о которых мы знаем из других источников.

Наконец, Никон поместил в своей летописи ряд киевских известий и известий, касающихся истории Киево-печерского монастыря.

Соединив устные предания — киевские, киево-печерские, северночерноморские, новгородские — с данными „Сказания о первоначальном распространении христианства“, Никон создал первую систематическую историю русского народа. Именно он придал своему произведению ту форму погодного изложения летописи, которая стала затем отчасти традиционной; именно он расположил материал по годовым статьям и воспользовался многими особенностями формы устных произведений, которые он так широко привлекал для восполнения недостатка письменных источников по истории Руси.

Никон в значительной мере был создателем самой формы летописного повествования, но он же сыграл огромную роль и в формировании идейной стороны летописания.

Идеям „Сказания о первоначальном распространении христианства“ Никон придал публицистическую остроту. Идее рав-

---

[1] Так догадывается об этом М. Д. Приселков, там же, стр. 18.

ноправия всех народов он придал ясно выраженную антигреческую направленность. С темпераментом политического борца Никон полемически заострил историческое изложение, сделал его откровенно тенденциозным, внес в него общественный размах и патриотический подъем.

Идею „Сказания“ о том, что Русская земля не нуждается в греческой опеке, а имеет собственную славную христианскую историю, Никон продолжил тем, что дал не только церковную историю Руси, но и ее светскую историю. Русь не нуждается в опеке Византии ни церковной, ни государственной. Русский народ имеет за собой много славных побед, в том числе — и над самой Византией. Именно с этой целью Никон ввел рассказы о походах русских князей на Царьград — Аскольда и Дира, Олега, Игоря и Святослава. Никон ввел в летопись рассказ о хазарской дани, характеристику Святослава и рассказ о его подвигах и т. д. Даже в истории Киево-печерского монастыря Никон подчеркнул те же стороны: Печерский монастырь основался без помощи киевского митрополита-грека. Антоний нашел забытый в Византии студитский устав, по которому и была организована жизнь монахов Печерского монастыря. Под 1071 г. Никон дал обширное повествование о волхвах на основании рассказов Вышаты, непосредственного участника борьбы с волхвами.[1] И опять-таки, как и в предыдущих случаях, это было сделано все с тою же антигреческою целью: Никон стремился доказать, что русские сами способны бороться с язычеством.

Замечательна та настойчивость, с которой Никон подчеркивает роль народа в обороне Русской земли. В рассказе о восстании киевлян 1068 г. Никон приводит слова, сказанные киевлянами князю Изяславу, потерпевшему поражение от половцев: „Дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними“.[2] Эти слова по смыслу почти буквально совпадают с тем, что,

---

[1] См. подробнее: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 33.

[2] Лаврентьевская летопись, 1068 г.

по рассказам Вышаты, говорили новгородцы Ярославу, потерпевшему поражение от Святополка и Болеслава, запрещая ему бежать дальше за море: „Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь" („Повесть временных лет", 1018 г.); или с тем, что говорили новгородцы Ярославу на Ракоме при известии о тревожных событиях в Киеве: „Аще, княже, братья наша исечена суть, можем по тобе бороти" („Повесть временных лет", 1015 г.).

Точку зрения Печерского монастыря выразил Никон и в своем осуждении княжеских распрей. Выше мы говорили уже о том, что Киево-печерский монастырь вмешивался в порядок наследования киевского стола, требуя точного соблюдения принципа наследования по старшинству. Никон вложил в уста умирающего Ярослава обращение к сыновьям, в котором он просит их быть „в любви межю собою", потому что они „братья единого отца и матере", и не погубить „землю отець и дед своих, юже налезоша трудомь своимь великым". Никон призывал русских князей „не преступати предела братня, ни сгонити" („Повесть временных лет", 1054 г.). Нарушение этой заповеди Ярослава „и божьей" Никон видел в событиях 1073 г., когда „дьявол" воздвиг „котѝру" (распрю) между братьями, и Святослав изгнал Изяслава из Киева. Это событие вставлено Никоном в раму всемирной истории: так точно поступили потомки Хама, покусившись на землю Сифа, так поступил и Исав, нарушив „заповедь отца своего" („Повесть временных лет", 1073 г.).

Образцом идеи княжеского „братолюбия" выставляет Никон и тех князей, которые пользовались его сочувствием. Так, например, о тмутороканском князе Ростиславе Никон замечает, что он ушел из Тмуторокани не из страха перед Святославом, но потому, что не хотел „противу строеви [т. е. стрыеви — дяди] своему оружья взяти" („Повесть временных лет", 1064 г.). Образцом „братолюбия" выставляет Никон и Мстислава Владимировича, также бывшего одно время тмутороканским князем. Мстислав по-братски разделил с Ярославом Русскую землю.

Несмотря на то, что Мстислав победил Ярослава, он все же предлагает ему киевское княжение: „понеже ты еси старейшей брат“ („Повесть временных лет“, 1024 г.). Никон вставил рассказ об ужасной смерти братоубийцы Святополка в пустыне „межю Ляхы и Чехы“, которую бог „сотворил“ нарочно „на наказанье [т. е. на поучение] князем русьскым“ („Повесть временных лет“, 1019 г.).

Можно думать, что на основании рассказов Вышаты было вставлено Никоном в свою летопись и новгородско-изборско-белозерское предание о призвании трех братьев варягов. Вышата, живший в Новгороде, бывавший на Белоозере (в 1064 г.) и, возможно, в Изборске, рассказывал Никону местные предания Изборска о родоначальнике русских князей Труворе, затем новгородские предания о родоначальнике русских князей Рюрике и белозерские — о родоначальнике князей Синеусе. Никон, заинтересованный в проведении идеи братства князей, объединил все эти местные предания утверждением, что Рюрик, Синеус и Трувор были братьями и были призваны для того именно, чтобы прекратить местные раздоры.[1]

Такое объединение местных преданий тем легче было сделать, что эпические предания о трех братьях — основателях городов или родоначальниках правящей династии — были широко распространены и, в частности, в Киеве, знавшем легенду об основании его Кием, Щеком и Хоривом.

После смерти братьев Рюрик остается единственным властителем. Власть его переходит к сыну — Игорю. Игорь — уже лицо историческое. Также историчен и другой князь — Олег.

---

[1] В отличие от А. А. Шахматова, мы полагаем, что новгородские известия „Повести временных лет“, в том числе и легенда о призвании варягов, восходят не к новгородскому своду 1050 г., где новгородские записи были уже соединены с киевскими, а принадлежат рассказам Вышаты, который сообщил Никону свои родовые предания, рассказы о походах русских князей на Царьград, новгородские известия и легенду о призвании трех братьев-варягов (Сказание о призвании варягов. Известия Отдела русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1904, т. IX, стр. 284—365). См. о Вышате ниже. Подробнее о легенде о призвании трех братьев варягов см. в „Комментариях“, стр. 234.

Но, чтобы не создавать других династических линий, Никон отрицает княжеское достоинство Олега и утверждает, что Олег был воеводой Игоря. Олег, правивший первоначально в Новгороде, овладевает Киевом. Игорь провозглашает киевских князей Аскольда и Дира незаконными захватчиками: „Вы неста князя, ни роду княжа, но аз есмь роду княжа“ („Повесть временных лет“, 882 г.). Со свержением Аскольда и Дира на Руси установилась единая княжеская власть Игоря, затем перешедшая к его роду. Таким образом, вновь подчеркнуто единство княжеского рода.

Итак, мы видим, что, сравнительно с автором „Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси“, Никон стоит как историк значительно выше. К тому же он представляет более широкую точку зрения на русскую историю. Автор „Сказания“ выражал точку зрения Ярослава и его ближайшего окружения. Никон, представитель Киево-печерского монастыря, выражал точку зрения господствующих классов киевского общества более широко. Он сочувствует „кыянам“, поднявшим восстание 1068 г., он вводит в свою летопись народные предания — по преимуществу дружинные; не случайны его связи с Вышатой. Точнее всего Никона следует отнести к верхам городского общества, тесно связанным с княжеской дружиной.

Все эти различия между автором „Сказания“ и Никоном говорят против гипотезы М. Д. Приселкова, отожествившего Илариона и Никона. Перед нами — представители разных политических убеждений, хотя и сходных в их отношении к грекам и в церковном вопросе.

*

Менее ясно, чем работа Никона, выступает вся дальнейшая история Киево-печерского летописания в XI в.

Не подлежит, однако, сомнению, что заветы Никона по ведению летописания с общерусскою и антигреческою направленностью твердо выполнялись. Никон сумел внушить в мона-

стыре сознание важности летописной работы. Забота о ведении летописания перешла из рук умершего Никона к монастырю в целом. Мы увидим в дальнейшем, как сознание важности летописной работы распространяется и за пределами монастырских стен, вызывая неоднократные вмешательства в летописание княжеской власти. Авторитет летописи неуклонно растет во всех слоях киевского общества.

Вновь и вновь, со все возрастающей настойчивостью обращаются киево-печерские летописцы к идее единства княжеского рода — единственного, с их точки зрения, связующего Русскую землю политического устройства. Они требуют от князей активной борьбы с половцами — далеких степных походов.

В особенно резкие отношения вступил монастырь с князем Святополком (1093—1113 гг.) в начале его княжения. Киево-печерский патерик свидетельствует, что Святополк „много насилие людем сътвори“, что он богатства „многы отъим“ (отнял) и тем самым ослабил русских: „и быша брани многы от половець, к сим же и усобица бысть в та времена, глад крепок, и скудость велиа при всем в Руской земли“.[1] Игумен Иоанн открыто обличал Святополка „несытства ради, богатства и насилия ради“.[2] Те же обличения Святополка в разорении людей и в отсутствии крепкого отпора степи, в результате чего половцы укрепились „и много насильствующем нам“, встречаем мы и у составителя рассказа о чуде Бориса и Глеба, освободивших якобы невинно заключенных Святополком.[3]

Именно к этим первоначальным годам княжения Святополка, отмеченным резкими конфликтами с ним Киево-печерского мо-

---

[1] Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 149.

[2] Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, стр. 149.

[3] Успенский сборник XII в. Моск. Синодальн. библиот. № 175/78; теперь в Гос. Историческом музее. Сказание о Борисе и Глебе издано Полянским (Чтения в Общ. ист. и древн. росс., 1870, кн. 1) и А. А. Шахматовым и П. А. Лавровым (Сборник XII в. Московского Успенского собора, вып. 1, 1899, отт. из „Чт. в Общ. ист. и древн. росс.“).

настыря,[1] относится составление нового печерского летописного свода, названного А. А. Шахматовым Начальным. Его состав устанавливается А. А. Шахматовым, как мы уже говорили, на основании новгородских летописей.

Начальный свод имел особое название: „Временник, еже нарицается летописець рускых князь и како избра бог страну нашу на последнее время, и гради почаша быти по местом...[2] и о статии Киева, како въименовася Киев".[3] За заглавием следовало предисловие, содержание которого замечательно. Оно начинается с патриотических высказываний летописца. Киев назван по имени Кия, подобно тому как Рим назван по имени царя Рима, Антиохия по имени Антиоха, Селевкия по имени Селевка, а Александрия по имени Александра. Промыслу божию было угодно, чтобы на месте, где прежде приносили жертвы бесам, возникли златоверхие каменные церкви и монастыри, наполненные черноризцами, проводящими время в молитвах. Если и мы, — говорит автор предисловия, — прибегнем к святым церквам, то получим большую пользу душе и телу. Автор предисловия пишет, что в его задачу входит рассказать о начале Русской земли и о русских князьях — как и откуда они явились. Затем автор обращается с просьбою к читателям с любовью внимать его рассказу о том, каковы были древние русские князья и их мужи, как они обороняли Русскую землю и покоряли другие страны. Противопоставляя тех князей нынешним, автор пишет: те князья не собирали себе большого имения и не теснили людей вирами и прода-

---

[1] Ср., например, конфликт на почве продажи соли (см. в Киево-печерском патерике рассказ о Прохоре Лебеднике).

[2] Дальнейшие слова, читающиеся теперь в новгородских летописях „прежде новгородьская власть и потом Киевьская", считаю вставленными в Новгороде. Мысль эта была типична для Новгорода XII—XIII вв. В 1206 г. Всеволод III говорил: „а Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли" (Лаврентьевская летопись, 1206 г.).

[3] Софийская первая летопись. Полн. собр. русск. лет., т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 8.

зьями. А дружина князя кормилась, воюя другие страны, и не обращалась к князю с жалобой на то, что ей мало предложенного ей жалованья. Автор предисловия приводит речи, с которыми обращались старые дружинники к своим князьям. Они говорили „Братие! Потягнем по своем князи и по Руской земли“, а теперешние говорят: „Мало мне, княже, 200 гривен“.[1] Старые не воскладали на своих жен золотых обручей, как нынешние, а ходили жены их в серебряных. Те, старые, „расплодили“ Русскую землю, теперь же за наше „несытство“ навел бог на нас поганых. Скот, села, богатства — все взяли поганые, а мы злых своих дел не прекращаем. Далее следуют благочестивые увещания.

Текст предисловия Начального свода дошел до нас в новгородских летописях не в полном виде. Можно предполагать, что в предисловии были пропущены упреки князьям за междоусобные войны и плохую оборону Русской земли. Упреки эти были чрезвычайно существенны для Начального свода, идеи которого воспроизводило предисловие, но они были невыгодны новгородцам в XII в., когда это предисловие было пересажено в новгородскую летопись и применено там в целях антикняжеской пропаганды. Новгород в XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти, но он существенно страдал от поборов, конфискаций, вир и других тягот, которыми князья облагали население. Поэтому новгородцы сохранили в предисловии упреки князьям в „несытстве“, но устранили все, что относилось к слабости князей: критику их междоусобий и плохой обороны Русской земли. А что такая критика когда-то имелась в предисловии, — видно из заключительной части Начального свода. В нем под 1093 г. читались строки, во многом повторявшие мысли предисловия.[2] Читалось в заключении и проникновенное

---

[1] Софийская первая летопись там же, стр. 9.

[2] Ср. в заключении Начального свода: „Да никто же дерзнеть рещи яко ненавидими богомъ есмы! Да не будеть. Кого бо тако бог любить, яко же ны възлюбил есть? Кого тако почел есть яко же ны прославил есть

описание разорения Русской земли от половцев. Отдельные элементы этого описания относятся к самым трогательным строкам русской летописи; таково, например, описание мучений русских в половецком плену.[1]

Таким образом, Начальный свод ставил себе публицистические задачи. Примером древних русских князей он стремился исправить новых. Русская история рассматривалась как назидательное и воспитывающее патриотизм чтение.

Такое же значение, какое имели для Никона рассказы Вышаты, — для составления Начального свода имели рассказы сына Вышаты — Яна. Впервые приводит летописец сведения о Яне Вышатиче под 1071 г., где записывает со слов Яна об усмирении им восстания волхвов в Белозерье, куда Ян прибыл от князя Святослава для сбора „полюдья". К Святославу черниговскому Ян, очевидно, попал на службу из Тмуторокани, пользуясь теми тесными связями, которые существовали между Тмутороканью и Черниговом. Затем Ян появился в Киеве, — очевидно, опять-таки в дружине Святослава, когда последний стал киевским князем. Здесь в Киеве Ян достиг при Всеволоде поста тысяцкого („Повесть временных лет", 1089 г.), но уже в конце правления Всеволода его положение стало непрочным: он жалуется на то, что Всеволод стал „любить смысл уных" дружинников и отстранять „первых" (т. е. прежних), к которым

и възнесл? Никого же" („Повесть временных лет", 1093 г.); и в предисловии: „Велик бо есть промысел божий, еже яви в последняя времяна! Куда же древле погани жряху бесомь на горах, тогда же ныне святыя церкви стоят златоверхия, каменозданныя, и монастыреве исполнени черноризець, беспрестани славяще бога в молитвах в бдениих, в постех, в слезах; их же ради молитв мир стоит" (Софийская первая летопись, там же, стр. 9).

[1] „Стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи, и в жажи, и в беде, опустневше лици почерневше телесы; незнаемою страною, языком испаленым, нази ходяще и боси ногы иму е сбодены терньем со слезами отвещеваху друг к другу глаголюще: «Аз бех сего города», и други: «Яз сея вси (села)». Тако съупрашаются со слезами, род свой поведающе и въздышюче" („Повесть временных лет", 1093 г.).

принадлежал сам.[1] При Святополке Ян был вовсе отставлен от политической деятельности, примкнул к числу недовольных и делился с печерским летописцем своей досадой.

Чем так недовольны были старые дружинники и почему Всеволод и Святополк отстранили Яна Вышатича? Ответ на этот вопрос дает М. Д. Приселков: „Такое единомыслие в дружинном вопросе двух князей, представителей двух враждебных ветвей княжеского дома, представителей двух сменявших друг друга поколений, нельзя, конечно, отнести к личному капризу их, как казалось это Яну, а проистекало из того, что условия жизни круто менялись и новые условия требовали новых исполнителей. Легко догадаться, сопоставляя этот факт с «Правдою» Ярославичей, что князья «Русской земли» переходили от сборов полюдья и даней к феодальной эксплоатации, что, конечно, существенно меняло весь строй жизни и князей и дружинников, из которых «первые» не умели и не могли приспособиться к условиям новой жизни, упрекая князей в том, что они «вирами и продажами» разоряют население, забыв о былых покорениях чужих земель как лучшем средстве содержания себя и дружины.

„Ян, как и все старики, срывал свой гнев на «юных» дружинниках тем, что в рассказе о завещаниях дружины Святополка (1093 г.) делил дружину (как, смягчая выражения Яна, записал летописец) на «смысленных» (т. е. стариков) и «несмысленных» (т. е. новых дружинников)“.[2]

Трижды ссылается печерский летописец на речи „смысленных людей“, состав которых определяется самим летописцем так: „Янь и прочии“. В уста этих „смысленных людей“ летописец влагает совет Святополку не выступать против половцев в одиночку, а только сообща, соединившись с войском Владимира Мономаха. „Смысленные люди“ говорили Святополку:

---

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 19.

[2] Там же.

„Не кушайся противу им [против половцев], яко мало имаши вои“. Но Святополк отвечал: „Имею отрок своих 700, иже могуть противу им стати“. Его поддержали несмысленные: „поиди княже“. Снова и снова настаивают „смысленные“ на необходимости соединенных военных усилий против степи: „Аще бы их пристроил и 8 тысячь, не лихо то есть: наша земля оскудела есть от рати и от продажь. Но послися к брату своему Володимеру [Мономаху], да бы ти помогл“. „Смыслении мужи“, и между ними Ян, обращаются к русским князьям с призывом: „Почто вы распря имата межи собою? а погании губять землю Русьскую. Последи [потом] ся уладита, а ноне поидита противу поганым, любо с миром, любо ратью“.

Личное чувство раздраженных своим отстранением от дел представителей старой дружины перерастает у них в широкий протест общественного значения. Призывы „смысленных мужей“ к согласованному отпору степным кочевникам роднят заключительную часть Начального свода со „Словом о полку Игореве“. Именно это широкое общерусское содержание речей „смысленных людей“, и между ними в первую очередь, конечно, Яна, а не только личное чувство обиженного, заставляло прислушиваться к их речам составителя Начального свода, очевидно, отбиравшего из „речей“ Яна для своих записей лишь то, что имело широкий общественный интерес, и опускавшего все то, что было продиктовано только личной обидой. Этим умением отобрать материал, умением придать своей критике княжеских раздоров и княжеской политики по отношению к степи характер широкого общественного протеста, высокой оценкой русской истории в целом летописание Печерского монастыря приобретало все больший и больший авторитет.

Святополк воспринял, очевидно, составление Начального свода как политическое выступление монастыря против него и в защиту его врага — Владимира Мономаха. Во всяком случае игумен монастыря Иван был сослан в Туров — город, где княжил Святополк до занятия им киевского стола. Этот разрыв Святополка с монастырем продолжался до 1098 г. Затем

Святополк, заинтересованный в идейной помощи монастыря, примиряется с ним и оказывает всяческую поддержку монастырю в его неладах с киевским митрополитом-греком. Святополк становится деятельным сторонником общерусских традиций монастыря.

*

В 1098 г. состоялось примирение Печерского монастыря и Святополка. Как произошло это примирение и каковы были его причины, — все это еще далеко не выяснено. Во всяком случае, Святополк откликнулся на антигреческое направление монастыря. Ему удалось ослабить формы греческой церковной гегемонии. Он поддерживает русский культ князей Бориса и Глеба и добивается частичной[1] канонизации Феодосия Печерского.

Святополк сделал Печерский монастырь своим княжим монастырем. Он имел обыкновение заходить в него перед походами, приписывал свои победы заступничеству Феодосия Печерского и добился для Печерского монастыря признания его архимандритией, что давало монастырю некоторую независимость от киевской митрополии. Наконец, что особенно важно, Святополк начинает поддерживать печерское летописание, и княжеская поддержка поднимает авторитет печерских летописцев. Политическое значение летописи хорошо осознавалось Святополком, и он сделал все, чтобы летопись не походила более на антикняжеский свод 1093 г., а служила бы в первую очередь его целям.

Повидимому, около 1113 г. в Печерском монастыре составляется новый памятник русского летописания — „Повесть временных лет“.

Выполнителем нового исторического труда явился, по всей вероятности, монах Киево-печерского монастыря Нестор. В непосредственном виде труд Нестора не сохранился. Он сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакто-

[1] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 2, стр. 389.

ров. Эти редакторы, принадлежавшие к другой политической ориентации и к другому, враждебному печерянам, монастырю, изъяли имя Нестора из заглавия летописи. Но в одном из списков — так называемом Хлебниковском — имя Нестора все-таки сохранилось: „Нестера, черноризца Федосьева манастыря Печерьского".[1] Можно думать, что это не позднейшая вставка, так как еще в XIII в. имя Нестора связывали с созданием „Повести временных лет": в своем послании к епископу Симону 1232 г. Поликарп в числе прочих постриженников Печерского монастыря упоминает и Нестора, „иже написа Летописецъ".[2]

Правда, признание Нестора составителем „Повести временных лет" встречало в науке неоднократные возражения. Исследователи ссылались на противоречия между отдельными сведениями, читающимися в „Повести временных лет" о Киево-печерском монастыре, и теми, которые даются о том же монастыре в достоверно принадлежащих Нестору произведениях, в частности, в Житии Феодосия. Однако противоречия эти отнюдь не могут свидетельствовать против авторства Нестора: „Повесть временных лет", как доказывает А. А. Шахматов, была составлена Нестором на 25 лет позднее Жития Феодосия, и противоречащие в ней Житию Феодосия места не принадлежат Нестору: они находятся в ней в составе той части, которая целиком была заимствована Нестором из предшествующего летописного свода.

В пользу авторства Нестора следует привести и следующее соображение: уже два ранних житийных произведения Нестора — „Чтение" о князьях Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского — характеризуют его как писателя, склонного к большим историческим обобщениям и к тщательной проверке исторического материала. Он называет лиц, со слов которых записаны

---

1 След от старого заглавия „Повести временных лет" с именем Нестора остался в Ипатьевской летописи и сходных с нею списках, где нет имени Нестора, но сказано, что она принадлежит „черноризцу Федосьева монастыря".

2 Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича. Киев, 1931, стр. 126; ср. также стр. 133.

им события или у которых можно было бы проверить сообщаемые им сведения. В Житии Феодосия он ссылается на свидетельство не только монахов своего Печерского монастыря — современников Феодосия, но и на лиц сторонних: на черниговского игумена Павла, на выдубицкого игумена Софрония, на боярина Гегуевича Здеслава и др. Характеризуя историческую работу Нестора в Житии Феодосия, М. Д. Приселков писал: „Все произведение может вызвать во внимательном читателе чувство удивления перед тем искусством автора, с каким сшивает он этот ковер пестрых и отрывочных эпизодов жизни Феодосия в связное и живое произведение, в котором соблюдены, однако, внутренняя хронология и большая точность“.[1]

Исключительный интерес для выяснения исторических взглядов Нестора представляет собою его „Чтение“ о Борисе и Глебе. Так же как и русская часть летописи Нестора, — Житие Бориса и Глеба вставлено Нестором в общеисторическую раму. В „Чтении“ о Борисе и Глебе Нестор проводит идею, близкую к концепции Илариона, но осложненную публицистическим стремлением убедить князей прикончить губительные для русского народа усобицы.

История человеческого рода, с точки зрения Нестора, есть история борьбы добра и зла. Дьявол, искони ненавидевший добро, соблазнил Адама и Еву, и они были изгнаны из рая. По наущению дьявола, потомки Адама и Евы предались язычеству и стали поклоняться идолам. Бог послал пророков, но люди „и тех не послушаша, нъ и темь досадиша, а инех побиша“.[2] Тогда милосердный бог послал своего сына для спасения человечества, и апостолы разнесли его учение по всем странам света. Но Русская земля осталась без апостольского просвещения: бог хранил Русскую землю для последнего часа. В этот последний час бог призвал Русскую землю. Князь Владимир просветил учением

---

[1] М. Д. Приселков. Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 99.

[2] Памятники древнерусской литературы, вып. 2, Жития св. муч. Бориса и Глеба. Под ред. Д. И. Абрамовича, Пгр., 1916, стр. 2.

Христа русский народ, крестившийся без сопротивления и ропота. Перед русским народом стояла великая историческая миссия: как последний из призванных, он должен был стать первым в историческом процессе. Но дьявол решил поразить Русскую землю в самое сердце — в „корень" крестившего ее Владимира. Он воздвигает распрю в семье Владимира, в которой среди многих сыновей, как „две звезде светле", сияли Борис и Глеб. По наущению дьявола, брат Святополк убивает их. Однако безропотная смерть Бориса и Глеба, оставшихся верными и покорными своему старшему брату — убийце Святополку, разрушает замыслы дьявола. Борис и Глеб подали своею смертью всем русским князьям пример братской любви и покорности. Их устами провозглашен принцип старшинства: „Не отъиду, ни отбежю от места сего, ни пакы супротивлюся брату своему, старейшому сущю", — говорит Борис;[1] „Ни пакы смею противитися старейшому брату", — вновь и вновь повторяет Борис.[2]

Таким образом, культу Бориса и Глеба Нестором придано широчайшее историческое значение. С этим культом связано торжество Русской земли над кознями дьявола, пытающегося посеять раздоры среди князей. Распри князей, князей-братьев (русские князья — все потомки одного родоначальника, Рюрика), — последняя надежда дьявола воспрепятствовать торжеству добра в мире. Однако Борис и Глеб собственной смертью защитили Русскую землю от покушений дьявола, подали спасительный пример всем русским князьям и после смерти продолжают оказывать покровительство Русской земле.

Так идея братолюбия князей и их „покорения" старшему в роде выдвигалась Нестором как центральное звено исторических событий последних лет. Публицистические идеи печерских летописцев были, таким образом, соединены Нестором в его „Чтении" с всемирно-исторической концепцией первых официальных произведений времени Ярослава Мудрого. То же

---

[1] Там же, стр. 9.

[2] Там же, стр. 10.

соединение философско-исторической схемы, по которой Русской земле отводилось первое место, с публицистическими тенденциями и страстной злободневностью было характерно и для крупнейшего из произведений Нестора — „Повести временных лет“.

„Повесть временных лет“, завершившая собою историю печерского летописания XI в., по самому характеру своего изложения свидетельствовала вместе с тем о своеобразном возвращении к спокойно-эпическому тону и философским обобщениям „Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси“. Это и понятно: перед Нестором стояли совсем иные задачи, чем перед его предшественниками — печерскими летописцами второй половины XI в. Летопись из оппозиционной становилась официальной и государственной, хотя и сохраняла кое-что из публицистического направления первых печерских сводов. Отсюда торжественный характер „Повести временных лет“, отсюда ее сдержанность в оценке событий русской истории и исключительное внимание к начальному периоду русской истории: к вопросам происхождения Русского государства, русского народа, отдельных племен, их названий и т. д.

Вместо того чтобы оставаться „временником“ современных летописцу событий, летопись уделяла главное внимание общим проблемам русской истории. Свои задачи Нестор точно сформулировал в самом названии своего труда: „Се Повести времяньных лет, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть“.

Нестор связал русскую историю с мировой, придал ей центральное значение в истории европейских стран. Показать Русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без рода и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться, — такова замечательная по своему времени цель, которую поставил себе составитель „Повести“. „Повесть временных лет“ должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задача

эта выполнена летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем. Широта замысла сообщила спокойствие и неторопливость рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом.

Начало „Повести временных лет“ посвящено событиям всемирной истории в ее средневековом понимании. Летописец вводит русскую историю в мировую, сообщая самые разнообразные сведения — географические, этнографические, культурно-исторические. Неторопливо раскрывает летописец ту историческую обстановку, в которой родилось Русское государство.

„Повесть временных лет“ открывается историко-этнографическим введением. Нестор ведет свой рассказ от „всемирного потопа“ и распределения Земли между сыновьями Ноя. Он перечисляет страны, отошедшие к Симу, затем зе́мли Хама и, наконец, особенно подробно останавливается на тех „полунощных“ (северных) и западных странах, которые отошли к Иафету. Нестор подчеркивает при этом, что, разделив всю Землю по жребию на три части, братья обещали „не преступати никому же в жребий братень, живяхо ко̀ждо в своей части“. Затем Нестор рассказывает об образовании народов и языков. Он передает библейскую легенду о Вавилонском столпотворении, во время которого люди разделились на народы и заговорили на разных языках, и отмечает образование славян „от племени“ Иафета.

Первоначально, утверждает Нестор, славяне жили по Дунаю, — там, где ныне Венгерская („Угорьска“) и Болгарская земли. Отсюда-то и произошло расселение славян, приведшее затем к образованию различных славянских племен и народностей. Свои названия славянские племена получили по тем местам, где они первоначально сидели: „от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими: где седше на котором месте“. Летописец указывает западных славян — мораву и чехов, южных — белых хорватов, сербов и хорутан. Расселение дунайских славян было вызвано нашествием волохов, под которыми

А. А. Шахматов предлагает видеть западных франков — народы монархии Карла Великого.[1] Часть славян ушла от волохов на Вислу и прозвалась ляхами (поляками). Ляхи, в свою очередь, распались на полян, лутичей, мазовшан и поморян. Некоторые из дунайских славян сели по Днепру и назвались полянами, другие — древлянами, потому что „сели в лесех“, третьи сели между Припятью и Двиною и прозвались дреговичами, четвертые сели на реке Полоте и прозвались полочанами. Наконец, часть „словен“ села около озера Ильменя, прозвалась „своим именем“ (т. е. славянами) и построила город, названный Новгородом. Затем Нестор указывал место поселения племени севера, после чего следовала заключительная фраза „тако разидеся словеньский язык“ и сообщалось, что по имени славян назвалась и грамота славянской.

За этими обстоятельными сведениями о расселении племен летописец переходит к сообщению географических сведений о Русской земле. Просто и наглядно дает летописец географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами, с замечательною последовательностью начиная свое описание с водораздела рек Днепра, Западной Двины и Волги. „Днепр бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полъдне (на юг), а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье (на север) и внидеть в море Варяжьское (Балтийское). Ис того же леса потече Волга на въсток, и вътечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское (Каспийское). Тем же и из Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на въсток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское...“.[2]

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. Труды Отдела древнерусской литературы, IV, 1940, стр. 29.

[2] Предполагаю, что географическое описание Руси не принадлежит к рассказу об апостоле Андрее, как думал А. А. Шахматов. Правда, географическое описание вводится фразой „поляном же жившим особе“, которая повторяется вслед за рассказом об Андрее — „полем же жившем особе“,

Вслед за географическим описанием Руси, Нестор передает легенду о трех братьях, основателях Киева — Кие, Щеке и Хориве, читавшуюся еще у его предшественника.

Затем Нестор переходит к рассказу о постепенном политическом обособлении русских племен — полян, древлян, дреговивичей, словен и полочан — и перечисляет соседние русским народности: весь на Белоозере, мерю на Ростовском озере и на Клещине, мурому у устья Оки. Упоминание других народностей вынуждает Нестора дать точный перечень славянских народов, населяющих Русь, а также неславянских, платящих дань русским и входящим в политический союз Руси. К последним относятся Нестором чюдь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, либь. Все эти народы говорят на языках „от колена Афета".

Перечисление народов, платящих дань Руси, вызывает у Нестора воспоминание о тех временах, когда славяне сами бывали покоряемы другими народами. Он рассказывает о народах, временно угнетавших славян: о болгарах, покоривших себе дунайских болгар, о белыхуграх, овладевших славянскою землею, об обрах (аварах), печенегах и, наконец, о черных уграх, проходивших около Киева при вещем Олеге. Смысл этого перечисления ясен: народы, угнетавшие славян, все исчезли или ушли, а славяне остались и сами берут дань с других народов. Именно поэтому летописец передает народный рассказ об обрах, угнетавших славянское племя дулебов. Обры эти были телом велики и умом горды, они впрягали в телеги дулебских женщин и ездили на них, как на скоте, но бог истребил их без остатка так, что есть и сейчас поговорка на Руси: „погибоша, аки обре".

Упомянув еще несколько славянских племен, не вошедших в прежние перечисления, — радимичей, вятичей, угличей, тивер-

---

но фраза эта встречается и еще раз ниже после рассказа об обрах, примучивших дулебов: „поляном же живущем особе", и, таким образом, не свидетельствует о вставке в этом месте,

цев, — Нестор переходит к описанию нравов славянских племен, населяющих Русскую землю. Это описание нравов подчинено единой идее: каждая народность и каждое племя имеет свой „закон“ и свой „нрав“, переданный им от отцов их. В подтверждение этой своей мысли летописец ссылается в конце своего описания на византийского историка Георгия Амартола и приводит из него несколько ссылок на нравы народов Востока и Европы. Летописец противопоставляет в своем описании „кроткий и тихий“ образ жизни полян нравам древлян, радимичей, вятичей и север, живущих „звериньским образом“. В этом выделении полян заметен местный патриотизм киевлянина. Свой обзор образа жизни различных племен и народов Нестор заканчивает краткой характеристикой нравов главных врагов Руси — половцев — и отмечает преимущества христианских нравов Руси как более высоких. Как здесь, так и в других местах „Повести“ Нестор осознает русских цивилизованным и культурным народом.

Постепенно и логично сужая свою тему, Нестор переходит затем к древнейшим судьбам полян. Он повествует о покорении полян хазарами, сведения о которых были им почерпнуты из предшествующего летописного свода. Покорение это сопровождалось пророчеством „хазарских старцев“, предсказавших, что поляне, давшие в качестве дани обоюдоострые мечи, сами когда-нибудь станут собирать дань на хазарах (что и сбылось, — прибавляет от себя летописец). Таким образом и здесь настойчиво повторяется та же мысль о том, что русские, когда-то угнетавшиеся и платившие дань другим народам, ныне сами вершат судьбами своих соседей.

На этом заканчивается вводная часть „Повести временных лет“. За нею следует собственно историческая часть, которую летописец стремится вложить в строгую хронологическую сеть годовых статей.

Нестор проделал огромную работу по уточнению хронологической сети летописания. Повидимому, даты первоначальных русских княжений до Нестора не были определены по при-

нятому в средние века летосчислению „от сотворения мира“. Возможно, что первые печерские летописцы знали лишь, что Игорь княжил 23 года, Святослав — 28 лет, Ярополк — 8 лет и т. д. Лишь Нестором была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников. Этими источниками послужили для него показания византийских хроник, в которых даты отсутствовали, но которые могли, тем не менее, помочь Нестору в его заботах о точности, затем данные Сказания о Кирилле и Мефодии и договоры с греками, о которых скажем ниже.

Древнейшая хронологическая веха „Повести временных лет“ — 852 год — взята Нестором у его предшественника — составителя печерского Начального свода.

Первую дату русской истории Нестор сопровождает большой хронологической таблицей главнейших событий всемирной и русской истории. „Тем же отселе почнем и числа положим“,— говорит Нестор. Действительно, строгий хронологический принцип кладется Нестором в основу всего дальнейшего изложения. Мы видели выше, что введение в летописание хронологического принципа следует относить к 60-м годам XI века, т. е. ко времени работы летописца Никона, однако только Нестор полностью осознал важность этого принципа и проделал поражающую своей кропотливостью работу по уточнению основных хронологических вех русской истории.

Вслед за хронологической таблицей, приведенной под 852 г., Нестор поместил ряд годов, многие из которых вовсе не отмечены записями, очевидно ввиду невозможности найти для них какой бы то ни было исторический материал. Вставляя эти пустые года в свое летописание, Нестор подчеркивал этим самый принцип, летописную форму, а может быть даже давал этим как бы задание для разысканий своим продолжателям.

Следующие русские события записаны в летопись под 859 и 862 гг.: это легенда призвания варягов на Русь. Мы видели выше, как упорно стремился Нестор объяснить теми или иными путями происхождение названий племен и народностей. Есте-

ственно, что важнейшей задачей Нестора было бы объяснение названия „Русь“. Нестор не дал его в своем месте — там, где объяснял названия славянских народностей, — отодвинув это объяснение к изложению легенды о призвании варягов.

Свою теорию Нестор строит, не избежав натяжек. У своего предшественника Нестор прочел „и седе Игорь княжа в Киеве, и беша у него варязи мужи словене, и оттоле прозвашася Русью“.[1] Отсюда Нестор объясняет название Руси так: Русь это и есть варяги. Русь — варяжское племя, то самое, откуда происходили призванные братья — Рюрик, Синеус и Трувор. Название варяжского племени Русь передалось славянским племенам, призвавшим к себе представителей Руси. Вот почему, чтобы избежать противоречий, Нестор вставляет имя Руси в принадлежавшее его предшественнику летописцу перечисление племен и народов, населявших европейский Север: „варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва“ и т. д. В самый рассказ о том, как были призваны варяги, Нестор к словам предшествующей летописи „и идоша за море к варягом“ добавил: „к Руси; сице бо ся зваху тьи варязи Русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си“. Но как избегнуть возражения, что сейчас (во времена летописца) скандинавский Север не знает племени Русь? Нестор находит выход из этого затруднения в утверждении, что три брата явились на Русь со всем своим племенем: „пояша по собе всю Русь“. Вся Русь, таким образом, переселилась на юг без остатка; вот почему ныне и нет среди скандинавских племен племени с названием Русь.[2] Итак, Нестор утверждал норманское происхождение княжеского рода и самого названия Руси. Чем же объяснить, что летописец, столь последовательно стремившийся утвердить значение

---

[1] Новгородская первая, Синодальный список, 854 г.

[2] См. подробнее: Разыскания…, гл. XIII: „Сказание о первых русских князьях“, а также: „Сказание о призвании варягов“. Известия Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1904, кн. 4.

русского народа в мировом историческом процессе, был склонен выводить и название Руси и княжеский род из-за моря — от варягов?

Мы видели, что легенда о призвании варягов складывалась постепенно и искусственно (стр. 94). Летописцы были заинтересованы в прекращении начавшихся при сыновьях Ярослава Мудрого княжеских усобиц и свойственными средневековому мышлению методами пытались с помощью этой легенды внушить князьям, что все они — „единого деда внуки“, что князья были призваны народом для установления порядка, для прекращения усобиц. Можно догадываться, что легенда эта служила, кроме того, еще одной цели. С норманского Севера Русскому государству не угрожала более опасность. Иными были русские отношения к византийскому Югу. Согласно смыслу византийской теории императорской власти, все христианские народы должны были стать и в политическую зависимость от Империи. Византия и в XI, и в XII, и в последующие века настаивала на тесной зависимости русской государственности от Византийской империи и стремилась поддержать это мнение на Руси раздачей византийских придворных чинов русским князьям.[1] С точки зрения греков, Русское государство было обязано своим происхождением Византии. Законная власть явилась на Русь лишь после ее крещения и была неразрывно связана с церковью. Вот с этой-то греческой точкой зрения и боролись печерские летописцы. Она представляла собой существенную опасность, поскольку ее проводником являлся киевский митрополит-грек. В своей общерусской и антигреческой политике печерские монахи были последовательными противниками киевского митрополита, его политики и его теории. „Норманнская теория“ печерских монахов была теорией антигреческой. Она утверждала прямо противоположную точку зрения на происхождение Русского государства: не с визан-

[1] Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 37 и сл.

тийского юга, а со скандинавского севера. Русское государство оказывалось образованным еще до принятия христианства и, следовательно, было независимо от церкви; независимость же от церкви означала прежде всего независимость от митрополита-грека, к чему настойчиво стремился и сам Киево-печерский монастырь.

Почему же, однако, в своем утверждении независимости Русского государства от Византии Нестор не обратился к утверждению исконной независимости Русского государства от чьей бы то ни было опеки, а прибег к теории иноземного происхождения рода князей? Ответ на этот вопрос может быть только один: в традициях ученой средневековой историографии было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству.[1] Эти традиции были тесно связаны с ограниченностью исторического мышления средневековья. Всякому новому явлению общественного развития в средние века искали объяснения на стороне. Его считали привнесенным извне, дарованным богом, явившимся из иностранного государства, или результатом чьего-либо постановления, приказания, иногда результатом договора и т. п., а не возникшим в результате закономерного исторического развития, представления о котором еще отсутствовали. Особенно резко эта черта донаучных исторических представлений сказывалась там, где дело касалось происхождения тех или иных знатных родов (королевских, княжеских, дворянских и т. д.). Знатный род нельзя было также выводить из своей собственной страны, так как это неизбежно должно было возвести его к какому-

[1] В Западной Европе происхождение народов, основателей городов, родоначальников династий очень часто возводилось к лицам, принимавшим участие в Троянской войне. В происхождение французов от Франка, сына Гектора, а французских королей от троян верили даже в XVI столетии. Многие из своих династий немцы выводили из Рима, швейцарцы — от скандинавов, итальянцы — от германцев. Близкую к нашему сказанию о призвании варягов легенду передает Видукинд Корвейский, рассказавший в своей хронике о призвании трех братьев-саксов. См. свод данных по этому вопросу: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 65 и сл.

либо „незнатному" родоначальнику. Вот почему вплоть до XVIII в. многие дворянские роды, часто вопреки исторической действительности, стремились возвести свое происхождение к тем или иным иностранным выходцам — все равно: татарским, немецким, польским, литовским или римским. Так было в России, так было и в других странах. Итак, в силу исторически обусловленной ограниченности своего мышления, Нестор и его предшественники представляли себе возникновение государственной власти на Руси не в результате общественного развития, а из акта „призвания". Однако замечательно, что инициатива в создании Русского государства для летописцев исходила от самого народа. В этом отношении летописцы представляли создание Русского государства более глубоко, чем современные псевдоученые норманнисты, воспринявшие в легенде о призвании варягов только ее наиболее „примитивную" и отсталую часть. Русское государство, с точки зрения летописцев, возникло на основе своеобразного договора народа с князьями, на основе их „призвания". Летописцы резко отделяют варягов „находников" (захватчиков), изгнанных народом, от варягов, „приглашенных" народом.

Итак, легенда о призвании трех братьев варягов — искусственного, „ученого" происхождения. Еще более искусственного происхождения и то объяснение, которое дал Нестор слову „Русь". Оно принадлежит только ему — Нестору, но не его предшественникам-летописцам. Это видно из предшествовавшего „Повести" Начального свода, отразившегося, как мы уже говорили, в составе новгородских летописей, где Русь не только не отожествляется с варягами, но прямо им противопоставлена (см., например, под 1043 г.: „и дав ему воя многы: варязи, Русь, „рекоша Русь Владимиру.., а варязи рекоша.., и послуша Владимир варяг", Софийская первая летопись; это противопоставление убрано Нестором под 1043 г. в „Повести временных лет"). Действительно, слово „Русь" гораздо древнее 862 г. Названия „русь", „рось" издавна бытовали на территории будущей Руси и вошли во многие географические названия (Рось, Росино,

Руска, Руса и мн. др.). Можно считать бесспорно установленным, что слово „русь“, „рось“ — местное, а не привнесенное откуда бы то ни было. Оно значительно древнее 862 года и еще раньше употреблялось в отношении русских иноземными писателями.

Вслед за изложением легенды о призвании трех братьев-варягов, рассказ Нестора первоначально основывается главным образом на греческой хронике Георгия Амартола и его продолжателя, как на одном из основных своих исторических источников. Собственно русских известий в нем немного; водворение Олега в Киеве, женитьба Игоря, поход Олега на Царьград, второй поход Олега и смерть Игоря. Замечательно, что, собирая эти сведения о русской истории IX и самого начала X в., Нестор умело преодолевал огромные трудности. В некоторых случаях он поступал как настоящий исследователь, которому приходится на основании чрезвычайно скудного материала создавать цельную картину исторического развития. У продолжателя Амартола Нестор нашел сообщение о походе русских на Царьград (под 866 г.) и вставил в него имена Аскольда и Дира, очевидно, сопоставив рассказ Амартола с какими-то русскими народными преданиями о походе Аскольда и Дира.

Под 882 г. Нестор сообщил о княжении Олега и дальше под ближайшими годами рассказал о покорении им древлян, северян, радимичей. Под 887 г. в „Повести временных лет“ читаются известия из продолжателя Амартола, а затем следует ряд незаполненных годов. Под 898 г. Нестор рассказывает о прохождении угров (венгров) мимо Киева и приводит легендарную историю об обретении славянских письмен Кириллом и Мефодием и о их миссии в Моравию. Под 902 г. снова находятся известия из византийской истории, почерпнутые у продолжателя Амартола. Под 903 г. сообщается о женитьбе Игоря. Под 907 г. читается длинный рассказ о походе Олега на Царьград с приложением к нему текста договора Олега с греками. Сообщение 911 г. о комете, повидимому, взято у продолжателя Амартола. Затем под 911 г. приводится новый текст договора Олега с греками и рассказывается известная легенда о смерти вещего

Олега от собственного коня. В подтверждение того, что волхвы могут иногда предсказывать будущее, а может быть и для того, чтобы оправдать себя от возможных обвинений в доверии к волхвам, Нестор приводит ряд аналогичных случаев с волшебной силой Аполлония Тианского. Затем следует рассказ о вокняжении Игоря, о первых его столкновениях с древлянами и снова ряд византийских известий из продолжателя Амартола. Постепенно русские известия становятся все более и более частыми, Нестор начинает все более и более следовать изложению предшествующей летописи. В ней он находит уже более твердую опору для своего повествования и ему меньше приходится изыскивать на стороне исторические данные.

Существенным приобретением Нестора для русской истории были тексты договоров русских с греками. Нестор ясно осознал историческую ценность этих документов и не только вставил их текст в свое изложение, но использовал их показания для выверки хронологических данных и уточнения княжеской генеалогии.

Откуда были взяты тексты договоров, которыми воспользовался Нестор? По свидетельству византийского историка Менандра, обычно все договорные грамоты изготовлялись в Византии в двух экземплярах. Один экземпляр составлялся от имени императора, а другой — от имени правителя страны, с которой велись переговоры. Само собой разумеется, что основным текстом считался первый, а второй был лишь видоизменением первого.[1] С этого последнего экземпляра делался перевод на язык народа, с которым договаривались, и хартия этого перевода хранилась у правителя этого народа. Именно эти-то экземпляры договоров русских с греками и были, очевидно, выданы Нестору из княжеской казны.

Вот почему в тексте этих договоров „мы“, „нашь“ относятся к русской стороне, а „вы“, „вашь“ — к греческой. Однако замена форм первого лица вторым и обратно произведена не

---

[1] Ср. в договоре 944 (945) г.: „едина харатья... на ней же есть крест и имена наша написана, а на другой послы ваши и гостье ваши“ (Повесть временных лет., 945 г.).

всюду достаточно последовательно: мы имеем случаи употребления местоимения „мы“, „нашь“ в отношении к греческой стороне.

Что тексты договоров, хранившиеся в казне Святополка, были славянские и что переводы их должны были совпадать со временем фактического ведения переговоров, доказано исследованием акад. С. П. Обнорского. По его заключению, „перевод договора 912 г. (т. е. 911 г. — Олега, — *Д. Л.*) — неискусный, очень близкий к оригиналу, пестрит грецизмами всякого вида, обилен соответственно и нарушениями требований русского синтаксиса“,[1] он был „сделан болгарином на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком“.[2] Перевод другого договора — 945 г. (Игоря) — принадлежит иному переводчику, он сделан „более умелою рукою, более удобопонятен, не так заполнен грецизмами, относительно мало грешит в интересах русского синтаксиса“,[3] его переводчиком должен был быть русский книжник, „соответственно и отразивший в переводе смешение и русской и болгарской книжной стихии“.[4]

Кроме договора Олега 911 г. и договора Игоря 945 г., Нестор занес в летопись еще два договора — Олега же — 907 г. и Святослава — 972 (971) г. Однако, как доказано исследованиями А. А. Шахматова, договор 907 г. представляет собой простую выборку некоторых статей из договора 911 г. А. А. Шахматов считает, что договора 907 г. не существовало вовсе, летописец механически отнес некоторые статьи 911 г. к 907 г., предполагая, что одержанная Олегом в 907 г. победа над греками была также завершена особым договором, который он гипотетически и воспроизвел на основании текста 911 г. Договор 972 г. скорее представляет собою текст присяги, данной Святославом грекам. Он краток, сжат и носит на себе следы свежего впечатления от неудачи похода.

Договоры 911, 945 и 972 гг. не только уточнили даты

---

[1] С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. „Язык и мышление“, VI—VII, 1936, стр. 102.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 102—103.

походов русских на Константинополь: наличие самостоятельных договоров Олега с греками убедило Нестора в том, что Олег был не воеводой, а князем. Вот почему Нестор отказался от версии Начального свода о воеводстве Олега (см. выше), а предположил, что Олег был родственником Игоря, княжившим во время малолетства Игоря вместо него. Утверждение это совпало с народным преданием, знавшим Олега как князя.

Народным преданием Нестор воспользовался не один раз. В этом отношении он действовал по примеру своих предшественников — печерских летописцев. На основании народных преданий Нестор включил в „Повесть временных лет" рассказ о сожжении Ольгою Искоростеня с помощью птиц, к которым был подвязан зажженный трут, затем — рассказ о белгородском киселе, который белгородцы, по совету одного старца, налили в колодец и тем убедили осаждавших их печенегов, что их кормит сама земля.

Нестору же, повидимому, принадлежит пересказ устного сказания о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем на реке Трубеже „на броде, где ныне Переяславль" („Повесть временных лет", 992 г.). Следуя своему обычному стремлению объяснять происхождение названий, Нестор воспользовался этим сказанием — чтобы истолковать самое слово Переяславль. Нестор объяснил его тем, что здесь на месте будущего города отрок-кожемяка „переял славу" печенежского богатыря.

Сказание рассказывает, как вызванные на единоборство русские тщетно искали поединщика, который смог бы противостать печенежскому богатырю, как затем начал „тужить" Владимир Киевский, посылая по всем воинам и как, наконец, объявился некий „стар мужь" и рассказал Владимиру о своем оставшемся дома меньшем сыне, кожемяке, который мог бы бороться с печенежином.

Приведенный к князю неказистый на вид юноша просит предварительно испытать его, вырывает у разъяренного быка бок с кожей, „елико ему рука зая", а затем побеждает превеликого и страшного богатыря-печенежина. Обрадованный Владимир

заложил на месте поединка город, назвав его Переяславлем, а скромного кожемяку сделал „великимь мужем“.

В легенде о кожемяке мы имеем единственный в своем роде случай, доказывающий, что сложение народного цикла сказаний вокруг Владимира I Святославича началось уже на рубеже XI—XII вв. В самом деле, город Переяславль упоминается еще задолго до княжения Владимира — в договоре с греками 911 г. Поэтому легенда об основании Переяславля, очевидно, не была первоначально приурочена к княжению Владимира. Только впоследствии — во времена Нестора — она связалась с популярным именем Владимира I, свидетельствуя тем самым о каких-то мало известных еще нам фактах начавшейся циклизации русского эпоса вокруг Владимира.

Последнюю часть своей летописи по 1110 г. Нестор писал в значительной мере на основании лично им собранных сведений. Мы имеем лишь слабое представление об этой работе Нестора, так как именно конец „Повести временных лет“ подвергся через несколько лет коренной переработке.

Замечательно, что здесь, в этой части его летописи, сказалась столь типичная для Нестора манера изложения от первого лица, — своеобразный эгоцентризм его повествования. Достоверно Нестору принадлежат три рассказа: о перенесении мощей Феодосия под 1091 г., о набеге половцев на Печерский монастырь в 1096 г. и об удачном походе Святополка в 1107 г.

Рассказ Нестора об открытии мощей Феодосия в своем роде замечателен. В противоположность обычной для средневековой литературы обобщенности и схематичности повествования, Нестор подробно описывает, как он сам с помощником монахом ночью втайне откапывал гроб Феодосия в пещере, как тщетны были в первое время его усилия, как, устав копать, передал он свою „рогалию“ другому „брату“, как снова взял от него „рогалию“ и стал копать сам, а „брат“ усталый лег спать перед пещерой, как затем в монастыре ударили в било. Брат, лежавший при входе в пещеру, сказал об этом Нестору, который как раз в это время докопался до гроба. Нестор

рассказывает, как его объял при этом ужас и как он начал взывать „господи, помилуй!“.

Такою же картинностью отличается и рассказ Нестора о нападении половцев на Печерский монастырь в 1096 г. Нестор повествует, как половцы „придоша на манастырь Печерьскыи, нам сущим по кельям почивающим по заутрени. И кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыми, нам же бежащим задом манастыря, а другим възбегшим на полати“.[1]

Последний из бесспорно принадлежавших Нестору рассказов летописи — о победе над половцами в 1107 г. — подчеркивает роль Печерского монастыря в военных удачах Святополка. Святополк имел обыкновение заходить перед отправлением в поход и молиться у гроба Феодосия. Вернувшись после победы над половцами, Святополк прямо направился в монастырь, где целовал братью и „с радостью великою“ произнес перед ней краткое слово, тут же записанное в летописи.

Создание „Повести временных лет“ свидетельствует о широкой начитанности Нестора. Уже в своем Житии Феодосия Нестор сам называет большое (из 92 глав) житие Антония Великого, составленное в IV в. Афанасием Александрийским, и житие Саввы Освященного, написанное в VI в. Кириллом Скифопольским. Но там же заметны следы начитанности Нестора и в других произведениях византийской литературы.

Начитанность, проявленная Нестором при создании „Повести временных лет“, исключительна. Однако Нестор не следует литературной манере своих источников или, если и следует, то лишь в некоторых случаях. Он использует византийские произведения не как литературные образцы, а как исторические источники. Он пользуется их историческими сведениями, но не идеями и не подражает им.

---

[1] Манера вести повествование от первого лица и подчеркивать свое участие в событиях типична и для житийных произведений Нестора.

Широко пользуется Нестор византийской Хроникой Георгия Амартола и его продолжателя, имевшейся ко времени Нестора в русском переводе.[1] Георгий Амартол изложил всемирную историю до 812 г., а его продолжатель — до 948 г.

Нестор воспользовался, кроме того, Летописцем, составленным константинопольским патриархом Никифором (доведшим изложение до года своей смерти — 829),[2] Житием Василия Нового, а именно тою частью его, в которой описывался поход Игоря на Константинополь, каким-то хронографом особого состава, в который входили отрывки из известной хроники Иоанна Малалы, Пасхальной хроники, хроники Георгия Синкелла и того же Георгия Амартола. Нестор использовал затем Сказание о переложении книг на словенский язык, Откровение Мефодия Патарского, статью Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника и т. д.

Замечательно, что, пользуясь сведениями своих исторических источников, Нестор свободно перестраивает их текст: сокращает и упрощает стилистически. Так, например, вместо выражения продолжателя Амартола „почтен бысть Роман Кесарево саном“,[3] Нестор пишет „поставлен царь Роман в грекох“ („Повесть временных лет“, 920 г.), вместо выражения „злое пришествие Антиохово“,[4] Нестор пишет просто „Антиохово нашествие“[5] („Повесть временных лет“, 1065 г.) и т. п.

---

[1] Впервые указал на пользование Нестора Амартолом П. М. Строев в статье „О византийском источнике Нестора“ (Труды Общества истор. и древн., т. IV, 1828). См. подробно: А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. Труды Отдела древнерусской литературы, IV, 1940, стр. 41—52.

[2] А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 62—65. — Летописец Никифора именуется в русских рукописях „Летописцем вскоре“.

[3] В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 552.

[4] Там же, стр. 200.

[5] Возможно, однако, что сокращение хроники Амартола принадлежит не Нестору. Последний мог заимствовать цитаты из Амартола в уже сокращенном виде. В таком сокращенном виде они могли находиться в особом „Хронографе по великому изложению“, восстанавливаемом В. М. Истриным.

Иногда в стилистической переработке источников чувствуется патриотическая рука. Нестор не только изменяет стиль, но отчасти, очень осторожно, перерабатывает и самое освещение событий. Так, например, в житии Василия Нового говорится о сражении Игорева войска с греками: „и брани межю ими бывши, побежени быша Русь, и биша их грецы бежащих“.[1] Нестор же излагает это событие так: „и брани межю ими бывши зьле, одва [едва] одолеша греци“ („Повесть временных лет“, 941 г.). В другом месте того же описания в Житии Василия Нового говорится: „и бысть видети страшно чюдо како боящеся пламене огненаго“, Нестор опускает обидное для русских слово „боящеся“ и заменяет его словом „видящи“: „Русь же видящи пламянь“ („Повесть временных лет“, 941 г.).

В целях чисто литературной обработки изложения Нестор привлек чрезвычайно обширный материал из книг Ветхого и Нового заветов. В „Повести временных лет“ находим выписки из книг Бытия, Исхода, Левита, Царств, Притчей Соломона, Премудрости Соломона, Екклезиаста, Иова, пророков Даниила, Исаии, Иезекииля, Михея и Амоса, Псалтири, Евангелия, Посланий апостольских, Деяний апостольских и др.

Высокое литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, умение выбрать в них все существенное, сопоставить разноречия и т. д. сделали „Повесть временных лет“ не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси.

Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность создания Нестора.

Историческое сознание Нестора выше его предшественников. Он интересуется первопричинами, происхождением народа, государства, княжеского рода, названий городов и племен. Он в боль-

---

[1] Труды ОДРЛ, IV, 1940, стр. 71.

шей мере, чем его предшественники, — исследователь. Его изыскания в области хронологии изумительны. Он пытливее, чем его предшественники, стремится разобраться в противоречиях источников и строит свои сложные исторические гипотезы. Перед нами историк-мыслитель. Однако, если мы и имеем в „Повести временных лет“ отражение народной точки зрения на русскую историю, то этим мы больше обязаны предшественникам Нестора, чем ему самому. Нестор — первый официальный летописец. В большей мере, чем его предшественники, он представляет собой и церковного писателя.

*

Выше мы охарактеризовали „Повесть временных лет“ в ее основной части, наличной во всех ее лучших списках, исключив все те части, которые не могут быть к ней отнесены с полной уверенностью. Работа Нестора над этой основной частью „Повести временных лет“ выясняется относительно точно, так как она легко может быть сопоставляема с предшествующим „Повести временных лет“ текстом Начального свода: для этого, если не углубляться в детали, достаточно обратиться для сравнения к младшему изводу Новгородской первой летописи, по которой предшествующий Нестору Начальный свод восстанавливается довольно полно, и учесть некоторые поправки и дополнительные соображения А. А. Шахматова. Выше в характеристике работы Нестора мы в основном и исходили из этого сопоставления. Все лишние сравнительно с младшим изводом Новгородской первой летописи части позволили охарактеризовать композиционный и идейный замысел Нестора. Но в них же, в этих лишних частях, могут быть выяснены и особенности его личного стиля, способы переработки переводных текстов (например текста хроники Георгия Амартола), исторические приемы (стремление к выяснению происхождения тех или иных исторических явлений, названий городов, племен и т. д.), тенденции (особенно ясно в переработке текста византийских источников в патриотических целях) и т. д.

Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением последующих этапов обработки „Повести временных лет“. Здесь следует вспомнить, что текст лучших списков „Повести временных лет“ довольно значительно расходится. Единственная попытка дать не формальную классификацию списков „Повести временных лет“, а разобраться в истории редакций „Повести временных лет“ была сделана А. А. Шахматовым. Иной, более приемлемой истории редакций „Повести, временных лет“ еще не было предложено; поэтому остановимся на ней более внимательно, тем более, что гипотеза А. А. Шахматова удовлетворительно объясняет все расхождения основных списков.

Все лучшие списки „Повести временных лет“ могут быть поделены на две группы. К одной относятся Лаврентьевская, Троицкая (сгоревшая), Радзивиловская летописи и Московско-академический список № 5-182; к другой — Ипатьевский и Хлебниковский списки. В первой группе текст „Повести временных лет“ доведен до 1110 г., здесь же читается следующая запись выдубицкого игумена Сильвестра: „Игумен Силивестр святаго Михаила (т. е. Михайловского монастыря на Выдобыче) написах книгы си Летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере (Мономахе), княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах“. Во второй группе списков (Ипатьевском и Хлебниковском) изложение доведено до 1118—1119 г. (последняя дата — с учетом мартовского летоисчисления) и в ней есть признаки (с ними мы познакомимся ниже), указывающие на то, что текст ее более поздний сравнительно с текстом первой группы.

На основании, главным образом, приписки Сильвестра и некоторых других соображений А. А. Шахматов возводит первую группу списков к редакционной обработке выдубицкого игумена Сильвестра, сделанной в 1116 г. (см. в приписке: „в 6624, индикта 9 лета) в Михайловском Выдобицком монастыре (см. в приписке: „святаго Михаила“). Вторую группу списков А. А. Шахматов называет редакцией 1118 г. — и потому,

что текст в ней доведен до 1118 г., и потому еще, что в самом тексте ее имеется ряд признаков (с одним из них мы познакомимся ниже), также указывающих на составление этой редакции в 1118 г.

Редакция 1118 г. более поздняя, чем редакция 1116 г., но и последняя не может считаться первоначальной. Мы видели уже, что киево-печерская традиция упорно приписывала создание „Повести временных лет“ не Сильвестру, а Нестору, да и с литературной манерой Нестора, с его историческими приемами связывается все то лишнее, что читается в основном, бесспорном тексте сравнительно с предшествующим Начальным сводом. Укажем, кроме того, на то, что в последней части „Повести временных лет“ (той, которая была добавлена к предшествующему Начальному своду после 1095 года — года, на котором заканчивается Начальный свод) есть несомненные признаки ведения летописи именно в Печерском монастыре: под 1096 г. сообщалось о нападении половцев на Печерский монастырь, причем летописец говорит о себе в первом лице (см. уже цитировавшиеся места: „нам сущим по кельям...“, „нам же бежащим...“ и т. д.); под 1106 г. говорится о смерти Яна, имевшего ближайшее отношение именно к Печерскому монастырю и в нем же погребенного, причем летописец отмечает его помощь в летописной работе („от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь“). Ряд близко касавшихся Печерского монастыря известий занесен в „Повесть временных лет“ и под 1107, и под 1108, и под 1109, и под 1110 гг. Отсюда несомненно, что первоначальная (первая) редакция создалась в Печерском монастыре. Сильвестровскую редакцию А. А. Шахматов назвал второй; редакцию 1118 г. — третьей.

В непосредственном виде первая редакция, как мы уже говорили об этом выше, до нас не дошла. Но и вторая редакция, и третья редакция также в чистом виде не сохранились: слишком часто переписывалась „Повесть временных лет“, и слишком много лет прошло со времени создания ее редакций до времени составления дошедших до нас списков.

В чем различие второй и третьей редакций, почему „Повесть временных лет“ дважды перерабатывалась в начале XII в.? Приведу один лишь пример различий между второй и третьей редакциями „Повести временных лет“, чтобы сделать понятным, как устанавливаются эти редакции. В Ипатьевском списке (т. е. в третьей редакции) под 1114 г. сообщается о закладке каменной стены в Ладоге. При этом посадник ладожский Павел и другие ладожане рассказывали летописцу о каменном дожде, выпадающем близ Ладоги, о северных странах за Югрою и Самоядью. Летописец поверил этим рассказам и подтвердил их „учеными“ ссылками на „Хронограф“ („аще ли кто сему веры не иметь, да почтеть фронографа“).[1] Под 1096 г. летописец третьей редакции приводит и другой рассказ о северных странах — новгородца Гюряты Роговича — опять-таки о Югре и Самояди. Гюрята говорил о загадочном народе, заключенном в горах Александром Македонским. Летописец снова говорит о себе в первом лице и снова делает ученые ссылки — на этот раз на Мефодия Патарского. Внутренняя связь этих двух летописных статей очевидна. Но она еще возрастет, если мы расшифруем следующие слова летописца: „яже слышах преже сих 4 лет“, читающиеся под 1096 г.[2] Очевидно, что летописец имел здесь в виду отсчет этих четырех лет от своего времени, от времени своей работы над летописью. Мы предположили выше, что летописец работал в 1118 г., так как именно до 1118 г. доведено изложение в „Повести временных лет“. Отняв от 1118 четыре года, получим тот же 1114 г., когда летописец был в Ладоге и действительно беседовал там о северных странах. Вот, следовательно, ясное свидетельство того, что и рассказ 1096 г., и рассказ 1114 г. составляют одно целое, передают реально имевший место в Ладоге в 1114 г. разговор летописца и записаны в 1118 г., т. е. принадлежат составителю третьей редакции „Повести временных лет“.

---

1 Ипатьевская летопись, 1114 г.

2 Там же, 1096 г.

Кто же был этот составитель? Судя по известию 1114 г., он ездил вместе со старшим сыном Владимира Мономаха — Мстиславом — в Ладогу на закладку каменной стены. Следовательно, это летописец, близкий Мстиславу, а возможно, как предполагал М. Д. Приселков,[1] и сам Мстислав. Близость летописца к Мстиславу объясняет и другую особенность третьей редакции: обилие в ней известий, касающихся князя Мстислава. Кроме того, нам станут понятны и некоторые другие особенности Ипатьевского и сходных с ним списков. В самом деле, сказание о призвании трех братьев-варягов читается в русских летописях в двух версиях. В Лаврентьевском, Троицком и сходных списках „Повести временных лет“ братья-варяги садятся — Рюрик в Новгороде (впрочем, Лаврентий опустил слова „седе в Новгороде“), Синеус на Белоозере, Трувор в Изборске. По смерти Синеуса и Трувора вся власть переходит к Рюрику, который раздает города в управление своим мужам. В Ипатьевском и некоторых других списках (Радзивиловском, Хлебниковском, Академическом) князья-братья приходят сначала к словенам (т. е. к будущим новгородцам) и ставят город Ладогу. Старший Рюрик садится в Ладоге, Синеус на Белоозере, а Трувор в Изборске. По смерти братьев Рюрик получает всю власть. Он отправляется к Ильменю и строит здесь над Волховом Новгород. Отсюда уже Рюрик раздает города своим мужам. Первая версия несомненно первоначальнее: она читается и в новгородских летописях, где текст летописи более древний, чем в „Повести временных лет“. Вторую же версию следует несомненно возводить к местному ладожскому преданию. Проникновение этого местного ладожского предания в третью редакцию понятно: оно введено в нее ее составителем, наряду с другими ладожскими рассказами.

Таким образом, третья редакция „Повести временных лет“ — это летопись старшего сына Мономаха — Мстислава, бывшего до 1118 г. новгородским князем, а затем переехавшего на юг.

---

[1] История русского летописания, Л., 1940, стр. 44.

Редакция эта сочувственна Мстиславу и его отцу — Мономаху, отражает новгородско-ладожские предания и отмечает новгородско-ладожские события. Нам понятно также, почему именно летописец Мстислава воспользовался для своей работы „Повестью временных лет" во второй редакции. Как мы уже видели выше из приписки Сильвестра, вторая редакция составилась в княжом „мономашьем" монастыре, была летописью отца Мстислава — Владимира Мономаха. Действительно, вторая редакция „Повести временных лет", как, естественно, и третья в перешедшем к ней от второй материале, отражала полное сочувствие Владимиру Мономаху, идеализировала его.

Чем же была вызвана переработка „Повести временных лет" Нестора игуменом Сильвестром в Выдубецком монастыре?

Смерть Святополка ввела Владимира Мономаха в Киев (1113 г.). По приглашению киевлян Мономах является в Киев, и ему устраивают торжественную встречу. Вступление Мономаха на золотой киевский стол повело к долгим годам упадка Печерского монастыря. Трудно сказать, стал ли Мономах на сторону киевского митрополита, хотя в числе встречавших его в Киеве был и митрополит, перед тем отсутствовавший на похоронах Святополка. Мономах, как и Святополк, продолжает заботиться о безусловно русском культе Бориса и Глеба, но он становится противником Печерского монастыря и вступает с ним в борьбу.

Мономах изымает из Печерского монастыря ведение летописания, которое теперь стало уже одним из важнейших общественных явлений русской действительности. Он передает его в свой княжой Выдубицкий монастырь, основанный его отцом Всеволодом Ярославичем. После этого литературная работа Печерского монастыря надолго замирает. Лишь во второй половине XII в. заметны следы оживления печерской летописной работы.

Переработка „Повести временных лет" была возложена Мономахом на выдубицкого игумена Сильвестра. Сильвестр опустил в заглавии „Повести временных лет" слова „Нестора чьрно-

ризьца Феодосиева монастыря Печерьскаго“ и вставил в конце летописи собственное имя.

Переработка Сильвестром текста „Повести временных лет“ коснулась главным образом ее последней части — той, где описывались княжения Святополка и Владимира Мономаха.

Сильвестр выдвинул роль Владимира Мономаха в борьбе со степными кочевниками. Он живо и картинно воспроизвел речи Мономаха и вставил несколько новых статей, благоприятных Мономаху. К числу последних относится и знаменитая повесть Василия об ослеплении Василька Теребовльского. В этой повести выдвинута роль Владимира Мономаха, выступившего в защиту ослепленного Василька.

Повесть посвящена одному из самых вероломных преступлений в междоусобной борьбе XI—XII вв. Кровавые события грозили сорвать все дело Владимира Мономаха, боровшегося за установление мира между князьями. В 1097 г. Мономах созвал первый княжеский съезд в Любече, на котором князья должны были договориться о своих взаимоотношениях и положить конец усобицам. Съезд признал, что каждый князь должен держаться своей вотчины и не покушаться на чужую. Князья целовали крест, что если кто-нибудь из них поднимется на другого, то все должны встать на зачинщика. Но только закончился съезд, как Давид Игоревич Владимир-волынский и Святополк Изяславич заманили к себе Василька Теребовльского и ослепили его. Встревоженный Мономах был заинтересован в том, чтобы все обстоятельства этого вероломства стали широко известны всем и всеми осуждены.

Автор повести — Василий — выполнял дипломатические поручения Мономаха и был причастен к Выдубецкому монастырю — княжому монастырю Мономаха. События описаны Василием как свидетелем.

Множество бытовых подробностей и реалий делает рассказ Василия одним из самых живых в „Повести временных лет“. Подробно и не торопясь повествует Василий, как заманили Василька на именины, как постепенно оставили его одного в ком-

нате, как схватили и схваченного везли затем на телеге в Белгород, как бросили в „истобку малу“. Оглядевшись, Василько догадался, что хотят с ним сделать, стал кричать и плакать. Вошли конюхи, разостлали ковер и хотели повалить на него Василька. Василько отчаянно отбивался. Конюхи позвали подмогу, Василька схватили и связали, а затем сняли с печи доску, положили ему на грудь и сели по концам. Но Василько и тут сопротивлялся так отчаянно, что сняли с печи и вторую доску и придавили его „яко персем троскотати“. Кончив точить нож, овчарь Святополка подошел и ударил им в глаз Василька, но сначала промахнулся и перерезал ему лицо: „И есть рана та Василка и ныне“. „По семь же уверте ему ножь в зеницю, изя зеницю, по семь в другое око уверте ножь, изя другу зеницю“.[1]

Ослепленного, едва живого Василька снова взвалили на телегу и повезли во Владимир Волынский. Трогателен путевой эпизод с окровавленной сорочкой Василька, которую ослепители, остановясь для обеда в Воздвиженске, дали постирать попадье. Попадья, приняв князя за мертвого, оплакивает его.

„Сего не бывало есть в Русьскей земьли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла“, — сказал ужаснувшийся при известии об ослеплении Василька Владимир Мономах и послал за Давидом и Олегом Святославичами сказать: „Поидета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскей земьли и в нас, в братьи, оже вержен в ны ножь. Да аще сего не правим, то болшее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую“.

Правота Василька и преступление Святополка, нарушившего свою клятву на кресте, подтверждаются патетической картиной чуда. Тот самый крест, клятву на котором нарушил Святополк, обращает на него поражение. Перед боем со Святополком Василько „възвыси крест“ и говорит: „Сего еси целовал, се

[1] Ипатьевская летопись, 1097 г.

перьвее взял еси зрак очью моею, а се ныне хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крест сь“. Полки соступились, и вот многие люди увидели над полками Василька тот самый крест, на котором была нарушена клятва. Клятвопреступник Святополк был побежден.

Повесть об ослеплении Василька Теребовльского исключительно интересна для выяснения исторических воззрений конца XI в. Она посвящена только одному историческому событию; она дает об этом событии связный, подробный и, в известной мере, реалистический рассказ; она выясняет причины происшедших событий и ищет виновников. Она свидетельствует, следовательно, о том, что погодовое изложение исторических событий в летописи не было обязательной и единственной формой исторических произведений XI в. и не было, таким образом, естественным отражением особенностей исторического мышления XI—XII вв.

Итак, изменения и переработки, сделанные Сильвестром в летописи Нестора, коснулись лишь вопросов текущей политики; они не внесли ничего нового в самую форму „Повести временных лет“ и не затронули ее большого патриотического замысла. Предположения В. Л. Комаровича о том, что выдубицкая литературная школа отличалась большею демократичностью, простотою и склонностью к народному языку, вряд ли могут считаться полностью обоснованными:[1] слишком незначителен материал для подобных суждений.

„Повесть временных лет“, несмотря на все изменения, сделанные в ней выдубицкими летописцами, может считаться созданием Печерского монастыря. Нестор соединил в своем произведении особенности старых печерских сводов 1073 и 1093 гг., с их антигреческим и общерусским направлением, и официальную сдержанность нового княжеского летописания, которому предстояло такое широкое развитие в XII и последующих веках.

---

[1] История русской литературы. Изд. Института литературы АН СССР, т. I, 1941, стр. 234.

4

Мы проследили путь, которым постепенно слагалась „Повесть временных лет". Итак, „Повесть временных лет" — это с в о д, свод, создававшийся в течение более чем полустолетия, при этом в нескольких литературных центрах и многими летописцами. В этом летописном своде получили свое отражение идеологии различных классов и политические концепции нескольких феодальных центров. Самое ценное для нас то, что в „Повесть временных лет" вошли и народные взгляды на русскую историю, исторический фольклор, народная молва. В „Повести временных лет" отразилась идеология управляемых и эксплоатируемых наряду с идеологией управляющих и эксплоатирующих. Противоречия остались подчас непримиренными, во всей их живой обнаженности, отдельные „слои" легко вскрываемыми, архаические патриархальные воззрения — лежащими рядом с новыми феодальными представлениями, церковная идеология — рядом с языческой, светской, „дружинной". Монах-летописец иногда вступает в спор с языческим сказанием, стремится его опровергнуть или ввести в христианские воззрения, но он его все же приводит, знакомит с ним читателей. Сторонник Владимира Мономаха сохраняет текст предшествующей летописи с резкими осуждениями нового поколения князей в целом. Перед нами русская история, но не в преломлении одного исторического этапа Руси и не в толковании представителя одного только феодального центра. Движение передано движением же. Русская история в передаче „Повести временных лет" сама имеет историю своего создания и при этом не краткую. Только через эту историю создания „Повести временных лет" можно понять ее величественное содержание. Вот почему мы остановились на этой истории создания „Повести временных лет" с такою подробностью. Всякая попытка рассмотреть „Повесть временных лет" как единое и „неподвижное" целое вне истории ее создания, вне ее „течения", увела бы нас в мир противоречий и неясностей, привела бы нас к неправильным представлениям об

этом вечно живом памятнике. „Се бо суть рекы, напаяюще вселеную“, — еще и еще раз приходит на память это сравнение, употребленное самим летописцем.

Что же общего может быть все же вскрыто у тех летописцев XI—XII столетий, которые прошли перед нашими глазами? На каком этапе развития исторического мышления застаем мы историю постепенного сложения „Повести временных лет“?

Летописцы XI — начала XII вв. еще не отошли от патриархально поэтического восприятия родной истории. Они еще воспринимают события прошлого с точки зрения героической по преимуществу. В особенности первые летописцы — середины XI в. — охотно используют в летописях героические песни и следуют их осмыслению событий. Они ищут героев и героического, они склонны идеализировать прошлое в поэтических образах, ищут сюжетно-законченных рассказов о прошлом. Но наряду с этим эпическим отношением к прошлому, характерным для фольклора по преимуществу, у летописцев ясно определяются уже и начатки научного интереса. Прошлое для летописцев — непрерывный ряд событий. Основной связью для отдельных сюжетно законченных рассказов пока еще (в особенности в начале летописания) является родство князей-героев. Установление родовой преемственности между князьями, „родовая теория“ летописца так же, как и установление хронологической последовательности событий и дат этих событий „от сотворения мира“, являются первыми проблесками понимания истории как процесса.

Появляются и первые элементарные предпосылки исторической критики. Перед летописцем уже стоит проблема исторического источника. Как правило, летописец не остается равнодушен к противоречиям находящегося в его распоряжении материала. Многого он, конечно, не замечал, многого он и не мог заметить в силу ограниченности своего исторического мировоззрения, но в некоторых случаях он все же предпринимал своеобразные разыскания, игнорировать которые для определения характера исторического мышления летописца отнюдь не следует. Летописец вступает в обсуждение различных объяснений

того, кто такой был Кий, где крестился Владимир (под 988 г.), из какого материала были сделаны изваяния коней, стоявшие „за святою богородицею“ при Владимире (под 988 г.), и т. п. Во вводной части „Повести временных лет“ по Ипатьевскому списку читаем об основании Киева Кием: „И приходившю ему (Кию) к царю не свемы, но токмо о сем вемы, яко же сказають, яко велику честь приял есть от царя, котораго не вем“. Следовательно, какой-то летописец (Ипатьевской летописи или ее протографа) стремился узнать, при каком греческом царе приходил в Царьград Кий, но тщетно, и прямо в этом сознался.

В своей работе летописец своеобразно оценивал достоинства своих источников. Он, например, явно предпочитал текст документов тексту предшествующей летописи. Это достаточно отчетливо видно из тех изменений, которые были сделаны составителем „Повести временных лет“ в тексте Начального свода на основании данных вновь обретенных летописцем документов — текстов договоров русских с греками (см. выше, стр. 117 и сл). Предпочитал летописец и свидетельства памятников материальной культуры прошлого данным письменных источников. Так, например, рассказ Начального свода о смерти Олега „за морем“ составитель „Повести временных лет“ изменил, заставив Олега умереть в Киеве, так как обратил внимание на то, что в Киеве „есть могила его и до сего дни“. Летописец уже делает в своем тексте и ссылки на источники: на рассказы Яна Вышатича под 1106 г. и Гуряты Роговича под 1096 г., на Хронику Георгия Амартола (в вводной части) и др.

Вместе с тем летописец, несомненно, обладал и некоторыми представлениями о причинно-следственной связи событий. Эта причинно-следственная связь пока еще лежит для летописца на поверхности событий, он не видит глубоких социально-экономических причин исторических изменений. Историей двигают для него лишь князья, представители верхов общества. Поэтому основной интерес исторического процесса сосредоточивается для летописца в поступках князей, церковных иерар-

хов и т. п. Однако летописец не механический регистратор событий: он, безусловно, исследователь, — исследователь далеко не совершенный, но уже различающий связь событий и стремящийся к некоторым разысканиям. Доказательством тому может служить само название „Повести временных лет“: „Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть“. Уже из этого заглавия видно, что летописец ставил себе определенные и конкретные цели. Его повествование было рассчитано на известную систематизацию исторического материала, на некоторый его отбор — подчинение точным задачам выяснения первопричин. Прежде всего составитель „Повести временных лет“ интересуется происхождением народа, государства, княжеского рода, славянской грамоты, Киева, географических и племенных названий. Он интересуется взаимными связями племен и народов, классифицирует языки и т. п. Следует при этом обратить внимание на особый интерес к первопричинам событий, к началу, к происхождению тех или иных исторических явлений, сказавшийся и в самом построении „Повести временных лет“. Летописца по преимуществу интересуют вопросы „откуда“, „кто первый“ и т. п.

Это более глубокое, чем свойственное патриархально-общинному обществу эпическое восприятие родной истории, свидетельствующее о том, что летописец был передовым человеком своего времени, представителем феодального уклада общества, дало особый, глубокий оттенок патриотизму летописца. Патриотизм летописца зиждется на более правильных представлениях об историческом процессе, чем у его предшественника — эпического певца, певца-дружинника. Он гордится не только „звоном славы“ военных подвигов русских князей. Для летописца Русь — государство, обладающее ценностями искусства (летописец говорит о строительстве Ярослава в Киеве и др.), книжности (см. его хвалу книгам под 1037 г.), религии (русские — „новые люди христианские“), права и т. д. Русский народ обладает славной историей. Составление этой истории Руси летописец и рас-

сматривает как свою патриотическую задачу, сближаясь в этом отношении с эпическим певцом, но на более высоком уровне.

Итак, летописец XI — начала XII вв. соединяет в себе лучшее, что было в эпическом отношении к родной истории патриархально-общинного общества с начатками нового исторического мышления, начавшего вырабатываться в классовом обществе феодализирующейся Руси. Летописец еще не чужд поэтического отношения к родной истории, но обладал, вместе с тем, всеми признаками отношения исторического. И это соединение элементов нового, исторического отношения к прошлому со старым, поэтическим делает „Повесть временных лет" величайшим произведением русской исторической мысли XII в. и русской литературы одновременно. Перед нами летопись, еще сохранившая в себе элементы эпоса. Ее автор не только летописец, но и народный певец. Вот почему ни одна из последующих летописей XII—XIV вв. так не близка нам, как древнейшая из русских летописей — „Повесть временных лет".

*

„Повесть временных лет" не только свод, но и сама сохранилась в составе сводов. Она не дошла до нас в отдельном виде. Ее лучшие списки находятся в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., Ипатьевской летописи XV в., Радзивиловской XV в. Она начинает собою большинство летописей XII—XVII вв. и как бы служит своеобразным введением к разного рода городским, боярским, княжеским, митрополичьим, епископским, монастырским летописям. Идеи ее (идеи защиты родины, идеи единства Руси), резко отражаются в последующем летописании. Она сопутствует жизни русского народа на протяжении более полутысячелетия. Едва ли найдется другое произведение, значение которого было бы так велико в исторической действительности XI—XVII вв.

В самом деле, „Повесть временных лет“ с необычайной для своего времени быстротой получает широкое распространение на всем пространстве Русской земли.

Она продолжается летописными записями в самом Киеве — в двух его монастырях — Печерском и Выдубицком. В последнем монастыре на грани XII и XIII вв. она входит в состав обширного Киевского свода, созданного по случаю построения Рюриком Ростиславичем каменной стены Выдубицкого монастыря.

В Новгороде „Повесть временных лет“ появляется при сыне Мстислава Владимировича — инициатора третьей редакции „Повести“ — Всеволоде. Здесь „Повесть временных лет“ входит в состав новгородского свода, составленного князем Всеволодом, и держится здесь до 1136 г., когда после изгнания Всеволода новгородское летописание подвергается переработке и в начало его кладется антикняжеский по своей политической направленности Начальный свод.

В Переяславль Южный (Русский) „Повесть временных лет“ проникает дважды — в двух своих редакциях. Во второй, „Сильвестровской“, редакции она приходит сюда вместе с самим Сильвестром, получившим поставление на Переяславскую епископию.

Здесь эта вторая редакция кладется в основу епископского летописания Переяславля Русского. В третьей редакции „Повесть временных лет“ переносится в Переяславль Южный Мстиславом. Здесь она принимается за начало княжеского летописания Переяславля Южного.

Из Переяславля Южного вместе с епископским и княжеским летописцами „Повесть временных лет“ в обоих своих видах проникает на далекий северо-восток во Владимир Залесский, где она открывает собою княжеское владимирское летописание, а затем переходит в летописание Переяславля Залесского, Твери и других городов северо-востока.

Вместе с киевским летописанием „Повесть временных лет“ проникает в летописание Галича и Владимира Волынского.

Есть все основания думать, что „Повесть временных лет“ уже в XII в. открывала собой летописание черниговских Ольговичей, смоленских Ростиславичей, епископское летописание Ростова Великого и др.

Во всех этих центрах — в Киеве, в Новгороде, в Переяславле Южном, во Владимире Залесском и Владимире Волынском, в Галиче, Смоленске, Ростове и Переяславле Залесском — „Повесть временных лет“ входит в летописание, организует собой историческую мысль отдельных феодальных центров. Нам не может быть точно известно, как часто к ней обращались чисто читательски, вне официально влиятельных исторических концепций княжеств, насколько ясно усваивали ее содержание рядовые читатели, как воспринимали в это время ее идеи в эксплоатируемых классах общества — для этого у нас слишком мало материала, но мимо одного примера усвоения идей и содержания „Повести временных лет“ „рядовым“ по своему социальному положению, но гениальным по своему историческому „ви́дению“ читателем, пройти нельзя: историческими сведениями, полученными из „Повести временных лет“, своеобразно воспользовался для своей исторической концепции автор „Слова о полку Игореве“.

В „Слове о полку Игореве“ мы найдем ряд выражений, ряд мыслей, почти буквально совпадающих с выражениями и мыслями „Повести временных лет“.

Автор „Слова“ говорит о „храбром“ Мстиславе Владимировиче, „иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми“. В „Повести“ мы найдем (под 1022 г.) рассказ о том, как Мстислав перед полками русских и касогов победил в поединке касожского князя Редедю, а затем „вынзе ножь, з а р е з а Редедю“.

В „Слове“ говорится о том, что „Бориса же Вячеславлича с л а в а на судъ приведе“; в „Повести временных лет“ мы находим к тому и пояснение: в битве на Нежатиной Ниве 1078 г. „убиша Бориса, сына Вячеславля, п о х в а л и в ш а г о с я велми“; Борис похвалился перед битвой одолеть всех своих врагов, „не ведый, яко бог гордым противится“. Это

мысль, типичная для летописца, и воспринять ее автор „Слова“ мог только из „Повести временных лет“.

В „Слове“ мы находим и еще один мелкий эпизод русской истории и опять-таки в летописной его трактовке. Автор „Слова“ вспоминает, что в реке Стугне утонул „уноша“ князь Ростислав: „Днѣпрь темнѣ брезѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось“. Вот как об этом рассказывается в „Повести“ под 1093 г.: „Ростислава же искавше обретоша в реце; и вземше принесоша и̂ Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради“. Автор „Слова“ поэтически переработал в данном случае текст „Повести“.

В „Слове о полку Игореве“ можно найти также отражение летописных характеристик Олега Святославича и Всеслава Полоцкого. Противопоставление в „Слове о полку Игореве“ „первых“ русских князей, совершавших далекие походы против русских недругов („того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ“), князьям нынешним, разоряющим население усобицами, также сродни „Повести“, — особенно идеям, перешедшим в „Повесть временных лет“ из дружинной среды — из рассказов Яна Вышатича. Наконец, и самый образ мирно пашущего пахаря, противопоставленного страшной военной опасности, также, возможно, навеян в „Слове“ „Повестью временных лет“. „Оже то начнеть орати смерд, — говорил Владимир Мономах в 1103 г., призывая к объединенному походу на половцев, — и приехав половчин ударить и́ [его] стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его, и дети его, и все его именье“. Мономаху не удалось отвратить военной опасности от Руси. Вспоминая страшные усобицы Олега Святославича времени Мономаха, автору „Слова о полку Игореве“ с грустью пришлось отметить: „Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахýть [покрикивали на лошадей]“. Перед нами образ, явно выросший из поэтического осмысления замечательных слов современника и антипода

Олега „Гориславича“ — Владимира Мономаха, запечатленных „Повестью временных лет“.

Нельзя не видеть, какие жемчужины поэзии отобраны автором „Слова“ в „Повести временных лет“: поединок Мстислава Владимировича с касожским князем Редедею, трагическая смерть Бориса Вячеславича, безвременная кончина „уноши“ Ростислава и оплакивание его матерью. Даже вне зависимости от умелого использования этих эпизодов в „Слове“, от поэтической их доработки, самый выбор этих мест, в „Повести временных лет“ малозаметных и эпизодических, но привлекательных по своему глубокому человеческому содержанию, говорит о том, что в лице автора „Слова о полку Игореве“ „Повесть временных лет“ нашла внимательного и чуткого к ее жизненной красоте читателя.

Не один автор „Слова о полку Игореве“ пользовался „Повестью временных лет“. Прямые ссылки на „Летописец“ Нестора находим мы в Киево-печерском патерике. Сведения, заимствованные из „Повести“, мы находим во многих лучших произведениях XII—XIII вв. Они проникли и в такие памятники литературы, как Палея, Пролог, Еллинский и Римский летописец и многие другие.

В тяжкие годы татаро-монгольского ига значение „Повести временных лет“ еще более возросло. Бесчисленные списки „Повести временных лет“, открывавшие собою местные — городские, княжеские, епископские, монастырские — летописи, напоминали русскому народу о временах его независимости, о былом могуществе его родины, о необходимости объединения для борьбы с грозным степным врагом. Призывы „Повести“ к борьбе со степными кочевниками — половцами — воспринимались как призывы к борьбе с татарами. Это особенно ярко сказалось в московской летописной повести о нашествии Эдигея в 1409 г. Летописец в ней прямо ссылается на авторитет „начального летословца“ — Сильвестра — одного из редакторов „Повести временных лет“ и, сопоставляя события прошлого и настоящего, объединяет половцев и татар как единых врагов Русской земли.

Москва восприняла „Повесть временных лет“ из двух истоков — из тверского летописания и нижегородского. В обоих этих летописаниях „Повесть временных лет“ была в редакции, близкой к лучшей из существующих — к редакции Лаврентьевской летописи. Лаврентьевская летопись родилась из Тверского свода 1305 г. и начала собой нижегородское летописание.

Впоследствии — в конце XV и в XVI вв. — интерес к событиям Киевской Руси в Москве настолько возрос, что „Повесть временных лет“, открывавшая собой обширные московские общерусские своды, начала постепенно дополняться из разнородных источников: из Киево-печерского патерика, из различных редакций Жития Бориса и Глеба, из каких-то старых неведомых нам сейчас летописей, которые отыскивала неутомимая пытливость московских книжников, и даже из былин (как в Никоновском летописном своде).

„Повесть временных лет“ и в XVI, и в XVII вв. продолжала стоять в центре живой политики Москвы. Московские великие князья и цари производили свой род от Мономаха и претендовали на наследование всех его земель, они вступали в борьбу с Литвой и Польшей за Чернигов, Смоленск и Киев, ссылаясь на события русской истории IX—XII вв. „Повесть временных лет“ в различных переработках, точных повторениях или распространениях продолжала оставаться настольной книгой и для всего XVII века.

Значение „Повести временных лет“ было настолько велико в русской жизни, что на нее обращали внимание и иностранцы, посещавшие Россию в XVI—XVII вв. В начале XVI в. русской историей заинтересовался Герберштейн. Он начал ее изложение в своих записках с событий, описанных в „Повести временных лет“. Впоследствии русской летописью интересовались и другие иноземные путешественники.

Собирание русских летописей в начале XVIII в. началось по приказу Петра (1713). По приказу же Петра была снята роскошная копия с Радзиволовского списка летописи, находившегося тогда в библиотеке города Кенигсберга. В составе этой же Радзивиловской летописи впервые была издана и „По-

весть временных лет" в 1767 г. („Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи, и всякия записки, способствующия к объяснению истории и географии российской древних и средних времен", часть I, СПб., 1767 г.). Впоследствии „Повесть временных лет" неоднократно издавалась в составе различных летописей — и отдельно, и в „Полном собрании русских летописей", начавшем выходить еще в 1841 г., но не законченном и по сей день.

Изучению „Повести временных лет" посвящены сотни трудов. Не было ни одного русского историка, который, занимаясь Киевской Русью, не посвятил бы ей хотя бы нескольких страниц. Не было и ни одного историка древней русской литературы, не отметившего ее громадного значения как памятника литературы Киевской Руси.

Оставим в стороне все множество частных вопросов, поднятых в научной литературе в связи с изучением „Повести временных лет", остановимся лишь на одном — на вопросе о национальном и самобытном характере „Повести временных лет". Все вышеизложенное дает нам право подойти к этому вопросу во всеоружии конкретного знания истории создания этого величайшего произведения нашей древности.

Происхождение русского летописания и самый характер его очень долгое время принято было объяснять влиянием византийских хроник. Мысль эта была тесно связана с тем общим представлением о культуре древней Руси, в особенности ее начального периода, которое выводило всю древнюю русскую культуру из Византии — архитектуру, живопись, прикладное искусство и письменность.

Эта „точка зрения" на русскую летопись была выдвинута еще в конце XVIII в. Авг. Шлёцером: „Весь временник Нестора, — писал Шлёцер, — сделан на покрой византийский"; целые места внесены в его творение „слово в слово" из хроник Кедрина, Скилиция, Ксифилина, Зонары.[1]

---

[1] А. Шлёцер. „Нестор", т. I. СПб., 1909, стр. 17, 18 и др.

„Точка зрения“ эта без критического исследования легко вошла в буржуазную науку о русском летописании, поскольку анализ летописи как памятника литературного, в сущности, почти не производился.

„Некоторым исследователям, — писал И. И. Срезневский, — кажется несомненным, что первые образцы летописей, в подражание которым стали у нас составлять русские летописи, явились к нам из Греции, что древнейшие из наших летописей были сколки с летописей византийских. Многие обстоятельства подтверждают это мнение, повидимому, неопровержимо“.[1]

Этими „многими обстоятельствами“ для старой дворянской и буржуазной историографии были только факты использования в „Повести временных лет“ греческих исторических источников — Хроники Амартола и его продолжателя, „Летописца вскоре“ патриарха Никифора, Жития Василия Нового и некоторых других, указанных при этом иногда неверно (например, ошибочно указывались как источники „Повести“ Кедрин, Скилиций, Ксифилин, Зонара, которыми „Повесть временных лет“ на самом деле не пользовалась).

Однако „Повесть временных лет“ использовала переводную греческую литературу исключительно как исторический источник. В этом использовании было не больше „подражания“ византийским хроникам, чем в любом историческом труде нового времени, цитирующем свои источники.

Бесспорно, что „Повесть временных лет“ многими сведениями по всемирной истории, а отчасти и по русской, обязана переводной византийской исторической литературе, но ни о каком „влиянии“ в этом использовании византийских исторических источников не может быть и речи. Форма византийских хроник не отразилась на „Повести временных лет“. Изложение исторического материала в „Повести временных лет“ по годам осталось глубоко отличным от изложения византийских

---

[1] И. И. Срезневский. Чтения о древнерусских летописях. Приложение к т. II „Записок Академии Наук“, СПб., 1862, стр. 9 и сл.

хроник по царствованиям императоров. Летописец упростил и язык своих переводов, приблизив его к языку устной речи своего времени. Осталось без влияния на русскую летопись и идейное содержание византийских хроник. Концепция русской истории была создана на Руси. Политические идеи летописи были идеями русской действительности. „Повесть временных лет“ смело использовала переводную византийскую литературу как исторический источник, но это использование было творческим, активным. Летописец не случайно обращается за источниками сведений по всемирной истории к исторической литературе самой передовой страны европейского средневековья. Эта литература была по росту летописцу. В создании русской истории не было подражания Византии ни в форме, ни в содержании; в „Повести временных лет“ было использование византийских исторических сочинений как исторических источников по русской истории, и в этом использовании было сознание равноправия Руси Византии.

„Повесть временных лет“, как мы видели, создавалась в атмосфере повышенного интереса всего русского народа к своей истории. Она ответила потребностям народа и государства. Она во многом зависела от тех представлений, которые существовали о русской истории в устной традиции и использовала по преимуществу устные исторические источники, традиционные формы устной литературной речи.

В недавнее время М. Д. Приселков безуспешно попытался заново аргументировать точку зрения зависимости русского летописания от византийской историографии.

М. Д. Приселков считал, что составление первого летописного свода 1039 г. принадлежало исключительно инициативе киевского митрополита-грека Феопемпта, который, „вступив в управление новой митрополии цареградского патриархата, задался целью составить летопись, где изложить возникновение Киевской державы и историю установления своей митрополии“.[1]

[1] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 82.

В другом месте М. Д. Приселков высказался еще более определенно: „Обычай византийской церковной администрации требовал при открытии новой кафедры, епископской или митрополичьей, составлять по этому случаю записку исторического характера (разрядка моя, — *Д. Л.*) о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе. Несомненно, новому «русскому» митрополиту, прибывшему в Киев из Византии, и пришлось озаботиться составлением такого рода записки, которая, поскольку дело шло о новой митрополии Империи у народа, имевшего свой политический уклад и только вступившего в военный союз и «игемонию» Империи, должна была превратиться в краткий исторический очерк исторических судеб этого молодого политического образования“.[1]

Доказать это положение М. Д. Приселков смог бы только в том случае, если бы показал, что и форма, и содержание древнейшего русского летописного свода находятся в полном соответствии с формой и содержанием подобных „исторических записок“ или хотя бы византийских хроник. Между тем, совершенно ясно, что даже самый выбор языка — русского, а не греческого — находится в вопиющем противоречии с утверждением М. Д. Приселкова.

Возражая сторонникам ложной теории византийского происхождения формы русского летописания, акад. Н. К. Никольский авторитетно утверждает, что характер, тип русских летописей не может быть возведен к византийским хроникам: „Вопреки установившемуся мнению о начале русского летописания, образцами для утраченных «повестей» о поляно-руси не могли послужить греческие хроники. Несмотря на присутствие во вводных статьях отрывков (вставок) из греческой письменности, ни по своему содержанию, ни по своей конструк-

---

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 26. Аналогичное высказывание у А. А. Шахматова: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 416—417.

тивной форме, ни по подробностям излагаемых эпизодов и основной тенденции, начальная часть нашей летописи не примыкает к памятникам византийской хронографии, среди которой до сих пор не открыто ни одного произведения, которое могло бы быть признано литературным прототипом не только для вводных статей, но и их продолжения".[1]

Отвечая на вопрос о том, откуда же явились идейные и внешние особенности русского летописания, Н. К. Никольский заменил „византийскую теорию" теорией зависимости историографической схемы начальной русской летописи от предполагаемой западнославянской хронографии.[2] Мнение Н. К. Никольского в общем не встретило сочувствия. Предложенная им теория оказалась еще менее убедительной, чем теория византийской зависимости.

Всмотревшись в состав „Повести временных лет", мы убедились, что жанр русских летописных статей создался далеко не сразу, исходил из требований русской жизни, постепенно изменялся и приобрел, наконец, ту характерную форму и те характерные особенности, которые составляют отличие русской хронографии и от византийской и от западноевропейской.

В том, что „Повесть временных лет" приобрела свой типичный облик под влиянием властных требований самой русской жизни, лежит объяснение и ее народного, глубоко национального характера.

„Повесть временных лет" столь ярко отражает русскую жизнь Киевской Руси — ее людей, ее политическую — классовую и феодальную — борьбу, ее культуру, международное положение, — что она является как бы частью подлинной действительности того времени. Она создавалась постепенно многими различными авторами, но с такою логической необходимостью, с какою развивается только сама жизнь. В ней нет и тени

[1] Н. К. Никольский. „Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры", вып. 1, Л., 1930, стр. 45, см. также стр. 46 и сл.

[2] Там же, стр. 47 и сл.

сознательной выдумки: все, что в ней описано, принималось летописцами за действительность — были ли то исторические, реально имевшие место события или содержание собственных верований летописцев. Вот почему „Повесть временных лет“ не только повествует о русской истории, но сама является одним из существеннейших проявлений русской жизни, русской истории, русской культуры той поры.

„Повесть временных лет“ имела многочисленные истоки в русской действительности. Эти истоки слились в ней в единое произведение. Несколько десятков лет создавалось это произведение, отразив в себе общественные идеи различных классов и различных феодальных центров. Ее единственным направляющим руслом было русло русской действительности.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СПИСКОВ „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“

Текст „Повести временных лет“ издается нами по списку Лаврентьевской летописи. Само собой разумеется, однако, что текст Лаврентьевской летописи не является, с одной стороны, первоначальным, авторским текстом „Повести“ (он относится к 1377 г., т. е. отстоит от времени составления „Повести“ более чем на двести пятьдесят лет), а с другой стороны, не может дать представления о всем богатстве содержания всех многочисленных ее списков. В этих двух отношениях Лаврентьевская летопись дает неполное, ущербное представление о тексте „Повести временных лет“. Любой другой реально дошедший до нас текст „Повести“ (например текст Ипатьевской летописи, Радзивиловской, Никоновской и т. д.) также дал бы о ней неполное представление.

Чтобы избежать этой ущербности издания „Повести временных лет“, обычной во всех вариантах ее опубликования только по одному конкретно сохранившемуся списку, в разное время были сделаны различные попытки.

В 1876 г. Л. И. Лейбович попытался создать „сводный текст“ „Повести временных лет“ „по всем изданным спискам летописи“ (Л. И. Лейбович. Сводная летопись, вып. 1, „Повесть временных лет“. СПб., 1876). Стремясь к возможной полноте издания, Л. И. Лейбович соединил в общий текст все известия всех изданных к 1876 г. списков „Повести“. Получившийся в результате „сводный“ текст не читается и не мог читаться ни в одной из летописей. Текст этот механически соединяет взаимоисключающие утверждения летописцев различных эпох и различных классовых убеждений, известия достоверные с известиями фантастичными, соединяет явно несоединимое, в результате чего подчас нарушается цельность и логичность летописного рассказа. При всем том работа Л. И. Лейбовича не имела единого принципа, хотя бы и механического сведѐния различных текстов, и была

произведена весьма неряшливо. Пользоваться текстом Л. И. Лейбовича в настоящее время совершенно невозможно.

Другая попытка создания „стабильного" текста „Повести временных лет" была сделана А. А. Шахматовым. Последний преследовал другую, отличную от Л. И. Лейбовича, цель — реконструировать текст „Повести" только в ее первоначальных трех редакциях. Эта работа потребовала от А. А. Шахматова огромного многолетнего труда. Однако текст, изданный А. А. Шахматовым („Повесть временных лет", т. I. Пгр., 1916—1917), в значительной мере отличается гипотетичностью. Перед нами иллюстрация к исследованиям самого А. А. Шахматова и только. Сам А. А. Шахматов протестовал против пользования изданными им реконструкциями как историческими источниками (в рецензии на книгу М. Д. Приселкова „Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв". Научно-исторический журнал, 1914, № 4, стр. 45).

Мы разрешаем задачу публикации текста „Повести временных лет" в данном издании следующим образом. Мы печатаем не „сводный текст" „по всем спискам" и не гипотетическую реконструкцию первоначального текста, а реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст. Все то наиболее ценное, что заключено в других списках „Повести", что дополняет, разъясняет основной издаваемый нами текст или противоречит ему, приводится нами с пояснениями в комментариях. Комментарии, таким образом, служат в данном издании не только целям разъяснения текста, но и целям его восполнения. Этим целям восполнения текста не могут служить обычные разночтения, поскольку каждое из приводимых дополнений нуждается в разъяснениях по существу (достоверность, древность, происхождение, отношение к другим историческим известиям и пр.); эти разъяснения в комментарии не даются только в тех случаях, когда происхождение того или иного известия и его историческая точность не ясны. В „Разночтениях" оговариваются только исправления явно испорченных мест основного принятого в настоящем издании текста „Повести" — текста Лаврентьевской летописи.

Все дошедшие до нас списки „Повести временных лет" — сравнительно поздние. Наиболее ранний из них — в составе Лаврентьевской летописи — относится к 1377 г. Все списки „Повести" явились результатом длительной последующей литературной истории ее текста. История эта не может быть восстановлена путем внешней, формальной классификации дошедших до нас списков „Повести", как это пытались сделать некоторые из ее исследователей. Судьба того или иного текста „Повести временных лет" неразрывна с судьбой всего заключающего ее текст летописного свода. Ведь списки „Повести" сохранились не в отдельном виде, а в составе обширных летописей, продолжавших „Повесть" до XIV, XV или XVI вв. и претерпевавших значительные изменения в соответствии с изменением политических взгля-

тов летописцев. Каждый из дошедших до нас текстов „Повести“ подвергался общим изменениям со всем текстом включающей его летописи. Вот почему история текстов „Повести временных лет“ в составе той или иной летописи связана со всей историей русского летописания в целом. Вот почему также списки „Повести временных лет“ не могут быть формально (и, добавим, формалистически) сгруппированы по редакциям и вариантам, по внешним признакам только своего текста, а должны найти свое место в бесконечно более сложной и тесно связанной с изменением исторической действительности истории русского летописания. Изучение списков „Повести временных лет“ и их распределение требует отчетливой разработки всей истории русского летописания и не может считаться еще завершенным.

Первая редакция „Повести временных лет“, вышедшая, повидимому, из-под пера монаха Киево-печерского монастыря Нестора, не сохранилась (см. подробнее нашу статью: „Повесть временных лет. Историко-литературный очерк“, стр. 124—132). Вторая редакция, представляющая собой обработку первой и принадлежащая игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру, в чистом виде также не сохранилась; но представить себе ее мы все же можем по Лаврентьевскому списку и сходным — Радзивиловскому и Московско-академическому (см. там же, стр. 125). Третья редакция „Повести временных лет“, вышедшая из окружения князя Мстислава Владимировича (см. там же, стр. 128), лучше всего представлена Ипатьевским списком и сходными (в первую очередь Хлебниковским).

Приведем сведения об основных списках „Повести временных лет“, использованных и в издании самого текста „Повести“ и в комментариях, где приведены из них варианты и дополнительные сведения, не читающиеся в основном — Лаврентьевском — списке.

Лаврентьевская летопись — одна из самых древних и ценных русских летописей — получила свое название по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее в 1377 г. по заказу Суздальского и Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича с „ветхого летописца“, заканчивавшего свое изложение на 1305 г. Ветхость летописи, с которой Лаврентий делал свой пергаменный список, была немалой: в ней не было конца изложения событий 898 г. и следующих лет до 922, не было изложения от 1263 г. — с середины жизнеописания Александра Невского — и до 1283 г., не было текста от 1288 г. до середины повествования 1294 г. Во всех этих местах Лаврентий вынужден был делать пропуски (пропуск 898—922 гг. в нашем издании восполняется по Радзивиловской летописи).

Лаврентьевская летопись была приобретена известным собирателем древних рукописей гр. А. И. Мусиным-Пушкиным. История приобретения Лаврентьевской летописи гр. Мусиным-Пушкиным рассказана К. Ф. Калай-

довичем в „Вестнике Европы“ (1813, № 21) и в „Записках и трудах Общества истории и древностей российских“ (ч. II), в последних — иначе, чем в „Вестнике Европы“. Еще до приобретения Лаврентьевской летописи Мусиным-Пушкиным (повидимому в 1792 г.) она уже пользовалась известностью: с нее снималась копия учениками Новгородской семинарии в 1767 г. (копия эта хранится в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР под шифром: 34. 2. 32). По имени Мусина-Пушкина Н. М. Карамзин называет Лаврентьевскую летопись в своей „Истории государства Российского“ — Пушкинской. Ныне рукопись Лаврентьевской летописи хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде (F. IV. № 2).

Первое издание Лаврентьевской летописи было предпринято в 1804 г. Обществом истории и древностей российских при Московском университете под редакцией Чеботарева и Черепанова, но затянулось и было приостановлено в 1810 г. Часть листов этого издания была уже отпечатана (от начала и до 907 г.) и сохранилась. Лаврентьевская летопись была дана в них с вариантами по Радзивиловской и сгоревшей в 1812 г. Троицкой (см. ниже).

В 1810 г. решено было издавать Лаврентьевскую летопись по новому плану под редакцией Тимковского. Но в пожар 1812 г. сгорели многие собранные для издания рукописи. В 1824 г. отдельные листы этого издания (доведенные до 1020 г.) были выпущены Обществом истории и древностей российских.

В 1846 г. вышел I том „Полного собрания русских летописей“, заключавший в себе текст Лаврентьевской летописи под редакцией Бередникова. К вариантам текста „Повести временных лет“ были привлечены сохранившиеся остатки Троицкой летописи (по первому изданию Лаврентьевской), Ипатьевский, Радзивиловский и Хлебниковский списки.

Второе издание I тома „Полного собрания русских летописей“, вышедшее в 1872 г., исключило из вариантов Ипатьевский и Хлебниковский списки, как самостоятельную группу летописей.

Третье издание, представлявшее собою перепечатку второго, вышло в 1897 г. Перепечатка его в части, обнимающей „Повесть временных лет“, вышла в 1910 г. Фототипическое издание той же части вышло в 1872 г.

Последнее издание I тома „Полного собрания русских летописей“ появилось в 1926 г. под редакцией акад. Е. Ф Карского. Несмотря на всю тщательность издания Лаврентьевской летописи, оно вызвало справедливые нарекания. В частности, указывали, что план издания повторил план второго издания, и к вариантам не была привлечена найденная А. А. Шахматовым в 1900 г. Симеоновская летопись, по которой, как было доказано А. А. Шахматовым, можно бы было восстановить все пропуски текста Лаврентьевской от 1177 по 1305 г. (т. е. указанные выше пропуски с 1263 по 1283 г. и от 1288 по 1294 г.).

Лаврентьевская летопись 1377 г., л. 1 об.

Лаврентьевская летопись 1377 г., л. 7.

История текста Лаврентьевской летописи внимательно изучалась А. А. Шахматовым,[1] а затем — М. Д. Приселковым[2] и В. Л. Комаровичем.[3] Выводы исследования М. Д. Приселкова могут быть суммированы в следующем виде.

Андрей Боголюбский в последние годы своей жизни задумал составить летописный свод. Владимирский летописец — составитель этого свода — соединил в своем летописании летописные записи, ведшиеся во Владимире (систематически они начали вестись с 1158 г.), и летопись южнорусскую — Летописец Переяславля Русского, в начале которого находилась „Повесть временных лет“ в редакции Сильвестра 1116 г. (игумен Киево-печерского монастыря Сильвестр был с 1119 г. епископом Переяславля Русского). Закончен этот летописный свод был уже после убийства Андрея Боголюбского в 1177 г. при Всеволоде Большом Гнезде.

Свод 1177 г. с дополнениями летописных записей до 1193 г. был положен в основание нового свода, выполненного в 1193 г. Составитель свода 1193 г. вновь привлек летопись Переяславля Русского, но на этот раз не епископскую, а княжескую — летописец переяславского князя Владимира Глебовича.

В начале этой княжеской переяславской летописи также читалась „Повесть временных лет“ в редакции Мстислава 1118 г.

Такое двукратное привлечение летописных материалов Переяславля Русского объясняется тем, что последний рассматривался владимирскими князьями как своя отчина. Оно привело, во-первых, к тому, что „Повесть временных лет“ в Лаврентьевском списке оказалась в редакции, соединившей редакцию Мстислава (1118 г.) и редакцию Сильвестра (1116 г.), а с другой стороны,— к многочисленным дублировкам южнорусских известий. Эти дублировки объясняются не только тем, что дважды было привлечено летописание Переяславля Русского, но и тем еще, что между переяславским епископским и переяславскими княжескими летописцами существовало различие в хронологии.

Вот почему получилось так, что поход русских князей на половцев записан в Лаврентьевской летописи под 1110 и под 1111 гг., смерть Олега Святославича под 1115 и под 1116 гг., вокняжение Глеба в Киеве под 1168 и под 1169 гг., поход Михалка на половцев под 1169 и 1171 гг. Ошибоч-

---

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938, гл. 1.

[2] М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). Ученые записки Ленингр. Гос. университета, № 32, Серия историч. наук, вып.2, Л., 1939.—Он же. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. Ученые записки Гос. Педагогического института им. Герцена, т. XIX, 1939.

[3] В. Л. Комарович. Лаврентьевская летопись. История русской литературы, т. I, ч. 1, изд. Института литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1945, стр. 90—96.

ная хронология имелась, повидимому, в княжеском летописце — это следует иметь в виду при пользовании Лаврентьевской летописью за XII в.

Новый этап владимирского летописания представляет собою владимирский свод 1212 г., составленный Юрием Всеволодовичем в целях прославления памяти своего отца — Всеволода Большое Гнездо. Свод этот отразился главным образом в Радзивиловской летописи (см. ниже), а в Лаврентьевской лишь незначительно.

Другой этап северо-восточного летописания, как предполагает М. Д. Приселков, — свод 1239 г. Ярослава Всеволодовича. Свод этот был составлен не во Владимире, к тому времени разгромленном ордами Батыя, а в Ростове. В основу его было положено летописание Ростова — ростовского князя Константина и его сыновей, с владимирским сводом 1193 г. во главе. Свод 1212 г. был привлечен к этому ростовскому своду 1239 г. лишь отчасти. Вот почему в Лаврентьевской летописи в большей мере отражен владимирский свод 1193 г., чем владимирский свод 1212 г.

В дальнейшем изложении до 80-х годов XIII в. Лаврентьевская летопись отражает главным образом ростовское летописание (по предположениям М. Д. Приселкова — свод 1263 г. и свод 1281 г.).

Известия Лаврентьевской летописи с 1284 по 1305 г. ведут нас к своду, составленному уже в Твери при дворе великого князя. В основе этого свода лежал семейный летописец тверского князя, семейный летописец смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича Черного, летописные известия новгородские и рязанские. Этот тверской свод, доведенный до 1305 г., был соединен тверским летописцем с предшествующим ростовским летописанием. Он-то и дал тот текст, который переписывал в 1377 г. Лаврентий с уже „ветхого“ летописца, как гласит об этом запись самого Лаврентия на 172 листе рукописи.

А. А. Шахматов и М. Д. Приселков видели в Лаврентии простого переписчика. В. Л. Комарович доказал, что Лаврентий коренным образом изменил в своде 1305 г. отрицательную характеристику владимирского князя Юрия Всеволодовича на положительную. Этот Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и того нижегородского монастыря, в котором работал Лаврентий.[1]

Текст „Повести временных лет“ в Лаврентьевском списке сохранен весьма бережно. Текст второй (Сильвестровской) редакции „Повести“ подвергся здесь лишь некоторой правке и дополнению по третьей редакции в результате соединения двух переяславских летописцев (см. выше). Из крупных изменений и дополнений, внесенных во вторую редакцию, в Лаврентьевской летописи отметим: 1) вставку сочинений Владимира Мономаха

[1] История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. Института литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1945, стр. 90—96.

под 1096 г., 2) вставку вслед за сочинениями Мономаха рассуждений летописца о северных народах под тем же 1096 г. (из третьей редакции „Повести“), 3) пропуск названия того города, где сел Рюрик, под 862 г. (под влиянием расхождения в этом месте „Повести“ второй редакции с третьей; см. стр. 128), 4) вставку благочестивых рассуждений по поводу явления столпа над трапезницей Печерского монастыря под 1110 г. (из третьей редакции „Повести“). Отметим также возможность вставок во вторую редакцию „Повести“ Лаврентием или одним из его предшественников в похвалу Владимиру, в окончание статьи об убиении Глеба, в похвалу Борису и Глебу.[1] За исключением этих и еще некоторых мелких поправок летописцы, принимавшие участие в создании Лаврентьевского списка, не обнаруживают существенных попыток сознательно изменять текст второй редакции „Повести временных лет“.

К тексту „Повести временных лет“ в Лаврентьевской летописи наиболее близки тексты „Повести“ в Троицкой летописи, Радзивиловской и Московско-академическом списке.

Троицкая летопись сгорела в московском пожаре 1812 г. вместе с библиотекой Общества истории и древностей российских — тогда же, когда сгорела и рукопись „Слова о полку Игореве“.

По свидетельству Н. М. Карамзина, нашедшего ее в библиотеке Троицкого монастыря, она была харатейной, т. е. пергаменной, и заканчивалась описанием нашествия Едигея на Москву в 1409 г.

Текст этой исчезнувшей летописи ныне восстановлен и подготовлен к печати М. Д. Приселковым. М. Д. Приселков использовал для восстановления Троицкой летописи выписки из нее в примечаниях Н. М. Карамзина к его „Истории государства Российского“ (в первых 5 томах). Выписки из летописей иногда снабжались Карамзиным указанием того, откуда они сделаны, а иногда лишь глухо упоминали об источнике. В этих последних случаях М. Д. Приселков, путем различных соображений, сумел уточнить их происхождение, собрав все выписки из Троицкой. Кроме выписок из Троицкой, М. Д. Приселков использовал варианты, сделанные по ней же в приготовленных к печати листах Лаврентьевской летописи (над изданием Лаврентьевской летописи работали вначале Чеботарев и Черепанов, а с 1811 г. Тимковский). Наконец, твердую опору для восстановления Троицкой летописи М. Д. Приселков нашел в сходных по составу летописях. Такой сходной летописью, использованной М. Д. Приселковым в первую очередь для восстановления Троицкой, послужила найденная А. А. Шахматовым в 1900 г. Симеоновская летопись. На пространстве от 1177 г. (с которого она начиналась) и до 1390 г. ее текст оказался тожественным

---

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв. Л., 1938, стр. 26—27.

с Троицкой летописью. Исключение составляли лишь три места Симеоновской — 1235—1237, 1239—1247, и 1361—1364 гг., где текст Троицкой оказался замененным текстом более поздним. Использовал М. Д. Приселков также и исправления, сделанные Миллером по Троицкой летописи в тексте одного из экземпляров печатного издания Радзивиловской летописи 1767 г.

Троицкая летопись представляет собою общерусский свод, составленный при дворе московского митрополита в 1409 г. Она начала составляться еще при митрополите Киприане, а была закончена уже после его смерти. Главным источником Троицкой летописи послужил „Летописец великий русский“, до нас не сохранившийся, но упоминаемый в Троицкой под 1392 г.: „и аще хощеши распытовати, разгни книгу Летописец Великий Руський и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего“. Летописец этот был княжеским и доводил изложение до 1389 г. включительно. Затем в состав Троицкой были включены записи по истории Литвы (православная часть которой была подчинена в церковном отношении московскому митрополиту) и местные русские летописи: ростовская владычняя, рязанская княжеская, новгородская, княжеская тверская, княжеская суздальская, смоленская, летопись Троицкого монастыря и летописец князя Владимира Андреевича Серпуховского.[1]

Близость текста „Повести временных лет“ в Троицкой летописи и в Лаврентьевской обусловлена тем, что в основе той и другой лежит общий текст тверского великокняжеского свода 1305 г. Лаврентий переписывал его непосредственно, а составитель Троицкой летописи воспринял текст „Повести временных лет“ из этого свода 1305 г. через „Летописец великий русский“ 1389 г.

Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. Список Радзивиловской или Кенигсбергской летописи находился в XVII в. во владении Радзивилов. В 1671 г. поступил в Кенигсбергскую библиотеку от князя Януша Радзивила. В 1716 г. Петр I приказал снять с него копию (хранится в Библиотеке Академии Наук СССР) в связи с возникшей у Петра (еще в 1703 г.) мыслью о печатании русских летописей. В 1758 г. президент Академии Наук гр. Разумовский при занятии русскими войсками Кенигсберга вытребовал оттуда Радзивиловский список.

Радзивиловский список (Библиотека Академии Наук СССР, № 34. 5. 30) писан полууставом в конце XV в. и имеет 617 миниатюр, из них 4 наклейки (обычно число иллюстраций неправильно считается — 604).[2]

Первое издание Радзивиловского списка вышло в 1767 г. под заглавием „Библиотека российская историческая, древние летописи“. Вышла только I часть. Текст Радзивиловской летописи сильно искажен в этом издании

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 128 и сл.

[2] См поправку в исследовании А. В. Арциховского: Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 6.

произвольными вставками и заменами из других летописей. В 1902 г. весь текст Радзивиловского списка из страницы в страницу был издан фотомеханически Обществом любителей древней письменности, чем было значительно облегчено его изучение. К нему приложены подробные статьи палеографического характера и исследование А. А. Шахматова. Статья Н. П. Кондакова о миниатюрах в том же издании теперь устарела и имеет много неточностей.

Радзивиловский список оканчивает изложение на 1206 г. и на всем своем протяжении сходствует с Московско-академическим списком конца XV в., доведенным до 1419 г. (б. Библиотеки Московской духовной академии, № 5/182; теперь в Библиотеке им. В. И. Ленина). Московско-академический список издан в I томе „Полного собрания русских летописей“ до 1206 г., как варианты к Лаврентьевской, а с 1206 г. до конца (1419 г.) в дополнении к этому тому. В первом издании первого тома „Полного собрания русских летописей“ Московско-академический список назван Троицкою I. Как установлено А. А. Шахматовым, годы 1206—1238 восходят в Московско-академическом списке к Софийской летописи, а с 1239 по 1419 г. Московско-академический свод заимствует свой текст из Ростовской летописи.

Сравнительное изучение основного списка Радзивиловской летописи и Московско-академического списка в пределах до 1206 г. позволило А. А. Шахматову установить, что оба списка восходят к общему, не дошедшему до нас, протографу. Протограф Радзивиловского списка и Московско-академического принято теперь называть Радзивиловской летописью. Эта Радзивиловская летопись также была иллюстрирована. Это видно по тому, что в Московско-академическом списке сохранились следы, указывающие на то, что оригинал, с которого она списывалась (т. е. Радзивиловская летопись), был иллюстрирован так же, как и Радзивиловский список. Так, например, текст, находящийся в Радзивиловском списке между двумя миниатюрами (1024 г.), в Московско-академическом пропущен. Очевидно, что в Радзивиловской летописи этот текст находился также между миниатюрами, и писец Московско-академического списка принял его за подпись к рисунку. Кроме того, самый характер миниатюр Радзивиловского списка убеждает искусствоведов в том, что в их основе лежат более древние изображения.[1]

Когда снимались копии, Радзивиловская летопись была уже ветхой: последние листы утратились, предпоследние листы оторвались и были вложены внутрь. Поэтому в Радзивиловском списке изложение 1205—1206 гг. оказалось переписано ранее 1203—1205 гг. Ту же путаницу имеет и Московско-академический список.

---

[1] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 12—18.

В последних работах А. А. Шахматов считал Радзивиловский список сделанным в Смоленской области, основываясь на языковых данных.[1] Но вывод этот нельзя считать абсолютно достоверным.

Изучение Радзивиловской летописи привело А. А. Шахматова к выводу, что Радзивиловская летопись есть летопись Переяславля Суздальского, доведенная до 1214 г., но утерявшая в рукописи свое окончание. Эта летопись Переяславля Суздальского, как показал М. Д. Приселков,[2] имела в своей основе владимирский свод 1212 г., подвергнутый некоторой переяславской обработке.

Есть основания предполагать, что уже этот владимирский свод 1212 г. был иллюстрирован.[3]

Составитель Радзивиловской летописи, как предполагает М. Д. Приселков, сблизил текст Переяславского свода с Лаврентьевской летописью. Отсюда ряд переяславских чтений заменен в Радзивиловском списке и в Московско-академическом более древними чтениями.

Текст „Повести временных лет“ в Радзивиловской летописи близок к Лаврентьевской. Он восходит к тому же источнику, что и в Лаврентьевской — к своду Всеволода Юрьевича Владимирского 1193 г., отразил на себе летопись Переяславля Суздальского и был обработан по тексту ростовской летописи середины XIII в., впоследствии легшей в основу Лаврентьевской. На одном из промежуточных этапов своего создания — в своде 1212 г. — текст Радзивиловской летописи подвергся стилистической правке: летописец заменил многие церковно-славянские и архаичные выражения более ему понятными. Некоторые сокращения в тексте Радзивиловской летописи объясняются тем, что летописец не всегда имел достаточно места для подгонки своего текста к миниатюрам.

„Повесть временных лет“ в Московско-академическом списке в общем близка к Радзивиловской и Лаврентьевской, но имеет ряд общих чтений с Ипатьевской и с Софийской первой, отступая в этих случаях и от Радзивиловской и от Лаврентьевской.

Радзивиловский и Московско-академический списки сходствуют с так называемым Летописцем Переяславля Суздальского, изданным в 1851 г. кн. М. Оболенским (находится в составе сборника Московского главного архива иностранных дел XVI в., № 902/1468; теперь в Центральном Госуд. архиве древних актов).

---

[1] Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи. Сборник в честь Д. Н. Анучина. М., 1913.

[2] М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). Ученые записки Ленинградского университета, № 32, Серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939.

[3] Н. Н. Воронин. Рецензия на работу А. В. Арциховского: „Древне-русская миниатюра как исторический источник“. Вестник Академии Наук СССР, 1945, № 9. — Ср. также: М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. Известия. Гос. Академии истории материальной культуры, т. 10, вып. 1.

Летописец Переяславля Суздальского в „Полное собрание русских летописей“ не вошел и больше не переиздавался. Издание же Оболенского имеет много ошибок в передаче текста рукописи.

„Повесть временных лет“ в Летописце Переяславля Суздальского значительно сокращена, а, с другой стороны, имеет вставки на основании иногда домыслов летописца, а иногда и на основании фольклорных данных. Текст ее местами близок к Софийской первой летописи.

Третья редакция „Повести временных лет“ лучше всего представлена Ипатьевской летописью. Ипатьевский список начала XV в. писан полууставом, повидимому, в Пскове (Библиотека Академии Наук СССР, 16. 4. 4), открыт Н. М. Карамзиным. Принадлежал раньше Ипатьевскому монастырю в Костроме, откуда и получил свое название. Текст Ипатьевского списка впервые был издан во II томе „Полного собрания русских летописей“ в 1843 г. с вариантами по Хлебниковскому XVI в. (Публичная библиотека в Ленинграде; принадлежал коломенскому купцу Хлебникову) и Ермолаевскому (Публичная библиотека в Ленинграде) спискам. Издание это было выполнено неудовлетворительно: начало рукописи до 1111 г. не было издано вовсе. Второе издание II тома „Полного собрания русских летописей“ вышло в 1871 г. (под редакцией Е. Палаузова). Ипатьевская летопись была издана в нем полностью с вариантами по Хлебниковскому списку XVI в. и Погодинскому — конца XVI в. (Публичная библиотека в Ленинграде, Погодинское собрание, № 1401). В 1908 г. вышло издание Ипатьевской летописи под редакцией А. А. Шахматова. Оно было повторено в 1923 г. с тем отличием от изданий 1871 и 1908 гг., что варианты в нем подведены по одному Хлебниковскому списку (список Погодинский оказался неисправной копией Хлебниковского, а Ермолаевский, использованный в издании 1871 г., оказался позднейшей переработкой Погодинского). Однако это последнее издание А. А. Шахматова (1923 г.) осталось незаконченным: вышел только первый выпуск, включавший в себя текст „Повести временных лет“. Кроме уже отмеченных списков, Ипатьевский сходствует еще с Краковским XVIII в., но последний представляет собою переписанную латинскими буквами копию с Погодинского. Фототипическое издание „Повести временных лет“ по Ипатьевскому списку вышло в 1871 г.

Таким образом, основных списков Ипатьевской летописи два: Ипатьевский список и Хлебниковский. Оба эти списка восходят к южнорусскому летописному своду конца XIII в. (по определению М. Д. Приселкова) или XIV в. (по определению А. А. Шахматова).[1]

[1] Определение М. Д. Приселкова кажется нам более достоверным. В своем отнесении свода к XIV в. А. А. Шахматов исходил из предположения, что составитель южнорусского свода пользовался „Владимирским полихроном“ начала XIV в. Однако самое существование этого „Владимирского полихрона“ вызывает большие сомнения.

Ипатьевская летопись (южнорусский свод) распадается на три главных части. Первая часть содержит „Повесть временных лет“, близкую к третьей редакции и доведенную до 1117 г. Вторая часть обнимает события 1118—1199 гг. Она представляет собою свод, составленный в 1200 г. в Выдубицком монастыре. Свод этот заканчивался описанием торжества по случаю построения князем Рюриком Ростиславичем в 1199 г. каменной монастырской стены. Здесь, под 1199 г., полностью приведена речь игумена Моисея с похвалою Рюрику Ростиславичу. В свод 1200 г. была включена семейная летопись этого Рюрика Ростиславича (известия 1173, 1174, 1180, 1185, 1187, 1194, 1197, 1198 и 1199 гг.), затем черниговская летопись Игоря Святославича, включившая в свой состав переяславский летописец Владимира Глебовича. В свод 1200 г. была включена также летопись Киево-печерского монастыря, включившая в свой состав киевскую княжескую летопись. Кроме того, в этой второй части Ипатьевской летописи имеется ряд заимствований из галицко-волынской летописи (под 1141, 1144, 1145, 1164, 1187, 1188, 1189, 1190 и 1197 гг.). Неясно, были ли эти известия включены уже в свод 1200 г., или они представляют собой позднейшие вставки, сделанные составителем южнорусского свода конца XIII в. Третья часть Ипатьевской летописи доводит повествование до 1292 г. и представляет собою в основном галицко-волынскую летопись с привлечением некоторых ростово-суздальских летописных статей и, возможно, пинских летописей последней четверти XIII в. Галицко-волынская летопись, в основном состоящая из ряда княжеских биографий (Л. В. Черепнин),[1] не имела обычной разбивки на годовые статьи. Обычная летописная сеть годов в Хлебниковском списке отсутствует с 1201 г. вовсе. Составитель Ипатьевского списка расставил года, но неловко — иногда с ошибками до 4 лет.[2]

Кроме уже отмеченных выше в статье о „Повести временных лет“ (см. стр. 127) главных особенностей третьей редакции „Повести временных лет“, Ипатьевская летопись, представляющая эту третью редакцию, отличается еще некоторыми стилистическими изменениями, подчас расширением текста с целью „усилить впечатление от излагаемых фактов путем их повышенной оценки и детализации. Редактор вставляет в текст своего оригинала большие эпизоды церковно-нравоучительного, проповеднического характера; он усиливает утверждения и оценки своего оригинала, добавляя слова и фразы“.[3] Особенно заметна эта работа редактора в конечных годах „Повести временных лет“.

---

[1] Л. В. Черепнин. „Летописец Даниила Галицкого“. Исторические записки, № 12, 1941.

[2] М. С. Грушевский. Хронольогія подій галицько-волинської літописи. Зап. Наук. тов. ім. Шевченка, т. XLI, 1901.

[3] С. А. Бугославский. Повесть временных лет (списки, редакции, первоначальный текст). Сб. „Старинная русская повесть“, под ред. Н. К. Гудзия, М.—Л., 1941, стр. 26.

Лѣтописецъ рускии

съ бм҃ъ починаемъ ѿче блв҃:
Повѣсть временных лѣт. че
рнорицца федосьева мана
стыря печерьскаго ѿку
ду есть пошла руская земля и
стала есть. Се начнемъ по
вѣсть сию. По потопѣ бо г҃е
сн҃ве ноеви раздѣлиша зем
лю. симъ. хамъ. афетъ.
И яся въстокъ симови. пер
сида. ватрь доже и до ин
дикия. в долготу и в широ
ту. и до нирокурия. якоже ре
щи ѿ въстока доже и до полу
дния. и сурия. и мидиа. и
ефратъ рѣку. и вавилонъ.
кордуна. асурианѣ. месопо
тамиа. аравиа старѣишаа.
елумаисъ. инди. аравиа си
лная. кулии. комагини. фи
никия вся. Хамови же яся
полуденьная часть. егупетъ.
ефиопья прилежащия къ
индомъ. другая же ефио
пья из неяже исходить рѣ

кто в неи почалъ первѣе княжити

ка ефиопьская чермьна те
кущия на въстокъ. фива
ливии прилежащи доже до ку
риния. мармариа. суртѣ.
ливуи. другая нумидиа.
масурия. мавританиа. про
тиву сущи гадирѣ. сущии
же къ въстокѡ. имать киликию.
памфилию. писидию
мосию. лукаонию. фругию.
камалию. ликию. карию.
лудию. масию. другую тро
аду. солиду. вифунию. ста
рую фругию. и ѡстровы па
кы имать. сардани. кри
тъ. купръ. и рѣку. гиону
зовемую нилу.
Афетови же яся полунощная
страна. и западныя. мидия.
албания. армения малая.
и великая. каподокия
фефлагони. галатия. коль
хысъ. воспории. меоти. де
реви. сармати. тавриани
скуфия. фраци. македо
ния. далматия. молоси.
фесалия. локрия. пелени
я. яже и полонописъ наре
тся. аркадия. ипирино
я. илурикъ. словене. лухи
тия. андриакия. андри
атиньская пучина. имать
же и ѡстровы. вританию. си

Ипатьевская летопись конца XV в., л. 1.

Хлебниковский список в части „Повести временных лет“ в основном тождествен Ипатьевскому; в некоторых, однако, случаях чтение Хлебниковского ближе к Лаврентьевскому и Радзивиловскому, чем к Ипатьевскому. В заглавии „Повести временных лет“ в Хлебниковском списке читается имя Нестора. Нельзя расценивать это изменение заглавия, как простое добавление самого составителя Хлебниковского списка, так как заглавие „Повести“ читается в Хлебниковском в более архаичной форме, чем в Ипатьевской летописи и более близкой к Лаврентьевской (ср. в Хлебниковском списке слова „и откуда Руская земля стала есть“, отсутствующие в Ипатьевском).

Особое значение для восстановления первоначального текста „Повести временных лет“ имеют списки новгородских летописей или тех поздних летописей, которые использовали в своем составе новгородские летописи. Списки эти важны тем, что в них соединен текст предшествовавшего „Повести временных лет“ Начального свода с „Повестью временных лет“ в третьей редакции. Текст же Начального свода во многих случаях позволяет правильно прочесть те места „Повести временных лет“, которые подвергались очень ранней порче, а с другой стороны, исключительно важны для исторического комментария (см. неоднократные ссылки на новгородские летописи в наших комментариях).

Синодальный список Новгородской первой летописи принадлежал Московской Синодальной библиотеке (№ 786), ныне в Гос. Историческом музее. Древнейший из дошедших до нас списков русских летописей.

Первое издание Синодального списка вышло в 1781 г. под заглавием „Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) года, и кончающийся 6860 (1352) годом“. Второе издание вышло в 1819 г. под тем же названием. Оба эти издания неудовлетворительны, как и третье, вышедшее в 1841 г. в III томе „Полного собрания русских летописей“, где текст Синодального списка напечатан со значительными пропусками. В 1888 г. „Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку“ вышла под редакцией П. И. Савваитова (есть неточности и опечатки). Кроме того, еще в 1875 г. под наблюдением того же П. И. Савваитова вышло светотипическое воспроизведение всей рукописи Синодального списка.

Синодальный список составлен, по палеографическим наблюдениям А. И. Соболевского, в XIV в. Он доведен до 1330 г., после чего в нем идут приписки, сделанные разными почерками (последними записаны события 1337, 1345 и 1352 гг.). В начале рукописи нехватает первых 12 тетрадей. Текст начинается с середины статьи 1016 г.

В „Обозрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.“ и в работе „Общерусские летописные своды XIV—XV вв.“[1] А. А. Шахматов следую-

[1] Журнал Мин. нар. просв., 1900, № 11.

щим образом определяет источники Синодального списка: официальная архиепископская летопись, позднейший извод свода Германа Вояты, соединившего в XII в. архиепископскую летопись с киевской, и Полихрон начала XIV в. Позднее, в „Разысканиях о древнейших русских летописных сводах“ (1908 г.) А. А. Шахматов пришел к выводу, что Герман Воята не был составителем свода, что он лишь сократил в своей летописи официальную архиепископскую летопись.

Согласно наблюдениям автора этой работы,[1] история Синодального списка может быть представлена в следующем виде В годы княжения в Новгороде внука Мономаха Всеволода (1118—1136 гг.) был составлен свод, соединивший летопись, ведшуюся в Новгороде с начала XI в., с третьей редакцией „Повести временных лет“ (редакцией отца Всеволода — новгородского князя Мстислава, сына Мономаха). После изгнания Всеволода в 1136 г. летопись его была подвергнута строгой ревизии при Софийском архиепископском дворе. Мономашья „Повесть временных лет“ была заменена антикняжеским Киево-печерским Начальным сводом 1093 г. (архиепископ Нифонт, ставший после переворота 1136 г. во главе новгородского государства, был печерянином). В начале новгородской архиепископской летописи оказалось антикняжеское предисловие Начального свода. Название Начального свода — „Временник Русской земли“ — было изменено на „Софийский временник“ и с тех пор стало традиционным названием новгородской софийской архиепископской летописи. Непосредственным выполнителем этого свода был Кирик — доместик Антониева монастыря и один из приближенных Нифонта, составивший, кроме свода, специальную работу по хронологии „Учение им же ведати числа всех лет“ (данные этой работы отразились в своде Кирика).

В начале XIII в., после 1204 г., был составлен новый свод архиепископской летописи, привлекший известия киевского летописания. Свод этот заканчивался повестью о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. В своде этом в предисловии Софийского временника (перешедшем из Начального свода) были вставлены имена последних греческих императоров Алексея и Исаакия Ангелов, царствовавших в самом начале XIII в.[2] Имеются и другие следы сводов архиепископского летописания,

---

[1] „Новгородские летописные своды XII в.“. Автореферат этой работы напечатан в Известиях отделения языка и литературы Акад. Наук СССР, 1944, т. III, вып. 2—3; см. также: „Софийский временник“ и новгородский политический переворот 1136 года. Исторические записки, № 25, М.—Л., 1948.

[2] Такой точки зрения держался А. А. Шахматов. Однако в работе „Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись“ (Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1908, кн. 1) А. А. Шахматов высказал мнение, что под Олексой и Исаакием предисловия следует разуметь Алексея I Комнина и его брата Исаакия севастократора. Впоследствии А. А. Шахматов вновь вернулся к своему первоначальному мнению (в работе „Киевский Начальный свод 1095 года“, сб. „А. А. Шахматов“, М.—Л., 1947, стр. 131).

один из которых присоединил к архиепископской летописи известия рязанского летописания (а не Полихрона начала XIV в., как думал А. А. Шахматов).

Новгородское архиепископское летописание несколько раз отражалось в летописании уличанской церкви Якова в Неревском конце, основанной в память победы новгородцев над полоцким князем Всеславом, одержанной в Неревском конце Новгорода 23 октября 1069 г. „на святого Якова“. Первым летописцем, соединившим архиепископскую летопись с летописными записями церкви Якова, был ее настоятель Герман Воята — также один из приближенных Нифонта (Герман Воята служил в церкви Якова с 1044 по 1088 г.). Другими летописцами церкви Якова, систематически пополнявшими ее летопись на основании летописи архиепископской, были — пономарь Тимофей, сделавший о себе запись в летописи под 1230 г., и сам составитель Синодального списка. Соединение двух летописей (архиепископской и церкви Якова) и многократное обращение к архиепископской летописи повело к многочисланным дублировкам в составе Синодального списка.

Таким образом, Софийский временник составился не в XV в., как думал А. А. Шахматов, а в XII в. Он постоянно дополнялся, и из него черпались известия для летописания церкви Якова, от которого дошел до нас Синодальный список.

Согласно предыдущему, начальная часть Синодального списка представляет собой Начальный свод в соединении с третьей редакцией „Повести временных лет“, но и то, и другое в сильном сокращении. Вследствие утраты первых тетрадей Синодальный список начинается с середины статьи 1016 г.

Новгородская первая летопись младшего извода. К этой группе списков Новгородской первой летописи (к старшему же изводу Новгородской первой принадлежит один Синодальный список) относятся: Комиссионный XV в. (Археографической комиссии, ныне в Институте истории Академии Наук СССР), Академический второй половины XV в. (ранее принадлежавший Татищеву, Библиотека Академии Наук СССР, 17. 8. 36), Толстовский XVIII в. (из собрания Ф. А. Толстого, Публичная библиотека в Ленинграде F. 6. о. IV, № 233). Комиссионный список издан в составе издания „Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку“ (1883): до 1016 г. самостоятельно (на месте утраченной части Синодального списка), с 1016 по 1074 в соединении с Синодальным списком (для восполнения кратких статей Синодального списка), с 1075 по 1332 г. в вариантах к Синодальному списку, а с 1333 г. (на 1333 г. кончается Синодальный список) по 1446 г. вновь самостоятельно. В том же издании в вариантах к Синодальному и Комиссионному спискам изданы и остальные перечисленные выше списки.

Комиссионный список писан двумя почерками. Основной протограф его доходил до 1432 г. и представлял собою свод, составленный на основании Синодального списка и Софийской летописи владычнего двора (А. А. Шахматов прибавляет к этому еще Софийский временник, но мы видели выше, что Софийским временником как раз и называлась летопись владычнего двора). Свод 1433 г. был переработан по Новгородско-софийскому своду („своду 1448 г.“), причем текст до 1439 г. взят из дополнений к этому своду. Так составился Комиссионный список.

Другие списки Новгородской первой летописи младшего извода представляют собой дальнейшее усложнение Комиссионного списка.[1]

Текст предшествовавшего „Повести временных лет“ Начального свода дошел до нас в Новгородской первой летописи младшего извода с распространениями.

В основе Новгородской четвертой, Софийской первой и некоторых других летописей лежит общий источник — Новгородский софийский свод 30-х годов XV в., показания которого весьма важны для начальных веков русской истории и который поэтому неоднократно цитируется нами в комментариях.

Каков же был объем и характер этого свода, лежащего в основе Новгородской четвертой, Софийской первой и целого ряда других летописей?

Последнею общею статьей между Новгородской четвертой и Софийской первой летописью оказывается статья 1418 г. После этого в Новгородской четвертой идут известия новгородские, которых нет в Софийской первой, а в Софийской первой — известия московские, которых нет в Новгородской четвертой. Однако такое окончание общих статей на 1418 г. А. А. Шахматов считал случайным и предполагал (по ряду соображений), что общий источник Новгородской четвертой и Софийской первой оканчивался на 1422 г.[2] Эти соображения А. А. Шахматова не представляются нам, однако, убедительными.

По своему составу этот свод, легший в основание Новгородской четвертой и Софийской первой летописей, состоял из новгородской летописи, доведенной до 1418 г. Этот систематически использованный новгородский источник, судя по сохранившемуся предисловию, назывался Софийским временником. Затем сюда же был привлечен обширный общерусский московский свод, доведенный также до 1418 г. И А. А. Шахматов, и М. Д. Приселков[3] определяют этот московский источник как свод, составленный при

[1] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л. 1939, гл. XI, XII, XIII. (В дальнейшем цитируется: Обозрение. . .).

[2] Обозрение. . ., стр. 153.

[3] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 143.

митрополите Фотии. А. А. Шахматов датирует его 1423 годом, а М. Д. Приселков относит его более убедительно к тому же, 1418 г. Третьим источником свода, легшего в основание Новгородской четвертой и Софийской первой, был ростовский владычный свод, составленный при ростовском архиепископе Григории (1396—1416 гг.).

Все источники свода, положенного в основание Новгородской четвертой и Софийской первой, указывают как будто бы на то, что свод этот был составлен либо в конце первой четверти XV в., либо, по крайней мере, в начале второй четверти XV в. Однако в основных печатных работах А. А. Шахматова и у М. Д. Приселкова свод этот датируется точно 1448 годом. Под названием „свода 1448 г.“ — свод этот широко вошел в литературу. Основанием к этому послужило следующее соображение. Под 1380 г. в Софийской первой летописи и в Новгородской четвертой читается заметка: „А Благовещение бысть в велик день (т. е. на Пасху); а перво сего, бысть за 80 лет и за 4 лет, а потом будеть за 80 лет без лета, а потом будеть за 11 лет“. Эта заметка, как предполагал первоначально А. А. Шахматов, читалась в том самом своде, который лег в основание обеих летописей. Совпадение Пасхи и Благовещения действительно было в 1380 г., а затем действительно через 79 лет (за 80 лет без лета) — в 1459 г. Следующее совпадение должно было наступить только в 1543 г. Отсюда А. А. Шахматов делал вывод, что последняя приписка к последнему расчету — „а потом будеть за 11 лет“ — относится к совпадению 1459 г. и означает, что она сделана в 1448 г. Так как по предположениям А. А. Шахматова приписка эта непременно сделана составителем свода, общего для Новгородской четвертой и Софийской первой, то отсюда следовал вывод, что свод этот составлен в 1448 г.

Однако в последних своих работах (в статье о летописях для Нового энциклопедического словаря и в I томе „Повести временных лет“) в тех случаях, где прежде им упоминался свод 1448 г., А. А. Шахматов говорит о Софийско-новгородском своде 30-х годов XV в. Такое изменение датировки свода, легшего в основание Новгородской четвертой и Софийской первой, вызвано было частным письмом к А. А. Шахматову А. В. Маркова. А. В. Марков писал: „Обратившись к новгородским летописям, я тоже сначала успокоился на цифре 1448 — выведенный Вами год составления новгородского свода. Но потом пришлось разувериться и в этом, так сказать, летописном этапе, ибо 11 лет отсчитаны летописцем не вперед (как полагаете Вы), а назад: слова «а потом за 11 лет» попали не на место, читать следует так: Благовещение бысть в Велик день; а первее сего бысть за 80 лет и за 4 лета (6804), а потом за 11 лет (6793),[1] а потом будет за 80 лет без лета (6888 + 79 = 6967). Самый расчет сделан не в Новгороде,

[1] В 1285 (6793) г. Пасха и Благовещение действительно совпадали.

где год был мартовский, а вероятно, в Москве, почему новгородские переписчики его и исказили". По поводу этого письма А. А. Шахматов писал в работе „Киевский Начальный свод 1095 года":[1] „покойный А. В. Марков в письменном сообщении опроверг мое предположение и верно указал на то, что... (здесь в рукописи А. А. Шахматова пропуск, — *Д. Л.*). Поэтому признаю датировку свода 1448 годом неправильною, несмотря на всю ее соблазнительность, соблазнительна же она ввиду именно того, что Новгородская 4-я летопись содержит ясные указания на то, что летописный рассказ в основном списке одного из двух семейств ее, а следовательно, возможно, и в Новгородском его источнике был доведен до 1447 г. Определить время составления свода можно, кажется, в неопределенных пределах...".

Итак, датировка свода, легшего в основу Новгородской четвертой и Софийской первой, 1448 годом не может быть признана правильной. Поэтому мы предпочитаем, вслед за А. А. Шахматовым, называть его Новгородско-софийским сводом 30-х годов XV в., хотя М. Д. Приселков и считал его составленным в Москве.[2]

„Повесть временных лет" в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в. отличается рядом весьма важных особенностей. Во-первых, в основе начальной части этого свода лежит тот же Софийский временник, представлявший собою в своем начале соединение третьей редакции „Повести временных лет" с Начальным сводом. Статьи этого Начального свода Новгородско-софийский свод сохранил иногда даже лучше, чем Новгородская первая летопись. Третья же редакция „Повести временных лет" сближает текст Новгородско-софийского свода в ряде случаев с Ипатьевской летописью (в частности, текст „Повести временных лет" продолжается в летописях, восходящих к этому Новгородско-софийскому своду за пределы 1110 г.: ср., например, рассказ о походе 1112 г. и др.). Во-вторых, в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., имеется ряд новгородских известий XI в., отсутствующих в Новгородской первой летописи, что объясняется тем, что Новгородско-софийский свод более полно использовал владычную новгородскую летопись. В-третьих, в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в. отразились сведения, заимствованные из различных церковно-исторических сочинений (из Жития Владимира, из Пролога, из церковного устава Владимира, из Жития Бориса и Глеба в редакции, близкой к редакции Сильвестровского сборника XIV в.

[1] Сб. „А. А. Шахматов", М.—Л., 1947, стр. 135.

[2] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 150. Однако в отличие от московских сводов, например 1409 или 1418 г., дававших сведения о Новгороде, касающиеся только его внешнеполитической истории, свод, легший в основание Новгородской четвертой и Софийской первой летописей, подробно останавливается и на событиях внутренней жизни города, что, конечно, могло интересовать только новгородца. Это был, несомненно, новгородский свод.

и др.). Кроме того, здесь же отразились дополнительные сведения из какого-то хронографического источника, близкого к Еллинскому летописцу (под 866, 868, 920, 941, 988 гг.) и из „Никифорова летописца вскоре" в редакции, близкой к редакции этого летописца в Синодальной кормчей XIV в. (под 863, 955, 862, 971 гг.). Ростовский владычный свод Григория начала XV в. в тексте „Повести временных лет" Новгородско-софийского свода отразился незначительно.

Софийская первая летопись представлена двумя группами списков. К одной группе принадлежит Карамзинский список конца XV — начала XVI в. (ныне принадлежит Публичной библиотеке в Ленинграде под шифром Q. IV. № 293)[1] и список Оболенского XV в. (Центральный государственный архив древних актов, б. Государственное Древле-хранилище, отд. V, руб. 2, № 3). Ко второй редакции относятся списки Толстовский Воронцовский, Бальзеровский, Горюшкинский.

Софийская первая была издана в V и в VI томах „Полного собрания русских летописей" в 1851 и в 1853 гг. В тексте этого издания много пропусков со ссылками на другие летописи. Новое издание было предпринято в 1925 г. (вышел 1 выпуск).

Первая редакция целиком восходит к Новгородско-софийскому своду („своду 1448 г".), лишь с некоторыми сокращениями (впрочем М. Д. Приселков думает, что не только с сокращениями, но и переработками).[2] В изложении событий XIII—XV вв. Софийская первая летопись никакими другими источниками не пользовалась, обрываясь на 1418 г.; в следующих затем недатированных приписках можно усмотреть след того, что первая редакция Софийской первой заканчивалась на 1422 г.[3] Однако в изложении событий XI и XII вв. имеются следы пользования каким-то другим источником. Против многих из этих лишних, сравнительно с Новгородской четвертой летописью, известий имеются отметки: „ищи в Киевском" или „а писано в Киевском". При ближайшем рассмотрении этот Киевский летописец имеет сходство с Ипатьевской летописью, но в суздальской доработке.

Вторая редакция Софийской первой летописи была доведена в основном своем списке до 1456 г. Она явилась результатом переработки первой редакции, как думает А. А. Шахматов, или общего с ней протографа, как думает М. Д. Приселков. Дополнение изложения до 1456 г. было сделано на основании московской митрополичьей[4] летописи. Но та же митрополи-

---

[1] Раньше принадлежал Засецкому и под его именем упоминается Карамзиным в „Истории государства Российского".

[2] История русского летописания. . . , стр. 153.

[3] Обозрение . . . , стр. 209 и сл.

[4] Определение московской летописи как „митрополичьей" сделано М. Д. Приселковым (История русского летописания XI—XV вв., стр. 154); А. А. Шахматов определяет ее как „московский свод", близкий к княжескому своду 1480 г. (Обозрение. . . , стр. 217).

чья летопись была употреблена и для некоторой переработки текста более ранних известий — до 1418 г. М. Д. Приселков предполагает, что на этом 1456 г. митрополичье летописание и обрывалось,[1] уступая место московскому великокняжескому летописанию. Однако думается, что основательные наблюдения А. Н. Насонова о наличии митрополичьего летописания в XV и XVI вв.,[2] а С. Ф. Платонова о продолжении его в XVII в.[3] противоречат этому категорически заявленному мнению М. Д. Приселкова.

Софийская первая летопись, хотя и основана на Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в., но в основном является летописью московской, составленной в Москве и москвичами. Так, например, вторая редакция Софийской первой опускала и перерабатывала различные антимосковские известия. Под 1319 г. опущено известие о том, что московский князь Юрий написал многие лжесвидетельства против тверского князя Михаила; под 1395 г. воеводы московского князя, не сумевшие отстоять Нижний от татар, названы воеводами суздальского князя и т. п.

„Повесть временных лет“ в Софийской первой летописи представляет собой соединение и переработку двух источников: „Повести временных лет“ Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. и „Киевского летописца“, представляющего собой соединение южнорусской летописи типа Ипатьевской с какой-то суздальской летописью. И тот и другой текст подвергнуты основательной переработке: подновлению языка и расширению. Тем не менее текст „Повести временных лет“ в Софийской первой летописи лучше представляет текст начальной части Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в., чем текст „Повести временных лет“ в Новгородской четвертой летописи. В частности, в Софийской первой нет тех сокращений, которые есть в Новгородской четвертой летописи: в целости сохранено Сказание о Борисе и Глебе под 1015 г., рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба под 1072 г., полностью сохранены все юридические статьи под 1019 г., и т. д.

Во второй редакции Софийской первой летописи текст „Повести временных лет“ подвергся некоторому сближению с текстом „Повести временных лет“ в московских сводах и дополнительной редакционной правке.

Новгородская четвертая летопись. Под этим названием известна целая группа весьма обширных летописных списков. Из них к древнейшему изводу Новгородской четвертой летописи принадлежат списки б. Новороссийского университета последней четверти XV в. (№ 81), Голицынский первой половины XVII в. (Публичной библиотеки в Ленинграде

[1] История русского летописания XI—XV вв., стр. 162—164.

[2] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Известия Академии Наук СССР, 1930, № 9, стр. 721—723.

[3] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1913, стр. 312 и сл. (о летописании „патриаршем“).

Q. XVII. № 62) и Толстовский конца XV—начала XVI вв. (Публичной библиотеки в Ленинграде Q. IV. № 133). К более позднему изводу принадлежат четыре списка: Строевский, последней четверти XV в. или начала XVI в. (Публичной библиотеки в Ленинграде, Погодинского собрания № 2035), Синдальный 1544 г. (собрания б. Синодальной библиотеки № $\frac{152}{46}$, ныне в Гос. историческом музее), Фроловский XV—XVI вв. (Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV. № 235) и Академический первой половины XVI в. (Библиотеки Академии Наук СССР 16. 3. 2).

Новгородская четвертая летопись была впервые напечатана в 1848 г. в IV томе „Полного собрания русских летописей“. Кроме Новгородской четвертой, в этом же томе была напечатана и Псковская первая. Новгородская четвертая летопись была здесь напечатана по Строевскому списку с вариантами по Академическому, Синодальному, Фроловскому, Толстовскому и, кроме того, особому списку — Хронографическому (Государственный исторический музей, Синодальный № 280, о нем см. ниже). Хронографический список представляет собою особую летопись, поэтому привлечение его заставило издателей давать его текст отдельными отрывками (1385—1403; 1447—1496 гг.). Издание было неудачно и в других отношениях. Оно заключало в себе только ту часть Новгородской четвертой летописи, которая начинается с 1113 г. Кроме того, те места летописи, которые находят себе соответствие в Новгородской первой, второй и третьей, в летописях Лаврентьевской, Ипатьевской и Троицкой (напечатанной в I томе „Полного собрания русских летописей“), были опущены. Были опущены и некоторые вставные памятники („Рукописание“ Магнуса, повесть о кончине митрополита Киприана), уже напечатанные в V томе „Полного собрания русских летописей“. Основной текст напечатан только до 1477 г., а отдельные окончания списков даны в приложении.

Новое издание Новгородской четвертой летописи начало выходить в 1915 г. (вышли все выпуски: I—III). Хронографический список выделен в особую летопись (Новгородскую пятую) и к изданию не привлечен. В основу издания положен все тот же Строевский список, несмотря на то что он относится к более позднему изводу летописи. К этому побудила неисправность древнейшего из списков старшего извода — Новороссийского.

Основные списки древнейшего извода (Новороссийский и Голицынский) доводят изложение до 1437 г. Они оканчиваются известием о поездке в Москву новгородского архиепископа Евфимия, после чего в Новороссийском списке следует обычная заключительная молитва писца, а в Голицынском следует продолжение, писанное другим почерком.

Основные списки более поздней группы (Фроловский и, возможно, Академический) оканчивались на 1447 г.

Обе группы списков имеют самую тесную связь до 1428 г. включительно, после чего следуют некоторые различия. Отсюда можно предположить, что Новгородская четвертая летопись в основной своей редакции заканчивалась 1428 годом, хотя прямых указаний на то, что основная редакция заканчивается именно на 1428 г., нет. Эта основная редакция была продолжена в одном случае до 1437 г., а в другом до 1447 г.

Изучая состав Новгородской четвертой летописи относительно Софийской первой, А. А. Шахматов пришел к выводу, что составитель Новгородской четвертой еще раз обратился к официальной владычней новгородской летописи — Софийскому временнику, откуда сделал ряд дополнений, приведших к некоторым повторениям известий.[1] Затем составитель Новгородской четвертой еще раз обратился к ростовскому летописанию и ввел в Новгородскую четвертую дополнения из Ростовского владычнего свода времени архиепископа Ефрема (1427—1453 гг.; предшествующий Новгородско-софийский свод использовал ростовскую летопись в предшествующей же редакции Григория, — см. выше).

В основе текста „Повести временных лет“ в Новгородской четвертой летописи лежат три источника: Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в., Новгородская первая летопись младшего извода и, отчасти, ростовская летопись первой половины XV в. Различия Новгородской четвертой летописи от Софийской первой, вначале небольшие, особенно усиливаются с 1047 г. Ряд сведений, имеющихся в Софийской первой летописи, отсутствуют в Новгородской четвертой (под 6528, 6534, 6538, 6541, 6548, 6549, 6563, 6578 и другими годами).

Текст „Повести временных лет“ в сочетании с Начальным сводом, характерном для Софийской первой летописи и Новгородской четвертой, отчасти сохранен также в „Русском хронографе“ (в сокращении), в Тверском сборнике, в Ермолинской, в Московском своде 1479 г., в Львовской, в Воскресенской.

Р у с с к и й х р о н о г р а ф по терминологии А. А. Шахматова[2] или иначе „Хронограф первой редакции“ по терминологии А. Н. Попова[3] издан в 1911 и в 1914 гг. в XXII томе „Полного собрания русских летописей“ С. П. Розановым. Первый выпуск XXII тома занимает первая редакция Русского хронографа — редакция 1512 г., изданная по трем спискам. Второй выпуск занимает вторая редакция — западнорусская, изданная по двум спискам.

---

[1] Обозрение. . . , стр. 185 и сл.

[2] А. А. Ш а х м а т о в. Пахомий Логофет и Хронограф. Журнал Мин. нар. просв., 1899, № 1. — О н ж е. К вопросу о происхождении Хронографа. Сборник II Отд. Акад. Наук, т. LXVI, № 8, 1899. — О н ж е. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1939, стр. 133.

[3] А. Н. П о п о в. Обзор хронографов русской редакции, вып. I. М., 1866; вып. II, М., 1869.

Как доказано В. М. Истрнным,[1] обе редакции восходят к одному общему источнику. А. А. Шахматов доказал, что этот общий источник обеих редакций возник в России.[2] Ои составлен на основании нескольких старших хронографических компиляций и целого ряда памятников византийской, сербской и русской литературы, в том числе русских летописей, излагая всемирную историю от сотворения мира.

Редакция 1512 г. названа так по дате, которая выставлена ее составителем в статье „О отложении мяса...“.[3] Она разделена иа 208 глав и имеет относительно обширную часть русских известий, восходящих к русским летописям.

Редакция западнорусская не имеет этого разделения на главы, значительно сократила свою русскую часть и относится, повидимому, к концу XVI в. (по определению А. А. Шахматова) или к началу второй половины XVI в. (по определению С. П. Розанова). Начинается эта редакция Александрией, а заканчивается обширным извлечением из западной Хроники всего света Мартина Бельского.

Составителем Русского хронографа, легшего в основу редакции 1512 г. и западнорусской, А. А. Шахматов признал Пахомия Серба (или Логофета). Пахомий Серб внес в хронограф выборку русских известий из общерусского митрополичьего свода, а затем ряд произведений сербских и болгарских писателей второй половины XIV—начала XV в.: Евфимия Тырновского, Григория Цамблака, Константина Костенчского. Такое большое внимание, которое уделил Пахомий Серб истории южнославянских стран, стоит в связи с ярко выраженной в Хронографе идеей всеславянского единства. Составитель Хронографа искал родственных связей Руси со славянскими народами, отчетливо сознавал себя славянином.

Русский хронограф, помимо двух основных редакций (1512 г. и западнорусской), восходящих к Пахомиевской, сохранился во многих других редакциях, установление и исследование которых, несмотря на обстоятельные труды А. Н. Попова, А. А. Шахматова и С. П. Розанова, не может считаться еще законченным.

Замечательно, что Русский хронограф лег в основу сербского летописания. Исследованные И. В. Ягичем наличные югославянские хронографы все оказались позднейшими сокращениями из известных нам русских хронографов.[4] К этому же выводу пришел М. Н. Сперанский,[5] и он же был подтвержден исследованиями А. А. Шахматова.

---

[1] Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 283—288.

[2] См. его статью: Пахомий Логофет и Хронограф. Журн. Мин. нар. просв., 1899, № 1.

[3] Полн. собр. русск. лет., т. XXII, вып. 1, стр. 330: „Феодор Студит был по седмом соборе за семьсот лет без двадесяте до скончания седмыя тысяща, а до сих времен за седмь сот“.

[4] Arch. für slav. Philol., Bd. II, стр. 1—109.

[5] Чтения в Общ. ист. и древн. российск., 1894; Русск. филолог. вестн., 1896.

Выборки из „Повести временных лет" в Русском хронографе сделаны из какой-то не дошедшей до нас летописи, близкой к Новгородской четвертой и Софийской первой летописи и имеют ряд интересных особенностей текста.

Тверской сборник. Так называется летопись, изданная в 1863 г. А. Ф. Бычковым в XV томе „Полного собрания русских летописей". Рукопись Тверского сборника хранится в Публичной библиотеке, в Ленинграде; принадлежала раньше М. П. Погодину под № 970. По определению А. Ф. Бычкова, она писана „четкою белорусскою скорописью начала XVII в.".

Как доказал А. А. Шахматов,[1] Тверской сборник представляет собою механическое соединение двух летописных сводов. Первый из них сохранился в части до 1255 г. и был составлен в 1534 г., на что имеются указания в самом тексте.[2] Второй начинается с 1247 г. (годы 1247—1255 повторяются) и представляет собой, главным образом, летопись тверских событий. Обе части независимы одна от другой и не объединены даже редакторски. Составление сборника относится к середине или даже концу XVI в.

В состав первой части Тверского сборника — свода 1534 г. входили летописи, близкие к Новгородской первой и Софийской первой, затем ростовский летописный материал и протограф Львовской летописи (или, как уточняет А. Н. Насонов, — митрополичье летописание первых десятилетий XVI в.). Самостоятельный киевский источник, предполагавшийся А. А. Шахматовым в своде 1534 г., повидимому, как это устанавливает А. Н. Насонов, отсутствовал.[3] Основным источником второй части Тверского сборника, как утверждает А. Н. Насонов, послужила сокращенная редакция Тверского свода 50-х годов XV в. — того самого, который составил, наряду с Симеоновской, также и основной источник Рогожского летописца. Кроме того, во второй части Тверского сборника имеются Ростовский епископский свод, „летописный отрывок 1276 г." и житие митрополита Алексея. Свод 1534 г. во второй части Тверского сборника до 1375 г. почти не отразился.

В начале Тверского сборника в пределах до 1074 г. читаются статьи Начального свода. Тверской сборник важен тем, что в его первой части наряду с протографом Львовской летописи и Софийской первой была ис-

---

[1] Разбор сочинения И. А. Тихомирова. Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899.

[2] Составитель свода 1534 г. — ростовец родом — несколько раз говорит о себе в первом лице и о своем времени. Так например, под 938 г. читаем „нынеже начал переписывати сие в лето 7042"; под 1239 г.: „От того до ныне без пяти лет 300 лет".

[3] Летописные памятники тверского княжества, ч. 1, Известия АН СССР, 1930, № 9, стр. 711—712.

пользована летопись, близкая к Синодальному списку Новгородской первой летописи, но иногда в виде более исправном.

Ермолинская летопись. Так названа А. А. Шахматовым летопись, ранее принадлежавшая Троицкой Лавре под № 17[1] (теперь в библиотеке им. В. И. Ленина). Первая часть сборника, занимаемая Ермолинской летописью, писана тремя почерками второй половины XV в., причем последним почерком от 1481 по 1485 г. писаны приписки к основной части летописи, обнимающей события до 1481 г.

Исследованием А. А. Шахматова установлено, что для замечательного русского строителя второй половины XV в., В. Д. Ермолина, в 1472 г. была написана копия летописи, доведенной до 1472 г., причем в части 1462—1472 гг. она была дополнена известиями, касающимися строительной деятельности самого Ермолина, и не находящими себе параллелей в других летописях. Эта летопись, составленная для Ермолина, была переписана двумя писцами, работавшими одновременно не ранее 1481 г., причем один из писцов прибавил по другим источникам изложение событий от 1472 по 1481 г.

Ермолинская летопись издана в 1910 г. в XXIII томе „Полного собрания русских летописей“. Варианты к ней подведены по Уваровскому списку второй четверти XVI в. (по описанию рукописей Уварова № 188, сходному с Ермолинской) до 1417 г., и по Кирилло-Белозерскому, содержащемуся в сборнике № 247 Археографической комиссии (Институт истории Академии Наук СССР) третьей четверти XVI в. Последний список очень краток, варианты по нему подведены только до 1015 г.

В составе Ермолинской летописи использовано ростовское летописание, отразившееся во многих летописях второй половины XV в. Ростовское летописание вошло в Ермолинскую летопись через ростовский владычний свод Трифона (1462—1467 гг.) и представлено здесь с наибольшей полнотой.

„Повесть временных лет“ в Ермолинской летописи представлена в значительном сокращении с заимствованиями из Софийской первой летописи.

Летописный свод 1479 г. Изучая сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел № 20—25, в начале которого находится летопись, названная Н. М. Карамзиным Ростовскою, А. А. Шахматов нашел, что она представляет собою слияние новгородского свода, составленного в 1539 г., и московского, составленного в 1479 г.[2] Насколько точным был этот вывод А. А. Шахматова, показали его позднейшие открытия: А. А. Шахматову удалось впоследствии найти рукописи, отразившие и этот

---

[1] См. подробное исследование А. А. Шахматова: Ермолинская летопись и Ростовский владычний свод. Известия Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1903, кн. 4; 1904, кн. 1.

[2] А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

новгородский свод 1539 г., и московский свод 1479 г. Новгородский свод 1539 г. был обнаружен А. А. Шахматовым в рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV. 238, названной А. А. Шахматовым сводом Дубровского. Московский же свод 1479 г. А. А. Шахматов нашел позднее в так называемом Эрмитажном списке № 416 *б* той же библиотеки. Впоследствии М. Н. Тихомиров нашел еще один список свода 1479 г. (Государственный Исторический музей, Уваровская № 1366 — первой половины XVI в.), изданный им в настоящее время в XXV т. ПСРЛ (М.—Л., 1949).

Эрмитажный список не издан. Ростовская летопись издана в виде вариантов к Симеоновской летописи на пространстве 1410—1479 гг. Эрмитажный список представляет собою копию, сделанную в XVIII в. с более древней несохранившейся рукописи, значительно обветшавшей, судя по тому что в ней были утрачены первые и последние листы. Копия XVIII в. доводит текст до статьи 1478 г., на которой и обрывается.

В основе свода 1479 г. лежит Софийская первая летопись. Другим источником московского свода 1479 г. была Троицкая летопись 1409 г., затем Ростовская летопись второй четверти XV в. Четвертым источником московского свода 1479 г., как предполагает А. А. Шахматов, следует считать владимирский Полихрон,[1] т. е. гипотетически восстанавливаемый А. А. Шахматовым общерусский свод начала XIV в., составленный во Владимире при дворе митрополита. Однако гипотеза А. А. Шахматова относительно существования такого свода построена на весьма шатких основаниях. М. Д. Приселков предлагает видеть в своде 1479 г. заимствования не из Полихрона, а из летописи, близкой к Ипатьевской (заимствования из такой летописи, называемой „киевской“, видим и в Софийской первой летописи).

Наконец, пятым источником свода 1479 г. выступает систематически ведшаяся московская великокняжеская летопись. Этот источник свода 1479 г., пожалуй, самый важный. Свод 1479 г. составился в несколько этапов, каждый раз дополняясь новыми записями великокняжеской летописи. Первый, предшествующий этап свода 1479 г. — свод 1472 г. (отразившийся в Никаноровской и Вологодско-пермской) определяется и А. А. Шахматовым, и М. Д. Приселковым одинаково, хотя даты более ранних сводов этого великокняжеского летописания у М. Д. Приселкова и А. А. Шахматова несколько различествуют. Возможно, что указанные выше источники свода 1479 г. отразились в нем не непосредственно, а через свод 1472 г., как через связующее звено. Так думал А. А. Шахматов в последнее время, так думал и М. Д. Приселков. На приложенной к главе XXI „Обозрения“ таблице, составленной А. А. Шахматовым позднее и не согласной с текстом „Обозрения“, в числе источников свода 1479 г. показаны только свод 1472 г. и погодные записи великокняжеской летописи.

[1] Обозрение. . ., стр. 275 и сл.

М. Д. Приселков считал, что свод 1479 г. был составлен по случаю постройки в Москве нового Успенского собора,[1] рассматривавшегося после падения Константинополя как новый центр вселенского православия.

Особое значение в своде имеет подробное изложение событий 1472—1479 гг.

„Повесть временных лет“ в Московском своде 1479 г. основывается на двух источниках: на первой редакции Софийской первой летописи и Московском общерусском своде 1418 г. Первая часть „Повести временных лет“ в пределах до середины летописной статьи 1074 г. основывается на Софийской первой летописи, но дополняется по Московскому общерусскому своду 1418 г. С 1075 г. по 1113 г. „Повесть временных лет“ в своде 1479 г. кладет в основу Московский общерусский свод 1418 г. и исправляет его по Софийской первой, но с некоторыми планомерными сокращениями (сокращаются благочестивые рассуждения, тексты „священного писания“ и т. д.). Такое различие в „Повести временных лет“ Софийской первой летописи в пределах до 1074 г. и начиная с 1075 г. объясняется тем, что после 1074 г. Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в. переходит к сокращенному изложению „Повести временных лет“. Составитель Софийской первой летописи, начав с Новгородско-софийского свода, как основного текста, — с 1074 г. взял поэтому за основу другой текст (свод 1418 г.), служивший ему до того подсобным материалом.

В о с к р е с е н с к а я л е т о п и с ь, отличающаяся большой полнотой своих известий, названа так потому, что один из ее списков (Библиотеки Академии Наук СССР, 34. 5. 24) был пожертвован в 1658 г. патриархом Никоном основанному им Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю.

Впервые „Русская летопись по Воскресенскому списку“ была издана в 1793—1794 гг. В „Полном собрании русских летописей“ Воскресенская летопись заняла VII том (1851 г.) и VIII (1859 г.).

Воскресенская летопись известна в следующих 5 списках. Академический XII (Воскресенский) и Академический XIII (так называемый Алатырский — от записи в нем алатырского подъячего) списки доведены до 1347 г., представляют собою первую часть Воскресенской летописи. Их продолжением служит Синодальный список конца XVI в. (ныне в Гос. Историческом музее). И. А. Тихомиров[2] и издатели Воскресенской летописи предполагали, что Синодальный список следует считать второю частью Академического XII (Воскресенского) списка, но А. А. Шахматов убедительно показал, что Синодальный список правильнее признать второю частью Академического XIII (Алатырского) списка.[3] Вторая половина Воскресенской

[1] История русского летописания XI—XV в. Л., 1940, стр. 183—184.

[2] Обозрение состава Московских летописных сводов. Спб., 1896.

[3] Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, стр. 166—167.

летописи (с 1348 г.) читается также в Парижском списке (Национальной библиотеки в Париже) и Карамзинском XVII в. Архивский III список начала XVIII в. (б. Московского архива Министерства иностранных дел, ныне в Центральном гос. архиве древних актов), указанный в предисловии к VII тому „Полного собрания русских летописей“, как это доказано А. А. Шахматовым в ряде исследований, является самостоятельной Ростовской летописью, содержавшей свод (1479 г.), бывший также источником Воскресенской.

Как утверждает А. А. Шахматов, Воскресенская летопись составлена повидимому, в 30-х или 40-х годах XVI в. Анализ оглавлений, приложенных к различным ее спискам, в связи с наблюдениями над текстом, позволили А. А. Шахматову установить следующие три редакции ее. Первая редакция Воскресенской летописи содержала 63 главы (весь текст Воскресенской разбит на главы) и доводила повествование до 1533 г. Вторая редакция оканчивалась на 70-й главе, доводя рассказ до 1537 г. Обе эти редакции до нас не дошли. Сохранилась лишь редакция, доведенная до 1541 г. (на 1541 г. оканчиваются Синодальный и Парижский списки).

В основании Воскресенской летописи лежит московский великокняжеский свод 1479 г., сближенный с текстом Софийской первой летописи и списком Царского той же Софийской первой летописи. Карамзинский список Воскресенской летописи дополнен с 1542 по 1552 гг. по Львовской летописи, а дальше до 1560 г. продолжен приписками.

В некоторых известиях XII в. Воскресенская летопись близка к Ипатьевской. А. А. Шахматов объяснял это тем, что обе летописи пользовались митрополичьим сводом начала XIV в. М. Д. Приселков убедительно показал несостоятельность гипотезы А. А. Шахматова о существовании в начале XIV в. общерусского митрополичьего свода и утверждал, что составитель Воскресенской летописи пользовался списком Ипатьевской. Точно так же пользовалась протографом Ипатьевского списка и Софийская первая, где имеются (в первой редакции) отметки: „а писано в Киевском“ или „ищи в Киевском“. В Воскресенской летописи ее начальная часть близка к Софийской первой, отражая то же соединение статей Начального свода с „Повестью временных лет“ в третьей редакции. Статьи из Начального свода идут в ней до 1074 г., а затем следует текст, в основном восходящий к третьей редакции „Повести временных лет“.

Львовская летопись первоначально была известна по печатному изданию Н. А. Львова 1792 г., изобилующему подновлениями языка и произвольными заменами в тексте. Издание вышло в пяти частях под заглавием: „Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. Издал Н. Л.“. Сама рукопись, принадлежавшая Спасо-Евфимиеву монастырю, оказалась впоследствии утраченной. В 1903 г. А. Е. Пресняков нашел рукопись, текст которой оказался тожественным Львов-

ской — так называемый Эттеровский список XVI в. Список этот хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде (F. IV. № 144) и принадлежал когда-то Карлу Эттеру. Еще одна тожественная Спасо-евфимиевской рукопись (но с утратой первых семи листов) была приобретена Археографической комиссией при печатании нового издания Львовской летописи. Рукопись эта когда-то служила типографским оригиналом при печатании Львовской летописи и является копией со Спасо-евфимиевской.

Львовская летопись вновь издана в 1910 г. (часть 1) и в 1914 г. (часть 2) в XX томе „Полного собрания русских летописей“.

Изложение Львовской летописи доведено до 1560 г. Основным источником ее, как показали наблюдения А. А. Шахматова,[1] был свод, доведенный до 1518 г., главным образом, на основании следующих материалов: суздальского свода 1205 г. по списку, сходному с Радзивиловским, московского свода Фотия в сильном сокращении, Софийской второй летописи от 1392 г. до 1518 г. и одной из редакций Хронографа. Все эти источники отчетливо сказываются в „Повести временных лет“ Львовской летописи.

Впрочем, сложный состав обширной Львовской летописи не может еще считаться в полной мере изученным.

Н и к о н о в с к а я л е т о п и с ь получила свое название по принадлежности одного из ее списков патриарху Никону. Текст Никоновской летописи издан в IX—XIII томах „Полного собрания русских летописей“. Первое же издание Никоновской летописи начало выходить в 1767г. под редакцией А. Шлецера и С. Башилова. Всего вышло восемь томов. Издание это неудовлетворительно.

Характеристика списков Никоновской летописи и их взаимоотношений вызвала обширную научную полемику, в которой приняли участие И. А. Тихомиров,[2] А. А. Шахматов,[3] Н. П. Лихачев,[4] С. Ф. Платонов,[5] А. Е. Пресняков,[6] Н. Ф. Лавров,[7] С. П. Розанов.[8]

---

[1] Общерусские летописные своды. 1900, № 11, стр. 143 и сл. и статья „Летописи“ для „Нового энциклопедического словаря“ Брокгауза и Ефрона.

[2] Обозрение состава московских летописных сводов. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. X, СПб., 1895.

[3] Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1899; Древнейшие редакции Повести временных лет. Журн. Мин. нар. просв., 1897, № 10; рецензия на работу Н. П. Лихачева „Палеографическое значение бумажных знаков“. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. IV, кн. 4; „Иоасафовская летопись“, Журн. Мин. нар. просв., 1904, № 5.

[4] Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I, стр. 319—333.

[5] К вопросу о Никоновском своде. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. VII, 1902, кн. 3.

[6] Иоасафова рукопись. Исторические записки, № 8, 1940; Царственная книга, ее состав и происхождение, Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1900, кн. 3.

[7] Заметки о Никоновской летописи, Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии, I (34), 1927.

[8] Никоновский летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. Известия по русск. яз. и слов., т. III, 1930, кн. 1.

Наиболее крупные и принципиальные разногласия вызвало определение времени составления и взаимоотношения двух важнейших списков Никоновской летописи — Патриаршего списка и списка кн. Оболенского. А. Ф. Бычков в предисловии к изданию Никоновской летописи (в 1862 г.) высказал мнение, что Патриарший список — древнейший и относится к середине XVI в. Список Оболенского А. Ф. Бычков считал копией с Патриаршего, сделанной в начале XVII в.

Первоначально А. А. Шахматов также считал Патриарший список более древним, но предполагал, что и Патриарший список и список Оболенского — оба восходят к более древнему тексту, оканчивавшемуся на 1541 г. и составленному в 1553—1554 гг.

Подробное палеографическое описание Патриаршего списка и списка Оболенского привело Н. П. Лихачева к прямо противоположным результатам. Н. П. Лихачев считает список Оболенского основным, Патриарший список его копией. Список Оболенского представляет собою сборник, составленный из разновременных рукописей. Он делит рукопись на четыре части. Первые две части были составлены не позднее первого-второго года по поставлении митрополита Макария, а последняя часть (судя по бумаге) относится к 70-м годам XVI в. (причем последние приписки по почерку могут быть даже отнесены к началу XVII в.). Патриарший список Н. П. Лихачев считает беловой копией списка Оболенского. Над этой беловой копией работало несколько писцов, писавших свои части одновременно.

Труд Н. П. Лихачева, хотя и вызвал опровержения А. А. Шахматова, сохранил свое значение и посейчас. Его выводы были в значительной мере уточнены С. Ф. Платоновым. Весьма тщательные наблюдения С. Ф. Платонова над рукописями убедили его, что список Оболенского в первой своей части, до 1520 г., есть беловая копия с неизвестного нам оригинала, совершенно независимая от Патриаршего списка. Дальнейшая часть списка Оболенского есть позднейшее дополнение, возможно, имевшее своим оригиналом Патриарший список.

Выводы С. Ф. Платонова заставили А. А. Шахматова пересмотреть свою точку зрения и в значительной мере были подкреплены дополнительными соображениями А. Е. Преснякова.

Н. Ф. Лавров суммировал наиболее прочные выводы предшествующего изучения списков Никоновской летописи и дополнил их собственными наблюдениями. Н. Ф. Лавров рисует историю Никоновской летописи в следующем виде. Первая часть списка Оболенского (до 1520 г.) есть древнейшая, дошедшая до нас рукопись Никоновской летописи. Составление ее относится к 1539—1542 гг. Она представляет собой беловую копию основной редакции летописи, составленной, возможно, раньше. Остальные части списка Оболенского представляют собою дополнения, сделанные значительно позднее и разновременно. Патриарший список состоит из нескольких одно-

временно написанных тетрадей, восходящих к разным источникам. До 1521 г. единственным источником его была, повидимому, первая часть списка Оболенского; затем, до 1534 г., — Воскресенская летопись, а с 1534 по 1553 г. — исключительно интересный летописный памятник: „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича“. Этот Летописец ближе всего восстанавливается по двум рукописям Кирилло-белозерского монастыря (Московской синодальной библиотеки № 486, ныне в Гос. историческом музее, и Археографической комиссии № 244, ныне в Институте истории Академии Наук СССР) и к Воскресенской летописи, начиная с 1542 г., в списке Публичной библиотеки в Ленинграде (F. IV. 144). „Летописец начала царства“ написан в 1553—1555 гг. Он заканчивался описанием торжеств и раздачи царских наград по случаю взятия Казани. Его главное содержание составляет поход на Казань и сокрушение татарского царства, а главную цель — прославление этой победы и ее героя.

Патриарший список и три первые части списка Оболенского вышли из одних рук, и их возникновение следует приписать правительственной инициативе Ивана Грозного.

По своему составу основная часть Никоновской летописи (до 1520 г. включительно) представляет собою грандиозную компиляцию, в которую включены источники, характер и происхождение которых еще до сих пор не совсем изучены. Не установлен состав, в частности, местных летописцев, документов, записей памятников народной поэзии и т. д. Неясно также отношение Никоновской летописи к предшествующим основным летописным сводам. А. А. Шахматов считает, что в основание Никоновской летописи положен дошедший до нас Хронографический список Новгородской пятой летописи. Список этот дополнен по многим летописям, в числе которых был и Лаврентьевский список, а также и по нелетописным памятникам и по нескольким изводам Русского хронографа.

Никоновская летопись воспроизводит текст „Повести временных лет“ во второй редакции (воспроизведена и приписка Сильвестра). Текст „Повести временных лет“ в Никоновской летописи близок к Лаврентьевской (очевидно, использованной составителем) и, с другой стороны, к Софийской первой, но имеет и значительные пополнения из других источников: летописей (ср., например, ссылку под 898 г.: „о том же от иного летописца“), былевого эпоса (особенно за годы княжения Владимира I Святославича), житий святых и др. Однако, кроме того, в начальной части Никоновской летописи немаловажную роль играют домыслы и литературные распространения самого составителя.

В основу нашего издания, как уже было сказано, положен лучший и древнейший список „Повести временных лет“, заключенный в составе Лав-

12*

рентьевской летописи. В отличие от изданий Лаврентьевской летописи, подготовленных А. Ф. Бычковым (1872, 1879 гг. и перепечаток из них в учебных изданиях „Повести временных лет“ 1910 и 1926 гг.), настоящее издание гораздо ближе к основному Лаврентьевскому списку, как в более осторожном выборе смысловых исправлений, так и в отказе от произвольных исправлений языка (А. Ф. Бычков во многих случаях вводил в текст церковнославянские формы Радзиловского или Московско-академического списков вместо русских форм Лаврентьевского списка; предпочтение церковнославянских форм резко сказывается и в вышеуказанной реконструкции А. А. Шахматова; оба, вводя единообразные формы, схематизируют живой язык летописи).

В отличие от издания Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карского (Л., 1926) в настоящем издании введена современная пунктуация (отличающаяся от пунктуационной системы изданий А. Ф. Бычкова) и упрощена орфография. Сохранены ѣ и ъ, существенные в смысловом отношении, но заменены: ѳ через ф, і через и, ѧ и ѫ через я и у, оу через у. Выносные буквы внесены в текст, титла раскрыты, буквенные обозначения цифр заменены современными.

Исправления описок переписчиков в Лаврентьевском списке сделаны мною по другим спискам с учетом данных истории летописания. В некоторых случаях я прибегал к близко сходным текстам Троицкой летописи, Радзиловской, Московско-академического, Ипатьевской; в других — к текстам, отразившим более древний, чем „Повесть“, Начальный свод (летописи новгородские и те, которые включили в свой состав новгородские списки), в третьих — к текстам, хотя и поздним, но отразившим в своем составе не дошедшие до нас древние рукописи „Повести временных лет“. Все исправления в тексте Лаврентьевской летописи выделены курсивом.

Окончание „Повести временных лет“ третьей редакции, начиная с 1110 и по 1117 г. включительно, издается по Ипатьевской летописи.

В „Разночтениях“ не даются все варианты по другим летописям, а лишь оговариваются исправления, внесенные в основной список (до 1110 г. — в Лаврентьевский, а с 1110 г. — в Ипатьевский) на основании других списков. Все представляющие исторический, историко-культурный или собственно литературный интерес варианты из других списков „Повести временных лет“ внесены в комментарий. В комментарии, таким образом, дается более или менее полный обзор содержания всех списков „Повести временных лет“.

Все цитаты в „Повести временных лет“ из сочинений церковного характера отделены от основного летописного текста кавычками. Источники цитат не указываются (они указаны в издании „Повести временных лет“ А. А. Шахматова, СПб., 1916).

В „Разночтениях“ приняты следующие сокращения названий летописей: — Московско-академический список летописи, *Акад.* — Академический список Новгородской первой летописи, *Воскр.* — Воскресенская летопись, *Ип.* — Ипатьевская летопись, *Ком.* — Комиссионный список Новгородской первой летописи, *Лавр.* — Лаврентьевская летопись, *Ник.* — Никоновская летопись, *Новг.* — Новгородская четвертая летопись, *Р* — Радзивиловская летопись, *С* — Софийская первая летопись, *Синод.* — Синодальный список Новгородской первой летописи, *Т* — Троицкая летопись, *Тверск.* — Тверской сборник, *Эрм.* — Эрмитажный список свода 1479 г.

РАЗНОЧТЕНИЯ

Вводная часть. *Варианты заглавия в РА Ип. Хлебн.:* Повѣсть временныхъ лѣть черноризца Феодосьева монастыря Печерьскаго (*В Хлебн. добавл.:* Нестера черноризца), откуда есть пошла Русская земля (*В Ип. добавл.:* стала есть), и кто в ней почалъ первое (*Ип.* первее) княжити.

I, [1] *Так в ТРА, в Лавр.* земя. [2] *Так ТРА, в Лавр.* первие. [3] *Так ТРА, в Лавр.* то же. [4] *Добавлено из ТРА.* [5] *Так в РА, в Лавр.* Инди. [6] *Так в ТРА, в Лавр.* Мисопотамира. [7] *Так в Т и сходно в РА, в Лавр.* Равия на вся. [8] *Исправл. по Амартолу и Ип., в Лавр. испорч.* Авифаникии. [9] *Исправл. по Амартолу и Ип., в Лавр. испорч.* Асуритисиу и. [10] *Так в РА, в Лавр.* протиущи. [11] *Исправ. по Амартолу, в Лавр.* Мосию. [12] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Масию. [13] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Салиду, *сходно в других списках.* [14] *Так в ТР, в Лавр.* островъ. [15] *Добавл. из РА в Лавр. стерлось.* [16] *Так в Т, в Лавр.* фету. [17] *Конец слова в Лавр. оторван; восстанавливается по РА.* [18] *Так в РА, в Лавр. испорч.:* Аръвинья. [19] *Так в ТРА, в Лавр. испорч.:* Влехисъ. [20] *Так в ТРА, в Лавр.* Гаръмати. [21] *Так в ТРА, в Лавр.* Сируфья. [22] *Так в ТРА, в Лавр.* Алматия, Луеи. [23] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Лухитая. [24] *Так в ТРА, в Лавр.* Родока. [25] *Так в РА, в Лавр.* Вакунофа. [26] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* всячьския. [27] *Добавл. из А.* [28] *Так в ТРА, в Лавр.* текущи. [29] *Так в Т, в Лавр. РАИп.* Сѣтьгола. [30] *Добавл. из Т.* [31] *Так в Т, в Лавр.* доже [32] *Так в РАИп., в Лавр.* полуночью. [33] *Добавл. из ТРАИп., в Лавр. оторван край листа, на котором находилось это слово.* [34] *Дабавл. из ТРА.* [35] *Добавл. из ТРА.* [36] *Добавл. из РА.* [37] *Добавл. из РА, в Лавр. оставлено пустое место.* [38] *Так в РА, в Лавр.* во. [39] *Дабавл. из РА.* [40] *Добавл. из РА.* [41] *Добавл. из РА.* [42] *Так в РА, в Лавр.* Сѣли. [43] *Так в РА, в Лавр.* нарекоша. [44] *Так в А, в Лавр. Т* Ново, *в Р* Невъ. [45] *Так в РА, в Лавр. Т* Понотъ моря. [46] са *не дописано в Лавр.* [47] *Так в РА, в Лавр. Т* наста. [48] *Так в Р, в Лавр. ТА Ип.* увидѣ.

[49] *Добавл. из ТРА.* [50] *Так в Т, в Лавр.* вариги. [51] *Так в Т, в Лавр.* егда влезуть ли живи. [52] *Так в ТРА, в Лавр.* Синофию. [53] *Так в ТРА, в Лавр.* и роды. [54] *В Лавр. ошибочно повторено* на своихъ мѣстѣх. [55] *Добавл. из РА.* [56] *Так в Т, в Лавр.* сѣдяще. [57] *Исправл. по ТРА, в Лавр. ошиб.* сѣсъ. [58] *Так в Т, в Лавр.* опять. [59] *Так в ТРА, в Лавр.* дуици. [60] *Так в ТРА, в Лавр.* а. [61] *Так в Т, в Лавр.* же. [62] *Так в ТРА, в Лавр.* а. [63] *Так в Т, в Лавр.* туда. [64] *Добавл. из РА.* [65] *Так в Р, в Лавр.* потече. [66] *В Лавр. добавл.* же. [67] *В Лавр. ошиб.* норово, *в РА* нерома, *в Т* морава. [68] *Так в ТРА, в Лавр.* жиуть. [69] *Так в Т, в Лавр.* жиуще, *в РА* живущимъ. [70] *Дабавл. из ТРА.* [71] *Так в ТРА, в Лавр.* Аръклия. [72] *Так в РА, в Лавр.* добрѣ. [73] *Так в ТРА, в Лавр.* дулѣпьскимъ. [74] *Так в РА, в Лавр.* суще. [75] *Так в РА, в Лавр.* древяня же. [76] *Так в ТРА, в Лавр.* другому. [77] *Добавл. из РА.* [78] *Так в ТРА, в Лавр.* иже бяху. [79] *Так в ТРА, в Лавр.* радимичь. [80] *В Т* лутичи, *в А* улучи, *в Р* улучи *и сверху над второй половиной слова приписано* ти, *некоторые читают* угличи. [81] *Добавл. из Т.* [82] *Так в Т, в РА* оли и, *в Лавр.* или. [83] *Так в ТР, в Лавр.* хожеше, [84] *Так в ТРА, в Лавр.* жиуще. [85] *Так в ТРА, в Лавр.* и. [86] *Так в РА, в Лавр.* игрища. [87] *Так в А, в Лавр. Т* трызно. [88] *Отсюда начинается пропуск в Т до пришествия варягов к новгородским славянам.* [89] *Так в РА, в Лавр.* поставяху. [90] *Добавл. из Амартола:* законъ бо безаконьникомъ отечьствие мниться *(изд. Истрина, стр. 49).* [91] *Так в РА, в Лавр.* жиуще, [92] *Так в РА, в Лавр.* от. [93] *Исправл. по Амартолу:* Вактириян *(изд. Истрина, стр. 50), в Лавр.* Ктириан. [94] *В греч. тексте Амартола* ἐκ προγόνων παιδεία *(стр. 27), ожидаемый перевод был бы следов.* наказанием, *но в слав. тексте Амартола* показаниемь, *также в Лавр. и РА.* [95] *Добавл. из слав. перевода Амартола:* страхъ ради многа и божия вѣры *(изд. Истрина, стр. 50).* [96] *Так в РА, в Лавр. и Ип.* явѣ таче. [97] *Добавл. из РА.* [98] *Так в РА, в Лавр.* нутрьнѣйшимъ. [99] *Восстанавливается предположительно, в Лавр. испорч.* бо студеное, *в РА* богостудное, *в Ип.* бестудьное. [100] *Восстанавливается по Амартолу (слав. перевод, изд. Истрина, стр. 50), в Лавр.* дѣтелье.

II,[1] *Так в РА, в Лавр.* мнястя. [2] *Добавл. из РА.* [3] *Так в РА, в Лавр.* ли зрятъ. [4] *Так в РА, в Лавр.* крѣпко. [5] *Так в РА, в Лавр.* ни. [6] *Дописано окончание по Р.* [7] *Добавл. из Амартола (слав. перевод, изд. Истрина, стр. 50).* [8] *В Лавр.* но единою. *Опускаем* но *согласно Амартолу (там же).* [9] *Так в РА, в Лавр.* вѣчнымъ. [10] *Исправл. по Амартолу (там же), в Лавр.* окрестныхъ. [11] *Так в РА, в Лавр.* нѣвторое. [12] *Исправл. по Амартолу (там же), в Лавр.* тѣ. [13] *Так в РА, в Лавр.* хотящихъ. [14] *Так в РА, в Лавр.* аще дѣвоческъ. [15] *Так в РА, в Лавр.* въсптитають. [16] *Так в Р, в Лавр.* хваляще. [17] *Добавл. из Воскрес. сп.* [18] *Так в РА, в Лавр.* наидоща. [19] *Добавл. из Р.* [20] *Отсюда в Р пропуск, в рукописи отсутствует лист.* [21] *Так в А, в Лавр.* стариишинымъ. [22] *Добавл. из А.* [23] *Так в А, в Лавр.* ноу. [24] *Так в А, в Лавр.* горохъ. [25] *Шлецер*

и Миклошич добавляют остромь. *Шахматов оставляет так („Пов. вр.
лет“, стр. 16).* [26] *Так в А, в Лавр.* рекоша. [27] *Так в А, в Лавр.* обоиду.
[28] *Так в А, в Лавр.* сбыся. [29] *Так в А, в Лавр.* еда. [30] *Так в А, в Лавр.*
852 самѣмъ. [31] *Добавл. из А.* [32] *Так в А, в Лавр.* увидѣхомъ. [33] *Так в А,
в Лавр.* 40 и 2. [34] *Добавл. из А, от добавлено по смыслу.* [35] *Так в А,
в Лавр.* 313. [36] *Дабавл. из А.* [37] *Исправл. по Ип. и др., в Лавр. А* по-
858 неже. [38] *Исправл. по Ип. и др., в Лавр.* 13, *в А* 83. [39] *Добавл. из А.*
859 [40] *Так в А, в Лавр.* преженье. [41] *Так в А, в Лавр.* удѣя лота. [42] *До-
бавл. по смыслу.* [43] *Отсюда вновь начинаются списки Т и Р.* [44] *Так
в ТРА, в Лавр.* маху *(здесь должно было быть заглавное киноварное* И*).*
[45] *Шахматов вслед за Бычковым предлагает читать это место так:*
862 на мери, и на вьси, и на кривичих *(„Пов. вр. лет“, стр. 19).* [46] *Добавл.
из ТРА.* [47] *Добавл. из А.* [48] *Так в ТРА, в Лавр.* идаша. [49] *Так в РА,
в Лавр.* суть. [50] *Так в РА, в Л* свое. [51] *В Лавр. Т и Ип.* русь, *в РА*
руси. [52] *Так в РА, в Лавр. Т* вся. [53] *Добавл. из Т.* [54] *Так в ТРА,
в Лавр.* дву. [55] *Так в ТРА, в Лавр.* а. [56] *Так в РА, в Лавр. Т* ни.
[57] *Так в Т, в Лавр.* упращаста. [58] *В Лавр. испорч.:* и мы сѣдимъ пла-
тяче дань родом ихъ козаромъ. *В Ип. лучше:* а мы сѣдимъ роды ихъ
и платим дань козаромъ. *Шлецер, а за ним Миклошич предлагают
читать:* и мы сѣдимъ родъ ихъ, сьдѣ, платяще дань козаромъ. *Принимаем
Шахматовское чтение, но без церковнославянизации слова* платяче
(у Шахматова платяще*). („Пов. вр. лет“, стр. 21).* [59] *Так в ТРА, в Лавр.*
Аколъдо. [60] *Так в ТРА, в Л* скуписта. [61] *Так в ТРА, в Лавр* княжаста.
866 [62] *Добавл. из РА.* [63] *Так в Р, в Лавр.* ими. [64] *Исправл. по Амартолу
(слав. перев., изд. Истрина, стр. 511), в Лавр.* реку. [65] *Добавл. из ТРА.*
[66] *Так в Т, в Лавр.* корабль. [67] *Отсутствующее окончание восстанав-
868 ливается по ТР.* [68] *Отсутствующее окончание восстанавливается по
ТА.* [69] *Так в ТА, в Лавр.* Всилѣ. [70] *Так в ТРА, в Лавр.* рещена *(в на-
879 чале не исполнено киноварное* К*).* [71] *Так в ТРА, в Лавр.* княнье. [72] *Так
882 в ТРА, в Лавр.* отъ рада имъ. [73] *Так в РА, в Лавр. Т* бысть. [74] *Добавл.
из РА.* [75] *В Лавр. киноварное* П *не написано.* [76] *Так в Т, в Лавр. Р*
и всѣ. [77] *Так в ТА, в Лавр.* увидѣ. [78] *Добавл. из Т.* [79] *В Лавр.* выскакав же,
в РА выскакавше. [80] *Так в ТРА, в Лавр.* и. [81] *Так в ТРА, в Лавр.* погребша.
[82] *Вставлено Шахматовым на основании Комиссионного списка Новгород-
ской первой летописи и Ип. („Пов. вр. лет“, стр. 23).* [83] *Добавл. из РА.*
883 [84] *Так в ТРА, в Лавр.* рускими. [85] *Так в РА, в Лавр. Т* примучи вои.
885 [86] *Так в ТРА, в Лавр.* камо. [87] *Так в ТРА, в Лавр.* даху. [88] *Так в ТРА,
895 в Лавр.* сѣверены. [89] *Так в ТРА, в Лавр.* 6003. [90] *Так в ТРА, в Лавр.*
897 6004. [91] *Так в ТРА, в Лавр.* 405. [92] *Добавл. из ТРА.* [93] *Так в ТРА,
898 в Лавр.* и сташа. [94] *Так ТРА, в Лавр.* пришедъ. [95] *Так в ТРА, в Лавр.*
стока. [96] *Так в ТА, в Лавр.* жиущая. [97] *Так в ТРА, в Лавр.* волхи.
[98] *Так в ТРА, в Лавр.* волъхве. [99] *Добавл. из РА.* [100] *Добавл. из ТРА.*

III,[1] *Так в ТРА, в Лавр.* на мораy и на чахи. [2] *Так в Р, в Лавр. Т*
же, в А же иже. [3] *Так в РА, в Лавр.* марава. [4] *Так в ТРА, в Лавр.*
мараве. [5] *Так в ТРА, в Лавр.* презвася. [6] *Так в РА, в Лавр.* жиущимъ.
[7] *Добавл. из Т.* [8] *Так в РА, в Лавр.* Олгови, *в Т* Лву. [9] *Так в ТРА,*
в Лавр. слышивъ. [10] *Так в ТРА, в Лавр.* гниги. [11] *Добавл. из ТРА.*
[12] *Так в Т, в Лавр.* послаща, *в РА поидоша.* [13] *Так в ТА, в Лавр.* при-
ложиста. [14] *Добавл. из Т, в РА* нѣции же начаша хулити словеньскиа
книги и *(в А нет* и*).* [15] *Добавл. из РА.* [16] *Так в ТРА, в Лавр.* Пила-
тоу. [17] *Так в ТРА, в Лавр.* язъци. [18] *Так в РА, в Лавр.* исправять.
[19] *Так в ТРА, в Лавр.* Мефедья. [20] *В Лавр. ТРА* достойно. [21] *Так в*
ТРА, в Лавр. Анъдронику. [22] *Так в ТРА, в Лавр.* Анъдронигъ. [23] *От-*
сюда в Лаврентьевской большой пропуск до 922 г. Текст печатается по
Радзивиловской летописи (с л. 14 до л. 21). [24] *Так в ТА, в Р* дошелъ.
[25] *В Р* словескъ, *в Т* языку словеньску. [26] *В РА* въ, *в Т нет* по. [27] *От-* *899*
сюда в Т списке хронология отстает сравнительно со списками РА на
год. [28] *В РИп. Леон.* [29] *В ТРА* увидѣвъ. [30] *В Р* Олену, *исправлено по ТА.* *903*
[31] *В ТРА* остави в. [32] *Добавл. из Т.* [33] *Так в Т, в РА* въспя. [34] *В Р* *907*
имемъ ся подать, *в Т* имем ти ся дань даяти. [35] *Добавл. из Т.* [36] *Так*
в ТА, в Р Оленомъ. [37] *Так в ТА, в Р* дамъ. [38] *Так в ТА, в Р* углады.
[39] *Так в Т, в Р* приходячи, *в А* приходяче. [40] *Так в ТА, в Р* егда.
[41] *Так в Т, в РА* овощемъ. [42] *Добавл. из Т.* [43] *Так в ТА, в Р* Русь за
ся. [44] *Здесь кончается та часть погибшего Троицкого списка, которая*
может быть восстановлена по листам издания Чеботарева и Черепа-
нова. [45] *Восстановлено по Ип., в Р* после. [46] *Так в А, в Р* месячинное.
[47] *Так в А, в Р* па. [48] *Добавл. из Ип.* [49] *Так в Ип., в РА* не платити.
[50] *Добавл. из Ип.* [51] *В Р* ищите, *в А* ищете. [52] *У Миклошича (стр. 16)*
копринъны, *у Шахматова (стр. 32)* кропиньны. [53] *Так в А, в Р* успяша.
[54] *Вставлено из Соф., Новг. IV и Комиссион.* [55] *Добавл. по смыслу.*
[56] *Так в А, в Р* купиным. [57] *Добавл. по смыслу из Ип.* [58] *Так в А, в Р* *912*
Руалъ. [59] *Так в А, в Р* Александрови. [60] *Так в Соф., в Р* хотящих, *в А*
нет. [61] *Вставлено из Ип.* [62] *В РА* но. [63] *Р* словеснъ, *в А* словесенъ.
[64] *Так в А, в Р* же не. [65] *Так в А, в Р* по. [66] *Добавл. из Ип., Соф.*
[67] *Так в Ип., в Р* непостыжму, *в А* непостыжиму, *Новг. 4 и Соф.* непо-
движну *(так предлагает и Миклошич, ст. 17),* неподвижиму. [68] *Так в А,*
в Р тако же. [69] *В РА* несоблазную *(и из Ип.).* [70] *Так в Соф., в Р* иже.
[71] *Так в А, в Р* урядими. [72] *Добавл. из Ип.* [73] *Так в А, в Р* ати. [74] *Так*
в Ип., в РА убьеть. [75] *Добавл. из А.* [76] *Переставлено по Ип., в Р* ру-
синъ любо. [77] *Добавл. из Ип., Соф.* [78] *Так в А, в Р* дасть. [79] *Так*
в Воскр., в РА насилье. [80] *Добавл. из Эрм., Соф., Тверск.* [81] *Исправл. по*
смыслу, в Р идеть. [81a] *Добавл. из Ип., Соф.* [82] *Так в А, в Р* не. [83] *Доб.*
из Ип., Соф. 2. [84] *Так в Воскр. и Соф., в РА* возборонитися. [85] *Заключен-*
ные в скобки слова Шахматов предлагает исключить („Пов. вр. лет“,

стр. 37). [86] во *добавл. из Ип.* [87] *Исправл. по Хлебн., Соф., в РА* от. [88] *Вставлено по смыслу, в Ип. и Соф.* да не купять и. [89] *Так в А, в Р* възвратистя. [90] *Так в А, в Р* те. [91] *Так в А, в Р* почти. [92] *Добавл.* ся *по смыслу.* [93] *В Р* от, *исправл. по смыслу согласно Ип.* [94] *Добавл. из Ип.* [95] *В Р* от челядина, *исправл. по Миклошичу (стр. 19) и Шахматову („Пов. вр. лет", стр. 38).* [96] *Так в А, в Р нет* и. [97] *Добавл. из Соф.* [98] *В Р* бо, *в Ип.* въ. [99] *Так в А, в Р* урявъ. [100] *Исправл. по смыслу, в Р* от.

IV,[1] *Так в А, в Р* хотящи. [2] *Добавл. по смыслу.* [3] *Добавл. из Ип.* [4] *Исправл. по Ип., в Р* неподвижние. [5] *Так в А, в Р* нашего. [6] *Так в А, в Р* божьа. [7] *Так в Ип., в Р* закону. [8] *Так в А, в Р* и ону. [9] *В Р.* недели; *исправл. по смыслу: 6420 год был 15 по индиктному счету.* [10] *Так в А, в Р* и бѣ же. [11] *Добавл. из Х, Соф., Новг. 4.* [12] *Так в А, в Р* смерть. [13] *Добавл. из Ип.* [14] *Так в Ип. и Соф., в Р* кое. [15] *Так в А, в Р* бе. [16] *Так Ип., в Р* вся ложь. [17] *Так в А, в Р* а конь. [18] *Так в А, в Р* зо. [19] *Добавл. из А.* [20] *Так в А, в Р* словето. [21] *Так в Х, в Р* чародейством. [22] *Так в Ип., в РА* бе и. [23] *Исправл. по Амартолу:* Аполоний Тиянин *(Истрин, стр. 305), в Р* Аполонитяникъ. [24] *Добавл. из А.* [25] *Так в А, в Р* коньсную. [26] *Так в А, в Р* дъ. [27] *Исправл. по Миклошичу (стр. 21) и Шахматову („Пов. вр. лет", стр. 43), в Р* от. [28] *Исправл. по Амартолу (Истр., стр. 305), в Р* лежащим. [29] *Исправл. по Амартолу (там же), в РА* трус. [30] *Исправл. по Амартолу (там же) в РА* ополчать. [31] *Так в Ип., в РА* пре. [32] *Исправл. по Амартолу (по греч. тексту, в русск.:* сы Орентий, *Истр. 305), в Р* Иоренты. [33] *Добавл. из Ип. согласно с Амартолом (там же).* [34] *Так в А, в Р* отво. [35] *Исправл. по Ип., в РА* человека. [36] *Исправл. по Ип., в Р* бошею, *в А бошью.* [37] *Добавл. по смыслу.* [38] *В РА* воину, *исправл. по Амартолу (греч. текст, в слав. также* воину*).* [39] *Исправл. по Ип. и Амартолу (Истр., стр. 306), в РА* Тако же. [40] *Исправл. по Амартолу (греч. текст), в РА и русск. тексте Амартола* искрь. [41] *Так в Ип., в РА* ныне. [42] *Так в А, в Р* мечных. [43] *Исправл. по Амартолу (греч. текст), в РА и русск. тексте Амартола* творимом. [44] *В РА добавл. цифра* 2. [45] *Так в Ип., в РА* пророчествоваше. [46] *Исправл. применительно к русскому тексту Амартола (Истр., стр. 306), в РА* Ксевави. [47] *Исправл. по Амартолу (Истр., стр. 306) в РА* благодетельствуеть. [48] *Так в А, в Р* щюже. [49] *Поправка Шахматова по греч. тексту Амартола („Пов. вр. лет", стр. 45), в РА*
совладетельство. [50] *Исправл. по Ип. и греч. тексту Амартола, в РА*
914 благодетне. [51] *Так в А, в Р* а. [52] *Так в А, в Р* разумевающих. [53] *Ис-
правл. по греч. тексту Амартола, в РА* Мендръ ни таковых. [54] *Исправл.*
915 *по Ип., в РА* нь. [55] *Так в А, в Р* речь. [56] *Так в А, в Р* ступишася.
920 [57] *Добавл. из А.* [58] *Так в А, в Р* Игоре. [59] *Отсюда начинается вновь*
929 *Лаврентьевский список.* [60] *Так в РА, в Лавр.* Рамономъ. [61] *Добавл. из*
941 *РА.* [62] *Так в РА, в Лавр.* яко. [63] *Так в А, в Лавр.* Вифаньския. [64] *Так*

в РА, в Лавр. Аръклея. 65 *Так в РА, в Лавр.* ихъ. 66 *Так в РА, в Лавр.*
огнемъ. 67 *Добавл. из РА.* 68 *Так в РА, в Лавр.* Памъфиръ. 69 *Так*
в РА, в Лавр. саиновьници. 70 *Так в РА, в Лавр.* лодью. 71 *Так в РА,*
в Лавр. пущающа. 72 *Так в РА, в Лавр.* хотѣ. 73 *Так в РА, в Лавр.* 943
Рамономъ. 74 *Так в РА, в Лавр.* иде. 75 *Так в РА, в Лавр.* Рьсь. 76 *До-* 944
бавл. из РА. 77 *Так в РА, в Лавр.* Игорево. 78 *Так в РА, в Лавр.* дру- 945
гога. 79 *Так в РА, в Лавр.* сынъ Игоревъ. 80 *Добавл. из Ип.* 81 *Исправл.*
по смыслу, в Лавр. разорити. 82 *Добавл. из РА.* 83 *Так в РА, в Лавр.*
осуженья. 84 *Исправл., в Лавр.* нашь. 85 *Так в Р, в Лавр.* грамоту.
86 *Так в РА, в Лавр.* приносить. 87 *Так в РА, в Лавр.* селько. 88 *В Лавр.*
и и. 89 *Так в РА, в Лавр.* приходить. 90 *Так в РА, в Лавр.* нами. 91 *Так*
в РА, в Лавр. нашему. 92 *Так в РА, в Лавр.* ди. 93 *Так в РА, в Лавр.*
нь. 94 *Так в РА, в Лавр.* ваше. 95 *Так в РА, в Лавр.* 50. 96 *Так в РА,*
в Лавр. вашего. 97 *Так в РА, в Лавр.* створи. 98 *Так в РА, в Лавр.*
радъ. 99 *Исправл. по Ип., в Лавр.* то е. 100 *Так в РА, в Лавр.* въсимають.
101 *Исправл. по смыслу, в Лавр.* по не же. 102 *Так в Ип., в Лавр.* вашего.
103 *Исправл. по смыслу, в Лавр.* от. 104 *Исправл., в Лавр.* вашего.
105 *Вставл. из Ип.* 106 *Так в А, в Лавр.* възворотити.

V. 1 *Так в РА, в Лавр.* предаемо. 2 *Так в А, в Лавр.* то. 3 *Добавл.*
из РА. 4 *Так в РА, в Лавр.* аще ли. 5 *Так в РА, в Лавр.* ископають.
6 *Добавл. из Ип.* 7 *Так в А, в Лавр.* буде. 8 *Так в РА, в Лавр.* елико-
же же. 9 *Так в РА, в Лавр.* обрящеть. 10 *Так в РА, в Лавр.* почаеть
в пакость. 11 *Так в РА, в Лавр.* никака. 12 *За этим в Лавр. повторены*
слова или хрестеянин русина. 13 *Так в РА, в Лавр.* и да. 14 *Так в А,*
в Лавр. ходять. 15 *Так в А, в Лавр.* пишю. 16 *Так в РА, в Лавр.* съвѣ-
щаньемь. 17 *Исправл. по смыслу, в Лавр.* все. 18 *Добавл. из РА.* 19 *В*
Лавр. вѣѣк. 20 *В Лавр.* на крещенье, *в РА* не крещен, *в Ип.* некрещении.
21 *Так в РА, в Лавр.* лидии. 21 *Добавл. из Тверск.* 22 *Так в РА, в Лавр.*
шить. 22а *Слова* и козарѣ *стоят в Лавр. выше, после* Пасынъчѣ бесѣды.
23 *Так в РА, в Лавр.* скорое. 24 *Так в РА, в Лавр.* яже. 25 *Так*
в РА, в Лавр. Киевъ. 26 *Добавл. из Р.* 27 *Так в РА, в Лавр.* дан. 28 *Так*
в А, в Лавр. идуще. 29 *Так в РА, в Лавр.* все. 30 *Так в РА, в Лавр.*
Нифов. 31 *Так в РА, в Лавр.* е. 32 *Добавл. из РА.* 33 *Так в РА, в Лавр.*
рькуще. 34 *Добавл. из Ип.* 35 *Так в РА, в Лавр.* хоче. 36 *Добавл. из*
А. 37 *Так в РА, в Лавр.* просити. 38 *Так в РА, в Лавр.* собрашася.
39 *Так в РА, в Лавр.* малы. 40 *Так в А, в Лавр.* деревляне. 41 *В Лавр.* 946
съмъшемъся, *в РА* снемшимъся. 42 *Добавл. из Р.* 43 *Так в РА, в Лавр.*
дайте. 44 *Исправл. по Ип. в Лавр.* саде. 45 *Так в РА, в Лавр.* есть.
46 *Добавл. из РА.* 47 *Так в РА, в Лавр.* приду. 48 *Исправл. по РА,*
в Лавр. градо-сьй. 49 *Добавл. из А.* 50 *Так в РА, в Лавр.* комуждо.
51 *Так в РА, в Лавр.* ови. 52 *Так в РА, в Лавр.* жи. 53 *Так в РА,*
в Лавр. горяще. 54 *Так в РА, в Лавр.* е. 55 *Так в РА, в Лавр.* ставк.

955 56 *Так в РА, в Лавр.* Вышегороду. 57 *Так в РА, в Лавр. ошибочно* имянемь Цѣмьский *(на самом деле вступил на престол 11 декабря 969 г.).* 58 *Так в РА, в Лавр.* кресть. 59 *Так в РА, в Лавр.* тъщерью. 60 *Так в РА, в Лавр.* Креста. 61 *Так в РА, в Лавр.* Божьи. 62 *Поправл. по Притч. Солом. 1, 22; в Лавр. РА* злобиви. 63 *Добавл. из Ип., в Лавр. вместо этой добавки* все. 64 *Так в РА, в Лавр.* многоценныхъ. 65 *Так в РА, в Лавр.* наслаженьи. 66 *Так в РА, в Лавр.* въ сердце. 67 *Так в РА, в Лавр.* приходящая. 68 *Так в Р, в Лавр.* иженуть. 69 *Так в А, в Лавр.* Сюду. 70 *Так в РА, в Лавр.* бѣжаше. 71 *Добавл. из РА.* 72 *Так в Р, в Лавр.* одобьлѣша. 73 *Добавл. из Р.* 74 *Исправл. по Притч. Солом. XIII, 20, в Лавр.* дѣлатели. 75 *Так в РА, в Лавр.* дѣлатель. 76 *Так в РА, в Лавр.* нарече. 77 *Исправл. по смыслу, в Лавр.* но. 78 *В Лавр.* какаи, *в РА* кажа. 79 *Исправл. по Притч. Солом. IX, 7, в Лавр.* обличая. 80 *Так в РА, в Лавр.* тобе. 81 *Так в РА, в Лавр.* мзолье. 82 *Так в РА, в Лавр.* обы-
964 чай. 83 *Исправл. по Х и Новг. 4, в Лавр.* възненавидить. 84 *Так в РА, в Лавр.* н. 85 *Так в РА, в Лавр.* ядяху. 86 *Исправл. по смыслу, в Лавр.*
965 пославъ, *в РА,* постилаше. 87 *Так в РА, в Лавр.* и от. 88 *Так в РА,*
967 *в Лавр.* бить о бивши. 89 *Так в А, в Лавр.* и на. 90 *Так в РА, в Лавр.*
968 и ни. 91 *Так в А, в Лавр.* не. 92 *Исправл. по Соф., Новг. 4, в Лавр.* реч *(ч под титлом), в РА* рече. 93 *Так в РА, в Лавр.* кто не приступить с утра. 94 *Так в А, в Лавр.* ристаша. 95 *Исправл. по Ип., в Лавр.* сверга. 96 *Так в РА, в Лавр.* путе. 97 *Так в РА, в Лавр.* в лодью протиу. 98 *Так в РА, в Лавр.* лодьє. 99 *Так в Р, в Лавр.* лодья. 100 *Так в РА, в Лавр.* отступища.

969 VI, 1 *Так в РА, в Лавр.* с. 2 *Так в РА, в Лавр* в. 3 *Так в РА, в Лавр.* в земли. 4 *Добавл. из РА.* 5 *Так в РА, в Лавр.* и-Щехъ. 6 *Так в А, в Лавр.* урогъ. 7 *Так в РА, в Лавр.* болное. 8 *Так в РА, в Лавр.* иди же. 9 *Исправл. по Ип., в Лавр.* и. 10 *Так в РА, в Лавр.* бо. 11 *Так в РА, в Лавр.* творите. 12 *Так в А, в Лавр.* деньница. 13 *Исправл. по Ип., в Лавр.* грѣх. 14 *Так в РА, в Лавр.* грѣховною одеже въ. 15 *В Лавр. дважды* примиренью. 16 *Исправл. по Ип., в Лавр. РА* похвала. 17 *Так в А, в Лавр.* видяща. 18 *Так в РА, в Лавр.* лежащая. 19 *Так в РА,*
970 *в Лавр.* жиуть. 20 *Так в РА, в Лавр.* защитить. 21 *Так в РА, в Лавр.*
971 брыною воемь. 22 *Так в А, в Лавр.* одалаху. 23 *В Лавр. дважды написано место:* имъ Святославъ... приречє. 24 *Так в РА, в Лавр.* то. 25 *Так в РА, в Лавр.* стоя. 26 *Так в РА, в Лавр.* павокамъ. 27 *Так в РА, в Лавр.* не зрѣ. 28 *Так в Р, в Лавр.* послуша. 29 *Так в РА, в Лавр.* целова. 30 *Так в А, в Лавр.* хоче. 31 *Так в РА, в Лавр.* ибо. 32 *Так в РА, в Лавр.* похволою. 33 *Так в РА, в Лавр.* дружинъ. 34 *Исправл. по Ип., в Лавр.* Деревьстрѣ. 35 *Так в РА, в Лавр.* тобо. 36 *Добавл. из Ип.* 37 *Так в А, в Лавр.* умножавши. 38 *Добавл. из РА.* 39 *Так в РА, в Лавр.* Святославлѣ. 40 *В Лавр. дважды* писець. 41 *Так в РА, в Лавр.* всякомъ

и. [42] *В Лавр. добавл.* ни. [43] *Так в РА, в Лавр.* ѡ [44] *Так в РА, в Лавр.*
колоти. [45] *Так в РА, в Лавр.* створих. [46] *Так в РА, в Лавр.*
Свѣнделъ [47] *Так в РА, в Лавр.* малыми. [48] *Так в РА, в Лавр.* 972
оковаше. [49] *Так в РА, в Лавр.* по немъ. [50] *Исправл. по Ип., в Лавр.* 975
дѣюще. [51] *Так в РА, в Лавр.* мю. [52] *Так в РА, в Лавр.* поиди. [53] *Так* 977
в РА, в Лавр. вполчитася. [54] *Слова* с вои *дважды в Лавр.* [55] *Так в РА,*
в Лавр. вратотомъ. [56] *Так в РА, в Лавр.* внесоша. [57] *Так в РА, в Лавр.*
еже еси. [58] *Так в РА, в Лавр.* иде. [59] *Так в РА, в Лавр.* пристраваися. 980
[60] *Так в РА, в Лавр.* тъчерь. [61] *Так в РА, в Лавр.* тъчери. [62] *Так в РА,*
в Лавр. оно. [63] *Так в РА, в Лавр.* и дъчерь Рогъволожю. [64] *Так в А,*
в Лавр. и зрѣнья их. [65] *Так в РА, в Лавр.* то. [66] *Так в РА, в Лавр.*
свѣтъ. [67] *Так в Р, в Лавр.* гражены. [68] *Так в РА, в Лавр.* Льстяче.
[69] *Добавл. из РА.* [70] *Так в РА, в Лавр.* перебороботи. [71] *Так в РА,*
в Лавр. и Володимеръ. [72] *Так в РА, в Лавр.* рече же. [73] *Так в РА,*
в Лавр. ми. [74] *Добавл. из Р.* [75] *Так в А и сходно в Р, в Лавр.* прелю-
бодѣй. [76] *Так в РА, в Лавр.* града нашъ и. [77] *Так в А, в Лавр.*
е. [78] *Так в РА, в Лавр.* добры. [79] *Так в РА, в Лавр.* теребами.
[80] *Исправл. по Ип. и Комм., в Лавр.* И бе. [81] *Так в РА, в Лавр.*
тчери. [82] *Так в РА, в Лавр.* в Болгарех. [83] *Так в Р, в Лавр.*
обрящють. [84] *Так в А, в Лавр.* прильпляющеся. [84] *Добавл. Микло-
шичем (стр. 47).* [85] *Так в РА, в Лавр.* смертъ. [86] *Так в РА, в Лавр.*
животьная. [87] *Так в А, в Лавр.* драгъши. [88] *Так в РА, в Лавр.* мъжъ.
[89] *Так в РА, в Лавр.* же лну весны. [90] *Так в РА, в Лавр.* рукада.
[91] *Так в РА, в Лавр.* владаеть. [92] *Так в РА, в Лавр.* деющю.
[93] *Добавл. из А, в Лавр.* и. [94] *Так в РА, в Лавр.* особь. [95] *Так*
в А, в Лавр. въставъ и. [96] *Так в РА, в Лавр.* ему. [97] *Так в РА,*
в Лавр. равнымъ. [98] *Так в РА, в Лавр.* и утверди мышцю свою. [99] *Так*
в РА, в Лавр. суба.

VII,[1] *Так в РА, в Лавр.* сворить. [2] *Так в РА, в Лавр.* прѣпость.
[3] *Так в РА, в Лавр.* облече. [4] *Так в Р, в Лавр.* милостыню. [5] *Так в РА,*
в Лавр. въздвигъшю. [6] *Так в РА, в Лавр.* всю. [7] *Добавл. из РА.* 981
[8] *Так в РА, в Лавр.* еже. [9] *Исправл. по Ип., в Лавр.* нь. [10] *Так в РА,* 982
в Лавр. няуга. [11] *Так в РА, в Лавр.* е. [12] *Так в РА, в Лавр.* явтяги. 983
[13] *Так в РА, в Лавр.* потребу. [14] *В Лавр. дважды* мечемъ жребий. [15] *Так*
в РА, в Лавр. жа. [16] *Так в РА, в Лавр.* то. [17] *В Лавр.* се, *исправл. по
смыслу.* [18] *Так в РА, в Лавр.* бо. [19] *Так в РА, в Лавр.* на. [20] *Так в Р,*
в Лавр. повѣдаше. [21] *Добавл. из Ип.* [22] *Так в РА, в Лавр.* бликнуша.
[23] *Так в РА, в Лавр.* хрестеянский. [24] *Так в РА, в Лавр.* онѣхъ. [25] *Так*
в РА, в Лавр. не и вѣдый. [26] *Так в РА, в Лавр.* нарекъ. [27] *Исправл. по
Ип., в Лавр.* не. [28] *Так в РА, в Лавр.* имъ. [29] *Так в РА, в Лавр.* отѣ-
ника. [30] *Так в Р, в Лавр.* приемше. [31] *Так в РА, в Лавр.* вѣненьць.
[32] *Добавл. по Ип., вм.* е *в Лавр.* [33] *Так в РА, в Лавр.* Добрыною съ воемъ. 984

985 [34] *Так в РА, в Лавр.* болары. [35] *Так в РА, в Лавр.* оже. [36] *Так в РА,*
986 *в Лавр.* елико. [37] *Так в РА, в Лавр.* вры. [38] *Добавл. из РА.* [39] *Так в РА, в Лавр.* иде. [40] *Так в Р, в Лавр.* буде. [41] *Так в РА, в Лавр.* томо. [42] *Так в РА, в Лавр* отинудь. [43] *Добавл. из РА.* [44] *Так в РА, в Лавр.* и богу, еже. [45] *Исправл. по Соф., в Лавр.* кто же. [46] *Так в А, в Лавр.* тама. [47] *Так в РА, в Лавр.* учители. [48] *Так в РА, в Лавр.* росточе. [49] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* неже. [50] *Так в РА, в Лавр.* погубять. [51] *Так в РА, в Лавр.* блюну. [52] *Так в РА, в Лавр.* нове. [53] *Так в РА, в Лавр.* бысть правили. [54] *Исправл. по Ип., в Лавр.* взиде. [55] *Так в РА, в Лавр.* покояшеся. [56] *Так в РА, в Лавр.* такою. [57] *Так в РА, в Лавр.* ска. [58] *В Лавр.* подоша, *в РА* спадоша. [59] *Исправл. по Ип. и Ком. в Лавр.* первое. [60] *Так в РА, в Лавр.* наречется. [61] *Так в РА, в Лавр.* Адамъ снъ. [62] *Так в РА, в Лавр.* а. [63] *Так в РА, в Лавр.* разумеюще. [64] *Так в РА, в Лавр.* изъ рая. [65] *Так в РА, в Лавр.* Авелелы. [66] *Исправл. по Комисс., в Лавр.* изидѣте. [67] *Из Р.* [68] *Так в РА, в Лавр.* изидосте. [69] *Так в РА, в Лавр.* трясася. [70] *Добавл. из А.* [71] *Так в РА, в Лавр.* тщери. [72] *Так в РА, в Лавр.* завивисти. [73] *Так в РА, в Лавр.* но. [74] *Так в РА, в Лавр.* ибо. [75] *Добавл. из РА.* [76] *Так в А, в Лавр.* отятъ. [77] *Так в РА, в Лавр.* ты. [78] *Так в РА, в Лавр.* премеся. [79] *Так в РА, в Лавр.* ученью. [80] *Так в РА, в Лавр.* рощенье. [81] *Так в РА, в Лавр.* закаху прид. [82] *Так в РА, в Лавр.* Серукъ. [83] *Так в РА, в Лавр.* творяшъ. [84] *Так в РА, в Лавр.* прлбдицамъ. [85] *Так в РА, в Лавр.* Фара. [86] *Так в РА, в Лавр.* твори. [87] *Так в РА, в Лавр.* прише. [88] *Так в РА, в Лавр.* въ вумъ. [89] *Так в А, в Лавр.* то. [90] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* а иже.. [91] *Так в РА, в Лавр.* творилъ. [92] *Добавл. из Ип.* [93] *Так в РА, в Лавр.* бога и царя. [94] *Так в РА, в Лавр.* хотѣвъ. [95] *Так в А, в Лавр.* отцемъ. *В Лавр. затем вновь повторены слова:* от сего . . . предъ сыномъ. [96] *Так в РА, в Лавр.* тьщеръ. [97] *Так в РА, в Лавр.* бѣша. [98] *Исправл. по Соф. и Ник., в Лавр.* влѣзъ. [99] *Добавл. из Х и Ком.*

VIII,1 *Так в РА, в Лавр.* бо. [2] *Так в РА, в Лавр.* се. [3] *Так в А, в Лавр.* тщере. [4] *Так в Х, Соф., в Лавр.* Лава. [5] *Так в А, в Лавр.* старьшюю. [6] *Добавл. из Ип.* [7] *Так в РА, в Лавр.* Ваньамида. [8] *Так в РА, в Лавр.* лѣтъ. [9] *Добавл. из РА.* [10] *Добавл. из А.* [11] *Так в РА, в Лавр.* Мадьянску. [12] *Так в РА, в Лавр.* языка. [13] *Так в А, в Лавр.* колько. [14] *Исправл. по Ип., в Лавр.* назѣлезохъ. [15] *Так в РА, в Лавр.* ты же единъ. [16] *Так в РА, в Лавр.* потребу. [17] *Так в РА, в Лавр.* муки [18] *Исправл. по Ип., в Лавр.* горщии. [19] *Исправл. по Ип., в Лавр.* — 10. [20] *Так в РА, в Лавр.* ю. [21] *Так в А, в Лавр.* возпи. [22] *Так в А, в Лавр.* лущи. [23] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* еже. [24] *Так в РА, в Лавр.* ману. [25] *Так в РА, в Лавр.* сече 30 тысящь. [26] *Так в РА, в Лавр.* возропта. [27] *Так в РА, в Лавр.* иже. [28] *Так в РА, в Лавр.* инѣхъ. [29] *Так в Р, в Лавр.*

начаху. [30] *Так в РА, в Лавр.* другии. [31] *Так в РА, в Лавр.* главѣ *(ср. в Ип.* краве*).* [32] *Так в РА, в Лавр.* идуть. [33] *Так в РА, в Лавр.* то. [34] *Так в РА, в Лавр.* буде. [35] *Так в РА, в Лавр.* Аданаилъ. [36] *Так в РА, в Лавр.* иже. [37] *Так в РА, в Лавр.* слышить. [38] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* изиде. [39] *Так в РА, в Лавр.* неразумья. [40] *Добавл. из РА.* [41] *Так в РА, в Лавр.* иже. [42] *Так в РА, в Лавр.* То. [43] *Добавл. из Ип. и Ком.* [44] *Так в РА, в Лавр.* моима. [45] *Добавл. для смысла из книги прор. Исаии, IX, 6.* [46] *Так в РА, в Лавр.* прозоуть имя ему Еньмаилъ. [47] *Исправл. по Ком., в Лавр.* и да немноги еси. [48] *Так в РА, в Лавр.* н. [49] *Так в РА, в Лавр.* ины. [50] *Так в РА, в Лавр.* речеть. [51] *Так в РА, в Лавр.* то. [52] *Так в РА, в Лавр.* ии. [53] *Так в А, в Лавр.* и заплеванья. [54] *Так в РА, в Лавр.* Мосия. [55] *Так в Р, в Лавр.* съходяще. [56] *Так в Ип. и Ком., в Лавр.* тъ. [57] *Так в Р, в Лавр.* ружьники. [58] *Так в Р, в Лавр.* пророчествоваше. [59] *Так в РА, в Лавр.* хощь. [60] *Исправл. по Ип., в Лавр.* же. [61] *Так в РА, в Лавр.* родъ. [62] *Так в РА, в Лавр.* смяте. [63] *Добавл. из Ип.* [64] *Так в РА, в Лавр.* ученикъ. [65] *Так в РА, в Лавр.* креститися. [66] *Так в РА, в Лавр.* послаше. [67] *Добавл. из А.* [68] *Так в РА, в Лавр.* кисареви. [69] *Добавл. из РА.* [70] *Так в РА, в Лавр.* вѣки. [71] *Исправл. по Ип., в Лавр.* крещенью. [72] *Так в РА, в Лавр.* днье. [73] *Исправл. по Ком., в Лавр.* первою. [74] *Добавл. из Хлебн.* [75] *Так в РА, в Лавр.* Прображенье. [76] *Так в РА, в Лавр.* вложивъ. [77] *В Лавр. повторено* на странахъ роса еже е. [78] *Исправл. по Хлебн. и Ком., в Лавр.* обновленъ. [79] *Исправл. Хлебн. и Новг. 4 (Акад. сп.). в Лавр.* ученьемъ. [80] *Так в РА, в Лавр.* пореяхомъ. [81] *Так в РА, в Лавр.*
вѣрують. [82] *Так в РА, в Лавр.* хуляше. [83] *Так в РА, в Лавр.* хваляше. *987*
[84] *Так в РА, в Лавр.* станеть. [85] *Так в РА, в Лавр.* первое вѣру. [86] *Так в РА, в Лавр.* Он. [87] *Так в Р, в Лавр.* от. [88] *Так в РА, в Лавр.* создати. [89] *Так в РА, в Лавр.* е. [90] *Так в РА, в Лавр.* добро. [91] *Так в РА, в Лавр.* придохо. [92] *Так в РА, в Лавр.* укусить. [93] *Так в РА, в Лавр.* има. [94] *Так в РА, в Лавр.* рекше. [95] *Так в РА, в Лавр.*
идемъ. [96] *Так в РА, в Лавр.* стѣлище. [97] *Так в РА, в Лавр.* воѣ *988*
своѣ. [98] *Исправл. по Ип., в Лавр.* приступити. [99] *Исправл. по Ип., в Лавр.* спущеимъ.

[IX,1] *Добавл. из РА.* [2] *Так в РА, в Лавр.* цареви. [3] *Исправл. по Ком., в Лавр.* слышаста. [4] *Так в РА, в Лавр.* дати. [5] *Так в РА, в Лавр.* сестръ. [6] *Исправл. по РА Ип. и Ком., в Лавр.* любо. [7] *Так в РА, в Лавр.* лучи. [8] *Так в А, в Лавр.* братья. [9] *Так в РА, в Лавр.* рькуще. [10] *Так в Р, в Лавр.* увидѣхъ. [11] *Так в РА, в Лавр.* и ини. [12] *Так в РА, в Лавр.* Василиви. [13] *Так в РА, в Лавр.* исходяще. [14] *Так исправляет это место Шахматов („Пов. вр. лет“, стр. 141) на основании данных Ип., Хлебн. и др. списков, в Лавр.* събественымъ. [15] *Так в РА, в Лавр.* съ божественымь. [16] *Так исправл. Шахматов (там же) по Ком., в Лавр. только*

разделно. *(принимаем исправленья Шахматова вне применяемой им орфографической архаизации).* [17] *Так исправл. Шахматов (там же) по Ком. и др. сп., в Лавр.* неронымъ. [18] *Так в Р, в Лавр.* подобенъ сущенъ. [19] *Так исправл. Шахматовым („Пов. вр. лет", стр. 142) по Ип. и др. сп., в Лавр.* подобносвершено и присносущно. [20] *Так в РА, в Лавр.* святомуму. [21] *Исправл. по Хлебн., Ком. и др. в Лавр.* и. [22] *Так в РА, в Лавр.* преступае. [23] *Исправл. по Хлебн., в Лавр.* и духъ ли. [24] *Исправл. по Ип., в Лавр.* по нему же. [25] *Так в РА, в Лавр.* не оступи. [26] *Исправл. по Ип., в Лавр.* человѣческое. [27] *Так в РА, в Лавр.* преже бывъ. [28] *Так в РА, в Лавр.* подобны. [29] *Так в РА, в Лавр.* ественая. [30] *Так в РА, в Лавр.* страсть. [31] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* славою. [37] *Так в РА, в Лавр.* сниде. [33] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* судомъ. [34] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* веруи. [35] *Так в А, в Лавр.* сему. [36] *Так в РА, в Лавр.* проклята. [37] *Так в РА, в Лавр.* прокленши. [38] *Так в А, в Лавр.* Ерихенова. [39] *Так в Р, в Лавр.* и напишеть. [40] *Добавл. из Ип.* [41] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* матери. [42] *Исправл. по Ип., в Лавр.* еже. [43] *Так в Р, в Лавр.* Дасъ. [44] *Так в РА, в Лавр.* Антихия. [45] *Так в РА, в Лавр.* Колестинъ. [46] *Так в РА, в Лавр.* Рамьский. [47] *Исправл. по Ип. (ошибочно вм.* Вигилий*), в Лавр.* Ва́лиги. [48] *Так в РА, в Лавр.* Евтухи. [49] *Так в РА, в Лавр.* Антиахъский. [50] *Так в РА, в Лавр.* Гооргий. [51] *Так в РА, в Лавр.* Фофанъ. [52] *Так в РА, в Лавр.* Антиохьский. [53] *Так в РА в Лавр.* Олексанъдра. [54] *Так в РА, в Лавр.* Антиохьский. [55] *Добавл. из РА.* [56] *Так в РА, в Лавр.* и прославляху. [57] *Так в РА, в Лавр.* оженѣвъся. [58] *Так в РА, в Лавр.* до семые жены поимаючи. [59] *Так в РА, в Лавр.* царю. [60] *Так в РА, в Лавр.* в Корсунѣнѣ. [61] *Так в РА, в Лавр.* иже. [62] *Так в РА, в Лавр.* кридуще. [63] *Так в РА, в Лавр.* жа. [64] *В Лавр.* ида *написано дважды.* [65] *В Лавр.* мѣдѣнѣ, *в РА* медяны. [66] *Так в РА, в Лавр.* иконѣ. [67] *Так в РА, в Лавр.* Курсунь. [68] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* осѣчи. [69] *Так в Р, в Лавр.* хвусту. [70] *Отсюда начинается другой почерк, древнейший русский полуустав XIV в.* [71] *Добавл. из А.* [72] *Так в РА, в Лавр.* вы то. [73] *В РА, в Лавр. поправлено новым почерком на* на рѣцѣ. [74] *Так в РА, в Лавр.* Перуняна. [75] *Так в РА, в Лавр.* не прияли. [76] *Так в РА, в Лавр.* млади. [77] *Так в РА, в Лавр.* вѣдѣти. [78] *Отсюда рукопись Лавр. летописи писана в два столбца.* [79] *Так в РА, в Лавр.* лиди. [80] *Так в Р, в Лавр.* нарочитое. [81] *Так в РА, в Лавр.* плакаху. [82] *Так в РА, в Лавр.* помилуй. [83] *Так в РА, в Лавр.* хощю помилую. [84] *Добавл. из РА.* [85] *Так в РА, в Лавр.* въздастъ. [86] *Исправл. по РА, Ип. и Ком., в Лавр.* въ исповѣданье. [87] *Так в РА, в Лавр.* благо. [88] *Так в РА, в Лавр.* благословите. [89] *Так в РА, в Лавр.* съпасенья. [90] *Так в РА, в Лавр.* языцѣх. [91] *Так в РА, в Лавр.* то. [92] *Так в РА, в Лавр.* смерть. [93] *Так в РА, в Лавр.* свободихомся. [94] *Добавл. по Ип. и Ком.* [95] *Так в РА, в Лавр.* имъ. [96] *Так в РА, в Лавр.* Мьстива.

[97] *Так в А, в Лавр.* Трубешеви. [98] *Так в РА, в Лавр.* 6490. [99] *Так в РА,* 989
в Лавр. приведе я.

X,[1] *Так в РА, в Лавр.* корсянину. [2] *Исправл. по Хлебн. и Ком., где* 991
и нет, в Лавр. и приставн. [3] *Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр.* 6009, *в РА,*
6498. [4] *Так в РА, в Лавр.* не. [5] *Добавл. из РА.* [6] *Так в РА, в Лавр.* 992
и. [7] *Так в А, в Лавр.* Трубешн. [8] *Так в РА, в Лавр.* ни. [9] *Так в РА,*
в Лавр. и въ. [10] *Так в РА, в Лавр.* се. [11] *Так в А, в Лавр.* ся. [12] *Испр.*
по Ип., Хлебн., в Лавр. искусить. [13] *В Лавр. слово* быка *написано два-*
жды. [14] *Так в РА, в Лавр.* ни. [15] *Добавл. из А.* [16] *Так в РА, в Лавр.*
оружь. [17] *Так в РА, в Лавр.* крѣпо. [18] *Так в РА, в Лавр.* броте. [19] *Так* 996
в РА, в Лавр. людьскымъ. [20] *Так в А, в Лавр.* створяще. [21] *Так в РА,*
в Лавр. лю. [22] *Так в РА, в Лавр.* будеть. [23] *Так в РА, в Лавр.* потробу.
[24] *Так в РА, в Лавр.* жива. [25] *Исправл. по Ип. и Новг. 4, в Лавр.* вдаимы 997
ся. [26] *Так в РА, в Лавр.* свѣтъ. [27] *Так в РА, в Лавр.* впраша. [28] *Ис-*
правл. по Ип., в Лавр. встави. [29] *Исправл. по Соф. и некот. спискам*
Новг. 4, в Лавр. в городѣхъ. [30] *Так в РА, в Лавр.* гривнѣ. [31] *Так в РА,* 1014
в Лавр. а. [32] *Добавл. из РА.* [33] *Так в РА, в Лавр.* и акы. [34] *Так в РА,* 1015
в Лавр. Аще бо бѣ и. [35] *Так в РА, в Лавр.* И Борису. [36] *Так в РА,*
в Лавр. умерелъ. [37] *Так в А, в Лавр.* Соломъ. [38] *Исправл. по смыслу,*
в Лавр. и др. списках обѣщаются. [39] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* окса-
псалма. [40] *Так в РА, в Лавр.* сборъ. [41] *Так в РА, в Лавр.* се. [42] *Так*
в РА, в Лавр. И избиша. [43] *Так в РА, в Лавр.* Георгеви. [44] *Так в РА,*
в Лавр. и тѣмь же. [45] *Исправлено по смыслу, в Лавр.* увѣдѣвше. [46] *Вставл.*
на основ. Ип., Новг. 4. [47] *Так в РА, в Лавр.* приемъ. [48] *Так в РА,*
в Лавр. в лику. [49] *Так в РА, в Лавр.* акъ хулу. [50] *Так в РА, в Лавр.*
Ангелъ. [51] *Так в РА, в Лавр.* створяеть. [52] *Так в РА, в Лавр.* мыслить.
[53] *Так в РА, в Лавр.* почьщена. [54] *Так в РА, в Лавр.* приемъ. [55] *Так*
в РА, в Лавр. бо. [56] *Так в РА, в Лавр.* жити. [57] *Добавл. из РА.* [58] *Так*
в РА, в Лавр. тѣломь. [59] *Так в РА, в Лавр.* утѣха. [60] *Так в Р, в Лавр.*
вамъ. [61] *Так в РА, в Лавр.* божье. [62] *Так в РА, в Лавр.* заповѣди.
[63] *Так в РА, в Лавр.* приимше. [64] *Исправл. по смыслу (двойств. число).*
в Лавр. облистаеми. [65] *Так в РА, в Лавр.* божественымь. [66] *Исправл. по*
Ип., в Лавр. избавяща. [67] *Так в РА, в Лавр.* в. [68] *Добавл. из РА,*
[69] *Так в РА, в Лавр.* и. [70] *Так в РА, в Лавр.* седи. [71] *Так в РА, в*
Лавр. 40. [72] *Так в А, в Лавр.* праведною. [73] *Исправл. по Ип. и Хлебн.,*
в Лавр. слышавше. [74] *Добавл. из Ип.* [75] *Так в РА, в Лавр.* о полъ. 1016
[76] *Так в РА, в Лавр.* о. [77] *Так в А, в Лавр.* хоромомъ. [78] *Так в РА,*
в Лавр. нашимъ. [79] *Так в РА, в Лавр.* не. [80] *Так в А, в Лавр.* выседъ,
[81] *Так в РА, в Лавр.* къзеру. [82] *Так в РА, в Лавр.* Ярославъ Новѣго- 1018
родѣ. [83] *Добавл. из РА.* [84] *Так в РА, в Лавр.* городу. [85] *Так в РА,* 1019
в Лавр. взыде. [86] *Добавл. из А.* [87] *Так в РА, в Лавр.* по. [88] *Так в РА,*
в Лавр. сѣцяхуся. [89] *Добавл. из Ип.* [90] *Так в РА. в Лавр.* Бестою.

91 *Исправл. по Ип., в Лавр.* неправедну. 92 *Так в А, в Лавр.* ошествии.
93 *Так в РА, в Лавр.* бывши. 94 *Так в РА, в Лавр.* прародителю. 95 *Так*
1022 *в А, в Лавр.* женома. 96 *Так в РА, в Лавр.* се. 97 *Так в РА, в*
Лавр. Тмутороканю. 98 *Так в А, в Лавр.* сы идевѣ. 99 *Так в РА, в Лавр.*
удолѣю.
1024 XI,1 *Так в Р, в Лавр.* сзижю. 2 *Добавл. из РА.* 3 *Так в РА, в Лавр.*
и и. 4 *Лавр. описка* къ. 5 *Добавл. из Ип.* 6 *В Лавр.* другыми. 7 *В Лавр.*
описка Новуногороду. 8 *В Лавр. и др. списках* слѣпъ. *Восстанавливается*
предположительно. 9 *Так в А, в Лавр.* не. 10 *Так в РА, в Лавр.* собѣ.
11 *Добавл. из Р.* 12 *Так в А, в Лавр.* Ярославѣ. 13 *Так в РА, в Лавр.*
1027 7 лѣт бысть и. 14 *Так в РА, в Лавр.* сыны. 15 *Так в РА, в Лавр.* Бзы.
1030 16 *Добавл. из А.* 17 *Так в РА, в Лавр.* многъ. 18 *Так в РА, в Лавр.*
1036 приступиша и. 19 *Так в РА, в Лавр.* мѣсто. 20 *Так в РА, в Лавр.* по-
1037 бѣгша. 21 *Так в РА, в Лавр.* порупъ. 22 *Так в РА, в Лавр.* святое бо-
городице. 23 *Здесь в Лавр. добавл. (нет в РА):* и сниска. 24 *Так в А.*
в Лавр. разорить. 25 *Добавл. из РА.* 26 *Так в Р, в Лавр.* умячи. 27 *Ис-*
правл. по Ип., Хлебн., в Лавр. мости. 28 *Так в РА, в Лавр.* Симонъ.
29 *Так в РА, в Лавр.* хваля е. 30 *Так в РА, в Лавр.* мысль. 31 *Добавл.*
из А. 32 *В Лавр. и др. списках ошибочно* душа. 33 *Так в РА, в Лавр,*
се. 34 *Так в РА, в Лавр.* рекомъ. 35 *Так в РА, в Лавр.* ссудыи. 36 *Так*
1039 *в А, в Лавр.* вида. 37 *Исправл., в Лавр.* Феопомтомь. 38 *Исправл. по*
1043 *Хлебн., в Лавр.* победивъ. 39 *Так в Р, в Лавр.* многъ. 40 *Так в РА,*
в Лавр. воевотьство. 41 *Так в РА, в Лавр.* воеводы Ярославля. 42 *Так*
в РА, в Лавр. ввержени. 43 *Исправл. по смыслу, в Лавр.* хотяще. 44 *До-*
бавл. из Ип. 45 *Так в Р, в Лавр.* с ними. 46 *Добавл. по Ип., Хлебн.*
47 *Так в Р, в Лавр.* с нимь. 48 *Так в РА, в Лавр.* друженою. 49 *Так в Р.*
в Лавр. пославъ. 50 *Так в РА, в Лавр.* ссѣдавшеся. 51 *Добавл. из РА.*
1044 52 *Так в РА, в Лавр.* И выгребоша. 53 *Так в РА, в Лавр.* е. 54 *Так*
1051 *в РА, в Лавр.* Моиславъ. 55 *Так в А, в Лавр.* что. 56 *Так в РА, в Лавр.*
бо князю. 57 *Так в РА, в Лавр.* манастырь сущи. 58 *Так в РА, в Лавр,*
и рече ему яко. 59 *Так в РА, в Лавр.* ни. 60 *Так в РА, в Лавр.* гора.
61 *Так в РА, в Лавр.* иде. 62 *Так в РА, в Лавр.* постригалъ. 63 *Так*
в РА, в Лавр. тоже. 64 *Так в РА, в Лавр.* просяху. 65 *Добавл. из Р.*
66 *Так в РА, в Лавр.* совъкути. 67 *Так в РА, в Лавр.* перво. 68 *Исправл.*
по смыслу, в Лавр. никдѣ же. 69 *Добавл. из Ип.* 70 *Так в РА, в Лавр.*
а съ столпьемь. 71 *Так в А, в Лавр.* почаша. 72 *Так в РА, в Лавр.*
свѣтъ. 73 *Так в РА, в Лавр.* Фодосий. 74 *Так в РА, в Лавр.* Феодосу.
75 *Так в Ип. и Хлебн., в Лавр.* щенье. 76 *Добавл. из РА.* 77 *Так в РА,*
в Лавр. старѣе всего. 78 *Так в А, в Лавр.* Феодосовѣ. 79 *Так в РА,*
1052 *в Лавр.* акы. 80 *Так в РА, в Лавр.* старъ. 81 *Так в РА, в Лавр.* От.
1054 82 *Так в РА, в Лавр.* покоривыть. 83 *Добавл. из РА.* 84 *Добавл. из Ип.*
85 *Исправл. по смыслу, в Лавр. и др.* иже. 86 *Так в РА, в Лавр.* то.

[87] Добавл. из А. [88] Так в РА, в Лавр. Вселоду. [89] Так в РА, в Лавр.
всее. [90] Так в РА, в Лавр. еже. [91] Так в РА, в Лавр. принесъ. [92] Так 1057
в А, в Лавр. введше. [93] Так в РА, в Лавр. строя. [94] Добавл. из Хлебн.,
Синод., Ком. [95] Так в РА, в Лавр. совокупи. [96] Так в РА, в Лавр. гра. 1060
[97] Так в РА, в Лавр. строеви. [98] Так в РА, в Лавр. много. [99] Далее 1065
в РА Лавр. ошибочно следует бяше.

[XII,1] Так в РА, в Лавр. выстомль. [2] Так Ип. и Ком., в Лавр. его.
[3] Исправл. по Хлебн. и Ком., в Лавр. имуща. [4] Так в РА, в Лавр. одежѣ.
[5] Так в РА, в Лавр. нахоженье Антиохово нашествие. [6] Добавл. из РА.
[7] Вставлено по аналогии с последующим. [8] Так в РА, в Лавр. бываеть.
[9] Так в Р, в Лавр. проявьляеть. [10] Так в РА, в Лавр. странахъ. [11] В 1066
Лавр. слово пити изгладилось. [12] Так в Ип., в Лавр. и приѣхавъ. [13] Так 1067
в РА, в Лавр. и преступивше. [14] Так в РА, в Лавр. и. [15] Так в РА, 1068
в Лавр. согрѣшивше. [16] Исправл. по Ип., Хлебн. и Ком., в Лавр. наве-
денье. [17] Так в РА, в Лавр. мѣхъ, [18] Добавл. из РА. [19] Так в РА,
в Лавр. наимнику. [20] Так в РА, в Лавр. усты же. [21] Так в РА, в Лавр.
не послушахъ. [22] Так в РА, в Лавр. вожа. [23] Исправл. по Ип., Хлебн.
и Ком., в Лавр. одожди. [24] Так в РА, в Лавр. глаголете. [25] Добавл. из
РА. [26] Так в РА, в Лавр. ни. [27] Так в РА, в Лавр. дравье. [28] Так в
РА, в Лавр. нача люди его корити. [29] Так в РА, в Лавр. половину. [30] Так
в РА, в Лавр. стоящю. [31] Так Ип., Хлебн., в Лавр. нь. [32] Добавл. из Р.
[33] Так в РА, в Лавр. Сньви. [34] Добавл. из РА. [35] Исправл. по Ком.,
в Лавр. крестомъ. [36] Так в РА, в Лавр. Ничто. [37] Так в Ип., Хлебн., 1069
в Лавр. видѣша. [38] Так в Ип., Хлебн., в Лавр. веде. [39] Так в РА, в
Лавр. зажгоша. [40] Так в Р, в Лавр. глаголюще. [41] Добавл. из РА. [42] Так 1071
в РА, в Лавр. своего. [43] Так в РА, в Лавр. Ятина. [44] Так в РА, в Лавр.
насмѣхаются. [45] Так в РА, в Лавр. бывше. [46] Так в РА. в Лавр. ску-
дити. [47] Так в РА, в Лавр. придут в погостѣ. [48] Так в РА, в Лавр. на-
рицаху. [49] Так в РА, в Лавр. си скору си. [50] Исправл. по смыслу, в Лавр.
прорѣзавше. [51] Так в РА, в Лавр. въимаста. [52] Так в РА, в Лавр. нее.
[53] Так в РА, в Лавр. люди инѣ. [54] Так в РА, в Лавр. по. [55] Так в РА,
в Лавр. обити. [56] Так в РА, в Лавр. имате. [57] Исправл. по Ип. и Хлебн.
в Лавр. е. [58] Так в РА, в Лавр. пере. [59] Исправл. по Шахм. („Пов.
вр. лет“, стр. 224), в Лавр. ничто же. [60] Так в РА, в Лавр. от ся.
[61] Так в А, в Лавр. ветъхомъ. [62] Так в РА, в Лавр. в не. [63] Так в А,
в Лавр. сѣдя. [64] Так в РА, в Лавр. своими. [65] Добавл. из РА. [66] Так
в РА, в Лавр. не можьшь. [67] Так в РА, в Лавр. потергати. [68] Так в РА,
в Лавр. живы, следовало бы живома. [69] Добавл. из РА. [70] Так. в Ип.
и Хлебн., в Лавр. е. [71] Так в А, в Лавр. приимше. [72] Так в Р, в Лавр.
ведуще. [73] Так в РА, в Лавр. своее. [74] Так в РА, в Лавр. человѣчь-
ское. [75] Так в А, в Лавр. г. [76] Так в Р, в Лавр. оцѣпъ. [77] Так в РА,
в Лавр. новгорьцю. [78] Так в РА, в Лавр. что. [79] Добавл. из Ип. [80] Так

в РА, в Лавр. небомь. [81] *Так в РА, в Лавр.* ангели. [82] *Так в РА, в Лавр.* се первое чароды. [83] *Так в РА, в Лавр.* еже. [84] *Так в РА, в Лавр.* человечьскыи. [85] *Так в РА, в Лавр.* Анни и Маврий. [86] *Внесено из Ип., с поправкой Шахматова („Пов. вр. лет“, стр. 228), в Ип.* творяшеть. [87] *Так в РА, в Лавр.* Конобъ. [88] *Добавл. из Р.* [89] *Добавл. из РА,*
1072 [90] *Так в РА, в Лавр.* проповѣдь. [91] *Так в РА, в Лавр.* проповѣжь. [92] *Так в Р, в Лавр.* пронесошася. [93] *Так в РА, в Лавр.* свѣщѣ. [94] *Так в РА,*
1073 *в Лавр.* вонѣ. [95] *Исправл. по Ип. и Хлебн., в Лавр.* преступивше. [96] *Так в РА, в Лавр.* прогнатье. [97] *Так в РА, в Лавр.* преступающе. [98] *Исправл. по Ип., Хлебн. и Ком., в Лавр.* же. [99] *Так в РА, в Лавр.* и митрополиту.

1074 XIII,1 *Так в А, в Лавр.* приходяще. [2] *Исправл. по Ип., в Лавр.* вгажающе. [3] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* ему. [4] *Исправл. по Ип. и Хлебн., в Лавр.* проныръства. [5] *Так в РА, в Лавр.* симь бо. [6] *Так в Ип., в Лавр.* к. [7] *Так в А, в Лавр.* менша. [8] *Так в РА, в Лавр.* тѣла. [9] *Так в А, в Лавр.* преображено. [10] *Так в РА, в Лавр.* видѣвъ. [11] *Так в РА, в Лавр.* постившеся. [12] *Так в А, в Лавр.* показая. [13] *Так в РА, в Лавр.* искориша. [14] *Так в РА, в Лавр.* се. [15] *Добавл. из РА.* [16] *Так в Р, в Лавр.* малым. [17] *Так в РА, в Лавр.* ве сь. [18] *Исправл. по Хлебн., в Лавр.* наставше. [19] *Так в А, в Лавр.* цѣловавъ. [20] *Добавл. из РА.* [21] *Так в РА, в Лавр.* послушамъ. [22] *Так в РА, в Лавр.* отступивше. [23] *Так в РА, в Лавр.* и и. [24] *Добавл. из РА.* [25] *Отсюда в РА большой пропуск.* [26] *Добавл. из Ип.* [27] *Так в Ип., в Лавр.* начне. [28] *Так в Ип. в Лавр.* буди. [29] *Так в Ип., в Лавр.* труды и. [30] *После* Феодосий *явный пропуск (ср. несогласованность со след.).* [31] *Исправл. по Ип., в Лавр.* имя. [32] *Добавл. из Ип* [33] *Добавл. из Ип.* [34] *Так в Ип. сп., в Лавр.* сдержьци. [35] *Так в Ип., в Лавр.* сверженъ. [36] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* Дамьянъ. [37] *Отсюда снова начинаются РА.* [38] *Добавл. из РА.* [39] *Испр. по Ип., в Лавр.* разумевъ. [40] *Так в РА, в Лавр.* к нему. [41] *Добавл. из РА.* [42] *Исправл. по Ип., Хлебн., в Лавр.* цвѣткы. [43] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* се. [44] *Исправл. по Ип., Хлебн., в Лавр.* единому. [45] *Исправл. по Ип., Хлебн., в Лавр.* рече. [46] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* провидъ. [47] *Так в А, в Лавр.* почивъ. [48] *Добавл. из РА.* [49] *Так в РА, в Лавр.* взложи. [50] *Так в Р, в Лавр.* Се. [51] *Так в РА, в Лавр.* овлече. [52] *Так в РА, в Лавр.* солнца восья. [53] *Исправл. по Ип., Хлебн., в Лавр.* глаголюща. [54] *Так в РА, в Лавр.* выступя и. [55] *Добавл. из РА.* [56] *Добавл. из РА.* [57] *Так в РА, в Лавр.* глуси. [58] *Добавл. из РА.* [59] *Так в РА, в Лавр.* живного. [60] *Так в РА, в Лавр.* откопаше. [61] *Добавл. из Р.* [62] *Добавл. из РА.* [63] *Так в РА, в Лавр.* присла. [64] *Так в РА, в Лавр.* места. [65] *Так в РА, в Лавр.* к сбѣ. [66] *Так в РА, в Лавр.* плеваше. [67] *Так в РА. в Лавр.* слыша. [68] *Добавл. из Ип.* [69] *Так в РА, в Лавр.* посажашеть. [70] *Так в А, в Лавр.* преже. [71] *Исправл. по Хлебн., в Лавр.* входя. [72] *Так*

в РА, в Лавр. станяше. [73] Так в РА, в Лавр. г. [74] Так в РА, в Лавр.
приготоваша. [75] Так в РА, в Лавр. поваръ бѣ. [76] Добавл. из РА. [77] Так
в РА, в Лавр. се. [78] Добавл. из Р. [79] Так в РА, в Лавр. ще. [80] Так 1075
в РА, в Лавр. основанье. [81] Так в Р, в Лавр. Соломону. [82] Добавл. из 1076
Ип. [83] Так в РА, в Лавр. бѣже. [84] Так в РА, в Лавр. бо. [85] Добавл. 1078
из РА. [86] Так в РА, в Лавр. пореяни мнози. [87] Так в РА, в Лавр. по-
губленье. [88] Исправл. по Ип., Хлебн., в Лавр. цѣловавшеся. [89] Так в
РА, в Лавр. лишенъ быхъ. [90] Добавл. из РА. [91] Так в РА, в Лавр.
отвориша. [92] Так в Р, в Лавр. послевѣ. [93] Так в РА, в Лавр. строема.
[94] Так в РА, в Лавр. хватся. [95] Так в РА, в Лавр. подоста. [96] Так
в РА, в Лавр. продолжьже. [97] Добавл. из Ип. [98] Так в РА, в Лавр. не
вздая. [99] Так в РА, в Лавр. взда.

XIV,[1] Так в РА, в Лавр. любовь. [2] Добавл. из РА. [3] Так в РА, 1079
в Лавр. переима. [4] Добавл. из РА. [5] К Лавр. убье приписано окончание из 1083
РА, где бьение. [6] Так в Р, в Лавр. пришедше. [7] Так в Р, в Лавр. Всеводъ. 1084
[8] Так в РА, в Лавр. свѣтникъ. [9] Так в Р, в Лавр. увѣда. [10] Так в А, в Лавр. 1085
дни. [11] Так в РА, в Лавр. наученья. [12] Так в РА, в Лавр. и̂. [13] Так в Р, 1086
в Лавр. трькрятый. [14] Добавл. из РА. [15] Так в РА, в Лавр. чюжю.
[16] Добавл. из РА. [17] Исправл. по смыслу, в Лавр. державному. [18] Ис- 1089
правл. по смыслу, в Лавр. чадома. [19] Исправл. по смыслу, в Лавр. Во-
лодимера. [20] Исправл. по смыслу, в Лавр. Ростислава. [21] Так в РА,
в Лавр. нареченая. [22] Добавл. из РА. [23] Так в РА, в Лавр. намъ. [24] Так
в РА, в Лавр. се. [25] Так в РА, в Лавр. просто рещи. [26] Так в А, в Лавр.
церковныими ссуды. [27] Так в РА, в Лавр. Се. [28] Так в А, в Лавр. свѣтъ. 1091
[29] Так в РА, в Лавр. то. [30] Так в РА, в Лавр. свѣтъ. [31] Напечатано
по Ип., в Лавр. 7. [32] Добавл. из РА. [33] Так в А, в Лавр. трудивъся.
[34] Так в РА, в Лавр. ударивше. [35] Исправл. по смыслу, в Лавр. то.
[36] Так в РА, в Лавр. кыими. [37] Так в Р, в Лавр. пренесять. [38] Так
в РА, в Лавр. Климета. [39] Добавл. из РА. [40] Так в РА, в Лавр. сстави.
[41] Добавл. из РА. [42] Так в РА, в Лавр. бо. [43] Исправл. по смыслу,
в Лавр. другоиця. [44] Так в РА, в Лавр. явьная. [45] Так в РА, в Лавр.
принесше ю. [46] Так в РА, в Лавр. сии. [47] Исправл. по смыслу, в Лавр.
не. [48] Так в РА, в Лавр. ошествии. [49] Добавл. из Р. [50] Исправл. Шах-
матовым („Пов. вр. лет“, стр. 270), в Лавр. стопамъ. [51] Добавл. Шах-
матовым (там же). [52] Исправл. добавлением по Патерику. [53] Так в РА,
в Лавр. козни. [54] Добавл. из Ип. [55] Добавл. из РА. [56] В Лавр. дважды 1092
в се же лѣто. [57] Так в РА, в Лавр. въ мечтѣ ны. [58] Так в Р, в Лавр.
наявѣ. [59] Добавл. из РА. [60] Исправл. по смыслу, в Лавр. продающе. 1093
[61] Так в РА, в Лавр. пьяства. [62] Исправл., в Лавр. Се. [63] Так в РА,
в Лавр. болше. [64] Добавл. из РА. [65] Так в А, в Лавр. печаль. [66] Так
в А, в Лавр. свѣдуще. [67] Здесь в Лавр. добавл. до. [68] Так в РА, в
Лавр. плакавъся. [69] Так в РА, в Лавр. приближися. [70] Так в РА, в Лавр.

от отца. [71] *Так в РА, в Лавр.* строя. [72] *Так в РА, в Лавр.* но свѣтъ.
[73] *Так в РА, в Лавр.* не. [74] *Так в РА, в Лавр.* то. [75] *Исправл. по Ип.,*
в Лавр. уладившеся. [76] *Так в РА, в Лавр.* имате. [77] *Добавл. из РА.*
[78] *Так в РА, в Лавр.* Стужьнѣ. [79] *Так в Р, в Лавр.* свѣтъ. [80] *Добавл.*
из А. [81] *Добавл. из Р.* [82] *Добавл. из РА.* [83] *Исправл., в Лавр.* съвѣто.
[84] *Так в РА, в Лавр.* валомъ. [85] *В РА налягоша, в Лавр.* налегша.
[86] *Так в РА, в Лавр.* пебредъ. [87] *Так в РА, в Лавр.* пришедъ. [88] *Ис-*
правл., в Лавр. стояше. [89] *Так в РА, в Лавр.* одина. [90] *Так в РА, в*
Лавр. выииде. [91] *Так в РА, в Лавр.* На заутрие яже. [92] *Так в Р, в Лавр.*
святою. [93] *Так в А, в Лавр.* поганым. [94] *Добавл. из РА.* [95] *Так в РА,*
в Лавр. вашей. [96] *Так в РА, в Лавр.* приходя в мѣста. [97] *Так в РА,*
в Лавр. идѣ. [98] *Добавл. из Ип.* [99] *Так в РА, в Лавр.* хоженьемь. [100] *Ис-*
правл. по Ип. и Хлебн., в Лавр. пасоми.

XV,[1] *Исправл.; в Лавр.* тоще. [2] *Исправл.; в Лавр.* вставить. [3] *Добавл.*
из РА. [4] *Так в Ип., в Лавр.* волею. [5] *Добавл. из А.* [6] *Так в Ип.,*
1094 *в Лавр.* незнаемии. [7] *Так в РА, в Лавр.* дѣюще. [8] *Так в РА, в Лавр.*
1095 взбранящю. [9] *Так в РА, в Лавр.* яша. [10] *Так в РА, в Лавр.* друженою.
[11] *Так в РА, в Лавр.* тларевы. [12] *Так в РА, в Лавр.* хотяще. [13] *Исправл.;*
в Лавр. рокоша. [14] *Добавл. из РА.* [15] *Так в А, в Лавр.* вѣдуче. [16] *Так*
в РА, в Лавр. яже. [17] *Так в А, в Лавр.* суще. [18] *Добавл. из Р.* [19] *Так*
в РА, в Лавр. и верхъ. [20] *Так в РА, в Лавр.* приима. [21] *Исправл.;*
в Лавр. веляста, *в РА* веляще. [22] *Добавл. из РА.* [23] *Исправл.; в Лавр.*
и. [24] *Так в РА, в Лавр.* посла. [25] *Исправл. по Ип., в Лавр.* глаголюще.
[26] *Исправл.; в Лавр.* то. [27] *Так в Р, в Лавр.* стояше. [28] *Так в РА,*
в Лавр. е. [29] *Так в РА, в Лавр.* не идоша. [30] *Исправл. по Хлебн., в*
Лавр. Мрину. [31] *Так в РА, в Лавр.* юргевци. [32] *Добавл. из Ип.* [33] *Так*
1096 *в РА, в Лавр.* ядуща. [34] *Так в РА, в Лавр.* посла. [35] *Так в РА, в Лавр.*
светникъ. [36] *Так в А, в Лавр.* свѣтъ. [37] *Так в РА, в Лавр.* рекоста.
[38] *Добавл. из РА.* [39] *Так в Р, в Лавр.* стояше. [40] *Исправл.; в Лавр.*
рекъше. [41] *Так в А, в Лавр.* г. [42] *Исправл. по Ип., в Лавр.* исполчив-
шеся. [43] *Добавл. из А.* [44] *Так в А, в Лавр.* иноплеменьци. [45] *Так в РА,*
в Лавр. мертвого и взяша. [46] *Так в РА, в Лавр.* г. [47] *Так в РА, в Лавр.*
идуще. [48] *Так в РА, в Лавр.* г. [49] *Так в РА, в Лавр.* в. [50] *Так в РА,*
в Лавр. износяху. [51] *Так в РА, в Лавр.* еже. [52] *Добавл. из РА.* [53] *Так*
в А, в Лавр. просторонство. [54] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* уготовании.
[55] *Так в РА, в Лавр.* поженими. [56] *Так в А, в Лавр.* Нитривьскыя. [57] *Так*
в РА, в Лавр. тортъмени. [58] *Так в РА, в Лавр.* имена. [59] *Так в РА,*
в Лавр. Лютову. [60] *Так в РА, в Лавр.* тортмени. [61] *Так в РА, в Лавр.*
г. [62] *Текст Поучения только в Лавр. списке.* [63] *Исправл. Миклошича,*
в Лавр. нареченѣмь. [64] *Затем следует пропуск в 4½ строки; начала*
поучения недостает. Поучение, писанное полууставом конца XVIII в.
находящееся в рукописи XV в. Археографической комиссии № 240, л. 306.

(ныне в Архиве Лен. отд. Института истории АН СССР) имеет недостающие строки: „во благочестии наказанъ, чаадомъ моимъ преспеяти в добродетеляхъ, желая, се пишу поученье вамъ взлюблении". *В каком отношении находятся эти слова к оригиналу Поученья Владимира Мономаха — сказать трудно.* [65] *Исправл. Миклошича (стр. 146), в Лавр.* ому же любо. [66] *Исправл. согласно с текстом псалма. в Лавр.* упоза. [67] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* бурющися. [68] *Исправл. Миклошича согласно с текстом псалма, в Лавр.* яко. [69] *Добавл. Карским (изд. Лавр. лет., стр. 243).* [70] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* благочестно. [71] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* любо. [72] *Добавл. по смыслу.* [73] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* яже. [74] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и. [75] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* придавайте. [76] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* погубляете [77] *Здесь возможно пропуск.* [78] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* честны. [79] *Поправка Ивакина, в Лавр.* и. [80] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* всего. [81] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* мо. [82] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* и. [83] *Добавл. Погодиным.* [84] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* Скордятичемъ. [85] *Вставлено по догадке.* [86] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* ожгоша. [87] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* избиша. [88] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* яша. [89] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и по Святополцѣ, на Сулѣ бившеся съ половци до вечера, быхом... [90] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* Глѣбови. [91] *Здесь в средине страницы пергамен прорван, от слова* граблю *уцелел слог* лю, *а о слова* съжаливьси — жаливъси. [92] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* своего. [93] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* внидохом. [94] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* избиша и. [95] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* поимаша. [96] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и с половець и читѣевичи. [97] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* И се нынѣ иду Ростову. [98] *Пропуск? значение текста не ясно.* [99] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* Апою.

XVI,[1] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* в воину. [2] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* очитивше. [3] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* нестишь. [4] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* Овчины. [5] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* Славлий. [6] *Здесь в середине листа прорван пергамен, дописывается по догадке.* [7] *Дописывается по догадке.* [8] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* иже. [9] *Исправл. Ивакина (Миклошич предлагает* по Роси*), в Лавр.* по Рови. [10] *Исправл. в Лавр.* емь. [11] *Поправка Миклошича, в Лавр.* но. [12] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* отче. [13] *Отсюда начинается Письмо Мономаха к Олегу.* [14] *Добавл. из псалма CXXXII, 1.* [15] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* дѣтех. [16] *Исправл.; в Лавр.* хоче. [17] *В Лавр.* сваживаживает. [18] *Исправл. (ср. ниже* послушахъ сына своего*), в Лавр.* твой. [19] *Исправл.; в Лавр.* мужьство. [20] *Исправл., в Лавр.* погуби. [21] *Добавл. Миклошичем.* [22] *Исправл., в Лавр.* поротѣ. [23] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* свои. [24] *Добавл. по смыслу.* [25] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* створи. [26] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* словомь. [27] *Исправл., в Лавр.* да не. [28] *Исправл. Миклошича,*

в Лавр. дѣти отци наших. [29] *Добавл. Миклошичем.* [30] *Исправл., в Лавр.* десять. [31] *Исправл. Миклошича, Лавр.* же. [32] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* своего. [33] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* ли. [34] *Может быть пропуск.* [35] *Исправл. Ивакина (Миклошич предложил* мила ся дѣюща, *Соловьев, Ист. Росс., т. 2, прим. 115* — милующися*), в Лавр.* милкусяюча. [36] *На этом слове оканчивается выписка из Письма Мономаха к Олегу и далее следует отрывок молитвенного содержания.* [37] *Исправл., в Лавр.* впити. [38] *Исправл., в Лавр.* испытая. [39] *Исправл. Ивакина по Миклошичу, в Лавр.* крѣпимся, и тобѣ ся надѣем, побежаем. [40] *Исправл., в Лавр.* погружающася. [41] *Исправл., в Лавр.* всяко. [42] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* рожьшая. [43] *Исправл. по Миклошичу, в Лавр.* рожьшася. [44] *Исправл., в Лавр.* ме. [45] *Так в РА, в Лавр.* яже. [46] *Так в РА, в Лавр.* сѣдять. [47] *Так в РА, в Лавр.* нѣ есмы. [48] *Добавл. из РА.* [49] *Так в РА, в Лавр.* папа Римскый. [50] *Так в РА, в Лавр.* и взиде. [61] *Так в РА, в Лавр.* Нелфетова. [52] *Добавл. из РА.* [53] *Так в РА, в Лавр.* и. [54] *Добавл. из Р.* [55] *Так в РА, в Лавр.* огнем взяти. [56] *Так в А, в Лавр.* тривьскыя. [57] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* иже. [58] *Добавл. из РА.* [59] *Так в РА, в Лавр.* в семь Олегъ. [60] *Добавл. из Р.* [61] *Исправл. по Ип., в Лавр.* шедъ. [62] *Так в РА, в Лавр.* сдумавъ. [63] *Так в РА, в Лавр.* а Мстислав. [64] *Так в РА, в Лавр.* установився. [65] *Добавл. из РА.* [66] *Добавл. из Ип.* [67] *Добавл. из А.* [68] *Добавл. из РА.* [69] *Добавл. из РА.* [70] *Исправл. по Ип., в Лавр.*
1097 Волзѣ. [71] *Добавл. из РА.* [72] *Так в РА, в Лавр.* Давъдъ. [73] *Исправл.; в Лавр.* Изяславль. [74] *Исправл.; в Лавр.* Всеволожь. [75] *Исправл.; в Лавр.* и Святославъ. [76] *Исправл.; в Лавр.* и Василкови. [77] *Исправл.; в Лавр.* нашь. [78] *Добавл. из Ип.* [79] *Так в А, в Лавр.* словомъ. [80] *Так в РА. в Лавр.* и. [81] *Так в РА, в Лавр.* да узришь. [82] *Так в РА, в Лавр.* кияны. [83] *Так в РА, в Лавр.* а оно мнѣ цѣловавше. [84] *Так в РА, в Лавр.* товаровамъ. [85] *Исправл. по Ип., в Лавр.* хотять. [86] *Исправл., в Лавр.* рѣше. [87] *Так в РА, в Лавр.* кня. [88] *Добавл. из РА.* [89] *Исправл. по Ип., в Лавр.* увѣша. [90] *Исправл. по Ип., в Лавр.* княжи. [91] *Так в РА, в Лавр.* остря. [92] *Так в РА, в Лавр.* простерше. [93] *Так в РА, в Лавр.* попадь. [94] *Исправл.; в Лавр.* вверже. [95] *Так в РА, в Лавр.* на. [96] *Исправл. по РА, в Лавр.* сбиша. [97] *Так в РА, в Лавр.* упрѣвыи. [98] *Так в Р, в Лавр.* хоче. [99] *Так в РА, в Лавр.* Поборину.

XVII,1 *Добавл. из РА.* [2] *Так в Р, в Лавр.* побарающа. [3] *Исправл. по Хлебн., в Лавр.* целоваше. [4] *Так в РА, в Лавр.* молвилъ. [5] *Добавл. из Ип., Хлебн.* [6] *Так в РА, в Лавр.* имя. [7] *Так в РА; в Лавр.* то. [8] *Так в РА, в Лавр.* пошлю и. [9] *Так в Р, в Лавр.* хоче. [10] *Так в Р, в Лавр.* е. [11] *Так в Ип., Хлебн., в Лавр.* к тобѣ. [12] *Так в А, в Лавр.* хотях. [13] *Так в РА, в Лавр.* помослилъ. [14] *Добавл. из Ип.* [15] *Добавл. из РА.* [16] *Исправл., в Лавр.* свѣтъ. [17] *Так в РА, в Лавр.* Васалко. [18] *Так в А, в Лавр.* послаша. [19] *Так РА, в Лавр.* глаголя. [20] *В Лавр.* не вѣ ли придохомъ,

в РА мы не придохомъ. *Испр. по смыслу.* [21] *Так в РА, в Лавр.* а не.
[22] *Добавл. из Ип., Хлебн.* [23] *Так в РА, в Лавр.* дайте. [24] *Так в РА,*
в Лавр. снемши. [25] *Так в РА, в Лавр.* поиде же. [26] *Так в РА, в Лавр.*
ся. [27] *Отсюда пропуск в РА.* [28] *Исправл.; в Лавр.* свѣтъ. [29] *Исправл.*
по Ип., Хлебн.; в Лавр. цѣловаше. [30] *Добавл. из Ип.* [31] *Так в Ип., в*
Лавр. прогна. [32] *Исправл.; в Лавр.* вземше. [33] *Исправл. по Ип., в Лавр.*
Колманъ. [34] *Исправл.; в Лавр.* чинь же. [35] *Добавл. по смыслу.* [36] *Так*
в Ип., в Лавр. множецею. [37] *Добавл. из Ип.* [38] *Отсюда вновь продол-*
жаются РА. [39] *Так в РА, в Лавр.* грѣдѣ. [40] *Так в РА, в Лавр.* посту-
пиша. [41] *Так в РА, в Лавр.* вежеми. [42] *Так в Ип., Хлебн., в Лавр.* овѣм.
[43] *Так в РА, в Лавр.* Святополку. [44] *Так в РА, в Лавр.* глаголя. [45] *До-*
бавл. из РА. [46] *Так в РА, в Лавр.* приде. [47] *Исправл.; в Лавр.* нь. [48] *Так* *1100*
в РА, в Лавр. выиниде. [49] *Так в РА, в Лавр.* том же месяци. [50] *Добавл.*
из Ип. [51] *Так в РА, в Лавр.* иго. [52] *Здесь в Лавр. прорван пергамен.*
от слова зла *осталась только* а. [53] *Так в РА, в Лавр.* Остромѣ. [54] *До-*
бавл. из Р. [55] *Добавл. из РА.* [56] *Так в РА, в Лавр.* половьцскый. *1101*
[57] *Так в РА, в Лавр.* имѣлѣ. [58] *Исправл. по Ип., Хлебн., в Лавр.* нов- *1102*
горци. [59] *Так в А, в Лавр.* дугъ. [60] *Так в РА, в Лавр.* черньци. [61] *Так* *1103*
в РА, в Лавр. Володимеръ. [62] *Так в РА, в Лавр.* на смерды и погубити
ѣ. [63] *Так в РА, в Лавр.* имя. [64] *Исправл., в Лавр.* то. [65] *Так в РА,*
в Лавр. послаша. [66] *Так в РА, в Лавр.* глаголя. [67] *Так в РА, в Лавр.*
повци. [68] *Так в РА, в Лавр.* пѣши. [69] *Так в РА, в Лавр.* выше. [70] *До-*
бавл. из Р. [71] *В этом месте в Лавр. прорван пергамен, сохранились*
лишь буквы вс. [72] *Так в РА, в Лавр.* доступившо бо. [73] *Так в РА,*
в Лавр. секуща. [74] *Добавл. из РА.* [75] *Так в РА, в Лавр.* ходивши.
[76] *Так в РА, в Лавр.* повци. [77] *Так в РА, в Лавр.* поча. [78] *Добавл. из* *1107*
Никон. [79] *Так в РА, в Лавр.* имѣяше. [80] *Исправл.; в Лавр.* ноли. [81] *Так*
в РА, в Лавр. Феодосьва. [82] *Добавл. из РА.* [83] *Так в РА, в Лавр.* *1108*
Феоклистѣ. [84] *Исправл.; в Лавр.* Феоклисту. [85] *Так в РА, в Лавр.* збо-
рѣхъ. [86] *Так в РА, в Лавр.* заложенѣей. [87] *Добавл. из Хлебн.* [88] *Так* *1110*
в РА, в Лавр. се. [89] *Так в Ип., в Лавр.* лицъ. [90] *Так в РА, в Лавр.*
Ако же. [91] *Так в Р, в Лавр.* полящь. [92] *Исправл.; в Лавр.* показають.
[93] *Так в РА, в Лавр.* бо. [94] *Исправл.; в Лавр.* се. [95] *Добавл. из Ип.*
[96] *Так в Х, в Ип.* во. [97] *Исправл., в Ип.* кую. [98] *Так в Хлебн., в Ип.*
ти. [99] *Так в Хлебн., в Ип.* бличенье мое.

[XVIII,1] *Добавл. из Хлебн.* [2] *Так в Хлебн., в Ип.* лошадьку. [3] *Так в* *1111*
Хлебн., в Ип. Пслъ. [4] *Исправл. по Воскр., в Ип.* полкы. [5] *Исправл. в Ип.*
прозрѣти. [6] *Так в Хлебн., в Ип.* образомъ. [7] *Исправл. по Амартолу, в Ип.*
прогнѣваныя. [8] *Добавл. из Амартола.* [9] *Так в Хлебн., в Ип.* слава.
[10] *Так в Хлебн., в Ип.* избѣ. [11] *Исправл. по Амартолу, в Ип.* родите.
[12] *Исправл. по Амартолу, в Ип.* Аще. [13] *Исправл. по Амартолу, в Ип.*
сборники. [14] *Исправл. по Амартолу, в Ип.* от него. [15] *Добавл. из Ип-*

полита (P. A. De Lagarde. Hippolyti Romani quae reperiuntur omnia Graece B., 1858, стр. 161). [16] *Так в Хлебн., в Ип.* свѣтъ. [17] *Добавл., в Хлебн.* 1112
нет индикта. [18] *В Ип. добавл.* на, *причем* и *соскоблено; в Хлебн.* на *нет.*
[19] *Слово* жена *в Ип. соскоблено.* [20] *Так в Воскр., в Ип.* и. [21] *Исправл.* 1113
по Амартолу, в Ип. право. [22] *Исправл. по Малале; в Ип.* всажену. [23] *Ис-* 1114
правл., в Ип. предложимъ. [24] *Так в Хлебн., в Ип.* невѣгласи. [25] Мѣньску 1116
исправл. по Лавр., Воскр., в Ип. и Хлебн. Смоленьску. [26] *Исправл., в Ип.* Ольговичь. [27] *Здесь, повидимому, пропуск:* Борису и Глебу.

КОММЕНТАРИИ [1]

К стр. 9

Се повѣсти времяньных лѣтъ. Слово „времяньных" очень часто переводится „повременных". Так, в частности, понимает это слово И. И. Срезневский. Заглавие „Повести времяньных лет" переводится им следующим образом: „Рассказ повременный о прошедших годах" (см. его „Материалы для словаря древнерусского языка", т. I). Однако, как указывалось в лингвистической литературе, этот перевод не может считаться правильным. Определение „времяньных" относится не к слову „повести", а к слову „лет". „Времяньных" значит „минувших", „прошедших". Именно в таком значении это слово неоднократно употребляется в переводе Хроники Георгия Амартола. Ср.: „Начало временных царств" (в названии одного из разделов). Учитывая значение греческого текста, который лежит в основе этого места, выражение это следует перевести — „Начало прошлых царств" (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I, Пгр., 1920, стр. 9). Показания перевода Хроники Георгия Амартола особенно важны, так как исследованиями В. М. Истрина бесспорно доказана принадлежность этого перевода древнерусскому (а не болгарскому, как думали раньше) переводчику XI в. Так же точно понял значение слова

---

[1] Комментарии в первую очередь имеют целью помочь правильному пониманию текста „Повести временных лет" как исторического источника. Для этого в комментариях даются отдельные объяснения тех или иных мест, слов, выражений, указывается происхождение сведений и утверждений летописца, по возможности проверяется их точность и т. п. Кроме того, комментарии имеют целью познакомить читателя со всем тем наиболее ценным историческим материалом, который заключен в различных других списках „Повести временных лет". Для этого в комментариях приводятся с пояснениями все те места из других списков „Повести", где их текст р а с х о д и т с я с основным издаваемым текстом „Повести" по Лаврентьевской летописи или д о п о л н я е т его новыми сведениями (об этом см. подробнее „Археографический обзор", стр. 150).

„временьных“ в XVI в. и составитель так называемого Тверского сборника, переведший название „Повести временных лет“ следующим образом: „Повести древних лет“. Название „Се повести времяньных лет“ дал своему труду летописец, перерабатывавший собранный им исторический материал за прошлые годы. Составитель „Повести временных лет“ неоднократно подчеркивает и в самом тексте своего труда, что он пишет о прошлом.

откуду есть пошла Руская земля. Что разумеет здесь летописец под словами „Руская земля“? Термин этот имеет в древней Руси несколько значений, первое и основиое — „Русское государство“ (конечно — в понимании XI — XII вв.). Аналогично этому в летописи можно встретить выражения „Лядская земля“ (Польское государство), „Болгарская земля“ (Болгария), „Греческая земля“ (Византия) и т. д. Иногда „Руская земля“ означает русский народ, реже — „русское войско“ и еще реже — географические пространства, входящие в Русское государство, или области, лежащие вблизи Киева (это значение по преимуществу в летописях XII—XIII вв.). Последнее значение вряд ли здесь применимо, поскольку оно обычно встречается позднее. Значение „русского“ войска к данному случаю неприменимо. Вряд ли здесь может итти речь и о географических пространствах Руси, так как бессмысленно задаваться вопросом об их происхождении. Остается два значения: „народ“ и „государство“ Руси. Следует, однако, отметить, что оба эти значения в древнем их понимании весьма близки. В самом деле, в тех случаях, когда летописец применяет термин „Руская земля“ к русскому народу, последний рассматривается им почти всегда как народ, объединенный государственной организацией (например в переговорах с иноземными державами, в военных столкновениях и т. п.). В противном случае летописец употребляет по большей части термины „язык“ и „племя“. Итак, в начале заглавия „Повести временных лет“ речь идет о начале Русского государства или о начале русского народа, как государственного целого. Это понимание начала заглавия „Повести временных лет“ поддерживается и дальнейшими словами, в которых ставится вопрос о начале центральной, киевской общерусской династии этого Русского государства: „кто в Киеве нача первее княжить“. На оба эти вопроса отвечает вся первая половина „Повести временных лет“. Летописец рассказывает о происхождении славянских народов, описывает их земли, отмечает происхождение их названий, происхождение славянской грамоты, отмечает различия восточнославянских (русских) племен, рассказывает о происхождении названия Русь, отмечает начало местных княжеских династий, династии общерусской (от Рюрика) и следит за постепенным ростом Русского государства. Вопросы поставлены летописцем в заглавии своего труда широко, но еще шире его ответ на них. — Подробнее о значении слов „Русь“ и „русьский“ см. стр. 238 и сл.

По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. Здесь имеются в виду легендарные события, о которых рассказывается в первой книге Библии — книге Бытия: за грехи людей бог наслал на землю потоп, предупредив единственного праведного человека Ноя, чтобы он сделал ковчег и вошел в него со своей женой, тремя сыновьями и их женами, а также взял бы с собой по семь пар „чистых" животных (т. е. жертвенных) и по одной паре нечистых. Все остальные люди и животные погибли во время потопа. Однажды после потопа, рассказывается в Библии, Ной опьянел и лежал обнаженный в шатре своем. Сын Ноя Хам посмеялся над отцом, а два других — Сим и Иафет — прикрыли отца одеждою. За это бог дал потомству Хама худшую долю (ему было суждено рабство), а потомству Сима и Иафета — лучшую. Вся земля распределилась между потомством этих трех сыновей Ноя. Но о разделении всей земли по жребию Библия не рассказывает. В основном рассказ о распределении земли между сыновьями Ноя от слов „по потопе" и до слов „межю Миды и Вавилоном", взят летописцем из Хроники Георгия Амартола, но с некоторыми сокращениями, с одной стороны (особенно в начальной части) и дополнениями, — с другой. Из дополнений к Амартолу отметим обобщение: „и яся въстокъ Симови", „Афету же яшася полунощныя страны и западныя", „Хамови же яся полуденьная страна". Особенное значение имеет вставка слова „словене" вслед за названием страны „Илюрик" (Иллирия, см. стр. 209), находящаяся в связи с представлениями летописца о том, что славяне первоначально жили в Иллирии. См. ниже под 6409 (898) г. следующее указание летописца; „ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словене первое". А. А. Шахматов полагал, что весь этот отрывок о разделении земли между сыновьями Ноя взят летописцем не непосредственно из Хроники Георгия Амартола, а из какого-то компилятивного хронографа, куда отрывок этот был внесен с некоторой переработкой. А. А. Шахматов предполагал, что этот компилятивный хронограф был составлен в Болгарии и что в его основу лег болгарский же перевод Хроники Амартола и Хроники Иоанна Малалы (см. ниже). В. М. Истрин в своем обширном исследовании неопровержимо доказал на основании анализа языка перевода Хроники Амартола, что перевод этот был сделан на Руси еще в XI в. (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. II. Пгр., 1922, стр. 268—309). Компилятивный хронограф, в который вошел перевод Хроники Амартола, В. М. Истрин условно назвал „Хронографом по великому изложению" (под „великим изложением" на Руси понимали Хронику Амартола) и предполагал, что Хронограф этот был составлен также на Руси еще в XI в. Хроника Георгия Амартола, к которой неоднократно обращались русские летописцы как к историческому источнику за сведениями по всемирной истории, была составлена в царствование императора Михаила III (862—867 гг.). О личности ее автора известно только,

что он был монах; и это дает себя чувствовать во всем изложении Хроники: автор неоднократно проявляет фанатическую нетерпимость к иконоборцам, пересыпает свой рассказ богословскими отступлениями и т. д. По форме Хроника Георгия Амартола резко отлична от русской летописи: в ней нет деления исторического материала на годовые статьи, характер изложения клерикальный и риторический. Хроника Георгия Амартола распадается на 4 книги и охватывает мировую историю от „сотворения мира" до 842 г. н. э. Вслед за Хроникой Георгия Амартола обычно помещается его продолжение, доведенное до 948г. — В этом же отрывке через тот же предполагаемый русский компилятивный хронограф отчетливо видна его связь и с Хроникой Иоанна Малалы (см. подробнее: А. А. Шахматов. „Повесть временных лет" и ее источники. Труды ОДРЛ; т. IV, Л., 1940, стр. 72). Иоанн Малала — сириец по происхождению, житель Антиохии Сирийской. Время его жизни установить точно нельзя. Написанная им хроника доходит до последних лет императора Юстиниана (до 563 г.). От Хроники Амартола Хроника Малалы отличается более светским характером. В ней уделено большое внимание древнейшей греческой („еллинской") истории, в отличие от Хроники Георгия Амартола, где большее внимание уделено византийской („римской") истории. Хроника Иоанна Малалы постоянно (хотя и в меньшей степени, чем хроника Георгия Амартола) служила русским летописцам историческим источником по всемирной истории.

Ватрь — Бактрия или Бактриана, страна между западной частью Гиндукуша и рекою Аму-дарья; граничила на севере с Согдианой. Главный город Бактра был крупным торговым центром. — Все приводимые в начале „Повести временных лет" географические сведения почерпнуты из литературных источников и относятся к значительно более древнему времени, чем сама „Повесть временных лет" (к I—VIII вв. н. э.).

и до Нирокурия. Ринокорур — торговый город на границе между Египтом и Палестиной.

Сурия — Сирия.

Кордуна. Какая страна называется здесь „Кордуной" не совсем ясно (в Хронике Амартола ей соответствует Κορδόνα). Может быть это — Кордуена в верховьях реки Тигра, на юге Армении.

Аравия Старейшая. Что имеется в виду под Аравией Старейшей, не ясно. Возможно, что это — область Ἀραβάρχης, арабская провинция Рима.

Елмаисъ, Инди. Что это за страны не ясно. Возможно, что здесь имеются в виду области Аравии, так как они поставлены между Аравией Старейшей и Аравией Сильной. Возможно также, что Елмаис — Элам — область севернее Персидского залива.

Аравия Силная — Аравия Счастливая (ἡ εὐδαίμων, южная часть Аравии).

Колия, Кулия или Кылисирия (в Хронике Амартола Κόιλη Συρία).

Комагини — Коммагена, область на севере древней Сирии; граничила на севере с Каппадокией, на западе с Киликией.

Ефивопья, прилежащия ко Индомъ — Эфиопия; неопределенный термин греческой и византийской географии, означавший страну к югу от Египта и другую страну в Азии. Здесь имеется в виду Эфиопия азийская.

Другая же Ефивопья, из нея же исходить рѣка ефиопьская Чермна, текущи на въстокъ. Возможно, что под рекой Чермной имеется в виду „Чермное", т. е. Красное, море. Эфиопия, указанная здесь, несомненно африканская в отличие от азийской Эфиопии, соседней „ко Индом" (о ней выше).

Фива — Фиваида, греческий город в Беотии.

Ливия — древнейшее название Африки. В более узком значении Ливия — часть северной Африки на запад от Египта, состоявшая из двух главных частей — Мармарики и Киренаики.

Куриния — Киренаика, область северной Африки, примыкавшая с запада к Ливии.

Маръмарья — Мармарика, область Африки; примыкала с востока к Киренаике.

Сурьти — Сирт, область в северной Африке; примыкала к заливам Сидра и Габес.

Ливия другая — Ливия „Океанская", из которой берет свое начало река Нил.

Нумидья, Масурия — области северной Африки на восток от Мавритании.

Мавританья противу сущи Гадирѣ. Мавритания — западная область северной Африки; „Гадирь" — на месте теперешнего Кадикса.

Киликию. Киликия — прибрежная юго-восточная область Малой Азии от Памфилийского залива до гор Аманских к востоку и до хребта Тавра к северу. Граничила на востоке с Коммагеной, на севере с Каппадокией на северо-западе с Ликаонией и на западе с Памфилией.

Памъфилию. Памфилия — узкая прибрежная полоса в южной части Малой Азии, соседившая с Писидией на севере и с Киликией на востоке.

Писидию. Писидия — область на юге Малой Азии, первоначально составлявшая одно целое с Памфилией. На востоке граничила с Ликаонией, Киликией, на юге с Памфилией, на западе с Ликией и Карией, на северо-западе и севере с Фригией.

Мисию. Мисия или Мизия, область на северо-западе Малой Азии; граничила с Лидией на юге, Фригией и Вифинией на востоке.

Луконию. Ликаония, область в средней части Малой Азии; граничила на западе с Фригией и Писидией, на юге с Киликией, на востоке с Каппадокией, на севере с Галатией.

Фругию. Фригия, область в центральной части Малой Азии, окруженная Карией, Лидией, Мизией (на западе), Вифинией (на севере), Галатией, Ликаонией (на востоке) и Писидией (на юге).

Камалию. Что следует понимать под Камалией, не ясно. В Хронике Георгия Амартола область эта названа Καβαλίαν.

Ликию. Ликия — область на юго-западе Малой Азии, на берегу Средиземного моря; на севере граничила с Карией, Писидией и Памфилией.

Карию. Кария — прибрежная область на юго-западе Малой Азии, граничившая на юге с Ликией, на востоке с Фригией, на севере с Лидией.

Лудью. Лидия, область в западной части Малой Азии; на севере граничила с Мисией, на юге — с Карией, на западе примыкала к Эгейскому морю, на востоке граничила с Фригией.

Мисию другую. Что подразумевать под „другой Мисией" — не ясно. Возможно, что под „другой Мисией" здесь разумеется страна славян на севере от Греции. Болгарию греки называли иногда Мисией.

Троаду. Троада — область на северо-западе Малой Азии; район древней Трои.

Еолиду. Еолида — область на западе малоазийского побережья, напротив острова Лесбоса.

Вифунию. Вифиния, область на северо-западе Малой Азии, примыкавшая к Черному морю на севере и граничившая на юге с Галатией.

Старую Фругию. В византийской литературе принято было различать Фригию первую и вторую. Второй Фригией, или Малой, в отличие от Великой, или Старой, называли прибрежные полосы к югу от Геллеспонта и Препонтиды.

Саръдани — Сардиния.

Арменьа Малая и Великая. В древности отличали Армению Великую — бо́льшую, восточную часть страны, граничившую с Ассирией и Ираном, и Малую — западную, между реками Галис, Евфратом и Понтийскими горами.

Кападокия — Каппадокия, область на востоке Малой Азии между Киликийским Тавром, Евфратом и рекою Галисом.

Фефлагони — Пафлагония, область на севере Малой Азии; примыкала к Черному морю, на западе граничила с Вифинией, на юге с Фригией и Каппадокией.

Галатъ. — Галатия, область Малой Азии; граничила на севере с Вифинией и Пафлагонией, на юге с Каппадокией и Ликаонией, а на западе с Фригией.

Колхисъ — Колхида, область на восточном берегу Черного моря.

Воспории — здесь Босфор Киммерийской, или Пантикапея, в области Керченского пролива.

Меоти — Меотида, район Азовского моря.

Дереви. В Хронике Георгия Амартола эта область называется Δέρβις. Что это за область (или народ) — не ясно.

К стр. 10

Саръмати — Сарматия.

Тавриани — житель Тавриды — Крыма.

Скуфиа — Скифия.

Фраци — Фракия, область в северной Греции.

Макидонья — Македония.

Далматия — Далмация, область на восточном берегу Адриатического моря.

Молоси — повидимому, молоссы, одно из племен в Фессалии.

Фесалья — Фессалия, область в северной Греции, на юге от Македонии.

Локрия — Локрида, область средней Греции.

Пелениия, яже и Полопонисъ наречеся, — Пелопоннес.

Аркадъ — Аркадия, центральная часть Пелопоннеса в Греции.

Япиронья — Эпир.

Илюрикъ — Иллирия, северо-западная прибрежная часть Балканского полуострова. Границы Иллирика — провинции Римской империи, организованной в первой половине I в. н. э., охватывали часть территории нынешней Югославии.

словѣне. Помещение славян сразу после Иллирии объясняется тем, что по представлениям летописца славяне первоначально сидели в Иллирии. См. под 898 г. в „Сказании о переложении книг на славянский язык“: „Тєм же словеньску языку учитель есть Анъдроник апостол. В Моравы бо ходил: и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словене первое“.

Лухнитиа — Лухития, Лихнития. Где она помещалась — не ясно.

Оньдрѣятиньская пучина — Адриатическое море.

Вротанию — Британию.

Сикилию — Сицилию.

Явию — остров Эвбею.

Родона — остров Родос.

Хиона — остров Хиос (против западного берега Малой Азии).

Лѣзовона — остров Лесбос.

Кофирана — Кифера, самый южный из группы Ионийских островов.

Закунфа — остров Закинф, у южной оконечности Греции.

Кефалинья — остров Кефалония, самый крупный из группы Ионийских островов Греции.

Ифакину — Итаку, один из семи Ионийских островов.

Керькуру — остров Корфу, один из Ионийских островов.

часть Асийскыя страны, нарицаемую Онию — Ионийское побережье Малой Азии.

до Понетьского моря — до Черного моря, иначе называемого в летописи морем Русским (ср. ниже: „Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское").

Кавкаисинскиа горы, рекше Угорьски — Карпаты. А. А. Шахматов считал, что „Кавкасийские" горы отожествлены летописцем с Карпатами („рекше Угорьски" — ср. под 893 г. „и устремишася чересъ горы великия, яже прозвашася горы Угорьскиа") произвольно (А. А. Шахматов. „Повесть временных лет" и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 73—74). Однако Карпаты и в XIII в. продолжали называться горами „Кавокасьскими" или „Угорьскими" (см. в Ипатьевской летописи под 1226 г.: „в горы Кавокасьския, рекше во Угорьскыя"). Кавказские же горы назывались в древней Руси — Ясскими. В тексте Хроники Малалы (см. выше, стр. 206) „Кавкасийским" горам соответствует Καυκάσιν ὄρη, но без совершенно правильного разъяснения „рекше Угорьски", принадлежащего русскому летописцу. Таким образом, никакой путаницы русский летописец в эти географические определения не внес.

чудь — эстонские племена. Существенно отметить ту роль, которую „чудь" играла в государственной жизни Руси. По летописцу чудь вместе с русскими изгоняет варягов, призывает к себе князей: это означает, что летописец не отделял Русь от чуди в государственных судьбах Русской земли. Летописец говорит об участии чуди в походе Олега на Царьград, о том, что Владимир I Святославич из чуди выводил население для южных городов. В летописи неоднократно упоминается боярин Чудин (1068, 1072, 1078 гг.), принимавший участие в составлении Правды ярославичей (см. в заголовке: „Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор кыянин,

Чюдин, Микула". В Новгороде известны Чудинцева улица, Чудинцевы ворота. Все это свидетельствует о тесных мирных связях обоих народов. О чуди — эстах — см.: Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в IX—XVI вв. Историк-марксист, 1940, № 3.

меря — древнее племя, жившее в районе Ростова Великого.

мурома — одно из древних племен, населявших север Руси. След названия этого племени сохранился в названии города Мурома.

весь — одно из древних племен, населявших север Руси.

заволочьская чюдь. „Заволочьская", т. е. живущая к северу от Волока. Под заволочской чудью, очевидно, имелось в виду несколько племен.

пермь, печера — одни из предков современного народа коми.

ямь — финны (тавасты).

угра — предки народов манси и хантов.

зимѣгола — одно из балтийских племен, жившее к юго-западу от нижнего течения Западной Двины.

корсь — одно из балтийских племен, жившее к западу от нижнего течения Западной Двины.

лѣтьгола — одно из балтийских племен, жившее к северо-востоку от нижнего течения Западной Двины.

любь — ливы, племя, населявшее побережье Рижского залива около устья Западной Двины к северо-востоку.

пруси — пруссы, первоначальное население Пруссии.

По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова. Следовательно, с точки зрения киевского летописца Балтийское (Варяжское) море огибает Европу с севера и доходит на восток до стран семитических народов. Любопытно, что такие же представления о расположении Балтийского моря существовали и у арабских географов (Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 15). — Русские называли скандинавские народы варягами. В скандинавских странах варягами (varringar) назывались скандинавские и англосаксонские дружины на службе у византийского императора. Этимология этого слова точно не выяснена. Как предполагают некоторые исследователи, термин этот был распространен в России, откуда перешел и к грекам (Βαράγγοι).

до землѣ Агнянски — английской.

и до Волошьски. Предполагали, что под волохами следует подразумевать жителей Нормандии (valland — скандинавских источников) или римлян, покоривших Дакию, или франков при Карле Великом. Кто такие эти „волохи", остается неясным и до сих пор.

свеи — шведы.

урмане — норманны.

готе — жители острова Готланда на Балтийском море.

Русь — А. А. Шахматов и некоторые другие исследователи считают, что в перечень народов Русь вставлена позднейшим летописцем — тем, который создал легенду о варяжском происхождении Руси. Об этом см. примечание на стр. 238 и сл.

агняне — англы и покорившие их в 1066 г. норманны.

галичане. Точного ответа на вопрос, кто такие эти „галичане", еще не найдено. По мнению С. М. Соловьева, „галичане" — жители Уэльса (pays des Gals), другие считают их галлами (жителями Галлии), третьи — жителями Галисии в Испании.

корлязи — в них предполагают немцев, подчиненных каролингам (династии, берущей свое начало от Карла Великого). Возможно, что следует читать „немци корлязи", не отделяя запятой друг от друга эти два слова.

веньдици — венецианцы.

фрягове — генуезцы.

Сим же и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень... Историческим источником всего этого рассказа о Вавилонском столпотворении до слов „и лета многа храним останокъ" послужил предполагаемый, но не дошедший до нас русский компилятивный хронограф. В основу же рассказа о разделении земли в русском компилятивном хронографе лег соответствующий рассказ Хроники Георгия Амартола, ио с изменениями. В частности, в Хронике Георгия Амартола нет первых строк этого рассказа: „разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же в жребий братень, и живяхо кождо в своей части. Бысть язык един. И умножившемъся человеком на земли". Не исключена возможность, что строки эти вставлены летописцем с целью поучения князьям — своим современникам. Ср. аналогичные высказывания летописца под 1054 г.: „И тако раздели им грады (Ярослав), заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити"; под 1073 г.: „не добро бо есть преступати предела чюжего", и др.

и раздѣли на 70 и 2 языка. Полный перечень всех этих 72 народов читается в русской Толковой Палее. Повидимому, „Повесть временных лет" и Толковая Палея имели в данном случае общий источник.

и въ ширину локоть 5433. Локоть — мера длины. В ее основе лежит расстояние от локтевого сгиба до вытянутого среднего пальца. Исходя из данных „Хождения" игумена Даниила XII в., можно считать локоть равным 46 сантиметрам (Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 22; Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. Исторические записки, № 19, 1946, стр. 301).

К стр. 11

нарци, еже суть словѣне. Нарци, или норики — жители Норика, древней провинции Римской империи по течению Дуная. В VI в. здесь уже жили славяне. Поэтому, очевидно, а может быть и вследствие какого-либо предания, норики и были отожествлены на Руси со славянами. В перечислении 72 народов в русской Толковой Палее против наименований некоторых народов даны разъяснения: „авер“ — „иже суть обези“, „руми, иже зовуться греци“, также и „норици, иже суть словени“. Повидимому, „Повесть временных лет“ и Толковая Палея в данном случае имели какой-то общий русский источник. В греческой хронике Синкелла дается список народов, довольно близкий к перечню Толковой Палеи; в этом списке на месте нориков Толковой Палеи значатся какие-то ῥηγῖνες (А. А. Шахматов. „Повесть временных лет“ и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 75); во всяком случае, греческие исторические сочинения никаких отожествлений со славянами в своих перечнях народов не делают. Отожествление это принадлежит какому-то русскому автору. Обстоятельную научную аргументацию в пользу этого отожествления см. в статье С. П. Толстова: „Нарцы“ и „Волхи“ на Дунае. Советская этнография, 1948, № 2.

хровате бѣлии. Византийский историк X в. Константин Багрянородный утверждает, что крещеные хорваты, живущие в Далмации, происходят от некрещеных хорватов, именуемых белыми. Страну этих белых хорватов Константин Багрянородный не совсем точно определяет где-то в соседстве с Баварией и Венгрией недалеко от Вислы. Под 993 г. в „Повести временных лет“ говорится о походе Владимира I Святославича на хорватов, повидимому, этих — „белых“.

хорутане — словенцы.

Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския. Шафарик предполагал, что речь здесь идет о движении кельтов в IV в. до н. э. Д. Иловайский, И. Забелин, В. Ключевский и др. предполагали, что здесь имеется в виду поход римлян императора Траяна (II век н. э.) на даков. Оба предположения шатки. Так же мало вероятно и отожествление волохов с франками при Карле Великом. Повидимому, сам летописец, пользовавшийся какими-то смутными народными преданиями, имел неясные представления на этот счет. С. П. Толстов видит в волхах кельтов („Нарцы“ и „Волхи“ на Дунае. Советская этнография, 1948, № 2).

а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне. Эти западнославянские племена жили в бассейне Вислы и Одера. На севере к западу от Одера жили бодричи и лютичи, к востоку до Вислы — поморяне; на востоке — куявы и мазовшане; в центре — великополяне; на юго-западе — силезцы; на юго-востоке — белые хорваты; на юге — малополяне.

а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи. Е. Ф. Карский (Белорусы, стр. 68—69) производит название дреговичи от слова „драгва“ или „дрегва“ — трясина. Дреговичи, следовательно, по Карскому — жители трясин, как поляне — жители полей, древляне — леса. Этимология эта, впрочем, не очень убедительна. — Область дреговичей, указываемая здесь „Повестью временных лет“, — огромна. Можно думать, что дреговичи занимали не всю территорию между Припетью и Двиною, а только часть ее. Повидимому, летописец указал не точные границы земли дреговичей, а лишь приблизительный район ее расположения. В этом же районе жило русское племя кривичей, литовские племена и др.

Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и̓ Новьгородъ. После этих слов в некоторых поздних летописях читается: „и посадиша старейшину Гостомысла“ (Новгородская четвертая летопись, Софийские, Хронограф, Ермолинская, Львовская, Никоновская и др.). Это добавление проникло в летописи XV—XVI вв. из новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. А. А. Шахматов предполагал, что это известие о Гостомысле восходит к новгородскому своду 1167 г. (Разыскания . . ., стр. 233); самое существование этого свода вызывает, однако, сомнения (Д. Лихачев. „Софийский временник“ и новгородский политический переворот 1136 года. Исторические записки, № 25, М., 1948, стр. 251 и сл.). Тем не менее, возможно, что известие поздних летописей о Гостомысле весьма древнее. В Воскресенской летописи рассказ о водворении словен в Новгороде выделен в особую статью с отдельным заголовком: „О великом Новеграде и о Руси. И пришедше словене с Дуная и седше у езера Ладожьскаго, и оттоле прииде и седоша около озера Илменя, и прозвашася иным именем, и нарекошася Русь рекы ради Руссы, иже впадоша во езеро Илмень; и умножився им, и соделаша град и нарекоша Новград, и посадиша старейшину Гостомысла; а друзии седоша по Десне, и по Семе, и по Суле, и нарекошася Севере. И тако разыдеся словеньский язык; тем и грамота прозвася словеньскаа“.

и по Семи. Сейм — левый приток Десны.

и по Сулѣ. Сула — левый приток Днепра. Район по реке Суле назывался Посулие.

И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская. Эту фразу А. А. Шахматов считает взятой составителем „Повести временных лет“ из помещенного дальше под 898 г. „Сказания о преложении книг на славянский язык“. Вторая часть этой фразы не стоит во внутренней связи с первой ее частью и близко напоминает следующую фразу из „Сказания“: „Сим бо первое преложены книги, мораве, яже прозвася грамота словеньская“. Кроме того, фраза эта мало уместна здесь во введении, но уместна в „Сказании о преложении книг на славянский язык“

(Труды ОДРЛ, т. IV, 193?, стр. 81). Предположение А. А. Шахматова не лишено оснований: летописец не только включил в свой текст „Сказание", но неоднократно пользуется им как историческим источником и в других местах своей летописи.

бѣ путь изъ Варягъ въ Греки. Путь этот, описанный в летописи, описан и у Константина Багрянородного — византийского императора (905—959 гг.) и историка — в его сочинении „Об управлении государством" в девятой главе, носящей название „О руссах, приезжающих из России на однодеревках в Константинополь". Вот этот рассказ: „Однодеревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси (что здесь разумеется под „внешнею Русью", не ясно, — *Д. Л.*), идут из Невогарды (Новгорода, — *Д. Л.*), в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски (Смоленска, — *Д. Л.*), из Телюцы (Любеча, — *Д. Л.*), Черниготи Чернигова, — *Д. Л.*) и из Вышеграда (Вышгорода, — *Д. Л.*). Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата. Данники их славяне, называемые кривитейнами (кривичами, — *Д. Л.*) и лензанинами (возможно лучане, — *Д. Л.*), и прочие славяне рубят однодеревки в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с открытием времени (плавания), когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как они (озера) впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают руссам. Руссы, покупая лишь самые колоды, расснащивают старые однодеревки, берут из них весла, уключины и прочие снасти и оснащают новые. В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витичев, подвластную Руси крепость. Подождав там два-три дня, пока подойдут все однодеревки, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру. Прежде всего они приходят к первому порогу, называемому Эссупи, что по-русски и по-славянски значит «не спи». Этот порог настолько узок, что не превышает ширины цикнистирия (дворцового ипподрома, — *Д. Л.*); посредине его выступают обрывистые и высокие скалы наподобие островков. Стремясь к ним и поднимаясь, а оттуда свергаясь вниз, вода производит сильный шум и [внушает] страх. Посему руссы не осмеливаются проходить среди этих островов, но, причалив вблизи и высадив людей на сушу, а вещи оставив в однодеревках, после этого нагие ощупывают ногами дно, чтобы не натолкнуться на какой-нибудь камень; при этом одни толкают шестами нос лодки, а другие — средину, третьи — корму. Таким образом, они со всеми предосторожностями проходят этот первый порог по изгибу речного берега. Пройдя этот порог, они опять, приняв с берега остальных, отплывают и достигают другого порога, называемого по-русски Улворси, а по-славянски Островунипраг, что значит «остров порога». И этот порог подобен первому, тяжел и труден для переправы. Они опять высаживают людей и переправляют однодеревки, как прежде.

Подобным же образом проходят и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски значит «шум порога». Затем так же [проходят] четвертый порог, большой, называемый по-русски Аифор, а по-славянски Неясыть, потому что в камнях порога гнездятся совы. На этом пороге все ладьи причаливают к земле носами вперед, отряженные люди сходят держать с ними стражу и уходят; они неусыпно держат стражу из-за печенегов. Остальные, выбрав поклажу, находившуюся в однодеревках, и рабов в цепях, переводят их сухим путем 6 миль, пока не пройдут порога. Затем одни тащат свои однодеревки волоком, другие несут на плечах, и таким образом переправляют на другую сторону порога, спускают их там в реку, грузят поклажу, входят сами и продолжают плавание. Прибыв к пятому порогу, называемому по-русски Варуфорос, а по-славянски Вульнипраг, потому что он образует большую заводь, и опять переправив однодеревки по изгибам реки, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, по-русски называемого Леанти, а по-славянски Веруци, что значит «бурление воды», и проходят его таким же образом. От него плывут к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Напрези, что значит «малый порог» и приходят к так называемой Крарийской переправе (современный Кичкасский перевоз, — *Д. Л.*), где херсониты переправляются на пути из Руси, а печенеги — в Херсон. Эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому, а вышиною от его низа до того места, где сидят союзники, так что долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему печенеги приходят и на это место и нападают на руссов. Пройдя это место, они достигают острова, называемого св. Григорием (остров Хортица, — *Д. Л.*), и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные [приносят] куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай. Насчет петухов они бросают жребий, — зарезать ли их [в жертву], или съесть, или пустить живыми. От этого острова руссы уже не боятся печенега, пока не достигнут реки Селины. Затем, двинувшись от этого острова, они плывут около четырех дней, пока не достигнут лимана, составляющего устье реки; в нем есть остров св. Эферия (остров Березань, — *Д. Л.*). Пристав к этому острову, они отдыхают там два-три дня и опять снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами, мачтами и реями, которые привозят с собою. А так как этот лиман, как сказано, составляет устье реки и доходит до моря, а со стороны моря лежит остров св. Эферия, то они оттуда уходят к реке Днестру и, благополучно достигнув ее, снова отдыхают. Когда наступит благоприятная погода, они, отчалив, приходят к реке, называемой Белою, и, отдохнувши там подобным образом, снова двигаются в путь и приходят к Селине, так называемому ответвлению [рукаву] реки Дуная. Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут пече-

неги. И если море, что часто бывает, выбросит однодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостать печенегам. От Селины они никого уже не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная. От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию по реке Варне, от Варны приходят к реке Дичине, — все эти места находятся в Булгарии, — от Дичины достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание". (Константин Багрянородный. Об управлении государством. Известия ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 8—10).

в озеро великое Нево. Озеро Нево — Ладожское озеро. Это последнее свое название озеро Нево получило по русскому городу Ладоге (теперь Старая Ладога), стоявшему на Волхове недалеко от его впадения в озеро Нево.

того озера внидеть устье в море Варяжьское. Короткая и полноводная река Нева определена здесь как „устье" озера Нево. Нет оснований видеть здесь незнакомство летописца с русским севером, как это предполагали некоторые исследователи. Само название реки Нева, идентичное с названием озера Нево (позднее Ладожского), свидетельствует о том, что река эта исконно считалась в древности частью озера Нево — его „устьем". Нева и в самом деле является в большей мере „протоком" или „устьем", чем рекой в собственном смысле этого слова.

из Оковьскаго лѣса. Судя по этому описанию Руси в „Повести", Оковьский лес находился на водоразделе рек Днепра и Волги, т. е. в районе Валдайской возвышенности. Возможно, что это старое название Оковьского леса отразилось в названии села Оковцы недалеко от Осташкова (указание Л. Майкова: Заметки по географии древней Руси. СПб., 1874, стр. 35).

К стр. 12

Тѣм же и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы. Под болгарами здесь разумеются волжские болгары, „Хвалисы" же — древнерусское название Хорезма (арабск. Хуваризм: отсюда и „Хвалисьское море"): древнее массагетско-аланское объединение в низовьях Аму-дарьи, с которыми русские поддерживали отношения в X в. и позднее до нашествия Чингиз-хана. Весьма тесными были отношения хорезмийцев и с волжскими болгарами, издавна принявшими ислам (С. П Толстов. Из предистории Руси. Советская этнография, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 57). Волжские болгары жили на Волге у Камы и по нижнему течению Камы.

Подробнее о них см.: Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X веках. Исторические записки, № 14, М.—Л., 1945.

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь... Рассказ о посещении Русской земли апостолом Андреем, хотя и не соответствует действительности, не может, однако, считаться выдумкою русского летописца. Отметим, что миссия апостола Андрея в Синопию и в Корсунь известна по греческим „деяниям" апостола Андрея (она входит в описание последнего — третьего — его путешествия). В Византии в XI в. было распространено убеждение, что Андрей посетил Русскую землю. В частности, византийский император Михаил VII Дука писал Всеволоду Ярославичу (отцу Владимира Мономаха), что одни и те же самовидцы евангельской проповеди провозгласили христианство у обоих народов (В. Г. Васильевский, Труды, т. II, ч. 1, СПб., 1909, стр. 49—50). Отметим особое почитание апостола Андрея как раз у этого Всеволода Ярославича и его потомства: в 1086 г. Всеволод закладывает в Киеве церковь апостола Андрея и в ней постригается его дочь Янка; в 1090 г. закладывается в Переяславле другая церковь апостола Андрея; имя Андрея носили сын и внук Владимира Мономаха — Андрей Добрый и Андрей Боголюбский. В связи с этим некоторые исследователи предполагали, что легенда об апостоле Андрее попала в летопись сравнительно поздно — в конце XI в. или в начале XII в., когда почитание Андрея особенно распространилось в семье Мономаха. Во включении этой легенды в „Повесть временных лет" видят даже особую „мономашью" тенденцию ее составителя. Действительно, легенда эта была включена в одну из первых двух редакций „Повести временных лет" и отсутствовала в предшествовавшем „Повести временных лет" Начальном своде (ее нет в Новгородской первой летописи, где этот Начальный свод отразился — см. статью, стр. 163). Однако летописец вряд ли включил ее потому только, что об апостоле Андрее было сообщено Всеволоду из Византии. В самом деле, в основе рассказа о посещении апостолом Андреем Руси лежит фольклорное предание. Оно отнюдь не похоже на книжный рассказ; в нем чувствуется народная шутка, местный колорит. Вместе с тем это предание южное (шутка по поводу северных новгородских бань), точнее северночерноморское, так как культ апостола Андрея, сопровождаемый различными рассказами о его „хождениях", был здесь особенно развит (см., например, книгу С. Петровского „Сказания об апостольской проповеди по северовосточному побережью Черного моря". Одесса, 1898, гл. VI, стр. 296 и сл.). Рассказ о новгородских банях приобрел уже в XVI в. популярность анекдота за русскими пределами. Дионисий Фабриций (католический писатель XVI в.) рассказывает, как братия монастыря Фалькенау под Дерптом (Юрьевом, ныне Тарту) домогалась увеличения доходов от папы, указывая на строгий „аскетический" режим монастырской жизни: каждую субботу братья натапливают помещение, бичуют себя прутьями и обли-

ваются холодной водой. Папа прислал посланца для проверки. Посланец этот едва убежал из монастыря и, прибыв в Рим, рассказывал о необыкновенных, аскетических нравах монахов.

въ Синопии. Синоп — греческая колония на южном берегу Черного моря, впоследствии крупный политический центр Византийской империи.

Корсунь — древнерусское название греческой колонии Херсонес в Крыму, к юго-западу от нынешнего Севастополя. Постоянные политические, торговые, культурные и религиозные связи Руси с Корсунем зарегистрированы многочисленными фактами для IX—XIII вв.

квасомь уснияныммь. Здесь имеется в виду „квас" для выделки кожи. „Усмие", „усние" — кожа. Для дубления кожи существовал и специальный термин „квасить усние". Употреблялся ли этот состав (может быть в растворе) действительно в новгородских банях, или это лишь шутка летописца — сказать трудно.

Полем же живше̂мъ особѣ. Аналогичные слова читаются выше перед легендой об апостоле Андрее и тесно с ним связанным географическим описанием Руси: „поляном же живишим особе". Повторение этих слов служит одним из признаков того, что легенда об апостоле Андрее с примыкающим к нему описанием Руси вставлена в более древний текст. Слова эти повторены для того, чтобы восстановить нарушенное связное течение повествования (аналогичные повторения слов в случаях несомненных вставок встречаем и в других местах летописи). То, что легенда об апостоле Андрее, посетившем Русь, относительно поздняя, явствует из того, что она отсутствует в более древнем, чем „Повесть временных лет", начальном тексте Новгородской первой летописи (см. выше, стр. 52). Кроме того, она обнаруживает некоторые противоречия с древнейшей частью „Повести временных лет" [ср. под 983 г.: „сде бо (т. е. на Руси) не суть апостоли учили" или под 988 г.: „сде не суть ученья апостольска"].

владѣюще кождо родомъ своимъ. Термин „род" очень неопределенен в летописи, что указывает на то, что родовой строй у восточных славян мог быть наблюдаем во времена летописца только в качестве пережиточных остатков (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 71 и сл.). В данном случае слово „род" означает, повидимому, княжескую династию. Следовательно, это место летописи следует понимать в том смысле, что поляне управлялись своими собственными княжескими династиями до того, как у них появились „сея братья" — Кий, Щек и Хорив. По смерти же Кия, Щека и Хорива управление полянами перешло к их „роду", т. е. к их (Кия, Щека и Хорива) единой княжеской династии (см. ч. I, стр. 13: „и по сих братьи держати почаша род их княженье в полях"), у древлян же была своя династия, у дреговичей своя, у словен в Новгороде своя и у полочан своя. Впрочем, в рассказе о трех мщениях Ольги под 945 г. у дре-

влян отмечена летописцем множественность князей („наши князи добри суть“).

И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ... Перед нами в рассказе об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом — народное предание, записанное летописцем. Таких народных исторических преданий, связанных с определенными местностями, городами, могильными насыпями, народная память знала немало. Это были предания, рассказывавшие главным образом о начале, о возникновении того или иного города, селения или исторического явления (о начале княжеского рода, Русского государства и т. д.). Народная память в Новгороде и Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. Сами по себе эти местные предания охватывали единой сетью всю Русскую землю, объединяя ее историческое прошлое. Так, например, с воспоминаниями о княгине Ольге были связаны многочисленные урочища, погосты, перевесища (места для ловли птиц) по Днепру и Десне, а на севере по Мсте и Луге. Об Ольге помнили в Пскове, где стояли ее сани. Таким образом, „местные“ по своему приурочению народные предания были по существу общерусскими. Они хранили рассказы об общерусских героях, о первых русских князьях, „трудом своим великим“ собиравших Русскую землю. Предание о Кие, Щеке и Хориве было также не только местным, киевским, но в известной мере общерусским: даже вне пределов Руси, на далеком Дунае местные жители указывали город Киевец, основанный Кием. Предание о Кие, Щеке и Хориве ярко свидетельствует об интересе русского народа к своей истории еще в дописьменный период. Эта легенда имеет не только узко местный, но и общерусский интерес. К какому времени может относиться это записанное в летописи народное предание? Армянский историк VII в. н. э. Зеноб Глак рассказывает об основании Куара (Киева) в стране полуни (полян) Куаром, Ментеем и Хереаном. Этот рассказ мог быть занесен в Армению теми славянскими дружинами, которые в VII в. совместно с хазарами воевали в Закавказье. Могли эти легенды перейти и через славянские поселения, которые с отдаленных времен существовали на Северном Кавказе в устье Кубани. Отсюда ясно, что предание это, во всяком случае, уже существовало в VII в. н. э. Как показали раскопки М. К. Каргера в Киеве, в этом предании летописи о Кие, Щеке и Хориве есть элемент исторической правды: на месте Киева до конца X в. существовали три древнейших поселения, затем слившихся (М. К. Каргер. Дофеодальный период Киева по археологическим данным. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, в. I, 1939). В связи с этими данными исследований

М. К. Каргера уместно поставить вопрос: не отражают ли и другие предания, записанные в летописях о братьях-родоначальниках (Радиме и Вятке, Рюрике, Синеусе и Труворе), легендарного осмысления реального союза или слияния племен в единое государственное целое: союз двух племен мог повести к созданию легенды о том, что родоначальники этих племен были братьями. Перед нами, возможно, историческое предание, обладающее отчетливой политической функцией. Как и во многих других случаях, народное предание не только под пером летописца получает политическое звучание, но обладает им уже с самого начала. Политическая функция народных преданий, вошедших в летопись, до сих пор не изучена.

Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ. Боричев подъем соединял центральную часть Киева, расположенную на горе, с Подолом. Топографию Киева летописец дает весьма точно (ср. ниже под 945 г. описание древнего Киева в рассказе о первой мести Ольги).

К стр. 13

от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне. В Новгородской первой летописи (младшего извода) здесь вместо „поляне" стоит слово „кыяне", а затем, вслед за вышеприведенными словами, следует фраза: „бяху же погане, жруще озером и кладязем и рощением, яко же прочии погани". В. Л. Комарович предполагал, что рассказ о Кие, Щеке и Хориве был культовым преданием о почитавшихся полянами пращурах. Именно поэтому рассказ о них заканчивался в Начальном своде (откуда он в Новгородской первой летописи) полемическим выпадом против язычества. Сходным осудительным указанием летописца на язычество заканчивается и рассказ об Олеге („и прозваша Олга вещий: бяху бо людие погани и невеголоси").

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ... Отсюда ясно, что народные исторические предания имели разные варианты в передаче исторических сведений. Так, например, одни называли Олега князем, другие — воеводой Игоря; одни утверждали, что Олег сел в Новгороде, другие — в Ладоге; одни передавали, что Олег умер в Киеве, другие — в Ладоге; одни говорили, что Владимир крестился в Киеве, другие — в Василеве, третьи — в Корсуни и т. п. Замечательно, однако, что летописец входит в обсуждение того, какой из рассказов следует предпочесть. Как в данном случае, так и в других перед нами ярко выступает критическое, активное отношение летописца к сообщаемым им сведениям.

Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду. Что имеет в виду летописец под термином „ходил" — поход ли на Царьград или мирное путешествие, вроде поездки Ольги? Ответ на этот вопрос стре-

мится дать поздняя Никоновская летопись (XVI в.), пользовавшаяся, однако, какими-то не дошедшими до нас летописными списками весьма древнего происхождения, например летописью ростовскою. Никоновская летопись добавляет к этим словам „с силою ратью“. К следующей затем фразе „но се Кий княжаше в роде своемь“ в Никоновской летописи добавлено: „и воеваше многы страны“. Несколько ниже, после слов „еже и доныне наричють дунайци городище Киевець“, в Никоновской летописи стоит: „Таже на волжския и камския болгары ходив, и победи“.

Кий... приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ... еже и донынѣ наречють дунайци городище Киевець. По поводу этого места летописи Б. А. Рыбаков пишет: „Летописная легенда (которую можно приурочить к VI в.), говоря о деятельности Кия, сообщает о его попытках основать город на Дунае. Возможно, что ряд названий дунайских городов, которые, по традиции, еще в XIV в. причислялись к русским (в поздних летописях), произошел от одноименных им антских городов Приднепровья. Таковы Переяслав Русский близ Днепра и Преслав на юг от Дуная, или Переяславец на самом Дунае, таковы Киев на Днепре и Киевец на Дунае“ (Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12, стр. 78).

их же градъ есть Смоленскъ. В Летописце Переяславля Суздальского к этим словам добавлено: „3 [третий] град есть се от них създан“.

а на Клещинѣ озерѣ — на Переяславском озере (Переяславля Залесского — на северо-востоке Руси).

бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне. Значение этих слов проясняет добавление, читающееся в Тверской летописи, — „прозвашася“ (Тверская летопись использовала в своем составе в начальной части весьма древний и исправный текст Новгородской первой летописи). Отсюда ясно, что в этом известии „Повести временных лет“ говорится о том, что бужане сменили свое племенное название на название политическое — волыняне (по политическому центру их области — городу Волыни; ср. аналогичную смену названия племени „словене“ на название „новгородцы“). Замена старых племенных названий политическими (волыняне, новгородцы, владимирцы и т. д.) свидетельствует, очевидно, о том, что начали складываться нового типа политические союзы вместо родовых. Третьим названием бужан-волынян было, очевидно, дулебы. Ср. ниже в летописи: „дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне“. Арабский историк X в. Масуди знает племя „валинана“ и племя „дулебов“. Мощное политическое объединение дулебов образовалось в VI—VII вв. в борьбе с аварами („обрами“ — см. ниже, стр. 224). Нашествие аваров в VII в. разрушило политический союз дулебов-волынян (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 437—438).

литва. Здесь в Летописце Переяславля Суздальского добавление: „испръва исконнии даннници и конокръмци“.

норома — нарова, нерома и т. д.: в разных летописях она названа поразному. Какое племя разумеется под этим названием, не ясно.

К стр. 14

от скуфъ, рекше от козаръ. Произвольное отожествление скифов с хазарами сделано было еще в Хронике Георгия Амартола: „тако же и Асиею и Европиею и Скуфиею рекше козары“ (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I. Пгр., 1920, стр. 36; ср. стр. 318 и 529). Акад. Б. Д. Греков дает следующую характеристику хазар и хазарского каганата. „В VI—VIII вв. н. э. степи, простирающиеся от Каспийского и Аральского морей до Монголии включительно, заняты были кочевыми тюркскими народами, которые образовали обширное тюркское государство, распавшееся постепенно на ряд независимых кочевых владений. Одно из них — на территории от Нижней Волги до Днепра с захватом Северного Кавказа известно было под именем Хазарского и до X в. играло крупную роль в политической жизни юго-восточной Европы. Ведя полукочевое, полуоседлое хозяйство, население этого государства втянуто было в большую, по тому времени, торговлю, в которой принимали участие купцы как местного происхождения, так и приезжие с Кавказа, из Средней Азии, Ирана, с одной стороны, и Киевской Руси, Новгородского края — с другой. Производилась торговля мехами, воском, кожами, идущими из районов Камы и более северных мест, в обмен на ткани и оружие из областей Кавказа и стран Азии. Торговля шла главным образом речным путем, по Волге. На территории государства хазар находилось много городов. Главными из них считались Семендер и позднее — Итиль, развалины которого, если только они сохранились, надо искать где-то около современной Астрахани. На Дону стояла хазарская крепость Саркел. Хазарское государство было многоплеменным: в его состав входили болгары, тюрки, славяне, евреи и др. Славян здесь было много. С X в. особенно энергично стали проникать сюда славяне из Киевского государства в связи с победоносными походами на хазар киевского князя Святослава. В XI в. Саркел стал, во всяком случае, городом преимущественно со славянским населением. Арабский ученый XI в. ал-Бекри (ум. в 1094 г.) пишет, что хазары из-за смешения со славянами говорили по славянски наравне с другими народами севера... В первой половине VIII в. хазары были вытеснены арабами из Закавказья. Это большое многоплеменное государство не всегда имело достаточно средств для того, чтобы держать в повиновении покоренные им народы и защищать свои владения от нападения соседей. Иногда за

помощью оно обращалось к Византии. В X в. начинается распад этого государства" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 433—434). Среди хазар была распространена иудейская религия. В рассказе „Повести временных лет" об испытании вер Владимиром хазары выступают как представители иудейской религии. О хазарах см.: М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия Отд. истории и философии АН СССР, 1946, № 5.

Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску. Белые угры — хазары; черные угры — мадьяры (венгры). Здесь неправильно приписано покорение славянской земли белым уграм. В статье 898 г. покорение славян приписывается правильно — черным уграм.

Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Эти сведения почерпнуты летописцем из Хроники Георгия Амартола, где читаем: „пакы Хоздрой нечестивый посла етера князя на грекы... Царь же Ираклий ... на персы исполчися, еще же призвавъ угры на помощь" (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I, Пгр., 1920, стр. 434). Правление императора Ираклия (610—641 гг.) отмечено постоянными войнами с Ираном. В 626 г. Ираклию удалось заключить союз с хазарами („белые угры", см. выше) против „Хоздроя" (Хосрова II Первиза — 590—628 гг. н. э.).

Въ си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. „Обри" — авары — кочевой народ тюркского происхождения; в VI в. авары перешли из Средней Азии в Европу (первое известие о них относится к 558 г. н. э.). Приведенное сведение об аварах почерпнуто летописцем в Хронике Георгия Амартола. Ср.: „Тогда и обри придоша к цареви мира просить с лестию. Их проуготование прият в Ираклии сътвори слом, ту покояшеть а҃. Си же, злое в сердци своемь имуще, к своим сродником послаша весть: «Скоро грядите, се бо царь богат у нас есть». Онем же сверепом бесом никако ж ослабивше, на земли ту придоша. Приобретаниемь человеколюбивому богу, спасающу правыа сердцем, одва в Узантию възвратився, царь приде. Они же, гнавше по нем далече и не състигше, все богатство его взяша й, на Фракисъ нагнавше, пленишя мужь и жен тысящь 70. И тако възвратишяся в свояси" (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I. Пгр., 1920, стр. 434). Имеется в виду нападение аваров и славян на Византию в 626 г. — В греческом тексте слову „обри" соответствует οἱ ἄβαροι. Название „обри" — русское; в сербском переводе Хроники Амартола — „авари".

Си же обри воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы. Некоторые исследователи (А. Е. Пресняков и др.) считают, что здесь идет речь

о чешских дудлебах, а не о русских дулебах и что весь этот рассказ восходит к полному виду западнославянского „Сказания о преложении книг на словенский язык“ из его не дошедшей в летописи части (см. стр. 661). Этому домыслу исследователей явно противоречит, однако, приводимая в подтверждение этого рассказа об обрах, примучивших дулебов, русская поговорка „погибоша аки обре“. Очевидно, что русское предание говорит о русских же дулебах (об этих последних см. выше, стр. 222).

радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх, — Радимъ, а другий Вятко... На основании этого места летописи А. А. Шахматов считал, что радимичи и вятичи происходят от поляков; так предполагали и другие исследователи, утверждавшие, по крайней мере, что так именно думал летописец. Вряд ли, однако, так считал сам летописец. Выражение „от ляхов“, как и другое выражение летописца о новгородцах — „от рода варяжьска, преже бо беша словени“ (под 862 г.) вовсе не относится к происхождению русского населения той или иной области (было бы странным предполагать у летописца мысль, что новгородцы „сейчас происходят от варягов, а раньше происходили от славян“). Выражение „от рода варяжьска“ (см. стр. 245) или „от ляхов“ определяет в том или другом случае только то обстоятельство, что во главе политической организации новгородцев, радимичей и вятичей стоят: в первом случае варяги, во втором случае — „ляхи“. В самом деле, летописец объясняет происхождение названия радимичей и вятичей (происхождением названий городов, племен летописец всюду весьма интересуется) так же, как и в других случаях, от пришедших якобы со стороны братьев. Летописец считает, что названия эти произошли от двух польских выходцев Радима и Вятка, передавших свои имена подчинившимся им славянским племенам: „и пришедъша седоста Радим на Съжю и прозвашася (именно „прозвашася“, а не „расплодишася“) радимичи, а Вятъко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи“. Аналогично этому, по мнению летописца, русские в целом прозвались от призванных братьев-варягов: и изъбрашася 3 братья с роды своими... и от тех прозвася Руская земля“ (см. под 862 г.). Ср. также „а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася“ (под 970 г.). Ход мысли летописца во всех этих рассказах совершенно одинаков (ср. еще третий рассказ — о братьях Кие, Щеке и Хориве). Перед нами обычное для средних веков объяснение происхождения правящей династии и названия народа, города от пришлых братьев (см. стр. 238 и сл.). Отсюда ясно, что вся эта легенда о происхождении названий радимичей и вятичей от двух братьев Радима и Вятко представляет собою типичную для нашего летописца, как и для других средневековых книжников, династическую легенду. Так же, как и легенда о Рюрике, Синеусе и Труворе, так же, как и предание о Кие, Щеке и Хориве (а у других народов — о Ромуле и Реме, Попеле и Пясте и т. п.) рассказ о Радиме и Вятке

приводится летописцем только для того, чтобы объяснить происхождение местных князей и местных названий, но не всего племени в целом. Он говорит лишь о принадлежности радимичей и вятичей к княжеским династиям, ведущим свое начало из „ляхов", но отнюдь не говорит о происхождении племени вятичей и племени радимичей от поляков. Такой приписываемой летописцу мысли у него не было. Откуда же летописец взял сведение о польском, „ляшском" происхождении Радима и Вятки? Народное предание вряд ли об этом говорило. В самом деле, варяжское происхождение Рюрика, Синеуса и Трувора — ученый домысел летописца (см. стр. 113); чисто же народное предание о Кие, Щеке и Хориве отнюдь не говорит об их иноземном происхождении: это — князья местные, свои, а не пришлые и не приглашенные. Не является ли „ляшское" происхождение Радима и Вятко лишь ученым домыслом летописца? Остроумная догадка Б. А. Рыбакова как будто бы подтверждает это предположение. Б. А. Рыбаков считает, что осмысление „от ляхов" принадлежит древнейшему летописцу эпохи Ярослава. В 981 г. русские дружины ходили на „ляхов" — на „Червен и ины грады". Здесь они проходили у Перемышля мимо города Радимин, здесь слышали о брате гнезненского епископа Войтеха — Радиме. Через три года они ходили на радимичей с воеводой Волчий Хвост (984 г.) (Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археолёгіі Беларуск. Акад. навук, т. III, Менск, 1932). Возможно, что „ляшское" происхождение Радима явилось результатом сделанных летописцем сопоставлений: народного предания, с одной стороны, и географических названий на западе Руси, — с другой.

от него же прозвашася вятичи. В Новгородской четвертой, Воскресенской, Никоновской и др. летописях добавлено „и до сего дне". В Тверской летописи добавлено: „хорвати; дулеби же живяху и до сего дне, еже есть резанце". В Львовской летописи текст несколько иной: „от него же прозвашеся вятичи, иже есть рязанци".

И живяху в мирѣ поляне, и деревляне, и сѣверъ, и... В этом месте летописи, восходящие к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., добавляют „бужане" (см. Софийскую первую летопись и др.).

и хрвате. Кто такие хорваты, где они сидели и имели ли они отношение к тем „белым хорватам", которых „Повесть временных лет" упоминала выше в числе славянских племен, — неизвестно. Во всяком случае, хорваты участвовали в походе Олега на греков 907 г. („Иде Олег на грекы... поя множество варяг, и словен, и чюдь,... и хорваты...").

а улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру. Здесь в Ипатьевской летописи и в Летописце Переяславля Суздальского добавлено „и по Бугу". В Радзивиловской летописи и Московско-академическом списке вм. слов „по Днестру приседяху... Днестру" написано: „по Бугу и по Днепру".

да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь. Ср. ниже под 907 г. „си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь“. В первом случае перечислены уличи и тиверцы, во втором — довольно длинный список племен, в конце которого дулебы и тиверцы; возможно, что слова „си вси“ относятся только к этим последним. Название „Великая Скуфь“ читается и в известном сборнике Святослава 1073 г. в следующем контексте: „Уакинф акы у чрьмьнь есть, обретають же ся в утрьнии варьварии сюриисцеи. Скуфию же нарицають ветъсии страну ту вься северьскуя, иже суть гоффи и давъние, да то убо въятрь в пустыни великая Скуфия есть дъбрь зело глубока и человекомъ невъходьна“ (лист 153О). Приведенное место в сборнике 1073 г. — перевод из греческой статьи Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе иерусалимского первосвященника.

и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху. Здесь в Летописце Переяславля Суздальского помещается поздняя вставка о бесстыдстве латинян: „По семь же латына бестудие въземше от худых римлян, а не от витязей, начаша к женам к чюждим на блуд мысль держати, и предстоати пред девами и женами службы съдевающи и знамя носити их, а своих не любити, и начаша пристроати собе кошюли, а не срачици, и межиножие показывати, и кротополие носити, и яки гвор в ногавици створше образ килы имуще и нестыдящеся отинуд, аки скомраси. Словене же отвращахуся их, овии ж к ним приставша мало. Бяху бо закон и обычаи брачный в них ...“.

К стр. 15

И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху. Сходство это подтверждается и археологическим материалом (Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы секцыі археолёгіі Беларуск. Акад. навук, т. III, Менск, 1932, стр. 120, 136).

и ту умыкаху жены собѣ. Вместо этого в Летописце Переяславля Суздальского читаем: „и ту слегахуся рищуще на плясаниа, и от плясаниа познаваху, которая жена или девица до младых похотение имать, и от очного взозрения, и от обнажениа мышца, и от пръст ручных показаниа, и от прьстней даралагаииа на пръсты чужая, таж потом целованиа с лобзанием и плоти с сердцем раждегшися, слагахуся, иных поимающе, а другых поругавше, метааху на насмеание до смерти. Имяхуть же и 2 и по 3 жены: зане слаб сущи женскый обычай, и начаша друга пред другою червити лице и белим тръти, абы иноша въжелал ея на похоть“.

възложахуть й на кладу. В Радзивиловском списке и Московско-академическом вместо слова „кладу“ читается „краду“. Разъяснение тому, что следует понимать под словом „клада“ (или „крада“), дает Летописец

Переяславля Суздальского. В нем слово „краду“ или „кладу“ заменено словами „грамаду дров“. Б. А. Рыбаков обращает также внимание на греческие эквиваленты слова „крада“ в переводах. Он пишет: „Греческое σφαῖρα πυρά переводилось на русский словами: «огнь», «жьгома», **к р а д а** и вполне соответствовало огненной сущности погребения“ (Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 29—30).

на столпѣ на путех. В Летописце Переяславля Суздальского добавлено „и в курганы сыпаху“.

Глаголеть Георгий в лѣтописаньи. Следующий затем довольно большой отрывок до слов „и прилежне въспитають“ взят летописцем из Хроники Георгия Амартола. В отличие от предшествующих отрывков, этот текст довольно точно воспроизводит Амартола и, повидимому, взят прямо из него без посредства русского компилятивного хронографа. Вставки этой нет в Начальном своде (см. Новгородскую первую летопись, где Начальный свод отразился). Она сделана составителем „Повести временных лет“, который добавил к этому отрывку и сведения о половцах (см. ниже).

у вактриянъ, глаголеми врахманеи островьници. Рахманы — легендарные люди, ведущие блаженную жизнь. Здесь они отожествлены с жителями Бактрии. О рахманах см. в древнерусском „Хождении Зосимы к рахманам“ (Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. II. СПб., 1863, стр. 78–92).

К стр. 16

Амазоне — амазонки, легендарный народ женщин, в существование которого верили в древней Греции, а затем и в других странах в течение всего средневековья.

Якоже се и при насъ нынѣ половци... Судя по упоминанию половцев, появившихся в южнорусских степях в 30—50-х годах XI в. (первая встреча Руси с половцами отмечена летописью под 1054 г.), место это в „Повести временных лет“ довольно позднее. Весьма возможно, что оно принадлежит составителю „Повести временных лет“, вставившему его в летопись вместе с предшествующей выпиской из Амартола (Начальный свод, отразившийся в Новгородской первой летописи, не имеет выписок из Амартола и данного описания нравов половцев).

и поимають мачехи своя и ятрови... Летописец, повидимому, описывает здесь явление так называемого „группового брака“, известного у народов на низших ступенях общественного развития. — „Ятровь“ — сноха, невестка или жена деверя.

По смерти братьѣ сея, т. е. Кия, Щека и Хорива (так понял этот текст и Летописец Переяславля Суздальского, добавивший: „Кия, Щека и Хорива"). Этот текст в предшествовавшем „Повести временных лет" Начальном своде следовал непосредственно за рассказом об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом (так именно он читается в Новгородской первой летописи, где этот Начальный свод отразился). Этим и объясняется, что выражение „братье сея" приведено без объяснений, которые были бы необходимы, так как в нынешнем их виде в „Повести временных лет" оба текста разъединены друг от друга большими вставками.

И наидоша я̀ козарѣ... Записанное здесь в летописи народное предание о дани, собранной хазарами с полян мечами, как и другие народные исторические предания в летописи, политически осмысляет события прошлого. Подобно многим другим историческим преданиям, попавшим в летопись, оно не столько стремится передать исторический факт, сколько его осмыслить, соотнести с современностью. На обидный для самолюбия полян факт их былой зависимости от хазар это предание накладывает прямо противоположный факт живой современности. Предание это подчеркивает, что первоначально историческое положение полян было весьма скромным: они были „обидимы" и древлянами, и хазарами. Но уже тогда поляне готовились к великой исторической судьбе. Их необычную дань разгадали мудрые „старцы хазарские". Теперь русские князья сами владеют теми народами, которые когда-то владели полянами. Летописец подчеркнул эту мысль, приведя параллель из истории „богоизбранного" еврейского народа (исторические параллели и в дальнейшем неоднократно приводятся летописцем, служа важным материалом для выяснения его исторических воззрений).

и вдаша от дыма мечь. Не является ли данное место летописи свидетельством того, что на Руси уже в X в. выделывались мечи? Наличие ремесленников-оружейников в составе городского населения Руси IX—X вв. подтверждается археологическим материалом. Б. А. Рыбаков в своей книге „Ремесло древней Руси" (М., 1948, стр. 225) пытается установить среди курганных мечей X в. своеобразные русские. Он считает, что это были мечи с дугообразным перекрестьем и срезанными углами. Впрочем, мнение это было оспорено А. В. Арциховским в рецензии на книгу Б. А. Рыбакова (Вопросы истории, 1949, № 1). К последней четверти IX в. относится свидетельство Ибн-Хордадбе о русско-арабской торговле: „Руссы, — а они из славянских племен, — приходят из отдаленнейших областей Саклаба (страны славян) к Румскому морю и тут продают шкуры бобра, черной лисицы, а также мечи". Не исключена возможность и транзитной торговли русских мечами („История культуры древней Руси", т. I, М.—Л., 1948, стр. 328).

Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Вторично меч как символ русских противопоставляется восточной сабле в рассказе об обмене подарками между воеводой Претичем и половецким князем под 968 г. (см. стр. 312).

Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмь, егда приведоша Моисѣя предъ Фаравона... Согласно легенде русского компилятивного хронографа (отразившейся подробно в Толковой Палее), когда ребенка Моисея привели к фараону, он, играя, уронил с головы фараона царский венец. Присутствовавший тут же волхв предрек фараону, что Моисей погубит Египет, как якобы и случилось затем (см. подробнее рассказ об этом в „речи философа" под 986 г.). Эти легендарные события еврейской истории сопоставлены в летописи с событиями русской истории: поляне сравнены с „богоизбранным" народом — евреями; хазары же — с египтянами. Как евреи прежде были в рабстве у египтян, так и поляне прежде находились под властью хазар. Теперь же владеют русские хазарами и „до днешнего дне".

К стр. 17

852 Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати. 6360 (852) год, как начало царствования императора Михаила, вычислен на основании ошибочных данных второй редакции „Летописца вскоре" патриарха Никифора. Ту же дату имеют и южнославянские летописи. Она получилась на основании следующего текста второй редакции Никифорова летописца: „От Христова рождьства до пръваго правовернаго царе Костянтина лет 318, от Константина царе до Михаила царе греческаго лет 542". Складываем 5500 (число лет по „Летописцу вскоре" патриарха Никифора от „сотворения мира" до рождества Христова), 318 и 542; получаем 6360, т. е. 852 г. н. э. На самом деле император Михаил вступил на престол в 842 г. (см. Труды ОДРЛ, т. IV, стр. 64 и сл.). В Новгородской первой летописи (т. е. в Начальном своде) первая дата 6362 г. (а не 6360 г.). Год этот извлечен из краткого хронографа в соединении с Палеей (списки Синод. №№ 211 и 210, Погодинск. № 1435, список Срезневского и др.). Там читается: „и при сего [Михаила] царствии, в второе лето царства его, крещена бысть Болгарьская земля, и преложиша книги от греческа языка на словеньскый Кирил философ с Мефодием в лето 6363, при Борисе князи болгарьстем". Отсюда летописец вывел первый год царствования Михаила — 6362 (на самом деле 6350—842 г.). Об этой последней дате см. Разыскания..., стр. 98.

индикта. „Счет индиктами, или пятнадцатилетними периодами, заимствован в древней Руси из Византии. Индиктом называется порядковое место данного года в пределах текущего пятнадцатилетнего цикла, причем

исходной точкой этого циклического счета является византийская эра — сотворение мира, а смена индиктов в каждом цикле совершается в день византийского новогодия —1 сентября. Этимология слова «индикт», так же, как и происхождение самой системы, выяснены недостаточно. Повидимому, счет индиктами ведет свое начало от тех переписей населения, которые раз в 15 лет производились в Римской империи и в Византии. В Византии индикты введены в 313 г. н. э." (Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 33; в этой же книге даны также подробные указания, как находить индикты какого-либо года).

яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь. Под греческим летописанием здесь разумеется продолжение Хроники Георгия Амартола, где говорится о походе Руси на Царьград при императоре Михаиле (о походе этом см. в „Повести временных лет" под 866 г.).

Тѣм же отселе почнем и числа положимъ. Вся последующая выкладка цифр до слов „до Михаила сего лет 542" восходит ко второй редакции „Летописца вскоре" патриарха Никифора. Составлен этот летописец (его греческое название Χρονογραφικὸν σύντομον) константинопольским патриархом Никифором (занимал престол в 806—815 гг., умер в 829 г.) и представляет собой в высшей степени краткий перечень событий и лиц от Адама и до года смерти Никифора. На Руси он постоянно использовался для всякого рода хронологических справок. Отметим как явную ошибку итог лет от „сотворения мира" до нашей эры — 5454 (в тексте приводятся цифры — 2242 + 1082 + 430 + 601 + + 448 + 318 + 333 = 5454). В другом месте второй редакции Никифорова летописца он определен как 5500 по эре Анниана (египетского монаха V в.). В древней Руси этот итог обычно определялся в 5508 лет (см. точнее о переводе летописных дат от „сотворения мира" на принятые сейчас даты н. э. в книге Л. В. Черепнина „Русская хронология", М., 1944, стр. 25 и сл.). — Слова „тем же отселе (т. е. от Михаила) почнем" следует сопоставить с обещанием предисловия к Начальному своду (читающимся в новгородских летописях): „Мы же от начала Руския земли сего лету и вся по ряду известно да скажем от Михаила царя до Александра и Исакия" (Софийская первая летопись, ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 10).

Меч X в. Фот. М. К. Каргера.

а от потопа до Оврама лѣтъ 1000 и 82. В первой редакции „Летописца вскоре" патриарха Никифора число лет от потопа до Авраама — 1072.

до исхоженья Моисѣева. Согласно библейской легенде, Моисей в 1610 г. до н. э. вывел евреев из Египта, где они находились в рабстве.

до Давида. Согласно библейской легенде, Давид — царь и пророк еврейский, составитель псалмов.

от начала царства Соломоня. Соломон, согласно Библии, еврейский царь — сын царя Давида, строитель знаменитого храма в Иерусалиме. Начало его царствования относится по Библии к 1020 г. до н. э.

до плѣненья Иерусалима. Имеется в виду взятие Иерусалима царем вавилонским Навуходоносором в 589 г. до н. э.

до Олексанъдра — до Александра Македонского.

до Коньстянтина — до римского императора Константина Великого (306—337 гг. н. э.). Константин ввел христианство в Римской империи как официальную религию и перенес столицу в Константинополь.

от Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542. Ошибочное число лет 542 принадлежит второй редакции „Летописца вскоре“ патриарха Никифора. На самом деле число лет от императора Константина до начала царствования императора Михаила — 324 или 325.

а от перваго лѣта Олгова, понели же сѣде в Киевѣ. Олег признается здесь русским князем только с того времени, когда он сел в Киеве. Следовательно, власть киевского князя отчетливо осознается как общерусская: пока Олег княжил в Новгороде, он был только местным князем. По этой раскладке видно также, что Олег признается самостоятельным князем, а не опекуном Игоря, каким он считается в летописях новгородских (см. подробнее стр. 249).

до перваго лѣта Игорева лѣт 31. После этих слов в Новгородской четвертой летописи читается: „И бысть княжениа его лет 33 по Олгове смерти. А при Олъзе бысть, отнюду же приведе ему Олег жену от Плескова, именем Олгу, лет 10, и жив Игорь с Олгою лет 43“. Тот же текст читается и в других летописях, зависящих от Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. (Софийские летописи, Никоновская и др.). Возможно, что известие это в Новгородско-софийском своде древнее.

до смерти Святополчи лѣтъ 60. Святополк Изяславич умер в 1113 г., следовательно закончена таблица была не раньше этого 1113 года. На основании ряда признаков можно думать, что именно в 1113 г. и была составлена первая редакция „Повести временных лет“. Закончив свою таблицу на смерти Святополка Изяславича, летописец продолжает: „но мы на прежнее возъвратимся и скажем, что ся здея в лета си, яко же преже почали бяхом первое лето Михаилом, а по ряду положим числа“. Здесь, следовательно, дано обещание изложить исторические события от 852 по 1113 г. в строгом хронологическом порядке погодных статей („по ряду

положим числа"), что и было летописцем выполнено (в Лаврентьевском списке изложение, впрочем, обрывается на середине статьи 1110 г.).

Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои... Вся эта летописная статья *858*
составлена на основании продолжателя Амартола (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I. Пгр., 1920, стр. 508). Однако дата этого похода и крещения царя Бориса у продолжателя Амартола отсутствует. На самом деле эти события произошли в 864 или 865 г. У Симеона Логофета поход падает на четвертое лето царствования Михаила, т. е. на 860 год. Откуда взяты данные нашей летописи — не ясно. В Никоновской летописи эти события изложены несколько подробнее и помещены под 6371 (863) годом

К стр. 18

Имаху дань варязи изъ заморья. Большинство летописей (Ипатьевская, *859*
Летописец Переяславля Суздальского, новгородские, псковские и др.) имеют здесь вставку „приходяще" („приходяще из заморья"), что согласуется с другими местами летописей, где варяги характеризуются как „находники".

по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма. Весьма важен вопрос о том, как правильнее читать это место. Можно читать его так: „по белей веверице" и тогда значение его будет такое — „по белой (т. е. по серой, зимней) белке" Мех белки ценится только зимний, как наиболее прочный. В современном русском языке определение-прилагательное „белая" в конце концов вытеснило существительное „веверица" и само приняло суффикс существительного — „белка". В подтверждение этому пониманию текста „Повести временных лет" можно привести следующее место из Лаврентьевской летописи под 1068 г.: „кунами и белью", в Ипатьевской же это место понято так: „кунами и скорою" (т. е. мехами), что свидетельствует о том, что в древней Руси слово „бель" понималось иногда как „беличий мех". Однако можно читать это место и так: „по беле и веверице", что может означать: „по беле (по белой, серебряной монете) и белке". Такое толкование было впервые предложено еще в первой половине XIX в. и развито акад. Б. Д Грековым. Последний приводит следующий материл в обоснование своей точки зрения: „В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побереть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснятин, поима на них дань: черные куны и бель сребро, и вдасть ему...». Под 1068 г. в Лаврентьевской летописи говорится о разграблении двора киевского князя Изяслава. Было разграблено «бещисленое множьство злата и сребра, кунами и белью». Ибн-Русте пишет: «белые круглые диргемы приходят к ним (булгарам, — *Б. Г.*) из стран мусульманских путем мены за их товары»" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1949, стр. 37). В нашем переводе принимаем точку зрения Б. Д. Грекова. — „От дыма" означает „от каждой,

семьи". В тексте Новгородской первой летописи под 854 г. словене, кривичи, меря и чудь платят дань „от мужа". В иных случаях дань платится „от рала", „от плуга".

862 И рѣша сами в себѣ: „Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву"... Легенда о призвании трех братьев варягов, Рюрика, Синеуса и Трувора, служит главным основанием для антинаучных построений норманистов, „доказывающих" происхождение русской государственности со скандинавского севера. Между тем, легенда эта весьма искусственного происхождения, ее историческое зерно отнюдь не подтверждает утверждений норманистов. Во-первых, обратим внимание на то весьма важное обстоятельство, что легенда эта на юге Руси рассказывается только в „Повести временных лет". Ни одно другое литературное произведение XI в. не знает Рюрика как основателя княжеского рода. Рюрик как предок князей вне „Повести временных лет" впервые появляется только в „Задонщине" (XV в.) под влиянием, несомненно, самой летописи. Не знают его как русского князя и иноземные писатели, упоминающие, однако, двух следующих русских князей — Олега и Игоря. „Слово о законе и благодати" митрополита Илариона и „Память и похвала князю русскому Володимеру", два других важнейших источника для русской истории X–XI вв., возводят начало династии русских князей к Игорю, именуя его „Старым". Важно также отметить, что вплоть до конца XII в. имя Рюрик отсутствует среди русских княжеских имен, обычно дававшихся в честь предков; тогда как имена Олега и Игоря в княжеской среде постоянны. Это свидетельствует против того, что Рюрик осознавался как родоначальник князей и в живой традиции. Во-вторых, в исследовательской литературе давно было придано значение тому обстоятельству, что в легенде этой отразились новгородские порядки, где князья „призывались" вечем вплоть до 1470 г. (последним „призванным" князем был литовский князь Михаил Олелькович). Эта мысль о влиянии новгородских порядков на возникновение легенды о призвании варягов была высказана еще Д. И. Иловайским в „Разысканиях о начале Руси" (1876, стр. 238—239). Ключевский в своем „Курсе русской истории" указывает, что наем дружины нетрудно было превратить чисто литературным путем в призвание мудрых правителей. Новгородские истоки легенды о призвании варягов в последнее время получили новое подкрепление в весьма интересных наблюдениях Л. В. Черепнина, позволяющих вскрыть и некоторые ее политические тенденции. Эти наблюдения Л. В. Черепнина находятся в тесной связи с его гипотезой о происхождении краткой Русской Правды как договора варягов-наемников с местным новгородским населением. Приведем только те соображения Л. В. Черепнина, которые представляют самостоятельный интерес. Л. В. Черепнин пишет: „Достаточно выяснены литературные источники этого легендарного и тенденциозного рассказа (т. е. рассказа летописи о призвании варягов, — *Д. Л.*),

но недостаточно вскрыт его политический смысл, заключающийся отнюдь не в утверждении тезиса о варяжском происхождении Русского государства, а в апологии новгородских «вольностей», в доказательстве их «извечности» и в провозглашении правовых начал государственности, нарушаемых варягами-насильниками. Совсем не обращено внимания на связь летописной статьи о призвании варяжских князей с описанием событий 1015—1016 гг. Мало того, одним из источников статьи я считаю летописные данные об обстоятельствах, связанных с получением Новгородом от Ярослава Правды, боровшейся с произволом варягов. Сопоставим основные мотивы статьи о призвании варягов с главнейшими моментами новгородской политической жизни 1015—1016 гг. и попытаемся установить их соответствие.

Призвание варягов	События 1015—1016 гг.
1) Дань варягам	*1) Кормление варягов*
Новгородстии людие, рекомии словени, и кривици, и меря, словене свою волость имели, а кривици свою, а меря своя; кождо своим родом владяше, а чюдь своим родом; и дань даяху варягом от мужа по беле и веверици.	Ярославу кормяше варяг много, бояся рати.
2) Насилия варягов	*2) Насилия варягов*
А иже бяху у них, то ти насилье деляху, словеном, кривичем и мерям и чюди.	И начаша варязи насилие деяти. . .
3) Изгнание варягов	*3) Избиение варягов*
И въсташа словене, и кривици, и меря, и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами себе. . .	Рекоша новгородци: сего мы насилья не можем смотрити. И собрашася в нощь иссекоша варягы в Поромоне дворе.
4) Усобицы и призвание варягов для установления правопорядка	*4) Выдача Ярославом Правды новгородцам*
И въсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобнцы. И въсташа град на град у н е б е в н и х п р а в д ы. И	И дав им Правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, яко же списах вам, тако же держите (Новгородская летопись по

реша к себе: князя поищем, иже бы владел нами и р я д и л н ы п о п р а в у. Идоша за море к варягам и ркоша: земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету: да поидете к нам княжить и владеть нами (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 82—84).

Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 4—5).

Особенно бросаются в глаза слова летописи об отсутствии «правды», о поисках «наряда» и князя, который «рядил бы по праву» — в рассказе о призвании варягов, с одной стороны, и о даче Ярославом «Правды» со словами: «по сей грамоте ходите» в 1016 г. — с другой. А описание «усобиц и ратий» как следствия отсутствия «правды» среди изгнавших варягов славянских и финских племен нельзя ли поставить в связь со статьями Правды Ярослава, посвященными междоусобиям в новгородском обществе? Бесправию варягов славяне противопоставляли идею права. Наша трактовка наносит новый сильный удар норманской теории происхождения Русского государства. Весь смысл летописного рассказа — в отрицании у варягов всяких начал государственности. Итак, ссылкой на историческую традицию обосновывая политические притязания, новгородская политическая мысль середины XI в., в качестве прецедента остановилась на договорной грамоте 1016 г., известной под именем Правды Ярослава, и события, связанные с ее получением новгородцами, положила в основу легенды, перенесшей в далекое прошлое появление «правды» как акта д о б р о в о л ь н о г о с о г л а ш е н и я новгородских славян с приглашенными ими князьями" (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.—Л., 1948, стр. 247—248). Каким путем эти новгородские представления могли проникнуть в киевскую летопись? А. А. Шахматов предполагал, что составитель Начального киевского свода 1095 г. использовал новгородский свод 1050 г. Пишущий эти строки доказывает, что у киевских летописцев никаких п и с ь м е н н ы х новгородских источников не было, а что все „новгородские" известия „Повести временных лет" обязаны своим происхождением устным рассказам двух представителей старинного новгородского посадничьего рода — Вышате Остромиричу и его сыну Яну Вышатичу, переселившимся на юг Руси (Устные летописи в составе Повести временных лет. Исторические записки, № 17, М., 1945, стр. 206). Предание с Рюрике — новгородское, оно связано с местностью под Новгородом, называемой Рюриково городище. Предание о Синеусе — белозерское, где еще в XIX в. показывали „могилу царя Синеуса" (С. Шевырев. Поездка в Кирилло-белозерский монастырь в 1847 год, ч. II, стр. 60. Ср. также

у Стрыйковского в Польской хронике второй половины XVI в.). Предание о Труворе возможно также связано с какими-либо местными легендами Изборска. В связи с этим отметим, что Новгород — центр племени новгородских „словен", Изборск — кривичей (об этом помнили еще в XV—XVI вв. Ср. в Архангелогородском летописце: „а то ныне пригород псковский, а тогда был в кривичех большой город"), Белоозеро же расположено в районе мери. Возможно, что Рюрик, Синеус и Трувор были князьями этих трех племен и не были связаны между собою узами родства. Во всяком случае, имя Синеуса не находит себе никаких убедительных аналогий среди скандинавских имен. То обстоятельство, что Рюрик, Синеус и Трувор были племенными князьями словен, мери и кривичей, отчасти отразилось и в самой летописи: под 859 г. читаем: „имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех"; слова „на чюди" А. А. Шахматов не без основания считает вставкой (А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. Изв. ОРЯС, 1904, т. XI, кн. 2, стр. 317 и сл.). Также и в других местах летописи выступают эти три племени: словене, меря и кривичи. Предания о князьях этих трех племен могли знать: Вышата, бывавший в Новгороде и, возможно, в Изборске, и Ян Вышатич, бывавший в районе Белоозера в 1071 г. Среди других рассказов Вышаты и Яна, которыми воспользовались летописцы, были, очевидно, и какие-то сведения о племенных князьях в Новгороде, Изборске и на Белоозере. Соединить этих князей узами братства по законам эпического творчества (ср. статью Д. Лихачева „Повесть о разорении Рязани Батыем" в сб. „Воинские повести древней Руси", Л., 1949, стр. 129) и создать легенду об их призвании, исходя из обычной в Новгороде практики призваний князей, могли и сами рассказчики, и летописцы. Легенда о призвании князей-братьев была наруку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство всех русских князей (см. историко-литературный очерк); легенда утверждала династическую унификацию: все князья — члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры: такова мысль киевских летописцев, постоянно проводимая ими в своих летописях. Понятие „братства" в представлениях летописца имело прежде всего политическое значение. Это политическое значение понятия „братства" могло постепенно перейти в летописной традиции в значение братства кровного. Таким образом, историческое зерно легенды о призвании трех братьев-варягов невелико. Прежде всего это не н а р о д н а я легенда. В целом она сложилась только у летописцев и у их „устных корреспондентов" — у Вышаты и Яна Вышатича, о котором сам летописец записал под 1106 г.: „от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь". Народные предания о каких-то местных князьях

в Изборске, в Новгороде и в Белозерье не объединяли их узами братства. Они были объединены только в „ученой“ среде и связаны с общей новгородской практикой „призвания“ варягов-наемников. Таково весьма скромное „историческое зерно“ легенды, в основном созданной в узкой среде киевских летописцев и их друзей на основании знакомства с северными преданиями и новгородскими порядками. Чем же объяснить, что летописцы, столь последовательно стремившиеся утвердить значение русского народа в мировом историческом процессе, вывели княжеский род из-за моря — от варягов? В традициях ученой средневековой историографии (и на Западе, и на Руси) было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству. В происхождение французских королей от троян верили даже в XVI в. Многие из своих династий немцы выводили из Рима, швейцарцы — от скандинавов, итальянцы — от германцев. Весьма близкую к нашему сказанию о призвании варягов легенду передает Видукинд Корвейский, рассказывающий о призвании саксов Хенгиста и Хорса бритами со сходной характеристикой своей земли („terra lata et spatiosa“). Сходство этого мотива у различных народов объясняется прежде всего сходными условиями общественного бытия на одинаковых ступенях исторического развития. Вместе с тем, и в XI, и в XII вв. „варяги“ не представляли собой существенной политической силы. С норманского Севера Русскому государству не угрожала более опасность. Поэтому утверждение норманского происхождения княжеского рода не могло, очевидно, казаться летописцам политической угрозой самостоятельности Руси. Летописцы, естественно, не могли предвидеть, какие политические выводы сделают из их домыслов в XVIII—XX вв. норманнисты.

Идоша за море къ варягомъ, к Руси. Сице бо ся зваху тьи варязи Русь, яко се друзии зовуться свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си... пояша по собѣ всю Русь... И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля. В этих словах „Повести временных лет“ стремились найти себе опору норманнисты, „доказывающие“ варяжское происхождение названий „Русь“ и „русьскый“. А. А. Шахматов обратил внимание на то, что слова „к Руси“ и следующее затем разъяснение, кто такие эти варяги — Русь, а также последующее замечание, что три брата — Рюрик, Синеус и Трувор — явились на Русь со всем своим племенем Русью, — вставка, сделанная в текст более древней летописи. А. А. Шахматов аргументирует эту свою мысль двумя соображениями: во-первых, он обращает внимание на ту стилистическую неловкость, которая чувствуется в словах „к варягом, к Руси“ (вм. „к варягом“ просто или „к Руси“ только), а во-вторых, обращает внимание на то, что в Новгородской первой летописи младшего извода, где читается текст летописи, более древней, чем „Повесть временных лет“, этих, перечисленных выше мест (за исключением одного), дейст-

вительно нет. А. А. Шахматов предполагал, что это отожествление Руси и варягов произошло во второй редакции „Повести временных лет" (Сильвестра) (А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. Изв. ОРЯС, 1904, т. IX, кн. 4, стр. 334—362), а М. Д. Приселков относит отожествление к первой (Несторовой) редакции „Повести временных лет" и видит именно в Несторе первого русского „ультранорманниста" (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 39). Для решения вопроса о том, могут ли вышеприведенные места приниматься в расчет при объяснении происхождения названий „Русь" и „русьский", следует прежде всего обратить внимание на их значение в IX—XIII вв. В „Повести временных лет" слова „Русь", „Русьская земля" и „русьский" употреблены свыше 270 раз. В подавляющем числе случаев эти слова явно и бесспорно имеют в виду все восточнославянские племена в целом, либо их землю. Эти слова не имеют никаких видимых отклонений от их общеупотребительного значения по крайней мере в 260 случаях. Такое явно общее значение имеют слова „Русь" и „русьский" в космографическом введении к „Повести временных лет" („тем же и из Руси можеть ити по Волзе в болгары и в Хвалисы"; „се бо токмо словенеск язык в Руси"; „есть притъча в Руси и до сего дне" и др.); затем под 898 г. („тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенеск"; „а словеньскый язык и рускый одно есть" и др.). В этом же общем значении выдержанно употребляется слово „Русь" в известиях о походах Руси на Царьград („се иде Русь бещисла корабль", „и заповеда Олег... даяти уклады на рускыа грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы" и др.). В этом общем значении слово „Русь" последовательно употребляется в договорах с греками 911 и 944 гг., что особенно важно, так как теперь акад. С. П. Обнорским доказано, что договоры эти дошли до нас в переводах, современных самим переговорам (Язык договоров русских с греками. Сб. „Язык и мышление", VI—VII, Л., 1936, стр. 102). Следует отметить, кроме того, что прилагательное „русьский" в договорах с греками, в летописи, в Русской Правде, в житиях и проповедях XI в., употребленное для определения таких слов, как князья, грады, язык, страна, люди, род, послы, закон, челядь и др., обычно бесспорно имеет именно этот общий смысл. Вместе с тем иноземные источники также употребляют уже очень рано термин „Русь" для обозначения всей страны восточных славян в целом. В конце IX в. анонимный „Баварский географ" знает обозначение „русские" для восточнославянских племен в непосредственном соседстве от хазар. Знает русских и Раффельштеттенский устав в 903—904 гг. Араб Ибн-Хордадбе в „Книге путей и царств" (60-е годы IX в.) называет Русь и определяет их как славян. Гораздо реже случаи, когда под словом „Русь" и „русьский"

разумеется не вся страна восточных славян, а лишь ее киевский участок. Замечательно, однако, что это более узкое значение слов „Русь“ и „русьскый“ получает распространение по преимуществу в период феодальной раздробленности — в XII и XIII вв. Кроме того, следует обратить внимание на то, что общее и основное значение слов „Русь“ и „русьскый“ в отношении всех русских и всей Руси продолжает и в XII и XIII вв. оставаться наиболее распространенным. Всякий летописец, употребивший слова „Русь“ и „русьскый“ в их узком значении (в отношении южной, киевской Руси только), тут же рядом употребляет эти слова и в их основном, коренном значении. Наконец, что особенно важно, это ограничение значения слов „Русь“ и „русьскый“ касается главным образом Руси — страны, а не Руси — народа. В самом деле, такое узкое словоупотребление мы встречаем во Владимире Суздальском (ср. в Лаврентьевской летописи под 1175 г.: „Князь наш убиен, а детей у него нету, сынок его в Новегороде, а братья его в Руси“, т. е. в Киевской земле); встречаем такое словоупотребление и в Новгороде (ср. в Новгородской первой летописи под 1135 г.: „иде в Русь архиепископ Нифонт с лучьшими мужи“ — из Новгорода в Киев) и в других местах. Такого ограниченного словоупотребления слов „Русь“ и „русьскый“ иноземные источники не знают. Кроме того, его нет и в памятниках с высоким патриотическим содержанием (у игумена Даниила в его „Хождении“, в „Слове о полку Игореве“, в „Слове о погибели Русской земли“ и т. д., и т. п.) Откуда могло явиться это более „узкое“ значение слов „Русь“ и „русьский“? Несомненно, что оно не является наиболее древним. „Повесть временных лет“ на все 270 случаев употребления слов „Русь“ и „русьскый“ не может нам представить ни одного случая, который бы бесспорно свидетельствовал о том, что летописцам XI в. было знакомо именно это значение. Разберем неясные случаи. Прежде всего, как следует понимать слова введения к „Повести временных лет“: „поляне, яже ныне зовомая Русь“? Во всяком случае, не в том смысле, что исконное и древнее название полян было Русь, как предполагает М. Н. Тихомиров (Происхождение названий „Русь“ и „Русская земля“. Советская этнография, М.—Л., 1947, стр. 62). Летописец утверждает обратное: раньше звались полянами, а теперь зовутся Русью. В этой фразе нет и ничего такого, что позволило бы утверждать, что Русью звались только поляне, хотя бы и позднее. Повидимому, смысл вышеприведенных слов — в указании на то, что племенное название полян перестало употребляться и что тех, кого раньше называли „поляне“, теперь просто называют Русью, не выделяя их в среде других племен. Действительно, название племени полян одним из первых исчезает со страниц „Повести временных лет“ (последний раз оно употреблено под 944 г.). Это отмирание племенного названия полян аналогично исчезновению племенного названия „дулебы“ (оно заменилось названием „волыняне“

от Волыни), „словѣ" (оно заменилось названием „новгородцы") и т. д. Не ясно значение слова „Русь" в рассказе о походе Олега на Царьград 907 г. — в том месте, где Русь противопоставлена словенам (новгородским): „И рече Олег: исшийте парусы паволочиты Руси, а словеном кропиньныя" (к этому месту летописи мы еще вернемся). Мало понятна и фраза, читающаяся под 882 г.: „и беша у него (Олега) варязи и словени и прочи прозвашася Русью"; возможно, что „прочи" — подлежащее к „прозвашася", но также возможно, что „прочи" относится к предшествующему предложению, и уже, во всяком случае, не ясно отношение слова „прозвашася" к предшествующему тексту, где говорится о вокняжении Олега в Киеве: „прозвались" ли они с того времени, как Олег сел в Киеве, или они в о о б щ е прозывались Русью независимо от какого-либо действия Олега. Четвертое место „Повести временных лет", которое вызывало сомнение исследователей, это слова древлян после убийства Игоря: „се князя убихом руского". Не хотят ли этим древляне сказать, что они убили князя к и е в с к о г о? Может быть и так, поскольку киевский князь был князем общерусским (ср. под 1054 г.: „преставися великый князь р у с ь с к ы й Ярослав"), но слова эти отнюдь не означают, что „руськый" князь был князем т о л ь к о киевским. Наконец, под 984 г. в „Повести временных лет" имеется место, которое может возбудить сомнение по поводу значения в нем термина Русь. Летописец говорит о радимичах: „платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне". Не понимается ли здесь под „Русью" только Киевская земля, поскольку радимичи русское племя? Недоразумение это, однако, тотчас же разъяснится, если мы вспомним, что летописец считал радимичей подчиненными „ляшскому" (польскому) роду князей (от Радима, см. стр. 225). Следовательно, и здесь значение слова „Русь" не должно вызывать сомнений. Наконец, были попытки по особому истолковать еще несколько случаев употребления слов „Русь" и „руськый" в каком-либо узком значении, но истолкования эти всегда были полны натяжек. Итак, наиболее древним, основным значением слов „Русь" и „руський" является значение общее, обращенное ко всем русским землям и ко всему русскому народу в целом. Оно зарегистрировано русскими памятниками уже для начала X в. (договоры с греками), а иноземными для IX в. („Баварский географ" и др.). Более узкое значение слов „Русь" и „руськый", относящееся только к Киевской земле (но не к киевлянам), является более поздним — оно распространяется в XII и XIII вв. с общей децентрализацией феодализирующейся Руси. Однако следует обратить внимание на то, что это более узкое значение не отменяет и общего, широкого, основного. Оба значения встречаются рядом, у одного и того же летописца и не заключают для него видимого противоречия. Более того, узкое значение слов „Русь" и „руський" зависит от основного, широкого, — немыслимо без него. В самом деле, Киевская земля

потому называется новгородцем Русской землей, что именно там центр Русской земли. Поехать в Русь и для владимирца означает поехать в столицу Руси — в Киев, и для жителя Смоленска, Ростова, Рязани киевский князь — русский князь; дружина киевского князя, из кого бы она ни состояла, — русская дружина; послы русских князей, кем бы они ни были по происхождению, говорят о себе „мы от рода русьскаго". Слово „русьскый" могло относиться не только к центру Руси — Киеву, но и к киевскому князю как представителю общерусской власти, к его дружине (очевидно, Русью названа в описании похода Олега 907 г. — его дружина, а „словенами" — войско) и к господствующим слоям населения (ср. в Русской Правде: „русин, либо гридин, либо купце"). Вот почему употребление слов „Русь" и „Русьская земля" в отношении Киевской земли свидетельствует не об отсутствии в XII—XIII вв., в период феодальной раздробленности, сознания единства Русской земли (как это пытались истолковать некоторые исследователи), а лишь о том, что Киев сознавался столицей всей Руси. Это узкое значение исчезает в летописях сразу после того, как Киев и киевский юг перестает сознаваться центром Руси (после страшного разгрома Киева войсками Батыя — с половины XIII в.). Употребление одного и того же слова то в более узком, то в основном, широком значении — явление, широко распространенное в языке. Так, например, слово „город" для горожанина, живущего не в центре города, будет означать и весь город в целом и его центр только. Житель Петроградской стороны Ленинграда может сказать „поеду в город", разумея под этим свою поездку в центр, но фраза его вовсе не означает, что он не считает себя ленинградцем. Было бы, однако, неправильным думать, что слова „Русь" и „русьскый" пользовались таким же распространением уже в IX и X вв., как и в XI в. Слова „Русь" и „русьский" употребляются первоначально по преимуществу в тех случаях, когда Русь противопоставляется другим странам и другим народам как единое целое: в военных столкновениях с другими странами, при заключении договоров и т. д. Одновременно с этим во внутренних отношениях русских между собою, как это зарегистрировано и „Повестью временных лет", еще прочно удерживаются племенные названия. Эти племенные названия отмирают в X—XII вв., но далеко не равномерно: прежде всего перестают употребляться названия тех племен, которые больше других были захвачены процессом образования Русского государства. Это отмирание племенных названий и замена их терминами, обозначавшими политическое объединение, прямо отмечено летописцем для дулебов (их стали называть волынянами — по названию города Волыни), для словен (их стали называть новгородцами), для полян (их стали называть просто русскими или киевлянами). Отмирают племенные названия там, где отмирает племенной быт,

где население оказывается на более высокой ступени общественного развития; распространяются же слова „Русь" и „русьскый" там, где интенсивнее всего сознается единство русских племен — в Киеве. Это единство начинает сознаваться во внешних столкновениях поразительно рано (уже в начале X в. оно зарегистрировано по договорам Олега), и всегда для обозначения этого единства как выразитель его выступают слова „Русь" и „русьский". Никакого иного значения эти слова первоначально не имели. Попытки исследователей вывести эти широкие значения из более узких (племенного названия полян или социальных категорий) не имеют серьезных оснований и не выходят за пределы самых шатких гипотез. Однако летописец утверждает, что Русью назывались первоначально варяги. Под 898 г. летописец утверждает, что название „Русь" принесено варягами: „от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене". Летописец называет Русь в космографическом введении к „Повести временных лет" среди варяжских племен: „готе, Русь, агняне, галичане", однако тут же рядом говорит о Руси — славянах („В Афетове же части седять Русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва..."). Во всех пяти случаях из свыше чем 270, когда летописец говорит о „Руси" и „русьскых" как о варяжском племени, перед нами не живое словоупотребление, а только домысел летописца: летописец называет Русью варягов только тогда, когда говорит о происхождении названия Русь и относит эту варяжскую „Русь" к далекому прошлому. Откуда взял это летописец? Вспомним, что летописец часто обращался к византийским историческим источникам. В Византии же называли русскими не только славян, но нередко и норманов. Так делает Симеон Логофет, так делает и Константин Багрянородный („русские" названия днепровских порогов противопоставлены им славянским и носят все признаки скандинавского происхождения). Это и понятно: наемные дружины русских князей, в которых было немало варягов, послы русских князей, нередко также варяги, являлись в Константинополь и настойчиво твердили, что они „от рода русского" (см. договоры с греками) — их и называли „русскими" — людей, признававших своею родиною Русь и представительствовавших Русское государство (см. комментарии к выражению „от рода" на стр. 245). Летописец, имевший дело с византийскими историческими источниками, не мог не знать этого вторичного значения слова „русский" в Византии. Оно пришлось ему наруку, и вот почему. Летописец неоднократно прибегает к объяснениям названий племен и политических объединений от иноземных выходцев (эта традиция долго существовала на Руси и впоследствии). Летописец пишет: „Бяста бо 2 брата в лясех, — Радим, а другий Вятко, — и пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи"; или „а Туры (пришел из-за моря и сел в) Турове, от него же и туровци

прозвашася" (под 930 г.). По этому трафарету создана летописцем и легенда о приходе из-за моря Рюрика, Синеуса и Трувора со всем своим родом Русью, от которого и „прозвася Руская земля". Это утверждение летописца — чистый домысел, трафарет исторического мышления летописца, его гипотеза, с которой пора перестать считаться. Итак, нет никаких серьезных оснований считать, что слова „Русь" и „руський" первоначально означали только варягов, или только южное племя полян, или только господствующую „верхушку" русского населения. По существу все узкие значения этих слов исходят из понятия общего и основного, объединяющего всех восточных славян. Более узкие значения — производны. Сосуществование многих узких значений наряду с основным широким и наболее древним — одно из обычнейших явлений семантики, с чем необходимо было бы серьезно считаться, чтобы не впадать в ошибки, аналогичные Несторовой. Не ясно только самое происхождение слова „Русь", его этимология. Отметим, однако, что как на юге Руси, так и на севере слово Русь имеет соответствие в древних географических названиях (река Руса на севере, река Рось на юге и т. д.). Нельзя искусственно разрывать происхождение слова Русь и считать, как это делали некоторые исследователи (В. А Брим, а за ним и другие), что на севере слово „Русь" имело одно происхождение, а на юге — другое, случайно совпавшие в едином звучании. Так можно предполагать разве только с отчаяния перед сложностью проблемы. Во всяком случае сложный вопрос происхождения слова „Русь" требует пристального изучения.

Земля наша велика и обилна. „«Обилие» в наших старых письменных памятниках, — пишет акад. Б. Д. Греков, — обозначает прежде всего изобилие хлеба, продовольствия. «Бывши бо единою скудости в Ростовской области, востаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве, кто обилие держит». Из дальнейшего видно, что под обилием действительно разумелся прежде всего хлеб. В духовной новгородца Климента (XIII в.) читаем: «Даю за все то два села с обильем, и с лошадьми, и с бортью...». Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям фразу «земля наша велика и обилна», безусловно имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 46).

старѣйший, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ. В Лаврентьевской летописи после слова „Рюрик" оставлено незаполненное место; в Московско-академическом списке и в сгоревшей Троицкой летописи — „седе Новегороде". В Ипатьевской же летописи сказано, что Рюрик сел в Ладоге. Такое различие объясняется тем, что в Начальном своде (см. Новгородскую первую летопись, где этот свод отразился), в первой и во второй редакциях „Повести временных лет" Рюрик обосновывается в Новгороде, а в третьей

редакции „Повести временных лет“ Новгород был заменен Ладогой. Указание на причину такой замены находим в самом тексте третьей редакции „Повести временных лет“, представленной Ипатьевской летописью. В самом деле, третья редакция „Повести временных лет“ тесно связана с сыном Мономаха — Мстиславом, к судьбе которого она очень внимательна. Мстислав же, как явствует из третьей редакции „Повести“, был в 1114 г. в Ладоге при закладке каменной стены, летописец вел там беседы с Гурятой Роговичем и ладожским посадником Павлом, от которых записал некоторые ладожские рассказы (см. в „Повести временных лет“ под 1096 и 1114 гг.). Очевидно, что исправление в третьей, Мстиславовой, редакции „Повести временных лет“ Новгорода на Ладогу и объясняется теми рассказами, которые были услышаны Мстиславом или его летописцем в Ладоге: это, следовательно, местное ладожское предание. Лаврентьевская летопись, в основном, сохранила нам вторую редакцию „Повести временных лет“, но в смешении с третьей. Объясняется это вот чем: владимирские летописцы, предшественники Лаврентия, получили „Повесть временных лет“ в двух редакциях в составе летописей Переяславля Русского (Южного). Первоначально они получили ее во второй редакции в составе епископского летописца Переяславля Русского, ведущего свое начало от летописца переяславского епископа Сильвестра, составителя второй редакции „Повести временных лет“ (Сильвестр был сначала игуменом Выдубицкого монастыря, где он составил вторую редакцию „Повести временных лет“, а затем епископом Переяславля Русского, где он положил начало епископскому летописанию). Затем владимирские летописцы получали свой летописный материал, касавшийся южной Руси, из княжеского летописца Переяславля Русского. Княжеский же летописец Переяславля Русского был начат Мстиславом Владимировичем, при котором была создана третья редакция „Повести временных лет“ (в 1118 г.; см.: Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 177—179, 274 и др.). Летописцы Владимира Залесского, заметив противоречие между епископской и княжеской летописью в определении места, где сел Рюрик, оставили свободное место. Оттого и в Лаврентьевской летописи здесь пропуск: этот пропуск — знак добросовестности летописца как историка, не решившегося предпочесть какую-либо из версий.

ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. Слова „от рода“ здесь, очевидно, означают не родовое происхождение, а родовую принадлежность (принадлежность к организации рода). В самом деле, при первом понимании слов „от рода“ текст оказывается бессмысленным („теперь новгородцы происходят от варягов, а раньше происходили от славян“), при втором же значении слов „от рода“ текст этот следует понимать так: „новгородцы принадлежат к политической организации варягов (тех варягов, которые стоят во главе их политической

организации), а раньше, т. е. до призвания варягов, входили в организацию славянскую". Такое значение слов „от рода" встречаем и в других местах „Повести временных лет"; например, в тексте договора 911 (912) г.: „мы от рода рускаго Карлы, Инегелд...", и в тексте договора 945 г.: „мы от рода рускаго съли и гостье...". В этих перечислениях имен русских послов попадаются имена варяжские, чудские, восточные наряду со славянскими. Следовательно, в договорах говорится не о „происхождении" послов от „рода русьскаго", а о их принадлежности к государственной организации Руси, они представители Русского государства — „от рода русьскаго". Это указывает на то, что в X—XI вв. главенствующий признак организации людей стал не „кровный", а политический. В языке еще сохраняется терминология „родового строя", но содержание этой терминологии уже новое; слова „от рода рускаго" равносильны словам „от русскаго государства" и не означают „от племени русского", как думали некоторые исследователи (ср. также стр. 253).

И бяста у него 2 мужа, не племени его [Рюрика], но боярина. Здесь настойчиво подчеркнуто, что Аскольд и Дир — самозванные князья. Скрытая мысль летописца состоит в том, что полноправные князья только из „племени" Рюрика. Самозванство Аскольда и Дира вновь подчеркнуто под 882 г. в рассказе об их убийстве Олегом. Законность только одной династии русских князей — тех, которые происходят от Рюрика, подчеркнута и в других местах „Повести временных лет".

К стр. 19

864 В лѣто 6372. Под этим годом читаем в Никоновской летописи следующий текст: „Убиен бысть от болгар Осколдов сын. Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще, яко «быти нам рабом, и многа зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби новогородцев съветников его". Происхождение этого известия в Никоновской летописи XVI в. не ясно.

865 Въ лѣто 6373. В Никоновской летописи (XVI в.) под этим годом помещено следующее сообщение неизвестного происхождения: „Того же лета воеваша Асколд и Дир полочан и много зла сътвориша".

866 Цесарю же отшедшю на огаряны. Восточные мусульманские народы в средние века признавались потомками легендарных библейских персонажей — Измаила (отсюда их наименование в средние века „измаилтяне"), сына Авраама и его рабыни Агари (отсюда другое их наименование в средние века — „агаряне"). Сами мусульмане считали себя потомками Авраама и его жены Сарры (отсюда их наименование „сарацины"). — Сведения о походе Аскольда и Дира до конца летописной статьи почерп-

нуты летописцем от продолжателя Амартола. Вот этот текст русского перевода продолжателя Амартола: „Царь же на агаряны изыде, воеват Оорифанта в Костянтине граде оставивъ. Дошедшу же ему Чръныа рекы глаголемы, и се абие вѣсть ему епарха посла, яко Русь на Костянтинь град идут, Асколд и Дир. И темь царь прочь не иде. Русь же, внутрь Суда вшедше, много убийство христианом створиша и пришли бо бяху в двоюсту лодей, Костянтинь град оступишя. Царь же дошед едва в град вниде, и с патриархом Фотиемь к сущий церкви святыа Богородица Влахерне, и абие пакы всюнощную молбу створиша, и имя же се приат место то, некоторому князю скифянину родом, Влахерну нарицаему, ту ему убиену бывшу. Тače божественую святыа богородица ризу с песньми изнесше, в мори скуть омочивше. Тишине же сущи и морю укротившуся, абие буря с ветром въста, и вльнам велием въздвигшимся за собь, безбожных Руси лодиа възмяте, и к брегу привержени избиени, яко мало от них от таковыа беды избегнути и в своаси с побеждением възвратишяся“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 511). Слов об Аскольде и Дире, отмеченных выше в русском тексте продолжателя Амартола разрядкою, в греческом тексте нет. Они внесены в цитируемый текст перевода переписчиком или русским переводчиком. Греческий текст продолжателя Амартола вообще не знает имен русских князей. Они взяты русским переводчиком или переписчиком из какого-то другого источника (повидимому народного предания). Не ясно, откуда почерпнул летописец хронологическое определение похода. Его нет у продолжателя Амартола. У Симеона Логофета поход определяется десятым годом царствования Михаила III (царствовал 842 — 867 гг.), тогда как в „Повести временных лет“ — „в 14 лѣто“.

дошедшю ему Черные рѣки. Черная река — возможно Мавропотам, которая течет в западной части Фракийского полуострова и впадает в Эгейское море.

епархъ — ἔπαρχος, начальник; правитель города.

Си же внутрь Суду вшедше. Суд — Золотой Рог, залив и гавань в Константинополе.

къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахѣрнѣ. Церковь в Влахернах (так называлась часть Константинополя вдоль Золотого Рога между Ираклиевой стеной и берегом), посвященная богоматери, славилась „чудотворной“ иконой божьей матери.

Въ лѣто 6375. В Никоновской летописи (XVI в.) под этим годом поме- 867
щены следующие сообщения неизвестного происхождения: „Възвратишася Асколд и Дир от Царяграда в мале дружине, и бысть в Киеве плачь велий. Того же лета бысть в Киеве глад велий. Того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир. Того же лета избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много новогородцкых мужей“. Первая фраза этой

статьи читается, кроме Никоновской летописи, и в других поздних летописях (Воскресенской, Тверской, Софийской первой). Татищев, пользовавшийся при написании своей „Истории российской" не известными нам летописями, первую часть этой статьи (до слов „Того же лета избиша множество печенег") относит к 6374 (866) г., после же этой фразы „того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир" прибавляет: „ходи же и на кривичи и тех победи". — Последнее известие этой статьи Татищев относит к 6377 (869) г. и передает его в следующих выражениях: „Славяне бежали от Рюрика, из Новагорода в Киев, зане убил Вадима храбраго, князя славенскаго, иже не хотеша яко рабы быти варягом", связывая, таким образом, это известие со статьей поздних летописей 6372 (864) г. (см. выше, стр. 246), касающейся Вадима.

868 Поча царствовати Василий. У продолжателя Амартола читаем: „Василий же царствова с Михаилом лето едино и месяци 4 и един лет 19 единодръжец же бысть" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 519). Василий I царствовал с 867 по 886 г. Почему это известие помещено под 868 г., не ясно. А. А. Шахматов объясняет эту дату следующим образом: год 6376 (868) „получился от присоединения к 6360 г., принятому за начало царствования Михаила, цифры 16; это — итог лет царствования Михаила: Михаил, по продолжателю Амартола, царствовал с матерью Феодорою 4 года, один 10 лет, а в соправительстве с Василием 1 год 4 месяца; следовательно, всего 15 лет 4 месяца, что округлено в 16 лет. На самом деле Михаил начал царствовать в 6350 (842) г. и скончался в 6375 (867) г.; ошибка болгарского перевода произошла от того, что он, следуя Ватиканскому или сходному с ним списку (Амартола, — *Д. Л.*), число лет соправительства Михаила с матерью своею Феодорою определял 4-мя («царствова с матерью своею лѣта 4»), между тем как на самом деле это продолжалось 15 лет (так в одних списках продолжателя Амартола) или 14 лет (так в других списках)". (А. А. Шахматов. „Повесть временных лет" и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 60).

869 Крещена бысть вся земля Болъгарьская. Тот же год крещения Болгарии указан в греческом житии архиепископа болгарского Климента.

876 Въ лѣто 6384. Под этим годом в Никоновской летописи XVI в. помещается неизвестного происхождения рассказ о первом крещении Руси при Аскольде и Дире: „О князи рустем Осколде. Роди же нарицаемии Руси, иже и кумани, живяху в Ексинопонте, и начаша пленовати страну римляньскую, и хотяху поити и в Констянтинград; но възбрани им вышний промысл, паче же и приключися им гнев божий, и тогда възвратишася тщии князи их Асколд и Дир. Василие же много воиньствова на агаряны и манихеи. Сътвори же и мирное устроение с прежереченными

русы, и преложи сих на христианство, и обещавшеся креститися, и просиша архиерея, и посла к ним царь. И внегда хотяху креститися, и пакы уныша, и реша ко архиерею: «Аще не видим знамение чюдно от тебе, не хощем быти хрестиане»; архиерей же рече: «Просите еже хощете». Они же реша: «Хощем, да ввержеши святое евангелие во огнь, иже учит Христова словеса; да аще не згорит, будем христиане, и елика научиши нас, сохраним сиа и не преступим». И рече архиерей: «Елико просите, будет вам». Повеле и сотвориша огнь велий, и въздев руце свои на небо архиерей и рече: «Христе боже, прослави имя свое!» и постави святое евангелие во огнь, и пребысть много время в нем, и не прикоснуся его огнь. Сие видевше Руси удивишася, чюдящеся силе Христове, и вси крестишася".

Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, от рода ему 879
суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми. Новгородская первая летопись, в которой отразился предшествовавший „Повести временных лет" Начальный свод, знает князя Игоря, сына Рюрика, при котором был воеводой, а не князем Олег. При этом Игорь — взрослый князь и действует он с Олегом совместно. А. А. Шахматов объяснил, почему составитель „Повести временных лет" переделал версию предшествовавшего ему Начального свода, сделав Олега из воеводы князем: составитель „Повести временных лет" получил дополнительный исторический источник в виде договоров русских с греками, включенных им в свой текст. В этих договорах Олег выступает как самостоятельный князь. Чтобы объяснить, почему Олег правит как князь, составитель „Повести временных лет" и сделал сына Рюрика Игоря малолетним, а Олега „регентом", но, стремясь поддержать идею единства княжеской династии, оговорил все же, что Олег — родственник Рюрика („от рода его суща"). Однако древнейшая киевская летопись, предшествовавшая Начальному своду, знает Олега как князя, а не как воеводу. Как князя поминают Олега и Иларион в своем „Слове о законе и благодати", и автор „Памяти и похвалы князю русскому Володимеру". Чем же объяснить, что различные летописцы то переводят Олега из князей в воеводы, то возвращают его снова в княжеское достоинство? А. А. Шахматов считает, что все эти династические комбинации летописцев имели целью утвердить единство княжеского рода (Разыскания . . . , стр. 916—921). Единства же этого, по существу, не было: Игорь и Олег родством между собой связаны не были (А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгр., 1915). Необходимо отметить, однако, что до конца выяснить причины, почему составитель Начального свода перевел Олега из князей в воеводы, А. А. Шахматову не удалось. В. Л. Комарович предположил, что причиной перевода Олега из князей в воеводы была борьба христианина-летописца с пережитками язычества Рядом остроумных соображений В. Л. Комарович доказывал, что „Вещий" князь Олег считался родона-

чальником русских князей и служил объектом языческого культа (см. ниже, стр. 270). Борясь с культом „родоначальника“ киевских князей Олега, составитель Начального свода и „перевел“ его из князей в воеводы, из которых составителю „Повести временных лет“ на основании полученного им в руки договора Олега с греками вновь пришлось его вернуть в княжеское достоинство (В. Л. Комарович. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XII в. Архив Института литературы АН СССР).

К стр. 20

882 Поиде Олегъ, поимъ воя многи... и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ... Некоторые исследователи (В. А. Пархоменко и др.) считали мало вероятным поход Олега из Новгорода в Киев. Однако движение с севера на юг было вполне естественным: дороги для походов Олега, Игоря и других были проторены торговыми связями севера с Константинополем. Движение Олега из Новгорода на юг в Киев и дальше на Царьград — это единое движение. Ср. сведения, сообщаемые византийским историком X в. Константином Багрянородным в сочинении „Об управлении государством“, о Киеве как о торговом центре Руси на пути к Константинополю: „Однодеревки (русские ладьи с основанием, выдолбленным из одного дерева), приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Новгорода, в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски (Смоленск), из Телюцы (повидимому из Любеча), Чернигош (из Чернигова) и из Вышгорода. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самват“ (Константин Багрянородный. Об управлении государством. Известия ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8). Важно отметить, что и последний поход на Византию Владимира Ярославича в 1044 г. был предпринят также из Новгорода. Однако Олег не рассматривал Киев только как этап на пути в Константинополь. Олег превращает Киев в столицу Руси (см. ниже), может быть делая это на том же основании, на котором позднее Святослав пытался перенести столицу из Киева еще дальше на юг — в Переяславец на Дунае (969 г.).

оттуда поиде внизъ, и взя Любецъ, и посади мужь свои. В предшествовавшем „Повести временных лет“ Начальном своде Олег и Игорь от Смоленска спускаются прямо к Киеву (см. в Новгородской первой летописи: „и налезоста Днепрь реку и Смолнеск град; и оттоле поидоша вниз по Днепру, и приидоша к горам кыевьским“). Откуда же летописец мог взять эту новую деталь — захват Любеча? Составитель „Повести временных лет“ исправил рассказ предшествующего Начального свода (он читается сейчас в составе Новгородской первой летописи) по договорам Олега с греками. Представляется поэтому вероятным, что и упоминание Любеча вставлено

им на основании первого из договоров Олега с греками 907 г., в котором Любеч назван среди городов, подвластных Олегу: „И заповеда Олег... даяти уклады на рускыа грады: первое на Киев, таже на Чернигов... на Любечь и на прочаа городы, по тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще". Этих „великих князей" составитель „Повести временных лет", согласно своей теории единства русской княжеской династии, отожествил с „мужами", посаженными Олегом.

И придоста къ горамъ хъ киевьскимъ. Откуда могло здесь явиться двойственное число („придоста")? Мы вправе были бы здесь ожидать либо единственное, либо множественное (поскольку в предшествующем тексте говорится только об Олеге, отправившемся вниз, „поим воя многи"). Разгадка заключается в предшествовавшем „Повести временных лет" тексте Начального свода (отразившемся в составе Новгородской первой летописи). В этом Начальном своде говорится все время о двух предводителях похода — князе Игоре и его воеводе Олеге. Там это двойственное число постоянно и употребляется: „И начаста воевати, и налезоста Днепрь реку... и узреста город Кыев... и потаистася в лодьях, и с малою дружиною излезоста на брег... и съзваста Асколда и Дира". Составитель „Повести временных лет" переделал рассказ предшествующего Начального свода: Олег у него князь, а не воевода (согласно с данными привлеченных им к летописанию договоров Олега с греками), Олег является единственным предводителем похода при малолетнем Игоре. Однако след старого текста, где поход предводительствуется двумя — Игорем и Олегом, сохранился в этом употребленном здесь двойственном числе.

яко Осколдъ и Диръ княжита. Соправительство двух князей необычно для Руси. Арабский писатель X в. Масуди говорит о славянском князе Дире, не упоминая об Аскольде. Возможно, что Аскол и Дир в разное время княжили на Руси. Они могли быть сделаны соправителями в народном предании, прикрепленном к их могилам в Киеве. Такого рода объединения общей одновременной смертью разновременных князей обычны: например в „Повести о разорении Рязани Батыем", где в битве с татарами погибают князья, на самом деле умершие естественной смертью раньше или позднее (Д. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем. Сб. „Воинские повести древней Руси", М. — Л., 1949, стр. 129). Следует отметить, что в позднейших летописных сборниках Олег убивает не Аскольда и Дира, а Кия, Щека и Хорива (возможно, на основании каких-то устных преданий; см.: Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 126 и сл.).

И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя... Литературоведы приводили многочисленные параллели из литератур египетской, греческой, римской, иранской, монгольской и всех западноевропейских, чтобы доказать

распространенность мотива взятия города с помощью спрятанных или переодетых купцами воинов (А. С. Орлов. Сказочные повести об Азове. 1906, стр. 158 и сл.). Однако нет никакой нужды прибегать к такого рода параллелям: захваты городов с помощью переодетых или спрятанных воинов были обычным явлением в жизни и непосредственно из жизни проникали в литературу. В частности в Симеоновской летописи под 1446 г. рассказывается о захвате Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским Троицкого монастыря с помощью переодетых и спрятанных воинов: „Он же [Иван Можайский] повеле сани многы изрядити, как возы с рогазинами, а инии с полстми, а в них по два человека в доспесе, а третей после идеть, как бы за возом. И как преднеи [возы] уже их [стражу] минуша, и тако выскакаша вси из саней и изнимаша их". Ср. взятие персидского города Фарабада Степаном Разиным и т. д.

Да придѣта к намъ к родомъ своимъ. Никоновская летопись следующим образом объясняет это странное приглашение „гостя" (купца) Олега притти к нему киевским князьям: перед этой фразой Олега в его речь вставлено следующее разъяснение: „и ныне в болезни есмь, и имам много великаго и другаго бисера и всякого узорочиа, и еще же имам и усты ко устам речи глаголати наша к вам". В ответ на это Аскольд и Дир „придоста в мале зело дружине и в лодью влезоста видети болнаго гостя".

где ныне Олъминь дворъ. Дворы киевских бояр, как своего рода топографические вехи, неоднократно упоминаются в „Повести временных лет" и в последующей киевской летописи (ср. под 945 г.: „идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров... идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин").

на той могилѣ поставилъ Олъма церковь святаго Николу. Кто такой был этот Олъма — строитель церкви Николы, чей двор находился от нее невдалеке, — не ясно.

а Дирова могила за святою Ориною. Церковь Ирины с монастырем Ирины была выстроена при Ярославе (Повесть временных лет, 1037 г.) недалеко от церкви Георгия в пределах так называемого Ярославова города.

и рече Олегъ: „Се буди мати градомъ русьскимъ". Слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси (ср. аналогичный термин в греческом: μητρόπολις — мать городов, метрополия, столица). Именно с этим объявлением Киева столицей Русского государства и связана последующая фраза: „и беша у него варязи и словени и прочи [в Новгородской первой летописи — „и оттоле", т. е. с момента объявления Киева столицей Руси] прозвашася Русью". Следующими двумя государственными начинаниями Олега были: укрепление городов („и нача городы ставити") и организация регулярного обложения населения данью на

огромном пространстве всей Руси („и устави дань словеном, кривичем, и мери...“). Летописец, таким образом, последовательно изображает государственную деятельность Олега с момента его вокняжения в Киеве.

И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася Русью. Смысл этих слов не совсем ясен (прозвались Русью только „и прочии“ или также и варяги со словенами; с каких пор и почему они так прозвались). В Новгородской первой летописи, отразившей в своем составе более древний чем „Повесть временных лет“ Начальный свод, князь, севший в Киеве, назван Игорем (об этом см. выше), а вся фраза читается так: „и беша у него в а р я з и м у ж и словени, и о т т о л е прозвашеся Русью“. Предполагаю, что этот более древний текст одновременно и более правильный. Смысл его таков: и были у него (у Игоря или Олега) наемные дружинники („варяги“ в данном случае не национальность, а профессия) из новгородских словен, и с тех пор („оттоле“), как северный князь (Игорь или Олег) водворился в Киеве (а по „Повести временных лет“ еще и объявил этот Киев столицей Руси — „матерью городов“), они стали называться русскими вообще, а не новгородцами или варягами. Ср. выше в „Повести временных лет“ фразу: „и от тех... прозвашася варягы, прежде бо беша словене“, смысл которой в том, что новгородские дружинники („словене“) прозвались „варягами“ со времени призвания князей. Итак, летописец точно отметил, с каких пор и при каких обстоятельствах княжеских дружинников стали называть в Новгороде „варягами“ (под 862 г.) и когда их в Киеве перестали называть „варягами“, а стали звать просто русскими (под 882 г.). Действительно, уже в договорах Олега и Игоря дружинники князя (будь то скандинавы, киевляне, новгородцы или „чудь“) говорят о себе: „мы от рода рускаго“ (см. выше стр. 246).

и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери. Акад. Б. Д. Греков обратил внимание на самую терминологию этого сообщения: Олег „устави“ дань, а не „възложи“; термин же „устави“ употребляется в смысле упорядочения, узаконения определенного порядка, тогда как „възложи“ употребляется о наложении дани на покоренные народы; см., например, ниже, под 884 г: „и победи северяны, и възложи на нь дань легъку“ (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, ср. стр. 298 и др.). Следовательно, по отношению к словенам, кривичам и мери Олег действует не как завоеватель, а как государственный деятель, определяющий повинности своих подданных.

и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ. Не все летописи одинаково передают это известие. В Уваровской летописи (Увар. № 188 Исторического музея) читается следующий текст: „И дань устави по всей земли: с Новагорода по 300 гривен, иже и доныне дают“. Здесь нет и речи

о варягах. Древность этого текста подтверждается и заключением: „иже и доныне дают". Летопись Уваровская № 188 представляет собою ростовский свод, одним из источников которого послужили весьма древние новгородские летописи. Тот же текст читается и в Кирилло-белозерской летописи (сокращенной). Ермолинская летопись логично опустила слова „иже и доныне дают". Поздние новгородские летописи дают такую поправку: „еже не дают". Повидимому, наиболее древний текст дошел до нас в Уваровской летописи и в сокращенной Кирилло-белозерской. Киевский князь собирал дань, конечно, для себя, и вряд ли мог устанавливать дань в пользу варягов (ср. в „Повести временных лет" под следующими 883, 884 и 885 гг. о возложении дани киевским князем в свою пользу). Слова „Повести временных лет" „еже до смерти Ярославле даяше варягом" — поправка предшествующего текста Начального свода (слов „иже и доныне дают"), аналогичная поправка в Ермолинской, поздних новгородских летописях и т. п., с тою только особенностью, что составитель „Повести временных лет" и здесь оказался во власти своей „варяжской теории" (см. о ней выше, стр. 113).

883
885 Въ лѣто 6391... Въ лѣто 6392... Въ лѣто 6393. Летописные статьи этих лет последовательно говорят о продолжении Олегом государственного дела объединения Руси, начатого в 882 г. захватом Киева, объявлением его столицей Русского государства, организацией его обороны и сбора дани. Под 883 г. говорится о подчинении Олегом (в Новгородской первой летописи Игорем) ближайших древлян и об обложении их данью. Под 884 г. говорится о подчинении Олегом более отдаленных северян и также об обложении их данью. Под 885 г. говорится о подчинении Олегом радимичей и также об обложении их данью. Не удалось Олегу покорить только уличей и тиверцев, но он пытался и их подчинить, что отмечено летописцем, конечно, не случайно.

и въдаша Ольгови по щьлягу. Щьляг — монета, точное значение и происхождение которой не выяснено. Еще раз эта монета упомянута под 964 г. Повидимому, это монета польская (ср. литовск. szillings, англо-сакс. scilling, гот. skilliggs, польск. szelag). Сбор дани с радимичей и вятичей польскою монетой „щелягом" очевидно домысел летописца (так как Радим и Вятко, родоначальники князей радимичей и вятичей — „от рода ляхов"!). На самом деле археологи никаких „щеляг" на территориях этих племен не находили. В главе „Деньги и денежное обращение" „Истории культуры древней Руси" (М.—Л., 1949, стр. 376) Б. А. Романов пишет: „Начальная летопись сохранила не одно предание об обложении данью тех или иных покоряемых племен в IX и X вв. Они были записаны рукою городского летописца в середине XI в. и поэтому могут больше характеризовать современную ему действительность, чем точно воспроизводить факты, относимые им за 200 или за 100 лет назад; повидимому, упоминаемые в его записях разнообразные формы дани бытовали еще и в XI в. Преимущественно это — натура: «белая

веверица», якобы взимавшаяся «от дыма» в середине IX в. варягами с северных славяно-финских поселений и хазарами с южнорусских племен (Лавр. л., 859 г.); «черная куна», взимавшаяся будто бы Олегом с древлян (Лавр. л., 883 г.). Но относительно радимичей и вятичей в преданиях об Олеге и Святославе, записанных в той же летописи (885 и 964 гг.), упорно выступает упоминание о «щеляге» (шиллинге), который взимался издавна хазарами тоже «от дыма». Но было бы неправильно по этим слишком общим определениям строить представление об экономическом уровне тех или иных племен в целом и считать, например, радимичей или вятичей, сплошь охваченными денежным обращением даже и в XI в. «Племена», попадавшие под киевскую или иную дань, представляли собою в XI в. уже достаточно дифференцировавшиеся общества со своими князьками, своими «вятшими» (т. е. лучшими) людьми, и самый сбор дани с них в деталях определялся степенью сложности этих внутриплеменных отношений. С точки зрения метрополии-покорительницы, все это были «смерды»; но сбор дани с этих «смердов» ложился на готовую местную организацию и, приспосабливаясь, использовал тот механизм, который уже был у этих племен налицо. Известная запись I Новгородской летописи о походе новгородцев на Югру (1193 г.) сообщает о способе сбора дани... Дань здесь рисовалась воображению пишущего как результат систематического и длительного (если не точно годичного) накопления и денег, и натуральных ценностей, собранных самими данниками без вмешательства покорителей в технику этого дела и определение предметов этого сбора, а тем более накопления. В таких случаях какой-либо мех или монета «от дыма» указывали лишь на счетный прием для вычисления общей суммы дани, а не на действительное наличие в каждом обитаемом «дыме» (т. е. дворе) этой монеты или именно этого сорта меха. А как шло это «накопление», какие внеэкономические или экономические приемы и методы шли в ход внутри данной племенной организации, до этого победителю не было никакого дела; победитель становился лицом к лицу с местными князьями и с «городами», а не с массой и не с какой-нибудь лесной деревушкой. А это на практике открывало неограниченные возможности всяческих конверсий натуры в деньги и обратно...".

К стр. 21

Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6. Сведение это взято из продолжателя Амартола: „По умертвии же Василиеве самодержавному приатию Леон бысть премудрый и царствова лет 20 и 6 и месяць 8" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 527). Помещение этого сведения под 6395 (887) г. могло объясняться тем, что о предшествующем императоре Василии I Македонянине (867—836), чье вступление на престол 887

помещено под 6376 (868) г., сказано, что он царствовал 19 лет. Вычисленная таким образом летописцем дата (887 г.) лишь относительно точна.

898 Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское. Представляет некоторое сомнение тот факт, что угры проходили мимо Киева, не вступив в столкновение с местными племенами. Здесь, возможно, летописец воспользовался топонимической легендой, объяснявшей происхождение названия горы Угорской прохождением здесь (на этом узком участке) угров. Между тем, название это могло иметь и другое происхождение: например — как места стоянки угорских купцов. Возможно, что летописец принял в своем источнике гору Угорскую под Киевом за горы Угорские — Карпаты, через которые действительно перевалили угры на своем пути (см. немного дальше). Дата 898 г. относится, повидимому, к этому движению угров, так как события, о которых повествуется дальше, произошли во всяком случае до 885 г. (год смерти Мефодия) и до 869 г. (год смерти Константина). По этому поводу А. А. Шахматов пишет: „То обстоятельство, что 6406 (898) г. довольно близко соответствует времени движения угров в Западную Европу, заставляет признать эту дату не случайною и не придуманною. Мадьяры в 893 г. были уже на устьях Дуная; император Леон дарами склонил здесь их военачальников Арпада и Кусана напасть на болгар, тревоживших империю. Отразив их нападение, Симеон болгарский обратил свое оружие против греков. После победы над ними у Булгарофила Симеон в союзе с печенегами напал на мадьяр в Бессарабии и принудил их удалиться к северу, где они утвердились окончательно между Дунаем и Тиссой. Отсюда видно, что нападение мадьяр на живших по Дунаю словен может относиться ко времени около 893 г.: к 895 г. относится занятие ими южной части современной Венгрии. Думаю, поэтому, что датой 6406 (898) г. определялось в „Сказании о преложении книг“ овладение мадьярами средним течением Дуная и покорение ими живших здесь словен. Совершенно естественно, что составитель „Повести временных лет“ этой датой, найденною им в „Сказании“, определил появление мадьяр с востока и предполагаемое им (на основании географической терминологии) прохождение мадьяр через Киев“ („Повесть временных лет“ и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 83).

аки се половци. Половцы (куманы) впервые появились в южно-русских степях в 30—40-х годах XI в. Первая встреча Руси с половцами отмечена под 1054 г. Этим определяется крайняя дата написания этого места летописи.

Бѣ единъ языкъ словѣнескъ. Этими словами вводится рассказ об обретении славянской грамоты и моравской миссии Кирилла (Константина) и Мефодия, который А. А. Шахматов, Н. К. Никольский и др. считают существовавшим в отдельном от летописи виде и включенным в состав „Повести временных лет“ в числе других материалов. Действительно, пред-

мет этого рассказа выходит из поля зрения киевского летописца XI—XII вв. и, вместе с тем, обнаруживает довольно точное знакомство его автора с событиями деятельности Константина и Мефодия и западно-славянской историей. А. А. Шахматов предложил назвать рассказ этот „Сказанием о преложении книг на славянский язык" и предполагал, что он включен в „Повесть временных лет" в неполном виде. Возможно, что это „Сказание" послужило основой для некоторых сведений, сообщаемых в космографическом введении к „Повести временных лет" (см. выше). Не ясно, чем вызвано помещение этого „Сказания" под 898 г. Во всяком случае, эта дата переложения книг неточна, так как Константин умер в 869 г., а Мефодий в 885 г. Другие источники указывают дату создания славянской азбуки — 885 г. н. э. Повидимому, датой 898 г. определяется лишь движение угров мимо Киева (см. выше). Отрывки из недошедшей части „Сказания" отыскиваются А. А. Шахматовым в хронографической „Повести о латынех, когда отлучишяся от грек" (см. у А. Попова: Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 178 и сл.). „Сказание" в качестве источника пользовалось Житием Мефодия, но только во второй части, а первая написана по памяти и заключает неточности (отмечаем их ниже).

Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ. Летописец утверждает, что славянская азбука создана Кириллом-Константином, о чем и рассказывает далее. Это не означает, однако, что азбука, созданная Кириллом (Константином), была п е р в о й славянской азбукой и что до нее не было другой, даже с точки зрения летописца. О существовании славянской письменности еще до Кирилла-Константина мы находим сведения в „Путешествии" (начало X в.) арабского писателя Ибн-Фадлана (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 83), в „Книге росписи наукам" арабского писателя Ибн-эль-Недима X в. (А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 201). Ибн-эль-Недим пытается воспроизвести и славянскую надпись, но, повидимому, очень неточно. Древнейшая русская надпись относится к первой половине X в. (Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник АН СССР, 1950, №4). Глиняные сосуды со знаками, напоминающими буквы, были найдены В. А. Городцовым при раскопках в районе Рязани (В. А. Городцов. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками. Археологические заметки, 1897, №12, стр. 389; 1898, № 11—12, стр. 370—371). О знаках, напоминающих буквы, на медных бляхах из тверских курганов говорит А. В. Арциховский (Введение в археологию. М., 1941, стр. 112). О наличии письменности на Руси еще до принятия христианства прямо свидетельствуют договоры русских с греками (см. ниже стр. 278). В сказании о „письменах славянских" черноризца Храбра прямо говорится о каких-то „чертах и резах" еще до Кирилла:

„Прежде убо словене не имеху книг, чертами и резами чьтяху и гатааху (считали, — *Д. Л.*), погани суще, крестивше же ся, римьскыми и гречьскыми письмены нуждаахуся писати" (Н. Шафарик. Славянские древности, Часть историческая, т. II, кн. III, 1842 стр. 109—110). Наконец, в самом житии Кирилла-Константина имеется рассказ о том, что Кирилл-Константин в Корсуни встретился с русским, имевшим русские книги: „и дошед Хорсуня... обрете же ту Евангелие и Псалтирь, русьскими письмены писано, и человека обреть, глаголюща тою беседою, и беседовавь с ним и силу речи приемь, своей беседе прикладая различни письмень гласнаа и согласнаа и к богу молитву творя, вскоре начать чести и сказати и мнози ся ему дивляху" (Житие Константина Философа. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1865, апрель—май, стр. 75). Некоторые исследователи пытались, однако, доказывать, что „русьскии" письмена в этом житии не являлись на самом деле русскими, но безуспешно. Необходимо, однако, отметить, что в самой древней Руси было распространено убеждение, что та самая русская грамота, которую Кирилл-Константин нашел в Корсуни, и легла в основу славянской грамоты Кирилла. Так, в похвале русскому языку, читающейся в русской Хронографической Толковой Палее, источники которой восходят к русскому сводному произведению киевского периода, имеется следующее место, до сих пор не обращавшее на себя внимания всех писавших о начале русской письменности: „Се же буди ведомо всеми языкы и всеми людьми, яко же русскыи язык ни от куду же приа святыа веры сиа и грамота рускаа никим же явлена, но токмо самим богом вседержителем, отцем и сыном и святым духом. Володимеру святый дух вдохнул веру прияти и крещение от грек и проча наряд церковный, а грамота рускаа явилась богом дана в Корсуне руску, от нея же научися философ Костянтин, отуду сложив, написав книгы рускым гласом, и еврейстей грамоте тогда же извыче от самарянина в Корсуни. То же муж русин бысть благоверен помыслом и добродетелью, в чистей вере един уединився и тъй един от руска языка явися преже крестьяный и не ведом никимь же откуду есть бысть" (В. М. Истрин. Редакции Толковой Палеи, I—V. СПб., 1907, стр. 61). Таким образом, сознание того, что Кирилл не явился первым изобретателем славянской письменности и что какое-то русское письмо существовало уже до Кирилла, было распространено еще в древней Руси, хотя и было облечено в свойственные тому времени религиозные формы.

Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу. Первая часть „Сказания о преложении книг на славянский язык" отличается многими неточностями и возможно, как отмечено нами выше, составлена по памяти без всякой справки с источниками. Посольство к императору Михаилу не было отправлено от Ростислава, Святополка и Коцела, так как Коцел был немецким вассалом и не имел права самостоятельных сношений с Византией. В 862 г. в Константинополь прибыло посольство только от

моравского князя Ростислава. В основе желания Ростислава завязать отношения с Византией лежали политические цели. Дело в том, что до этого времени христианство распространялось в Моравии немецким духовенством. Для того, чтобы сохранить культурную и религиозную самостоятельность чехо-моравских племен, Ростислав искал союза с Византией. Послы Ростислава, как об этом свидетельствуют „паннонские жития“ Кирилла-Константина Философа и Мефодия, обратились с просьбой к императору вести проповедь христианства на славянском языке (немецкое духовенство вело ее на латинском). Послы говорили, что немецкие, латинские и греческие миссионеры „учаще ны различь“, между тем как „мы словени проста чадь“.

К стр. 22

Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ. По данным Жития Мефодия, когда прибыло моравское посольство, Льва (отца Константина и Мефодия) уже не было в живых. Это одна из неточностей первой части „Сказания о преложении книг на славянский язык“, отмеченных нами выше.

И умолена быста царемъ. Согласно житию Кирилла и Мефодия император Михаил говорил Кириллу-Константину: „слышиши ли, философе, речь сию (т. е. послов Ростислава, — *Д. Л.*), ин сего да не можеть сотворити разве тебе“. Император Михаил подчеркнул, что в нем, в Кирилле, заключены „дари мнози“ для проповеди среди славян, в особенности — знакомство братьев со славянским языком: „вы бо еста селунянина, да селуняне вси чисто словеньскы беседують“ (в Солуни было довольно многочисленное славянское население). Кирилл, как утверждается в житии, согласился итти проповедывать христианство к славянам, если только у них есть письменность: „рад иду тамо, аще имуть букви в язык свой“. На это император ответил: „дед мой и отець мой и инии мнози, искавше того, не обрели суть, то како аз то могу обрести“. Кирилл возразил: „то кто можеть на воде беседу написати или еретичьско имя себе обрести“. Прежде чем итти к славянам (а не придя уже к ним, как в „Повести временных лет“) Кирилл изобрел азбуку. — Древнейшие памятники славянской письменности дошли до нас в двух алфавитах: в так называемой „кириллице“ (алфавит этот утвердился затем в русской и южнославянской письменности) и в так называемой „глаголице“. В научной литературе существует большое разноречие во мнениях — какой из этих двух алфавитов изобрел Кирилл. Для окончательного вывода твердых данных нет. Пишущий эти строки склоняется к убеждению, что Кириллом была изобретена „глаголица“ — вычурный, явно искусственный алфавит, не получивший затем широкого распространения. „Кириллица“ же (это свое название она получила позднее) находилась в живом употреблении у славянских народов и до Кирилла. Она возникла из

естественных попыток наиболее образованных славян писать по-славянски греческими буквами. При этом было применено греческое уставное письмо, наиболее удобное для письма на твердом материале (камне, дереве, глине). Кирилл не признал греческие буквы за славянский алфавит и, изобретая славянскую азбуку, постарался придать ей возможно больше внешнего своеобразия (ср. резко отличающуюся от русской пермскую азбуку, изобретенную в XIV в. Стефаном Пермским). (Литературу вопроса см. в книге: Л. В. Черепнин и Н. С. Чаев. Русская палеография. М., 1945).

и преложиста Апостолъ и Еуангелье. Книги так называемого Нового завета — Евангелие и Апостол — „поздние обработки теперь утерянных писаний, слабое историческое ядро которых в настоящее время уже стало неузнаваемым под легендарным покровом" (Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, 1936, стр. 430—431). В „Апостоле" сосредоточены письма апостолов, адресованные христианским общинам и отдельным лицам по разным поводам. В них излагается христианское учение применительно к различным случаям общественной и частной жизни. Кроме того, в разделе „Апостольских деяний" говорится о проповеди апостолами христианства в различных странах. В Евангелии рассказывается легендарная история Христа.

Посем же преложиста Псалтырь, и Охтаикъ. Псалтырь — одна из книг Библии: она представляет собой собрание 150 псалмов, сложившихся в разное время и вошедших в богослужебную практику иудейской и христианской религий Октоих — одна из богослужебных книг православной церкви с песнопениями, разделявшимися на восемь „гласов", или напевов (греч. ὀκτώ — восемь, и ἦχος — голос).

Не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ, и латинъ, по Пилатову писанью. Согласно евангельской легенде, на кресте, над головою Иисуса Христа, по приказанию Пилата (римского правителя Иудеи) прибили надпись на еврейском, греческом и римском (латинском) языках: „Иисус Назорей, царь иудейский". На этом основании в западной — римско-католической — церкви было распространено убеждение, что проповедь христианства, христианское богослужение и т. п. могут совершаться только на одном из этих трех языков.

Се же слышавъ папежь римьский, похули тѣх, иже ропьщуть на книги словеньския. Немецкое духовенство сочло ересью перевод книг на славянский язык. Кирилл-Константин и Мефодий были вызваны в Рим, но здесь от только что занявшего папский стол Адриана II получили неожиданную поддержку: зная об успехах Кирилла-Константина и Мефодия в Моравии и Паннонии, Адриан II решил их послать вновь в славянские страны от своего

имени, главным образом для того, чтобы подчинить славян своему влиянию. Кирилл-Константин умер в Риме, а Мефодий возвратился в Моравию с правом совершать богослужение на славянском языке и вскоре по просьбе паннонского князя Коцела был посвящен в сан епископа. Однако покровительство папы было только внешним. Немцы, разбив моравского князя Святополка, заключили Мефодия в тюрьму, откуда он был освобожден уже после того, как Святополк победил немцев.

Костянтинъ же възвратився въспять, и иде учитъ болгарьскаго языка. Житие Мефодия не заключает сведений о возвращении Константина и о его проповеди среди болгар. Проложная статья о Константине-Кирилле говорит, однако, о его проповеди в Болгарии.

К стр. 23

на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святаго апостола Павла. Апостолами („посланниками“) называли 12 избранных учеников Христа, проповедывавших христианство. Название апостола применялось еще к 70 другим первым христианским проповедникам, одним из которых считался и Андроник.

от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене. См. объяснение этих слов выше (стр. 238 и сл.).

Леон царь ная угры... Вся эта летописная статья основана на сведе- *902*
ниях, приводимых у продолжателя Амартола: „Сих же видевь царь, яростию исполнився, Никиту нарицаемаго Склира в реку Дунаеви в лодиах, рекомым дромонии, дати дани угром, яко да на Семеона оружием воюють... Угри нашедшю, всю Болгарскую пленяху землю. Семеон же уведев на угры обратися. Си же противупребредше брань на блъгары съчеташа и победишя блъгары бошию, яко едва Семеопу в Дерестр вбегнути“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 529—530). Здесь имеется в виду попытка византийского императора Льва Философа подчинить себе Болгарию, не хотевшую больше терпеть монопольной эксплоатации своего царства кучкой крупных византийских торговцев. Лев Философ прибег к испытанному способу византийской политики: поднял против болгар венгров. Царь болгарский Симеон с трудом оборонялся от венгров в своих крепостях, но по их уходе разгромил их в Бессарабии. Поход угров имел место не в 902 г., а в 893 г. Откуда взял летописец свою неверную дату, не ясно. Попытка объяснения ее из данных „Никифорова летописца вскоре“ сделана А. А. Шахматовым („Повесть временных лет“ и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 68—69).

903 и приведоша ему жену от Пьскова, именемъ Олгу. В Архангелогородской летописи добавлено: „десяти лет". В Новгородской первой летописи сказано „приведе себе жену от Плескова, именем Олгу" (Игорь здесь действует самостоятельно) и добавлено: „и бе мудра и смыслена, от нея же родися сын Святослав". В Никоновской летописи и других XVI века к этому же году отнесены сборы Игорем войска и кораблей. В Тверской летописи эти сборы приписаны не только Игорю, но и Ольге. Позднее вокруг женитьбы Игоря на Ольге создалось много легенд, но они имеют мало исторических оснований (тексты этих легенд см. в книге: Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 153—158). В Типографской летописи, между прочим, сказано об Ольге: „Нецыи же глаголють, яко Ольга дчи дочь) бе Олга".

907 В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы. Датировка похода Олега на греков иная в Новгородской первой летописи — 6430 (922) г. Начальная часть Новгородской первой летописи заключает в себе текст так называемого Начального свода, более древнего, чем „Повесть временных лет". Хронологические данные Начального свода во многих случаях расходятся с хронологией „Повести временных лет". Начальный свод имел в качестве основы своей хронологии только русский компилятивный хронограф. В компилятивном же хронографе неудачный поход Игоря отнесен к 920 г. вслед за сообщением о венчании Романа на царство. Поход же Олега в Начальном своде изображен как отместка за поражение Игоря, а поэтому и отнесен к 922 г. (921 год отведен под сборы). В „Повести временных лет" же даты походов Олега и Игоря исправлены по датам договоров греков с русскими. Этих договоров не было в руках у составителя Начального свода, — их получил только составитель „Повести временных лет", не только исправивший по ним датировки походов, но обративший внимание и на то обстоятельство, что в договоре Олега 911 г. последний назван не воеводой Игоря, а великим князем русским, действующим при этом вполне самостоятельно. Впрочем, А. А. Шахматов считает, что договора 907 г. не существовало (ср. аналогичные высказывания Эверса, Тобина и Сергеевича). По мнению А. А. Шахматова, статьи договора 907 г. искусственно извлечены составителем „Повести временных лет" из договора 911 г. (см. статью А. А. Шахматова: Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII). Дело в том, что составитель „Повести временных лет" обратил внимание на начальные слова договора 911 г. „равно другаго свещания" (объяснение происхождения этих слов см. ниже, стр. 272). Отсюда составитель „Повести" вывел заключение, что раньше договора 911 г. был еще один договор. Он предположительно отнес его к 907 г., решив, что этот первый договор был предварительным, заключенным сразу же после победы Олега. Текст этого договора 907 г. летописец (со-

ставитель „Повести временных лет") извлек из текста договора 911 г. (об этом см. ниже). Почему же летописец отнес поход Олега и предположительно восстановленный им первый договор именно к 907 г.? Ответ на этот вопрос А. А. Шахматов предположительно строит следующим образом. Годы княжений Олега и Игоря летописец определил (возможно, на основании народных преданий) эпическим числом 33; ср. в конце сказания о смерти Олега от укуса змеи: „и бысть всех лет княжениа его 33", и в хронологической таблице 852 года о княжении Игоря: „а от перваго лета Игорева до перваго лета Святославля лет 33". Дата смерти Игоря была определена в предшествовавшем „Повести временных лет" Начальном своде 945 годом (эта же дата читается и в Новгородской первой летописи). Отсюда дата смерти Олега определялась летописцем как 912 г. (945—33 = 912 г.). На то же, к какому году отнести поход Олега, составитель „Повести временных лет" получил указание из народного предания. В народном же предании о смерти Олега говорилось, что он расстался со своим любимым конем еще до похода на греков. „И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лета, на пятое лето помяну конъ, от него же бяхуть рекли волеви умрети". Следовательно, заключил летописец, поход Олега имел место за пять лет до его смерти, т. е. в 907 г. Такое предположительное построение А. А. Шахматова наталкивается, однако, на одно препятствие: народное предание могло и не иметь этой цифры — 5 лет. Число пять не принадлежит к излюбленным эпическим числам русского эпоса, как 3, 7, 33 и др. Возможно и обратное объяснение: цифра пять легко могла быть вычислена летописцем, если он знал из других источников, что поход Олега относился к 907 г., а смерть — к 912 г.

<u>и тиверци, яже суть толковины.</u> Что означает слово „толковины" — в точности неизвестно. Еще раз слово „толковины" встречается только в „Слове о полку Игореве": „сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великой женчюгь на лоно". Повидимому, слово „толковин" связано со словом „толковать", объяснять, переводить. Ввиду того, что в древности переводчиками обычно выступали жители пограничных районов, можно думать, что тиверци, жившие в тесном общении с греческим населением юга Руси, выступали в качестве переводчиков. Определение тиверцев как переводчиков в данном рассказе вполне логично, если мы примем во внимание, что речь идет о сборах Олега против греков В „Слове о полку Игореве" слова „погание тльковины", повидимому, означают тех „своих поганых", которые представляли собой половцев-язычников, осевших на Русской земле, подчинившихся русской культуре и нередко выступавших в качестве переводчиков в переговорах русских с половцами. Переводчиками считает „тлъковин" и В. М. Истрин („Хроника Георгия Амартола", т. II. Пгр., 1922, стр. 246).

<u>си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь</u> — см. выше, стр. 227.

К стр. 24

и греци замкоша Судъ. Суд — залив Золотой Рог, отделяющий Константинополь от его предместья Галаты. Эта первоклассная гавань „запиралась“ в случае опасности цепью, протягивавшейся между двумя башнями у входа в залив. Турок Джават Эссад так описывает местоположение этой цепи: „Один из концов большой цепи, замыкавшей Золотой Рог, был прикреплен к башне, соседней с этими воротами (выше шла речь о воротах Неория или Евгения, — *Д. Л.*). Другой конец был привязан напротив на берегу Галаты к другой башне, находившейся подле замка, называемого теперь Куршунлу Махзен“ (Джават Эссад. „Константинополь“, изд. Сабашниковых, М., 1919, стр. 98). В саге о Гаральде Грозном говорится о том, как он прорвался в 1042 г. из Константинополя, причем один из его двух кораблей разбился о цепи, протянутые через Суд. В Повести о взятии Царьграда фрягами, написанной каким-то новгородцем-очевидцем и помещенной в Новгородской первой летописи под 1204 г., говорится о том, что крестоносцы („фряги“) „пришедъше в Суд, замкы железныя разбиша и приступивъше к граду, огнь въвергоша 4-рь мест в храмы“. Позднейшие летописи совершенно точно поняли это место „Повести временных лет“. Львовская летопись (XVI в.) разъясняет, что следует иметь в виду под словом „замкоша“: „рекше чипь (цепь, — *Д. Л.*) пропяша от Лахерныя церкви“ (т. е. от церкви божьей матери Влахернитиссы). В Тверской летописи сказано: „сиречь пропяша чепь, протяженную от Галаты до Лахернскиа церкви“. Указание на церковь Влахернитиссы неточно.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. Некоторые из буржуазных литературоведов пытались усмотреть в этом рассказе летописи „странствующий“ литературный сюжет. Однако лодки и корабли, поставленные на колеса, — факт исторической действительности. Так, например, Анна Комнина пишет, что ее отец император Алексей при осаде Никеи греками и крестоносцами велел погрузить легкие суда на повозки и переправить их к озеру около города („Алексиада“, кн. XI, гл. 2, английский перевод E. A. S. Dawes, 1928, стр. 272). Вряд ли литературная выдумка и рассказ римского автора I века н. э. Фронтина о лакедемонском полководце Лизандре, запертом со своим флотом в афинской гавани и отправившем своих воинов в обход сушей на кораблях, поставленных на колеса. В условиях речного судоходства на севере Руси — корабли и ладьи, поставленные на колеса, были явлением обычным. „Волочение“ судов на колесах или катках происходило на Руси главным образом на севере, в местах водоразделов рек — особенно в районе среднерусской возвышенности, сохранившей целый ряд географических названий, связанных своим происхожде-

нием с этим „волочением“ (Вышний Волочок, Заволочье). Киевский летописец рассказывает о движении кораблей Олега по суху, как о чем-то удивительном. Это и понятно — „волоков“ близ Киева не было. Однако для „новгородца“ Олега и его новгородской дружины в этом не было ничего необычного. Сам Олег, направляясь со своими воинами из Новгорода в Киев, неизбежно должен был пройти волоком между верховьями Ловати и Днепра. Нет ничего удивительного также и в том, что при „покосном“, т. е. попутном, ветре на таких поставленных на колеса или катки судах могли подниматься паруса в помощь тем, кто эти суда „волочил“. Характерно, что Олег движется „волоком“ к Царьграду после того, как греки „замкоша Суд“, т. е. после того, как они преградили кораблям путь к Царьграду водою. В связи с этим в Новгородской первой летописи (где читается текст Начального свода) сказано сразу же после известия о том, что греки „замкоша Судъ“: „и повеле (Олег) извлещи корабля на брегъ“, Олег перетянул „волоком“ свои корабли выше протянутых цепей и спустил их в Золотой Рог перед менее защищенной частью Царьграда. К тому же приему прибегли и турки в 1453 г., наступавшие на Константинополь с севера и перетянувшие волоком свои суда из Босфора в Золотой Рог через Перу (см. об этом статью Д. Ф. Беляева в „Byzantina“, кн. III, Изв. классич. отд. Русск. археол. общ., т. IV, СПб., 1907, стр. 82).

Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей. Под Дмитрием разумеется здесь, святой Дмитрий Солунский (IV в. н. э.). Почему Олег сравнивается в данном случае именно с Дмитрием Солунским, не ясно: в житиях Дмитрия нет случая, чтобы последний разгадывал подносимую ему отраву.

И заповѣда Олегъ данъ даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь. Гривна была известна на Руси и как украшение, надевавшееся на шею, и как денежная единица. В штрафной шкале Русской Правды гривна играла ведущую роль. Ее реальная стоимость была высокой: конь, весьма ценившийся в древней Руси, стоил 2—3 гривны; убийство „свободного мужа“ расценивалось по Русской Правде в 40 гривен, „княжого мужа“ (дружинника) — в 80 гривен. В определении количества дани, взятой Олегом с греков, сказалось, конечно, эпическое преувеличение, свойственное фольклору: 960 000 гривен, предполагая вес каждой гривны в одну треть фунта (согласно данным Д. И. Прозоровского: Монета и вес в России до конца XVIII ст., СПб., 1865) составили бы 8000 пудов серебра. Принимая во внимание ценность серебра в X в., это количество следовало бы оценить в 6 720 000 рублей по курсу второй половины XIX в. (Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 377). Однако Б. А. Романов отмечает (там же), что „на территории древней Руси, где не было собственной добычи ни золота, ни серебра, скопилось, в резуль-

тате внешней торговли по трем направлениям (запад, юг и восток) и войн, несомненно, очень значительное количество драгоценных металлов. Не все оно, разумеется, циркулировало в денежной форме; много из него уходило через ремесленную переработку в украшения, предметы жизненной обстановки и обихода. Но за всем тем и в денежной, гривенной (слитковой) форме оно обращалось в немалых, как сейчас увидим, суммах". Б. А. Романов указывает далее, что доходная часть смоленского „бюджета" (по грамоте 1150 г.) определялась круглой суммой в 3000 с лишним гривен. Указывает Б. А. Романов и на то, что расплата с войском, двинувшимся из Новгорода в 1015 г. с Ярославом Мудрым на завоевание Киева, последовала — по 10 гривен горожанину и по 1 гривне новгородцу-смерду. Принимая, — со всеми оговорками об относительности цифр в этом летописном припоминании, — что варяг получал те же 10 гривен, что и новгородец, и что горожан приняло участие и походе тоже лишь 1000 человек, мы бы имели здесь денежное выражение стоимости этого крупнейшего политического предприятия в 22 000 гривен. Анализируя эти и подобные факты, Б. А. Романов приходит к выводу: „В свете этих цифр 12 гривен «на ключь» в Олеговой легенде представляются близкими к вероятности, и легендарность в ней приходится допускать лишь в цифре кораблей" (там же, стр. 378).

Олегъ же... нача миръ творити. Как предполагает А. А. Шахматов, договор Олега 907 г. искусственно воссоздан летописцем на основании следующего за ним договора — 911 (912) г. С А. А. Шахматовым согласились А. Е. Пресняков, акад. С. П. Обнорский и многие другие исследователи договоров. В самом деле, и договор 907 г. и следующий за ним договор 911 (912) г. взаимно дополняют друг друга, составляя единое целое; между договором 907 и договором 911 (912) г. не произошло никаких событий, которые должны были бы повлечь за собой перезаключение мирного договора (годы 908, 909, 910, 911 в летописи „пустые"). Это искусственное воссоздание летописцем мирных переговоров и самого текста договора 907 г. могло произойти следующим образом. В предшествующем „Повести временных лет" Начальном своде (см. Новгородскую первую летопись, где этот свод отразился) рассказ о победе Олега перед его отправлением обратно заканчивался на словах „И заповеда Олег дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривне на человек, а в корабле по сороку мужь; сам же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже дають и доселе княземь руским". Первая часть этих слов сохранена в „Повести временных лет". Затем составитель „Повести временных лет" изобразил трафаретную картину заключения договора: „и яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же, мало отступив от града, нача мир творити со царема грецкима, со Леоном и Александром". Вслед затем летописец назвал имена послов Олега, взяв

эти имена из договора 911 г. но, сократив их список, упомянул только четырех первых послов и одного последнего. Первою статьею договора 907 г. летописец сделал определение единовременной дани, которую греки должны были уплатить русским. Эта единовременная дань определена по уже читавшемуся выше сообщению: „и заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь" (ср. выше: „И заповеда Олег даяти на 2000 корабль по 12 гривен на человека, а в корабли по 40 мужь"). Переделка предшествующего текста „на человека, а в корабли по 40 мужь" в более краткий текст „на ключь" (т. е. на уключину) объясняется тем, что летописец знал, что корабли, ходившие на Царьград, были обычно сорокавесельными и, в целях экономии изложения, обошелся одним выражением „на ключь". Последующее сведение об укладах выведено также путем умозаключения (см. ниже в тексте договора Олега 911 г., где перечисляются города, купцам и послам которых предоставлено право получать месячное довольствие в Царьграде). Следующие затем две статьи заимствованы из договора 911 г. Статьи эти содержали обязательства греков в пользу Руси. В первой из этих статей говорится о „слебном" (выплате, полагавшейся послам) для русских послов и о месячине для русских купцов, а также об обязательстве греков снабжать возвращающихся на родину русских всякого рода припасами. Во второй статье говорится о некоторых ограничительных условиях для русских, приходящих в Царьград, о месячном, взимаемом приходящими русскими и о беспошлинной торговле русских купцов в Царьграде. Обеих этих статей именно потому и нет в договоре 911 (912) г., что они перенесены под 907 г. Договор же Игоря — 944 (945) г. в общем сохраняет статьи договора 911 (912) г. с добавлением статьи договора 907 г. Отсюда ясно, что договоры 907 и 911 (912) гг. составляли единое целое, аналогичное договору 944 (945) г. То обстоятельство, что статьи договора 907 г. должны были быть и в договоре 911 г., показал еще В. И. Сергеевич (Греческое и русское право X в. ЖМНП, 1882, январь; Лекции и исследования, 4-е изд., стр. 632 и сл.). В. И. Сергеевич обратил внимание на то, что договор 944 г. имел целью возобновить „ветхий мир". Таким „ветхим миром" мог быть только договор 911 г. Договор 944 г. дважды прямо ссылается на этот договор 911 г.: „якоже установлено есть" и „якоже установлено есть". Однако в договоре 911 г. нет статей, оправдывающих эти ссылки. Вместе с тем обе статьи, соответствующие этим двум ссылкам, находятся в отрывках, читающихся под 907 г. Отсюда ясно, что статьи эти перенесены из договора 911 г. под 907 г. А. А. Шахматов указал и то место договора 911 (912) г., где первоначально читались статьи, перенесенные под 907 г. Действительно, исследователи давно обратили внимание на то обстоятельство, что отдельные статьи договоров снабжены заголовками (например „О Руси о пленении"). В договоре 911 (912) г. читается, однако, малопонятный заголовок

без самой статьи: „О възимающих куплю Руси“ (так в Ипатьевской летописи, в Радзивиловской „От взимающих куплю Руси...“). Заглавие это явно испорченное (нельзя „взимать куплю“). Возможно, что эта статья носила название „О възимающих месячину и творящих куплю Руси“ (ср. содержание соответствующей статьи в договоре 944 г.). В таком случае она будет соответствовать первой статье договора 907 г., как раз оставшейся в нем без всякого заголовка. Такова картина воссоздания летописцем договора 907 г., рисуемая А. А. Шахматовым (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII). Исследование акад. С. П. Обнорского „Язык договоров русских с греками“ (сб. „Язык и мышление“, VI—VII, 1936) подтверждает выводы А. А. Шахматова: язык договоров 907 и 911 (912) гг. не различается между собой, тогда как язык договора 944 (945) г. отличается от языка договора 907 г. и 911 (912) г.

на ключь — на уключину, под которой могла разуметься „вырезка в борту лодки или два кочетка, в коих ходит весло“ (Даль).

и потом даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, таже на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы. В самом тексте договора, читающемся под тем же годом, упоминаются только три первых города: „и тогда возмуть месячное свое (русские, прибывающие в Царьград), — первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочии гради“. Та же фраза с упоминанием тех же трех городов повторяется и в договоре 944 г. „Вполне возможно, — пишет по этому поводу акад. Б. Д. Греков, — что летописец от себя прибавил к этому перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч. Очень возможно, что эта прибавка сделана даже не автором «Повести», а его продолжателем — компилятором. Но главное не в том, кто это сделал, а в том — имелось ли к тому основание. Определенное сомнение вызывает наличие в этой прибавке Полоцка, который был присоединен к владениям киевского князя, повидимому, только при Владимире I в 980 г., конечно, если основываться на данных Лаврентьевской летописи. Киев здесь поставлен на первое место не случайно. О Киеве как некоем экономическом и политическом центре говорит и Константин Багрянородный в своем труде «De administrando imperio»... Арабский писатель конца IX или начала X в. Джайхани, а также западноевропейские источники называют также Русью всю страну, зависимую от Киева“ (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 291—292).

по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще. „Об этих подчиненных, зависимых от Олега князьях, — пишет акад. Б. Д. Греков, — настойчиво говорят тексты всех договоров. В договоре 911 г. после перечня послов, отправленных Олегом в Византию для оформления дого-

вора, сказано: «иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр». Дальше в договоре еще несколько раз говорится о том же и в тех же выражениях... О таких же князьях, зависимых от киевского князя Игоря, говорит и договор 944 (945) г.: послы и гости были посланы в Грецию «от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всех людий Руския земля». А несколькими строками ниже о том же посольстве договор выражается несколько иначе: «И великий князь нашь Игорь и князи и боляре его, и людье вси рустии послаша ны к Роману, и Костянтину и к Стефану, к великим царем гречьским, створити любовь с самеми цари, со всемь болярьством и со всеми людьми гречьскими на вся лета, дондеже съяеть солнце и весь мир стоить»". Далее акад. Б. Д. Греков пишет, полемизируя с С. М. Соловьевым, видевшим в этих князьях „родичей" киевского князя: „Едва ли не правильнее будет признать в этих князьях с несколько разукрашенными византийской терминологией титулами местных князей, которых систематически подчиняли себе, а потом и истребляли киевские князья. Когда писалась летопись, имена многих из этих князей уже были забыты, имена других летописец не счел нужным называть, поскольку у него была вполне определенная задача изобразить в наиболее привлекательном виде историю князей рюриковской династии, несомненно враждебной всем другим княжеским ветвям: мы знаем, как беспощадно расправились рюриковичи с непокорными им местными князьями" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 293—294).

мѣсячину — месячное довольствие.

Поидучи же домовь, в Русь, да емлют у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико имъ надобе. Соответствующая статья имеется и в договоре 945 г. со ссылкой на предшествующий договор (911 г.), где ее нет: „И отходящей Руси отсюда взимають от нас, еже надобе, брашно на путь, и еже надобе лодьям, яко же уставлено есть преже"

К стр. 25

Аще приидуть Русь бес купли. Вся дальнейшая статья договора 907 г. почти дословно соответствует аналогичной второй статье договора 944 г.

и мужи его по рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что как здесь, так и при заключении других договоров (944, 971 гг.) Русь присягает не по-германски, а по-славянски, клянется славянскими богами. Это указывает на то, что если среди послов и были скандинавы, то они подверглись значительной славянизации и, очевидно, считали себя представителями славян. — В перечислении кумиров, поставлен-

ных Владимиром Святославичем в 980 г. в Киеве на холме „вне двора теремного“, кумир Перуна занимал первое место. Кумир Перуна в том же году поставил Добрыня в Новгороде. Повидимому, Перун принадлежал к числу богов, чей культ покровительствовался государством и носил не узко местный, а общерусский характер. Волос — „скотий бог“ не отмечен в числе богов, культ которых распространял Владимир, но он также, повидимому, принадлежал к богам не узко местным, а общерусским: кумиры Волоса стояли в Киеве (на Подоле) и в Новгороде. „Велеса“ (Волоса) упоминает „Слово о полку Игореве“. В этом последнем Боян назван внуком Велеса. Не следует ли отсюда, что Велес-Волос был не только „скотьим богом“, но и покровителем поэзии?

И повѣси щит свой въ вратех показуа побѣду. В Ипатьевской летописи текст несколько иной: „и повесиша щиты своя в вратех, показующе победу“. Вывешивание щитов победителей на главных воротах занятого ими города было, повидимому, в древней Руси знаком победы, при этом связанным с каким-либо ритуалом. Замечательно, что представление о щите, как о символе победы, отразилось и в древне-русском языке в выражении „взять на щит“ — „захватить“, „взять приступом“, всегда употребляемым только в отношении к городу.

И воспяша Русь паруса паволочиты, а словене кропиньны. Рассказ о парусах Руси и словен носит все признаки фольклорного происхождения. Повидимому, под словенами разумеются в нем новгородские словене. Кто точно разумеется в этом рассказе под „Русью“, решить трудно (киевляне ли, дружинники князя или русские в целом?). Во всяком случае, рассказ этот скорее всего отражает недовольство новгородцев, подчеркнувших свое невидное положение в войске Олега, простоту и суровость своего походного быта. Кстати, отметим, что выше Новгород не назван в числе городов, на которые Олег требует „уклады“. — В „Повести временных лет“ неоднократно подчеркиваются преимущества простого и сурового быта в походной и военной обстановке (ср., например, характеристику Святослава под 964 г., его презрение к богатству и к тем же паволокам под 971 г. и др.).

И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани и невѣиголоси. В. Л. Комарович обратил внимание на особый оттенок прозвища Олега — „Вещий“. „В позднейшей практике древнерусского исповедника слово «вещий» имело почти столь же широкое распространение, как и «волхв» или «кудесник»; это были синонимы, лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений. «Есть ли за тобою вещество, рекше ведание некоторое, иль чары?» спрашивал духовник (А. И. Алмазов. Тайная исповедь, III. Одесса, 1894, стр. 166). А покаянный номоканон, т. е. сборник правил о церковно-дисциплинарных взысканиях, говорил о ве́щицах: «Ве́щица, аще покается, лет 9, поклонов 500». Та же самая девятилетняя епитимия, с пятьюстами поклонов на день, положена в том же сборнике «жене обаваю-

щей туждих своих», т. е. уличенной в наговорах чародейке. «Ве́щица», очевидно, и есть название такой чародейки. И подобно тому, как женская форма «волховь» или «волхва» (из тех же памятников) предполагает однозначную, более распространенную в древности мужскую форму «волхв», так, конечно, и «ве́щица» в памятниках XV—XVII в. предполагает однозначную древнюю форму «вещий». Прозвище Олега, данное ему невегласами, говорило о сверхъестественной силе и знаниях этого князя-кудесника“. К этим наблюдениям В. Л. Комаровича следует прибавить следующий текст Псковской второй летописи: „псковичи сожгоша 12 жонке в е щ и х“ (1411 г.). Эти предположения В. Л. Комаровича находят себе подтверждение и в археологических данных, на которые указывает Б. А. Рыбаков: „При насыпке Черной Могилы (близ Чернигова, — *Д. Л.*) люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить наверх (из погребения на верхушку кургана для обозрения при совершении погребального обряда, — *Д. Л.*) все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога, обязательные атрибуты славянских божеств, два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной Могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам. Такое сочетание военного и жреческого могло быть только в лице князя. Во многих славянских языках князь и жрец звучат почти одинаково (чешский: князь — kněz, жрец — kněž; польский: князь — książe, жрец — ksiądz). Мы знаем, что у славян князья нередко выполняли функции верховных жрецов“ (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 34). Вот, следовательно, почему летописец, рассказав о том, что Олега прозвали „Вещим“, обратил внимание своих читателей на то, что люди тогда еще были язычниками.

Явися звѣзда велика на западе копейным образом. Известие это могло *911* основываться на тексте продолжателя Амартола: „при семь (при императоре Александре) звѣзда явися велия от запада, копийника его нарицаху о сих злии“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 541). Однако нашим летописцем это известие отнесено, очевидно, к концу царствования Леона, так как под 6420 (912) г. упоминается еще в летописи Леон как живой. По данным астрономов, комета эта была кометой Галлея, она прошла через перигелий 19 июля 912 г. н. э. Очевидно, что к 911 г. она отнесена в „Повести временных лет“ ошибочно. Следующее появление этой весьма яркой кометы относилось к 989 г., но в „Повести временных лет“ сведений о ней нет. Записи наблюдений над этой кометой

начинаются только позднее: 1066 г. (перигелий 27 марта), 1145 г. (перигелий 29 апреля) и др. (Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Известия ОРЯС АН,
912 1915, т. XX, кн. 2, стр. 201 и сл.).

В лѣто 6420. Читающийся ниже договор с греками Олега заключен „месяца сентебря 2, недели 15, в лето созданиа мира 6420". Следовательно, в переводе на летосчисление „от рождества Христова" его следует датировать 911 г. Принятое иногда обозначение „договор 912 г." — неправильно и вызвано тем, что в изданиях летописных текстов перевод лет „от сотворения мира" на года „от рождества Христова" осуществляется механическим вычитанием цифры 5508 без учета различий в начале года в зависимости от системы летосчисления (года от „сотворения мира" начинаются с 1 марта или с 1 сентября, а года от „рождества Христова" — с 1 января).

Равно другаго свещания. Так же озаглавлен и договор Игоря 944 г. Н. А. Лавровский в своем исследовании „О византийском элементе в языке договоров русских с греками" (СПб., 1853) объяснил, что „равно" — это неудачный перевод греческого технического термина τὸ ἴσον, означающего копию, список, а также вообще экземпляр (ср., например, употребление слова τὸ ἴσον в заглавии дарственной Алексея Комнена, и т. п.). Дело в том, что все договоры греков с другими народами составлялись в двух экземплярах. Один экземпляр (основной) составлялся от имени императора Византии, а другой — от имени правителя страны, с которой велись переговоры (ср. в договоре 944 г.: „едина харатья... на ней же есть крест и имена наша написана, а на другой послы ваши и гостье ваши"). Со второго экземпляра делался перевод на язык народа, с которым договаривались, и хартия этого перевода хранилась у правителя этого народа. Именно эти-то вторые копии договоров русских с греками и получил, очевидно, летописец в свое распоряжение. Как доказал акад. С. П. Обнорский, эти договоры достались летописцу в переводах, современных самим переговорам (О языке договоров русских с греками. Сб. „Язык и мышление", т. VI—VII, 1936, стр. 102). Переводы эти, как видим, были не совсем точными. — „Но что такое «другаго свещания?» — спрашивает А. А. Шахматов (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII). — Н. А. Лавровский понимал это как «другая договорная грамота»: следовательно, все выражение означало «список с другой договорной грамоты»; по-гречески было поэтому τὸ ἴσον или ἴσον τοῦ ἑτέρον συμβολαίου; ср. такое же объяснение у И. И. Срезневского (Славяно-русская палеография, 97). Неясным, однако, представляется, что такое ἕτερον συμβόλαιον, другое совещание. Считаю более правильным предположение, из которого исходил тот же И. И. Срезневский, когда в «Материалах для словаря древнерусского языка» толковал слово «другый» в заглавиях всех трех договоров, как дружественный, ἑταῖρος

ἑταιρεῖος, φίλος. Итак, наши договоры назывались дружественными совещаниями, ἑταῖρον (ἑταιρεῖον, ἑταιρικὸν) συμβόλαιον. Славянский переводчик вместо ἑταίρου (ἑταιρείου, ἑταιρικοῦ) прочел ἑτέρου (тожественное по произношению с ἑταίρου) и передал это через «другаaго»". Такой перевод породил неправильное понимание заглавия договоров у летописца. Он понимал их так: „согласно с другим (предшествующим) договором". Поэтому-то летописец и решил, по вероятной догадке А. А. Шахматова, что перед договором 911 г. был еще один договор. Он его предположительно восстановил и поместил под 907 г. (см. стр. 266). Что же касается до слов „бывшаго при", то Н. А. Лавровский предполагает более правильным перевод: „находящейся (γινομένου, а не γενομένου) у (πρὸς)".

Сравнительная таблица статей договора Олега 911 г. и Игоря 944 г. (по М. В. Владимирскому-Буданову)

№№ статей		Содержание статей
договор 911 г.	договор 944 г.	
1—2	1	Исчисление послов и вступление.
3	12	О судопроизводстве.
4	13	Об убийстве.
5	14	О побоях и ранах.
6	6	О татьбе.
7	5	О грабеже.
8	9	О помощи при кораблекрушении.
9 и 11	7	О выкупе пленных.
10	—	О военной службе русских у греков.
12	3—4	О похищении и укрывательстве беглого раба.
13	—	О наследстве.
14	—	О выдаче преступников.
—	2	О посольстве русских в Царьград и о правах их торговли там.
—	15	О военной помощи.
—	8	О Корсунской стране.
—	10—11	Об устье Днепра и черных болгарах.
15	16	Заключение и клятва.

при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Заглавие договора приводит имена двух царей — Льва (умер 11 мая 911 г.) и Александра (911—913 гг. — опекун малолетнего Константина Багрянородного; именовался императором еще при жизни Льва). Между тем в непосредственно следующих затем строках читаются имена трех императоров: Льва, Александра и Константина (Багрянородного, царствовал в 912—959 гг.). Очевидно, что отсутствие имени Константина в заглавии вызвано тем, что имена императоров согласованы со словами „равно другаго свещания, бывшаго при тех же царьх“. Слова „другаго свещания“ (их значение см. выше) были поняты так, что существовало какое-то первое совещание; это первое совещание или договор был искусственно воссоздан под 907 г. Однако договор 907 г. должен был быть составлен без Константина, который был венчан своим отцом Львом VI Философом на царство еще младенцем (род. 905 г.) только 9 июня 911 г. Этим и объясняется, почему имя Константина в начале договора 911 г. было опущено. А. А. Шахматов предположил, что опустил имя Константина тот летописец, который внес договор 911 г. в летопись; он же, по предположению А. А. Шахматова, внес и слова „тех же“ (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII). — Константин Багрянородный (или Порфирородный) фактически самостоятельно правил мало (944—959 гг.), предпочитая государственным делам литературные занятия. По его инициативе были осуществлены обширные литературные предприятия (например „Энциклопедия истории и государствоведения“). С его именем связывают авторство четырех произведений: истории его деда Василия I Македонянина, сочинение „Об управлении империей“, обращенное им к своему сыну Роману (здесь Константин занимается чужеземной географией и рассуждает о приемах сношений с соседними народами; в этом сочинении имеются сведения и о Руси), сочинение „О военном и административном делении империи“ и сочинение „О церемониях византийского двора“, где имеются сведения и о приеме византийским императором русской княгини Ольги.

К стр. 26

похотѣньем наших великих князь. Слова эти показывают, что в X в. на Руси было много князей. Ср. в договоре Игоря 944 г.: „послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья“. Несколько неясным представляется в договорах с греками значение слова „великий князь“. Поздние московские летописи (Никоновская и др.) распространяют ретроспективно („задним числом“) этот титул на всех киевских князей, начиная с Рюрика. Однако в древнейших списках летописей этот титул начинает употребляться только со второй половины XII в. (на северо-востоке первым „великим князем“ был Всеволод Юрьевич, в Киеве — Рюрик Ростиславич).

Повидимому, слово „великий“ имеет в договоре то же значение общего почетного титулования, что и „светлый“, но не больше.

межи хрестианы и Русью. В договорах греков с русскими всюду под словом „христиане“ следует разуметь не христиан вообще (они были и среди русских: ср. окончание договора 944 г. — „аще ли же кто от князь или от людий руских, ли хрестеян, или не хрестеян“ и др.), а подданных Византийской империи.

да елико явѣ будеть показании явлеными... Здесь следует видеть указание на то, что иски доказываются не только материальными следами события, но и показаниями свидетелей. Как явствует из дальнейшего, если судья найдет недостаточным эти доказательства, он присуждает присягу — дополнительную или очистительную (В. И. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X в. ЖМНП, 1882, № 1, стр. 112).

да умрет, идѣ же аще сотворить убийство. Здесь устанавливается право расправы с преступником на месте преступления. Ср. в статье 21 Краткой Правды: „Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место“, а также в договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою, Готландом и немецкими городами 1229 г.: „Который русин или латинескый иметь татя, над темь ему своя воля, камь его хочеть, там денеть“.

а и жена убившаго да имѣеть. Д. М. Мейчик (на основании предшествующих соображений Макушева) предлагает такое чтение этого места „а иже на убившаго да имаеться“, что значит: „а кто выступит с обвинением против убившаго“, тот получает наравне с родственниками убитого (Д. М. Мейчик. Система преступлений и наказаний по договорам Олега и Игоря и Правда Ярослава. Юридический вестник, 1875, № 1 и № 2—3; ср. его же: Русско-византийские договоры. ЖМНП, 1915, XI; 1916, III, XI, 1917, V). Однако предлагаемые нами чтения этой статьи и перевод оправдываются статьей 94 Пространной Правды, где ограждаются права отдельной имущественной части, принадлежащей жене: „Ежели ж случатся дети от первой жены покойного, те да возьмут имущество своей матери, или чем муж ее наградил; и кроме их никто не имеет участия в том имуществе“ (цитирую в переводе).

К стр. 27

Аще ли ударить мечем, или бьеть кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому. В этой статье договора особенно интересна ссылка на закон русский. Русские, следовательно, выступают в договорах не как варварский народ, а как народ, обладающий законами, равноправными сложно развитой правовой

системе Византии. Это убеждает в том, что совпадения также и других статей договоров с русским законодательством не случайны. В данном случае ссылка на „закон русский", от X в. до нас не дошедший, может быть проверена сопоставлением этой статьи со статьей 3 Краткой Правды, где сказано: „Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конецъ". О „законе русском" С. В. Юшков пишет следующее: „Составители договоров сделали, на наш взгляд, довольно искусную попытку приспособить греческое (византийское) право, характерное для развитого феодального общества, к русскому праву («Закону русскому»), т. е. к системе права варварского, дофеодального государства. Но что собой представляет это русское право — «Закон русский»? Является ли оно «славянским» правом, т. е. некоей абстракцией... или правом восточного славянства?... Представление о «славянском» или, вернее, «общеславянском» праве не может быть принято, поскольку славяне в X в. находились на разных ступенях общественно-экономического развития, и, следовательно, в системах их права должны были существовать большие различия. Но и восточное славянство также не было однородно по своему общественно-экономическому развитию. Достаточно вспомнить существование такого племени, как вятичи, которые и к XII в. не вышли еще из стадии родоплеменных отношений. Следовательно, не могло быть какой-то единой системы права племен восточного славянства. «Закон русский» означает систему права, сложившуюся в основных центрах Руси, той социальной группы, которая возникла в результате разложения первобытно-общинного строя восточного славянства. Эта социальная группа создавала очаги классового общества. Несомненно, крупных различий между отдельными центрами Руси не было, и, следовательно, могла возникнуть единая система русского права, которую можно противопоставить системе греческого права" (С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 85).

аще украдеть что любо русин у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у русина, и ятъ будеть в том часѣ тать, егда татбу сътворить, от погубившаго что, любо аще приготовить ся тать творяй, и убьенъ будеть, да не взищеться смерть его ни от хрестьанъ, ни от Руси. В статье этой предусматривается ненаказуемость убийства вора, пойманного на месте преступления. Более детально об этом говорит статья 38 Краткой Правды: „Аще убьють татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьють, а люди будуть видели связан, то платити в немь". Ср. также статью 21 Краткой Правды, разрешающей убийство вора на месте преступления, но излагающей это правило более казуистично — применительно к вору-огнищанину.

Аще кто от хрестьянъ или от Руси мученьа образом искусъ творити, и насильемъ явѣ возметь что любо дружне, да въспятить троиче. Здесь, следовательно, от обычной кражи отличается вымогательство и грабеж, хотя и наказуемое точно так же, как и обычная кража, — тройной ценой украденного (ср. предшествующую статью). Это „троиче" договора Олега напоминает „двоиче" статьи 46 Пространной Правды: „Аже будуть холопи татие любо княжи.. то двоиче платить ко истьцю за обиду". Следовательно, возвращение тройной или двойной цены украденного потерпевшему — не вознаграждение его за утерянное, а наказание „вора" или разбойника („штраф") „за обиду". „Дружне" перевожу как „чужое". В Ипатьевской летописи „дружинне" — и давало повод исследователям видеть в данном случае грабеж „дружиною" — шайкой.

искусъ творити. И. И. Срезневский сопоставляет значение „искус" с греч. πεῖρα, πείραμα, πείρασις — искушение, испытание, покушение, разбой, откуда получили свое название и разбойники — „пираты". Повидимому, „искус творити" означает „разбойничать", „отнимать силою", „грабить".

Аще вывержена будеть лодьа вѣтром. А. А. Шахматов предлагает внести следующие поправки во вторую часть этой статьи: „да проводим ю в грьчьскую землю [вм. в Рускую землю], и да продаем [вм. продають]... и лодию вратим им [вм. воволочим] мы Русь, да егда ходять [вм. ходим] в грекы...". Это исправление А. А. Шахматова превращает всю вторую часть этой статьи о застигнутой в море бедствием лодке в защищающую права греков. Однако в таком случае эта вторая часть статьи явилась бы простым повторением первой. На самом деле она ограждает права русских в той же мере, как первая часть ограждала права греков (обратим внимание на значение частицы „ти", начинающей вторую часть этой статьи — „также", „подобно тому, как").

Аще ли лучится кому от лодьи убеену быти от нас Руси, или что взято любо. Статья эта комментируется, как указывает М. Шангин, законодательством императора Льва VI (886—911), направленным против грабителей имущества потерпевших кораблекрушение („Новелла" № 64 императора Льва VI определяет наказание преступников — возмещением четырехкратной стоимости украденного). (М. Шангин. Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г. Историк-марксист, 1941, № 5, стр. 111).

К стр. 28

челядинъ — дворовый человек. Не ясно, следует ли отличать „челядина" от холопа. Мнения исследователей по этому поводу расходятся. Акад. Б. Д. Греков посвятил понятию „челядь" специальное исследование (Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 152—165) и понимал его в широком смысле:

„и рабов и не рабов". Наблюдение над словоупотреблением письменных памятников привели Б. Д. Грекова к заключению, что значение слова „челядь" менялось, отражая историю общественных отношений с очень отдаленной поры.

Егда же требуетъ на войну ити, и сии хотять почтити царя вашего... да будуть. Статья эта предусматривает право русских наниматься в войска Византии. Речь идет вовсе не о пленных русских, как пытались истолковать эту статью некоторые комментаторы. В договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою, Готландом и немецкими городами 1229 г. имеется статья, касающаяся приезжих обеих сторон: „латинескому не ехати на вьину с княземь, ни с Русию, аже сам хочеть, тот едеть. Тако русину не ехати с латинескымь на вьину, ни у Ризе, ни на Гочкомь березе; аже хочеть сам, тъ ть едеть" (Русско-ливонские акты, собранные К. Напиерским, СПб., 1868, Приложение № 1).

обретаемое да поимуть ѐ. В соответствующей статье договора 944 г. за этими словами читается следующее логическое продолжение их: „аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вере их, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от нас цену свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоце за челядин". Вряд ли договор 911 г. не предусматривал возможность того, что „ускочивший челядин" не разыщется, тем более, что договор 944 г., как мы видели, прямо ссылается на предшествующий договор 911 г. Следовательно, в этом месте договора 911 г. явный пропуск.

местникъ — одна из сторон в судебном процессе (слово это связано с корнем „месть"), но не „местный житель", как пытались переводить некоторые исследователи.

Аще кто умреть, не урядивь своего имѣнья, ци своих не имать, да възвратить имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворить обряжение, таковый возметь уряженое его, кому будеть писал наследити имѣнье его, да наследит ѐ. О том же самом говорит и статья 92 Пространной Правды: „Аже кто умирая разделить дом свой детем, на том же стояти; паки ли без ряду умреть, то всем детем, а на самого часть дати души". Из этой статьи Пространной Правды видно, что под „ближиками" договора следует разуметь прежде всего „детей". Весьма важно здесь также свидетельство договора 911 г. о наличии письменных завещаний у русских в начале X в. Такие письменные завещания от более позднего времени дошли до нас: „рукописание" новгородца Климента XIII в. (см.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, II. СПб., 1857, стр. 38—42) и завещание князя Владимира Васильковича Волынского (Ипатьевская летопись под 1287 г.).

Аще злодѣй не възратиться в Русь, да жалують Русь хрестьяньску царству, и ятъ будеть таковый, и възвращен будеть, не хотя, в Русь. Первое „не" вставлено по смыслу, чем проясняется смысл статьи. А. А. Шахматов предлагал более сложное исправление. В греческом подлиннике якобы читалось: „Аще злодей възвратиться в Русь, да жалуемъ русьскому кънязю ... в грекы". По мнению А. А. Шахматова, „в Русь" один раз заменило „в грекы" подлинника, а другой раз сохранено по ошибке. В статье этой, по мысли А. А. Шахматова, отстаиваются права греков, а не русских (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII; отд. отт., стр. 23). Однако всей этой сложной переделке А. А. Шахматова резко противоречит следующая же фраза этой статьи: „Си же вся да створять Русь греком, иде же аще ключиться таково". Смысл этой фразы в том, что русские обязуются сделать то же для греков, что, очевидно, в первой части статьи греки обязывались сделать для русских.

Ивановым написанием. Повидимому, здесь имеется в виду писец Иван, может быть переводчик. Акад. Ф. И. Круг предлагал без достаточных оснований следующее чтение этого места: „киноваревъмь написаниемь", имея в виду обычай византийских императоров писать пурпурными чернилами.

К стр. 29

на двою харатью, царя вашего и своею рукою. Исследователи договоров русских с греками, исходя из описания хода дела при заключении договора между Византией и Персией в 628 г., сделанного византийцем Менандром, следующим образом описывают процедуру заключения мирных договоров Византии. Обычно изготовлялись два экземпляра договора — на греческом языке и на языке того народа, с которым договор заключался. Первоначально изготовлялся греческий экземпляр грамоты, который затем переводился на язык договаривающегося с Византией народа. В переводе изменялась и внешняя форма договора: греческая грамота была составлена от имени императора, перевод же составлялся от имени главы договаривающегося народа и его подданных. Соответственно менялись местоимения и глагольные формы („мы", „нашь" — „вы", „вашь" и т. п.).

по закону и по покону языка нашего. В Лаврентьевской летописи чтение иное: „по закону и по закону языка нашего". Более понятно принимаемое нами здесь чтение Ипатьевской летописи. — „Покон" — обычай.

межи вами бывающаго мира. Здесь „вами" ошибочно переделано из правильного „нами" в результате общей мены личных форм местоимений и глаголов при изготовлении второй хартии.

Царь же Леонъ почти послы рускые... и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту... Откуда мог взять составитель „Повести временных лет“ все эти сведения? — их нет в предшествующем Начальном своде, где отсутствует и самый договор (см. Новгородскую первую летопись, где Начальный свод отразился): Повидимому, составитель „Повести временных лет“, включая в летопись тексты договоров, стремился конкретно представить заключение договоров и сделал это отчасти по образцу, данному в рассказе 988 г. о пребывании посольства Владимира в Константинополе.

паволоками и фофудьами — шелковые ткани, ввозившиеся из Византии и восточных стран и отличавшиеся тщательным подбором цветовых оттенков и узоров. В „Молении“ Даниила Заточника говорится: „Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть“. Паволоки особенно ценились на Руси: они упоминаются всюду, где говорится о торговле с Византией. Иногда паволоки служили мерилом ценности: в договоре Игоря говорится: „2 паволоци за челядин“. „Фофудьи“ несколько позднее назывались на Руси „аксамитами“. „Аксамит“ или точнее „гексамит“ по-гречески означает „шестинитчатый“. „Преобладающим для аксамита был «звериный» орнамент (стилизованные грифоны, львы, орлы и пр., расположенные обычно в круглых медальонах), тона — красный и фиолетовый“ (А. В. Арциховский. Одежда. История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 254—255).

И приспѣ осень. Договор с греками был заключен 2 сентября 6420 г. Русские послы оставались в Царьграде некоторое время для его осмотра. Затем послам Олега требовалось некоторое время на возвращение в Киев. И после всего этого: „И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень“. Ясно отсюда, что слова „и приспе осень“ относятся к следующей осени — не 911, а 912 г. н. э. того же 6420 г. от „сотворения мира“.

и помяну Олегъ конь свой... Рассказ о смерти Олега читается в Новгородской первой летописи не под 912 г., а под 922 г. и в иной редакции: „Иде Олег к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозе“. Оба рассказа записаны летописцем на основании народных преданий („друзии же сказають“) и оба опираются при этом на конкретные свидетельства материальных памятников („и погребоша на горе, еже глаголеться Щековица; есть могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова“ — по „Повести временных лет“; „есть могыла его в Ладозе“ — по Новгородской первой летописи). „Больше того, — пишет В. В. Мавродин по этому поводу, — в самом Киеве были две могилы Олега: на Щековице и у Жидовских ворот. Этот разнобой объясняется, возможно, тем, что «могила» означала «памятник» и представляла собой холм («могила» в смысле «гора», «холм»,

«насыпь»), насыпаемый во время тризны в честь умершего“ (В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 235).

К стр. 30

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародѣйство. Передав народное предание о смерти Олега, в котором волхвы оказываются правыми, летописец стремится парализовать действие этого языческого предания и противопоставляет ему свою, христианскую, точку зрения на волхвов. Такие выпады против волхвов неоднократны в „Повести временных лет“ (ср. под 1071 г. о белозерских волхвах и о волхве новгородском и др.).

яко же бысть во царство Доментианово... Текст этот до конца этой летописной статьи (до слов „не чюдесы прелщати“) представляет собой почти дословную выписку из русского перевода Хроники Георгия Амартола (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 304—306). Русский текст этой выписки местами недостаточно ясен. — Доментиан — римский император Домициан (81—96 гг. н. э.).

Аполоний Тиянинъ. Аполлоний Тианский — греческий философ пифагорейской школы I в. н. э., слывший „волшебником“.

Оронтий — город, стоявший на берегу реки Оронт, впадающей в Средиземное море в Сирии (теперь река эта носит название Наср-эль-Асн).

К стр. 31

Еще же но именемъ господнимъ пророчествоваша нѣции, яко Валам, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша. Согласно библейской легенде, Валаам имел пророческий дар от бога, но был в то же время язычником. Однажды, рассказывается в Библии, его ослица почувствовала приближение ангела, которого не почувствовал сам Валаам, лишенный своего пророческого дара за то, что он сделал этот дар предметом торговли. Бог „отверз уста“ ослице, и она „проговорила“ человеческим голосом, „посрамив“ тем Валаама. Таким же пророком, только временно пророчествовавшим, по библейской легенде был и царь Саул. Кайафа — еврейский первосвященник.

И Навходоновсоръ законопреступный... Согласно библейской легенде, противник евреев, вавилонский царь Навуходоносор дважды имел пророческие сновидения.

Симонъ волхвъ, и Менандръ. Симон волхв I в. н. э — основатель гностической секты симониан, признававшейся еретической. Ему приписывалась способность делать чудеса. Менандр — один из последователей Симона.

913 В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. Сведение это может восходить к продолжателю Амартола, где читаем: „Костянтин, Леонтов сын, в прапруде рожденый“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 542). Константин Порфирородный царствовал с 912 по 959 г.

914 Иде Игорь на деревляны, и побѣдивъ а̀, и возложи на ня дань болши Олговы. Здесь имеется в виду известие 883 г.: „Поча Олег воевати деревляны, и примучив а̀, имаше на них дань по черне куне“. Летописец Переяславля Суздальского относит это известие к 912, Новгородская первая летопись — к 922 г., соединяя его с рассказом о Свенельде (см. ниже под 945 г.), Львовская летопись — к 913 г.

В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьски на Царьград, и сотворивъ миръ и прииде восвоаси. Известие это почерпнуто летописцем у продолжателя Амартола: „Августа же месяца Семеон, болгарскый князь, воином изиде на грекы с народом тяжкым, приде к Костянтиню граду и оседе и̂ от Влахерны и до глаголемых Златых Врат... возвратися, мирскых клятв прося: поручником же миролюбезно приимшемь, посла Семеон Феодора магистра своего беседовати о миру... Семеон же и оба сына его в свою страну обратишяся без глашеных грамот о мире разидошяся“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 544—545).

915 Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю. Печенеги появились в причерноморских степях значительно раньше. В VIII и IX вв. шла упорная борьба между печенегами и хазарами. Летописец отмечает здесь только первый из известных ему набегов печенегов на Русскую землю.

В си же времена прииде Семионъ пленяа Фракию... Это известие до конца летописной статьи (до слов „Андреянем градом“) почерпнуто у продолжателя Амартола, причем летописец довольно свободно обращается со сведениями последнего. Ср. у продолжателя Амартола: „Семеону же Болгарину Фракию пакы пленующу... проси Иоанн бога быти ему патрикиемь: «Приведу на Семеона печенегы». Прошение получив и дары взем, в Печенежскую страну вниде. И се тали оттуду поем, приведе в Костянтинь град. Яко сложившемся печенегом, и прешедше Дунавь, на Семена въевати... септевриа месяца индиктиона третиаго Панкрат Арменянин Одрин град Семеону подасть, иже древле бо Орестиань град нарицашеся от Ореста, сына Агамень, и он же... в трех реках купався, недуга избы, ту же сь град създав, [в] свое имя нарече. Андриан же кесарь твердым и добрым създаниемь възвеличил его, град Андриань имя ему нарече“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 545—546). — О ссоре греческих воевод и о битве греков с болгарами, в которой греки потерпели поражение, в вышеприведенном тексте сведений нет, но они есть у продол-

жателя Амартола несколько дальше: „месяца же августа въ 20, индиктиона пятаго, с ъ с т у п б ы с т ь м е ж д у б о л г а р ы и г р е к ы у реки глаголемыа Ахолонес бишася ... побеждени бышя греци с всеми вои, и бысть побег бошию и страшно рыдание с кричанием, и друг друга тъпчюще, инии от противных посекаеми, и крови же пролитие, яко от века не бысть“ (там же, стр. 547; разрядкою набраны места, близкие „Повести временных лет“). Еще дальше находим у продолжателя Амартола сведения о ссоре греческих воевод и об отступлении печенегов: „Роман же Иоанн Вога в реть и в с л о в о с в а р е н и е с ъ ш е д ш е м а с я, в и д е в ъ ш е ж е п е ч е н е з и м е ж и с о б о ю р е т ь г о н я щ е и противящеся, отидошя в своа си“ (там же, стр. 548). Поражение греков, судя по русскому тексту продолжателя Амартола, имело место не в 915, а в 917 г. („индиктиона пятаго“), хотя в греческом тексте продолжателя Амартола и указан индикт 3, что соответствовало бы 915 (6423) г.

К стр. 32

град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ. Адрианополь расположен в 240 км к северо-западу от Константинополя. Некоторые византийские писатели утверждали, что он назывался Орестеа или Орестейас по имени Ореста — сына Агамемнона — героя известной осады Трои.

Поставленъ царь Романъ въ Грекох. Сведение это почерпнуто у про- *920*
должателя Амартола: „В 20 и 4 день семтевриа месяца почтен бысть Роман Кесаревом саном, а декавриа месяца в 17 день, в неделю праотцем, в царскый венець венчан бысть Костянтином царемь, зятем своим, и Николою патриархом“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 552). Император Константин назначил в сентябре 6428 (919) г. Романа Лакапина, женатого на его сестре, кесарем, а 17 декабря того же года торжественно короновал его как соимператора. В Новгородской первой летописи, в которой отразился предшествовавший „Повести временных лет“ Начальный свод, под этим 6428 (920) г. читаем рассказ о первом, неудачном походе Игоря на Царьград. Рассказ этот заимствован в Начальном своде из компилятивного хронографа, дошедшего до нас в соединении с Палеей (ср. списки: Гос. Исторического музея Синодальное собрание №№ 211 и 210; Публичной библиотеки в Ленинграде, Погодинское собрание № 1435 и др.). Рассказ, взятый летописцем из компилятивного хронографа, говорил о поражении русских, тогда как из народного предания летописец знал о победе русских под стенами Царьграда. Поэтому летописец — составитель летописи, предшествовавшей „Повести временных лет“, рассказал и о втором, победоносном походе русских, представив его как отместку русских за первое поражение. Летописец поместил его под 6430

(922) г., а 6429 (921) г. отвел под сборы, тогда как в конце 6428 (920) г. поместил следующую приписку: „том же лете препочиша и другое, на третьее идоша". На самом деле, по ясному свидетельству продолжателя Хроники Амартола, нападение русских, описанное в компилятивном хронографе, имело место не в 6428, а в 6449 г. Составитель „Повести временных лет", использовавший Хронику Георгия Амартола и его продолжателя как исторический источник, исправил на ее основании свои хронологические данные (см. подробнее: Разыскания..., стр. 99 и сл.).

929 Приде Семевонъ на Царьградъ... Вся эта летописная статья (до конечных слов „въвратися въсвояси") почерпнута из продолжателя Амартола: „Септевриа месяца и день 2 Семен, князь блъгарскый, с всеми вои на Костянтинъ град изиде и поплени Фракию и Македонию, поже же вся и потреби, сады исече; до Влахерны же пришедшу ему, проси же, да послеть ему Николу патриарха и некоих велможъ, яко да с ним беседу створить о мире... Приде Семен, множество много по собе водя... помяну мир, да створита, целовашеся ибо друг друга, разидостася... Семен же, в свои пришед" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 557—559). В списке, которым пользовался летописец, очевидно, читалось не „и день 2", а „индикта 2", чем и было вызвано помещение этого известия под 6437 (929) г. На самом деле событие это относится к 6432 (924) г.

934 Первое приидоша угре на Царьград, и плеховаху всю Фракию. Роман сотвори миръ со угры. Это известие почерпнуто у продолжателя Амартола: „бысть же воина пръваа угрьскаа на грекы априля месяца. Си же, дошедше Костянтина града, пленяху всю Фракийскую страну. Послан убо патрикий Феофан протовестиарий пападестевон саном, с ним да створит мир. Се же дивно и разумно их подъиде, яко хотяше, тако и створи" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 566). В дошедшем русском переводе продолжателя Амартола опущено указание на индикт. В греческом тексте имелось указание на 7 индикт. Летописец на основании 7 индикта и отнес это событие к 6442 (934) г.

К стр. 33

941 Иде Игорь на Греки... Весь последующий рассказ о походе Игоря до слов „сего ради не одолехом им" основан летописцем на трех исторических источниках: народном предании, Житии Василия Нового и продолжателе Амартола. На основе народного предания в рассказ этот вставлено имя Игоря: его нет в греческих источниках. В остальном ближе всего нашему рассказу текст греческого Жития Василия Нового, где рассказывается о нападении русских. Привожу текст этого жития в древнерусском переводе (в противоположность господствовавшему в старой историографии взгляду на

перевод Жития Василия Нового, как сделанный в Болгарии, акад. В. М. Истрин пришел к выводу, что перевод сделан на Руси не позже половины XI в., см. его статью о Житии Василия Нового: Известия ОРЯС АН, 1917, XXII, кн. 2, стр. 320—325), разрядкой отмечая те места, которые близки тексту „Повести временных лет“: „Отътоле же прииде весть цареви от тех, яко уже идуть. По неколицех же днехъ прииде весть о сихъ и от болгар, ино по мнозех днех възвести и корсунский стратиг уже темь явившемся и ту ся им приближившем. И потом приидоша в Стегеру и потом устретшем имъ воалодииныя цареви, по глаголу чловека божиа, отгнани быша к реце Риве, и ту в тихости им ставшем выходяаще пленоваху, простершемся до Понта Иераклиа и до Пефлагоньскиа земля и в всю страну Никомидийскую попленивше и многи язвы сътворивше, пожгоша все приморие Стегерско, яко же рече предварив угодник божий, монастыря же и села вельможъ все огневи предаша, имениа не мало обою страну съвокупиша. Потом же пришедшем воем на них от востока, Панфир доместик воинский с четырми десятми тысущьми, Фока патрикей с македоняны, Феодор же святейший стратиг с фракисианы, с ними же и сановницы болярстии иже по прирочному Спогарис, и обыдоша ихъ окрест и не дааху им к тому въсходяще пленовати. И обдержааше их страх и съвещавааху отай побегнути, но бояхуся вой морских, нощную стражю около их имуще. Дрьзнувше же Русь изидоша на греки въоружившеся, и брани межю ими бывши, побежени бывша Русь и биша их грецы бежащих, дондеже убо възвратишася до дружины своея. И вечеру достигшю, отай влезше в ладиа своа отбегоша. Воя же царевы стояща в Стегеру и стражем уведавшем бежание их, дондеже всем уведавшемь воемь, боле ихъ отидоша. Обаче убо достигоша и постигоша их последнихъ и съвокупившеся олядем огнь имущем достигающе ихъ пожигааху. И бысть видети страшное чюдо, како боящеся пламене огненаго, волею метааху себе в пучину морску, изволивше паче утонути в водах или попалену быти огнем, но обыче обои погибоша: овии пожжени быша огнем, а друзии сами ся ввергоша в глубину морскую, мняще бродию избежати, друзии от нихъ копии прободени быша от грек; ови в пучине утопоша, а друзии от них живи яти быша. И тако скончяся от нихъ. Болестию же чревною убежавших Руси мановением господним падоша, дондеже доидуть в своаси. Мнози же от нихъ на пути изомроша. Тем же пришедшим в землю свою, поведахуть кождо своим о бывшем и о олядемь огни. «яко молъниа, рече, иже на небесех, грецы имуть у себе, сию попущающе жжахуть нас, и сего ради не одолехомь им»“. Рассказ Жития Василия Нового несколько смягчен

в русской летописи. Вместо следующего места Жития: „и брани межю ими бывши, побежени быша Русь и биша их грецы бежащих“ в летописи сказано: „и брани межю ими бывши зле, одва одолеша греци“. Вместо: „и бысть видети страшно чюдо, како боящеся пламене огненаго“ в летописи сказано: „и бысть видети страшно чюдо, Русь же видящи пламянь“. В приведенном русском переводе Жития Василия Нового сравнительно с греческим оригиналом значительно распространены те слова, которыми русские, вернувшись на родину, повествовали о своем поражении. Так же точно в дошедших до нас греческих текстах Жития нет сведений о посылке болгарами предупредительной вести о движении русских. Возможно, что это добавления русского переводчика. — Привожу также те места из продолжателя Амартола, которыми воспользовался как историческим источником летописец: „Июня же месяца 18 день 14 индикта приплу Русь на Констянтинь град лодиами тысящь 10, иже и скеди глаголемь, от рода варяжеска сущим“; „Тогда убо узмен. глаголемый Суд все пожгоша, а их же емше пленникы, овех растинаху, ины же к земли присекиваху, другыа же яко стража поставляюще стрелами стреляху, елико ратному чину изъимаху, опако руце связавше, гвозды железны посред главы въбиваху им. Много же святых церкви огневи предаша“ (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола“, т. I. Пгр., 1920, стр. 567). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в русском переводе продолжателя Амартола непонятное греческое Δρομῖται переведено словом „скедия“, а при слове „узмен“, которым передается греческое τὸ Στενόν, приведено пояснение „глаголемый Суд“. Отнесение похода Игоря к 6449 (941) г. сделано русским летописцем по указанию продолжателя Амартола на 14 индикт. — В Новгородской первой летописи, представляющей текст более древней летописи, чем „Повесть временных лет“ (так называемого Начального свода), этот поход Игоря вопреки „Повести временных лет“ отнесен к 920 г. Ту же дату находим мы и в Краткой Палее. Ошибка эта объясняется тем, что и Краткая Палея и Новгородская первая летопись пользовались как источником не дошедшим до нас русским компилятивным хронографом, где эта дата была неправильно вычислена. Составитель „Повести временных лет“, воспользовавшийся непосредственно русским переводом Хроники Георгия Амартола и его продолжателя (см. статью), исправил по этой последней дату похода Игоря.

послаша болгаре вѣсть ко царю. Согласно Житию Василия Нового весть о походе русских посылают и болгары, и херсонесский стратиг.

скѣдий 10 тысящь. Скедий от греч. σχεδία, наскоро построенное судно, плот, лодка.

и приплуша. Различные источники по различному определяют время прихода Руси под Константинополь. В Еллинском летописце сказано „июля

месяца в 10 день 19 индикта приплуша Русь"; в Палее: „индикту июня же месяца 10 день приплуша Русь"; в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в.: „и приплуша июня в 10"; в Хронике Георгия Амартола: „июня же месяца 18 день, 14 индикта приплу Русь".

Памфиръ деместик. Доместики — стража, охранявшая византийских императоров.

Фока же патрекий. Патрекий — патриций. В Византийской империи „патриций" был пожизненным титулом, дававшимся высоким сановникам.

къ дъружинѣ своей. Дружина в древнейшем своем значении — домочадцы, челядь; впоследствии — община, объединение, товарищество. В этих значениях слово это сохраняется и в некоторых славянских языках и отчасти в Русской Правде. Затем — дружина означала слуг крупного землевладельца-боярина и князя, по преимуществу слуг военных. Здесь дружина — постоянное войско князя. Она резко отлична от „воев", собираемых обычно по мере надобности. По своему составу дружина была неоднородной. „К термину «дружина» прилагаются эпитеты: большая, лепшая, лучшая, передняя, старейшая, молодшая. Кроме того, в наших источниках встречаются отдельные слова для обозначения дружины или ее части: чадь, гридь, гридьба, отроки, детские, дворяне, слуги, мужи и княжьи мужи, бояре. Одни эти термины уже говорят о наличии отдельных прослоек в дружине и об их назначении" (специальное исследование о дружине — в книге акад. Б. Д. Грекова: Киевская Русь. М. — Л., 1949, стр. 333—340).

на ночь влѣзоша в лодьи и отбѣгоша. После этих слов в Новгородской четвергой летописи читается следующая вставка: „Роман же посла на дромоны, елико беху в Коистянтине гради, с Феофаном с патрикиемь на Русь. Феофан же лодейныя воа урядив преже и уготовив, потом же и слезами себе утвердивъ, Руси ожидаа в лодиях, на ня хотя ити, искрь столпа, глаголемаго форо, стражница, в ней же огнь влагаемь на просвещение в нощи; и се на устьи Понта стражю деа, зане ту частое разбойничество, на страны нагнания, их же изби Ираклий. Ту дождa полку руских, раздруши лодиа и устроеном огнем пожже". Этот же дополнительный текст читается в Воскресенской, Тверской, Софийской первой и других летописях.

сустрѣте я въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския. „Греческий огонь" — зажигательная смесь. Византийские писатели не указывают ее состава. Предполагают, что она состояла из жженой извести, серы, угля, смолы, нефти, селитры и пр. Состав этот выбрасывался для поджигания кораблей противника через медные трубы, устанавливавшиеся на носу и на бортах византийских кораблей.

Семеонь иде на хравaты, и побѣженъ бысть хравaты, и умре, оставивъ 942
Петра князя, сына своего, болъгаромъ. Известие это почерпнуто у продол-

жателя Амартола: „Майа месяца в 27, индикта 15, Семен, князь болгарский, на хорваты подвиже воину и съступу бывшу, побежден быв, и сущая под нимь вся иссече. Темь неисцелное болезнию по сердце ят, погыбе, безаконновав всуе. Петра, сына своего, постави княземъ" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 560). Помещение этого известия в летописи под 6450 (942) г. основано на указании 15 индикта. На самом деле Симеон умер в 6435 (927) г., который также падал на 15 индикт, но другой.

943 Паки придоша угри на Царьградъ, и миръ створивше съ Романомъ, возъвратишася въсвояси. Известие это почерпнуто летописцем у продолжателя Амартола: „Индикта 1 априля месяца придошя пакы угри с многою силою. Патрикий же Феофан паракимумен ишед клятвы мирскыа створи с ними, тали от нарочитых мужь поят" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 568). Помещение этого известия под 6451 (943) г. основывается на указании 1 индикта у продолжателя Амартола. Здесь, как и в других случаях, слову „угры" русского перевода Хроники Амартола соответствует в греческом подлиннике слово τοῦρκοι. Это смешение мадьяр (угров) с тюрками встречается у ряда византийских писателей (псевдо-Маврикия, Льва Грамматика, Константина Багрянородного, продолжателя Феофана, Симеона Логофета, Скилиция Кедрина, Зонары и др.). Предполагают, что мадьяры были смешаны у византийцев с тюрками потому, что византийцы узнали мадьяр по их передовым отрядам каваров, отделившихся от хазар, бывших, действительно, тюрками (см. стр. 223).

944 Игорь же совкупивъ вои многи... А. А. Шахматов считает рассказ о втором победоносном походе Игоря придуманным летописцем для того, чтобы объяснить появление в следующем, 6459 (945), году договора Игоря. При этом А. А. Шахматов ссылается на то, что отдельные выражения в описании этого похода напоминают соответствующие места из цитированного выше описания похода Игоря 6449 (941) г. в Житии Василия Нового: „Се слышавше корсунци послаша к Роману, глаголюще: се идуть Русь", далее „Тако же и болгаре послаша весть, глаголюще: идуть Русь". Не Житием ли Василия Нового „навеяно, — спрашивает А. А. Шахматов, — и выражение: «по глубине морьстей», ср. в житии: «а сами ся ввергоша в глубину морскую»?" (А. А. Шахматов. „Повесть временных лет" и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 72). Однако договор Игоря 6453 (945) г. ясно свидетельствует о том, что поход Игоря, в результате которого этот договор был заключен, не мог быть неудачным: договор выгоден для русской стороны. Отсюда ясно, что рассказ о походе Игоря 6452 (944) г. имеет некоторые основания. Совпадения же в отдельных выражениях с Житием Василия Нового ни о чем не свидетельствуют.

К стр. 34

псати обоихъ рѣчи на харатьѣ. Хартия — от греч. τὰ χαρτία — пергамен; особым образом обработанная кожа, употреблявшаяся как материал для письма. *945*

при цари Раманѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ. Договор Игоря не имеет точной даты (в противоположность договору Олега 911 г.). Однако В. Н. Татищев указывает дату: „лета 6453, индикта 4, апреля 20, в третию седмицу по Пасхе". Дата эта неверна, так как в 945 г. 20 апреля не приходилось на третью неделю по пасхе. Уточнить время заключения договора отчасти помогают имена упоминаемых в нем императоров. Константин Багрянородный (913—959 гг.), мало принимавший участия в делах управления империей, короновал своего тестя Романа (911—944 гг.) соимператором. Энергичный Роман назначил всех своих сыновей — Христофора (в 921 г.), Стефана и Константина (в 924 г.) и даже внука Романа (сына Христофора) — соправителями. 16 декабря Стефан и Константин свергли отца, отослав его в монастырь на Принцевы острова (где он и умер в 948 г.). Однако уже 27 января Стефан и Константин были отправлены в ссылку в тот же монастырь, куда был сослан и их отец. Поскольку договор с Русью подписали Роман, Стефан и Константин вместе, его следует датировать началом сентябрьского 6453 г., т. е. концом январского 944 года н. э.

от рода рускаго. Выражение „от рода" имеет в виду не происхождение русских послов, а их государственную принадлежность (ср. стр. 245): они — представители „от рода (государства) рускаго".

съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и объчии сли... Сперва именуется посол Игоря, затем следуют „общие послы": первыми от княжеского семейства (от сына Святослава, от жены Ольги и др.), затем идут послы от прочих князей, купцы. Среди имен послов встречаются и скандинавские, и славянские (Улеб, Синко), и эстонские (чудские: Искусеви, Каницар, Апубьксарь) (Зутис. Русско-эстонские отношения. Историк-марксист, 1940, № 3). Замечательно, однако, что среди княжеских имен преобладают именно славянские: Святослав, Предслава, Володислав. Скандинавские имена послов даны в живом русском произношении: Слуды (Slodi), Шихъберн (Sigbjörn), Кары (Kari), Руалд (Hroaldr), Алдан (Halfdanr). Русское *ѣ* обычно передает звук *ei:* Фростѣнъ (Freysteinn) и др. — По поводу того, что русская знать посылает от себя особых послов, акад. Б. Д. Греков пишет: „Что в договоре 944 (945) г. представительство от князей и бояр не случайность, а система, видно из путешествия кн. Ольги в Царьград и приема ее при дворе византийского императора, описанного Константином Багрянородным. Ольга прибыла в Константинополь не одна, а с племянником, людьми собственного двора (8 человек),

представителями кн. Святослава, представителями («апокрисиарии») русских вельмож — οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων (20 человек или 22), купцами (43 или 44 человека). У представителей-апокрисиариев русской правящей знати — своя собственная свита" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 295).

Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ. Возможно, что место это следует читать так: „Шихъберн — Сфандр, жены Улебле", т. е. „Шихберн от Сфандры — жены Улеба".

К стр. 35

Синко, Боричь. В Радзивиловской летописи „и Синько биричь"; возможно, что чтение Радзивиловской летописи более правильное („биричь" — сборщик податей).

и от всѣхъ людий Руския земля. Аналогичную фразу читаем и в договоре 911 г. „и ото всех иже суть под рукою его сущих Руси". Некоторые исследователи (В. И. Сергеевич и др.) видели в данных словах договоров свидетельство о вечевых собраниях X в. Однако акад. Б. Д. Греков правильно указывает, что точно такие слова имеются в договоре 944 (945) г. и по отношению к греческой стороне: „и со всеми людьми гречьскими". „Здесь перед нами представительство двух правительств, говорящее от имени всех своих людей, и больше ничего" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1949, стр. 304).

да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего. В этой клятве отчетливо сказываются верования древнерусского язычества. Культ оружия может быть прослежен в различных сказаниях летописи. Гибель „от своего оружия" отразилась в отдельных древнерусских сказаниях. В Киево-печерском патерике рассказывается об иноке Василии, которого князь Мстислав Святополкович застрелил стрелою. Василий извлек стрелу из своего тела и предрек князю гибель от собственной стрелы. См. ниже обряд клятвы вслед за договором Игоря.

яко же имъ уставлено есть. Имеется в виду предшествующий договор Олега 911 г., откуда соответствующие статьи, где указаны условия, которые должны соблюдаться Русью в Царьграде, перенесены под 907 г. (см. стр. 670).

да увѣмы и мы. Договор Игоря весьма сбивчив в отношении к грамматическим конструкциями с „мы", „нашь", с одной стороны, и с „вы", „вашь", с другой. Как известно, при изготовлении второй хартии на языке договаривающегося с Византией народа текст ее переделывался так, чтобы

„мы“, „нашь“ относилось к договаривающейся стороне, а „вы“, „вашь“ к Византии. В данном случае, однако, эта переделка весьма непоследовательна — здесь и ниже.

К стр. 36

Аще ускочить челядинъ от Руси, по нь же придуть въ страну царствия нашего, и у святаго Мамы аще будеть, да поимуть й; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ. Ср. сходную статью 11 Краткой Правды о беглом челядине: „Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду“. Сходство это указывает на то, что элемент русского права в договорах был не малым (ср. стр. 275).

якоже уставлено есть преже. Имеется в виду договор Олега 911 г., откуда соответствующая статья перенесена под 907 г.: „поидучи же домовь, в Русь, да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа (канаты), и парусы, и елико им надобе“.

Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людий царства нашего, иже то створить, покажненъ будеть вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо. „Взять“ означает взять явно — грабеж. В договоре Олега грабеж наказуется штрафом в тройном размере. Здесь идет речь лишь о покушении на грабеж, поэтому наказание в данном случае меньше — штраф платится в двойном размере. Наказуемость покушения предусматривается и Русской Правдой (ср. статью 9 Краткой Правды: „Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривну положить“). В. И. Сергеевич не усматривает в этой статье ни покушения, ни понятия грабежа (Греческое и русское право в договорах с греками X века. ЖМНП, 1882, № 1, стр. 107—108). Однако, если статья эта говорит о простой краже, то неясно, в чем ее отличие от следующей статьи, где также говорится о краже.

Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или грьчину от руси, достойно есть да возворотить ѐ не точью едино, но и цѣну его. Отличие этой статьи договора Игоря от соответствующей статьи предшествующего договора Олега опять-таки (см. выше) в размере штрафа: здесь двойного, а там тройного. Двойной штраф был в обычае именно русского права: впоследствии именно этот двойной штраф закрепился в праве литовско-русском, где украденная вещь (или ее цена) возвращалась хозяину, а цена вещи — князю.

К стр. 37

и тъ показненъ будеть по закону гречьскому. Мнения исследователей расходятся: некоторые считают, что речь здесь идет о наказании дополнительном к вышеозначенному штрафу, другие предполагают, что речь идет о том же штрафе. Вопрос этот остается неясным.

да вдадять златникъ 10. В предшествующем договоре Олега цена пленника определялась 20 золотниками. Здесь она понижена до 10 и ниже, в зависимости от возраста пленника. Русские по этой статье находятся в менее выгодном положении, так как должны выкупать своих пленников по 10 золотников независимо от возраста.

А о Корсуньстѣй странѣ. Смысл второй части этой статьи не ясен. Предлагаемый нами перевод не может считаться абсолютно достоверным. А. А. Шахматов считает, что слова „и та страна не покоряется вам" заменили слова „и та страна не покоряется нам" греческого подлинника, и предлагает понимать смысл второй части этой статьи так: „греки разрешают русскому князю воевать Корсунскую страну, если она выйдет из их повиновения, и соглашаются помогать ему присылкой войска" (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII, отд. отт., стр. 21). Однако такой смысл второй части этой статьи не может все же быть из нее выведен грамматически и более чем странен исторически (в случае бунта в Корсуне греки вряд ли могли считать себя сторонними наблюдателями или только помощниками русских, если бы те пожелали выступить против корсунцев).

Аще обрящють въ вустьѣ Днѣпрьскомь Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же. О важности для Херсонеса (и Византии в целом) рыбного промысла в устье Днепра и о большом внимании, которое проявляло византийское законодательство времени императора Льва VI (886—911) к рыболовному промыслу см.: М. Шангин. Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г. Историк-марксист, 1941, № 5, стр. 111.

въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья. Повидимому, Белобережьем назывался либо вообще Днепровский лиман, либо какое-то урочище в Лимане. — Остров св. Елферия — теперь остров Березань.

А о сихъ, оже то приходять чернии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому, да ихъ не пущаеть: пакостять странѣ его. Смысл последних слов не совсем ясен. А. А. Шахматов предполагал, что в греческом подлиннике стояли слова не „стране его",

а „стране нашей“. Однако при этом исправлении слова эти оказываются излишними по смыслу, в целом же текст статей договоров всегда крайне лаконичен. Мне кажется, что смысл этих слов — в указании на то, что разорение Корсуни черными болгарами принесет ущерб не только грекам, но и стране русских (русские поддерживали с Корсунью торговые и культурные связи). Слово „велим“ — „волим“ означает „просим“, „желаем“. — Какие болгары названы здесь „черными“ — не ясно. В них видят и болгар дунайских, и болгар волжских, и болгар, якобы живших к северу от Херсонеса у Азовского моря (Вестберг. Записка готского топарха, Византийский временник, 1908, стр. 243—250. — Он же. К анализу восточных источников о восточной Европе. ЖМНП, 1908, февраль, стр. 386—388).

Ци аще ключится проказа нѣкака от грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити я̀, но повелѣньемь царства нашего да прииметь, яко же будеть створилъ. М. Владимирский-Буданов следующим образом комментирует эту статью: „В этой статье не выговаривается новой привилегии для греков; она выражает только общее правило всех старинных законодательств: преступление подлежит суду той власти, которой подчинен ответчик. Договор Олега умалчивает об этом, но, без сомнения, подразумевает то же“ (Хрестоматия по истории русского права вып. I, изд. 5, СПб.—Киев, 1899, стр. 17).

Аще убьет хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убиенаго, да убьють й. Здесь, очевидно, имеется в виду убийство не случайное, а умышленное, так как и Русская Правда ясно различает убийство умышленное и неумышленное, а об убийстве случайном не говорит вовсе, очевидно, не считая его преступлением. — По договору Олега преступник мог быть убит на месте преступления, но убийство это не исключало последующего суда. Здесь же по договору Игоря родственники убитого держат убийцу и после суда, по приговору его убивают („да держимъ будеть... да убьют й“). — В этой статье не может итти речь о дозволении родственникам убивать убийцу не только на месте преступления, но и после того, как он будет задержан, так как в статье этой идет речь и о русских, и о греках. Греки же подлежали суду своего государства, следовательно, вряд ли могло разрешаться им убийство до суда (так думает Д. Мейчик: Система преступлений и наказаний по договорам Олега и Игоря и Правде Ярослава. Юридический вестник, 1875, январь, февраль—март). Что же касается слов „от ближних убьенаго“, то выяснению того, кто такие были эти „ближние“, помогает статья 1 Краткой Правды: „Убьеть мужь мужа, то мъстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови...“.

К стр. 38

А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги. Выше уже было отмечено (стр. 269, 290), что присяга приносится русскими по славянским обычаям; представители господствующих слоев населения клянутся русскими богами (ср. ниже — Перуном). Дополнительно заметим, что германские народы при клятвах вонзали меч в землю, здесь же русские, клянясь оружием, снимают его с себя и „полагают", а не вонзают в землю. (Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 445).

обручѣ своѣ. И. И. Срезневский объясняет слово „обручь" так: „запястье, как часть воинского доспеха" (Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, СПб., 1902, стр. 550). Действительно, „об-ручь" — это нечто, что надевается на руку (в обручах нельзя видеть гривны, надевающиеся на шею).

К стр. 39

И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань. Сборы полюдья и дани происходили обычно осенью после урожая (что, очевидно, объясняется тем, что сбор этот частично совершался сельскохозяйственными продуктами). Константин Багрянородный в своем сочинении „Об управлении империей" так рассказывает о сборе полюдья. С наступлением ноября князья „выходят со всеми руссами из Киева и отправляются в полюдье (πολύδια), т. е. в круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов, другувитов, кривичей, северян и остальных славян, платящих дань руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев" (Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Известия ГАИМК, вып. 91, Л., 1934, стр. 10). Следует, однако, иметь в виду, что дань и полюдье в источниках различаются. Возможно, что полюдье было формой расплаты князя со своей дружиной (наемные дружины отправлялись в отведенные им земли). Дань собиралась князем в свою пользу.

Отроци Свѣньлъжи. Отроки — младшая дружина князя: обычно личные его слуги, вооруженная свита, младшие агенты княжеского управления.

Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы. К. Маркс говорит об инициативе дружины в поисках славы и добычи („Secret diplomatic history of the XVIII century", 1899, стр. 76). В данном случае это положение К. Маркса выступает особенно рельефно и наглядно.

К стр. 40

и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревляне убиша Игоря и дружину его. Лев Диакон сообщает подробности убийства Игоря: „он привязан был к двум деревам и разорван на две части" (Лев Диакон Калойский. Исто-

рия. Перевод с греческого Д. Попова, СПб., 1820, VI, гл. 10, стр. 66). Намек в русском тексте летописи на какую-то мучительную смерть Игоря читаем ниже в словах древлян, сброшенных Ольгою в яму: „пуще ны Игоревы смерти". Смерть Игоря отнесена летописцем к 6453 г. Если принять во внимание, что сборы дани и полюдья совершались осенью после 1 сентября, то при переводе на наше летосчисление смерть Игоря следует датировать осенью 944 г. К этому же времени относится и заключение договора с греками (см. выше, стр. 687). Откуда, однако, летописец взял дату 6453 г.? А. А. Шахматов обращает внимание на то обстоятельство, что летописец считал Игоря современником императора Романа (см. выше, стр. 289). Роман же, по данным хронографа, которым пользовался русский летописец как источником, умер в 6453 г. Следовательно, летописец, вносивший даты в первоначально не датированный текст и затруднявшийся, к какому году отнести смерть Игоря, имел здесь некоторую зацепку (Разыскания..., стр. 108). Составитель польской хроники XV в. Длугош, который, между прочим, пользовался и какими-то русскими летописными источниками, называет имя убийцы Игоря — вождя восставших древлян князя Нискина. Этого Нискина А. А. Шахматов отожествил с Мстишей — сыном Свенельда. Мстишу А. А. Шахматов считает сокращенным именем от Мстислав и отожествляет в свою очередь с Мстиславом Лютым или Лютом Свенельдичем. Нискина — Мстишу — Мстислава Лютого или Люта Свенельдича А. А. Шахматов отожествляет с Малом, Малком Любечанином — древлянским князем, сватавшимся за Ольгу, и с отцом Малуши — ключницы Ольги и матери князя Владимира и сестры Добрыни (Мистишича, Нискинича, Никитича) дяди („уя") Владимира. Эта гипотеза А. А. Шахматова, в известной своей части подкрепленная веской аргументацией, а в некоторых деталях мало убедительная, очень интересна, но вследствие своей сложности не может быть изложена в кратком комментарии. Поэтому отсылаем читателя непосредственно к работам А. А. Шахматова: „Мстислав Лютый в русской поэзии" (Сборник Харьковского Историко-филологического общества, изданный в честь профессора Н. Ф. Сумцова, т. XVIII, стр. 82—91) и „Разыскания о древнейших русских летописных сводах" (СПб., 1908, гл. XIV: „Мистиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича", стр. 340—378).

кормилецъ его Асмудъ. Кормилец — дядька, „педагог" при молодом князе, сохраняющий некоторое значение и тогда, когда его питомец становится взрослым. Таких кормильцев упомянуто в летописи несколько. У Ярослава был кормильцем и воеводой Буды (Будый, Блуд). У сына Владимира Мономаха Юрия был кормильцем Георгий Симонович. Под 1151 и 1171 гг. в Ипатьевской летописи упоминается кормилец при князе Владимире Андреевиче. Позднее кормильцы назывались иногда „дядьками" и „пестунами" (ср. пестуна Апоницу при князе Федоре Рязанском в Повести о Николе Заразском).

то же отець Мистишинъ. Мистишу А. А. Шахматов отожествляет с Малком Любечанином — отцом Малуши и Добрыни и убийцей Игоря древлянским князем Малом. См. выше, стр. 295.

Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ. . . Все описание старого Киева отличалось большою точностью и наглядностью, но осталось понятным во многих из своих деталей только для современников летописца. В частности, не ясно, где помещались эти дворы и кто были их владельцы. О некоторых из этих владельцев мы можем все же найти кое-какие сведения. Так, например, в заголовке Правды Ярославичей упомянуты Микыфор Кыянин и Чудин Микула: „Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячько, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула". М. Н. Тихомиров относит это совещание ярославичей к 1072 г. (Исследование о Русской Правде. М.—Л, 1941, стр. 64—65). Чудин упоминается еще раз в „Повести временных лет" под 1068 г. („рече Тукы, брат Чюдинъ"), под 1072 г. („И бе тогда держа Вышегород Чюдин") и под 1094 г. („и Тукы, Чюдинь братъ"). Отсюда ясно, что описание старого Киева возникло не ранее 70-х годов XI в. Для восстановления картины старого Киева летописец пользовался, очевидно, рассказами старожилов, сведениями, передававшимися из поколения в поколение.

а перевѣсище бѣ внѣ града. Перевесищами назывались места ловли птиц „перевесами". „Перевесы" — большие сети, натягивавшиеся высоко над землей в местах перелета птиц: в лесных просеках, в оврагах и т. п. Такими сетями ловили птиц еще в XIX в. в Сибири. Район нынешнего Крещатика в Киеве носил название Перевесища. Русская Правда налагает штраф за кражу птицы из чужого перевеса и за порчу самого перевеса (3 гривны князю и одна владельцу перевеса).

над горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. Терем в X—XI вв. представлял собою башенку, граненую или коническую в плане, покрытую шатровой кровлей и поставленную над какой-либо частью дворца. Теремом называлась башня для входа на хоры Черниговского собора Спаса и такая же башня во Владимирском соборе Успения. Остроконечный верх терема часто золотился (ср. в „Слове о полку Игореве" Святослав киевский говорит: „уже дьскы безъ кнѣса [князевой слеги] в моемъ теремѣ златоверъсѣмъ"). Из своего терема-башни Ольга могла хорошо видеть все происходящее на ее дворе.

поиди за князь нашь за Малъ. Представляется странным, что древляне сватают Ольгу за убийцу ее мужа. Любопытно, однако, что притязание Мала на жену убитого им князя находит себе аналогию в других очень

древних представлениях, восходящих еще к пережиткам так называемого матриархата. Согласно с этими пережиточными представлениями, занятие престола вовсе не зависит от происхождения: тот, кому удалось убить царя (главу рода), становится и его преемником по власти, женившись на вдове убитого. Возможно, что Мал является претендентом на княжескую власть, которая якобы должна была быть ему передана через женитьбу на Ольге: древляне находились на значительно более низкой ступени общественного развития, чем поляне. В сватовстве Мала и в отказе Ольги можно видеть столкновение двух мировоззрений: древлян, пережиточно сохраняющих очень древние представления, и полян, общественное развитие которых ушло далеко вперед сравнительно с древлянами. О различии в ступенях общественного развития отдельных русских племен см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.-Л., 1949, стр. 358.

К стр. 41

вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ. Этим предложением Ольги вводится центральный драматический момент первой мести Ольги. Ольга как бы загадывает загадку: почтить кого-либо имеет затаенный смысл — убить кого-либо, совершить акт мести (ср. в Повести о Николе Заразском: пленные дружинники Евпатия Коловрата говорят Батыю: „посланы все от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тобе воздати, да не подиви царю не успевати наливати чаш на великую силу-рать татарьскую". (Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 13—14). Вместе с тем такой же двойной смысл имеет и само передвижение по суху в ладьях: с одной стороны, это знак величайшей силы, знак гордости (ср. ладьи Олега, двигавшиеся по суху к стенам Царьграда), с другой — это, очевидно, знак смерти, обряд похорон (свод данных о похоронах в ладье см. в работе Д. Н. Анучина: Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда. „Древности". Труды Московского археологического общества, т. XIV, М., 1890). Таким образом, внешне обещая воздать послам величайшие почести, затаенно, в прикровенной форме Ольга обрекает их на смерть, совершает над ними обряд похорон. Послы не понимают затаенного смысла этого предложения Ольги. Ольга как бы загадывает сватам загадку. Как это обычно бывает в сказках, женихи или сваты, не сумевшие разгадать загадки царевны-невесты, должны умереть. Любопытно, что в обряде русской народной свадьбы сватам часто предлагается „пойти ни конем, ни пешком", сваты говорят: „ночевали мы ни на земле, ни на телеге, по утру вставали, умывались ни водой, ни божьей росой, а утирались ни тканым, ни пряденым". „Иносказания и околичности, — пишет Е. Г. Кагаров, —

имеют своею целью скрыть от злых духов и недоброжелателей истинный смысл происходящего. Сваты едут в противоположную сторону . . . , войдя в избу невесты, сваты сначала заводят речъ о посторонних предметах" (Е. Г. Кагаров. Состав и происхождение свадебной обрядности. Сборник МАЭ, т. VIII, 1929, стр. 161). С целью обмана духов в свадьбах сказок жениху или невесте предлагается явиться „ни нагой, ни одетой" — и испытуемый выполняет эту задачу, являясь завернутым в рыболовную сеть; „ни пешком, ни на лошади" — и испытуемый является верхом на козе или козле, „ни по дороге, ни без дороги" — и испытуемый едет по колее вдолъ дороги или по канаве, „ни днем, ни ночью" — и испытуемый является в сумерки или в полночь, в полнолуние или в новолуние и т. д. Ср. в данном случае в летописи: сватам предлагается явиться ни пешком, ни на конях, ни в возах, и они являются несомые в ладьях, что по существу, является разновидностью вышеописанного диссимуляционного обряда — отправление свадебного поезда в объезд. Таким образом, несение сватов в ладьях — это свадебный обряд, так же как и похоронный. „Мудрая" Ольга под видом свадебного обряда справляет обряд похорон.

и възнесуть вы в лодьи. Вслед за этими словами в Летописце Переяславля Суздальского читается следующий текст: „«Тако люблю князя вашего и вас». Они же ради и реша, повивающе рукама: «Веси ли, княже нашь, како мы тобе устряпохом»". Затем после слов „и отпусти я̀ в лодью" в том же Летописце добавлено „пиани веселы". Ниже в комментарии приводим и другие добавления к рассказу „Повести временных лет" из Летописца Переяславля Суздальского. Все эти добавления в Летописце Переяславля Суздальского усиливают и комический и драматический эффект летописного рассказа (фольклорного в своей основе).

въ великихъ сустугахъ. Под „сустугами" следует, очевидно, понимать застежки плащей (от того же корня, что и слово „стягивать"). Б. А. Рыбаков так характеризует эти „сустуги", или „запоны": „Они встречаются по одному или по два экземпляра в погребении. Плащ застегивался фибулой возле правого плеча, и его полы не сходились... В тех случаях, когда в погребении находятся две фибулы, они, обычно, соединены цепочкой. На изображениях князей XII—XIII вв. эти запоны имеют иногда форму звезды" (История культуры древней Руси, т. I, М., 1948, стр. 244).

вринуша ѐ въ яму и с лодьею. Заставив древлянских послов нести себя в ладьях и затем бросив этих послов вместе с ладьею в яму, Ольга как бы совершает традиционный обряд погребения: похороны в ладье раскрыты многочисленными раскопками; Ибн-Фадлан описывает обряд сожжения руса на корабле (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 81). Характерно, что Глеба Владимировича хоронят в „кораблеце" (Жития Бориса и Глеба. Под

ред. Д. И. Абрамовича. Памятники древне-русской литературы, вып. 2, Пгр., 1916, стр. 14). Свод данных о похоронах в ладье см. в работе Д. Н. Анучина: Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда. „Древности“, Труды Московского археологического общества, т. XIV, М., 1890, стр. 152—184.

„Добра ли вы честь?“ Этот вопрос Ольги к древлянским послам следующим образом развит в Летописце Переяславля Суздальского: „Вы есте послове Деревьской земли и приидосте к нам от своего князя Мала; добра ли вы честь?“.

пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии. В Летописце Переяславля Суздальского добавлено: „а сии зде готовы, тешать мое сердце ражделенное“.

Се слышавше деревляне, избраша лучьшие мужи. В поздних летописях (Софийской первой, Воскресенской, Тверской, Никоновской и др.) указано и число этих „лучших мужей“ — 50. — Перед нами в приведенных словах свидетельство о наличии у древлян народных собраний. „Если мы и можем здесь подразумевать вече, — пишет акад. Б. Д. Греков, — то оно имеет характер старого народного собрания периода высшей ступени варварства. Весьма вероятны такие же собрания и у других, более отсталых племен, включенных в состав Киевского государства“ (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 359). Повидимому, в этом месте летописи говорится о совете вождей, а не о вече в собственном смысле этого слова, расцвет которого падает на вторую половину XI—XII вв. „Эти народные собрания древлян, — добавляет акад. Б. Д. Греков, — надо отличать от совещаний киевского князя с боярами. Первые — это еще не изжитые остатки родового строя периода высшей ступени варварства, вторые — следствие укрепления княжеской власти, отделения власти от народных масс, уже успевших выйти из рамок родового общества. Нас не должно смущать то обстоятельство, что оба явления наблюдаются параллельно в одно и то же время. Наша страна и в этот период времени была огромна и в смысле стадиального развития в отдельных своих частях пестра“ (там же). — В Летописце Переяславля Суздальского (изд. М. Оболенским, М., 1851, стр. 11) вслед за приведенными словами читается следующий рассказ о сне древлянского князя Мала: „Князю же веселие творящу к браку, и сон часто зряще Мал князь: се бо пришед Олга, дааше ему пръты многоценьны червены, вси жемчюгом иссаждены, и одеяла чръны с зелеными узоры и лодьи, в них же несеным быти, смолны“. Сон этот предвещает несчастье: драгоценные уборы, жемчуг — слезы, черный цвет — цвет траура (ср. в описании похорон Владимирка Галицкого в Ипатьевской летописи под 1152 г.: присутствующие были в „черных мятлях“), ладья — деталь похоронного обряда (см. выше). Этот сон Мала, близко напоминает рядом сходных деталей сон Святослава

Киевского в „Слове о полку Игореве“ (ср. „чръною паполомою“, жемчуг и одевание в драгоценные одежды): „А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ: Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомою на кроваты тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно и нѣгуютъ мя“.

Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити. Вторая загадка Ольги сватам-древлянам — баня. Как и в первом случае, Ольга обещает послам оказать величайшие почести, но послы древлян не понимают сокровенного смысла предложения Ольги. Как и несение в ладьях, баня являлась частью (при этом следующей) похоронного обряда. В народных обычаях для покойников вытапливали печку, ставили воду и т. п. В слове, приписывавшемся Иоанну Златоусту, но принадлежащем русскому автору, „О томь, како пьрвое погании веровали в идолы“, говорится об обычае топить бани для мертвых. Рассказывается о том, как ставили в бане еду, вешали полотенце, чтобы мертвые могли утереться, наконец, посыпали пол в бане пеплом, где души мертвых оставляли якобы следы, похожие на куриные. В приписываемом св. Григорию „Слове о том, како погании суще языци кланялись идолом“, говорится, как в Великий четверг топили бани для мертвых и оставляли „убрусы“, чтобы „навья“ (души умерших) могли вытереться. То же отмечается и в исповедальных вопросах: „В великую субботу, и в пятидесятную егда памят творим усопшим, бани не велел ли еси топити?“ (А. И. Алмазов. Тайная исповедь, III. Одесса, 1894, стр. 170).

Они же пережьгоша истопку. „Истопкой“, „истбой“, „избой“ называлось всякое помещение, отапливавшееся печью. Часть жилья — клеть, сени и др. не отапливались.

да пристройте меды многи в градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. Итак, третья „загадка“ Ольги, заданная ею древлянам, — тризна. Ольга приглашает древлян на тризну по своем муже, но тризна эта оказывается одновременно и актом мести за него. Весьма важно при этом, что первоначально тризны по покойным справлялись не только пиром, но и военной игрой, состязаниями. Эти языческие игры-тризны отмечены в исповедальных вопросах: „дравься по мертвом — 15 дней“ (т. е. за драку по мертвом полагается 15 дней эпитемьи — поста), „дравшис по мертвом или волос рвавши, или порты потерзавши — 12 дней“, „а по мертвеци дрался еси — опитемьи 15 дний“ (свод данных о языческих тризнах см.: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, гл. VI. Харьков, 1916. Определение значения слова „тризна“ как состязания по умершему см.: А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян, М., 1868; А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области

славянской филологии и археологии. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. 88, СПб., 1910, стр. 273—274; археологические подтверждения этому см. в работе Б. А. Рыбакова: Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 33—34). Во время этой военной игры и были, очевидно, убиты древляне: битва-игра обратилась в настоящую битву, как перед тем выполнение обряда похорон — в настоящие похороны. Но тризна — это не только военная игра по умершем, но и пир по умершем. В „Слове о том, како погани суще языци" говорится: „Но и ноне по украином сего не могут ся лишити, проклятого ставленья вторые тряпезы, нареченные роду и рожаницам". Законная трапеза, „первый обед" — это каноническое поминание в храме с положенной при этом раздачей кутьи. „Вторая трапеза" — языческая. О них говорит и Кирик в своих известных „Вопрошаниях". Отсюда-то, — из первоначального значения тризны как военной игры по умершем, соединенной с пиром, — повидимому, и берет свое начало обычная народная средневековая метафора: пир — смерть в бою. Метафору пир — смерть в бою знает и Слово о полку Игореве („ту кровавого вина не доста", ср. слова Ольги: „пристройте меды многи"), знает ее и летопись. Ср. в Новгородской первой летописи под 1016 г. муж в лагере Святополка передает Ярославу: „рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да к вечеру въдати. И разуме Ярослав, яко вь нощь велить сецися". Однако слов, которые понял мудрый Ярослав, не поняли древляне. Все рассказы о мщениях Ольги подчеркивают несообразительность древлян в противоположность мудрости Ольги. Древляне своим неразумием как бы сами обрекают себя на гибель. — К комментируемым словам Ольги в Летописце Переяславля Суздальского сделано следующее добавление: „сыну моему добро видети и кияном, ать не зазрят ми".

надъ гробомъ его. Гробом в XI—XIII вв. в древней Руси называлась могила (тот же корень, что и в слове „гребля" — городской ров или городской вал). Гроб же в нашем смысле этого слова обозначался словами „корста" и „рака".

К стр. 42

суну копьемъ Святославъ на деревляны. Хорошо известен древний обычай, по которому князь или полководец первый начинает бой, кидая копье или стреляя из лука. Вместе с тем выстрел или бросок копья в сторону противника был знаком объявления войны. Ср. в „Хронике Ливонии" Генриха Латыша — литовцы под Кукенойсом кидают копье в Двину в знак разрыва мира с немцами (Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 161). Ср. в Ипатьевской летописи под 1245 г. о начале войны с Польшей: дойдя до Вислы, Василько Романович „стрели ... черес ... Вислу". *946*

И побѣдиша деревляны. Казалось бы, после этих слов, заключающих рассказ о третьей мести Ольги, следовало бы ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о второй победе Ольги — о ее четвертой мести; и только после этого уже следуют слова: „И възложи на ня дань тяжьку". Является предположение — не вставлен ли рассказ о четвертой мести Ольги древлянам. Действительно, в Новгородской первой летописи, в которой отразился Начальный свод (предшествовавший „Повести временных лет"), рассказ о четвертой мести отсутствует, и действие развивается логически, не будучи разорвано вставкой: „И победиша древляны, и возложиша на них дань тяжку". Следовательно, рассказ о четвертой мести Ольги принадлежит составителю „Повести временных лет"; рассказы же о первых трех мщениях читались уже в своде, предшествовавшем „Повести временных лет", — в Начальном своде, а может быть и раньше.

и дѣлають нивы своя и землѣ своя. Как явствует из этого места летописи и из многих других, — земледелие было основным направлением хозяйственной деятельности русского населения. П. И. Лященко пишет: „Во всяком случае, даже самые ранние известия иностранных писателей о приднепровских славянах говорят о них как о народе, занимающемся хлебопашеством. Так, византийский император Маврикий пишет (в середине VI в.) о славянах, что у них «бесчисленное множество всяческих плодов, сложенных кучами, и больше всего проса». О хозяйстве славян говорит также арабский писатель Ибн-Даста (середина X в.), свидетельство которого интересно именно тем, что оно может быть истолковано как указание на переложную систему земледелия у славян. «Страна славян ровная и лесистая, — говорит он, — они не имеют ни виноградников, ни пашен... Они пасут свиней наподобие овец... Более всего они сеют проса». Сопоставление указаний, что славяне не имеют пашен и что они в то же время сеют просо, может быть истолковано лишь в том смысле, что они не имели постоянных пашен, а сеяли просо каждый год в разных местах" (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947, стр. 84). Интересно, что при завоеваниях дань берется „с рала". „С другой стороны, — пишет П. И. Лященко, — самое обложение исчислялось и выполнялось продуктами не земледельческого или скотоводческого хозяйства, а охотничьего, лесного, бортного промыслов. Именно охота, звероловство, бортничество давали продукты, шедшие главным образом для уплаты дани в руки князей, дружинников, для торговли в руки гостей... Это и создавало у многих историков неправильное впечатление, с одной стороны, о почти исключительно охотничье-звероловном характере первобытного славянского хозяйства, а с другой — о глубоком проникновении в это хозяйство торговли. Ни того, ни другого в действительности не было. Весь строй примитивного

славянского хозяйства свидетельствует, что преобладающей отраслью его было земледелие, так как продуктами земледелия и скотоводства натуральное хозяйство могло обеспечить себя на той ступени культуры, которая имелась в то время" (П. И. Лященко, там же, стр. 85—86). Любопытно, что и в данном случае древляне, которые по свидетельству „Повести временных лет" „делають нивы своя и земле своя", дань, однако, предлагают обычными „медомь и скорою" (мехом, — *Д. Л.*), а не продуктами земледелия.

сего прошю у васъ мало... да сего у васъ прошю мала. В данном месте обращает внимание игра слов: имя князя древлянского, сватавшегося за Ольгу, Мала созвучно с этим требованием Ольги выдать ей „мала" дани (ср. аналогичную игру слов в поговорке: „Беда аки в Родне, брат брата убил" — стр. 323). — После этих слов в Летописце Переяславля Суздальского в слова Ольги сделано следующее дополнение, поясняющее, почему Ольга просит именно птиц: „дати богом жрътву от вас и ослабу вам подать себе на лекарство главныя болезни; дайте ми от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, зане у вас есь тыи птици, а инде уж всюду събирах и нет их, а в чюжюю землю не шлю". Таким образом, птицы нужны Ольге для совершения жертвенного обряда. Константин Багрянородный свидетельствует, что русские, прибыв на остров св. Григория, приносили в жертву живых птиц. Лев Диакон упоминает, что русские закалывали над умершими петухов. О жертвенном заклании петухов упоминает и русское Слово некоего христолюбца.

К стр. 43

и повелѣ... привязывати цѣрь. Слово „церь" очень часто неправильно переводилось как „сера". Так было переведено слово „церь" в „Толковом словаре" В. Даля и в „Материалах для словаря древне-русского языка" И. И. Срезневского. Однако, как указывалось в лингвистической литературе, этот перевод был подсказан Далю и Срезневскому поздними северорусскими летописцами XV—XVI в., заменившими (едва ли не по созвучию только) слово „церь" словом „сера". На самом деле слово „церь" означает „трут". Именно в этом значении слова „церь" сохранилось в современном белорусском языке („цэрь — трут из губки, растущей на березе).

И възложиша на ня дань тяжьку. В Летописце Переяславля Суздальского это разъяснено затем так: „по две куне чръныхъ, по две веверици, и скоры и мед". Летописец сложил здесь те дани, о которых он прочел под 859 г. („по беле и веверице", поняв это место как „по белей веверице") и под 883 г. („по черне куне"). Удвоил эту дань и прибавил к ней еще ту дань, которую предлагали сами древляне: мед и скору.

947 и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья, и мѣста, и повосты, и сани ее стоять в Плесковѣ и до сего дне; и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. По этому поводу акад. Б. Д. Греков пишет: „Что же, собственно, делает Ольга в Древлянской и Новгородской земле? Мне кажется, она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах“ (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 297). „Летописец понимает, что он пишет о прошлом, связывая его, однако, с настоящим, и поэтому в заключение опять прибегает к доказательству: «и есть село ее Ольжичи и доселе». Но ведь Ольга «сёл» как будто и не устраивала! По крайней мере летописец об этом выше ничего не говорил. Вот тут-то и необходимо присмотреться ближе к тому, что делала здесь Ольга. Начнем с самого простого — с «погостов» (повосты). Конечно, Ольга их не устраивала, так как она их застала давно существующими. Не в этом суть. Летописец говорит совсем о другом. Ему нужно сказать, что Ольга известную часть погостов взяла на себя, освоила их. В состав погостов входили и села... Но кроме погостов и входящих в них сел Ольга брала на себя и «места». Что это за места? На этот вопрос, мне кажется, удачно отвечает И. И. Срезневский. «Не один раз находим в наших древних сказаниях, — пишет он, — м е с т о в смысле особенного сельбища. Так, например, в Повести временных лет читаем: «Ярослав церкви ставляше по градом и по местом», в Лаврентьевской летописи: «несть м е с т а, ни в с и, ни сел тацех редко, иде же (татарове) не воеваша»; в Ипатьевской летописи, под 1290 г. — «въеха на м е с т о, а в город нельзя бысть въехати...» (И. И. Срезневский. Чтения о древних русских летописях. Приложение к т. II „Записок Акад. Наук“, 1862, стр. 35). Основная мысль, заключенная в вышеприведенном тексте летописи, это — освоение киевским князем земель населенных и ненаселенных по периферии государственной территории“ (там же, стр. 298). В связи с таким толкованием этого места „Повести временных лет“ акад. Б. Д. Грековым находится и его толкование предшествующего места, где говорится о том, что Ольга отправилась в Деревскую землю „уставляющи уставы и уроки“: „Уставы эти, — пишет акад. Б. Д. Греков, — повидимому, главным образом сводились к определению повинностей населения по отношению к Киеву и киевскому князю, практическому осуществлению чего и служили княжеские места, погосты и села. Вспомним «Правду» Ярославичей с ее изображением княжеского имения, где огнищанин, подъездной (ездовой), вирник едва ли замыкаются

в своей деятельности границами княжеской вотчины. Уставы и уроки нам очень хорошо известны по «Правде Русской»: «Уставлена» была «Правда Русской земли», известны «уроки смердам, оже платят князю продажу», уроки о скоте, уроки ротные, мостовые, железные, городнии и др.“ (там же, стр. 298). Итак, в данном месте „Повести временных лет“ речь идет о расширении Ольгой своего землевладения, весьма важного с точки зрения государственной, так как „рост крупного землевладения ведет к установлению феодализма, возникающего не вдруг, а имеющего длительный период своего становления. Киевское государство — дофеодальное государство, но именно в нем выросли феодальные отношения“ (там же, стр. 302). С. В. Юшков следующим образом объясняет причины финансово-административной реформы княгини Ольги: „Чем были вызваны реформы княгини Ольги? Их надо связать с обстоятельствами, вызвавшими восстание древлян, в результате которого погиб князь Игорь. Как бы ни относиться к легенде о мести Ольги древлянам, тем не менее нельзя отрицать того факта, что убийство Игоря было вызвано его вымогательствами. Так как летопись совершенно конкретно и правдоподобно говорит о причинах убийства Игоря, то в исторической литературе, насколько нам известно, не высказывалось сомнений в достоверности этой части летописного рассказа. Точно так же не вызывает сомнений историческая достоверность и той части летописи, где говорится о выходе древлян из-под власти киевского государственного центра и о переходе их в наступление (в легенде это отображается в виде сватовства князя Мала к княгине Ольге) и о той упорной борьбе, которую пришлось выдержать Ольге. Совершенно очевидно, что все эти обстоятельства: и восстание древлян, и гибель Игоря, и последовавшая за его смертью упорная борьба были учтены правящей верхушкой, которая, разумеется, отнюдь не отказалась и не могла, конечно, отказаться от дани. Правящие круги понимали, что существовавшая до убийства Игоря система взимания дани может и в дальнейшем вызывать восстания, что на местах княжеская администрация или отсутствовала, или была крайне малочисленной и слабой, что власть великого князя держалась признанием ее «племенными» князьями или «светлыми» князьями — князьями-наместниками. Нам кажется, что одним из основных мероприятий Ольги была ликвидация князей — как местных племенных, так и князей-наместников“ (С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 108—109). — Впрочем, деятельность Ольги, повидимому, не захватывала столь большой территории, как это обычно представляется. Возможно, что путешествие Ольги „по Мьсте“ и „по Лузе“ — домысел летописца под влиянием разъяснений какого-либо новгородца (например Вышаты, см. вступительную статью). Не предположил ли этот новгородец, что дело идет о посещении Ольгою той части Новгородской области, которая носила название Деревской земли или „Дерев“, а позже Деревской пятины, с которой как раз

и связывали Новгород водным путем Мста и Луга (ср. в Уставной грамоте Всеволода, данной им церкви Ивана на Опоках: „имати с купець тая старина и в векы: с Тверского гостя, и с Новгородцкаго и з Бежицкого, и з Деревьского, и с всего Помостья“, т. е. с местности по Мсте). Такое толкование Деревской земли, как Деревской земли Новгорода, находим и позднее, в XVI в., в Степенной книге: „И иде Ольга сыном своим и воинством по Деревской земли, уставляющи устав и уроки и ловища. Нецыи же глаголют, яко Деревская земле бе, иже во области Великого Новаграда, ныне же Деревская пятина имен ема; инии же глаголют, яко Северская страна бе, идеже бе Чернигов град“. Ср. также в позднейших летописях XVII в.: „и убиша его (Игоря) вне града Коростеня близь Старыя Русы“. Не являются ли все сведения о деятельности Ольги по Луге и по Мсте вставкой, вызванной смешением Деревской земли на юге с Деревской землей Новгорода? В последнем случае можно было бы объяснить грамматическую несогласованность слов „и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе“ с предшествующим текстом. Их следовало бы считать продолжением фразы предшествующего 946 г. „И иде Вольга по Дерьвьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища...“ (Разыскания..., стр. 171 и сл.). — О том, что представляли собою погосты см.: Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935, стр. 20—36.

К стр. 44

955 Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. В рассказе о пребывании Ольги в Царьграде заметны вставки. С одной стороны, основа всего рассказа — церковная (крещение Ольги и благочестивые рассуждения по этому поводу); с другой, — в эту церковную основе введены фольклорные, диаметрально противоположные по духу этой церковной основе светские анекдотические элементы (благочестивая Ольга обманывает императора в самый момент своего крещения). Церковная основа рассказа о пребывании Ольги в Константинополе принадлежит предположительно самой древней основе летописи — „Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси“ (Д. Лихачев. Русские летописи. М. — Л., 1947, стр. 63 и сл.). Светские же (фольклорные) вставки принадлежат первому летописцу, распространившему это церковное сказание светскими элементами. Светские вставки эти следующие: во-первых, эпизод с предложением царя взять Ольгу замуж и требование ее, чтобы царь крестил ее сам (от слов „и приде к нему Ольга“ и до слов „аще ли ни, то не крещюся“); во-вторых, повторение предложения царя, ответ Ольги, что она его крестная дочь и не может выйти за него замуж, и отпуск ее с дарами (вставка эта вызвала

повторение слов „и отпусти ю̀“, служащих ясным знаком разрыва следующего первоначально цельного текста: „И благослови ю̀ патреарх, и отпусти ю̀, нарек ю̀ дъщерью собе“); третья вставка помещена после похвалы Ольге и рассказывает о прибытии посольства от царя в Киев (от слов „си же Ольга приде Киеву“ до слов „и отпусти слы, сь рекъши“). Фольклорный характер всех этих вставок несомненен. В них, как и в рассказах о мести Ольги, подчеркивается ее „мудрость-хитрость“. Аналогичного характера „мудрость“ Олега и Игоря подчеркивается в рассказах о их походах на Царьград. Ольга „побеждает“ греческого царя хитростью почти так же, как она перехитрила древлян. Аналогично этому и Вещий Олег перехитрил греков, поставив свои корабли на колеса, когда греки прибегли к своей обычной оборонительной мере, замкнув Суд цепью. — Год путешествия Ольги в Византию не выдуман летописцем и не взят им из византийских хроник (в тех хрониках, которые могли быть известны летописцу, его нет). Он относительно точен. В частности „Память и похвала“ князю Владимиру, в которой отразилась древнейшая русская летопись (более ранняя, чем „Повесть временных лет“ и Начальный свод) говорит, что Ольга умерла в 969 г., прожив христианкой 15 лет; следовательно, крестилась она в 954/955 сентябрьском году. Константин Багрянородный, говорит о посещении Ольгою Константинополя в 957 г. (на этот год поправляют дату поездки Ольги некоторые поздние русские летописи), а Скилиций говорит о прибытии Ольги в Царьград и о крещении ее при патриархе Феофилакте, который был на патриаршестве с февраля 933 г. по 27 февраля 956 г. Некоторое разноречие источников можно согласовать так: Ольга крестилась в 955 г. (как и в летописи), а прибыла в Константинополь уже крещеной в 957 г. М. Д. Приселков предполагает две поездки Ольги в Константинополь в 955 и 957 гг., что вряд ли правдоподобно (М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политический истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 3—4). Откуда же взял летописец свою дату? Возможно, что какие-то записи велись в церкви Ильи, упоминаемой еще в договоре с греками 944 (945) г. (см. ч. I, стр. 38). — Прием Ольги в Константинополе подробно описан у Константина Багрянородного в его труде „Описание царского церемониала“ (см. перевод: Известия ГАИМК, вып. 91, М. — Л., 1934, стр. 47—48). Ольга была принята императором 9 сентября 957 г. Ее сопровождал ее племянник (он не назван по имени), родственницы — русские княгини, и свита из 18 женщин, 22 послов, 42 купцов, 12 переводчиков. В числе членов свиты назван священник Григорий. Цель приезда Ольги у Константина Багрянородного не названа. Так же точно из описания Константина Багрянородного нельзя решить, была ли она уже христианкой. Однако о крещении Ольги говорят другие иностранные источники, в частности, так называемый „Продолжатель Регинона“: последний сообщает, что в 959 г. к императору Оттону I пришли послы королевы русских Елены,

и связывали Новгород водным путем Мста и Луга (ср. в Уставной грамоте Всеволода, данной им церкви Ивана на Опоках: „имати с купець тая старина и в векы: с Тверского гостя, и с Новгородцкаго и з Бежицкого, и з Деревьского, и с всего Помостья", т. е. с местности по Мсте). Такое толкование Деревской земли, как Деревской земли Новгорода, находим и позднее, в XVI в., в Степеиной книге: „И иде Ольга сыном своим и воинством по Деревской земли, уставляющи устав и уроки и ловища. Нецыи же глаголют, яко Деревская земле бе, иже во области Великого Новаграда, ныне же Деревская пятина имен ема; инии же глаголют, яко Северская страна бе, идеже бе Чернигов град". Ср. также в позднейших летописях XVII в.: „и убиша его (Игоря) вне града Коростеня близь Старыя Русы". Не являются ли все сведения о деятельности Ольги по Луге и по Мсте вставкой, вызванной смешением Деревской земли на юге с Деревской землей Новгорода? В последнем случае можно было бы объяснить грамматическую несогласованность слов „и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе" с предшествующим текстом. Их следовало бы считать продолжением фразы предшествующего 946 г. „И иде Вольга по Дерьвьстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища..." (Разыскания..., стр. 171 и сл.). — О том, что представляли собою погосты см.: Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935, стр. 20—36.

К стр. 44

955 Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. В рассказе о пребывании Ольги в Царьграде заметны вставки. С одной стороны, основа всего рассказа — церковная (крещение Ольги и благочестивые рассуждения по этому поводу); с другой, — в эту церковную основе введены фольклорные, диаметрально противоположные по духу этой церковной основе светские анекдотические элементы (благочестивая Ольга обманывает императора в самый момент своего крещения). Церковная основа рассказа о пребывании Ольги в Константинополе принадлежит предположительно самой древней основе летописи — „Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси" (Д. Лихачев. Русские летописи. М. — Л., 1947, стр. 63 и сл.). Светские же (фольклорные) вставки принадлежат первому летописцу, распространившему это церковное сказание светскими элементами. Светские вставки эти следующие: во-первых, эпизод с предложением царя взять Ольгу замуж и требование ее, чтобы царь крестил ее сам (от слов „и приде к нему Ольга" и до слов „аще ли ни, то не крещюся"); во-вторых, повторение предложения царя, ответ Ольги, что она его крестная дочь и не может выйти за него замуж, и отпуск ее с дарами (вставка эта вызвала

повторение слов „и отпусти ю̀", служащих ясным знаком разрыва следующего первоначально цельного текста: „И благослови ю̀ патреарх, и отпусти ю̀, нарек ю̀ дъщерью собе"); третья вставка помещена после похвалы Ольге и рассказывает о прибытии посольства от царя в Киев (от слов „си же Ольга приде Киеву" до слов „и отпусти слы, сь рекъши"). Фольклорный характер всех этих вставок несомненен. В них, как и в рассказах о мести Ольги, подчеркивается ее „мудрость-хитрость". Аналогичного характера „мудрость" Олега и Игоря подчеркивается в рассказах о их походах на Царьград. Ольга „побеждает" греческого царя хитростью почти так же, как она перехитрила древлян. Аналогично этому и Вещий Олег перехитрил греков, поставив свои корабли на колеса, когда греки прибегли к своей обычной оборонительной мере, замкнув Суд цепью. — Год путешествия Ольги в Византию не выдуман летописцем и не взят им из византийских хроник (в тех хрониках, которые могли быть известны летописцу, его нет). Он относительно точен. В частности „Память и похвала" князю Владимиру, в которой отразилась древнейшая русская летопись (более ранняя, чем „Повесть временных лет" и Начальный свод) говорит, что Ольга умерла в 969 г., прожив христианкой 15 лет; следовательно, крестилась она в 954/955 сентябрьском году. Константин Багрянородный, говорит о посещении Ольгою Константинополя в 957 г. (на этот год поправляют дату поездки Ольги некоторые поздние русские летописи), а Скилиций говорит о прибытии Ольги в Царьград и о крещении ее при патриархе Феофилакте, который был на патриаршестве с февраля 933 г. по 27 февраля 956 г. Некоторое разноречие источников можно согласовать так: Ольга крестилась в 955 г. (как и в летописи), а прибыла в Константинополь уже крещеной в 957 г. М. Д. Приселков предполагает две поездки Ольги в Константинополь в 955 и 957 гг., что вряд ли правдоподобно (М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политический истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 3—4). Откуда же взял летописец свою дату? Возможно, что какие-то записи велись в церкви Ильи, упоминаемой еще в договоре с греками 944 (945) г. (см. ч. I, стр. 38). — Прием Ольги в Константинополе подробно описан у Константина Багрянородного в его труде „Описание царского церемониала" (см. перевод: Известия ГАИМК, вып. 91, М. — Л., 1934, стр. 47—48). Ольга была принята императором 9 сентября 957 г. Ее сопровождал ее племянник (он не назван по имени), родственницы — русские княгини, и свита из 18 женщин, 22 послов, 42 купцов, 12 переводчиков. В числе членов свиты назван священник Григорий. Цель приезда Ольги у Константина Багрянородного не названа. Так же точно из описания Константина Багрянородного нельзя решить, была ли она уже христианкой. Однако о крещении Ольги говорят другие иностранные источники, в частности, так называемый „Продолжатель Регинона": последний сообщает, что в 959 г. к императору Оттону I пришли послы королевы русских Елены,

которая была крещена в Константинополе при дворе императора Романа (Роман — сын Константина Багрянородного, умершего в 959 г.).

Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ Так читается в Радзивиловском, Московско-академическом и других списках „Повести временных лет". В Лаврентьевской же имеем: „бе тогда царь имянемь Цемьский". Однако Иоанн Цимисхий вступил на престол 11 декабря 969 г., и это обстоятельство (не совпадающее с датой путешествия Ольги в „Повести"), очевидно, и вынудило русских летописцев заменить Иоанна Цимисхия Константином VII Порфирородным (или Багрянородным), императором (913—959) и известным византийским историком.

Она же разумѣвши, рече ко царю. Последующий диалог Ольги с византийским императором развит вставками в Летописце Переяславля Суздальского: „Она же разумевши рече ему: «Како то слово исполнится, царю, понеже аз погана есмь, да аще въменить мя бог с крещеными, то и се получиши». Царь же безмерно рад бысть, и рече ей: «Патриарху възвещю ли слово се?» Она же рече: «Готов ли еси поручитися по мне богу и патриарху?» Он же рад и «поручюся» рече. Она же рече: «То уже время прииде, крести мя сам»". Дальше сходно с Лаврентьевской летописью.

Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того нѣсть закона. Согласно церковным установлениям, крестная дочь не может выйти замуж за своего крестного отца.

и отпусти ю. Эти слова читаются дважды: перед разговором Ольги с императором и после. Является предположение не был ли позднейшей вставкой на основании народного предания весь помещенный между ними рассказ о том, как Ольга „переклюкала" императора (см. выше, стр. 306). Если соединить всю фразу, разорванную вставкой, то окажется, что духовным отцом Ольги был не император, а патриарх: „И благослови ю патреарх, и отпусти ю, нарек ю дъщерью собе" (Разыскания . . ., стр. 111 и сл.).

К стр. 45

Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, яко же азъ в Суду. Об этом стоянии Ольги в Суду, как и об упомянутом выше обещании Ольги прислать дары и войско, в предшествующем рассказе о пребывании Ольги в Царьграде речи не было. Очевидно, летописец знал обо всем этом из особого предания, не изложенного им в летописи. — Почайна — речка под Киевом.

К стр. 46

Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть, яко же рече: „Аще кто отца ли матере не послушаеть, то смерть прииметь". В „Повести времен-

ных лет“ это пророчество о скорой смерти Святослава, читающееся под 955 г., не оправдывается, так как затем идет описание многочисленных походов Святослава. Однако первоначально рассказ о крещении Ольги читался в составе „Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси“ (см. стр. 61), где не было хронологических дат и где не было описания кипучей деятельности Святослава. Там, в этом „Сказании“, „пророчество“ о скорой смерти Святослава имело определенный смысл, так как Святослав княжил после смерти Ольги меньше года (именно этим и объясняется, что оно было придумано „задним числом“). Как утверждает А. А. Шахматов, древнейшая киевская летопись определяла год смерти Святослава как 6478 (970) г. Впоследствии Начальный свод определял ее 6480 (972) г. Ольга же умерла в 6477 (969) г. Составитель „Памяти и похвалы“ князю Владимиру относил смерть Святослава, так же как и древнейшая киевская летопись, к 6478 (970) г.: „ и седе в Киеве князь Володимер в осмое лето по смерти отца своего Святослава, месяца июня в 11, в лето 6486“ (Разыскания . . . , стр. 132 и 133). Поэтому понятно, почему составилось представление о краткости жизни Святослава и почему понадобилось „объяснить“ эту краткость „пророчеством“.

аки пардусъ. Пардус — гепард. Гепардов на Востоке и реже на Руси *964*
употребляли как охотничьих зверей. „Иосиф Барбаро в 1471 г. видел у князя Армении сотни этих зверей; владетельные лица Монголии имели такое большое количество гепардов, что порою их брали до тысячи на одну охоту“ (Н. В. Шарлемань. Из комментария к „Слову о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. VI, Л., 1948, стр. 120). В 1159 г. Святослав Ольгович подарил своему зятю Юрию Долгорукому пардуса. Летописец сравнил Святослава Игоревича с пардусом, очевидно, за быстроту и легкость его движений. — Характеристика Святослава у греческого историка Льва Диакона в значительной степени совпадает с той, которую дает ему русская летопись. Лев Дьакон называет его „горячим, смелым, стремительным и деятельным“ и следующим образом описывает его наружность при свидании Святослава с Иоанном Цимисхием: „Видом он был таков: среднего росту, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритою бородою и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая; но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким (суровым). В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином, посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная“. „Поговорив немного с императором о мире, сидя в лодье на лавке, он переправился назад“ (Лев Диакон Калойский. История. Перевод с греческого Д. Попова, СПб., 1820, стр. 97).

И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи... Судя по рассказу летописи, Святослав случайно сталкивается с вятичами, но не сражается с ними, а только узнает от них, что они платят дань хазарам, затем обращается на хазар, и только после этого в 966 г. вновь возвращается к вятичам и тут впервые вступает с ними в военные действия: „Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи“. Не менее странным кажется и направление первого похода Святослава на вятичей: „на Оку реку и на Волгу“. Вятичи действительно жили на Оке, но их поселения не доходили до Волги. Кроме того, в первом же своем походе он нарушает свое обыкновение, о котором летописец только-что сказал: предупреждать о себе врагов. Возможно поэтому, что диалог Святослава с вятичами вставлен в первоначальный рассказ о походе Святослава на хазар как мотивировка этого похода. В таком случае следовало бы предположить, что Святослав пошел прямо на хазар на Волгу, где хазары жили. Этих хазар Святослав предупреждает: „хочю на вы ити“; поэтому-то хазары „слышавше“ выходят против него. Весь поход Святослава получает большую целеустремленность: Святослав идет прямо к нижнему течению Волги, не поднимаясь безо всяких видимых к тому оснований и результатов к Оке (Разыскания ..., стр. 118 и сл.).

К стр. 47

от рала даемъ. По поводу рала П. Н. Третьяков пишет: „Если на севере основным пашенным орудием являлась... соха, то на юге применялся плуг, а также и несомненно и более примитивное орудие — рало, по своим техническим особенностям приближающееся к сохе. На Украине в беднейших хозяйствах рало дожило до Октябрьской революции. Это примитивное, часто сплошь деревянное орудие хорошо известно по этнографическим данным, относящимся к XVIII и XIX вв.“ (глава „Сельское хозяйство и промыслы“: История культуры древней Руси, т. I, 1943, стр. 60).

965 Иде Святославъ на козары. Араб Ибн-Хаукаль сообщает о походе русских на волжских болгар и хазар под 969 г. В виду противоречия в дате между русской летописью и Ибн-Хаукалем неясно было, идет ли речь у Ибн-Хаукаля об этом походе Святослава или о каком-либо другом. „В действительности противоречие только кажущееся, — пишет акад. В. Бартольд, — и возникло под влиянием неясности выражений Ибн-Хаукаля; указанная им дата 969 г. относится к тому времени, когда он в Джурджане узнал о погроме (русскими болгар и хазар. — *Д. Л.*), и только по небрежности в других местах отнесена им к самому погрому. Из слов самого Ибн-Хаукаля видно, что между погромом и тем временем, когда он о нем узнал, прошло несколько лет; бежавшие из Приволжья думали туда вернуться и жить там под властью русских, которую они, повидимому, считали прочно установленной. Вопреки словам Ибн-Хаукаля, очень вероятно, что разгром-

лено было только хазарское царство; дальнейшие события показывают, что из этого разгрома волжские болгары извлекли больше выгод, чем русские. Вопреки ожиданиям бежавших, Святослав ушел из хазарских земель под влиянием просьбы византийского императора о помощи против дунайских болгар" (В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 167).

и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. Белая Вежа — Саркел — хазарская крепость. Константин Багрянородный рассказывает, что хазары обратились к византийскому императору Феофилу (829—842) с просьбой о построении для них крепости. Феофил отправил к ним своего родственника Петрония, воздвигшего стены Саркела из кирпича. Основание Саркела продолжатель хроники Феофана относит ко времени перед походом Феофила на арабов 837 г.; Кедрин же называет датой основания Саркела 834 г. Местоположение Саркела обычно указывают около станицы Цимлянской (М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. М. — Л., 1935. — Он же. Саркел и некоторые другие укрепления Хазарии. Советская археология, № 6, Л. — М., 1940. — И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища. Краткие сообщения ИИМК, т. IV, М.—Л., 1940). К. В. Кудряшов указывает, что местоположение Саркела следует искать на Дону — там, где Дон ближе всего подходит к Волге, примерно между устьем реки Вертячей и Ново-Григорьевской станицей (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1943, стр. 9—42). Однако соображения К. В. Кудряшова, основывающиеся на свидетельстве путешествия Пимена конца XIV в., противоречат археологическому материалу (М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. Вопросы истории, 1949, № 10).

ясы побѣди и касогы. Ипатьевская летопись прибавляет „и приде к Киеву". В Новгородской же первой летописи этот же текст читается „и приведе к Киеву" — в значении „привел в зависимость от Киева". Повидимому, чтение Новгородской первой летописи более древнее. Ясы — осетины, касоги — черкесы. Те и другие жили в степях и предгорьях Кавказа. Поселения их заходили в степи значительно севернее, чем в последующее время.

Иде Святославъ на Дунай на Болгары. Это первый поход Святослава *967*
в Болгарию. Второй поход занесен в „Повести временных лет" под 971 г. Два похода Святослава знают и греческие источники. Однако хронология их не совпадает с той, которую дает „Повесть временных лет": между чими нет такого промежутка; первый из них был совершен в пятый год царствования Никифора (6476—968 г.), а второй в шестой год царствования Никифора (6477—969 г.).

и взя городъ 80 по Дунаеви. Число 80 для болгарских городов имеет исторические основания. Прокопий Кесарийский (византийский историк VI в.) говорит о 80 укреплениях, воздвигнутых Юстинианом в этой местности.

О 77 городах Дуная говорят и болгарские песни. На основании точности этого указания летописи и точности передачи в летописи знаменитой речи Святослава, зафиксированной также у Льва Диакона (см. ниже, стр. 317), А. А. Шахматов предполагал, что рассказ о Святославе заимствован из какой-то не дошедшей до нас болгарской летописи (Разыскания ..., стр. 124). Однако этих оснований для такого предположения слишком недостаточно.

сѣде княжа ту в Переяславци. Переяславец на Дунае — теперь село Преслав у Тульчи на юг от Дуная.

968 Придоша печенѣзи на Руску землю первое. Это сообщение летописи как будто бы находится в противоречии с предшествующими сведениями в той же „Повести временных лет“ о появлении печенегов перед проходом угров мимо Киева, о первом их приходе на Русь при Игоре (под 915 г.), о войнах Игоря с печенегами и т. д. Очевидно, здесь летописец имеет в виду только то, что печенеги впервые напали на самый Киев.

И въстужиша людье въ градѣ и рѣша. Очевидно, что здесь имеется в виду народное собрание — вече. Как здесь, так и в описании осады Белгорода под 997 г. мы имеем редкие для X в. свидетельства о вечевых собраниях. Акад. Б. Д. Греков пишет по этому поводу: „Как правило, в X в. при наличии князя в городе вече не собирается. При князе мы видим всегда совет старейшин города или, иначе, старцев градских, бояр и дружину“. „Ни в X в., ни в первой половине XI в. для развития вечевого строя благоприятных условий в Киеве нет. Власть киевского князя слишком сильна, город политически еще слишком слаб, чтобы рядом с княжеской властью могло процветать городское вече“ (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1949, стр. 356—357). О вече см. ниже, стр. 351.

бѣ бо умѣя печенѣжьски. Из этих слов видно, что русские общались с печенегами и до 968 г. и что слова „придоша печенези на Рускую землю первое“ следует понимать только в том смысле, что печенеги в 968 г. впервые совершили военный поход на Русь. Ср. в связи с этим под 915 г.: „придоша печенѣзи на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем“.

К стр. 48

и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. Перед нами в этой сцене обряд побратимства, связанный с обменом подарками. Подарки эти, повидимому, имеют символическое значение и в высшей степени ярко характеризуют две противостоящие друг другу культуры — степную печенежскую и оседлую европейскую культуру русских. Для конного войска печенегов режущая скользящим ударом сабля представляла собой более удобное оружие, чем меч. Сабля постоянно встречается в курганах половцев и торков XI—XII вв. Употребля-

лась она и татарами. В отличие от сабли — меч был первоначально типично русским оружием и употреблялся для рубящих и, реже, колющих ударов.

Рукоять меча X в.
Фот. М. К. Каргера.

Меч был символом княжеской власти и предметом религиозного культа при заключении договоров с греками русские клялись на мечах (как и на щитах), а впоследствии меч святого Бориса и меч псковского князя Все-

волода окружались особым почитанием. В рассказе „Повести временных лет“ о сборе хазарами дани с русских двухлезвийный меч выступает как эмблема полян и противопоставляется однолезвийной сабле хазар (см. стр. 229). — Под броней следует здесь разуметь кольчугу, — боевую одежду из переплетенных друг с другом железных колец, которая на Руси употреблялась уже в X в., а на Западе появилась только в XII в в эпоху крестовых походов, когда она была ввезена с Востока, где кольчуги были всегда широко распространены.

Рукоять меча X в. из кургана „Черная Могила“ в Чернигове.
Из раскопок Д. Я. Самоквасова.

И отступиша печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. В этих словах наблюдается противоречие: печенеги отступили от города, но осада стала еще теснее. Если печенеги отступили, то водопой, казалось бы, должен был освободиться. Повидимому, слово „отступиша“ следует заменить словом „оступиша“, т. е. „осадили“, и читать все это место непосредственно вслед за фразой, начинающейся „И оступиша печенѣзи град в силе велице...“, а народное предание об отроке, пробежавшем с уздечкой через печенежский стан, и об обмене подарками между Претичем и печенежским князем считать вставленным в более ранний текст позднее.

969 яко ту вся благая сходятся. Греческий историк Скилиций также указывает на то, что Святослава привлекла Болгария своим богатством.

овощеве розноличныя. Овощами назывались в древней Руси фрукты. Ср. в „Хождении“ игумена Даниила: „Древеса овощная стоять многа бес числа: масличие... чересие, и грождья, и всяка овощи“.

По трех днехъ умре Ольга. Славяно-русский Пролог отмечает день смерти Ольги — 11 июля (из Пролога эта дата проникла в некоторые псковские летописи Т‘вюув ерскрди)..

Кольчуга („броня“).
Гос. Эрмитаж.

и несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу. В этом рассказе о похоронах Ольги обращают на себя внимание некоторые частности. Во-первых, Ольга запрещает по себе творить тризну, так как имела священника (пресвитера): ясно, что тризна понимается здесь как обряд языческий, противоположный христианскому и исключаемый им. Во-вторых, сказано, что Ольгу похоронили „на месте“, но не сказано на каком (ср. ниже о похоронах Олега Святославича: „и погребоша Олега на месте у города Вручего“). Это объясняется тем, что над Ольгой не насыпали

обычного кургана (ср. в Прологе под 11 июля древний рассказ о смерти Ольги: „и призвавъши сына своего Святослава, заповеда ему погрести ся с землею ровно, а могылы не сути, ни тризны творити, ни бъдына деяти"). Могила Ольги поэтому могла быть плохо известна в народе. Отличие христианского обычая погребать „с землею ровно" от дохристианского — насыпать могилу подчеркнуто также в более позднем Житии Константина Муромского (XVI в.): когда Константин похоронил сына своего Михаила по христианскому обычаю, то „невернии людие, видяще сия, дивляхуся еже не по их обычаю творимо бе погребение, яко погребаему князю Михаилу во знак на востоце, а верх холмом не сыпаху, но ровно с землею". К словам „Повести временных лет" „бе бо имущи презвутер" Новгородская первая летопись (в которой читается текст летописи более древней, чем „Повесть временных лет") добавляет: „в тайне". Иными словами, Ольга рассматривается в Новгородской первой летописи как тайная христианка.

К стр. 49

Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли аки деньница предъ солнцемь. Вся дальнейшая похвала княгине Ольге схожа и стилистически и по содержанию с похвалой Владимиру (см. под 1015 г.). Обе принадлежат руке одного автора. В похвале Владимиру: „схраниша тело его с плачемь, блаженаго князя" и дальше — „се есть новый Костянтин великого Рима", а в похвале Ольге: „сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстей земли, акы деньница пред солнцемь". В похвале Владимиру: „сего бо память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють бога", а в похвале Ольге: „сию бо хвалят рустие сынове аки начальницю... Се бо вси человеци прославляють [бога], видяще [ю] лежащю в теле на многа лета". Обращает на себя также внимание сравнение Ольги со святою Еленою, поддержанное сравнением Владимира с Константином Великим: перед нами единая мысль, проведенная в обеих похвалах, — дело Ольги и Владимира для Руси такое же, как и дело „равноапостольных" Елены и Константина для Византии. Вместе с тем похвала Ольге имеет в виду будущее крещение Руси. С другой стороны, сказание о крещении Руси ссылается на княгиню Ольгу, как на первую христианку. Крещение Владимира определяется решающим аргументом, который приводят ему собранные им бояре и старцы: „аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек" (937 г.).

К стр. 50

971 и взя градъ копьемъ. Ипатьевская и Новгородская первая летописи бавляют: „рькя: «се город мой»" (Ипатьевская летопись); „и рче: «се град

мой»“ (Новгородская первая летопись). А. А. Шахматов предполагает, что это отрывок более обширной речи; возможно, что речь Святослава о предпочтении им Переяславца Киеву была первоначально помещена именно здесь. Впоследствии она была перенесена под 969 г. для объяснения второго похода Святослава (Разыскания..., стр. 66). Это предположение А. А. Шахматова не может считаться достаточно обоснованным. — „Взять град копьем“ — военный термин, означавший „взять город приступом“. Копье в древней Руси было оружием первого стремительного удара. Ср. аналогичный военный термин — „изломить копье“ (вступить в битву). Битва часто начиналась с того, что князь метал копье в сторону противника.

Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни. Радзивиловская летопись и Московско-академический список добавляют: „суть бо греци лстивы и до сего дни“. В Ипатьевской летописи читаем прямо противоположное: „суть бо греци мудри и до сего дни“. „Мудри“, конечно, исправление из „льстивы“, так как последнее только согласуется с предшествующим: „реша̑ грьци, л ь с т я ч е ...“.

И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава. Греческие источники называют иную цифру войска Цимисхия: против Святослава выступило 15 тысяч пеших и 13 тысяч конных воинов: цифра все равно по тем временам огромная и почти в три раза бо̀льшая, чем у Святослава.

и рече Святославъ: „Уже намъ нѣкамо ся дѣти ...“. Лев Диакон приводит речь Святослава, сказанную им своим воинам в сражении при Доростоле. Она очень близка по своему духу той, которая приводится в летописи: „Погибнет слава, спутница оружия россов, без труда побеждавшего соседственных народов и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам (грекам, — *Д. Л.*). Итак, с храбростью предков наших и с той мыслию, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою“ (Лев Диакон Калойский. История. Перевод с греческого Д. Попова, СПб., 1820, стр. 94).

поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая. „Градом“ здесь называется Царьград. Греки часто называли Константинополь просто πόλις как римляне Рим — urbs.

И посла к нему злато, и паволоки. Греческие источники также свидетельствуют, что и император Никифор, и император Иоанн предлагали Святославу денежный откуп, гордо им отвергнутый. Весь рассказ об испытании Святослава дарами носит характер, сделанного на основе дружинного предания с ярко выраженной дружинной идеологией, отразившейся и в других местах „Повести временных лет“. Ср. под 996 г. в рассказе о серебряных

ложках, которые Владимир приказал исковать своей дружине, говоря: „Сребромь и златомь не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко ке дед мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра". Та же идеология проводится в „Повести временных лет" под 1075 г. — Святослав показывал свои несметные богатства послам, послы же сказали Святославу: „Се ни в что же есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся доищють и болше сего".

К стр. 51

Поиду в Русь, приведу боле дружины. Итак, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском. И он действительно исполняет свое решение: „поиде в лодьяхъ къ порогомъ". Однако между рассказом о решении Святослава и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и текст договора. Можно думать, что и это повествование и текст договора — вставка. Действительно, в Новгородской первой летописи, где вначале читается текст летописного свода, предшествовавшего „Повести временных лет" (так называемого „Начального"), предположенного нами в качестве вставки текста нет, и все действие развивается логически: „И рече: «Поиду в Русь и приведу болши дружине», и поиде в лодьях". Следовательно, рассказ о заключении мирного договора Святослава и самый договор вставлены составителем „Повести временных лет" в текст предшествовавшей летописи. Напомним, что и все другие договоры русских с греками отсутствовали в предшествовавшей „Повести временных лет" летописи. Все договоры русских с греками внес в текст летописи и использовал как исторические источники только составитель „Повести временных лет".

К стр. 52

Равно другаго свѣщанья. Объяснение этих слов см. выше, стр. 272.

мѣсяца июля. В Львовской, Никоновской и других поздних летописях прибавлено „в 11 день". Повидимому, это прибавление сделано потому, что в одном из летописных источников Львовской и Никоновской вместо „в 14 индикта" читалось по ошибке „в 11 день". 11 июля договор не мог быть заключен, так как Святослав сложил оружие под Доростолом 22 июля.

Азъ Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою. Договор, заключенный Святославом в Византии в 971 г., скорее напоминает текст присяги, данной Святославом. Н. А. Лавровский предполагал, „что в летопись попало только краткое дополнение к Святославову договору, а что самый договор заключал ряд условий,

указанных между прочим Львом Дьяконом" (О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, стр. 42).

со всякимь великимь царемъ гречьскимъ. И. И. Срезневский предполагал, что надо читать не „со всякимь", что бессмысленно, а „Иоанъмь". Имя это было неправильно прочтено, так как было, повидимому, написано глаголицей (И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI — XIV вв. СПб., 1885, стр. 98).

боляре и прочии. В отличие от предшествующих договоров с греками в договоре Святослава князья не упоминаются.

да будемъ золоти, яко золото. Место это недостаточно ясно. Попытку объяснить его см. у В. М. Истрина „Договоры русских с греками", Известия ОРЯС АН, 1924, т. XXIX, Л., 1925, стр. 390.

К стр. 53

в лѣто 6480... убиша Святослава. В „Памяти и похвале" князю Владимиру сказано „и седе в Киеве князь Володимер в осмое лето по смерти отца своего Святослава, месяца июня в 11, в лето 6486". Следовательно, составитель „Памяти и похвалы" князю Владимиру относил смерть Святослава к 6478 (970) г. Эту же дату смерти Святослава А. А. Шахматов обнаруживает и анализом текста „Повести временных лет" (Разыскания..., стр. 132 и предшеств.). *972*

и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его. Далее поздние летописи приводят следующую надпись, сделанную на золотой оковке Святославова лба. В Уваровской летописи № 188 (летопись ростовская XVI в.): „чюжих желая, своя погуби"; в Ермолинской летописи „чюжих ища, своя погуби"; в Львовской летописи: „чюжим паче силы жалая, и своя си погуби за премногую его несытость". Ср. выше аналогичный упрек, брошенный киевлянами Святославу: „Ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши а своея ся охабив" (под 968 г.). Возможно, что содержание надписи взято именно из этого упрека. Однако в сборнике Публичной библиотеки в Ленинграде № F. IV. 214 (летопись, сходная с Тверской) читается, кроме приведенной надписи, и следующее: „И есть чаша сия и донине хранима в казнах князей печенезких, пиаху же из нея князи со княгинею в чертозе, егда поимаются, глаголюще сице: каков был сий человек, его же лоб есть, таков буди и родившея от нас. Тако же и прочиих вои его лъбы изоковаша сребром и держаху у себе, пиюще з них". Запись эта как будто бы свидетельствует о том, что она составлена еще в XI — XII вв. (ср. выше „донине... в казнах князей печенезких" — печенеги в последний раз упоминаются в летописи под 1169 г. (см. Ипатьевскую летопись).

И всѣх лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8. Согласно Ипатьевской летописи, Святослав родился в 6450 г. Следовательно, умер он 30 лет (ср. в Русском хронографе: „а всех лет поживе 30").

977 и есть могила его [Олега Святославича] и до сего дне у Вручего. Под 1044 г. сообщается, что кости Олега Святославича (так же, как и кости Ярополка) были выкопаны и перенесены в Десятинную церковь. Вряд ли возможно предположить, чтобы летописец, писавший после 1044 г. о том, что могила Олега есть „и до сего дне у Вручего", не оговорил этого обстоятельства. Следовательно, запись эта сделана до 1044 г.

К стр. 54

978 В лѣто 6487. Под этим годом в Никоновской летописи помещены следующие известия неизвестно откуда взятые ее составителем: „Прииде печенежьский князь Илдея, и би челом Ярополку в службу. Ярополк же прият его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице. Того же лета приидоша послы от греческаго царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его. Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы. Знамение. Того же лета быша знамения в луне, и в солнце, и в звездах, и быша громи велицы и страшни, и ветри силни с вихром, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лесным и полским".

980 „Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу битъся". За этими словами Владимира, переданными им через новгородских посадников Ярополку и несколько напоминающими обычай Святослава предупреждать своих врагов, в Никоновской летописи читается следующий текст: „Слышав же сиа Ярополк от брата своего меншаго Володимера смутися, и нача съвокупляти воа многы, бе бо и сам храбор велми; и рече ему воевода его Блуд: «Не можеть противу тебе стати брат твой менший Володимер, яко же синица на орла брань сотворити, не смущайся убо боятися его, и не утружай воиньства своего собирая». Сиа же Блуд лукавством глаголаше к господину своему Ярополку: бе бо уласкан и улщен Владимером".

И посла ко Рогъволоду. Вторично сватовство Владимира на основании народных преданий описано в Лаврентьевской летописи под 1128 г.: „О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведущии преж. Яко Роговолоду держащю и владеющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новегороде, детьску сущю, еще и погану. И бе у него [уй его] Добрына воевода и храбор и наряден мужь. И сь посла к Роговолоду и проси у него дщере [его] за Володимера. Он же рече дъщери своей: «Хощеши ли за Володимера?». Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бе бо Роговолод перешел из заморья, имяше волость свою Полтеск. Слышавше же,

Володимер разгневася о той речи, оже рече «не хочю я за робичича», пожалиси Добрына и исполнися ярости. И поемше вои [и] идоша на Полтеск и победиста Роговолода. Рогъволод же вбеже в город и приступивъше к городу и взяша город и самого [князя Роговолода] яша и жену его и дщерь его. И Добрына поноси ему и дщери его, нарек ей робичица, и повеле Володимеру быти с нею пред отцемь ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене и нарекоша ей имя Горислава и роди Изяслава. Поя же пакы ины жены многы и нача ей негодовати. Неколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хоте и̑ зарезати ножемь. И ключися ему убудитися и я ю̀ за руку. Она же рече, сжалидаси бях: «Зане отца моего уби и землю его полони мене деля, — и се ныне не любиши мене и с младенцем симь». И повеле ею устроитися во всю тварь царьскую, якоже в день посага ея, и сести на постели светле в храмине, да пришед потнеть ю̀. Она же тако створи. И давши же мечь сынови своему Изяславу в руку наг, и рече: «Яко внидеть ти отець, рци, выступя: «Отче, еда един мнишися ходя!». Володимер же рече: «А хто тя мнел сде!». И поверг мечь свой, и созва боляры, и поведа им. Они же рекоша: «Уже не убий ея, детяти деля сего, но въздвигни отчину ея. И дай ей с сыном своим». Володимер же устрои город, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттоле мечь взимають роговложи внуци, противу Ярославлим внуком". Эта статья Лаврентьевской летописи имеет несколько совершенно сходных мест с соответствующим рассказом „Повести временных лет", но есть и различия. В статье Лаврентьевской летописи 1128 г. Владимир еще очень молод („детьску сущу"); в „Повести временных лет" же под 980 г. это указание пропущено. В статье 1128 г. Добрыня сватает Владимиру Рогнеду и приказывает Владимиру. В рассказе же 980 г. эти указания пропущены. А. А. Шахматов предполагает, что рассказ 1128 г. сохраняет первоначальную версию. Этот рассказ в древнейшей летописи был, якобы, помещен под 970 г. (а не под 980 г.) сразу же после повествования о том, как новгородцы получили себе Владимира. Когда рассказ этот был перенесен (по неясным причинам) под 980 г., пришлось устранить указание на молодость Владимира, устранить Добрыню с его руководящей ролью, устранить сцену дикого надругательства Владимира над Рогнедой, что противоречило представлениям летописца о „святом" Владимире. Получилась и другая несообразность, на которую многократно указывали исследователи: Владимир сразу борется на два фронта — против Киева и Полоцка. Поход Владимира на Киев перебит походом против Рогволода Полоцкого (Разыскания . . . , стр. 247—251). Обратим внимание и еще на одну деталь рассказа 1128 г. „Повесть временных лет" перечисляет четырех сыновей Владимира от Рогнеды: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода. По версии же 1128 г. у Владимира к моменту его разлуки с Рогнедой один сын — Изяслав. Внимание исследователей останавливало также близкое сходство рассказа о сватовстве Владимира к Рогнеде

с тою частью Корсунской легенды, где говорится о добывании Владимиром дочери корсунского князя (тот же эпизод с надругательством Владимира над дочерью князя на глазах у родителей). Наконец обращало на себя внимание сходство рассказа о сватовстве Владимира к Рогнеде с былиной о Добрыне (в вариантах — о Дунае), высватывающем князю Владимиру невесту. Очевидно, и тут и там общие фольклорные источники опираются на реальную историческую основу (Б. М. Соколов. Эпические сказания о женитьбе Владимира. Ученые записки Саратовского Государственного университета. Слав.-истор. отд. Педагог. фак., 1923, т. I, вып. 3).

Не хочу розути робичича. Робичичем Владимир назван потому, что его мать Малуша была ключницей у Ольги (см. выше, под 970 г.). Малуша, дочь Малка Любечанина, была сестрой Добрыни — дяди Владимира и его пестуна. Рогнеда отказывается выйти замуж за Владимира и употребляет при этом образное выражение: разувание мужа в знак покорности новобрачной было частью свадебного обряда.

а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. За этим кратким замечанием летописца, очевидно, скрывается какая-то этимологическая легенда, объяснявшая происхождение названия Турова и княжеской династии, в нем сидевшей (вроде того, как объясняется название Киева и происхождение местных киевских князей от Кия, см. стр. 220, или радимичей и вятичей от Радима и Вятко, см. стр. 225).

стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Дорогожичи — урочище между Киевом и Вышгородом, но ближе к Киеву, приблизительно там, где впоследствии был выстроен монастырь Кирилла (XII в.). Возможно об остатках этого „рва“ или вала говорится в Ипатьевской летописи под 1146 г.: „И прииде Изяслав ко валови, идеже есть Надово озеро у Шелвова борку и ту ста полкы подле вал с сыном своим Мьстиславом“.

К стр. 55

а Володимеръ вниде в Киевъ. В „Памяти и похвале“ князю Владимиру вступление Владимира на киевский стол и смерть Ярополка отнесены к 6486 (978) г. Вступление Владимира на киевский стол датируется при этом точно 11 июня. Эту дату А. А. Шахматов возводит к Древнейшему своду. Следует учесть, что до середины XI в. в „Повести временных лет“ нет ни одной точной даты светских событий. Точно датируются только те события, которые могли отразиться в церковных записях (кончина Ольги — 11 июля, убиение варягов — 12 июля, освящение Десятинной церкви — 12 мая, смерть Владимира — 15 июля, убиение Бориса — 24 июля, убиение Глеба — 5 сентября, освящение Вышгородской церкви Бориса и Глеба — 24 июля, освящение

церкви Софии — 4 ноября, освящение церкви Георгия — 26 ноября). Откуда же могла стать известной летописцу дата вступления на стол Владимира, никак не связанная с богослужебным календарем? А. А. Шахматов объясняет ее следующим образом. Древнейшая летопись знала дату убиения отца и сына варягов — 12 июля (она сохранилась в Прологе). Между днем вступления Владимира на стол и жертвоприношением, как казалось летописцу, прошел месяц (варяжская дружина при вступлении Владимира на стол потребовала у него „кун“ и „ждаша за месяць“; к жертвоприношению же Владимир приступил по уходе варяжской дружины). Следовательно, исходя из даты жертвоприношения — 12 июля, древнейший летописец установил дату вступления Владимира на стол — 11 июня. В последующих сводах обе даты утратились (Разыскания . . . , стр. 26—27).

и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. В Ермолинской летописи поговорка эта читается в более полном виде: „Беда аки в Родне́; брат брата убил“. Здесь отчетливо видна игра слов на созвучии „Родьня“ и „родня“ (ср. аналогичную игру слов в рассказе о четвертой мести Ольги: „да сего у вас прошю мала“ — стр. 303).

и рече ему Варяжько: „Не ходи, княже, убьють тя“. В этом месте в Никоновской летописи дополнительный текст: „рече Блуд: «То ти милостник у князя». И рече Варяжко: «Всяк милостник подобен есть змии запазушней, а ты побегни в печенеги и приведеши вои»“. Затем текст Никоновской летописи сходен с Лаврентьевской. Откуда взято дополнение Никоновской — не ясно. Во всяком случае, слово „милостник“ и характеристика „милостника“ говорят о домонгольском времени: „милостники“ — княжеские любимцы, приближенные (элементы будущего дворянства) упоминаются в домонгольских летописях, при этом очень часто в резко отрицательных ситуациях („стрелиша князя милостници Всеволожи“ — Новгородская первая летопись 1136 г.; „убиша Володимири князя Андрея свои милостьници“ — то же 1174 г.; „тогда Святослав, сдумав с княгинею своею и с Кочкаремь, милостьником своим“ — тоже 1180 г. и др.).

И тако убьенъ бысть Ярополкъ. „Память и похвала“ князю Владимиру, произведение XI в., пользовавшееся какою-то не дошедшею до нас древнею летописью (возможно „Древнейшим сводом“), датирует смерть Ярополка 11 июня.

К стр. 56

Посемь рѣша варязи Володимеру. Рассказ о недовольстве варягов Владимиром и об их отъезде в Царьград не производит впечатления записанного на основе предания (в нем Владимир скуп, тогда как в народных преданиях Владимир „пиролюбец“ и всегда щедр). Неясно, следовательно, откуда он взят в летопись. А. А. Шахматов предполагает поэтому, что события эти

перенесены под 980 г. из времени начала княжения Ярослава. Это свое предположение А. А. Шахматов искусственно аргументирует следующим образом. Он предполагает, что в 1017 г. варяги, которые помогали Ярославу победить Святополка, бесчинствовали якобы в Киеве, как двумя годами ранее (в 1015 г.) в Новгороде. Результатом этих бесчинств явился якобы пожар в Киеве в 1017 г., упоминаемый в хронике Титмара Мерзебургского. Эти предполагаемые бесчинства могли якобы побудить Ярослава сбыть варягов в Византию. Летописец якобы приурочил (неясно почему) эти события к 980 г. (Разыскания..., стр. 480—483). Однако также не могут быть выведены из народных преданий и все предшествующие сведения „Повести временных лет“ о борьбе Владимира с Ярополком. Поэтому, возможно, прав М. Н. Тихомиров, который предполагает, что какие-то записи событий велись уже в годы княжения Владимира („Происхождение названий «Русь» и «Русская земля»“. Советская этнография, вып. VI — VII, М.—Л., 1947, стр. 64 и сл.). Важным подтверждением правоты нашей летописи, отнесшей эти события к 980 г., служит то обстоятельство, что именно вскоре после 980 г. (хотя и не сразу) в Византии был организован особый варяжский корпус (В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв.). Ведение летописных записей при Ярополке не исключает, однако, того обстоятельства, что впоследствии мы наблюдаем очевидный перерыв в ведении своевременного записывания (описание крещения Владимира и Руси дошло до нас явно не в записи летописца-современника).

Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Перун — бог молнии и грома; о нем, как о божестве древних антов и славян, говорит еще Прокопий (византийский историк VI в.). Хорс и Дажьбог — боги солнца, источники благополучия. Стрибог — бог ветра (в „Слове о полку Игореве“ ветры названы — „стрибожьи внуки“). Не ясна сущность бога Симарьгла. Некоторые исследователи сопоставляют его с иранским богом Симург, так же как Хорса с иранским Хуршид — солнце. Мокошь, возможно, связан с названием народа мокшаэрзя и первоначально был племенным богом. Исследователи предполагают, что пестрота созданного Владимиром пантеона во многом зависела от пестроты племенного состава Киевского государства. В Перуне видят „дружинного бога“ — покровителя вооруженной полуфеодальной верхушки, а во всех остальных богах — различных племенных богов, объединением культа которых Владимир якобы пытался скрепить религиозно свое государство еще до принятия христианства. Среди поставленных Владимиром у „двора теремного“ кумиров нет Волоса — „скотьего бога“, которым клялись славяне при заключении договоров с греками. В этом боге исследователи видят более „демократичного“, чем дружинный Перун, бога-покровителя торговли и купцов, и отмечают, что кумир его стоял в Киеве внизу на Подоле среди рынка. А. А. Шахматов считает, что данное место летописи в древнейшей летописи

читалось так: „постави кумиры на холму вне двора теремного“. Имена этих кумиров были внесены впоследствии. А. Е. Пресняков обращает внимание на текст Радзивиловского и Московско-академического списков, где сказано не „кумиры“, а „кумир“, и считает, что первоначально в древнейшей летописи упоминался один Перун, что согласуется с дальнейшим известием о поставлении кумира Перуна в Новгороде (Лекции по русской истории, т. I. М., 1933, стр. 105). Однако утверждения обоих авторов не выходят за пределы предположений.

постави кумира надъ рѣкою Волховомъ. В Ипатьевской летописи и в других сказано, что этим кумиром был Перун („постави Перуна кумира“). Так это ясно и из новгородских летописей, и из местных новгородских преданий, приурочивших это поставление Добрыней кумира Перуна к местности „Перынь“.

Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино. Рогнеда — дочь полоцкого князя Рогволода. От Рогнеды у Владимира, между прочим, была дочь Предслава. Очевидно, что село Рогнеды затем перешло к ее дочери Предславе и от последней получило свое название Предславино. Историю женитьбы Владимира на Рогнеде см. выше, в тексте „Повести временных лет“ под 980 г. и в Лаврентьевской летописи под 1128 г.

и быша ему водимыя: Рогънѣдь ... от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а отъ болгарыни — Бориса и Глѣба. Этот перечень сыновей Владимира не во всех летописях одинаков. Ипатьевская летопись и Московско-академический список опускают после имени Святослава имя Мьстислава. Это сделано, очевидно, с целью оставить среди сыновей Владимира только одного Мстислава. Поправка эта неверна, так как оставлен только старший Мстислав, тогда как Мстислав, появляющийся в летописи с 1022 г., был младше Ярослава (см. под 1024 г. его слова, обращенные к Ярославу: „сяди Кыеве, ты еси старейшей брат“). Вместо младшего Мстислава Софийская первая, Новгородская четвертая и другие летописи называют Станислава. Станислав приписан позднее в Ипатьевской летописи к имени Святослава. Кроме того, Софийская первая, Новгородская четвертая, Воскресенская летописи приписывают на основании летописной статьи 988 г.: „11. Судислав, 12. Позвизд“. Эти последние имена явно взяты из перечня сыновей Владимира, данного под 988 г.: „Бе бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мьстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав“. А. А. Шахматов считает (Разыскания ..., стр. 136—138), что всё перечисление сыновей под 980 г. взято из статьи 988 г., и предполагает, что первоначально здесь шла речь только о „блуде“ Владимира на основании данных так назы-

ваемой „Корсунской легенды". Однако соображения А. А. Шахматова, построенные в данном случае на произвольных толкованиях психологии летописца, мало убедительны. Не могут они объяснить и упоминания двух дочерей Владимира, отсутствующих в перечне 988 г. Не может быть также убедительно выведено из перечня 938 г. распределение сыновей по женам Владимира, в этом перечне 988 г. не упоминаемых.

К стр. 58

981 Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. Хотя „Повесть временных лет" и называет перечисленные города польскими („грады их"), но это определение относится только к их государственной принадлежности перед походом Владимира, но не является свидетельством об этническом составе их населения. Акад. Б. Д. Греков пишет: „Спор между русскими и польскими учеными относительно того, каким народом, русским или польским, была заселена та часть Западной Украины, которую Повесть временных лет называет «городами червенскими», как мне кажется, может быть решен в пользу русского народа по следующим основаниям: 1) древнее население этого края — ветвь восточного славянства, дулебы; 2) археологические, лингвистические и юридические данные говорят о единстве культуры от Карпат до Днепра. 3) современное украинское, по преимуществу сельское население края не пришлое, а туземное: абсолютно не из чего не видно, чтобы здесь раньше украинцев жили поляки. Стремление Польши завладеть этой землей — несомненно. Борьба между Киевским государством и Польшей началась, повидимому, до X в. Когда летописец говорит «и зая грады их», то имеет в виду города-крепости, повидимому, воздвигнутые поляками или только занятые польскими гарнизонами и в значительной мере колонизованные поляками в результате их стремления продвинуться на восток" (Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 467). Козьма Пражский говорит о том, что земли эти входили в состав Чехии, а не Польши (тоже и Ибрагим-Ибн-Якуб: А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. Приложение к „Запискам Академии Наук", т. XXXII, стр. 47—49 и др). Возможно, конечно, что какая-то часть Прикарпатья принадлежала Чехии, владевшей в это время Краковом. Однако „червенские города" никогда в это время прочно в состав Польши или Чехии не входили (В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 293).

Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Бого-
983 родица. Читающийся вслед за тем рассказ о первых мучениках-варягах находится в тесной связи с рассказом о крещении Руси и, повидимому, принадлежит руке одного и того же автора. Оба они называют язычников-

русских редким термином „невегласы“, более нигде не встречающимся; в обоих сходно изображены сетования дьявола:

в рассказе о варягах	в рассказе о крещении Руси
Дьявол радовашеся сему, не ведый, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити род хрестьаньский, но п р о г о н и м бяше хрестом честным и в инех с т р а н а х; с д е ж е м н я ш е с я оканьный: яко с д е м и е с т ь ж и л и щ е, сде бо н е с у т ь а п о с т о л и учили, ни пророци прорекли... Аще и т е л о м а п о с т о л и н е с у т ь с д е б ы л и, но у ч е н ь я их аки трубы гласять по вселеней в церквах.	И бяше си видети радость на небеси и на земли, толико душь спасаемых, а дьяволя стеня глаголаше: увы м н е, яко отсюда п р о г о н и м есмь! с д е б о м н я х ж и л и щ е и м е т и, яко сде н е с у т ь у ч е н ь я а п о с т о л ь с к а, ни суть ведуще бога, но веселяхъся о службе их, еже с л у ж а х у м н е. И се уже побежен есмь от невеигласа, а не от апостол, ни от мученик, не имам уже царствовати в странах сих.

Аналогичное сходство намечается в обоих рассказах в рассуждениях об идолах (варяга, с одной стороны, и немцев-проповедников, с другой):

в рассказе о варягах	в рассказе о крещении Руси
н е с у т ь т о б о з и, н о д р е в о... а бог есть един, ему же служать грьци и к л а н я ю т с я, и ж е с т в о р и л н е б о и з е м л ю, з в е з д ы и л у н у, и солнце, и человека... А си бози что сделаша? Сами делани суть.	к л а п я е м с я б о г у, и ж е с т в о р и л н е б о и з е м л ю, з в е з д ы, м е с я ц ь и всяко дыханье, а б о з и в а ш и д р е в о с у т ь.

А. А. Шахматов предполагал, что текст сказания о варягах-мучениках первичен и что от него зависит текст сказания о крещении Руси. При этом А. А. Шахматов исходил из соображений „уместности“ того или иного рассуждения в том или ином рассказе. Однако сходство обоих рассказов объясняется не тем, что один из них „влиял“ на другой, а тем, что оба они принадлежат одному автору и входили в одно произведение: „Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси“ (см. стр. 61). — Рассказ о первых русских мучениках более подробен в Прологе под 12 июля. В Прологе же указано и имя младшего варяга — Иоанн, откуда, очевидно, оно перешло и в поздние летописи (Иван упомянут в Софийской первой, Новгородской четвертой, Никоновской, Воскресенской, Тверской и других летописях). Имя старшего варяга, повидимому, Туры (А. А. Шахматов. Как назывался первый русский христианин мученик. Известия ОРЯС АН, 1907, № 9).

но суть дѣлани руками в деревѣ. Для историков искусства представляет интерес добавление, читающееся в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., и объясняющее, как делались деревянные статуи идолов: „секерою и ножем“ (Софийская первая летопись).

Онъ же стояше на сѣнех... и посекоша сѣни под нима. Сени представляли собой крытую галерею второго этажа. Сени обычно опирались на столбы, к ним вела снаружи лестница. Они строились довольно просторно и часто использовались князьями для совещаний и приемов. Во время восстания киевлян в 1068 г. князь с дружиной совещались на сенях. В 1150 г. князь Борис устраивает в Белгороде пир на сенях для духовенства и дружины.

К стр. 59

984 Иде Володимеръ на радимичи. Радимичи уже были в свое время покорены Олегом и Святославом. Как указывает исследователь племени радимичей Б. А. Рыбаков, здесь, очевидно, имеет место не карательная экспедиция Владимира против восставших или отложившихся радимичей, а столкновение с радимичами Владимира и его дружинников во время сбора дани; см. его работу: Радзiмiчы. Працы Археолёгiчнай камiсii (Белорусской Академии наук), т. III, 1932, отдельный оттиск. Серьезных оснований видеть здесь события времен Олега, перенесенные в княжение Владимира (М. С. Грушевский), или только легенду, созданную с целью разгадать народную поговорку (В. А. Пархоменко), нет. Весь рассказ производит впечатление записанного на основе народного предания (ср. также ссылку в этом рассказе на поговорку).

985 Иде Володимеръ на Болгары. Не ясен вопрос, на каких болгар ходил Владимир походом: на волжских или на дунайских. В пользу первых свидетельствует древняя „Память и похвала“ Владимиру, где говорится о походе Владимира на „серебряных“ (т. е. волжских) болгар. Однако упоминание двойного пути — в лодьях и „на коних“ — как будто бы свидетельствует скорее о походе против дунайских болгар (итти в лодьях на волжских болгар было нельзя). Такой же двойной путь в дунайскую Болгарию отмечен летописью и в описании княжения Святослава Игоревича (ср. совет ему Свенельда: „поиди, княже, на коних около“). В. Н. Татищев говорит о походе Владимира на болгар „и сербы“, что, конечно, возможно только при том предположении, что поход был направлен против болгар дунайских. Однако „сербы“ — явная описка источника Татищева из непонятых „серебряных“. Кроме того, все поздние летописи единогласно говорят о походе на волжских болгар. В Никоновской летописи сказано: „иде Володимер на болгары низовския“ (т. е. волжские), то же в Русском хронографе. В Воскре-

сенской летописи болгары разъяснены: „иже на Волзе". Обстоятельную аргументацию в защиту мнения, что Владимир ходил именно на волжских болгар, см.: Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. Исторические записки, № 14, 1945, стр. 13—14. — Весь рассказ — явно фольклорного происхождения. Слова Добрыни „поидем искать лапотников" как будто бы указывают на то, что рассказ этот имел и какое-то продолжение. Возможно, было несколько устных, народных рассказов о походах Владимира с „уем" (дядей) его Добрынею.

а торъки берегомъ. Торки появились в южнорусских степях только в середине XI в. Позднее торки часто выступали как союзники русских. Повидимому, вместе с Владимиром выступили какие-то вспомогательные печенежские войска; их и назвал летописец, писавший во второй половине XI в., „торками". Возможно, что торками назвало печенегов еще то народное предание, на основании которого летописец составил свой рассказ 985 г. (аналогичную замену печенегов позднее пришедшими татарами имеем и в былинах Владимирова цикла).

Придоша больгары вѣры бохъмичѣ. Несмотря на то, что весь рассказ *986*
об испытании Владимиром вер построен по схеме учительных произведений, имевших целью склонить читателей к принятию христианства примером их главы (в данном случае князя Владимира), это, однако, отнюдь не означает, что в основе летописного повествования не лежит никаких исторических фактов. Как это часто бывало в средневековье, в трафаретную форму церковной литературы могли заключаться рассказы о событиях, реально имевших место. В частности, в арабском „Сборнике анекдотов" XIII в., принадлежащем перу Мухоммеда аль-Ауфи, имеется рассказ о посольстве Буламира (Владимира) в Ховарезм (Хвалиссы русской летописи) с целью „испытания" мусульманства и о посольстве на Русь мусульманского имама для обращения русских в магометанскую веру (Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. IX. СПб., 1896, стр. 262—267).

К стр. 60

рече учитель нашь Павелъ. В поздних летописях (Тверской, Львовской, Никоновской) сказано „Петр и Павел".

а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю. Авраам, его сын Исаак и сын Исаака — Иаков (названный также Израилем — „богоборцем") — легендарные предки евреев.

и предана бысть земля наша хрестеяномъ. Речь здесь идет, конечно, о Палестине и Иерусалиме (см. выше упоминание Иерусалима). Иерусалим же впервые был взят крестоносцами в 1099 г. и сохранялся за ними до 1187 г., когда султан Саладин отвоевал его у христиан (Д. В. Айналов. Некоторые

данные русских летописей о Палестине. Сообщения Правосл. Палестинского общества, 1906, т. XVII, вып. 3). Отсюда напрашивается вывод, что разговор Владимира с евреями явился в летописи не ранее этого 1099 года. Я. С. Лурье обратил мое внимание и на следующее подтверждающее это предположение обстоятельство: прение о вере Владимир ведет с представителями четырех вер (магометанами, латинянами, евреями и православными-греками), а послов посылает только к трем (магометанам, латинянам и православным-грекам). Если эпизод прения Владимира с евреями считать вставкой, то это объясняет отсутствие ожидаемой симметрии между прениями Владимира и посольствами Владимира.

присла̑ша грьци къ Володимеру философа. В некоторых поздних летописях (Новгородской IV, Софийской I) добавлено имя этого „философа" — „Кирил".

К стр. 61

И нача философъ глаголати сице. Вся последующая затем обширная „речь философа" (вернее диалог философа с Владимиром) представляет собою изложение легендарных „исторических" судеб человечества от „сотворения мира" и „падения" первого человека Адама до жизни Иисуса Христа и его учеников включительно с кратким изложением грядущего конца мира и „страшного суда". Уже давно было высказано сомнение в том, что „речь философа" была действительно произнесена перед Владимиром. В одном случае „философ" назван Константином, в другом — Кириллом, что заставляет предполагать, что под „философом" следует подразумевать Константина-Кирилла — крестителя славян. Это дало основание В. И. Ламанскому считать, что речь Константина Философа относится ко времени хазарской миссии Константина, когда им были якобы крещены и русские (В. И. Ламанский. Славянское житие Кирилла, как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пгр., 1915, стр. 176 и сл.). С другой стороны, А. А. Шахматов считал, что „речь философа" первоначально была обращена к болгарскому царю Борису, которого „философ" (но уже не Константин-Кирилл, а Мефодий) крестил при патриархе Фотии (в церковном уставе Владимира I последний принимает крещение также от Фотия). Якобы через какую-то болгарскую летопись (не дошедшую до нас) речь этого „философа" Мефодия, первоначально обращенная к Борису, попала на Русь и здесь была приурочена к крещению Владимира (Разыскания..., стр. 154). И в самом деле, „речь философа" лишь внешне прикреплена к Владимиру. В жанровом отношении она принадлежит к составу широко распространенных произведений о крещении царя-язычника греческим проповедником. Она представляет собою распространенный в христианской учительной литературе так называемый сократический диалог. Между

двумя лицами — язычником (обычно царем, князем, халифом) и греческим иерархом — происходит диспут о вере. Диспут этот направляется краткими и немногочисленными вопросами язычника (последний не возражает, а только спрашивает). Изложение, рассказ сосредоточивается в пространных и обстоятельных ответах христианина. Христианин излагает основы православного вероучения. Под конец диспута язычник убежден своим собеседником и принимает христианство (ср. прение архиепископа Григория с Ереваном в житии Григория Омиритского, прение Панагиота с Азимитом и, в особенности, прение халифа Моавии с Федором Эдесским в житии последнего). Цель такого рода произведений по большей части — учительная: изложение основ христианского вероучения и убеждение подданных принять христианство примером их главы (халифа, князя и т. д.). В том же жанре составлена и „речь философа“ (см. подробнее: Д. Лихачев. Русские летописи. М., 1947, стр. 72 и сл.). Судя по языку „речи философа“, она составлена па Руси (ср. такие русские слова, как „вымчати“, „уй“ и др.). Она имеет много соответствий с так называемой русской Толковой Палеей (обширное произведение древнерусской литературы, рассказывающее на основании весьма разнородных источников историю еврейского народа до царствования Давида; слово „палея“ — греческое и означает „ветхий завет“). Однако давно уже было замечено, что сама Толковая Палея пользовалась русскою летописью; совпадения „речи философа“ с Толковой Палеей объясняются заимствованиями второй из первой. Другой русский памятник, Краткая Палея, заключает в себе также сооответствие с „речью философа“. Исследования В. М. Истрина (Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907) и А. А. Шахматова („Повесть временных лет“ и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 132 и сл.) показали, что соответствия эти происходят оттого, что и „Краткая Палея“ и „речь философа“ пользовались общим источником — русским компилятивным хронографом (В. М. Истрин предлагал его называть „Хронографом по великому изложению“). Этот русский компилятивный хронограф отразился и в других местах летописи. Акад. Н. К. Никольский считал, что „речь философа“ первоначально существовала в виде особого произведения и указал на два древнерусских сочинения, которые, он считал, дали основу летописной „речи философа“: „Слово о бытии всего мира“ и „Слово из Палеи выведено на жиды“ (К вопросу об источниках летописного сказания о Владимире. Христианское чтение, 1902, июнь; Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 6—16). Однако указанные Н. К. Никольским сочинения — сами являются переработкой летописи. — Итак, „речь философа“ — русское произведение, составленное в целях пропаганды христианства на Руси, в традиционных формах, на основании русского же компилятивного хронографа Возможно, что она была составлена самим автором „Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси“ (см. „Историко-литературный очерк“).

Основной ее источник — русский компилятивный хронограф (о нем см. в статье) объясняет нам, почему в изложении ветхозаветных событий „речь философа“ подчас ближе к Хронике Амартола или к произведениям апокрифической (запрещенной церковью) литературы, чем к Библии (отдельные замечания см. ниже). — Поздние летописи (Летописец Переяславля Суздальского, Никоновская летопись и др.) расширяют и изменяют текст „речи философа“ разного рода дополнениями. Ниже дополнения эти, ввиду особого характера источников этих дополнений, не представляющих исторического интереса, не рассматриваются. — Как исторический источник „речь философа“ совершенно не изучалась. Это объясняется тем, что старая дворянская и буржуазная наука стремилась затушевать, завуалировать те элементы еретичества или те элементы народного христианства, апокрифических, неофициальных воззрений, которые явственно дают себя знать в древнейших русских церковных сочинениях. Внимательное изучение этих сочинений несомненно в будущем откроет многие следы влияния апокрифов и еретических учений, что позволит более глубоко поставить вопрос о происхождении русского христианства. Повидимому христианство появилось на Руси не только по официальным каналам. Ниже в комментариях к „речи философа“ отмечаем предварительные данные ее исследования, указывающие на ее расхождения с Библией.

А въ 3-й день створи море, и рѣки, и источники, и сѣмяна. В Библии (книга „Бытия“, I, 10—11) иной текст: „И назвал бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел бог, что это хорошо. И сказал бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так“.

и украси бог небо. В Библии этих слов нет (см. книгу „Бытия“, I, 15—19).

К стр. 62

И бѣ Адамъ в раи, видяше бога и славяше, егда ангели славяху. В Библии этих слов нет.

К стр. 63

и порадовася сотона о проклятьи земля. В Библии этих слов нет.

и не умяше, како убити й. И рече ему сотона: возьми камень и удари й. В Библии этих слов нет.

И плакастася по Авели лет 30, и не съгни тѣло его; и не умяста его погрести. И повелѣниемь божьимь птенца 2 прилетѣста... Рассказа о двух птицах, подавших пример погребения Адаму и Еве, апокрифический.

егупти бо локтемъ сажень зовуть. У Амартола имеется рассуждение о египетских мерах (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 55), послужившее основой этому замечанию „речи философа".

К стр. 64

и бѣ старешина Невродъ. Упоминания имени старейшины Невродъ при построении Вавилонского столпа в Библии нет. Легендарный Невродъ как строитель Вавилона (но не вавилонской башни) и изобретатель астрономии упоминается у Амартола (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 33—34).

Адамовъ же бысть языкъ не отъятъ у Авера. В книге „Бытия" (в гл. 11) об Авере нет этих сведений; они восходят через русский компилятивный хронограф к Хронике Георгия Амартола (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 57).

По дьяволю научению ови рощениемъ, кладяземъ и рѣкамъ жряху. Позволительно видеть в этих словах скрытый выпад против русского язычества, так как поклонение рощам, колодцам и рекам было характерно именно для русского язычества и не выводится ни из каких средневековых произведений, посвященных истории еврейского народа. Ср. в Начальном своде (в Новгородской первой летописи) в рассказе о Кие, Щеке и Хориве о полянах: „бяху же погане, жруще озером и кладязем и рощением, якоже прочии погани".

Се же Серухъ роди Фару. Согласно Библии, Фара был сыном не Серуха, а Нахора.

Аврамъ же, пришедъ въ умъ, возрѣ на небо... до слов „Возлюби бог Аврама, и рече бог Авраму" — текст этот в Библии отсутствует, у Амартола соответствующий рассказ также далек от сведений нашей летописи (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола", т. I. Пгр., 1920, стр. 81).

К стр. 65

Моисий же, хапаяся за шию, срони вѣнець съ главы царевы, и попра и̇. Видѣвъ же вольхвъ, и рече цареви: „О царю! Погуби отроча се; аще ли не погубишь, имать погубити всего Еюпта". Этому рассказу нет соответствий в Библии. Он восходит через посредство русского компилятивного хронографа к апокрифическому житию Моисея. В последнем говорится о том, как трехлетний Моисей снял с головы фараона царский венец и возложил его себе на голову, о том, как затем жрец посоветовал фараону убить ребенка. Однако бог послал архангела Гавриила, который в образе одного из вель-

мож убедил фараона испытать ум Моисея при помощи драгоценного камня и горящего угля. Если Моисей возьмется за драгоценный камень, то его нужно признать мудрым, а следовательно и опасным для царя; если же он потянется к углю, то его можно оставить в живых. При испытании архангел Гавриил направил руку Моисея к углю. Мальчик вложил уголь в рот и опалил язык, чем и сохранил себе жизнь.

и ходя по пустыни и научися от ангела Гавриила о бытии всего мира и о первѣмь человѣцѣ, яже суть была по немъ и по потопѣ, и о смѣшеньи языкъ, аще кто колико лѣтъ былъ, звѣздное хоженье и число, землену мѣру и всѣку мудрость. Рассказ этот через посредство русского компилятивного хронографа восходит к апокрифическому житию Моисея. Ему нет соответствий в Библии.

К стр. 67

Моисѣеви въшедшю на гору къ богу, они же, сольявше телчю главу, В Библии (в главе XXXII „Исхода") говорится, что Моисей слил целого тельца. О „телчей" же голове повествуют русские паломники, ходившие в Палестину. Здесь в долине горы Шуэйб им эту „телчю" голову и показывали (ее видел русский путешественник XVI в. купец Василий Поздняков). Возможно, что это место „речи философа" обязано своим происхождением Епифаниевой „Повести о Иерусалиме и сущих в нем местех" (Д. Айналов. Некоторые данные русских летописей о Палестине. Сообщ. Правосл. палест. общества, 1906, т. XVII, вып. 3).

К стр. 68

въ Еньданѣ. В соответствующем месте Библии читаем „в Дане", по-гречески ἐν Δάν. Ошибочное чтение „в Ендане" находим и в русском переводе Амартола. В „речь философа" это ошибочное чтение проникло через тот компилятивный русский хронограф, которым как источником руководствовался русский составитель „речи философа". Этот русский компилятивный хронограф пользовался в основном русским переводом греческой хроники Амартола.

Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй. Это объяснение сходно с теми объяснениями, которые сделаны в „Повести временных лет" под 1114 г. (в Ипатьевской летописи): Гефест — „иже и Сварога нарекоша"; Гелиос — „его же наричють Дажьбог". Летописец менее знакомых богов объясняет с помощью богов более знакомых. Отсюда следует, что греческий бог войны Арей был более знаком читателю русской летописи, чем бог Ваал. В связи с этим весьма важно указание акад. И. И. Толстого о том, что в греческих северочерноморских колониях, как показывает мате-

риал граффити, был особенно популярен культ Арея. Таким образом, объяснение, сделанное летописцем, может, повидимому, свидетельствовать об издавних культурных связях русского населения с греческими городами северных берегов Черного моря.

К стр. 74

и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣте в огнѣ горѣти. Интересно, что обо всем этом в „речи философа" как раз не было ничего сказано, хотя об этом и уместно было бы философу рассказать при показе „запоны" Владимиру. Не указывает ли это на то, что „речь философа" подверглась некоторому сокращению? *987*

К стр. 75

И призваша я̑ царя Василий и Костянтинъ — императоры соправители: Василий II Болгаробойца (976—1025 г.) и его брат Константин VIII (976—1028).

Отвѣщавше же боляре рекоша. Не ясно, на какой вопрос отвечают здесь бояре: в ближайшем предшествующем тексте к ним никакого вопроса не обращено. А. А. Шахматов предполагает, что это — ответ на вопрос Владимира, обращенный к боярам в начале статьи этого, 987, года: „Да что ума придасте? Что отвещаете?". Весь же рассказ о посольствах между вопросом Владимира и ответом на него бояр А. А. Шахматов считает вставкой, сделанной уже в Начальном своде с целью оттянуть время крещения и перейти от рассказа о беседе Владимира с философом 986 г. к рассказу о походе Владимира на Корсунь 988 г. (рассказ древнейшего свода, предшествовавшего Начальному своду, говорил о крещении Владимира в Киеве в 986 г.; когда же последующий летописец решил исправить этот рассказ о крещении Владимира — корсунской версией, говорившей о его крещении в 988 г. в Корсуне, летописец и ввел эти переходные оттяжки времени крещения Владимира; см.: Разыскания ..., стр. 133—161).

иде Володимеръ съ вои на Корсунь. Рассказываемая далее так называемая „Корсунская легенда" — о крещении Владимира Святославича в Корсуни проникла в летопись, по вероятному предположению В. Л. Комаровича (История русской литературы, т. I. Изд. Института литературы Академии Наук СССР, 1941, стр. 271), из фольклора северного Причерноморья. Повидимому, ее ввел в свою летопись Никон — монах Печерского монастыря, дважды живший в Тмуторокани и введший в летопись целый ряд других северночерноморских преданий и занесший туда же целый ряд тмуторокан- *988*

ских событий, случившихся как раз в те годы, когда Никон был в первый раз в Тмуторокани (1061—1067 гг.). Вводя в свою летопись „Корсунскую легенду“, Никон (а не составитель Начального свода, как думал А. А. Шахматов) вынужден был перестроить изложение предшествующего „Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси“, по которому Владимир принял христианство в Киеве сразу же после испытания вер (см. стр. 55—56). „Се же, не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша в Василиви“ (под 988 г.), пишет Никон, опровергая версии своих предшественников. В „Корсунской легенде“ Никона есть ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды. По топографической точности легенда несомненно принадлежала Причерноморью. В ней указаны детали устройства водопровода в Корсуни из колодца вне города; указано место, где стояла церковь святого Василия, в которой крестился Владимир; указано место палаты Владимира и отмечено о них, что они сохраняются „и до сего дне“ и др. Чтобы внести „Корсунскую легенду“ в летопись, Никону пришлось прибегнуть к ряду искусственных приемов, оттянувших крещение Владимира с 986 г. до Корсунского похода 988 г. Отмечу как ошибку попытку А. А. Шахматова (Разыскания..., стр 396) и М. Д. Приселкова (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XI вв. СПб., 1912, стр. 274 и сл.) истолковать „Корсунскую легенду“ как греческий памфлет на Владимира. Действительно, при взятии Корсуни Владимир-язычник бесчестит дочь корсунского князя на глазах у родителей, отдает ее в жены своему дружиннику, а затем убивает и корсунского князя, и княгиню; затем Владимир не сразу исполняет свое обещание креститься, за что бог „наказывает“ его слепотою, от которой он исцеляется только при крещении. Но каковы бы ни были грехи Владимира-язычника, они не могли ставиться с христианской точки зрения того времени в укор Владимиру-христианину. Наоборот, чем ниже был нравственный уровень Владимира до крещения, тем выше становился его подвиг принятия христианства, тем резче выступал происшедший в нем перелом, тем более „величественным“ становился самый акт крещения. Этим лишь подчеркивалась идея спасительности крещения. Не случайно христианская литература настойчиво описывает подобные же случаи нравственного перелома, которые приносило крещение (отметим, например, аналогичный „нравственный перелом“ „крестителя“ греков Константина „равноапостольного“, с которым Владимир неоднократно сопоставляется в летописи). Факты, изложенные в „Корсунской легенде“ (поход Владимира на Корсунь, взятие Корсуни, женитьба Владимира на греческой царевне), засвидетельствованы также и византийскими и арабскими источниками, современными событиям. — Впрочем, византийские источники относят поход Владимира на Корсунь и взятие его к 989 г. (В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. ЖМНП, 1876, № 3; И. А. Линниченко. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси. Труды

Киевск. дух акад., 1886, № 12). В „Памяти и похвале“ Владимиру — та же дата взятия Корсуни (989 г.). Согласно „Памяти и похвале“, Владимир крестился в Киеве и жил после крещения 28 лет, — следовательно, он крестился в 987 (6495) г., а взятие Корсуни имело место на третье лето после крещения, т. е. в 989 (6497) г.

в лимени. Лиман от греч. ὁ λιμήν — гавань, пристань. Употребление греческого термина указывает на обстоятельное и непосредственное знакомство пишущего с Корсунью.

дали града стрѣлище едино. Стрелище или перестрел — расстояние, пролетаемое выпущенной из лука стрелой. Расстояние это условное; его условность отмечает еще и Даниил в своем „Хождении“ (XII в.): „Может с нее [с горы]... добрый стрелец четырежды встрелить, а на земли стоя, горе осьмижды выстрелит, коли добрый стрелец“. Л. В. Черепнин считает, что средний размер „перестрела“ — 60—70 м (Русская метрология. М., 1944, стр. 26).

К стр. 76

мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ. „Житие Владимира особого состава“ более раннее, чем даже предшествовавший „Повести временных лет“ Начальный свод (отразившийся в Новгородской I летописи), дает другую версию: стрелу посылает варяг Ждьберн. После взятия Корсуни Владимир награждает Ждьберна. Не мог ли быть этот Ждьберн одним из тех варягов которые ушли из Киева в 980 г. (см. выше стр. 323)? В таком случае этот последний вариант был бы естественнее; тем более, что Анастасу, как лицу духовному (см. ниже), вряд ли было бы удобно стрелять из лука с городских стен.

напсавъ сице на стрѣлѣ. Письмо, пересылаемое на стреле, — нередкий в старину способ передачи известий. В былине о Василии Буслаевиче, например, последний

Стал он стрелочек поделывать,
Стал на стрелочках подпись-ту подписывать:
„Кому хочется да сыто есть и пить,
Тот ступай к Василью на широкой двор“.

(А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I, 1949, стр. 404).

И си слышавша царя рада быста. Тверская летопись дает вслед за этими словами дополнительный текст: „и посласта к сестре своей, глаголюще, яко «Володимер просит тя за ся». Она же отвеща: «Не хощу аз за поганаго ити»; они же реша к ней: «Егда како тебе ради обратить его господь, и просветиши его и землю их, нас же и град нашь от плененна избавиши, и себе венець от бога примеши»“.

К стр. 77

сѣдъши в кубару. Кубара — от греч. κουμπάρα — κουμπαρία — корабль.

абье прозрѣ. В житиях Владимира в отличие от летописи Владимир исцеляется при крещении не от слепоты, а от „язвы“.

Крести же ся в церкви святаго Василья. Летописи различно называют церковь, в которой крестился Владимир. Так, например, по Ипатьевской летописи Владимир крестится в церкви Софии, по Новгородской первой (отражающей Начальный свод) — в церкви „св. Василиска“. Радзивиловская называет эту церковь — церковью Богородицы. В Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской, Хронографе и др., восходящих к московскому своду Фотия (1423 или 1418 г.), церковь, в которой крестился Владимир, определена как церковь Иакова, согласно с житиями Владимира и одной из редакций „Повести“ о перенесении иконы Николы на Рязань (ср., например, список XVI в. Библиотеки им. В. И. Ленина, Волоколамское собрание № 523). Летописные определения церкви, где крестился Владимир, как церкви Василиска — весьма возможно, результат ошибочного чтения греческого слова τὸ βασιλικόν (базилика — церковь). Чтение „св. Василия“ — может быть результат дальнейшего искажения.

По крещеньи же приведе царицю на браченье. В Ипатьевской летописи — „на обручение“. В Никоновской добавлено описание пира: „И сотвори чрежение велие убогим, и нищим, и странным, и сиротам, и вдовицам, и по улицам сосуды ставяше вина и меду, и перевары, и мяса, и рыбы, и овощи всякиа; да кто что хотяше, невъзбранно с радостью насыщашеся“. И в дальнейшем, в описании княжения Владимира, Никоновская летопись неоднократно добавляет описания и упоминания о пирах Владимира, — очевидно, на основании былинных представлений о Владимире-пиролюбце. После описания пира в Никоновской летописи читается следующий текст неясного происхождения: „По сих же посла Володимер в Греки к пресвященному Фотею, патриарху Цареградскому, и взя от него перваго митрополита Михаила Киеву и всей Русской земли. Михаил митрополит Киевский и всеа Руси. Бысть же сей митрополит учителен зело, и премудр премного, и житием велик и крепок зело, родом сирин, тих убо бе, и кроток, и смирен, и милостив премного; иногда же страшен и свереп, егда время требоваше. Чествоваше бо его Володимер, и в согласии и любви мнозе с ним пребываше, и радовахуся вси, и слава божиа превъсхожаше. Таже Володимер, благословением отца своего митрополита, постави церковь в Корсуни на горе, юже съсыпаша среде града, крадуще приспу; сиа церкви стоит и до сего дни. По сем многи послы приходиша из грек от царей, с многою честию, и з дары, и с любовию. Приходиша послы из Рима от папы, и мощи святых принесоша к Володимеру. Тогда же прииде печенежский князь Метигай

к Володимеру, и веровав крестися во отца и сына и святаго духа. Отдаде же Болодимер, яже взял, Корсунь град греком, царици для". Весьма загадочно происхождение сведений Никоновской летописи о первом русском митрополите Михаиле. Новгородская первая летопись помещает список митрополитов, начинающийся с Феопемпта, упоминающегося и в Лаврентьевской летописи и поставленного на Русь уже при Ярославе. Позднейшие же летописи (XVI в.) дают такой список митрополитов: Михаил, Леон, Иоанн, Феопемпт или другой: Леон, Михаил, Иоанн, Феопемпт. Михаил и Леон (или Леонт) упоминаются в различных редакциях церковного Устава Владимира с указанием, что взят этот первый митрополит (Михаил или Леон-Леонт) у „патриарха Фотия", который на самом деле жил столетием раньше Владимира. Исследователи (Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов и др.) предполагают поэтому, что имя Михаила как первого русского митрополита могло явиться из сказания о крещении руссов в 860 г., а имя Леона — из сказания о крещении болгар. Киевский митрополит Иоанн упоминается, однако, в более ранних источниках, чем те, которые дают имена Михаила и Леона: в различных сказаниях о Борисе и Глебе, показания которых не следует игнорировать ввиду того, что в основе их были использованы записи, ведшиеся при Вышгородской церкви (ср., например, Чтение о Борисе и Глебе, Сказание о Борисе и Глебе и церковные службы им: Жития Бориса и Глеба. Под ред. Д. И. Абрамовича. Пгр., 1916, стр. 17—19, 53—55, 136). Однако показания этих памятников колеблются: они называют Иоанна то митрополитом, то архиепископом. Повидимому, подлинным титулом Иоанна был „архиепископ"; впоследствии Иоанна стали задним числом называть митрополитом, — когда титул этот закрепился за главой киевской церкви.

но вѣруй сице глаголя. Преподанное дальше вероучительное наставление состоит из: 1) символа веры; 2) сказания о вселенских соборах и 3) полемической статьи против латинян. Как исторический источник это наставление не исследовалось. Между тем в нем есть важные для древнерусского христианства показания: скрытая полемика с древнерусским язычеством, следы еретичества (см. комментарий к словам „Вѣрую во единого бога отца..."). Буржуазные исследователи стремились затушевать эти своеобразные черты „наставления". В своем издании „Повести временных лет" (Пгр., 1916) А. А. Шахматов вносил даже изменения в церковные тексты, выверяя их по официальным источникам. Так в исповедании веры Владимира А. А. Шахматов дает следующий текст: „сын есть сын подобьносущьн и събезначальн отьцу" согласно с догматическими положениями православной церкви. Между тем во всех списках летописи читается: „святый есть сын подобьносущьн и събезначальн отьцю". Аналогичным образом поступали и некоторые другие исследователи.

Вѣрую во единого бога отца... Преподанный здесь „Символ веры" несколько отличается от того перевода „символа веры", который читается

К стр. 81

яко сде не суть ученья апостольска. Это место летописи находится, как будто бы в противоречии с рассказом о путешествии апостола Андрея на Русь. О том, что апостолы не учили на Руси, говорится также в летописи выше под 983 г., в „Чтении о Борисе и Глебе“ Нестора и в „Слове о законе и благодати“ Илариона. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что апостол Андрей, согласно „Повести временных лет“, только проезжает через Русь в Рим, но проповеди не ведет.

К стр. 83

Володимеръ же просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его. После этих слов в Тверской летописи читается следующий любопытный рассказ о Рогнеде: „И посла к жене своей Рогнеди, глаголя сице: «Аз убо отныне крещен есмь, и приях веру и закон христианский; подобааше ми едину жену имети, ею же поях в христианьстве избери убо себе от вельмож моих, его же хощеши, да съчетаю тя ему». Она же отвещавши, рече ему: «или ты єдинь хощеши царствие небесное и земное восприяти, а мне маловременным сим и будущего дати не хощеши; ты бо отступи от идолскыа прелести в сыновление божие, аз же, быв царицею, не хощу раба быти земному цару, ни князю, но уневеститися хощу Христови и въсприиму аггелскый образ». Сын же ея Ярославь седяше у неа, бе бо естеством таковь от рожениа, и слыша глаголы и ответы матери своеа к Володимеру, и въздхнувь, с плачем глагола матери своей: «О мати моа, в истинну царица еси царицамь и госпожа госпожамь, яко въсхоте изменити славу нынешнего века будущею славою и не вьсхоте со высоты на нижняа съступити, тем же блаженна еси в женах». И от сего словесы Ярославь вста на ногу своего и хождааше, а прежде бо бе не ходил. Рогнедь же сиа изрекши, пострижеся в мнишескый образ, наречено бысть имя ей Анастасиа“. Другой рассказ о Рогнеде и ее сыне Изяславе см. в Лаврентьевской летописи под 1128 г.

Бѣ бо у него сыновъ 12. Об отношении приводимого здесь списка сыновей Владимира к соответствующему перечню 980 г. см. примечание на стр. 325. В данном перечне приводятся наделы только четырех старших сыновей Владимира. Владимир сажает Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, Ярослава в Ростове. Однако, судя по сообщению „Повести временных лет“ под 1036 г. о захвате Ярославом Судислава, последний сидел князем в Пскове. Возможно, что летописец составлял этот перечень после 1036 г. и потому опустил Судислава (из поруба Судислав был освобожден только через 24 года в 1059 г.). По смерти Вышеслава Ярослав был переведен в Новгород. В Ростов, на место Яро-

слава, был послан Борис, а в Муром — Глеб. Святослав сидел в Деревах, во Владимире Волынском — Всеволод. Мстислав посажен летописцем в Тмуторокани возможно по позднейшим представлениям (ср. под 1022 г.: „В си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани...“). Некоторые поздние летописи (Воскресенская, Софийская первая) отмечают Станислава в Смоленске. Так называемая „Густынская летопись“ XVII в. (подчас фантастическая по сообщаемым ею фактам) называет Позвизда на Волыни. В „Сказании о Борисе и Глебе“ Нестора упоминается, что Владимир вывел Бориса из Волыни, опасаясь гнева на него Святополка. Вследствие этого А. А. Шахматов, а вслед за ним и некоторые другие исследователи, считали, что во Владимире-Волынском первоначально был посажен не Всеволод, а Борис, который затем был переведен в Ростов с заменой его во Владимире-Волынском Всеволодом. Вряд ли это, однако, так: Всеволод уже в 90-е годы X в. исчезает с политического горизонта Руси. Повидимому, данные саги об Олафе Тригвасоне, согласно которой Всеволод бежал в Скандинавию, где и погиб в 995 г., точны. Возможно, что Всеволод ушел в Скандинавию вследствие разрыва с отцом (ср. заговор Святополка, против отца стр. 356).

Мстислава Тмуторокани. После этого перечисления сыновей Владимира Тверская летопись добавляет еще: „Болеслава в лясех великыхь“, „Станислава, Святославля брата в Смоленсце, Судислава в Пскове“. Судислава в Пскове упоминает также Воскресенская летопись, Софийская первая, Никоновская и некоторые другие.

И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. Города эти, укрепленные центры, должны были затруднить доступ к Киеву с востока и юга. Остатки оборонительных сооружений Владимира в виде трех линий валов до сих пор сохраняются в районе реки Стугны. Епископ Брунон (Бонифаций), ездивший в 1006 г. через Киев к печенегам с целью насаждения у них христианства, в письме к королю Генриху II рассказывает, что русский князь провожал его со своей дружиной „до последнего предела своего государства, который он, по причине скитающегося неприятеля, оградил отовсюду самым крепким частоколом на весьма большое пространство“. В этом частоколе для прохода в степь устроены были ворота, за которыми лежала уже неприятельская земля (А. Ф. Гильфердинг. Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром. Русская беседа, 1856, № 1). Дело укрепления границ Русского государства продолжил Ярослав Мудрый. Заняв в 1031 г. Червенские города, Ярослав привел оттуда поляков, расселив их по пограничной со степью реке Роси. В следующем, 1032, году Ярослав ставит здесь укрепленные города.

Под 988 г. поздние общерусские летописи, восходящие к московскому своду Фотия (1423 или 1418 г.), сообщают о крещении Владимиром Суз-

дальской земли и об основании им города Владимира на Клязьме: так в Новгородской четвертой летописи с заменой Суздальской земли на Словенскую и в Софийской первой с заменой Суздальской земли Смоленской. В Львовской летописи эти известия отнесены к 989 г. В Типографской летописи они перенесены под 990 г. (здесь же указываются точные размеры построенного Владимиром города). К тому же 990 г. отнесены эти известия в Воскресенской летописи. Никоновская летопись переносит их под 992 г. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом сообщается кроме того: „Того же лета постави князь Владимер в Киеву перву [камену] церковь святого Георгия, ноября 26“ (Софийская первая летопись и др.).

989 Въ лѣто 6497. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом помещается рассказ о крещении Новгорода. Ср. в Новгородской четвертой летописи: „Крестивыйся Володимер, и взя у патриарха у Фотея Царягородскаго перваго митрополита Киеву Леона, а Новугороду епископа Якима Корсунянина, а по иным градом епископы и попы и дьяконы, иже крестиша всю землю Рускую; и бысть радость всюду. И прииде к Новугороду архиепископ Яким, и требища разори, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхов. И повязавше ужы, влечахуть и̇ по калу, биющи жезлием и пихающе; и в то время вшел беаше бес в Перуна и нача кричати: «О горе! Ох мне! Достахся немилостивым сим рукам»; и вринуша его в Волхов. Он же поплове сквозе Велий мост, верже палицю свою на мост (в Ермолинской летописи добавлены слова Перуна: «тешайтеся, новгородстии людие, а мене поминайте»), ею же ныне безумнии убивающеся, утеху творять бесом. И заповеда никому же ни где же не переяти его; и иде пидьблянин (житель подгороднего села Пидьбы,— Д. Л.) рано на реку, хотя горонци вести в город; оли Перун приплы к берегу, и отрину и̇ шестом: «Ты, — рече, — Перушице, досыть еси ел и пил, а ныне поплови прочь»; и плы с света окошнее“. Весь этот рассказ производит впечатление составленного на основании народного предания. Народное предание связывало, между прочим, крещение Новгорода с именем „уя“ (дяди) Владимира — Добрыни (ср. приводимую В. Н. Татищевым поговорку: „Добрыня крестил мечом, а Путята огнем“). В Казанском сборнике начала XVII в. Библиотеки Академии Наук СССР № 24. 5. 32 в статье о Владимире сказано: „а Добрыню посла в Новъгород и тамо повеле всех крестити“ (л. 276—276 об.). — Помещенное под этим годом в „Повести временных лет“ известие о создании Десятинной церкви в Никоновской летописи читается под 6501 г.

помысли создати церковь пресвятыя Богородица... И наченшю же здати и яко сконча зижа... Древнейшее житие Владимира, составляющее часть „Памяти и похвалы“ Владимиру, относит закладку Десятинной церкви

к четвертому году после крещения, тогда как в летописи оно совершается на следующий год после крещения. Таким образом, это древнейшее житие Владимира подтверждает предположение, что Владимир крестился в Корсуне в 986 г. В Воскресенской и Ермолинской летописях закладка Десятинной церкви отнесена к 991 г., в Никоновской — к 993 г. Окончание Десятинной церкви в летописях обычно относится к 996 г., но в Никоновской — к 998 г. Остатки Десятинной церкви в последние годы были раскрыты и изучены М. К. Каргером.

Под 6498 годом, пропущенным в Лаврентьевской летописи, в Никоновской читается следующий текст: „Приходиша множество печенег, и многа зла сотвориша христианом; Володимер же со множеством вой изыде противу их, и многих изби, и мало от них избежаша. Нача ставити Володимер грады по Десне, по Выстри, по Трубежу, по Суле, по Встугне, и насели их словены, сиречь ноугородцы, кривичи, сиречь смолняны, и чюдью, и вятичи; а сам воюяся с печенеги и одолеваше им. Того же лета посла Володимер философа, нарицаемаго Марка Македонянина, в болгары, иже есть во агаряны, еже измаилтене глаголются и срацини, яко от Сарры наречени от свободныя, яко Агарь раба бяше Сарре, и по многих именований и бесермени нарицаются, и тотари, и друзии имена их демонскиа, сице глаголя, яко «Приходиша ко мне прежде, егда еще не просвещен бех верою православною, хваляще свою веру скверную, и мене ю̀ нудяще приати; аз же уведех истинно о ней, яко гнусна есть, и не приах ю̀; ты же иди к ним, и проповежь им слово божие, яко да веруют в господа бога и спаса нашего Исуса Христа, и да крестятся божественым его крещением, и с нами единоверни и единосъветни будуть, и небесных благых получат. Аще ли же не восхотят просветитися божественным крещением, да не брань сотворять о сем, ибо и сами мне преже сего сотвориша о своей вере, не ведяще ю̀ хваляще, аз же не сътворих им брани никоея же, да сице и они такоже не сотворять». Философ же иде на болгары, и много глаголав им слово божие; они же безумием своим обьюродеша. Он же възвратися к Володимеру в Киев, и много чествован бысть от него и от всех похвален. Того же лета придоша из болгар к Володимеру в Киев четыре князи, и просветишася божественым крещением; Володимер же чествова их и много удовольствова“. Известие о построении городов вокруг Киева перенесено сюда из летописной статьи 988 г. Откуда же взяты другие известия — не ясно. — Затем в Никоновской летописи следует обширное „Сказание о хулней вере срациньстей“. Вслед за „Сказанием“ помещены следующие известия: „Того же лета иде Михаил митрополит киевский и всея Руси в Новгород Великий, с епископы Фотея патриарха, даде бо ему Фотей патриарх шесть епископов на помощь, и з Добрынею, дядею Володимеровым, и с Анастасом; и идолы сокруши, и многия люди крести, и церкви вздвиже, и презвитеры постави по градом и по селом. Того же лета умножение всяческих плодов бысть

и тишина велиа отвсюду. Того же лета приидоша от греческых царей послы о любви". Под следующим, 991, годом читаем в Никоновской летописи продолжение рассказа о митрополите Михаиле: „Иде Михаил митрополит по Русской земле и до Ростова, с четырма епископы Фотеа патриарха, и з Добрынею и со Анастасом; а друзии епископы Фотеевы в Киеве пребываху. И учаше митрополит всех с епископы веровати в единого бога в Троице славимаго, и научи и наказа богоразумию и благочестию многих, и крести без числа людей, и многиа церкви въздвиже, и презвитеры и диаконы постави. И бысть радость велиа в людех, и множашеся верующеи, и повсюду прославляшеся имя Христа бога. Того же лета приидоша из Грек в Киев к Володимеру каменосечци и зиздателе полат каменных. Того же лета бысть наводнение много. Того же лета прииде печенежский князь Кучюг, иже нарицаются измаилите, к Володимеру, в Киев, и приат веру греческую, и крестися во отца и сына и святаго духа, и служаше Володимеру чистым сердцем, и много на поганых одоление показа; и любляше его Володимер и почиташе зело, тако же и митрополит, и вси князи и бояре почитаху и любляху его. Того же лета приидоша к Володимеру послы из Рима от папы, с любовью и с честию". Исторические основания всех этих сообщений также не известны.

991 Въ лѣто 6499. В Ермолинской летописи под 991 г. говорится о крещении Новгорода (тот же рассказ, что и в Новгородской четвертой летописи; см. выше, стр. 344).

заложи градъ Бѣлгородъ. Белгород на берегу Ирпеня в нескольких километрах от Киева — центр обороны Киева с юга. Жители населялись в пограничные города обычно путем вывода из других городов (ср. под 1031 г.: Ярослав Мудрый поселил по Роси пленных поляков и воздвиг здесь в пограничье в следующем году города; ср. выше текст под 988 г.).

К стр. 84

992 Въ лѣто 6500. Под 992 г. в Никоновской летописи, кроме известий о крещении Суздальской земли и поставлении Владимира на Клязьме (см. выше стр. 344), помещены рассказы о пире, устроенном во Владимире на Клязьме, о победе над печенегами, о послах от Болеслава польского, о смерти митрополита Михаила, о поставлении нового митрополита „киевского и всея Руси" — Леонта, о послах от Андриха чешского, и о поставлении епископов по русским городам.

Иде Володимиръ на Хорваты. О том, кто такие хорваты, см. стр. 226. Повидимому, этот поход на хорватов был тем самым походом в Польшу, о котором говорит Ипатьевская летопись под 1229 г.: „иный бо князь не входилъ бе в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бе землю крестил". Об этом походе Владимира сообщают под тем же

992 г. Гильденсгеймские анналы, в которых читаем о том, что польский король Болеслав Храбрый не мог прийти на помощь германскому императору Оттону потому, что был занят большой войной с Русью.

Пришедшю бо ему [Владимиру] с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы. Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я̑ на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславль... Весь дальнейший рассказ вставлен, повидимому, составителем „Повести временных лет“. Его не было в предшествующем Начальном своде 1093 г. (ср. новгородские летописи, где этот Начальный свод отразился). В рассказе сохранились признаки его фольклорного происхождения: поиски поединщика, затруднение Владимира (Владимир „тужит“, что ему не удается противопоставить печенежскому богатырю своего), появление старика, рассказывающего Владимиру о своем третьем, последнем, меньшем сыне, неказистом на вид, но очень сильном (ср. в сказках „Иванушка-дурачок“), победа его меньшего сына, и, наконец, пожалование его Владимиром: перед нами — схема устного повествования, былины или сказки. — Любопытен своеобразный налет идеологии ремесленников в этом рассказе: невзрачный отрок имеет необычайно сильные руки — руки профессионала-кожемяки, и этот ремесленник-кожемяка, благодаря своим профессионально сильным рукам, побеждает печенежского воина, оказываясь сильнее всех воинов Владимира. — Следуя своему обычному стремлению объяснять происхождение названий, летописец воспользовался этим сказанием для того, чтобы истолковать самое слово — Переяславль. Летописец объяснил его тем, что здесь на месте будущего города отрок кожемяка „переял славу“ у печенежского богатыря в поединке. На самом деле Переяславль упоминается еще задолго до княжения Владимира — в договоре с греками 907 г. (см. выше текст, ч. I, стр. 24). Поэтому легенда об основании Переяславля, очевидно, не была первоначально приурочена к княжению Владимира. В начале же XII в., когда слагалась „Повесть временных лет“, она уже связалась с именем Владимира I Святославича, свидетельствуя тем самым о том, что уже в это время русские исторические предания начали группироваться вокруг Владимира I, складываться в цикл „Владимира Красного Солнышка“.

усние... череви — кожи. См. выше, стр. 219.

К стр. 85

зане перея славу отроко тъ. В Радзивиловской летописи и Московско-академической это место читается так: „зане Переяслав отроку тому имя“. Никоновская летопись и Степенная книга называют отрока „Ян Усмошвец“ („усмошвец“ — сапожник, шорник от „усмие“ — кожа). На Украине сохранился рассказ о К и р и л л е Кожемяке (Н. И. Костомаров. Исторические

монографии, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1872, стр. 138—139); сохранилась и тамбовская сказка о Никите Кожемяке (И. Худяков Народные исторические сказки. ЖМНП, 1864, кн. 3, стр. 57—58).

994 В лѣто 6502. К этому году Никоновская летопись относит следующее известие: „Ходи Володимер на болгары, и много ратовав их победи, и възвратися с радостию в Киев. Того же лета бысть сухмень велика и знойно добре. Того же лета послы Володимеровы придоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе“. Источники этих известий Никоновской, как и других ее известий за годы княжения Владимира, не ясны. При определении хронологии этих событий следует учитывать, что, в основном, события после крещения Руси за время княжения Владимира имеют в Никоновской летописи иные датировки, чем в Лаврентьевской.

996 Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню... Сказание об освящении киевской Десятинной церкви в 996 г. встречается и вне летописи уже в древнейших пергаменных списках пролога, где оно помещается под 12 мая (дата, отсутствующая в летописи). О празднике 12 мая упоминается уже в Обиходе XIII в. 12 мая — древнейший из русских праздников, внесенных в Пролог.

„Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть“. В „Памяти и похвале“ дарование десятины церкви Богородицы (от чего эта церковь и стала впоследствии называться Десятинной) отнесено к 995 (6503) г. В Прологе освящение этой церкви отнесено к 12 июля. Освящение храмов совершалось только по воскресениям; 12 же июля приходилось на воскресенье именно в 995 (6503) г. Следовательно, показание „Памяти и похвалы“ более точно, чем показание „Повести временных лет“. — А. Е. Пресняков в своих „Лекциях по русской истории“ (т. I, М., 1938, стр. 115) ошибочно говорит, что десятина как вид дотаций церкви не была употребительна в греческой церкви, и связывает эту десятину (с некоторыми оговорками) с Западом. Между тем, десятина в пользу церкви в Византии была и носила название μορoή (см. статью Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, „Византийский сборник“, М.—Л., 1945). — До нас дошли списки так называемого „Устава Владимира Святославича о церковных судах“ в двух редакциях — краткой (первоначальной) и пространной (позднейшей), но „Устав“ этот имеет явные следы позднейшей литературной обработки.

бѣ бо въ тъ день Преображенье. Преображение праздновалось 6 августа.

300 проваръ меду. Провар — количество напитка, которое можно сварить за один раз. Точно емкость этой меры не известна. В Синодальном списке Новгородской первой летописи, а также в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в. (в Софийской первой, Воскресенской, Тверском сборнике) читается вместо „300 провар“ — „300 берковцев“.

Праздноваѣъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье. Успение праздновалось 15 августа. Владимир праздновал построение церкви 8 дней. Следовательно, поставил он эту церковь 6 августа. Но 6 августа (в день Преображения), как явствует из предшествующего текста, как раз и произошло то „спасение“ Владимира от печенегов, в благодарность за которое он поставил церковь Преображения. Ясно, что оба события не могли относиться к одному дню. Поэтому, очевидно, поражение Владимира в Васильеве и построение им церкви Преображения относятся к разным годам (возможно, что Владимир освятил церковь ровно через год — в годовщину своего спасения).

К стр. 86

устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити. Гридница представляла собой большое парадное помещение, где собирались „гриди“ — дружинники князя. Гридница часто упоминается и в былинах как пиршественная зала. В одной из скандинавских саг рассказывается о том, как князь Ярослав хвалился перед женой Ингигердой великолепием своего зала (holl). О размерах гридницы дает представление рассказ Ибн-Фадлана о дворе русского князя. Князь, говорит он, сидит во дворце и с ним находится 400 его военных сподвижников, среди которых он сидит на престоле. Верхового княжеского коня подводят прямо к престолу.

„Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато“. Здесь выражена любимая идея летописца: дружина — дороже золота (см. об этом стр. 45). Ср. под 1075 г. слова послов Святославу, показывавшему им „бещисленное множьство, злато, и серебро, и паволокы“: „сего суть кметье луче, мужи бо ся доищють и больше сего“.

Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм. В этих словах летописи дана характеристика не личным свойствам Владимира, а типичному для этого периода положению дружины. С. В. Юшков пишет: „дружина разделяет судьбу князя, его успехи и его неудачи, так же как и его домашние. Дружинники живут во дворце князя на полном его иждивении. Князь или боярин снабжает дружину всем необходимым: пищей, одеждой, оружием. Дружина Игоря, говоря об отроках Свенельда, говорит, что они «изоделися оружием и порты». Князь Владимир не только кормил дружину, но... решил раздавать ей серебряные ложки. С дружиной князь не расстается ни на войне, ни во время своей административной деятельности, ни у себя дома. Отсюда князь считал дружинников своими естественными советниками. Летопись рассказывает, что Владимир Святославич, «любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земленем». Но Владимир не был исключением. Летописи свидетельствуют, что ни одно

решение по сколько-нибудь важному вопросу князь не предпринимал без совета с дружиной" (С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 112).

и бѣ живя съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномь Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь. Болеслав I Храбрый — польский король (992—1025 гг.); Стефан I — король венгерский (1012—1038 гг.); Андрих (Удальрих) — король чешский (1012—1037 гг.). Из этого перечисления видно, что запись эта не может относиться к 996 г., а к самому концу княжения Владимира Святославича. Здесь метко оценена вся деятельность Владимира I по территориальному определению Киевской державы и введению ее в устойчивые международные отношения.

И умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру... Повидимому, все это место до конца летописной статьи 996 г. следует понимать так. Владимир придерживался русского права и не казнил разбойников (убийц) смертью, как это требовалось по законам Византии, а брал с убийц „виры" (штрафы). Епископы, которые все были во времена Владимира из греков, посоветовали Владимиру наказывать убийц смертию, но усилив предварительное расследование („со испытом"). Владимир послушался их совета, отверг русские виры и стал наказывать убийц смертию. Государство тем самым лишилось некоторой части своих доходов. Тогда русские советники князя — „старцы" (ср. одного из таких „старцев градских" в летописном повествовании следующего, 997, года о белгородском киселе) и епископы (те же или другие — не ясно) посоветовали Владимиру вернуться к старой русской вире и употреблять ее на коней и оружие („рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди"). Владимир согласился с этим („И рече Володимер: «Тако буди»") и стал придерживаться русского обычая отцов и дедов. — Весь этот рассказ передан в Никоновской летописи с бо́льшими подробностями (под 988 г.), чем в Лаврентьевской и др.

К стр. 87

997 В лето 6505. К этому году Никоновская летопись относит следующее известие: „Ходи Володимер на болгары воложкиа и камские, и одолев плени их".

по верховьниѣ воѣ. Верховной землей, Верхней или Верхом назывались земли новгородские (в Новгороде же Киев назывался „Низовскою землею") или смоленские, либо те и другие вместе (ср. в Ипатьевской летописи под 1148 г.: Изяслав Мстиславич говорит брату: „Брате! Тобе бог дал Верхнюю землю... а тамо у тебя смолняны и новгородци."). Здесь под „верховьними воями" следует разуметь новгородские войска, так как затем прямо сказано, что Владимир пошел к „Новугороду". Поэтому догадка

некоторых исследователей, что Владимир отправился за этими „верховными воями“ в Смоленскую землю, расположенную в „верховьях“ трех рек — Днепра, Волги и Западной Двины, — лишена оснований. Весь вопрос может сводиться только к тому — почему Владимир отправился за войском так далеко.

в се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣ ту, и придоша и сташа около Бѣлагорода... Весь последующий рассказ о „белогородском киселе“ отсутствовал в Начальном своде (его нет в новгородских летописях). Он вставлен, повидимому, составителем „Повести временных лет“. Так же как и в рассказе об отроке кожемяке (см. выше текст под 992 г.), здесь чувствуется устная основа. Этот рассказ посвящен той же теме об обмане врагов хитростью, что и рассказы об Олеге, напугавшем греков движением ладей посуху, об Ольге, обманувшей четырежды древлян и один раз византийского императора. С точки зрения своей идейной целеустремленности он ближе всего к рассказу о юноше кожемяке: и здесь и там главным героем выступает простой русский человек, своей личной инициативой освобождающий Русь от ее врагов. В исследовательской литературе приводилось этому рассказу несколько параллелей в литературе мировой. Однако рассказ русской летописи ничем не указывает на свое якобы иностранное происхождение. Все детали в нем русские: вече, корчаги, кади, латки, княжеская медуша и т. д. Рассказ этот безусловно русский, и нет ничего удивительного в том, что у разных народов мог самостоятельно возникнуть сходный сюжет на тему об обмане врагов тем, что осажденных кормит сама земля (ср. распространенное у всех народов на определенном этапе развития представление о матери земле-кормилице).

И створиша вѣче в городѣ. Здесь единственный раз для X в. упоминается вече. Косвенно о вече в X в. говорит только рассказ 968 г. (в этом последнем случае действует народное собрание в осажденном печенегами Киеве в отсутствие князя). Для того, чтобы оценить это упоминание как показатель наличия вечевых собраний в X в., следует принять во внимание следующее. Рассказ о „белогородском киселе“ представляет собою народное предание, занесенное в „Повесть временных лет“ в обработке летописца только в начале XI в. Сюжет предания мог в разное время приобретать различную интерпретацию. В частности, вечем мог быть назван в XII в. совет старцев, бояр и дружины. Кроме того, здесь, как и в рассказе 968 г., вече собирается в исключительном случае: в отсутствие князя. Вот почему акад. Б. Д. Греков сомневается в том, что вече, собравшееся в Белгороде в 997 г., было типичным явлением для этой поры. Вопрос о вече был предметом оживленного спора среди исследователей. Наиболее обоснована точка зрения акад. Б. Д. Грекова, высказанная им в специальном экскурсе „Несколько замечаний о древнерусском вече“ (Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 348—365). Свою точку зрения Б. Д. Греков резюмирует следующим

образом: „1. Вече ведет свое происхождение от родового строя. 2. С появлением государства вече теряет благоприятную почву для своего существования. В достаточной степени сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в «соглашение» с народом и ограничивается совещаниями с дружиной, преимущественно старшей. В е ч е в ы е с о б р а н и я (с в е д е н и й т о ч н ы х у н а с н е т) в е р о я т н ы л и ш ь в и с к л ю ч и т е л ь н ы х с л у ч а я х, к о г д а, н а п р и м е р, г о р о д а, п р е д о с т а в л е н н ы е в о т с у т с т в и е к н я з я с о б с т в е н н о й и н и ц и а т и в е, о к а з ы в а л и с ь в т р у д н о м п о л о ж е н и и (разрядка моя, — *Д. Л.*). 3. В различных частях Киевского государства историческое развитие протекает неравномерно. Киевский центр в этом отношении в IX—X вв. идет впереди. В то время, когда в киевском центре в X в. вечевых собраний мы почти не видим совсем, эти собрания существуют в более отсталых частях Киевского государства и носят характер племенных собраний. 4. Вечевые собрания в городах оживляются со второй половины XI в., в связи с ростом и по мере роста отдельных частей Киевского государства и, в частности, городов. 5. Вечевые собрания живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при которых феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов" (Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 364). С возражениями Б. Д. Грекову по поводу наличия перерыва в вечевых собраниях до второй половины XI в. выступает С. В. Юшков (см., например, его „Общественно-политический строй и право Киевского государства", М., 1949, стр. 102—104).

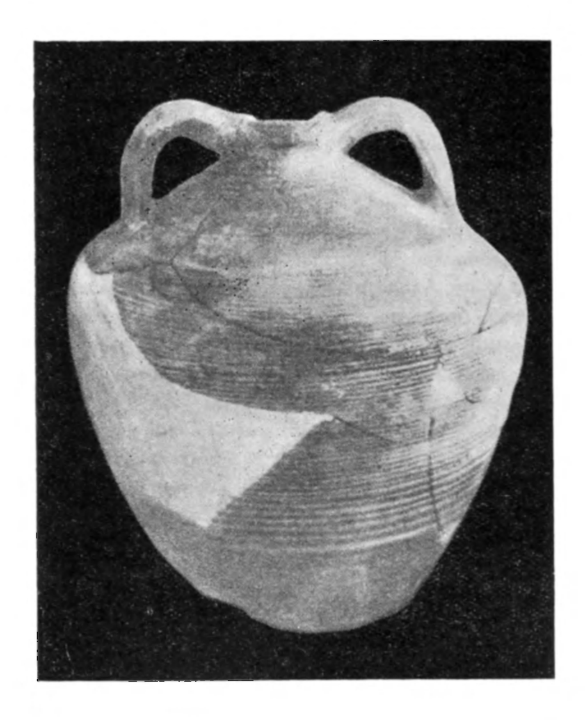
<u>и нальяти цѣжа кадь.</u> Никоновская летопись (под 999 г.) следующим образом объясняет слово „цежь": „цежа кисельнаго, сиречь киселя неваренаго".

<u>взяша меду лукно.</u> Лукно — посуда из прутьев и лыка, а потом и дерева, а также древняя славянская мера емкости. Д. И. Прозоровский на основании данных Русской Правды сделал попытку вычислить емкость лукна (Древние русские меры жидкости. ЖМНП, 1854, кн. 3), но данные его не отличаются достоверностью.

<u>в княжи медуши.</u> Медуша — помещение для хранения меда. Русские князья получали в X—XII вв. дань с населения в числе других товаров и медом. Древляне платили дань Ольге „скорою и медом". В 1146 г. при разгроме хозяйства путивльского князя Святослава у него оказалось 500 берковцев (5000 пудов) меда. Повесть об убиении Андрея Боголюбского упоминает в числе хозяйственных помещений княжеского двора такую же „медушу": в ней хранился не только „пресный" (т. е. натуральный) мед, но и мед питьевой — „пьяный", или „стоялый".

К стр. 88

и льяше латки. Латки употреблялись обычно для жарения и печенья. Выделывались они из глины и представляли собой своего рода сковороды с высокими краями и полой ручкой, в которую при посадке в печь и при вынимании из печи вставлялась палка.



Корчага.
Из раскопок А. Л. Якобсона.

корчагу. Корчаги в древней Руси употреблялись обычно для хранения вина. Это были большие глиняные сосуды с одной или двумя ручками.

Известия 6508—6519 годов, повидимому, взяты из княжеского помян- *1000—*
ника Десятинной церкви, где все упоминаемые в нем члены княжеской семьи *1011*
были похоронены.

В лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь. В се же лѣто преставися и Рогъ- *1000*
нѣдь, мати Ярославля. Малъфредь — повидимому, мать Владимира, ключница Ольги („Малуша“), сестра Добрыни (см. стр. 18). Никоновская летопись

всю эту статью с добавлениями новых известий переносит под 6510 (1002) г., причем Малфредь ошибочно превращена в богатыря „Малвреда“: „Преставися Малъвред силный. Того же лета преставися Рогнеда, мать Ярославля. Того же лета родися Святославу сын Ян. Того же лета бысть течение звездам. Того же лета быша дожди мнози“. Под 6508 (1000) г. в Никоновской летописи читается следующая статья: „Прииде Володарь с половцы к Киеву, забыв благодеяниа господина своего князя Владимира, демоном научен. Володимеру же тогда в Переславце на Дунаи, и бысть смятение велие в Киеве, и изыде нощию во стретение им Александръ Поповичь, и уби Володаря, и брата его и иных множество половец изби, а иных в поле прогна. И се слышав Володимер, возрадовася зело, и възложи на нь гривну злату, и сотвори й велъможа в полате своей. Того же лета преставися Рагдай Удалой, яко наезжаше сей на триста воин, и плакася о нем Володимер, и погребе его с отцем своим митрополитом Леонтом. Того же лета бысть поводь велиа. Того же лета придоша послы от папы римскаго и от королей чежьских и угорских“. Сведения об Александре Поповиче не отличаются исторической достоверностью; они появляются только в поздних московских летописях XV—XVI вв., относящих его то к XIII в., то к XII в., то ко времени княжения Владимира, на основании былин (см. подробнее: Д. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. Труды ОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949). Половцы, о которых упоминает в этой статье Никоновская летопись, появились в южнорусских степях только в 30—50-х годах XI в. Откуда взяты заключительные сведения этой статьи Никоновской летописи, не ясно.

В лѣто 6509. Известия этого года в Никоновской летописи читаются
1001 под 6511 (1003) г. с присоединением похвальной характеристики Изяслава. Под 6509 (1001) г. в Никоновской летописи помещена под особым заголовком „Богатыри“ следующая статья: „Богатыри. В лето 6509. Александр Поповичь и Ян Усмошвець, убивый печенежьскаго багатыря, избиша множество печенег, и князя их Родмана и с трема сыны его в Киев к Володимеру приведоша. Володимер же сътвори празднование светло, и милостыню многу раздаде по церквам, и по манастырем, и убогим и нищим, и по улицам болным и клосным великиа кади и бочки меду, и квасу, и перевары, и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощие, что кто требоваше, и ядяше. Того же лета посла Володимер гостей своих, аки в послех, в Рим, а других во Иерусалим, и в Египет и в Вавилон, съглядати земель их и обычаев их“. В первой части этой летописной статьи мы можем подозревать в качестве источников какие-то народные предания или даже былины. Откуда же взяты сведения о послах Владимира, отправленных им в разные страны, — неясно.

В лѣто 6512. Под этим годом в Никоновской летописи читается следую-
1004 щая статья: „Идоша печенези на Белъград; Володимер же посла на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца с многими силами. Печенези же

слышавше, побегоша в поле. Того же лета митрополит Леонт посади в темницу инока Андреяна, скопца. Укаряше бо сей церковныа законы, и епископы, и презвитеры, и иноки; и помале исправися, и прииде в покояние и в познание истины, яко же и многим дивитися кротости его, и смирению и умилению. Того же лета знамениа бысть в солнци, и в луне и в звездах. Того же лета Андриха Добрянкова храбраго отравою смертною окормиша свои его слуги. Того же лета убиен бысть Темирь, князь печенежьскый, от своих сродник". Сведения об Александре Поповиче восходят к былинам XV—XVI вв. Источники других сведений Никоновской летописи не ясны.

Пренесени святии в святую Богородицю. Не ясно, о каких святых *1007*
здесь идет речь. Может быть более правильный текст читается в Новгородской четвертой летописи: „принесени быша си в святую Богородицю князи".

В лѣто 6516. Под этим годом в Никоновской летописи помещена сле- *1008*
дующая статья: „Митрополит Иоан постави церковь камену, в Киеве, святых апостол Петра и Павла; и в Переяславли постави церковь камену, Воздвижение Честнаго Креста. Того же лета быша прузи мнози. Того же лета изымаша хитростию некоею славнаго разбойника, нарицаемаго Могута; и егда ста пред Володимером, въскрича зело, и многы слезы испущая из очию, сице глаголя: «Поручника ти по себе даю, о Владимире, господа бога и пречистую его матерь богородицу, яко отныне никако же не сътворю зла пред богом и пред человеки, но да буду в покаянии вся дни живота моего». Слышав же сиа Владимер, умилися душею и сердцем, и посла его ко отцу своему, митрополиту Ивану, да пребываеть никогда же исходя из дому его. Могут же заповедь храня, никако же исхожаше из дому митрополичя, и крепким и жестоким житием живяше, и умиление и смирение много показа, и провидев свою смерть, с миром почи о господи. Бе же Владимер милостив и нищелюбив, и сиа присно глаголаше словеса: блажени милостивы, яко тии помиловани будут; и милость хвалится на суде, и суд без милости не сотворшему милости; и блажен разумеваай на нища и убога; и милуай нища в заим дает богу и собирает себе сокровища на небеси, иде же ни червь, ни тля тлит, и иде же татие не подкопавают, ни крадут; и милостынями и верами очищаются грехи; и паки пророка Данила глаголюща: воспоминая грехи твоа, милостынями искупи, и прегрешениа щедротами нищих. И сице глаголаше, многы слезы проливаше, и всегда живяше в тихости, и кротости, и в смирении мнозе, и в любви и милости, и радовахуся людие, и прославляшеся имя Христово". В рассказе о „славном разбойнике" Могуте ощущается близость к былине о Соловье-разбойнике. Возможно, что в этом рассказе о Могуте подвергся оцерковлению какой-то былинный сюжет этого типа. Источник же первых сведений этой статьи Никоновской летописи не ясен.

1010 В лѣто 6518. В. Н. Татищев под 6518 (1010) г. помещает следующее известие: „преставися в Новегороде Великом Вышеслав, сын Владимеров, и дал Владимир Новгород Ярославу, а Борису Ростов, Ярославлю отчину, Глебу, брату его Муром, отчину Борисову, той бо пребываше при отце неотлучно“.

К стр. 89

1014 И тако даяху вси посадници новъгородьстии. В Никоновской летописи добавлено: „якоже и Вышеслав преже, тако же и сам Ярослав даяше“.

1015 в се же время бяше у него Борисъ. Возможно, что Владимир готовил себе преемника в лице Бориса, поручив ему и командование своей дружиной (см. подробнее: А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938, стр. 127—128).

Умре же на Берестовѣмь, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ... Е. Е. Голубинский увидел здесь противоречие: с одной стороны говорится, что бояре (Е. Е. Голубинский ищет подлежащее к сказуемому „потаиша“ во множественном числе) потаили смерть Владимира, а с другой стороны, как явствует из дальнейшего, они постарались через перенесение тела Владимира в Киев сделать ее всем известною. Поэтому Е. Е. Голубинский считал более правильной версию житийного сказания: „вестник прииде (к Борису), сказая ему отнюю смерть, како преставися отець его Василей, зовемый Володимер, и како Святополк потаи смерть отца своего, в нощь проимав помост на Берестовомь и в ковер обертев, свесивше ужи на землю, везъше на санех, и поставиша в церкви св. Богородица“. Но и этот текст Е. Е. Голубинский считает уже испорченным; первоначально якобы было: „како Святополк потаи смерть отца своего и како бояре, в нощь проимав помост...“, т. е.: Святополк скрыл смерть, а бояре тайно от него вывезли тело (О погрешительности одного места в нашей первоначальной летописи. Известия ОРЯС, т. IX, кн. 2, 1904, стр. 60—62). Однако вынос тела через пролом, так же как и перевозка в санях, являются всего только обрядовой стороной древнерусских похорон. Житийное сказание о Борисе и Глебе не может быть признано древнейшим: оно само зависит от летописи. А. А. Шахматов занял в этом вопросе половинчатую позицию, он не соглашался с аргументацией Е. Е. Голубинского, но принял в основном его выводы (Разыскания..., стр. 71—73). Доля истины в рассуждениях Е. Е. Голубинского заключается только в том, что, повидимому, Святополк действительно был заинтересован в том, чтобы потаить смерть Владимира, так как опасался, чтобы киевляне не провозгласили Бориса князем (судя по многим соображениям, именно Бориса Владимир хотел видеть своим преемником в Киеве). Однако именно так и можно понять текст „Повести временных лет“, не внося в него никаких изменений: смерть Владимира „по-таиша“ в ин-

тересах Святополка. Эти „потаившие“ смерть Владимира люди сделали так потому, что Святополк был в Киеве („бе бо Святополк Кыеве) и, следовательно, имел власть отдавать распоряжения.

възложьше и̂ на сани, везъше. Тело Владимира везли в санях в апреле 1015 г., когда снега уже не было. Так же точно хоронили Бориса и Глеба в мае 1015 г. и Святополка в апреле 1113 г. Сани, как и ладья, вошли в погребальный обычай издавна. Остатки обгорелых саней были найдены в одном из погребений Костромской области.

Се есть новый Костянтинъ великого Рима. Константин — римский император Константин Великий (306—337 гг. н. э.), сделавший христианство официальной религией Римской империи. Владимир постоянно сравнивается с Константином, тогда как Ольга сравнивается с матерью Константина — Еленой.

Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью. Это утверждение летописца как будто бы противоречит заключительным словам той же летописной похвалы Владимиру: „Сего бо память держать русьстии людье“. Повидимому, чествование Владимира I Святославича не было общепризнанным ко времени написания этих строк. Е. Е. Голубинский считает, что празднование памяти Владимира было установлено впервые в Новгороде более или менее вскоре после 1240 г. Александром Невским. Тогда же была написана служба ему и имя его внесено в святцы (История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 63—64). Ипатьевская летопись называет Владимира святым под 1254 г. Акад. А. И. Соболевский считал, что Владимир был канонизован или в последние годы XII в., или между началом XIII в. и татаро-монгольским нашествием (Память и похвала Владимиру и Сказание о Борисе и Глебе. Христианское чтение, ч. I. 1890, стр. 793—794). Вопрос до сих пор остается открытым.

вѣнець — иначе следовало бы сказать „венец живота“, т. е. бессмертие, „царствие небесное“.

К стр. 90

О убьеньи Борисовѣ. Повидимому, статья эта прежде, чем быть включенной в летопись, читалась в предшествующем летописи „Сказании о первоначальном распространении христианства на Руси“ (см. стр. 61 и сл.). По существу это одно из первых русских житий, с тем только отличием его от других житий, что в нем политическая тенденция (прославления Ярослава и его „святых“ братьев) преобладает над церковно-учительной. Все остальные жития Бориса и Глеба восходят к этой летописной статье как к своему первоисточнику.

Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ... Ввиду того, что вышегородцы помогают Святополку,

А. А. Шахматов считает, что Святополк в момент смерти Владимира был вышгородским князем. Однако Вышгород никогда не был „стольным" городом, являясь только загородной резиденцией киевского князя. Возможно, однако, что Святополк, находившийся одно время, по свидетельству Титмара Мерзебургского, в опале у своего отца, жил здесь, в Вышгороде, под надзором, завязав отношения с вышгородскими боярами.

К стр. 91

именемь Георги. Георгий был братом Моисея Угрина, подробная и романтическая история которого рассказана Поликарпом в Киево-печерском патерике на основании не дошедшего до нас жития Антония.

бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику. Гривны — шейные обручи, употреблялись на Руси как украшения у женщин и как признак знатности или знак отличия у мужчин. В „Слове о законе и благодати" Иларион, обращаясь к памяти умершего князя Владимира Святославича, говорил: „Ты... смыслом венчан и милостынею, яко гривною и утварью златою красуяся...".

усѣкнуша главу его, и тако сняша... тѣм же послѣ же не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Летописец, очевидно, знал, что одну голову слуги Бориса (без тела) показывали в Борисо-Глебском монастыре, основанном в 1030 г. братом Георгия — Ефремом Новоторжениным около Торжка. Гривны с мертвых обычно снимались отсечением головы: в битве Мстислава Мстиславича Галицкого с венграми и поляками под Городком у одного из павших воинов „главу его сосекоша трои чепи сняша золоты" (Ипатьевская летопись, 1213 г.).

Увѣдѣвъ же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышеть. Представляется странным, как и от кого узнал Святополк то, что Борис еще жив. Ведь этого не заметили сами убийцы, везшие его в ковре, как мертвого, в Киев. А. А. Шахматов объясняет это следующим образом. Повидимому, здесь — местная легенда, говорившая об убийстве Бориса где-то в другом месте, а не на Альте. Чтобы согласовать указания на два места убийства Бориса, составитель статьи „О убьеньи Борисове" и создал версию о двукратном убийстве Бориса. Первое место указывалось на Альте. Вторым местом А. А. Шахматов считает Дорогожичи у монастыря Кирилла, между Вышгородом и Киевом; здесь в конце XII в. упоминается церковь Бориса и Глеба, построенная, по предположению А. А. Шахматова, на том месте, где Борис умер. В житийном сказании о Борисе сказано, что он умер „на бору". У Дорогожича, действительно, был бор. Кроме того, Ефрем Новоторженин, современник Бориса и брат его слуги Георгия, построил странноприимный дом на реке „Дорогоще" близ Торжка, а через несколько лет (1030 г.) — Борисо-

Глебский монастырь, куда, кстати, положил и отсеченную голову своего брата, слуги Бориса, Георгия. Возможно, что река им была названа по месту убиения Бориса. Таким образом, по мнению А. А. Шахматова, было два предания об убийстве Бориса — на Альте и на Дорогожичи (см. подробнее: Разыскания..., стр. 75—76).

К стр. 92

И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду. Тверская летопись 1534 г. следующим образом объясняет, почему тело Бориса было привезено именно в Вышгород, а не в Киев: „И привезше на (тело Бориса) на Днепрь вложиша его в лодию, и приплувше с нимь под Киев, кияне же не прияша его, но отпнухуша прочь".

Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ... И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску. Хлебниковский список Ипатьевской летописи и Тверская летопись 1534 г. после слов „на Волгу" добавляют „на усть реки Томь". В Тверской летописи после слов „и наломи ему ногу мало" добавлено: „и на томь месте ныне монастырь Бориса и Глеба, зовомый Втомичий". Очевидно, что летописец отметил это незначительное событие в связи с местной легендой об основании монастыря Бориса и Глеба. Эта местная легенда, как и многие другие подобные, носила „этимологический" характер: река Томь так названа потому, что в „томь" месте надломил себе ногу Глеб (отсюда Втомичий монастырь). Проезжал ли действительно Глеб на пути в Киев в этом месте? Если Глеб шел из Мурома (ср. в Летописце Переяславля Суздальского: „и посла по блаженниого Глеба в Муром"), то ему проще было спуститься к Волге по Оке, не садясь на коня (о речном пути в Киев из Мурома см.: З. Я. Ходаковский. Пути сообщения в древней России. Русский исторический сборник, I, 1, стр. 24—25). Возможно поэтому, что Глеб шел из Ростова, как предполагают некоторые исследователи (о реке Тьме см.: А. Н. Вершинский. К истории путей сообщения Киевской Руси с северовостоком. Тверская старина, 1911, № 6, стр. 16—17).

и ста на Смядинѣ в насадѣ. Насад — речное судно с „насадами", т. е. поднятыми, надделанными бортами. Смядынь — река и урочище в Смоленской области.

В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передъславы. Повторение этого известия см. ч. I, стр. 95. В Киево-печерском Патерике в той его части, которая зависит от несохранившегося до наших дней Жития Антония, Предславе приписана активная роль в борьбе со Святополком. У Предславы укрылся и один из слуг убитого Бориса — Моисей Угринин, брат убитого Георгия.

в Сборнике Святослава 1073 г. В частности, в летописи допущено полуарианское (еретическое) выражение „подобосущен", вм. „единосущен" (быть может вследствие того, что переводчик неправильно прочел слово ὁμοούσιος как ὁμοιούσιος). М. И. Сухомлинов указал, что летописный символ веры есть сокращение „того самого символа, который гораздо пространнее излагается в греческих сочинениях, как например в исповедании веры Михаила Синкелла" (О древней русской летописи, как памятнике литературном. Ученые записки Второго отделения Академии Наук, кн. III, СПб., 1856, стр. 65).

К стр. 78

Вѣрую же и седму сборъ святыхъ отець... Все дальнейшее „Сказание о вселенских соборах" представляло собою также отдельное сочинение, включенное летописцем в летопись. Исследователи (М. И. Сухомлинов и А. С. Павлов) указывали на Толковую Палею, как на источник некоторых сведений (см. статью П. Заболотского в „Русском филологическом вестнике", 1901, № 1—2, стр. 16—19). Однако Толковая Палея сама широко пользовалась сведениями русской летописи.

К стр. 79

Не преимай же ученья от латынъ... Вся дальнейшая статья против латинян относится ко времени не ранее конца XI в., т. е. ко времени после окончательного разделения церквей. С другой стороны, обвинения латинского духовенства в многобрачии могли возникнуть только до церковных преобразований папы Гильдебранда в 1094 г. (им было введено безбрачие католического духовенства). Некоторые обвинения против латинян близко сходствуют с аналогичными обвинениями в слове Феодосия Печерского „о вере варяжской".

Лука бо еуангелистъ, первое напсавъ, посла в Римъ. Эти слова статьи против латинян могут быть сопоставлены со следующими словами особой редакции русской Палеи и Георгия Амартола: „еще убо апостолом Лукою изъображено и пречистыа богоматере, еще живе суще ей, святый образ посла в Рим к Феофилу к нему ж и еуангелие и деание святых апостол посла, иже и доныне чюдеса творить". Отметим, что икона Владимирской божьей матери („покровительницы" города Владимира) считалась написанной евангелистом Лукою (на самом деле искусствоведы определяют ее как византийское произведение IX в.).

Яко же глаголеть Василий: икона на первый образъ приходить. Это неясное по смыслу выражение восходит к сочинению Василия Великого о святом духе: „чествование образа переходит к первообразу" (Творения Василия Великого, изд. 3-е, ч. 3, М., 1891, стр. 244) Более точно по смыслу

оно передается в Хронографе Оболенского: „первообразное почитающе, честь бо образа, яко же рече Василие, переходит на первообразное“ (Исследования и заметки князя М. А. Оболенского по русским и славянским древностям. СПб., 1875, стр. 151). В нашу летопись слова Василия Великого проникли из перевода Богословия Иоанна Дамаскина, сделанного Иоанном, экзархом болгарским (Чтения в Моск. общ. ист. и древн. росс., 1877, IV, стр. 302).

Паки же и землю глаголють материю. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо. Это приписка — русская по своему происхождению (А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 17; А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 17). Очевидно, что здесь имеется главным образом в виду не католичество, в котором подобные верования отсутствуют, а древнерусское язычество с его верованием в „мать сыру землю“, отразившимся в былинах, сказках, заговорах и обрядовых песнях. Ср., например, в русском народном заговоре: „Ты, небо — отец, ты земля — мать“ (А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, стр. 788).

К стр. 80

По семь же сборѣ Петръ Гугнивый... А. С. Павлов видит источник последующего рассказа о Петре Гугнивом (упоминаемом также в полемической части речи философа) в Толковой Палее (А. С. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 9). Однако Толковая Палея, как это было показано В. М. Истриным и А. А. Шахматовым, сама зависит от летописи, либо имеет с ней общий источник — русский компилятивный хронограф (В. М. Истрин называет его „Хронографом по великому изложению“). Из этого последнего рассказ о Петре Гугнивом и был взят как в летопись, так и в Толковую Палею. Рассказ этот нельзя не сближать со встречающимся в рукописях „Словом о немечьском прельщении, како научи их гугнивый Петр ереси“ (там же, стр. 19 и сл.). Однако отношения его к летописному не ясны.

Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 кони мѣдяны. Никоновская летопись добавляет „и три лвы медяны“, вместо же „две капищи“ пишет „два болвана“.

Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь. Веном обычно называется тот выкуп за невесту, который получали родители невесты от семьи жениха.

Перуня Рѣнь. Рень — песчаная отмель.

К стр. 93

Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ. Торчиным повар Глеба назван, очевидно, по его национальности. Торки — кочевой народ тюркского происхождения. В „Чтении“ о Борисе и Глебе повар Глеба назван „Горясер“. Летопись впервые упоминает торков под 1054 г. Часть торков была подчинена половцам во второй половине XI в.

повержену на брезѣ межи двѣма колодама. Археологам известны погребения, в которых скелет находился в челнообразной колоде и был накрыт таким же челном (История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1949, стр. 286—287). Летописец Переяславля Суздальского уточняет это известие следующими деталями: „сосновыми, и привержен хврастом“. В Чтении о Борисе и Глебе Нестора сказано несколько иначе: „поверго̂ша в пустыни под кладою“. — В Житийном сказании о Борисе и Глебе за этим известием следовал текст, опущенный в летописи: „убиену же Глебови и повьржену на пусте месте межю дъвема колодама, и господь, не оставляй своих раб, якоже рече Давыд: хранитъ господь вься кости их и ни едина от них съкрушиться, и сему святууму лежащю дълго время, не остави в неведении и небрежении отинудь пребыти, нъ показа: овогда бо видеша стълп огньн... и тъгда съказаша (Ярославу. — Д. Л.)... и то слышав посъла Смолиньску и пришедъше положиша й Вышегороде“. Итак, тело Глеба было перенесено в Вышгород далеко не сразу. Упоминание о Ярославе, повидимому, и явилось причиною того, что летописец пропустил все это место, чтобы не создавать хронологической непоследовательности в своем повествовании.

К стр. 95

Святополкъ... нача давати овѣмъ корзна, а другым кунами Древнерусское корзно представляло собой теплый широкий плащ с застежками накидывавшийся поверх одежды. Корзна знати представляли собой большую ценность. Делались они, повидимому, из валеной шерсти, называвшейся корзовиной. Корзна были известны как одежда русских далеко за пределами Руси. Во французском средневековом эпосе они носят название pailes de Russie, восприняншие их немцы называли их „кюрзен“ или, по происхождению их от славян, „славоника“.

варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Сага об Олафе Трюгвассоне рассказывает, что Олаф в Новгороде в ссоре убил какого-то местного жителя Клеркона, чем вызвал возмущение народа, потребовавшего смерти убийцы. Олаф был спасен заступничеством жены Ярослава — Ингигерды. Перед нами яркое свидетельство враждебных отношений варяжской наемной дружины и новгородцев. — Любопытные уточ-

нения дает текст Новгородской первой летописи. Во-первых, там разъяснено, что варяги творили насилие „на мужатых женах“ (т. е. над замужними женщинами), а во-вторых, что Ярослав „кормяше варяг много“, так как „бояся рати“.

Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони. Новгородская первая летопись подчеркивает, что восстание произошло ночью: „собрашася в нощь“.

И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ Ракома — подгороднее село Ярослава недалеко от Ильменя (северо-западной его части). Согласно Новгородской первой летописи, Ярослав уже находился в селе Ракоме во время восстания новгородцев: „а князю Ярославу тогда в ту нощь сущу на Ракоме“. Новгородцы, таким образом, воспользовались отсутствием в Новгороде Ярослава. Гнев Ярослава, согласно Новгородской первой летописи, побудил его не уйти в Ракому из Новгорода, а собрать горожан: „И се слышав князь Ярослав, разгневася на гражаны, и собра вои славны тысящу; и обольстив их, иссече“. „Повесть временных лет“ в этом случае подробнее Новгородской первой летописи.

„Уже мне сихъ не крѣсити“. Эти слова Ярослава, повидимому, представляют формулу отказа от родовой мести, неоднократно употребляющуюся в летописи. Ср., например, в Никоновской летописи под 1148 г. Ольговичи отказываются от мести за Игоря Ольговича: „уже намь не воскресити брата своего, князя Игоря Ольговича“; ср. в Ипатьевской под 1151 г.: „и долго плакав, и рече Изяславу Давидовичю: «сего нама уже не кресити»“.

нарочитыѣ мужи. В Новгородской первой летописи, представляющей текст предшествовавшего „Повести временных лет“ Начального свода, читаем в этом месте: „вои славны тысящю“. Повидимому, „нарочитые мужи“ — своеобразный „перевод“ слов „вои славны тысящю“ предшествовавшего „Повести временных лет“ Начального свода. Следовательно, в Новгороде рядом с наемной варяжской дружиной стояла своя военная организация — „тысяча славных воинов“, состоящая из местных „нарочитых людей“. Не во главе ли этой „тысячи“ и стоял первоначально новгородский тысяцкий? В Уставе Ярослава „о мостех“ упоминаются десять новгородских сотен (о новгородских сотнях см. подробнее исследование Б. А. Рыбакова: Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. Исторические записки, № 2, М.—Л., 1938).

убивъ Бориса, а на Глѣба посла. В Ипатьевской летописи текст иной: „послав уби Бориса и Глеба“.

собравъ избытокъ новгородець, Ярославъ рече. В Новгородской первой летописи сказано при этом, что Ярослав „сътвори вече на поле“. Ср. несколько ниже в Лаврентьевской летописи „на вечи“.

„о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе". В Новгородской первой летописи эта речь Ярослава отражена подробнее: „любимая и честная дружина, юже высекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите".

„Отець мой умерлъ, а Святополкъ седить Кыевѣ, избивая братью свою". В этой речи Ярослава не высказано самое предложение Ярослава. Оно есть в Новгородской первой летописи: „хощу на него пойти; потягнете по мне".

К стр. 96

И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочихъ вой 40000. Повидимому, более правильными следует признать цыфровые данные Новгородской первой летописи: „и собра вой 4000: варяг бяшеть тысяща, а новгородцов 3000".

1016 И воевода ... Святополчь. В Новгородской первой летописи названо имя этого воеводы — „Волчий Хвост", упоминаемого под 984 г. как воеводы Владимира, победившего радимичей на реке Пещане. В Тверской летописи, в числе источников которой был и Синодальный список Новгородской первой летописи, прямо сказано под 1016 г. о воеводе Волчьем Хвосте: „отца их Владимира, иже победи радимичи на Пищане, стар сый, немыслено".

Бѣ бо уже в заморозъ. В Новгородской первой летописи сказано „И начя Дьнепрь мързнути".

и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею; Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. Таким образом, по „Повести временных лет", битва произошла утром на рассвете. Иначе по Новгородской первой летописи: „И бяше Ярославу мужь в приязнь у Святопълка; и посла к нему Ярослав нощью отрок свой, рек к нему. И рек к нему онь си: «Что ты тому велиши творити: меду мало варено, а дружины много?». И рече ему мужь тъ: «Рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да к вечеру въдати». И разуме Ярослав, яко вь нощь велить сецися; и том вечере перевозися Ярослав с вои на другый пол Дънепра, и лодьи отринуша от берега, и той нощи поидоша на сецю". Таким образом, Ярослав не утром на рассвете переходит с войском Днепр, а вечером и в битву вступает ночью. Чтобы узнавать ночью в темноте своих, Ярослав приказал воинам повязаться платками: „И рече Ярослав дружине: «Знаменайтеся, повивайте себе убрусы голову»". Побеждает Ярослав Святополка, согласно Новгородской первой летописи, еще „до света".

И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28. Издатели Лаврентьевской летописи все, обычно, опускают слово „Новегороде", следуя чтению Радзивиловского и Московско-академического списков. Однако Ярославу не могло

быть в 1016 г. 28 лет от роду: он умер в 1054 г. 76 лет (см. „Повесть временных лет“ под 1054 г.). В Ипатьевской летописи и в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., цифра 28 исправлена на 18, и вся фраза также не имеет слова „Новегороде“. Если речь идет о возрасте Ярослава, а не о его княжении в Новгороде, то в 1016 г. ему было 38 лет.

Ярославъ иде в Киевъ и погорѣ церкви. В Новгородской первой летописи под 989 г. в списке князей русских о Ярославе читаем: „и идя к Кыеву, и посади в Новегороде Коснятина Добрыница“; посадник Константин действует затем в „Повести временных лет“ под 1018 г. В Никоновской летописи сведения о пожаре Киева под 1017 г. несколько подробнее: „и погоре град и церьквей много, яко до седмисот и опечалися Ярослав“. Количество сгоревших церквей в Киеве — 700, — повидимому, обычное для Никоновской летописи преувеличение. В Новгородской первой летописи под 1017 г. читается иное известие: „Ярослав иде к Берестию; и заложена бысть святая София Кыеве“. Подробнее это известие в Софийской первой, Новгородской четвертой и других летописях: „Приидоша печенези к Киеву и секошася у Киева, и едва к вечеру одоле Ярослав печенегы, и отбегоша посрамлени. И заложи Ярослав град великый Киев и Златая врата постави и церковь Софию заложи“. Этот текст представляет собою соединение текста древней новгородской летописи (откуда взято сведение о набеге печенегов и о закладке Софии — ср. Синодальный список Новгородской первой летописи) и статьи 1037 г. „Повести временных лет“, откуда к сведению о закладке Софии присоединены сведения о закладке города и Золотых ворот. Датировка построения Софии в новгородской летописи — 1017 г. сомнительна: в новгородской летописи в XI в. не было дат вообще; они расставлены позднее и нередко с ошибками (см. стр. 262, 286 и др.). Дата „Повести временных лет“ 1037 г. более вероятна, но также не отличается полной достоверностью (см. стр. 375). Датировка основания Софии 1017 г. смутила и составителя Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в.: в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях под 1037 г., в тексте, восходящем к „Повести временных лет“, все упоминания о закладке Софии, города и Золотых ворот переделаны для согласования со статьей 1017 г., восходящей к древнейшей новгородской летописи, — вм. „заложи“, „заложена“ в Новгородской четвертой и Софийской первой читаем: „с в е р ш е н бысть град Киев и церковь св. София с в е р ш е н а“. Также неверно и отнесение в Никоновской летописи нападения печенегов к 1017 г. — на самом деле оно произошло перед закладкой Софии в 1036 г. Поход Ярослава „к Берестью“, о котором идет речь в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1017 г., на самом деле относится к 1022 г. (см. стр. 369). 1017

Приде Болеславъ съ Святополкомь на Ярослава с ляхы. Святополк был женат на сестре Болеслава и издавна находился с ним в союзных отноше- 1018

ниях. По свидетельству саксонского хрониста Титмара Мерзебургского (умер в 1018 г.), Святополк еще при жизни Владимира готовил с помощью Болеслава заговор против своего отца (или отчима) Владимира. Святополк, его жена и ее духовник — епископ Рейнберн, — были схвачены. Рейнберн умер в заключении. Святополк с женою, повидимому, находились затем под особым наблюдением Владимира, не дававшего ему никакого дела (П. Голубовский. Хроника Дитмара как источник для русской истории. Киевские университетские известия, 1878, и др.).

и приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. Город Волынь находился при впадении реки Гучвы в Западный Буг.

К стр. 97

и побѣди Болеславъ Ярослава. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., вслед за этими словами читаем: „И ту убиша Блуда воеводу и иных множество победиша. А их же рукама изымаша, то расточи Болеслав по Ляхом" (Софийская первая летопись, ср. также в Новгородской четвертой и др.). Среди попавших в плен был, повидимому, и Моисей Угрин, о котором подробно рассказывалось в Житии Антония, служившем одним из исторических источников для летописца. Возможно, что эти подробности взяты составителем Начального свода (откуда они и проникли в новгородские летописи) именно из Жития Антония (Разыскания..., стр. 257 и сл., стр. 278). О захвате в плен именно в этом бою Моисея Угрина прямо говорится в Тверском сборнике: „На том бою изымаша Моисеа Угрина, брата Георгиева, иже бе убит с князем Борисомь (см. наш комментарий, стр. 358, — *Д. Л.*); бе бо и той слуга Борисовь, и много пострада в Лятской земле от вдовы некыа, млады суща, ея же мужь, болярин сый Болеславль, убиень на сем бою. Моисей же, по страдании своемь, прииде в Киевь, в Печерский монастырь, и бысть чюден старець, красень телом и душею, о нем же лежат повести в Отечнице [Патерике] Печерьском". Повидимому, эти слова летописца Тверского сборника основываются на такой редакции Печерского патерика, где сообщалось о пленении Моисея Угрина в битве 1018 г.

Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: „и седе на столе Владимери. И тогда Болеслав положи себе на ложи Предъславу, дщерь Володимерю, сестру Ярославлю. Ярослав же убежа с 4-ми мужи к Новугороду" (Софийская первая летопись, ср. также Новгородскую четвертую и др.). В связи с известием о том, что Болеслав сделал наложницей Предславу, находится в тех же летописях несколько ниже и следующее добавление: „Болеслав же побеже ис Кыева, поволочив Предславу...". Отмеченных разрядкой слов нет в „Повести временных лет". Повидимому,

все эти подробности проникли в новгородские летописи из Начального свода, пользовавшегося, как историческим источником, не сохранившимся до наших дней Житием Антония. В Житии же Антония, как это нам известно из данных Киево-печерского патерика, неоднократно ссылающегося на это Житие Антония, говорилось о судьбе Предславы, у которой скрывался Моисей Угрин после избиения слуг Бориса (Разыскания..., стр. 279). Титмар Мерзебургский сообщает о том, что Болеслав захватил в плен девять сестер Ярослава, а одну из них обесчестил. Неясный намек на ту же историю с Предславой имеется под 1018 г. и в Польской истории Яна Длугоша (XV в.), как известно пользовавшегося и русскими летописями.

И рече Болеславъ: „Разведѣте дружину мою по городомъ на покорьмъ ...“ И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева. А. А. Шахматов предполагает, что эти подробности о бегстве Болеслава Храброго из Киева даны летописцем на основании событий 1069 г., когда из Киева при таких же обстоятельствах бежал польский король Болеслав Смелый: „И распуща ляхы на покормъ, и избиваху ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою“ (Разыскания..., стр. 439—440). Однако видеть здесь фальсификацию фактов летописцем нет оснований. Народное возмущение против поляков-интервентов было и в 1018, и в 1069 г. причиной их бегства.

„Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Слова „Хочем ся и еще бити“, — повидимому, обычное устное выражение. Ср., например, под 1068 г. киевляне на вече говорят князю: „дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“, или под 1093 г. киевляне вновь говорят князю: „хочем ся бити; поступим на ону сторону реки“; то же и на вече 1097 г. киевляне говорят: „выдай мужи сия, не бьемся за сих, а за тя битися можем“. Весьма важно отметить при этом, что народ постоянно выступает как инициатор обороны Руси от внешних врагов.

а от бояръ по 18 гривен. В Ипатьевской летописи иная цифра: „а от бояр по осмидесять гривен“. — О каких боярах здесь идет речь? Выше в „Повести временных лет“ было сказано, что Ярослав „убежа с 4-ми мужи Новугороду“. „Ясно, — пишет по этому поводу С. В. Юшков, — что бояре, с которых собирали по 18 гривен, не княжеские бояре (их в данный момент у Ярослава, потерявшего всю дружину, не было), а бояре новгородские, находившиеся вне дружинной организации. А свидетельства, относящиеся к XII в., не оставляют никаких сомнений в том, что новгородские бояре и бояре князя — это две разные феодальные группы, имевшие свои собственные интересы, часто противоположные интересам князя и его бояр“ (С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 242).

и городы червеньскыя зая собѣ. О червенских городах см. выше, стр. 326.

1019 на Льто. Альта или Льто — река, впадающая в Трубеж, и урочище на этой реке к юго-востоку от Киева.

Мьсти от крове праведнаго сего, яко же мьстил еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье. Согласно библейской легенде, сын Адама и Евы Каин убил своего брата Авеля, за что был проклят богом. Бог определил наказание Каину: „стеня и трясыйся будеши на земли" (Бытие, IV, 12).

К стр. 98

и за рукы емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удолиемь крови тещи́. „За рукы емлюче сечахуся" — обычный шаблон древнерусской литературы в описании боя (тот же образ неоднократно встречается в летописи, есть он в Степенной книге при описании Куликовской битвы, в „Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича", в „Ином сказании" и др.). Такой же шаблон и выражение „яко по удолиемь крови тещѝ" (см. подробнее: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1902 г., кн. 4, стр. 12 и 21—22).

и сступашася трижды. Вслед за этими словами в Паримийном чтении Борису и Глебу читаются следующие подробности: „и омеркошася бьющеся, и бысть гром велик и тутьн [топот] и дъжгь велик и мълния блистание; егда же облистаху мълния, и блистахуся оружия в руках их, и мнози видяху вернии ангелы, помагающа Ярославу". П. М. Голубовский в своем исследовании о службе Борису и Глебу в Иванической минее (Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. XIV, вып. III, Киев, 1900) считает, что здесь даются важные дополнительные данные о битве на Альте. Данные эти, однако, сочинены. Битва на Альте началась с восходом солнца („въсходящю солнцю, и сступишася обои"). Вряд ли она затянулась до ночи. Ясен и источник этих подробностей о ночной битве: они заимствованы составителем Паримийного чтения из летописного описания Лиственской битвы 1024 г. („И бывши нощи, бысть тма, молонья, и гром, и дождь... И бысть сеча силна, яко посветяше молонья, блещашеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна").

и несяхуть ѝ на носилѣхъ. В Радзивиловской летописи в миниатюре на л. 119 об. следующим образом изображена перевозка раненого на носилках: длинные носилки прикреплены к двум коням с сидящими на них всадниками, — один конь впереди, а другой позади. Такой же способ существовал и для перевозки мертвых (см. в „Слове о полку Игореве": „съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣ яти отца своего междю угорьскими иноходьци"; иноходцы употреблялись при такого рода перевозках для избежания качки).

Принесоша й къ Берестью. Пограничный с Польшей город на Западном Буге в Волынском княжестве, ныне Брест. Из того, что Святополк и в Берестьи мог опасаться за собой погони, видно, что тогда это был город русский.

прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы. А. В. Марков утверждает, что „между Чахи и Ляхи" — древняя поговорка в смысле „где-то далеко" — сохранилась „до сих пор в Архангельской губернии" (Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России. Сборник „Пошана", т. XVIII, Харьков 1908, стр. 454).

Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествии сего свѣта прияша мукы, оканьнаго. Показоваше явѣ... посланая пагубная рана въ смерть немилостивно въгна. В приведенных строках летописец сближает Святополка с Иродом, о котором Хроника Георгия Амартола повествует буквально в тех же словах: „Окаяньный же Ирод за неколико дний тлаем и червьми растачаем зле житье си разори, яко же и нечестивый отець его, ибо то на Христа начат: сверстьникы его дерзнув усекну сведену, еще сы в житии нелепо и хулно, житье си испроверже, его же по правде яко неправеднаго суду пришедшю, по отшествии сего света прияша муки оканьнаго; показавше яве образ абье прият сего от бога послана рана пагубная в смерть немилостивно въгна" (В. М. Истрин. „Хроника Георгия Амартола". Пгр., 1920, стр. 215—216).

и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Фраза эта недостаточно ясна в „Повести временных лет". Между тем ее смысл яснее в той форме, в какой она читается в так называемом Паримийном чтении о Борисе и Глебе, известном по памятникам, начиная с XII в. (см. издание его в приложении к т. I „Полного собрания русских летописей", 1846 г.): „и по смерти вечно мучим есть связан в дно аду", т. е., по смерти, заключенный на дне ада, он вечно мучим.

7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70. Согласно библейской легенде, один из потомков Каина — Ламех, убив человека, раскаялся и сказал: „если за Каина отмстится в семеро, то за Ламеха в семьдесят раз в семеро" (Бытие, IV, 24).

новый Авимелехъ. Согласно библейской легенде, сын еврейского судьи Гедеона Авимелех по смерти отца убил 70 своих братьев.

Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ. В Синодальном списке Новгородской первой летописи следующим образом рассказывается о расчетах Ярослава со своею дружиною под 1016 г. (походы Ярослава 1016 г. и 1019 г. соединены здесь в один): „а Ярослав иде Кыеву, и седе на столе отця своего Володимира;

и нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новъгородьчем по 10 всем; и отпусти я домовь вся". То же во всех летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в. Вслед за этим текстом в Новгородской первой летописи младшего извода читается следующее известие, породившее большие разногласия среди исследователей: „И дав им правду, и устав списав, тако рекши им: «По сей грамоте ходите; яко же списах вам, тако же держите». А се есть Правда Русскаа . . .". После чего следует известный текст краткой редакции Русской Правды. Сами новгородцы впоследствии постоянно ссылались на „грамоты Ярослава" как на основу своих отношений с приглашаемыми к ним вечем князьями и князьями великими. Различные исследователи по-разному освещают вопрос о том, что такое были эти „Ярославовы грамоты" (Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Собр. соч., Исторические монографии и исследования, кн. III, тт. VII и VIII, СПб., 1904, стр. 37—38; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. „Общественная польза", кн. I, т. III, стлб. 698—699; А. А. Шахматов. Разыскания . . . , стр. 507—508; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 36—39; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948, стр. 245 и сл.; также рецензию В. Т. Пашуто и А. Зимина на книгу Л. В. Черепнина в журнале „Вопросы истории", 1949, № 9, стр. 119 и сл.) — В конце летописной статьи 1019 г. в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., читается следующее известие о посаднике Константине Добрыниче: „Костянтин же бяше тогда в Новегороде, и разгневася на нь великый князь Ярослав и поточи й в Ростов и на 3-е лето повеле его убити в Муроме, на реце на Оце (Оке)". (Софийская первая летопись, см. также Тверской сборник, Воскресенскую, Никоновскую и др.).

К стр. 99

1020 Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ. Это первое в „Повести временных лет" известие о рождении сына у князя (сообщение Ипатьевской летописи под 952 г. о рождении Святослава — позднейшее). О рождении у Ярослава (в Новгороде) старшего сына Ильи летописец не сообщает. Об Илье мы знаем из перечня князей („А се Новегороде"), помещаемого в списках Новгородской первой летописи младшего извода и в некоторых летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., вслед за статьей о крещении Новгорода под 989 г. Там сказано: „И родися у Ярослава сын Илья, и посади в Новегороде, и умре". Перечень содержит и другие весьма важные исторические данные, нигде в летописях не встречающиеся (см. ссылки на него ниже).

и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., к этим словам добавлено: „и весь полон и скоты“ (Софийская первая летопись, ср. Воскресенскую, Никоновскую и др.). 1021

к Судомири рѣцѣ. Судомирь — река в Полоцком княжестве.

И побѣди Ярославъ Брячислава. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., о победе Ярослава над Брячиславом ошибочно сообщено дважды: под 6528 и под 6529 гг. Ошибка произошла вследствие соединения в этом Новгородско-софийском своде различных источников с различной хронологической сетью.

и новгородцѣ вороти Новугороду. Летописи, восходящие к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., добавляют: „и полон у него отъя елико бяше новъгородьской волости“ (Софийская первая летопись, см. также Воскресенскую, Никоновскую и др.).

а Брячиславъ бѣша Полотьску. Летописи, восходящие к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., прибавляют к этому известию: „И оттоле призва к себе [Ярослав] Брячислава и да ему два города: Въсвячь и Видебск и рече ему: «Буди же со мною за один». И въеваша Брячислав с великим князем с Ярославом вся дни живота своего“ (Софийская первая летопись, см. также Воскресенскую, Никоновскую и др.). — О городах Усвяте и Витебске см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М.—Л., 1946, стр. 86—88.

Приде Ярославъ къ Берестию. Поход Ярослава к Берестию (к Бресту) 1022
в новгородских летописях отнесен к 1017 г. (так же как и закладка Софии киевской): „Ярослав иде к Берестию; и заложена бысть святая София Кыеве“ (Синодальный список Новгородской первой летописи и др.). См. об этом выше, стр. 363.

И вынзе ножь, и зарѣза Редедю. Автор „Слова о полку Игореве“ говорит о том, что Боян пел песнь „храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми“ (ср. в „Повести временных лет“ выше: „и ставшема обема полкома противу собе“). Событие это, следовательно, запечатлелось и в народном эпосе, но сходство выражений между „Словом“ и „Повестью временных лет“ („зарѣза“ „предъ пълкы“) заставляет предполагать, что здесь, как и в некоторых других случаях, автор „Слова“ проявил свое знакомство с „Повестью“. — В исследовательскую литературу проникло мнение о том, что воспоминания о единоборстве Редеди и Мстислава сохранились в современном фольклоре северокавказских народов (см. об этом работы Л. Г. Лопатинского: Редедя. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XII, Тифлис, 1891, и повторно: Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов. Известия Ба-

кинского университета, Баку, 1921, № 1, второй полутом). Однако, как указал еще Н. С. Трубецкой (Редедя на Кавказе. Этнографическое обозрение, 1911, № 1—2), мнение это является плодом чистого недоразумения. Об этом вновь напомнил Г. Турчанинов (Летописный Редедя и черкесское Редадэ. Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института, Нальчик, 1947).

И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица. Церковь Богородицы в Тмутороканe (на Черном море около современной Тамани) упоминается еще раз под 1066 г., когда в ней был похоронен тмутороканский князь Ростислав Владимирович.

яже стоить и до сего дне Тьмуторокани. Повидимому, это писал летописец Никон, живший в Тмуторокане в 1061—1066 гг. (а затем и в 1073—1074 гг. после того как перестал иметь отношение к печерскому летописанию, см. стр. 85).

1024 избиваху старую чадь. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: „бабы", а ниже текст „изъимав волхвы, расточи" передан иначе: „и изымав убийца ты, расточи, иже бяху бабы избили, и домы их разграбили, а другыя показни, и устави ту землю" (Софийская первая летопись, Тверская, Никоновская и мн. др.). Об убийстве волхвами именно женщин („лучьшие жены") см. также под 1071 г. в рассказе о подавлении восстания Яном Вышатичем. Возмущение, однако, вызывают не просто женщины, а женщины „старой чади". „Из этого рассказа, — пишет Н. Н. Воронин, — с несомненностью вытекает, что восстание было вызвано в первую очередь внутренними противоречиями среди населения Суздальской земли, особенно обострившимися в районе, близком к старой торговой Волге. Здесь, очевидно, существовала какая-то зажиточная верхушка — старая чадь, — выделившаяся из среды местного общества; ее накопления в виде жита и хозяйственных продуктов делали особо острым охвативший эту местность голод. То, что Ярослав спешно прибыл из Новгорода, не взирая на острую феодальную борьбу, развертывавшуюся там, и встал на защиту старой чади, показывает, что этот слой находился уже под покровительством княжеской власти, являясь опорой ее политики на местах" (Н. Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. Исторический журнал, 1940, № 2, стр. 55).

яко си держать гобино. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., здесь добавлено „и жито и голод пущают" (Софийская первая летопись, ср. также другие). Здесь имеется, очевидно, в виду хранение общинных запасов. Эти общинные запасы присваивали себе „лучшие люди". На них и обрушилось восстание.

Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., здесь добавлено:

„яко мужу своя жена даяти, да кормять себе челядином“ (Софийская первая летопись и др.).

К стр. 100

И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ сь лѣпъ, и луда бѣ у него золотомь истъкана... и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ. Якун — вождь варяжского отряда — Гакон, упоминаемый также в Эймундовой саге и в Киево-печерском патерике; в последнем, несомненно, на основании „Повести временных лет“: „бысть в земли варяжьской князь Африкан, брат Якуна Слепаго иже отбеже от златыа луды, биася полком по Ярославе с лютым Мьстиславом“. Название Якуна „слепым“ явное недоразумение, слово „сьлѣпъ“ получилось из неправильно прочтенного выражения „и бѣ Якунъ сь лѣпъ“, т. е. красив (он был одет в золотую луду — шитый золотом плащ). Кроме Африкана, Киево-печерский патерик упоминает и других родичей Якуна. Сын князя Африкана — Шимон, изгнанный Якуном, пришел к Ярославу, и тот принял его и „в чести имаше и дасть того сынови своему Всеволоду, да будет старей у него: приа же велику власть от Всеволода“. Сын Шимона Георгий был дядькой (кормильчичем) Юрия Долгорукого и занимал впоследствии пост тысяцкого в Суздальской земле. — Упоминание о том что Якун покинул на поле битвы самую примечательную часть своего одеяния, — насмешка летописца над предводителем варяжской дружины. Ср. в Никоновской летописи о бегстве Юрия Всеволодовича и Ярослава Всеволодовича с поля Липицкой битвы 1216 г.: „И прибеже князь Юрьи в Володимерь во единой сорочице точию, и брат его князь Ярослав тако же во единой сорочице, трех коней одушив, а на четвертом пригна в Володимерь“. Отметим, однако, что слово „луда“ переводится по-разному: плащ, верхняя одежда, маска, шлем, латы (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II, прим. 27; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 49; А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 646; А. Е. Крымский. Древнекиевский говор. Известия ОРЯС АН, т. XI, кн. 3, стр. 396).

Мьстислав же слышавъ взиде противу има к Листвену. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., после этих слов читается следующее дополнение: „и бяше осень, и ту ся сретоша“. Затем после слов „и бывши нощи“ добавлено „рябиной“ („рябиной“ — грозовой); после слов „поидем на ня“ добавлено „то ны есть корысть“; после слов „яко посветяше молонья, блещашеться оружье“ добавлено „елико же молния осветяше, толко мечи видяху, и тако друг друга убиваху“; после слов „а Якун иде за море“ добавлено „и тамо умре“ (ср. Софийскую первую, Воскресенскую, Тверскую и другие летописи). Все эти дополнения не могут быть объяснены простым сочинительством позднейшего летописца. Целый

ряд уточнений, очевидно, восходит к каким-то древним новгородским летописям.

и постави сѣверъ. Имеется в виду ополчение из северян. В дальнейшем Мстислав радуется тому, что его постоянное войско, дружина, осталось цело, а пострадали только варяги Ярослава и северяне (см. ниже, Мстислав говорит: „Кто сему не рад? Се лежить северянин, а се варяг, а дружина своя цела").

а Якунъ иде за море. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: „и тамо умре" (Софийская первая летопись, ср. Тверскую, Воскресенскую и др.).

К стр. 101

1030 Ярославъ Белзы взялъ. Белз — город в Галицко-волынской области на реке Сороках (притоке Западного Буга).

и постави градъ Юрьевъ. Позднейшие летописи добавляют „в свое имя". Действительно, христианское имя Ярослава было Георгий (Юрий). Юрьев, позднее Дерпт, теперь Тарту, — на западном берегу Чудского озера на реке Онбоже (Эмбах). Другой Юрьев был поставлен Ярославом на юге, на реке Роси — притоке Днепра. — В поздних летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., вслед за сообщением о походе Ярослава на чудь, читается следующее известие, очевидно древнее: „И прииде к Новугороду, собра от старосты и поповыи детей 300 учити книгам. Того же лета преставися архиепископ новугородьскый Аким, бяше ученик его Ефрем, иже ны учааше" (Софийская первая летопись, ср. Тверскую, Никоновскую и др.). А. А. Шахматов пишет: „Фраза «иже ны учааше» может быть отнесена насчет сводчика середины XI века. Ясно, что составитель свода вспоминает себя и своих сверстников" (Разыскания . . ., стр. 217). Так толковали это место и предшественники А. А. Шахматова, однако „ны" могло относиться и вообще к новгородцам — не обязательно к современникам Акима („ны", нас, т. е. новгородцев) тем более, что Аким назван здесь архиепископом, а архиепископию Новгород получил только при Нифонте в XII в. (см. об этом: Д. Лихачев. Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 года. Исторические записки, № 25, 1948, стр. 248).

В се же время умре Болеславъ Великый в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь. Об этом же мятеже говорится и в Киево-печерском патерике в рассказе „О преподобнем Моисии Угрине", где мятеж этот приводит к убийству мучившей Моисея госпожи, и к его освобождению: „Бог же сътвори отмьщение рабом своим въскоре. В едину убо нощь Боле-

слав напрасно умре и бысть мятежь велик в всей Лядской земли, и въставше людие избиша спископы своя и боляре своя, яко же в Лстописци повсдаеть. Тогда и сию жену убиша...". Об этом же мятеже говорится и в Несторовом Житии Феодосия, где о нем вспоминает жена Изяслава Ярославича (дочь польского короля Казимира): „яко тако же бысть в стране нашей; отбежавшим некоея ради беды чернцем, много зла створися их ради в земли той". Польский король Болеслав I умер 3 апреля 1025 г. Летописец поместил всю эту статью под 1030 г., повидимому, потому, что отнес к этому году мятеж. Действительно, на основании польских источников известно, что в 1031 г. король Мешко должен был бежать из-за восстания. Другое восстание произошло в 1034 г., в годы малолетства польского короля Казимира. Повидимому, летописец и составитель Патерика имеют в виду восстание 1030 г. В самом деле, по данным Патерика, Моисей „5 лет в плене страдав окован, 6 лет за чистоту страдав в страсти" (так в Берсеневском списке, в Кассиановских редакциях иначе), т. е. всего 11 лет, освободившись из Польши на двенадцатом году своего пленения. Попал же Моисей в плен, по данным Патерика, вместе с сестрами Ярослава Мудрого, в 1018 г. Таким образом, освободился Моисей из плена в результате мятежа в 1030 г. По данным второй Кассиановской редакции, Моисей вернулся в Киев в 1031 г. Почему же, однако, „Повесть временных лет" отметила именно эти события польской истории? А. А. Шахматов не без основания доказывает, что летописец пользовался как историческим источником, сейчас утраченным, но еще в XIII в. хорошо известным, Житием Антония, в котором, как об этом мы можем судить по Киево-печерскому патерику (где Житие Антония было использовано), имелась и вся история Моисея Угрина (Разыскания..., стр. 257 и сл.).

градыи червеньскыя см. выше, стр. 326. *1031*

Ярослав поча ставити городы по Ръси. Река Рось — правый приток *1032*
Днепра на границе со степью. Летопись упоминает во второй половине XI в. следующие города в Поросьи: Юрьев (под 1095 г.), Растовец (под 1071 г.), Ятин (Неятин; под 1071 г.), Торческ (под 1093 и др. гг.). В Тверской летописи XVI в., показания которой весьма важны, так как она использовала не дошедший до нас древний список новгородской летописи, близкий к Синодальному (но иногда более исправный), находим важное сведение о том, какие именно города поставил Ярослав: „Корсунь, Трепольˮ. Вслед за этими словами в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., читается: „и тогда же Улеп изыде из Новагорода на Железная врата, и опять мало их прииде" (Софийская первая летопись, ср. также другие). „Железные врата" — урочище в области Югры. Н. Барсов (Материалы для историко-географического словаря России. Варшава, 1865, стр. 73) приводит к этому известию летописи следующее примечание из „Магометанской нумизматики" Савельева: „В восточной части Вологодской губ., на

правом берегу р. Сысолы, в 80 в. от Устьсысольска близ сел. Водчи есть урочище, которое жители до сей поры называют городком (караль) и Железными воротами. Местные предания и археологические находки придают большую вероятность тожеству этих Железных ворот с Железными вратами летописи".

1036 Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре... Посемь же перея власть его всю Ярославъ и бысть самовластецъ Русьстѣй земли. Мстислав Владимирович умер, не оставив детей. Сын его Евстафий умер раньше — в 1033 г. (см. выше „Мьстиславичь Еустафий умре").

епископа постави Жидяту. Жидята — сокращенное имя от Жидислав. Христианское имя Жидяты было Лука. Лука Жидята (умер 15 октября 1060 или 1061 г.) — второй епископ Новгорода, преемник епископа Иоакима (и Ефрема, не удостоенного посвящения в епископский сан). Ему приписывается „Поучение к братии", дошедшее до нас в нескольких списках. За этим известием о поставлении епископа Луки Жидяты в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., читается: „и людем написа грамоту [Ярослав], рек: По сей грамоте дадите дань. И бяше хромоног, но умом свершен, и храбор на рати и крестьян, чтяше сам книгы" (Софийская первая летопись подъ 542—1034 г., ср. Воскресенскую, Никоновскую и др.).

И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Говоря о рождении сыновей Ярослава (под 1020, 1024, 1027, 1030 гг.), летописец обычно прибавляет „и нарече ему" такое-то имя. Вячеслав родился в отсутствие Ярослава. Вот почему летописец пишет „нарекоша"

К стр. 102

иде же стоить нынѣ святая Софья. Храм Софии киевской заложен в 1037 г. Вряд ли эти слова могли быть написаны сразу же после закладки. Повидимому, они принадлежат летописцу второй половины XI в.

въ Сѣтомли. Сетомль — речка под Киевом.

1037 Заложи Ярославъ городъ великый у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины. Здесь говорится о строительстве Ярославом так называемого „Ярославова города", расширившего Киев значительным добавлением к старому „Владимирову городу". Вот, что пишет об этом Ярославовом городе Киева его последний исследователь — М. К. Каргер: „Новый город Ярослава, как известно, добавил к территории «Владимирова города» весьма значительную площадь, во много раз превышавшую площадь

старого города. Архитектурной доминантой нового города должен был стать заложенный одновременно с постройкой новых городских укреплений Софийский собор... Главными воротами города, парадным городским порталом становятся южные Золотые ворота. Только эти ворота особо упомянуты в летописях и проложных сказаниях о строительной деятельности Ярослава. Только над этими воротами Ярослав соорудил Надвратный храм. Именно с этими воротами связано наибольшее количество древних киевских легенд. Именно у этих ворот устраивали киевляне не раз торжественные встречи. Именно в эти ворота стремились войти и непрошенные гости, прохождением через Золотые ворота стремившиеся подчеркнуть свою победу над Киевом. Все парадное строительство Ярослава развертывается в южной части города между Золотыми воротами и Софийским собором" (М. К. Каргер. Резюме доклада „Архитектурный ансамбль Ярославова города в свете археологических исследований", прочитанного в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР 18 июня 1949 г.). Храм Софии сохранился до настоящего времени в сильно измененном виде; от Золотых ворот сохранились лишь бережно охраняемые руины. Раскрыты раскопками остатки по крайней мере трех храмов XI в. Только одна группа остатков с большей или меньшей достоверностью может быть определена как руины Георгиевской церкви Ярослава. Руины храма, раскрытые впервые раскопками в 1833 г. на углу Владимирской и Ирининской улиц, „прочно закрепившиеся впоследствии под названием Ирининской церкви, носят это имя лишь в силу традиции" (М. К. Каргер, там же). Вот почему „весь этот изумительный по великолепию и широте градостроительного замысла архитектурный комплекс Ярославова города в Киеве может быть ныне лишь предметом графических или описательных реконструкций" (М. К. Каргер, там же). Само собой разумеется, что в статье 1037 г. характеризуется строительная деятельность Ярослава не одного года — 1037-го, — а, по крайней мере, 10—15 лет его княжения. Одни только работы по украшению Софии драгоценными мозаиками и фресками должны были отнять немало времени. Ясно, что в этой летописной статье дана общая характеристика всей строительной деятельности Ярослава в Киеве за все годы его княжения. Такая же общая характеристика дана здесь и его просветительной деятельности. Перед нами — похвала Ярославу, во многом параллельная похвале Владимиру. Отнесение этой статьи к 1037 г. несомненно позднейшее. Она, повидимому, составляла заключительную часть предполагаемого мною „Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси", не имевшего хронологической канвы (Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 58 и сл.). Не ясно, по какому из упомянутых в этой похвале событий она отнесена к 1037 г. Существует отдельное проложное „Сказание об освящении церкви Георгия в Киеве пред вратами св. Софии". Как видно из этого сказания, освящение было совершено митрополитом Иларионом, следовательно, не ранее 1051 г., когда Иларион был

поставлен на митрополию. Это „Сказание“ упоминается уже в месяцеслове Мстиславова евангелия 1117 г. Следовательно, древность этого „Сказания“ не подлежит сомнению. Свидетельство этого „Сказания“ указывает на то, что Похвала Ярославу, в которой упоминается церковь Георгия, была составлена после 1051 г. — и только добавлена к „Сказанию о первоначальном распространении христианства“. Церковь Георгия поставлена в честь „ангела“ Ярослава (Ярослав носил христианское имя Георгий), церковь Ирины — в честь „ангела“ жены Ярослава — Ирины.

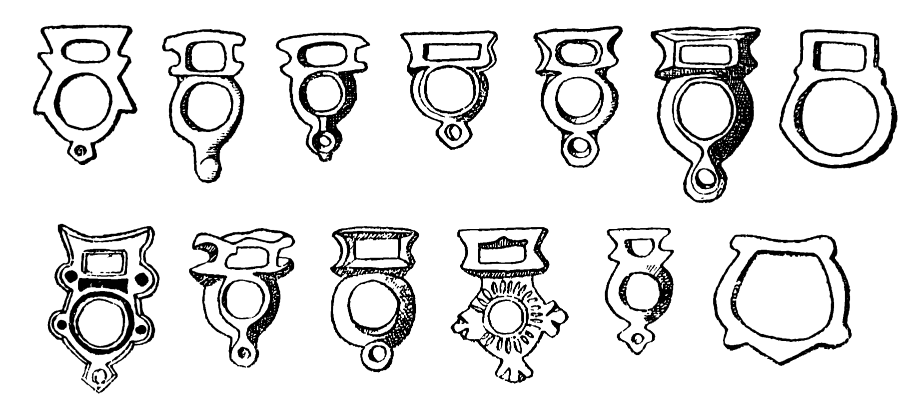
Заложи Ярослав городъ . . . заложи же и церковь. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., слова „заложи“ изменены на „свершен“ и „свершена“ (см. Софийскую первую летопись и др.) под влиянием того обстоятельства, что о закладке города (городских стен) и Софии уже сообщалось в этой группе летописей под 1017 г.

И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. Здесь отмечается учреждение Ярославом Мудрым при храме Софии особой переводческой школы, где переводчиками, повидимому, были те самые русские из детей „нарочитой чади“, которых Владимир приказывал набирать для обучения. Научное исследование памятников древнерусской литературы открывает все большее количество переводов, которые были сделаны в XI в. с греческого языка прямо на русский язык и при этом русскими переводчиками. К числу таких переводов принадлежат переводы Хроники Георгия Амартола, Хроники Синкелла, замечательный перевод „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия, блещущий богатством и гибкостью языка, переводы „Христианской топографии“ Козьмы Индикоплова, „Александрии“, „Повести об Акире Премудром“, „Жития Василия Нового“ и мн. др. Эта интенсивная переводческая деятельность была только одним из проявлений того большого литературного подъема, которым характеризуется княжение Ярослава Мудрого. В первой половине XI в. уже велось русское летописание, писались жития первых русских святых, составлялись блестящие ораторские произведения (назовем, например, проникнутое патриотическим подъемом „Слово о законе и благодати“ митрополита Илариона).

К стр. 103

Ярославъ же сей, яко же рекохом любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ. Ср. Патерик Киевского Печерского монастыря (СПб., 1911, стр. 198—199), рассказ о монахе Григории, современнике Феодосия. Григорий умел „запрещальными молитвами“ изгонять „нечестивых духов“, за что „старый враг“ (т. е. дьявол), „нетерпя прогонения от него“, „наусти злые человекы, да покрадут“ Григория, а у того не оказалось „ничего крадомого, разве (т. е. кроме) книг“.

И вот однажды ночью пришли к его келии „тати“ и стали поджидать, когда он уйдет к утренней службе. Григорий же, заметив их, попросил бога послать им сон, а, когда они, проспав 5 суток, оголодали так, что не могли двинуться с места, Григорий накормил их и отпустил. Но о случившемся проведал киевский „властелин градский“, тати были им задержаны, и начался суд с пытками (властелин „нача мучити тати“). Григорий, огорченный, что тати попали в беду из-за него, явился к властелину, дал ему часть книг своих, а татей „отпустил“. Прочие же свои книги продал, вырученные деньги роз-



Бронзовые книжные застежки X—XIII вв.
Рис. Г. Ф. Корзухиной.

дал убогим и объяснил: „это, чтобы опять не впал в беду кто-нибудь, соблазнившись украсть книги“. Эпизод этот имел место не позднее 1093 г. (Григорий был принят в монастырь при жизни Феодосия, т. е. до 1074 г.; погиб Григорий, утопленный в Днепре по приказанию кн. Ростислава Всеволодовича, который сразу после этого сам утонул при переправе через Стугну, в 1093 г.). Таким образом, прошло менее 40 лет после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), как книги, при нем составлявшие достояние княжого двора, откуда они распределялись по отдельным церквам, стали товаром, обращающимся на свободном рынке, и потому в легко реализуемый предмет кражи из собраний частных лиц, причем не только церковников, но и светских феодалов (у киевского властелина тати могли быть откуплены именно книгами). *(Комментарий Б. А. Романова).*

Ярославъ иде на ятвягы. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., это известие читается с бо́льшими подробностями: „иде весне велики князь Ярослав к Киеву, а на зиму ходи на ятвягы, и не можааху их взяти“. Ятвяги — литовское племя. *1038*

1039 Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомь Феопемптомъ. Здесь очевидная ошибка летописца: церковь Богородицы (Десятинная) была освящена за 50 лет до того (см. летописную статью 939 г.). Повидимому, речь идет об освящении Софии киевской, заложенной в 1037 г. (см. выше). Освящение Софии совпало с установлением русской митрополии, с первым митрополитом-греком Феопемптом во главе, подчиненным константинопольскому патриархату. София (а не Десятинная церковь Богородицы) и впоследствии была митрополичьим храмом („митропольей"). В Прологах освящение Софии киевской относится к 4 ноября, в Новгородской третьей летописи — к 27 ноября.

1043 и вда ему вои многы. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., поход Владимира на Византию изложен с бо́льшими подробностями. В частности, к словам „вои многы" добавлено „варязи, Русь" (Софийская первая летопись и др.). См. об этом также ниже (стр. 378—379).

а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. Несколько ниже оказывается, однако, что воеводой был не Вышата, а Иван Творимирич: „и взя князя в корабль Иван Творимиричь, воевода Ярославль". Повидимому, в летописном повествовании о походе Владимира Ярославича на Византию слиты два источника: рассказ предшествующей летописи, где воеводой выступал Иван Творимирич, и устный рассказ Яна Вышатича (от которого летописец позаимствовал не одно сведение: Д. Лихачев. „Устные летописи" в составе „Повести временных лет". Исторические записки, № 17, 1945), где главным действующим лицом являлся отец Яна — Вышата (см. определение Вышаты как отца Яна: следовательно, Ян был лучше известен летописцу, чем Вышата; о Яне же летописец сказал под 1106 г.: „от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах").

и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика. Представляется неясным, почему „Повесть временных лет" отметила промежуточный этап похода — Дунай, не сообщив об остановке там никаких сведений. Однако в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., рассказ о походе Владимира читается с древними подробностями, которые в „Повести временных лет", очевидно, были сокращены. Подробности эти объясняют, почему в „Повести временных лет" упомянут Дунай: „И поиде Владимер на Царьград в лодиях. И прошедше порогы, и приидоша к Дунаю, рекоша Русь Владимиру: «Станем зде на поле»; а варязи ркоша: «Поидем под город». И послуша Владимир варяг и от Дуная поиде к Царюграду с вои по морю. Греци же, видевше, изыдоша на море и начаша погружати в море пелены Христовы с мощьми святых. И божиим гневом възмутися море и гром бысть велик и силен. И бысть буря велика и начашася лодии разбивати. И разби карабли, и побегоша

варязи възпять“ (Софийская первая летопись и др.). Повидимому, рассказ этот восходит к предшествовавшему „Повести временных лет“ Начальному своду. В этом рассказе замечательно противопоставление Руси варягам (при этом вина за поражение возложена на варягов). Это противопоставление чрезвычайно важно для определения древнейшего значения слова Русь (почему-то оно не принималось во внимание всеми писавшими по этому вопросу), так как оно указывает, что в Начальном своде варяги не назывались Русью и Русь варягами. Иное изложение похода Владимира в „Повести временных лет“ сравнительно с Начальным сводом, очевидно, объясняется желанием автора „Повести временных лет“ убрать это противопоставление Руси варягам, противоречившее ее концепции происхождения Руси от варягов (см. стр. 238—244 и 378). Иное толкование у А. А. Шахматова (Разыскания ..., стр. 226 и сл.).

Прочии же вои Володимери вывержени быша на брегъ, числомь 6000. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: „сташа на брезе нази“. Ниже же после слов „И не идяше с ними никто же от дружины княжее“ добавлено: „Вышата же воевода, видев дружину свою стоящу, и рече: Не иду к Ярославу“ (Софийская первая летопись и др.), а затем, как в „Повести временных лет“: „И выседе ис карабля...“.

К стр. 104

и възвратися в Русь, всѣдъше в кораблѣ своѣ. Здесь в летописном рассказе явная неувязка, получившаяся в результате слияния двух источников: рассказа предшествующей летописи и устного рассказа Яна Вышатича (об этом см. выше). С одной стороны, выброшенные на берег воины Владимира сели в корабли и вернулись на Русь, но, с другой стороны, дальше оказывается, что „изверженные на берег“ не были подобраны Владимиром и их захватили в плен греки: „Вышату же яша с извержеными на брег, и приведоша я̑ Цесарюграду, и слепиша Руси много“. Повидимому, в рассказе предшествующей летописи говорилось о том, что русские корабли разбила буря, что часть дружины была выкинута на берег, что оставшиеся корабли Владимира разбили в морском бою погоню греков и, подобрав выброшенных на берег, вернулись на Русь. В рассказе же Яна говорилось о том, что с выкинутыми на берег дружинниками, решившими пробиваться на Русь, никто не хотел итти, вызвался только один Янев отец Вышата. Вышата произнес при этом героическую фразу: „Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною“. Греки захватили „изверженных“ русских, поступив при этом так, как поступали обычно с бунтовщиками: их ослепили. Возможно ослепленный, Вышата пробыл в плену три года и был отпущен к Ярославу.

Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша ӻ Цесарюграду, и слѣпиша Руси много. В Никоновской летописи сказано: „и ослепиша е г о (т. е. Вышату, — *Д. Л.*) и Руси много". Мы видим впоследствии Вышату как человека, близкого к летописцу Никону (стр. 393). Последний почерпнул от Вышаты много сведений. Как явствует и из истории Василька Теребовльского (см. в „Повести временных лет" под 1097 г.), слепота уже в древней Руси не служила непреодолимым препятствием к политической деятельности.

В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., дальше следует сообщение о походе Ярослава на мазовшан, который поставлен в непосредственную связь с браком Казимира на сестре Ярослава: „Тое же осени дасть великый князь Ярослав сестру свою за Казимера. И в та лета обидяше Моислав Казимира. И ходи Ярослав дважды на мазившаны в лодиях, и рече Казимиру: «Ели отець твой Болеслав победив мене и полонил люди моя за ся, то дай ми за вено». И собра Казимир людий его Руси полоненых 800 кроме жен и детей и вда за вено Ярославу, шурину своему. Се же Казимер вдасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля" (Софийская первая летопись, ср. Новгородскую четвертую и др.). Между тем, в „Повести временных лет" поход Ярослава на мазовшан помещен под 1047 г. без всякой связи его с женитьбой Казимира. Между тем связь эта кажется несомненной: родственный союз вызвал поход Ярослава в помощь Казимиру на Моислава Мазовецкого и, наоборот, крупное вено, данное Казимиром Ярославу (800 пленных, не считая женщин и детей) было обусловлено помощью Ярослава. Известие о походе Ярослава на мазовшан читается в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., также и под 1047 г. (там же, где и в „Повести временных лет"), но с указанием „третие" (т. е. в третий раз). Это „третие" стоит, очевидно, в связи с отметкой в тех же летописях о походе 1043 г. на мазовшан: „и ходи Ярослав д в о ж д ы на мазовшаны в лодиях". Вряд ли, однако, здесь имеется в виду, что Ярослав в одном и том же, 1043 году, совершил два похода на мазовшан. Скорее всего здесь первоначально стояла цифра „2", означавшая, что Ярослав в 1043 г. ходил на мазовшан „второе" (вторично). Действительно, первый раз он ходил на мазовшан в 1041 г. (см. в „Повести временных лет" выше). Сколько же раз ходил Ярослав на мазовшан и в какие годы? Поход 1041 г. не вызывает сомнения. Второй поход был осуществлен в качестве родственной помощи Казимиру. Составитель Начального свода поэтому и поместил его сразу за известием о женитьбе Казимира на сестре Ярослава и рассказал обо всем этом под одним (1043) годом, не считаясь с действительной датой похода. Отсюда, из Начального свода, известие это в таком виде проникло в новгородские летописи, пользовавшиеся этим На-

чальным сводом. Составитель „Повести временных лет“, заметив, однако, что поход был совершен не в 1043, а в 1047 г., перенес известие о походе Ярослава под этот 1047 г. Новгородские же летописи использовали в своем составе не только Начальный свод, но и „Повесть временных лет“. Отсюда у них получилось так, что об одном и том же походе Ярослава в них рассказано дважды: один раз под 1043 г. (по Начальному своду) и второй раз под 1047 г. (по „Повести временных лет“). Так получились у них три похода Ярослава на мазовшан. Простая ошибка при передаче цифры „2“ словом („двожды“ вм. „второе“) создала в новгородских летописях еще один поход. Итак, походов было два: в 1041 и в 1047 гг., а не три и не четыре (несколько иначе в „Разысканиях...“, стр. 282). — Отметим ошибку в цитированных нами выше словах Ярослава к Казимиру в новгородских летописях: „ели о т е ц ь т в о й Болеслав победив мене“: Болеслав приходился Казимиру не отцом, а дедом. Имя сестры Ярослава, вышедшей замуж за Казимира, известно из польских источников: Мария-Добронега.

В лѣто 6552. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду *1044* 30-х годов XV в., читается следующее известие: „Ходи Ярослав на Литву, а на весну заложи Новъгород и сдела ѝ“ (Софийская первая летопись и др.). Выражение „заложи Новъгород“ следует понимать как закладку каменных городских стен. В Новгородской третьей летописи разъяснено: „на Софийской стороне каменный город“.

Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля. Комментарий к этому месту см. выше, стр. 320.

въ церкви святыя Богородица. Имеется в виду Десятинная церковь Богородицы в Киеве. Однако во многих поздних летописях (Софийской первой, Воскресенской, Никоновской и мн. др.) после слов „въ церкви святыя Богородица“ ошибочно добавлено „в Володимере“ (имеется в виду Владимир Залесский), а в Никоновской к словам „в Володимере“ присоединено и еще следующее разъяснение „юже бе сам создал благоверный князь Владимер, крестивый всю землю Русскую“. Нельзя не видеть здесь в поздних летописях отражения идеологии правительственных кругов Москвы XV—XVI вв., стремившихся подчеркнуть значение города Владимира и его патрональной святыни — Успенского собора (на самом деле построенного Андреем Боголюбским в 1158—1161 гг.).

еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ. Слова эти написаны до 1101 г., когда Всеслав умер. Однако запись эта составлена, как видно, не сразу после 1044 г. Относительно поздний характер этой записи виден и из данного здесь же определения Брячислава Изяславича, как „отець Всеславль“.

Заложи Володимер святую Софью Новѣгородѣ. В Синодальном списке *1045* Новгородской первой летописи находим более подробные сведения об этой закладке: „Съгоре святая София, в суботу, по заутрьнии, в час 3, месяца

марта в 15. В то же лето заложена бысть святая София Новегороде Володимиромь князем̃ь". Таким образом, по Синодальному списку выходит, что Владимир Ярославич заложил каменную Софию после того, как сгорела деревянная. На самом деле, как это явствует из Софийской первой летописи и Новгородской четвертой, деревянная София сгорела четыре года спустя после закладки каменной Софии — в 1049 г. 4 марта. Стояла же она в другом месте новгородского Детинца — там, где впоследствии, в 1167 г., Сотко Сытиничь заложил церковь Бориса и Глеба (см. Софийскую первую и Новгородскую четвертую под 1049 и 1167 гг.). Ошибка Синодального списка явствует, между прочим, из того, что 15 марта в 1045 г. не приходилось на субботу. Составитель этой статьи Синодального списка исходил в своем предположении из обычной практики своего времени: закладывать каменные храмы на месте сгоревших деревянных. Известие Софийской первой летописи и Новгородской четвертой более точно: в 1049 г. 4 марта действительно приходилось на субботу.

1047 Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я̀. Об этом походе см. в комментариях выше (стр. 380).

1049 В лѣто 6557. Под этим годом в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., помещено следующее известие: „месяця марта в 4, в день суботный, сгоре церкви святая София. Бяше же честно устроенна и украшена, а стояла конець Пискупли улици, над Волховом, идеже ныне постави Сотко церковь камену святаго Бориса и Глеба" (Софийская первая летопись и др.). В Синодальном списке Новгородской первой летописи известие о пожаре деревянной Софии иное и помещено под 6553 г. (см. выше, стр. 381).

1050 В лѣто 6558. В Синодальном списке Новгородской первой летописи под этим годом читается следующее известие: „Родися Святопълк" (Святополк Изяславич). В Новгородской первой летописи младшего извода под этим же говорится об освящении церкви Софии новгородской: „Свершена бысть святая Софеа в Новегороде, повелениемь князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Лукы". В Софийской первой и других летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., уточнена дата освящения: „На Въздвижение честнаго креста", т. е. 14 сентября.

Преставися жена Ярославля княгыни. Речь идет о жене Ярослава Владимировича — Ирине-Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. Ингигерда — одно из главных действующих лиц Эймундовой саги, повествующей о норманах при дворе Ярослава. Умерла Ирина в Новгороде (ср. в Новгородской первой летописи под 1439 г. известие о гробе Ирины в Софии новгородской: „Того же лета архиепископ Еуфимий позлати гроб князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа, тако же и матери его гроб подписа, и покров положи, и память им устави творити на всякое лето месяца

октября в 4"). В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., уточнена дата смерти Ирины — 10 февраля (в Софийской первой, Воскресенской, Тверской, Никоновской и др.; в некоторых списках Софийской первой — 14 февраля; в Ипатьевскую летопись дата „10 февраля" проникла, повидимому, позднее).

Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы. Обычно русские митрополиты до XV в. получали поставление в Константинополе, от константинопольского патриарха. Ярослав Мудрый, борясь за полную независимость русской церкви от Византии, поставил митрополитом Илариона, нарушив установления византийской церкви, санкционировав свое избрание только на соборе русских епископов. Второй подобный случай был только в XII в., когда аналогичным способом был поставлен в русские митрополиты Климент Смолятич. Никоновская летопись следующим образом объясняет действия Ярослава: „Ярославу, сыну Владимерову, внуку Святославлю, с греки брани и нестроения быша, и сице Ярослав с епископы своими русскими съвещавше, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило святых апостол 1-е: два или трие епископы да поставляють единаго епископа, и по сему священному правилу и уставу божественых апостол съшедшеся руссгии епископи поставиша Илариона, русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающеся от православных патриарх и благочестиа греческаго закона, ни гордящеся от них поставлятися, но съблюдающеся от вражды и лукавъства, яко же беша тогда". Выбор Ярослава, павший на Илариона, был не случаен. Это был, прежде всего, русский („русин"; между тем греки стремились ставить на русскую митрополию своих же греков), талантливый проповедник, выступивший в своем знаменитом „Слове о законе и благодати" с горячей проповедью равноправности русского народа и русской церкви. *1051*

Берестовое — княжеское село близ Киева у Киево-печерского монастыря.

К стр. 105

кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый. Ср. также ниже: „яже суть и до сего дне в печере под ветхымь манастыремь"; „и ископа печеру, яже есть под новым манастырем". Эти слова могли быть написаны не ранее 1073—1074 гг., когда, по данным Жития Феодосия, был построен новый монастырь.

бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь... Здесь очевиден пропуск мирского имени Антония. А. А. Шахматов предполагает здесь разноречие источников (первоначального рассказа и Жития Антония), следствием чего и явился пропуск: так летописец поступает и в других случаях, когда у него нет данных предпочесть один из своих источников (Разыскания..., стр. 269). Летописец Переяславля Суздальского (М., 1851, стр. 45) называет

мирское имя Антония — Антипа. Однако точность этого указания сомнительна.

от града Любча. Любеч — город недалеко от Чернигова, на пути из „Варяг в Греки".

в Святую Гору — на Афон. Афон — крупный центр византийского монашества в южной Македонии. Афонские монастыри занимают восточный мыс Халкидонского полуострова. Точно время основания афонского монашества не известно. Древнейшие сведения об афонских монастырях относятся к концу VII в. Важно отметить, что уже в первой половине XI в. русские имели на Афоне свой монастырь (монастырь Ксилурга, т. е. „древодела" или иначе монастырь Русского) с Успенскою церковью. Монастырь этот уже хорошо известен в 30-х годах XI в., однако он существовал и раньше, что видно из подписи под одним актом святогорского протата, датированной февралем 1016 г.: „Герасим монах, божьей милостью пресвитер и игумен обители Русского, свидетельствуя подписал собственноручно" (Actes de Lavra, ed. par G. Rouillard et P. Gollomp, I, Paris, 1937, № 18, стр. 51—52). Особенно много русских монахов собралось на Афоне в царствование императора Алексея I Комнина (ум. в 1118 г.). С 1169 г. русские на Афоне получили в свои руки крупный Пантелеймоновский монастырь (см. подробнее: Б. Мошин. Русские на Афоне, „Byzantinoslavica", IX, 1, Прага, 1947). — Имеется догадка, что местом пострижения Антония был Иверский грузинский монастырь (Карион. „Культурная роль Иверии в истории Руси", Тифлис, 1910, стр. 83—95).

И приде на холмъ, идѣ же бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не. Согласно Киево-печерскому патерику, Антоний поселился не в пещере Илариона, а в Варяжской пещере: „и обрет печеру, и вселися в ню, юже беша ископали варязи" (см. вторую Кассиановскую редакцию Киево-печерского патерика, а в нем „Нестора мниха обители манастыря Печерьскаго, сказание что ради прозвася Печерьскый манастырь"). В другом месте Киево-печерского патерика („о преподобных отець Федоре и Василии") говорится о том, что варяжская пещера служила складом для варягов: „в житии святаго Антониа поведаеть, Варяжскый поклажей есть, понеже съсуди латиньстии суть, и сего ради Варяжьскаа печера зоветься и доныне". О варяжской пещере см.: И. Малышевский. Варяги в начальной истории христианства в Киеве. Киев, 1887, стр. 24—25.

К стр. 106

И постави имъ игуменомь Варлама, а самъ иде в гору и ископа печеру яже есть подъ новымь манастырем, в ней же скончa животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис печеры лѣт 40. Антоний умер в 1072 или

1073 г. Следовательно, выходит, что Антоний „ископа печеру“ в 1032 или 1033 г. Однако это противоречит следующему факту: Антоний поставил первого игумена Варлаама, как рассказывает Житие Феодосия, написанное Нестором, в княжение Изяслава Ярославича, следовательно после 1054 г.; ср. выше в летописи также: „Изяслав же, уведев житье его (Антония), приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы“. Согласно Киево-печерскому патерику выходит, что Киево-печерский монастырь основан при Ярославе Мудром. Попытку разобраться в сложных разноречиях источников см. у А. А. Шахматова (Разыскания . . . , стр. 257 и сл., особенно стр. 269—275).

Игуменъ же и братья заложиша церковь велику. Житие Феодосия, написанное Нестором, относит построение Успенского собора Киево-печерского монастыря к 6570 (1062) г. и приписывает его построение не игумену Варлааму, как в летописи, а Феодосию: „тогда сей великий Феодосий обрет место чисто, недалече от печеры суще, и разумев, яко довольно есть на възгражение монастыря. . . в мало время възгради церковь на месте том во имя святыя и преславныя богородица и приснодевы Мариа, и оградив ѝ, поставив келие мнози, и тогда преселися с братиею на место то в лето 6570“. — Успенский собор Киево-печерского монастыря до своего разрушения фашистскими захватчиками был одним из наиболее замечательных памятников киевского зодчества XI в. По образцу Великой Лаврской церкви (Успенского собора) строились другие успенские храмы в городах и монастырях Руси.

К стр. 107

Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия. Где находился монастырь святого Дмитрия, выстроенный Изяславом, в точности не известно, однако в последнее время высказаны предположения, что известная до недавнего времени как собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве постройка на самом деле является собором Дмитрия, построенным Изяславом. К этому выводу, в частности, пришел М. К. Каргер на основании тщательного изучения топографии древнего Киева, плана и особенностей техники кладки собора, а также на основании изучения стиля и тематики его мозаик. Выстроенный же в 1108 г. (см. стр. 471) сыном Изяслава Ярославича, князем Ярополком Изяславичем собор архангела Михаила, находившийся некогда подле монастыря отца и разрушенный, повидимому, во время монгольского разгрома Киева, впоследствии при восстановлении киевских руин дал свое имя сохранившемуся собору Дмитрия. М. К. Каргер характеризует постройку Изяслава как большой трехнефный шестистолпный храм, богато декорированный мозаиками и фресками, мозаичными полами и плитами с барельефными скульптурами.

и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець. В Киево-печерском патерике указано другое имя этого чернеца: „Ефрем“, и события изложены иначе: „По

сих же посла единаго от братиа блаженный в Костянтинь град к Ефрему Скопцю, да весь устав Студийскаго манастыря принесеть, исписавь. Он же повеление преподобнаго отца нашего абие сътворь, и весь уставь монастырьскый исписавь, посла к нему. И его же приим отець нашь Феодосие, повеле почести пред братиею, и оттоле начат в своем монастыри вся творити по уставу сватыа обители Студийскыя, яко же и доныне есть учеником его сице съвръшающим" (Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 39).

манастыря Студийскаго. Студийский монастырь в Константинополе получил свое название от Студия консула, устроившего его в половине V века. Монастырь этот славился своим уставом, полузабытым в XI в., когда строгость монашества в Византии серьезно пала. В отказе от принятых в Византии уставов и в поисках строгого монашеского устава заметно осуждение Киево-печерскими монахами современного им состояния греческого монашества. Е. Е. Голубинский указал при этом на то, что Феодосием был введен Студийский устав в особо строгой редакции патриарха Алексея, составленной, кроме студийских записей, еще на основании правил древних основоположников монашества (История русской церкви, т. I, ч. 2, изд. 2, стр. 607—627).

К стр. 108

к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего. Повидимому, эти слова от первого лица принадлежат автору сказания „Чего ради прозвася Печерьскый манастырь". Они должны быть сопоставлены со схожим местом Киево-печерского патерика, в котором значится и имя автора — Нестор: „приидох же и аз к нему, худый и недостойный аз рабь Нестор, и приять мя, тогда лет ми сущу 17 от рождения моего" (Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 20).

Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьскый. По свидетельству Жития Феодосия, составленного Нестором, Печерский монастырь был основан в 1062 году: „в мало время възгради църкъвь на месте томь в имя святыя и преславьныя богородица и приснодевица Мария, и оградив, и постави келие многы; и тъгда преселися от пещеры с братиею на место то в лето 6570, и отътоле божиею благодатию въздрасте место то и бысть манастырь славьн, се же и доныне есть Печерьскый наричем". Помещение настоящего сказания „чего ради прозвася Печерьскый манастырь" под 1051 г. на первый взгляд противоречит утверждению Жития Феодосия о том, что монастырь был основан в 1062 г. Есть и другое видимое противоречие с Несторовым Житием Фео-

досия: Нестор утверждает, что Печерский монастырь был основан Феодосием (см. в Житии Феодосия: „иже от святаго отца нашего Феодосия поставлен бысть"), в летописном же сказании осторожно выражена мысль о том, что основателем монастыря был его предшественник Антоний: „Мнози бо манастыри от цесарь, и от бояр, и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньем; Антоний бо не име злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемь, яко же глаголах". На самом деле противоречие это, возможно, мнимое: летописное сказание отодвигает основание монастыря к моменту поселения Антония в пещере, потому что ищет ответа на вопрос „чего ради прозвася Печерьскый манастырь", а житие Феодосия под началом монастыря разумеет совершение келий и появлением их при Феодосии датирует основание Печерского монастыря (в отличие от вырытия пещеры).

А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ. О житии Феодосия Печерского в целом в „Повести временных лет" не говорится, но под 1074 г. рассказывается о кончине Феодосия („скажем же о успеньи его мало"). Возможно, что слова „паки скажем" имеют в виду именно эту статью 1074 г., в таком случае они не точны, так как статья эта охватывает не всю жизнь Феодосия, а только ее конец. Однако, возможно, что „Повесть временных лет" или предшествующие ей своды действительно содержали житие Феодосия Печерского, которое было затем опущено кем-то из летописцев.

В лѣто 6560. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду *1052*
30-х годов XV в., под этим годом читаем дополнительно: „Того же лета начало Печерьскому монастырю от Антония, а в Киев пришли три певци: приидоша из грек с роды своими" (Софийская первая летопись). Однако многие из поздних летописей помещают это известие под другими годами, ввиду спорности уже в древности вопроса о том, когда возник Киевопечерский монастырь. Так, например, в Львовской летописи известие это помещено под 1017 г., в летописи Авраамки — под 1037 г. и др. Часть летописей ставит в связь это прибытие трех певцов с установлением на Руси демественного пения (составители Тверского сборника, Степенной книги и др.).

Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль старей, Новѣгородѣ. Здесь в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., читается следующее уточнение: „месяца октября в 4 день, в неделю" (Софийская первая летопись, Новгородская четвертая и др.). В мартовском 1052 г. 4 октября, действительно, приходилось на „неделю" (воскресенье). То же известие, но без добавления „в неделю", читается и в Синодальном списке Новгородской первой летописи.

У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ от царицѣ *1054*
грькынѣ. Всеволод Ярославич был женат на принцессе из дома Константина

Мономаха. Родившийся у них в 1053 г. сын Владимир был прозван по матери Мономахом. Византийские императоры высоко ставили свое родство и обычно не роднились с западноевропейскими владетельными домами. Между тем, с русскими князьями их брачные союзы не редки. Дочь Владимира (Володаря) Ростиславича была замужем за сыном императора Алексея Комнина. Мономаховна Марица (или Мария) была замужем за Леоном Диогеном, сын ее Василько Леонович (Маричич) погиб на Руси в 1136 г. Неизвестная нам по имени дочь Мстислава Владимировича (сына Мономаха) вышла замуж в 1122 г. за византийского принца; также — в 1193 г. Евфимия Глебовна, внучка Святослава Всеволодовича Киевского. Из Повести о разорении Рязани Батыем известно, что жена незначительного заразского князя Феодора Евпраксия была также из византийского императорского дома и т. д.

Преставися великый князь русьскый Ярославъ. Прологи относят кончину Ярослава к 20 февраля.

великый князь русьскый Ярославъ. Не является ли титулование Ярослава „великим князем“ дополнением позднейшего переписчика? Ипатьевская летопись опускает эпитет „великий“. Зато Ипатьевская летопись называет Владимира Мономаха „великим князем всея Руси“. Этот титул „всея Руси“ — уже явная вставка переписчика. Так стали титуловаться великие князья только в XIV в. (М. А. Дьяконов. „Кто был первый князь «всея Руси»? Библиограф, 1889, № 1). Великим князем поименован также в Ипатьевском списке Владимир Святославич под 1015 г., однако А. А. Шахматов предполагает здесь позднейшую вставку (Разыскания . . ., стр. 401).

И еще бо живущю ему [Ярославу], наряди сыны своя, рекъ имъ. Из слов „рек им“ явствует, что Ярослав дал свой ряд сыновьям не в письменном виде, а в устном. Действительно, весь последующий текст завещания приводится в настолько общих выражениях, что нет оснований предполагать в руках у летописца какие-либо письменные материалы, например копию с завещания. Летописец передал лишь самое общее содержание „ряда“ Ярослава. Исследователи давно обратили внимание на связь статьи 1054 г. с летописной статьей 1073 г., где рассказывается о распре между сыновьями Ярослава (Н. В. Шляков. 850 лет со дня кончины вел. кн. Ярослава I Мудрого. СПб., 1907, отд. оттиск из ЖМНП). Летописец дважды ссылается в описании вражды Ярославичей на нарушение заповеди Ярослава. Возможно, поэтому, что заповедь Ярослава помещена под 1054 г. около этого 1073 г. в назидательных целях, чем, впрочем, не подвергается сомнению правдивость передачи летописцем наставлений Ярослава. О ряде Ярослава см. в исследовании А. Е. Преснякова: Княжое право, СПб., 1909, стр. 34—42.

Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, яко же послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто. В этих словах Ярослава — попытка сохранить

начало старейшинства при наличии раздела владений между членами княжеской семьи. Эта попытка опиралась не только на начала семейного согласия и семейного послушания, но подкреплялась и тем, что в руки старшего сына отдавался киевский стол, признанный центр Русской земли.

Се же поручаю .. Изяславу Кыевъ... а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль. В более полном виде о разделе русских городов между этими тремя сыновьями Ярослава читается под 989 г. в Новгородской первой летописи в перечне русских князей: „и разделиша землю, и взя больший Изяслав Кыев и Новъгород и иныи городы многы киевьскыя во пределех; а Святослав Чернигов и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье". В этом перечне несомненно отразились сведения из предшествовавшего „Повести временных лет" Начального свода. В „Повести временных лет" часть городов из „ряда" Ярослава была убрана как не соответствовавшая разделу вотчинных городов на Любечском съезде. Убраны были в первую очередь Новгород и северо-восточные города.

а Игорю Володимерь. А. А. Шахматов считает, что пропуск слов „а Игорю Володимерь" в основных списках „Повести временных лет" не случаен: „скорее всего он сделан в угоду политике Святополка, удержавшаго Володимерь для себя, посадившего в нем сына Ярослава и опасавшегося притязаний на Володимерь со стороны Давыда Игоревича; последние основывались, конечно, на завещании Ярослава" („Повесть временных лет". Пгр., 1917, стр. XXV). Напомним, что со Святополком Изяславичем связывается А. А. Шахматовым составление первой редакции „Повести временных лет". Слова „а Игорю Володимерь" сохранились в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., использовавшему в своем составе предшествовавший „Повести временных лет" Начальный свод. В частности, они сохранились в Московско-академическом списке, испытавшем на себе влияние Софийской первой летописи.

Изяславу тогда сущю... Такое чтение — в Лаврентьевской, Радзивиловской и в Новгородской первой летописях. Однако в Ипатьевской летописи и Хлебниковском списке пропуск места, где сидел Изяслав, восполнен: „Изяславу тогда в Турове князящю". Иное чтение находим в поздних новгородских летописях: „Изяславу тогда сущю Новегороде" (ср. Софийскую первую летопись и др.).

в суботу 1 поста святаго Феодора. Первая неделя Великого поста называлась Федоровой. — Ипатьевская летопись и Комиссионный список Новгородской первой летописи уточняют дату смерти Ярослава: Ипатьевская — 20 февраля, Комиссионный — месяца февраля. О дате смерти Ярослава см.: А. А. Куник. Известны ли нам год и день смерти в. кн. Ярослава Владимировича? 1897; Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Моно-

маха, 1900, стр. 112; Н. В. Шляков. 850 лет со дня кончины в. кн. Ярослава I Мудрого. 1907; Н. В. Степанов. Таблицы для решения летописных задач на время. Известия ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 2.

Всеволодъ же спрята тѣло отца своего възложьше на сани везоша й Кыеву. Перевезение покойного на санях — часть древнерусского погребального обычая. На санях хоронили Владимира Святославича (1015 г.), Бориса и Глеба (1015 г.), Святополка-Михаила (1113 г.) и мн. др.

К стр. 109

положиша й в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ. Мраморный саркофаг, в котором похоронили Ярослава, до сих пор стоит в Софии Киевской (см. фото выше в части I).

Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., к этому известию добавлено: „и посади Остромира в Новегороде. И иде Остромир с новогородци на чюдь. И убиша й чюдь, и много паде с ним новогородьцев. И пакы Изяслав иде на чюдь и взя Осек Кедипив, сиречь Слънца Рука“. Однако из записи в Остромировом евангелии 1057 г. видно, что посадник Остромир был еще жив в 6564—6565 г. Из этого следует, что это известие летописи первоначально не было точно определено хронологически. Отнесение его к 1054 (6563) г. — позднейшее и ошибочное. Также, возможно, хронологически неточны и другие известия, восходящие к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в. — Упоминаемый в этом известии город „Слънца Рука“ находился в области эстонской чуди. — В той же группе летописей читается под тем же годом и следующее известие: „Того же лета клевета бысть на архиепископа Луку от своего холопа Дудики. И изыде из Новагорода, и иде к Киеву, и осуди й митрополит Ефрем, и пребысть тамо 3 лета“ (Софийская первая летопись, ср. др.). Известие это продолжено под 1058 г.: „Того же лета архиепископ Лука прия престол свой в Новегороде и свою власть. Дудици же холопу устнь и нос срезаша и обе руце усекоша“ (там же; в Новгородской четвертой затем следует текст поучения Луки Жидяты „к братии“). Любопытная прибавка к имени противника епископа Луки Дудики читается в Никоновской летописи под 6563 и 6565 гг.: „и осуди его (Луку Жидяту, — *Д. Л.*) митрополит Ефрем по Дудикиным речем и злых его другов Демьяна и Козмы клеветам“ и ниже: „холопу же Дудеке оскомины беша: урезаша ему носа и обе руце отсекоша, и побежа в немцы; сице же и его лукавым советником, Козме и Дамиану, достойное воздаша по злодеанию их“. Известие Никоновской летописи восходит к новгородским летописям и, возможно, древнее. Козьма и Демьян — святые, покровители ремесленников. Не шла ли здесь первоначально речь о людях прихода Козьмы и Демьяна? В таком случае добавление Никоновской летописи свидетель-

ствует о каком-то факте социального движения ремесленников против епископа. Оно было использовано митрополитом-греком, поскольку оно было направлено против русского епископа. — Под тем же 1054 г. после известия о похоронах Святослава в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., читается дополнительно: „И по сем разделиша Смоленск на три части“ (Софийская первая летопись и др.). В Тверской летописи и некоторых других это известие читается под 1060 г.

к Воиню. Воинь — пограничный со степью город южнее Переяславля Русского.

В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половьци. Половцы — народ тюркского происхождения (о чем свидетельствует небольшой словарик — „Толкование языка половецкого“, помещенный в макариевских Великих Четьих Минеях за август на листе 603 об. рукописи, а также латино-персидско-половецкий словарь, составленный в начале XIV в. и хранящийся в Венеции). Под именем „половцев“ и „команов“ они были известны в Византии, „кунов“ — в Венгрии, „кипчаков“ — в Грузии. Появившись в южнорусских степях, они очень быстро покорили себе печенегов и остатки торков (см. ниже, стр. 392) и сделались полными хозяевами всей степи от Яика и до Дуная. Уже в XI в. мусульманские писатели называют весь этот район „Дешт-и-кипчак“, т. е. Кипчакской (половецкой) степью. См. литературу о половцах в статье А. И. Попова. „Кыпчаки и Русь“, Ученые записки Ленингр. Гос. университета, Серия исторических наук, вып. 14, Л., 1949.

В лѣто 6564. Год 6563 пропущен и в „Повести временных лет“, и в спис- *1056*
ках Комиссионном и Академическом Новгородской первой летописи (отражающей предшествовавший „Повести временных лет“ Начальный свод). Возможно, что летописец, проставлявший даты, был введен в заблуждение заголовком „Начало княженья Изяславля Кыеве“, мысленно отнеся его к 6563 г.

и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше. Форма третьего *1057*
лица множественного числа „посадиша“ здесь вполне закономерна: речь идет о совместных действиях трех Ярославичей.

Побѣди Изяславъ голядь. Голяди — неизвестный народ около Смоленска. *1058*
Ср. в Ипатьевской летописи под 1147 г.: „а ко Святославу присла Юрьи, повеле ему Смоленьскую волость воевати; и шед Святослав и вэя люди голядь, верх Поротве“.

сидѣ бо лѣт 20 и 4. Софийская первая летопись, Никоновская, Вос- *1059*
кресенская, псковские и мн. др. прибавляют: „в Пскове“.

В лѣто 6568. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому *1060*
своду 30-х годов XV в., здесь читается дополнительно следующее известие: „Преставися архиепископ Лука (Жидята, — *Д. Л.*), идя ис Киева, на Копысе,

месяца октября 15. Того же месяца предан бысть гробу своим крилосом, бывшу ему епископом лет 23“ (см. Софийскую первую летопись и др.). По поводу этого последнего замечания: „бывшу ему епископом лет 23“ составитель Тверского сборника пишет: „Се же считает выклад лета, которые Лука на столе был, а тех не считает, что был Лука три лета в Киеве, оклеветанъ (см. стр. 389, — *Д. Л.*); а всех лет его, от поставлениа до смерти, лет 27; то есть Жирята (вернее — Жидята, Жидислав; по своему русскому, нехристианскому имени, — *Д. Л.*). А от Акыма (первого новгородского епископа, предшественника Луки Жидяты, — *Д. Л.*) 3 лета владыкы не было в Новегороде“. — В Софийской первой и Новгородской первой летописях младшего извода под тем же годом сообщается о походе Изяслава на Сосол: „Того же лета ходи Изяслав на Ссолы и данъ заповеда 2000 гривен. Они же поручьшися и изгнаша данникы. На весну же пришедше, повоеваша села в Юрьеве и град и хоромы пожьгоша и много зла створиша и до Пьскова доидоша, воююще. И идоша пьсковичи противу им и новгородци на сечю. И паде Руси 1000, а Ссол бес числа“ (Софийская первая летопись). Сосолы — народ, живший на запад от Чудского озера, южнее Юрьева. — В перечне русских князей, читающемся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г., сказано, между прочим: „Изяслав посади сына свого Мьстислава (в Новгороде)“. Очевидно, что это событие, сведений о котором в других местах летописей нет, произошло после этого 1060 года, когда Изяслав был в Новгороде.

Се слышавше торци, убояшася, пробегоша и до сего дне. Упоминание о торках появляется в летописи вновь только под 1080 г., когда они напали на Русь, но были побеждены. Следовательно, летописец, писавший о торках, что они „пробегоша и до сего дня“, работал, во всяком случае, до 1080 г. Разбитые в 1060 г. русскими князьями торки в 1064 г. переправились через Дунай, захватили Дунайскую равнину, опустошили Македонию и Фракию, а затем подступили к стенам Константинополя. Здесь, действуя золотом, греки заставили торков повернуть назад. Часть торков умерла от повальных болезней, многих греки истребили и забрали в плен. Остатки частью были поселены в Македонии, частью переправились назад за Дунай и были расселены русскими по своим городам (В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 26—29).

1061 В лѣто 6569. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом приводится следующее сведение: „Того же лета поставлен бысть Новугороду архиепископ Стефан“ (Софийская первая летопись и др.), после чего в Тверском сборнике читается следующее не совсем ясное известие: „а в Новегороде лета того еще князь Ростиславъ Владимеричь“ (очевидно, „поставлен“ или „княжил“). Однако в перечне князей, читающемся в Новгородской первой летописи под 989 г., князь Ростислав как новгородский князь не значится.

Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день. Это — первая точная дата для светского события в „Повести временных лет". До 1061 г. в „Повести временных лет" точно датированы только те события, которые имели отношение к церковной службе (даты смертей, освящение храмов и т. п., необходимые для соответствующих богослужений). С 1061 г. цепь точно датированных светских событий идет непрерывно, ясно указывая тем на своевременность летописного записывания событий. Весьма важно при этом отметить, что после первой точной даты 1061 г. следующие точные даты падают на события в Тмуторокани, а с 1067 г. возвращаются на Русь. Повидимому, обстоятельство это следует поставить в связь с деятельностью печерского монаха Никона, в 1062 г. отправившегося из Киева в Тмуторокань и в 1067 г. вернувшегося на Русь: в Никоне есть все основания видеть летописца (см. об этом подробнее вступительную статью).

Бысть же князь ихъ Искалъ. Ипатьевская летопись дает несколько иную форму имени половецкого князя: „Сокал". В. Н. Татищев на основании неизвестных источников сообщает, что Искал вторично пришел в 1064 г. на Русь, но был разбит Изяславом (История Российская с самых древнейших времен, кн. 2. СПб., 1773, стр. 117).

В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. Вряд ли это *1063*
обратное течение Волхова придумано летописцем или теми, кто сообщал ему о новгородских событиях. В новгородских летописях говорится об обратном течении Волхова неоднократно (6634, 6381, 6834, 7033 и другие годы). Гидрографы утверждают: „При низком уровне Ильменя в засушливые годы иногда наблюдается временное обратное течение воды Волхова у Новгорода" (сб. „Северо-запад РСФСР", изд. Института географии Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 103).

К стр. 110

Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю. Никоновская летопись и Тверской *1064*
сборник уточняют это известие добавлением: „из Новагорода". С. М. Соловьев, следуя В. Н. Татищеву, считает, что Ростислав бежал с Волыни. М. С. Грушевский считает, что Ростислав бежал из Червенских городов, где впоследствии получили надел его сыновья (Історія України, т. II, стр. 46 и 363).

и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромирь воеводы новгородьского. Порей — киевский воевода. Еще раз он упоминается под 1078 г., когда Порей и несколько других знатных киевлян были убиты в битве с половцами. Вышата был воеводой Владимира Ярославича в его походе на Византию 1043 г. (см. „Повесть временных лет"). В этом походе Вышата попал в плен к грекам и, возможно ослепленный, вернулся на Русь через три года. Он и его сын Ян (см. стр. 781) делились с летописцами своими воспоминаниями и рассказывали им о своих предках. Предки Яна Вышатича

и Вышаты Остромирича выясняются довольно точно: Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, посадник Остромир был сыном посадника Константина, Константин — сыном известного Добрыни, дяди Владимира I Святославича, Добрыня был сыном Мстиши Свенельдича, Мстиша Свенельдич — сыном Свенельда, воеводы Игоря. Обо всех представителях этого знатного рода летопись донесла до нас сведения, заимствованные из устных рассказов последних двух представителей этого рода. Попытка определить эти сведения, восходящие к рассказам Вышаты и Яна, и их общую тенденцию героизации этого рода см. в моей работе: Устные летописи в составе „Повести временных лет". Исторические записки, № 17, М.—Л., 1945. См. также историко-литературный очерк, стр. 14 и сл.

И пришедъ выгна Глѣба изъ Тмуторокана. С именем Глеба Святославича связывается происхождение знаменитого Тмутороканского камня с надписью: „В лето 6576 (1068, — *Д. Л.*) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмуторакани до Кърчева (город на противоположной от Тмуторокани стороне Керченского пролива, — *Д. Л.*) — 8054 сажен" (камень этот хранится в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР). Следовательно, Глеб был тмутороканским князем еще в 1068 г., но 1069 год застает его уже в Новгороде. О Тмутороканском камне существует большая литература и большое разноречие во мнениях (А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936).

1065 В лѣто 6573. В Новгородской четвертой летописи под этим годом читается дополнительно следующее известие, очевидно, псковского происхождения: „князь Всеслав Полочкый был у Пьскова ратью и перси бил порокы" (см. также об этом в некоторых псковских летописях).

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю. В Новгородской первой летописи появление этой кометы записано под 1066 г. По вычислениям астрономов на март и апрель 1066 г. (перигелий 27 марта) падало появление кометы Галлея. Вечером появляться она стала только с 24 апреля 1066 г. Запись о ней в „Повести временных лет" под 1065 г. не означает ошибки летописца: летописец определяет время ее появления приблизительно: „в си же времена". Под 1065 же год летописец поместил это известие в связи с предшествующими словами: „В се же лето Всеслав рать почал", как предзнаменование усобиц, начатых Всеславом.

Сѣтомль — река вблизи Киева.

Пред симь же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть. Затмение солнца имело место в предшествующем 1064 г.,

что и обозначено летописцем словами „пред симь же временемь". По данным Д. О. Святского, оно было 19 апреля 1064 г., около 4 часов дня, и проходило через нынешний Ленинград и Новгородскую область на Вологду („Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения", Известия Отделения русского языка и словесности АН, 1915, т. XX, кн. I, стр. 102—104).

его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Народные поверья о том, что солнце во время затмения пожирается темными силами, распространены у многих народов.

Се же бывають сица знаменья не на добро. Все приведенные затем исторические примеры различных „знамений" имеются в Хронике Георгия Амартола и его продолжателя, но взяты они летописцем не непосредственно из Хроники Амартола, а из русского компилятивного хронографа, типа Еллинского летописца, который включил в свой состав выдержки из Амартола и его продолжателя (А. А. Шахматов. „Повесть временных лет" и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 58—60). Летописец хорошо владел материалом всемирной истории. Выдержки из хронографа приводятся им в умелом сокращении.

Яко же древле, при Антиосѣ. Антиох IV Епифан — сирийский царь из династии Селевкидов (174—163 гг. до н. э.), враг евреев.

при Неронѣ цесари. Нерон — римский император (царствовал с 54 по 68 г. н. э.).

при Устиньянѣ цесари. Юстиниан Великий — восточно-римский император (царствовал с 527 по 565 г. н. э.).

К стр. 111

при Маврикии цесари. Маврикий — византийский император (царствовал с 582 по 602 г. н. э.).

при Костянтинѣ иконоборци цари, сына Леонова. Константин V Копроним — византийский император (царствовал с 741 по 775 г. н. э.), сын Льва III Исавра.

расѣдшися трий поприщь. Поприще — мера длины около 700 м.

послаша с лестью котопана. „Котопан" от среднегреческого слова *1066*
ὁ κατεπάνω — глава, руководитель, вероятно, стратиг. — Почему котопан отравляет Ростислава? В. В. Мавродин, исходя из точного смысла летописного текста, предполагает, что греки были обеспокоены экспансией Ростислава в сторону Кавказа и Тавриды (см. в начале статьи 1066 г.: „Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у касог и у инех стран, сего же убоявшеся греки"). См. работу В. В. Мавродина: Славяно-русское население нижнего Дона и северного Кавказа в X—XIV вв. Ученые записки

Ленингр. педагог. института им. Герцена, т. XI, 1938, стр. 251. Ср. также: А. Н. Насонов. Тмуторокань в истории Восточной Европы в X в. Исторические записки, № 6, 1940, стр. 96—97. А. Л. Якобсон предполагает иное. Исходя из представлений М. Д. Приселкова о заинтересованности якобы Византии в поддержке союза трех Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода, — А. Л. Якобсон предполагает, что котопан отравил Ростислава как противника этих Ярославичей по приказу из Византии (А. Л. Якобсон. Херсонес и Киевская Русь в XI в. Вестник Ленинградского университета, 1949, № 4, стр. 109—110). Такое толкование не учитывает, однако, смысла летописного текста („сего же убоявшеся греки") и основано на гипотезе М. Д. Приселкова, которая сама нуждается в доказательствах.

Сего же котопана побиша каменьемъ корсуньстии людье. Большинство исследователей считает, что убийство котопана было совершено корсунянами в отместку за отравление Ростислава и при этом тотчас же по возвращении котопана в Корсунь. В. В. Мавродин в своей работе „Славяно-русское население нижнего Дона и северного Кавказа в X—XIV вв." (Ученые записки Ленингр. педагог. института им. Герцена, т. XI, Л., 1938, стр. 252) предполагает, что котопан был убит корсунскими „купцами, заинтересованными в торговле с Тмутороканью". Иначе смотрит на это убийство А. Л. Якобсон, правильно указавший, что в летописном тексте нельзя видеть никаких признаков того, что котопан был убит немедленно по возвращении в Корсунь и именно за то, что отравил русского князя. Вероятнее, что летописец привел сведение об убийстве котопана только для того, чтобы показать „возмездие божие" за отравление Ростислава. Однако А. Л. Якобсон в противоречии с историей летописного текста считает, что котопан был убит во время восстания корсунян 1073—1074 гг. (А. Л. Якобсон. Херсонес и Киевская Русь XI в. Вестник Ленинградского университета, 1949, № 4, стр. 110 и сл.). Вся статья об убийстве Ростислава составлена одним лицом — Никоном, работавшим в пределах до 1073 г. Поэтому очевидно, что убийство котопана должно было произойти раньше.

1067 Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ. В Синодальном списке Новгородской первой летописи читаем под 6574 г.: „Приде Всеслав и възя Новъгород, с женами и с детми; и колоколы съима у святыя Софие, — о, велика бяше беда в час тый! и понекадила съима". В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., соединены известия „Повести временных лет" и протографа Синодального списка, но дана, впрочем, и новая деталь о том, что Новгород был взят только до Неревского конца: „В лето 6575 (поправка по „Повести временных лет", — *Д. Л.*) заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полотеский и зая Новъгород до Неревьскаго конца и пожже и поима все у святей Софии: и паникадила, и колоколы и отиде" (Софийская первая летопись). Повидимому, именно о поражении новгородцев говорит перечень русских князей,

читающийся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. вслед за статьей о крещении Новгорода: „Изяслав посади сына своего Мьстислава (в Новгороде, — *Д. Л.*), и победиша и на Черехи (река около Пскова, — *Д. Л.*); бежа к Кыеву, и по взятьи города преста рать“. Перечень этот содержит и другие древние исторические сведения, нигде в летописях более не встречающиеся. Через два года Мстислав был уже в Киеве.

К стр. 112

ко Мѣньску. О городе Минске на Свислоче (правом притоке Березины) см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 88.

к Немизѣ. Немига, повидимому, речка, на которой стоял Минск, приток Свислочи; ныне пересохла.

И совокупишася обои на Немизѣ... И бысть сѣча зла, и мнози падоша „Слово о полку Игореве“ так описывает битву на Немиге: „На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ“. Бессмысленность междоусобной битвы подчеркнута здесь противопоставлением ее мирному труду.

мѣсяца иуля въ 10 день. В Ипатьевской летописи иная дата: „месяца июня в 10 день“ (то же в Воскресенской и Никоновской).

на Рши. Рша, повидимому, селение у Смоленска, но может быть и река.

В лѣто 6576. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому *1068* своду 30-х годов XV в., под этим годом читается дополнительно следующее известие: „И иде владыка Стефан в Киев и тамо свои холопи удавиши его“ (см. Софийскую первую летопись и др.). Речь идет о новгородском епископе Стефане — преемнике Луки Жидяты.

Наводить бо богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю. От этих слов и до слов „по божью повеленью приемлем казнь грех ради наших“ читается текст „Поучения о казнях божиих“, вставленного в летопись. Некоторыми исследователями „Поучение“ это приписывалось Феодосию Печерскому, но оснований к этому недостаточно (см. об этом: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 170 и сл.). При введении в летопись это, несомненно русское по своему происхождению, поучение разорвало связное изложение летописного текста: „Грех же ради наших пусти бог на ны поганыя, и побегоша руськыи князи, и победиша половьци. Изяславу же со Всеволодом Кыеву побегшю...“. Разорванное вставкой „Поучения“ изложение летописи летописец связал вслед за „Поучением“ словами: „мы же на предълежащее паки възвратимся“. Повидимому, „Поучение“ это составлено

в 1068 г. после поражения русских князей на Альте, в результате вызванного этим поражением во многих слоях русского общества недовольства. В начале оно в сильных выражениях говорит об усобной рати русских князей и о нашествии „поганых“. В средней своей части оно в значительной своей части берет материал из „Слова о ведре и о казнях божиих“, читающегося в русских списках Златоструя (церковная аргументация обычно повторяется в произведениях средневековой литературы). Конец „Поучения“ вновь тесно соприкасается с русскою действительностью.

К стр. 114

Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Весьма любопытные дополнения к списку тех встреч, которые суеверные люди считают дурными признаками, дает Никоновская летопись: „или инокиню, или попа, или жену“, „или конь лыс“; к словам „Повести временных лет“ „то възвращается“ Никоновская летопись добавляет: „то плюют и возвращаются назад“.

и русальи. Русалии — праздник поминовения умерших предков.

Изяслав же сего ие послуша. Очевидно, что Изяслав отказался вооружить киевлян, опасаясь, что оружие будет обращено против него самого.

И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька. Не ясно, почему киевляне были недовольны воеводой Коснячком. В. Н. Татищев на основании неизвестных нам источников сообщает, что народ приписывал ему поражение от половцев (История Российская с самых древнейших времен, кн. 2, СПб., 1773, стр. 120). Коснячко упомянут в заголовке Правды Ярославичей как один из ее установителей.

у двора Брячиславля — Брячислава Изяславича Полоцкого.

Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со князем, стояще долѣ. Сени княжеского двора представляли собой крытую галерею второго этажа, опиравшуюся на столбы. Сени были достаточно просторны, на них часто происходили пиры и совещания. См. подробнее выше, стр. 328.

людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша й средѣ двора къняжа. Об этом поставлении князем Всеслава восставшими киевлянами, потребовавшими у Изяслава оружия и коней, автор „Слова о полку Игореве“ говорит в следующих выражениях: „На седьмомъ вѣцѣ Трояни (предполагаю: на последнем веке языческого бога Трояна, иначе: напоследок языческих времен, — *Д. Л.*) връже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу (попытал счастья о Киеве, — *Д. Л.*). Тъй (Всеслав, — *Д. Л.*) клюками (хитростями, — *Д. Л.*) подпръ ся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружиемъ злата стола киевьскаго“.

В „Слове“, как видно из этого отрывка, приписана Всеславу активная роль в своем освобождении.

К стр. 115

кунами и бѣлью. Не ясно, что следует иметь в виду под „белью“: мелкую ли серебряную монету (как предполагают некоторые исследователи), или беличьи шкурки. Здесь, во всяком случае, следует принять во внимание показание Ипатьевской летописи, где слово „белью“ заменено „скорою“, т. е. мехом („и кунами и скорою“), а также аналогичное показание Новгородской первой летописи младшего извода („и кунами и скорою“). Таким образом, „куна“ — это безусловно не мех, так как она меху противопоставлена, но „бель“ и „скора“ (мех), очевидно, отожествлялись (стр. 481).

Изяслав же бѣжа в Ляхы. Изяслав Ярославич бежал в Польшу к Болеславу II. В 1069 г. (см. текст) Изяслав отправляется в поход вместе с Болеславом против Всеслава Полоцкого. Союз Изяслава с поляками рассматривался русским населением как измена русскому народу. В 1069 г. Святослав и Всеволод потребовали от Изяслава покинуть поляков, как непременное условие его возвращения в Киев; они послали ему сказать: „Всеслав ти бежал, а не води ляхов Кыеву, противна бо ти нету; аще ли хощеши гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола“. Изяслав „оставил“ поляков, взяв их с собою только „мало“ и распустил в Киеве на покорм. Результатом этого было народное возмущение: „и избиваху ляхы отай“ (см. под 1069 г.). Вслед за Болеславом Изяслав обращался за помощью к императору Генриху IV (в конце 1074 г.) и к папе Григорию VII.

Посемь же половцемъ воюющим по землѣ Русьстѣ... И възвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ. Абзац этот А. А. Шахматов без достаточно веских оснований признает вставкою из какой-то черниговской летописи XI в., нигде более в „Повести временных лет“ не отразившейся (Разыскания ..., стр. 169).

ко Сновьску. Сновск — город в Черниговском княжестве при впадении реки Сновь в Десну, ныне Седнев. Старейший центр Северской земли (А. Андрияшев. Нарис історії колонізації Сіверскої землі до початку XVI в., Записки історично-філологичного відділу Всеукр. Ак. наук, 1928, кн. XX, стр. 104).

В лѣто 6577. В Синодальном списке Новгородской первой летописи *1069* под этим годом после известия о бегстве Всеслава к Полотску читается следующее сообщение, отсутствующее в „Повести временных лет“: „В то же лето, осень, месяця октября в 23, на святаго Якова брата господня, в пятничю, в час 6 дни, опять приде Все... (окончание слова на нижнем углу листа оторвано, — *Д. Л.*) к Новугороду; новгородци же поставиша пълкъ

противу их, у Зверинця, на Къземли; и пособи бог Глебу князю с новгородци. О, велика бяше сеця вожяном! И паде их бещисльное число; а самого князя отпустиша бога деля; а на заутрие обретеся крест честный Володимирь у святей Софие Новегороде, при епископе Федоре". Сходный текст (без некоторых уточнений) читаем и в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., где, однако, объяснено, что нашедшийся крест был взят Всеславом из Софии новгородской: „а заутра обретеся князя Владимира крест в святей Софии на полатах, его же взял бе князь Всеслав ратию в святей Софии" (см. Софийскую первую летопись и др.). Заметим, что 23 октября в 1069 (мартовском) году, действительно, падало на пятницу.

И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Об этом бегстве Всеслава „Слово о полку Игореве" говорит в следующих выражениях: „Скочи отъ нихъ (киевлян, — *Д. Л.*) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ".

К стр. 116

зажегше град свой, ступим въ Гречьску землю. По поводу этой угрозы В. В. Мавродин пишет: „Кто же собирался выселиться в Греческую землю? Смерды, ремесленники, холопы? Конечно, нет. Такая угроза могла исходить только от тех, кто с Греческой землей был связан, и связан крепко, материально, кто боялся потерять эту связь из-за неумелой политики Изяслава и неудачной его борьбы с отрезающими торговые пути в Византию половцами, а таковыми были купцы — гречники (так назывались купцы, торговавшие с Грецией, — *Д. Л.*)" (В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 170—171).

И пришед Мьстиславъ, исѣче кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Эти резкие укоризненные слова печерского летописца должны быть сопоставлены с его сочувствием (под 1068 г.) освобождению Всеслава восставшими. Очевидно, что печерский летописец был в данном случае на стороне „кыян", расправу с которыми он так строго осудил. Вот почему вслед за возвращением Изяслава из Польши последовала его расправа и с Антонием Печерским: „В си же времена приключися прити Изяславу из ляхов, и нача гневатися Изяслав на Антонья из Всеслава. И прислав, в ночь поя Антонья Чернигову" (под 1074 г.; самые события относятся, однако, к более раннему времени). Новые серьезные разногласия Печерского монастыря с киевским князем произошли в 1073 г. при Святославе. О вражде Святослава и Феодосия Печерского см. в „Киево-печерском патерике" (под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 66—69). См. историко-литературный очерк, стр. 82 и сл.

Изяславъ же възгна торгъ на гору. Повидимому, Изяслав, боясь народных возмущений, начинавшихся обычно на торгу, перевел последний на гору — в город, где можно было легче контролировать его.

Всеславу же бѣжавшю. Грамматическая конструкция дательного самостоятельного здесь явно оборвана. Возможно, что здесь читались слова „и погоре Подолие", читающиеся здесь в Синодальном списке Новгородской первой летописи. Во всяком случае, в Синодальном списке слова эти взяты из киевской летописи, поскольку имеется в виду киевское „Подолие" (в Новгороде Подола нет). Кроме того, следует обратить внимание на то сведение, которое сообщает летопись (сходная с Тверским сборником) Публичной библиотеки в Ленинграде из Толстовского собрания № 145, где сказано „Всеслав бежа в Варяги".

В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ 1070
Всеволожи. Ипатьевская летопись разъясняет: „на Выдобычи". Речь, следовательно, идет о Выдубицком монастыре. Освящена церковь была в 1088 г. (см. текст).

Воеваша половци у Растовьця и у Неятина. Ростовец и Неятин — 1071
города к юго-западу от Киева.

у Голотичьска. Голотичьск — город в Полоцком княжестве.

и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской. Это „пророчество" волхва следует сопоставить со словами киевлян, обращенными к Святославу и Всеволоду, на вече в 1069 г.: „зажегше град свой, ступим в Гречьску землю". — Помещая свой рассказ о „пророчестве" волхва под 1071 г., летописец определяет его время не ясно „в си же времена" в отличие от вышеприведенного под тем же годом сведения о победе Ярополка над Всеславом, которое определено „в се же лето". На основании вышеприведенного сопоставления с угрозой киевлян под 1069 г. можно думать, что „прореченне" волхва произошло тогда же — в 1069 г. Не случайно восстание киевлян 1067 г., поставивших на княжеском столе князя-кудесника Всеслава Полоцкого (ср. его характеристику в „Слове о полку Игореве"), связывают отчасти с реакцией древнерусского язычества.

К стр. 117

Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области. Последующий длинный рассказ о восстании волхвов на Белоозере, затем рассказ о посещении кудесника новгородцем и рассказ о появлении волхва в Новгороде при князе Глебе сосредоточены под 1071 г. не потому, что все они описывают события, случившиеся в 1071 г., а потому, что летописец в нраво-

учительных целях решил сосредоточить в одном месте все рассказы о волхвах. Он и сделал это под 1071 г., но не ясно — почему. Неопределенность времени восстания волхвов отмечена самим летописцем словами „бывши бо единою скудости...“. Во всех рассказах о волхвах, собранных под 1071 г., есть общая, роднящая их черта: во всех заметно стремление опровергнуть народную веру в присущий якобы волхвам дар высшего знания и ясновидения.

ту же нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. Восстание было направлено, следовательно, против „лучших жен“, хранительниц запасов. Вот что говорит о причинах этого восстания Н. Н. Воронин: „Причины этого восстания очень близки по мотивам причинам восстания 1024 года. Как и тогда, восстание связано с Волгой, — видимо, волжская торговля особенно ускоряла расслоение общины и быстрое формирование слоя «лучших людей»; здесь, следовательно, резче обострялись социальные противоречия внутри общины. Судя по этнографическим параллелям, «держание гобина» этой привилегированной общинной верхушкой использовалось для целей коллективного отправления культа, а в случае голода было общим страховым фондом, ослаблявшим бедствия «скудости» (Н. Л. Гондатти. Следы языческих верований у маньзов. ИОЛЕА, т. 46, вып. 4, стр. 51). Но эти общинные запасы, видимо, стали недоступны всем общинникам: «лучшие люди» узурпировали их; они, по словам волхвов, «держат обилие», используя, вероятно, эти запасы в целях закабаления общинников. Запасы находились в ведении «лучших жен», т. е. «большух гобиньных домов» (выражение Изборника Святослава 1073 года), и потому на них и обрушивались восставшие. По представлениям волхвов, только поголовное истребление этих «лучших жен» и конфискация их «имения» вернут «гобино» снова в лоно общинной собственности и восстановят «золотой век» патриархального строя, не раздираемого муками имущественного неравенства и угнетения“ (Н. Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. Исторический журнал, 1940, № 2, стр. 56). См. литературу о восстании: В. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 487—488; А. В. Арциховский и С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 7—8; А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-смоленской земле. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 11—12, 1934; В. В. Мавродин. К вопросу о восстании смердов. Там же, № 6, 1934; М. Н. Мартынов. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI века. Ученые записки Вологодского пединститута, т. IV, 1948.

Она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу. Как это происходило, можно себе отчасти представить на основании того этнографического материала, который сообщает П. И. Мельников (Пе-

черский) в статье „Очерки мордвы“: „Обряд сбора на молян (молебствия в честь мордовских богов, — *Д. Л.*) нужных для жертвоприношений припасов весьма замечателен. Этим обрядом, по нашему мнению, может быть объяснено одно непонятное до сих пор место Несторовой летописи. В деревне, куда отправляется за сбором париндяит (пивовар, — *Д. Л.*) с сопутствующим ему янбедом (выборным, — *Д. Л.*), уже заблаговременно знают о дне, в который они приедут сбирать, и женщины еще накануне делают к тому приготовления. Шьют три, четыре и более холщевых мешочка и к ним пришивают по две длинные тесемки или веревочки. В один мешок хозяйка насыпает фунт, два или более муки, смотря по тому, сколько предполагается молельщиков на предстоящем моляне, в другой кладет бурачок с медом, в третий — несколько гривен денег, в четвертый — бурачок с маслом, в пятый — бурачок с яйцами и т. д. Потом накрывает стол чистым рядном и раскладывает на нем назначенные для сборщиков мешки и мешочки... Когда янбед отворял избу, в ней горел штатол на шестке печи, перед которою стоял стол с мешками и мешочками. Перед ним становились замужние женщины семьи, задом к дверям; плечи и грудь у них по пояс были обнажены... Париндяит с янбедом, войдя в избу, останавливались у самой двери, один — держа парку, другой — жертвенный нож, и громко читали молитву Чам-Пасу, Анге-Патяй и Юртова-ӧзаису. Тогда старшая замужняя женщина брала обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывала его через голову назад на голые свои плечи и, не оглядываясь, пятилась задом к дверям. Когда таким образом она подходила к сборщикам, париндяит подставлял к спине ее священную парку (кадку, — *Д. Л.*), а янбед, взяв в одну руку мешок, другою рукой пять раз слегка колол подошедшую в обнаженные плечи и спину, читая молитву, обращенную к Анге-Патяй, а потом перерезывал тесемки; мешок падал в парку, а концы тесемок оставались в руках женщины. Она отходила к столу, не оглядываясь...“ (Полное собр. соч., СПб., 1908, т. VII, стр. 451—452). — В Русском Хронографе дано такое разъяснение: „вынимаше жито из-за кожи“.

грѣшися Яня топором. Топор нередко выступает как оружие смердов или массового ополчения (например в битве на Липице). С другой стороны, и против смердов как Ян, так в дальнейшем и князь Глеб, действуют также топорами. Не означает ли это, что восставшие смерды не признавались достойными меча противниками?

не иду от васъ и за лѣто. Эту угрозу можно сопоставить с предписанием, которое находим в инструкции Ярослава Мудрого „вирникам“ („покон вирный“ в Краткой Правде Русской, ст. 42) о том, что вирник не должен задерживаться в месте суда и сбора штрафов (вир) более недели. Предписание это связано с тем, что содержание вирника и его помощников, а также спутников охраны падало всецело на местное население (***комментарий Б. А. Романова***).

К стр. 118

Нама стати пред Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже. Эти настояния волхвов на том, что они подсудны лично князю, а не Яню, его слуге, обычно сопоставляются со статьей 33 Правды Ярославичей (Правда Русская, учебное пособие, изд. АН СССР, Л., 1940, стр. 15 и 52), на основании которой, если кто „умучит" (т. е. будет судить и накажет) смерда „без княжа слова", тот платит 3 гривны штрафа. Рассказ „Повести" связывает эти настояния волхвов с их верой в то, что личный суд князя обеспечен им их богами, и с их уверенностью, что Ян, подвергая их пытке, действует неправомерно. [„Не можеши" здесь надо понимать не как указание на физическую невозможность, потому что волхвы настаивают на своем требовании („нама стати перед Святославомь") уже после того, как Янь подверг их пытке, т. е. именно оказался в состоянии „сделать" волхвам, что ему заблагорассудилось]. Янь же, со слов которого составлен весь этот рассказ, понимает „княжое слово" не как личный суд князя, а как суд полномочного княжого судьи, каким и выступает сам в рассказе. Поскольку ст. 33 Правды самым своим построением выдает свою гарантийную для смердов направленность, позиция волхвов в нашем рассказе должна быть почитаема за весьма реалистическую подробность из начальной истории феодальной государственности на Руси. (*Комментарий Б. А. Романова*).

и поторгати брадѣ ею́. Выдергивание или острижение бороды считалось в древней Руси тягчайшим оскорблением. В 1174 г. Мстислав Изяславич нанес сильнейшее оскорбление Андрею Боголюбскому, повелев остричь бороду его послу Михну мечнику. „Андрей же то слышав от Михна, — говорит летописец, — и бысть образ лица его попуснел; и возострися на рать" (Ипатьевская летопись под 1174 г.). Статья 8 Краткой Правды назначала за повреждение бороды 12 гривен: в четыре раза больше, чем за отсечение пальца.

К стр. 119

Они же рѣша: „Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье". По поводу этого места М. Н. Тихомиров пишет: „Первая статья Краткой Правды устанавливает порядок мести за убитого («убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову»). В договоре Руси с греками 945 года этот же обычай мести устанавливается в таких словах: «Аще убьеть хрестеянин русина, или русин хрестеянина, да держим будеть створивый убийство от ближних убьеного да убьют и́. Аще ли ускочить створивый убой и убежить, аще будеть имовит, да возмуть именье его ближнии убьеного; аще ли есть неимовит (створивый убийство) и ускочить

же, да ищють его, дондеже обрящется; аще ли обрящется да убьен будеть». И в Краткой Правде и в договоре 945 года мы находим кровную месть. Но не трудно заметить и большую разницу между Правдой и договором 945 года. Договор говорит о мести от ближних. Таким образом, перед нами еще родовые отношения. Древнейшая Правда уже ограничивает месть только ближайшими родственниками. Эта особенность Древнейшей Правды была отмечена К. С. Аксаковым: «Здесь ясно означены пределы семьи, а не рода» (К. С. Аксаков, Полное собр. соч., т. I, стр. 104)... Таким образом, мы имеем большое отличие между постановлением Древнейшей Правды и договором 945 года. Первая статья Правды носит несомненно черты более позднего времени по сравнению с подобной же статьей договора 945 года. Нельзя говорить и об особой архаичности первой статьи Краткой Правды. Она не была архаичной для отдельных областей Руси даже во второй половине XI века. Это доказывает случай 1071 года, когда Ян Вышатич расправился с волхвами на Белоозере. Характерен тот вопрос к пострадавшим от волхвов, который наша летопись вкладывает в уста Яна: «ци кому вас кто родин от сею?». Пострадавшие отвечают: «мне мати, другому сестра, иному роженье». Это как раз круг людей, близких к убитому, по Краткой Правде: отец (или мать), брат (или сестра), сын (или дочь). Слова Яна «мьстите своих» только дополняют характеристику круга мстителей" (М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 52—53).

Мьстите своихъ. Это место рассказа обычно сопоставляется со статьей 2 Пространной Русской Правды, с ее показанием, что после смерти Ярослава Мудрого сыновья его, Изяслав, Святослав и Всеволод, собрались вместе со своими советниками (Кснячком, Перенегом и Никифором) и отменили „убиение за голову" (т. е. кровавую месть за убийство) и установили денежный выкуп за убийство. Этот съезд князей относят к 1072 г. (М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 65). Автор нашего рассказа явно сочувственно относится к этому призыву Яня к мести, и это выдает его консервативную позицию, протестующую против замены мести денежными штрафами. Это дает повод некоторым исследователям (Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 126 и сл.), считать позицию нашего рассказчика (и Яня) в отношении к статье 33 Правды Ярославичей тоже полемической, а толкование ст. 33 волхвами — соответствующим намерениям князей-законодателей. (*Комментарий Б. А. Романова*).

К стр. 120

при Глѣбѣ Новѣгородѣ. В летописях нет сведений о том, когда Глеб стал новгородским князем. В перечне русских князей, находящемся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г., читаем: „И посади Святослав сына своего Глеба (в Новгороде, — *Д. Л.*)". Из Синодального

списка Новгородской первой летописи явствует, что Глеб был в Новгороде уже в 1069 г. В 1064 г. Глеб был изгнан из Тмуторокани. В 1067 г. в Новгороде сидел Мстислав (см. выше, стр. 397). Следовательно, Глеб стал новгородским князем в 1068 или 1069 г. (в 1069 г. Мстислава видим уже в Киеве).

и хотяху погубити епископа. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., указано имя епископа — Федор: „и хотяху побити епископа Феодора“ (Софийская первая летопись, ср. Ермолинскую, Львовскую, Хронограф и др.). Имя Федора прибавляется в этом рассказе и ниже, в упоминаниях новгородского епископа.

К стр. 121

1072 В лѣто 6580. Под этим годом в Тверском сборнике дополнительно читается: „Поставлень бысть епископом Ростову Исайа“. Сведение это заимствовано из житийной литературы.

Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Откуда были перенесены останки Бориса и Глѣба? Ответ на это дает Синодальный список Новгородской первой летописи: „Перенесена бысть Бориса и Глеба с Льта Вышегороду“. Впрочем, позднее были убеждены, что переносили тела Бориса и Глеба из одной церкви в другую в самом Вышгороде. Так понимает дело Никоновская летопись, замечающая „и принесоша мощи святых мученик из Вышеграда“.

Совокупившеся Ярославичи. М. Н. Тихомиров считает, что „церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов“ и что на этом совещании в Вышгороде была установлена Правда Ярославичей (Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 64—65).

митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Гургевьский. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., этот список несколько иной: „и митрополит Георгий Киевьскый и другый Неофит, черниговьскый епископ, Петр Переяславьскый, Никита Белогородьскый, Михайло Юрьевьскый“ (Софийская первая летопись и некоторые другие). В Никоновской летописи вм. „Никита Белогородьскый“ — „Стефан Белоградский“, а после Михаила Юрьевского добавлено: „и с епископом Иваном Холмьским“. Источники этих поправок не ясны.

Германъ игуменъ святаго Спаса. Не ясно, о каком монастыре „святаго Спаса“ идет здесь речь. Повидимому, это — монастырь Спасо-Берестовский (в подгородном киевском селе Берестове). Возможно, что именно этот Спасо-Берестовский монастырь назван под 1096 г. „Германечь“ или „Герьман“ по имени своего игумена (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 2. Изд. 2-е, М., 1904, стр. 585—586).

яже стоить и нынѣ. Из этих слов можно заключить, что перенесение мощей Бориса и Глеба было описано не сразу, а спустя, по крайней мере, 20—30 лет, когда эти слова „яже стоить и ныне“ было бы уместно вставить. Статья составлена на основании записей, ведшихся при Вышгородской церкви, о которых мы можем судить на основании позднейшего сказания, приложенного к житийному „Сказанию о Борисе и Глебе“ Нестора (Разыскания ..., стр. 56—57). Вышгородские записи в летописной статье 1072 г. сокращены: опущены имя Неофита, черниговского епископа, и эпизод с ногтем Глеба, попавшим под клобук Святослава (Жития Бориса и Глеба и службы им. Под ред. Д. И. Абрамовича, Пгр., 1916, стр. 55—56).

И положиша я҆, мѣсяца мая 2 день. Ипатьевская летопись дает другую, правильную дату перенесения мощей Бориса и Глеба — 20 мая. В 1072 г. 20 мая (а не 2 мая) падало на воскресенье, когда перенос мощей только и мог быть совершен. Та же дата, 20 мая, и в „Сказании о Борисе и Глебе“ Нестора. Поправка на 2 мая сделана позднейшим летописцем, смешавшим перенесение 1072 года с перенесением 1115 года, которое действительно произошло 2 мая.

Посем же разидошася всвояси. За этими словами в Тверском сборнике следует такая хронологическая выкладка: „Бе же от убиениа его, святаго Бориса, до пренесениа лет 57; святаго Глеба от погребениа до пренесениа лет 53, а не погребенъ был 4 лета, понеже Ярославъ бе воюяся съ Святополкомъ, того ради не взыде ему помышление о телесех святою (Бориса и Глеба) токмо о воинъственных прележааше“.

К стр. 122

ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣт отмьщенье прияша от бога, от племене бо Сифова суть еврѣи, иже избивше Хананѣйско племя. Согласно библейской легенде в передаче византийских хроник, евреи, потомки Сифа (третьего сына Адама), заняв Палестину, истребили ее местное население — хананеян, якобы потомков Хама. *1073*

Феодосий, игуменъ печерьскый, преставися. Скажемъ же о успеньи его мало. Последующий рассказ о кончине Феодосия не во всем соответствует рассказу о том же событии в Киево-печерском патерике (Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 71—74).

К стр. 123

Феодоровы недѣли. Неделя Федора Тирона—первая неделя Великого поста. *1074*

в пятокъ Лазаревъ — в пятницу, накануне так называемой Лазаревой субботы (субботы шестой недели Великого поста).

недѣлю Цвѣтную — вербное воскресенье.

велика дне Вскресенья — Пасхи.

К стр. 124

в било. Било или клепало — металлическая доска, заменявшая в небольших церквах колокол.

с Летьца — с Альты (см. выше, стр. 358).

И начаша братья просити Стефана деместника. Доместик — руководитель церковного хора (от греч. δομεστικός).

К стр. 125

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий... Весь дальнейший рассказ относится, однако, не ко временам игумена Стефана (игуменствовавшего после Феодосия), а ко времени Феодосия Печерского: Дамиан скончался раньше Феодосия, Иеремия помнил еще крещение земли Русской, следовательно, вряд ли пережил Феодосия, Матвей жил при Феодосии, хотя и пережил его, Исакий был принят в монастырь при Антонии и скончался при игумене Иоанне. Общая характеристика монастырской братии, начинающаяся словами „такы черньце, яко светила в Руси сьяють", также, повидимому, характеризует монахов времени Феодосия. Однако в рассказе о печерских подвижниках есть ряд эпизодов, относящихся к более позднему времени. Так, например, рассказ о том, как Матвей увидел в церкви осла на месте опоздавшего к службе игумена Никона, вставлен в летопись явно позднее 1088 г., когда умер Никон. Монастырская летопись не могла бы этого допустить при жизни своего игумена. Против Никона в повествовании 1074 г. имеется и другая выходка: в рассказе об Исакии сказано: „да ово от игумена Никона приимаше раны". В рассказе об Исакии имеется и другое указание на составление этого рассказа после 1088 г.: упоминание игумена Иоанна, который был поставлен после 1088 г. („игумен же Иоан и братья спрятавше тело его, и погребоша й").

К стр. 126

Яко се первый Демьянъ презвутеръ. О Дамиане, сходно с летописью, повествуется и в Несторовом Житии Феодосия. В Киево-печерском патерике имеется прямое утверждение, что, по крайней мере, эта часть „Повести временных лет" принадлежит Нестору: „яко же блаженный Нестер в Летописци написа о блаженых отцех, о Дамияне, Иеремии, и Матфеи, и Исакыи". Действительно, вслед за рассказом о Дамиане в „Повести временных лет" говорится об Иеремии, и Матфее, и Исакии. В связи с этим становится вероятным, что составитель Киево-печерского патерика, говоря в другом

месте о Несторе „иже написа летописець“, под „Летописцем“ разумел именно „Повесть временных лет“. Следовательно, „Повесть временных лет“ в XIII в. приписывалась авторству Нестора (Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 126 и 133).

К стр. 127

възвлече на власяницю. Власяница — грубая шерстяная одежда, которую некоторые монахи носили для „удручения тела“.

К стр. 128

проскура едина. Просфора — хлеб, употребляемый при совершении евхаристии (одного из христианских „таинств“).

Болдины горы — холмы в западной части Чернигова за Елецким монастырем. С пребыванием Антония в Чернигове некоторые связывают основание им Елецкого монастыря (П. Смолічев. Чернигів та його околиці за часів великокнязівських. Чернигів і північне лівобережжя Киев, 1928, стр. 142—143)

К стр. 129

и на власяницу свиту вотоляну. Вотола — грубая ткань из льна и посконі; вотоляная — сделанная из вотолы.

К стр. 131

В се же лѣто придоша сли из нѣмець къ Святославу; Святославъ же, *1075*
величаяся, показа имъ богатьство свое. В „Анналах“ Ламберта Герцфельдского говорится под 1075 г. о посольстве Бурхарда, шурина Святослава, от Генриха IV к Святославу в Киев: „Бурхард привез королю столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнит, чтобы когда-либо такое богатство сразу привозилось в немецкое государство. Русский князь заплатил королю этими дарами за то, чтобы он не оказывал помощи его брату, коего он изгнал из государства. Сам по себе большой дар оказался еще более ценным, ибо получен был во время огромных расходов недавней войны, истощившей казну государства, а войска настойчиво требовали платы за службу, и если бы государь не удовлетворил его, согласно обещанию, то, несомненно, не мог бы рассчитывать на верность в дальнейшей борьбе“ (Lambertus Herzfeldensis. Monumenta Germaniae Historia, Annales, t. III, стр. 230).

Они же видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: „Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче.

Мужи бо ся доищють и болше сего. Б. А. Романов об этом пишет: „Накопление металлического фонда в XI—XII вв. почиталось и действительно было необходимостью для князей. Эра феодального раздробления и феодализации дружины выдвигала при этом на видное место вопрос о распределении этого фонда между князем и дружиной: князь, если он был скуп и не делился широкой рукой с дружиной золотом и серебром, подвергался осуждению на страницах летописей. Присказка о том, что серебром и золотом не создашь дружины, но с помощью дружины добудешь то и другое, стала излюбленной формулой в летописной публицистике. Едва ли правильно думать, что эти сокровища в княжой казне (и вообще в хозяйственном обиходе феодала) якобы лежали втуне, были «мертвыми». Об этом как будто говорит рассказ о немецких послах, приезжавших в 1075 г. к Изяславу... Рассказ этот не имеет отношения к вопросу об удельном весе и значении земельной ренты в древнерусском обществе, не осуждает он и самого накопления движимых богатств. Он осуждает лишь неразумное омерщвление этих накоплений в княжеских сокровищницах без дальнейшего движения. Смысл этого рассказа заключается в том, чтобы князья не останавливали этого накопления, заинтересовывали своих дружинников в активной княжой политике и проводили ее с помощью дружины. Призыв «не щадить имения», «любить дружину» и «раздавать» золото и серебро дружине был призывом не к благодушному расточительству в потреблении, а к дальнейшему приумножению этого вида богатств. Политическое могущество князя в ту эпоху измерялось не количеством эксплоатируемых им «сел с челядью», а наличностью движимости в его казне“ (История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 379).

Сице ся похвали Иезекий, цесарь июдѣйскъ, к посломъ цесаря асурийска. Летописец здесь, как и в других местах „Повести временных лет“, охотно прибегает ко всемирноисторическим аналогиям. Повидимому, он это делал по памяти. В данном случае летописец ошибся: следовало бы сказать не „цесаря Асурийска“, а „цесаря Вавилоньска“. Езекия, еврейский царь, согласно библейской легенде, вместо того, чтобы прославить бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Беродах-Баладана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и сказал, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон.

Под 6584 годом, в конце годовой статьи, в Ипатьевской летописи добавлено следующее известие, восходящее к третьей редакции „Повести временных лет“: „В се же лето родися у Володимера сын Мьстислав“. Третья редакция „Повести“ выполнялась для Мстислава Владимировича — сына Мономаха (см. историко-литературный очерк, стр. 128); „Володимер“, о котором идет речь в этой заметке Ипатьевской летописи, — Владимир Мономах; родившийся у него сын Мстислав — будущий инициатор третьей редакции

„Повести временных лет“. Начиная с этой заметки, Ипатьевская летопись дает много дополнительного летописного материала, касающегося главным образом Мстислава Владимировича и его отца Владимира Мономаха.

Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, ляхомъ в помочь на чехы. Об этом походе, предпринятом Мономахом, несомненно, с целью отвлечь поляков от союза с Изяславом, так говорит сам Мономах в своем „Поучении“: „Та посла мя Святослав в ляхы: ходив за Глоговы до Чешьскаго леса, ходив в земли их 4 месяци“. О том, что такое Глаговы и Чешский лес, см. ниже, стр. 441. О походе Владимира Мономаха и Олега Святославича В. Н. Татищев на основании неясных источников сообщает дополнительные сведения: князь чешский Вратислав согласился на мир с Болеславом Смелым, выдав ему 1000 гривен серебра. Болеслав Смелый предложил Мономаху и Олегу вернуться, однако русские князья оставались в Чехии до тех пор, пока Вратислав не выдал и им по 1000 гривен серебра и богатые дары (История Российская с самых древнейших времен, кн. 2, СПб., 1773, стр. 130). 1076

К стр. 132

В лѣто 6585. В Синодальном списке Новгородской первой летописи и в летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом читается следующее известие: „Преставися Феодор, архиепископ Новгородьскый“ (Синодальный список, Софийская первая летопись и др.). В Тверском сборнике добавлено: „уядень от своего пса, бывь на архиепископии 9 летъ“. 1077

на Волынь. Город Волынь находился при впадении р. Гучвы в Западный Буг.

В лѣто 6586. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом читается дополнительно следующее известие: „Поставлен бысть архиепископом Новугороду Герман“ (см. Софийская первая летопись и др.; в Синодальном списке Новгородской первой этого известия нет). 1078

В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии. В новгородских летописях известие это читается в более подробной форме под 1079 г.: „Того же лета убиен бысть Глеб Святославич в Заволочии, маия 30“ (Софийская первая летопись, Новгородская первая, ср. другие). Та же дата смерти Глеба — в Киево-печерском патерике (изд. под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 126). Весьма важные сведения о гибели Глеба сообщает перечень русских князей, читающийся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г.: „и̓ выгнаша из города (Глеба, — *Д. Л.*), и бежа за Волок, и убиша и̓ чюдь“. Не означает ли

изгнание Глеба из Новгорода того, что новгородское население, ставшее в 1071 г. против Глеба за волхва (см. выше, стр. 405), в конце концов победило в 1078 г.?

на Съжицѣ. Сожица — приток Сулы, повидимому современная речка Оржица.

К стр. 133

от Стрежени. Стрижень — река у Чернигова.

и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ Нивѣ. Синодальный список Новгородской первой летописи говорит, что битва была „у Чьрнигова". Следовательно, село на Нежатиной Ниве — у Чернигова.

убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалив пагося велми. О смерти Бориса Вячеславича „Слово о полку Игореве" говорит в следующих выражениях: „Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и, млада князя". И в „Слове", следовательно, причиной гибели Бориса Вячеславича оказывается его „похвальба", безмерное честолюбие воина.

противу Городьцю. Городец — город к северо-западу от Переяславля Русского.

И принесше положиша тѣло его [Изяслава] в церкви святыя Богородица, вложивъше и̂ в раку мраморяну. В отличие от „Повести временных лет" Софийская первая летопись говорит о погребении Изяслава не в Десятинной церкви Богородицы, а в храме Софии киевской. То же говорится и в „Слове о полку Игореве": „Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣ яти отца своего междю угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву". (И. М. Кудрявцев. Заметка к тексту С тоя же Каялы Святополъкь... в Слове о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 407).

К стр. 135

1079 къ Воину. Воин — пограничный город в Переяславском княжестве.

А Олга емше козаре поточиша и̂ за море Цесарюграду. По сведению игумена Даниила, ездившего в Палестину в 1106—1108 гг. (Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864, стр. 7) Олег Святославич (Олег „Гориславич" „Слова о полку Игореве") был отправлен из Константинополя в ссылку на остров Родос. Здесь Даниилу показывали места, где Олег жил „два лета и две зимы". Очевидно, греки взяли сторону не только хазар, недовольных соседством Олега в Тмуторокани, но и Всеволода, состоявшего в родстве с византийским императорским домом. Вернулся Олег на Русь в 1083 г. (см. под этим годом „Повесть

временных лет"), вывезя из Греции свою вторую жену Феофанию Музалон. Известна ее печать с греческой надписью „Господи, помози рабе твоей Феофании Музалон, архонтиссе Руси" (Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. Труды Секции археологии РАНИОН, 1928, т. IV).

Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани. Известны находки вислых свинцовых печатей Ратибора на Днепре, на Крымском побережье и в районе Тмуторокани, указывающие на его энергичную административную деятельность (И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. Русские древности, вып. IV, стр. 172; Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. Труды Секции археологии РАНИОН, 1928, т. IV). Однако в 1081 г. Ратибор схвачен в Тмуторокани Давыдом Игоревичем и Володарем Ростиславичем. Его позднейшая деятельность находит себе отражение в „Повести временных лет" под 1095 г. (он громит половцев) и под 1100 г. (он выполняет дипломатические поручения). В 1113 г. он участвует в составлении „Устава" Мономаха. Известен и его сын Ольбег Ратиборич (см. „Повесть временных лет" под 1095 г.).

В се же лѣто Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. *1084*
В Воскресенской летописи, которая, как известно, пользовалась весьма древним списком „Киевской летописи", близким к Ипатьевской, вместо „грькы" сказано „гречникы", купцы, торговавшие с Грецией. Повидимому, правильно именно это чтение „гречникы", так как оно делает понятным следующий акт Давыда Игоревича: „и зая у них именье" (и отнял у них товары). Известие это — важный показатель русской торговли на берегах Черного моря в это время. Олешье — крайний перевалочный торговый пункт в устье Днепра перед выходом в Черное море.

Дорогобужь — город в Волынском княжестве в верховьях реки Горыни (правый приток Припяти). О Дорогобуже см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 115—116.

оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ. Луческ — Луцк, город в Волын- *1085*
ской области на реке Стыре. О Луцке см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 114.

К стр. 136

Под 6594 годом в начале годовой статьи в Ипатьевской летописи поме- *1086*
щено следующее известие: „Всеволод заложи церковъ святого Андрея, при Иване преподобномь митрополите; створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижеся дщи его девою, именемь Янька. Сия же Янка, совокупивши черноризци многи, пребываше с ними по манастырьскому чину". На это известие в Лаврентьевской летописи под 1089 г. делается ссылка: „Янька... реченая преже" (см. ниже, стр. 415). Где находился в Киеве этот монастырь,

выстроенный Всеволодом для своей дочери Анны, не известно. В конце годовой статьи в Ипатьевской летописи читается следующее дополнительное известие, восходящее к третьей редакции „Повести временных лет“: „В се же лето ходи Всеволод к Перемышлю“. Под Всеволодом здесь разумеется отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич.

иде Звенигороду. Звенигородов было несколько: два в Галицкой области, у Киева, в Ростово-суздальской земле. Здесь, очевидно, — Звенигород Червенский, южный, между устьями Серета и Збруча. Об этом см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 122.

и прободенъ бысть [Ярополк] от проклятаго Нерадьця. Кем был подослан убийца не совсем ясно — вероятно Ростиславичами.

до святаго Дмитрея — повидимому, до Дмитровского монастыря в Киеве, построенного отцом Ярополка Изяславом. В этом Дмитровском монастыре, как явствует из дальнейшего текста „Повести временных лет“, Ярополк был похоронен в выстроенной им церкви Петра, что привело впоследствии к спорам. В 1128 г. Дмитровский монастырь, очевидно, по мысли дочери Ярополка (см. о ней ниже), был передан в Печерский монастырь, что вызвало негодование у выдубицкого летописца, защищавшего интересы других наследников Изяслава: „В се же лето (1128) преяша церковь Дмитрия печеряне и нарекоша ю Петра с грехом великим и неправо“ (см. Лаврентьевскую летопись). Переименованием монастыря из Дмитровского в монастырь Петра печеряне, очевидно, хотели подчеркнуть, что они взяли долю Ярополка Изяславича, и что построение церкви Петра Ярополком превращало Дмитровский монастырь из монастыря Изяслава в монастырь Ярополка, с чем не согласен был летописец Выдубицкого монастыря.

Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ... Пышная некрологическая статья о Ярополке Изяславиче и необыкновенное сочувствие ему печерского летописца отчасти объясняется тем, что Ярополк, его жена и дочь (умершая в 1158 г.) были крупными жертвователями в Печерский монастырь. О дочери его, пожертвовавшей в Печерский монастырь все „до повоя“ (т. е. до головного платка), в Ипатьевской летописи под 1158 г. сказано, что она поступала так, „ревнующи (т. е. соревнуясь, — *Д. Л.*) отцю своему Ярополку: сий бо Ярополк вда (в Печерский монастырь, — *Д. Л.*) всю жизнь свою (т. е. все свое имение, — *Д. Л.*), Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Киева“.

К стр. 137

1088 святаго Михаила манастыря Всеволожа, т. е. Михайловского Выдубицкого монастыря, основанного отцом Мономаха Всеволодом. Заложена Михайловская церковь была в 1070 г. (см. текст).

Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити. В летописях, восходящих к ростовским сводам XV в., после этого известия читаем: „в Новегороде седе Давыд Святославичь“ (см. Тверскую летопись, Львовскую, Ермолинскую и др.). Однако это последнее известие находится в противоречии с более достоверными данными перечня русских князей, читаемого в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. Согласно этому перечню в Новгороде в 1088 г. сел Мстислав Владимирович, княживший здесь пять лет и вновь вернувшийся на новгородское княжение в 1095 г.

Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица манастыря Фео- *1089*
досьева Иоаномь митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородьскымь епископомь, Исаиемь, Черниговьскым епископомь. По Ипатьевской летописи Печерская церковь была освящена: „Иваномь митрополитомь, и Лукою Белогородскимь епископомь, и епискупомь Ростовьским Исаиемь, и Иваномь Черниговьскымь епискупомь, и Антоньемь Гурьговьскимь игуменомь“.

В се лѣто иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа, реченая преже. В Лаврентьевской летописи Янка (Анна Всеволодовна) упоминается впервые, но в Ипатьевской летописи о ней говорилось под 1086 г. (см. текст). Слова „реченая преже“ указывают на то, что Лаврентьевская летопись сократила текст статьи 1086 г., касавшийся Янки, читавшийся первоначально в „Повести временных лет“.

В се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила Переяславьская Ефрѣмом, митрополитомь тоя церкы. Из всех епископов переяславских только Ефрем назван здесь единственный раз „митрополитом“.

и строенье банъное камено. Никоновская летопись (XVI в.) добавляет: „и врачеве и болници, всем приходящим безмездно врачевание, тако же и в Милитине в своем граде устрои, и по иным своим градом митрополским, иже суть и со уезды, и с волостьми и с селы“. Источник этого важного в историко-культурном отношении известия Никоновской летописи, как и многих других за это же время, не известен. — Статья „Повести временных лет“ 1090 г. читается в Никоновской летописи под 1091 г. Заключается она следующими известиями, источники которых также не раскрыты: „Того же лета прииде Феодор Грек митрополичь от папы из Рима и принесе много мощей святых. Того же лета умножение бысть плодов всяческих“.

И град бѣ заложилъ каменъ. Тверской сборник вносит в это известие поправку, приписывая закладку каменного города (т. е. крепостных стен) в Переяславле Южном — Всеволоду (в той же статье 6598 г., но несколько выше).

К стр. 138

Игуменъ и черноризци съвѣтъ створше. Излагаемое здесь „Сказание об *1091*
обретении и перенесении мощей Феодосия Печерского“ читается в несколько

измененном виде в составе Печерского патерика (во второй Кассиановской редакции) и приписано там Нестору летописцу („Августа 14, слово 9, Нестора мниха монастыря Печеръскаго о пренесении мощемъ святаго преподобнаго отца нашего Феодосиа Печеръскаго"). Большинство исследователей (Д. И. Абрамович, А. А. Шахматов, В. Л. Комарович, В. П. Адрианова-Перетц и др.) считают этот рассказ летописи принадлежащим Нестору, однако другие — И. П. Хрущов (О древне-русских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878, стр. 16) и Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. I, ч. 2, стр. 945) — не признают Нестора автором этого сказания. Повидимому, правы первые (см. ниже).

его же повелѣнью бых азъ грѣшный первое самовидець, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о сем началникъ. Рассказ о перенесении мощей Феодосия весь написан от первого лица. Есть все основания видеть в его авторе Нестора летописца. В ведении рассказа от первого лица можно видеть характерную манеру Нестора (ср. в его житийных произведениях). Обращение игумена Иоанна для перенесения мощей именно к Нестору вполне естественно, так как Нестор составил житие Феодосия.

Азъ же пристроихъ семь дний рогалие. Здесь в Воскресенской летописи (одним из источников которой являлась „киевская летопись" XII в., близкая к Ипатьевской) находим подтверждение тому предположению, что автором „Сказания об обретении и перенесении мощей Феодосия Печерского" был Нестор. Вышеприведенное место в Воскресенской летописи читается в следующем виде: „Аз же грешный, иже и летописание сев то время писах, взем рогалью".

пояхъ с собою 2 брата. Однако перед тем игумен Иоанн приказал автору этого повествования взять с собой только одного „брата" („поими, его же хощеши") и в дальнейшем вместе с автором повествования действует только один „брат" („и утрудивъся, вдах другому брату"; „начах копати рамяно, другу моему опочивающю пред пещерою"). Поэтому вполне вероятно предположение А. А. Шахматова, что вместо „2 брата" первоначально читалось „Марка". Как известно из Киево-печерского патерика, Марк обычно копал могилы для братьи, там же есть намек и на его участие в перенесении Феодосия („и при семь изнесен бысть святый Феодосие от печеры") (А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. XXVI).

К стр. 139

вариманътью. Слово „варимантия" происходит от греч. βαρύς и μανδύας, — тяжелый и мантия (верхнее одеяние монахов, не имевшее рукавов). Варимантия — верхняя, теплая монашеская мантия.

Маринъ Гурьгевьский. Вслед за этим епископом Софийская первая летопись добавляет: „Онтоней Порожеский“. В Киево-печерском патерике Антоний более правильно назван „Пороскый“ (Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 81). „Пороскый“, — т. е. Поросьский: епископ городов, расположенных по реке Роси. Однако Марин Юрьевский был епископом в городе Юрьеве на Роси, и это как будто бы противоречит тому, что в Антонии следует видеть епископа Поросья.

К стр. 141

В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия 21 день. Запись эта совершенно точна. По данным астрономов, в 1091 г. было кольцеобразное затмение солнца 21 мая утром (час 2 дня падал на раннее утро). В Никоновской летописи это затмение ошибочно отнесено к 1093 г., в Воскресенской — к 1088 г. (Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. XX, кн. 1, 1915, стр. 104).

спаде превеликъ змий отъ небесе. Здесь отмечено падение метеорита. Метеориты в древней Руси обычно воспринимались как огненные змеи.

навье. Навьями назывались души умерших. Верование в эти души было *1092*
распространено в древнерусском язычестве.

отъ Дрьютьска. Друцк или Дрютеск — город в верховьях реки Друти недалеко от Минска (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 89).

Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ — три города на границе с половецкой степью в княжестве Переяславском. Прилук упомянут в Ипатьевской летописи (в Лаврентьевской он не упоминается). В. Н. Татищев называет вместо Прилука Устье (в том же районе) (История российская с самых древнейших времен, кн. 2. СПб., 1773, стр. 144).

по обѣма странома, т. е. по обеим сторонам Днепра.

К стр. 142

И нача любити смысль уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша за- *1093*
водити ѝ, негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати. С этим местом „Повести временных лет“, воспринятым ею из окончания Начального свода, следует сопоставить „Предисловие“ к Начальному своду, сохранившееся в новгородских летописях (см. стр. 97—98): „С любовию приклоните ушеса ваша разу-

мно! Како быша древнии князи и мужи их. И како отбараняху Руския земля и иныя страны приимааху под ся: тии бо князи не сбирааху многа имения, ни творимых вир, ни продажь въскладааху на люди. Но оже будяаше правая вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая. А дружина его кормяахуся, воюючи иныя страны, бьющеся: Братие! Потягнем по своемь князи и по Руской земли. Не жадаху: Мало мне, княже, 200 гривен! Не кладяаху на свои жены золотых обручей, но хожааху жены их в сребре. И расплодили были землю Рускую... Да отъселе се, братия возлюбленная моя, останемся от несытьства своего: но довольнии будете уроки вашими" (Софийская первая летопись, вып. I, Л., 1925, стр. 9).

ти унии. В Ипатьевском списке вм. „ти унии" написано „тивунѣ". Это последнее чтение, не согласующееся с предшествующим текстом, следует признать ошибочным.

К стр. 143

в день антипаскы. Антипасхой называлось воскресенье, следующее за Пасхой.

И придоша половци мнози, и оступиша Торцийскый град. Торцийский град, или Торческ, получил свое название от торков, которые были, очевидно, здесь поселены. Точно местоположение этого города не выяснено. К. В. Кудряшов пишет: „Прослеживая направление, по которому Владимир Мономах гонится за половцами сначала на Торческ, затем на Юрьев и, наконец, разбивает врагов на реке Красной, следует заключить, что Торческ находится южнее Юрьева. Когда половцы в 1093 г. осадили Торческий град, то русские князья, выступив против них из Киева, сначала перешли Стугну, затем миновали Треполь и прошли вал, но, будучи разбиты половцами, отступили за Стугну и к Треполю. Половцы же, видя это, «узвратишася к Торческому», и, значит, по ходу описания, Торческ лежит южнее Стугны и Треполя" (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 135). Ср. также интересные материалы, приводимые И. М. Ивакиным (Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901, стр. 179—182).

Имѣю отрокъ своих 700. В Ипатьевской летописи, Радзивиловской и Московско-академическом списке названа цифра 800. В Никоновской летописи (XVI в.): 700 и 20000 (см. под 1094 г.).

Аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячь. В Никоновской летописи эта цифра приближена к масштабам войска XVI в.: 80000. Вся эта летописная статья читается в Никоновской под 1094 г.

наша земля оскудѣла есть от рати и от продажь. Продажи — денежные штрафы за все преступления, кроме убийства — впервые упоминаются

в Правде Ярославичей около 1072 г., и эти слова летописного рассказа, вероятно, отражают результаты первых десятилетий бытования этого нововведения. Только уже в Пространной Правде (самое раннее — при Мономахе) было введено процентное (20%) отчисление со сбора продаж (и вир) в пользу сборщика. Раньше, вероятно, в этом отношении царил полный произвол. Отсюда, иной раз, „попродать“ = разорить (см. Ипатьевскую летопись, под 1174 г.) Ср. знаменитое рассуждение новгородского летописца (Новгородская первая летопись, СПб., 1888, стр. 2) о „древних“ князьях в противоположность современным летописцу: „Тии бо князи не сбирааху многа имения, ни творимых вир, ни продажь въскладааху на люди. Но оже будяше правая (т. е. справедливая, а не „творимая“, подстроенная) вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая“. (*Комментарий Б. А. Романова).*

у святаго Михаила. У Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом.

къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ. Город около устья реки Стугны (приток Днепра), входивший в систему укрепленных городов по этой реке (О. Андріяшев. Нарис історії колонизації Київскої землі. Київ та його околиця в історії і памятках. Киев, 1926, стр. 45; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 107).

К стр. 144

Ростислава же искавше обрѣтоша в рѣцѣ; и вземше принесоша и̇ Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. Утонувшего в реке Стугне Ростислава Всеволодовича поэтически, вспоминает и автор „Слова о полку Игореве“: „Не тако ти, рече, рѣка Стугна; худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростренa къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпрь темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось“. Легенду о смерти Ростислава, как божьей мести за убийство киево-печерского монаха Григория, рассказывает Киево-печерский патерик (изд. под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 134—138). — Ср. ниже (стр. 436) комментарий к словам: „ни права, ни крива не убивайте“ в „Поучении“ Мономаха.

К стр. 147

Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими богомь есмы! Да не будеть. Кого бо тако богъ любить, яко же ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и вънеслъ? Никого же! Эти строки, заключающие собою рассказ о русском поражении и страданиях русского населения от

половцев, поражают и сейчас своим высоким патриотизмом. Неудачи русских летописец считает преходящими и не снижающими величия своего народа, его славы. Летописец полон горделивой уверенности в особом положении русского народа среди народов мира.

Се бо азъ грѣшный и много и часто бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни. За этими словами, по свидетельству В. Н. Татищева, в некоторых списках читалось заключительное слово „аминь". На этих словах, по мнению А. А. Шахматова, заканчивался киевский Начальный свод, предшествовавший „Повести временных лет", и лучше сохранившийся в начальной части Новгородской первой летописи младшего извода (см. подробнее „Разыскания...", стр. 11). Однако, как видно из текста В. Н. Татищева, „аминь" здесь заключало обычный молитвенный текст: „но по милости своей, господи, спаси ны, яко ты един безгрешный, сильный, милостивый и дивный во святых твоих, да будет во веки веков, аминь". Следовательно, „аминь" нельзя в данном контексте рассматривать как показатель окончания летописного свода. Л. В. Черепнин предполагает, вопреки А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову, что „Начальный свод заканчивался описанием Любечского съезда 1097 г. и возник около этого времени и в связи с указанным событием". Это положение основательно аргументировано Л. В. Черепниным. Л. В. Черепнин обращает внимание на то обстоятельство, что Любечский съезд 1097 г. „представлял собой важное событие в политической истории Киевской Руси. Устанавливался новый порядок отчинного владения княжествами. Этот порядок должен был прекратить княжеские усобицы и сделать Русскую землю обороноспособной, сплотить ее силы прежде всего для борьбы с половцами. В связи с этим естественно могла возникнуть мысль о написании летописного свода, который давал бы определенную концепцию русской истории под углом зрения междукняжеских и русско-половецких отношений. А Начальный свод действительно давал такую концепцию. Тогда понятно и содержание Предисловия к Начальному своду, реконструируемого по тексту Софийского временника (см. стр. 97—98, — *Д. Л.*). Его основные идеи навеяны именно обстановкой Любечского съезда и событий, ему предшествующих". Далее А. В. Черепнин обращает внимание на органическую связь содержания летописных статей 1094—1097 г. со статьей 1093 г. и с „Предисловием" к Начальному своду, на связь „завещания" Ярослава Мудрого под 1054 г. с установлениями Любечского съезда и др. (Л. В. Черепнин. „Повесть временных лет". Исторические записки, № 25, М.—Л., 1948, стр. 321—330).

К стр. 148

1095 В лѣто 6603. Под этим годом в Никоновской летописи читается дополнительно следующее известие (в средине годовой статьи): „Епископ Герман

умре. Того же лета иде владыка Герман из Новагорода в Киев и тамо преставися при Ефреме митрополите Киевском и всеа Руси".

Идоша половци на Грькы с Девгеневичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь я̑ Девгенича, и повелѣ и̑ слѣпити. О Леоне (Льве) Диогеновиче пишет Анна Комнин, дочь императора Алексея Комнена. По ее словам, Леон Диогенович, сын императора Романа Диогена, был убит еще в 1073 г. Впоследствии явился самозванец, выдавший себя за Леона и предъявивший права на престол. Лже-Леон был заключен в Херсонесе, но бежал и вместе с половцами в 1095 г. напал на Византию. Когда Леон осаждал Адрианополь, его обманом схватили и ослепили. Этот рассказ Анны Комнен был давно подвергнут сомнению русскими историками. Дело в том, что Леон приходился зятем Владимиру Мономаху (см. под 1116 г.: „В се же лето иде Леон царевичь, зять Володимерь, на кур Олексия царя, и вдася городов ему Дунайских неколко"). Вряд ли Мономах мог выдать свою дочь за самозванца (по другим предположениям, за Леоном была замужем сестра Мономаха, см.: В. Г. Васильевский. Два письма императора Михаила VII Дуки. Труды, т. II, вып. 1, стр. 38—48). Сын Леона Диогеновича „Василько Маричич" упоминается в Ипатьевской летописи под 1136 г. См. краткую сводку данных о Леоне Диогеновиче: И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина. Исторические записки, № 22, М., 1947, стр. 96—98.

Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ Ср. отношение Мономаха к клятве (роте), выраженное им в „Поучении" (ч. I, стр. 157).

К стр. 149

у Ратибора на дворѣ. В Ипатьевской точнее: „на синици" (в Хлебниковском и Погодинском списках — „на сѣнници у Ратибора", т. е. на сеновале).

к Гургеву. Юрьев — на реке Роси, основанный Ярославом (см. стр. 372).

на Вытечевѣ холму. Витичев холм — на реке Стугне (приток Днепра).

К стр. 150

Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода Смолиньску. О поставлении Давида в Новгороде читается в новгородских летописях под тем же 1095 годом: „Иде Святопълк и Володимир на Давида Смольньску, и вдаша Давиду Новъгород" (Синодальный список Новгородской первой летописи, ср. также летописи, восходящие к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в.).

и поемше ведоша и̑ (Мстислава Владимировича) Новугороду. В перечне русских князей, читающемся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г., и содержащем весьма важные исторические сведения,

нигде в других летописях не встречающиеся, история вокняжения Мстислава в Новгороде передана следующим образом: „И присла Всеволод внука своего Мьстислава, сына Володимеря; и княжив 5 лет, иде к Ростову, а Давид прииде к Новугороду княжить; и по двою лету выгнаша и̇. И прииде Мьстислав опять, и седе в Новегороде 20 лет“. Под 1095 г. в „Повести временных лет“, очевидно, говорится о вторичном вокняжении Мстислава в Новгороде, длившемся до 1117 г. (ошибка в один-два года в перечне допустима). Первое вокняжение Мстислава в Новгороде падает на 1088 г. (1095—7=1088) и, очевидно, должно быть сопоставлено со следующим известием „Повести временных лет“ под этим 1088 г.: „Того же лета иде Святополк из Новагорода к Турову жити“. Однако в противоречие с этим в летописях, восходящих к ростовским сводам XV в., читаем после известия об уходе из Новгорода Святополка: „а в Новегороде седе Давыд Святославичь“ (см. Тверскую летопись, Львовскую, Ермолинскую и др.). Очевидно, ошибка вкралась в один из ростовских сводов XV в.: летописец вслед за Святополком поместил прямо Давыда, не учтя (а возможно и не зная) пятилетнего первого княжения Мстислава в Новгороде.

ис Курска. О Курске в верховьях Сейма см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 96.

1096 В лѣто 6000 и 604. Под этим годом в Никоновской летописи читается следующее дополнительное известие (в начале годовой статьи): „Поставлен епископ Никита. Поставлен бысть епископом Новугороду Никита митрополитом Ефремом Киевским и всея Руси“. То же известие читается и в Новгородской третьей летописи, где имеется также следующее дополнение, любопытное попыткой использовать церковный кондак этому Никите как исторический источник: „При сем епископе Никите, на другое лето святительства его, бысть в Великом Новеграде пожар велми велик, и в кондаки его написано: «Прилежно моление за люди своя принося, овогда же и граду запаление угасил еси»“. Пожар, о котором идет речь, повидимому, тот, о котором сообщает Синодальный список Новгородской первой летописи под 1097 г.: „Томь же лете, на весну погоре он пол, а 3-й день Детиньць съгоре город; и кнuну (Лукину?) чядь избишя“.

Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом“. В Никоновской летописи сделано к этому месту характерное для правительственной идеологии XVI в. добавление: „или смердом нашим бояром“. При крайней скудости текстов с упоминанием смердов и этот текст привлекался в нашей литературе для их характеристики, причем послужил опорой теории о двояком смысле этого социального термина — широком и узком: якобы наряду с узким — смерд это земледелец — существовало и широкое значение — смерды это все люди, кроме духовенства и князей. Это последнее значение извлекалось из нашего текста посредством прямолинейного сопоставления междукняже-

ского диалога: приглашающая сторона звала Олега на переговоры перед лицом „епископов, игуменов, мужей отец наших и людей градских", а тот в своем ответе, упомянув церковников отдельно, остальных обозначил именем смердов. Это толкование упускало из виду, что в самом летописном рассказе этот ответ Олега был оценен как данный в припадке заносчивости („восприим смысл буй и словеса величава"): Олег попросту обозвал отцовских дружинников и киевских горожан унизительным для тех и других словом „смерды" (Б. А. Романов. Смердий конь и смерд в летописях и в Русской Правде. Известия Отделения русского языка и словесности АН, 1908, кн. XIII).

въ Стародубъ. Стародуб — город около Чернигова.

К стр. 151

на Берестовѣмь дворъ княжь. Берестово — киевское подгородное село, принадлежавшее киевскому князю.

Устье — урочище в Переяславском княжестве; вероятно в устье реки Трубежа.

и иде к Рязаню. В Тверском сборнике: „Мурому". Рязань — теперь городище Старая Рязань. Нынешняя Рязань переименована так в XVIII в. из Переяславля Рязанского. О Рязани см.: А. Л. Монгайт. Старая Рязань. Вопросы истории, 1947, № 4.

Тугорканъ, тесть Святополчь. Святополк Изяславич был женат на дочери Тугоркана (см. „Повесть временных лет" под 1094 г.).

мѣсяца мая 30. В Ипатьевской и Воскресенской летописях „месяца маия в 31".

къ Зарубу. Заруб — город в Переяславской области на Днепре против устья реки Трубежа.

погребоша й на Берестовѣмь. В Ипатьевской летописи точнее: „и погребоша и на Берестовом на могыле" (могила — искусственный холм, курган).

приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, к Кыеву. Некоторые подробности о судьбе захваченных в этом набеге русских полоняников читаются в Киево-печерском патерике в житии Евстратия Постника. Евстратий был пленен половцами именно в этот набег Боняка со многими другими и продан в Корсунь. „Не по мнозех же днех изомроша от глада и истаавшаа жаждею: овии по трех дьнех, инии же по четырех дьнех, инии же по седми дьнехъ, крепции же по 10 дьнех, скончашася вси гладом и жажею. Бе же их числом 50: от манастырьскых работник 30, от Киева 20". Речь здесь идет только о пленниках, проданных одному работорговцу в Корсунь (Киево-печерский патерик. Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 106—107; ср. также в других редакциях патерика).

и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Герьманы. В Ипатьевской летописи это место читается так: „и пожгоша манастырь Стефанечь, деревнѣ, (т. е. деревянный), и Германечь". Что следует понимать под „Германечь" или „Германы" — деревню или монастырь, не ясно. Е. Е. Голубинский предполагает, что „Германечь" — это Спасо-берестовский монастырь, названный так по имени своего игумена, упомянутого выше под 1072 г., Германа (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 2. Изд. 2-е, М., 1904, стр. 585—586). Возможно, что „манастырь Стефанечь" также назван по имени своего игумена: это монастырь на Клове (неподалеку от Печерского и Спасо-берестовского), в котором игуменом был Стефан (бывший перед тем игуменом печерским). Отметим, кроме того, что слово „деревня" в южных памятниках очень редко. Вряд ли оно означает „село" — скорее всего „лес", „деревья", „деревянный дом" или др.

К стр. 152

Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи. Загородные дворы князей часто назывались „красными", т. е. красивыми, не только потому, что были красиво выстроены, но и потому еще, что были красивы по своему местоположению. Ипатьевская летопись, говоря о волнениях в Киеве после смерти Юрия Долгорукого, замечает: „И многа зла створися в тъ день: розграбиша двор его (Юрия, — *Д. Л.*). Красный и другый двор его за Днепром разъграбиша, его же звашет сам раем". „Красный двор" в Переяславле Южном был также расположен в его окрестностях.

от пустыня Етривьскыя, межю встокомь и сѣвером. Определение пустыни Етривьской как находящейся „межю встокомь и сѣвером" отсутствует в источниках (у Мефодия Патарского — см. ниже). Очевидно, летописец предполагал, что половцы пришли с северо-востока, и этим определял положение этой пустыни.

Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ. Ссылка эта относится к „Откровению Мефодия Патарского". Это — труд анонимного автора вероятно IV в. н. э., неправильно приписываемый Мефодию, епископу города Патар в Ликии (в Малой Азии) (III—IV вв. н. э.). В нем повествуется о событиях мировой истории от Адама и до конца мира, ожидавшегося в седьмой тысяче лет от „сотворения мира". Эта-то последняя часть „Откровения", посвященная концу мира, особенно интересовала средневековых читателей. Ею пользовались не только для объяснения происхождения половцев (как здесь), но и для объяснения происхождения некоторых северо-восточных народов (несколько ниже в этой же статье 1096 г.), а впоследствии татар (в летописных рассказах о Калкской битве). В приведенных перед этим сведениях о половцах („ицьли

бо суть си отъ пустыня Етривьскыя...“) летописец видит частичное осуществление предсказаний Мефодия Патарского о конце мира: „На коньчину седмыа тысяща разоритися царство Перьсьско, и тогда изыидеть племя Измаилево отъ пустыня Етрива, и ишедъше ис пустыня соберутся вси вкупе... и власти почнуть до входа и до исхода севернаго и до востока и запада и будуть вси под властию их... и престанеть служба божия и устанеть всяка песнь церковная и будуть жерци акы людие в время то, рекше в седмый век...“. — „Откровение Мефодия Патарского“ было известно на Руси в двух переводах, сделанных в Болгарии. По предположению В. М. Истрина (Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897), летописец знал „Откровение“ в первом переводе, второй же проник к нам только в XIII—XIV вв. Однако уже П. И. Потапов в статье „К вопросу о литературном составе летописи“ (Русский филологический вестник, 1911, № 11) указал, что летописный текст совпадает то с первым, то со вторым переводом. Замечание П. И. Потапова развил А. А. Шахматов („Повесть временных лет“ и ее источники. Труды ОДРЛ, вып. IV, Л., 1940, стр. 92 и сл.).

да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. По представлениям летописца, восточные кочевые и полукочевые народы происходят от библейского Измаила, сына Авраама и его рабыни Агари (откуда их название „измаилтяне“ и „агаряне“). Из Георгия Амартола летописец почерпнул сведения о том, что у Измаила было 12 сыновей. Отсюда и вышеприведенный расчет летописца: 8 колен (т. е. потомков восьми сыновей Измаила) бежали в пустыню, а 4 колена (потомков остальных четырех сыновей Измаила) иссек Гедеон (один из судей израильских, победитель восточных кочевых племен — по Библии). Расчет этот сделан летописцем самостоятельно вопреки „Откровению Мефодия Патарского“, где Гедеон изгоняет в пустыню 8 племен, без каких-либо упоминаний о других племенах.

Друзии же глаголють. Повидимому, под „другими“ здесь имеется в виду Георгий Амартол, так как в последующем тексте до слов „а Измаиль роди 12 сына“ можно усмотреть факты, почерпнутые в Хронике Георгия Амартола (А. А. Шахматов. „Повесть временных лет“ и ее источники. Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 58).

К стр. 153

Поученье. „Поучение“ Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. Здесь оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях текст, разделенный в Лаврентьевской

летописи вставкой „Поучения", читается без всякого разрыва (см. Ипатьевскую, Радзивиловскую и другие летописи). А. А. Шахматов дает следующее объяснение, почему „Поучение" было вставлено в Лаврентьевскую летопись в середину статьи 1096 г. В „Поучение" вставлена летопись походов Мономаха, очевидно, им составленная. Эта летопись доведена до похода Владимира Мономаха на Ярослава Святополчича, относящегося к 1117 г. Отсюда ясно, что „Поучение" не могло быть вставлено в летопись ранее этого года. „Поучение" доведено (в части этой летописи) до того же года, что и третья редакция „Повести временных лет" 1118 г. Повидимому, „Поучение" попало в Лаврентьевскую летопись именно из этой третьей редакции „Повести временных лет" вместе с последующим рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. Как известно из работ А. А. Шахматова, текст Лаврентьевской летописи представляет собой соединение второй редакции „Повести временных лет" с третьей редакцией Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, к которому, как к наследнику Киевского стола (в 1118 г. Мстислав был вызван Мономахом из Новгорода и готовился занять Киевский стол по смерти отца), и было прежде всего обращено „Поучение". Почему же „Поучение" было перенесено именно сюда, под 1096 г.? На это А. А. Шахматов отвечает следующим образом. Рассуждение о происхождении половцев принадлежит второй редакции, а беседа с Гюрятой Роговичем — третьей. „Для нас ясно, что, обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов «и по сих 8 колен г кончине века изидуть заклепани в горе Александром Македоньскым нечистыя человекы» известного рода отметку (напр.: слово «зри») для указания, что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника. Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже «зри») при двух статьях вспомогательного источника (А. А. Шахматов предполагает, что им был Владимирский полихрон начала XIV века — свод, гипотетически им предполагаемый, представлявший третью редакцию «Повести временных лет», — *Д. Л.*) — при «Поучении» Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но, очевидно, под другим годом, и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий или другой переписчик ошибочно списал вместо второй статьи «Поучение» Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за Поучением и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой" (Обозрение русских летописных сводов. Л., 1938, стр. 23—24). Менее сложное объяснение того, почему „Поучение" Владимира Мономаха попало в это случайное место Лаврентьевской летописи, дает М. Д. Приселков в своей статье „История рукописи Лаврентьевской летописи и ее

изданий“ (Ученые записки Педагогического института им. А. И. Герцена, т. XIX, Л., 1939): „В своем послесловии Лаврентий..., называя свой оригинал «Летописцем», утверждает, что этот «Летописец» к его времени работы представлял собою ветхую книгу, что, как полагал Лаврентий, и привело к тому, что в его копии с этого «Летописца» можно встретить теперь как описки, так и переписки с недописками. К тому же он, Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог справиться с своею задачей удовлетворительно: «занеже книгы ветшаны, а ум — молод, не дошел». Действительно, можно думать, что в работе Лаврентия встречаются все указанные им промахи его переписки, из которых мы на первом месте поставим его недописки, т. е. оставленные им пустые места в строках, где, конечно, размер незаполненных буквами пространств строки соответствует количеству не прочитанных Лаврентием букв в протографе. Из таких, теперь для нас самых досадных недописок Лаврентия на первом месте надо, конечно, поставить те $4^1/_2$ строки, которые находятся после первых строк «Поучения» Владимира Мономаха (оно дошло до нас только в Лаврентьевской летописи). Протограф Лаврентьевской летописи был, как говорит Лаврентий, уже настолько обветшалою книгою, что не везде ее текст легко прочитывался переписчиком. Иногда переписчик все же, несмотря на неясность, прочитывал текст, подлежащий переписке; но сам же находил полученное им чтение подозрительным и непонятным, тогда он такое полученное чтение отделял от соседних слов точками... Но почему же так случилось, что в «Поучении» Лаврентий прямо оставил пустыми $4^1/_2$ строки, не дав никакой попытки своего прочтения? Ответ, очевидно, будет тот, что в своей ветхой книге, подлежащей переписке, Лаврентий в этих $4^1/_2$ строках, как и в ряде других мест..., ничего даже приблизительно восстановить прочтением не мог. Но как же получилось, что именно здесь, в начале текста «Поучения», оказались столь загрязненные, или столь сильно стертые строки? Давно уже определено, что так называемое «Поучение» Владимира Мономаха представляет собою три самостоятельных, отдельных произведения этого автора: в начале поучение детям (без окончания), затем письмо Мономаха двоюродному брату Олегу (оно без начала) и, наконец, текст культового содержания, вероятно пера того же автора. Также давно установлено, что эта дефектная группа листов, содержащая все три произведения Мономаха, попала у Лаврентия или в его протографе не на свое место: ведь текст этих произведений Мономаха разрывает собою текст летописного повествования 1096 г., и при удалении из настоящего его места «Поучения» разорванный им текст летописного повествования 1096 г. благополучно смыкается во вполне последовательный и связный рассказ... Лаврентий получил для переписки книгу, в которой эти листы находились уже не на месте. В самом деле, неужели Лаврентий, располагай он возможностью переставлять листы переписываемой ветхой книги, не смог бы найти для них

более подходящего места, чем занимаемое ими теперь, например, хотя бы в конце изложения любого года? Но вполне своевременно спросить себя: где же было надлежащее место для этих листов в той книге, которую переписывал Лаврентий? Поскольку это, так сказать, собрание сочинений Владимира Мономаха невозможно связать ни с каким местом Лаврентьевского летописного текста, внутрь которого оно теперь попало, т. е. связать так, чтобы это не вызывало сомнений, постольку правильнее всего будет предположить, что это собрание Мономаховых сочинений или предшествовало, или последовало летописному тексту в целом. Из этих двух предположений склониться к первому побуждает нас именно известное уже нам неудовлетворительное для прочтения состояние первого листа «Поучения», на котором на лицевой его стороне было $4^{1}/_{2}$ стертых или загрязненных строки, которые не мог воспроизвести нам Лаврентий. В самом деле, если мы предположим, что ветхая книга «Летописец», которую переписывал Лаврентий, была лишена переплета, то первый ее лист от держанья рукою мог легко пострадать, так как на лицевую его сторону (ближе к верху) постоянно должен был нажимать большой палец левой руки читателя, наводившего справку или читавшего летописный текст, т. е. переворачивавшего листы книги своею правою рукою. Наше предположение о том, что «Поучение» и другие сочинения Мономаха находились при данном летописном тексте в его начале, едва ли представляет собою предположение произвольное. Надо припомнить, что в начале Лаврентьевского текста читается «Повесть временных лет», в своей основе представляющая редакцию Сильвестра, предпринятую по поручению Мономаха. Эту сильвестровскую редакцию «Повести временных лет» вместе с сочинениями Владимира Мономаха естественно встретить в летописной традиции Переяславской (южного Переяславля) епископии, куда епископом был назначен Сильвестр в 1119 г. Владимиром Мономахом и откуда, как мы знаем, летописатели Владимира Суздальского в XII и XIII вв. привлекли летописные тексты для пополнения своих материалов повествованием о делах юга или «Русской земли». Когда в непереплетенной книге теперь отрываются первые или последние листы, то обычно, особенно, когда заметят, что некоторые из отделившихся от книги листов уже утрачены, — желая оберечь от утраты еще остающиеся, их вкладывают в книгу, в случайное, так сказать, место. Так было и с рукописными, конечно, книгами в древности. Так случилось и с первыми оторвавшимися листами того ветхого Летописца, который копировал Лаврентий. Какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметив, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены (вспомним, что теперь нет окончания «Поучения» и начала письма Мономаха к Олегу), желая оберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал данную ему книгу; он так и переписал текст,

как лежали в книге листы" (ук. соч., стр. 186—188). Несмотря на всю зрительную отчетливость и почти ощутимость восстановленной М. Д. Приселковым картины того, как попало „Поучение" Мономаха в середину статьи 1096 г., она все же вызывает серьезные возражения. Не ясно прежде всего, почему в начале того „ветхого летописца", с которого переписывал Лаврентий, оторвались ровно те листы, на которых находились сочинения Мономаха, при этом не захватив текста „Повести временных лет" и не отдав ей части своего текста? Во-вторых, не ясно, как мог Лаврентий не заметить, что он имеет дело со случайно вложенными в рукопись листами? Ведь этих листов было не мало, и первый из них, по словам самого же М. Д. Приселкова, выделялся своею истрепанностью. В последнее время В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом, что он внимательно отнесся к тексту своего оригинала, внеся в него важные исправления, касавшиеся основателя его монастыря и его города (Нижнего) — Юрия Всеволодовича Владимирского (История русской литературы, т. II, ч. 1, Изд. Института литературы Академии Наук СССР, М.—Л., 1945, стр. 90—96). Предполагаю, что место, занимаемое сочинениями Мономаха в „Повести временных лет", не случайное. Пытаясь установить время, под которым должно быть помещено „Поучение", Лаврентий или его предшественник могли определить дату одного из сочинений Мономаха — его письма к Олегу (см. об этом стр. 454), которое к тому же могло быть и прямо датировано. Летописец и вставил поэтому сочинения Мономаха под 1096 г. Он сделал это тоже не в случайном месте, а там, где был сходный материал общих рассуждений. Он вставил сочинение Мономаха при переходе от одного рассуждения к другому, хотя и разорвав их между собой, но не повредив ни одного. Сочинения Мономаха могли находиться и в начале „ветхого летописца", но скорее всего они представляли собою отдельную тетрадь. Попасть в приблизительно верное для своего нахождения место они, конечно, случайно не могли. Также не случайным считает местонахождение „Поучения" под 1096 г. и Л. В. Черепнин. По мнению Л. В. Черепнина, „Поучение" было вставлено в третью редакцию „Повести временных лет" и тесно связано с задачами этой третьей редакции: рассмотреть под новым углом зрения после ликвидации усобицы, которую начал Ярослав Святополкович, взаимоотношения между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем. По своему содержанию и „Поучение", и письмо Мономаха к Олегу очень точно отвечали тем политическим задачам, которые стояли в 1118 г. перед составителем третьей редакции „Повести временных лет". Помещенное перед описанием Любечского съезда и событий княжеской борьбы того времени „Поучение" давало нужное Мономаху политическое освещение всему этому узлу событий (Л. В. Черепнин. „Повесть временных лет". Исторические записки, № 25, М., 1948, стр. 319—321). — Когда было написано „Поучение"? По этому поводу существует большая литература

и большие расхождения во мнениях. А. И. Мусин-Пушкин, впервые опубликовавший „Поучение" (Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1793), относил его написание ко времени между 1119 и 1125 гг. (там же, стр. 50, прим. 80). Н. М. Карамзин считал, что „Поучение" составлено Мономахом в маститой старости, „не ранее 1117 г., ибо великий князь упоминает о своем походе на Ярослава князя владимирского" (История государства Российского, т. II, прим. 230). Наиболее раннюю дату написания „Поучения" дает М. П. Погодин — 1099 г. М. П. Погодин буквально понимает выражение „седя на санех" и считает, что „Поучение" было написано в дороге. Он приводит в связь с этим упоминанием саней еще два места „Поучения" — то, в котором Мономах говорит о встрече послов своих двоюродных братьев на Волге, и то, в котором он говорит „и се ныне иду Ростову". „Ясно, что Мономах, — говорит М. П. Погодин, — задумал «Поучение» на дороге в Ростов по поводу посольства братьев с предложением об изгнании Ростиславичей, написал же его по прибытии в сей город. Нам остается отыскать время, когда братья шли на Ростиславичей". Время это, по расчетам М. П. Погодина, падает на 1099 г. (М. П. Погодин. О Поучении Мономаховом. Известия Отделения русского языка и словесности, АН, т. X, СПб., 1861—1863, стр. 235 и сл.). Что же касается упоминаемых в „Поучении" событий, случившихся после 1099 г. (например похода на Ярослава владимирского 1117 г.), то с ними М. П. Погодин разделывается просто: он их считает вставками переписчиков. С. М. Соловьев, видимо соглашаясь с мнением М. П. Погодина, мимоходом обронил мысль, что „Поучение" написано после примирения с Давыдом Игоревичем: „по окончании усобицы с Давыдом Игоревичем на Витическом съезде (в 1100 г., — *Д. Л.*), поехал он (Мономах, — *Д. Л.*) на север в Ростовскую область, и, будучи на Волге, получил посольство от двоюродных братьев с приглашением итти на Ростиславичей галицких" и с угрозой в противном случае порвать отношения с Мономахом. „Угроза братьев разъединиться с ним сильно опечалила Мономаха; в этой печали он разогнул псалтырь и попал на место: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и пр. Утешенный псалмом, Мономах решился тут же написать своим сыновьям поучение" (История России, т. I. Изд. „Общественная польза", стр. 760). С мнением М. П. Погодина согласился не один С. М. Соловьев. Ту же дату (1099 г.) предлагает и С. Протопопов (Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-правовых воззрений и жизни на Руси в до-татарскую эпоху. ЖМНП, 1874, № 2, стр. 232, 235—237) и авторы общих курсов истории древней русской литературы: И. Порфирьев (История русской словесности, ч. I. Изд. 6-е, Казань 1897) и А. Н. Пыпин (История русской литературы, т. III, Изд. 5, СПб., 1907, стр. 118). А. А. Шахматов в своем докладе „Кем и когда был составлен летописный свод — Повесть временных лет", сделанном в „Московском Обществе любителей

древней письменности“ 31 января 1897 г., высказал мысль, что Мономах начал свое „Поучение“ еще в 1096 г. и продолжал его до 1118 г., когда „Поучение“ было внесено в летопись. „Поучение“, с точки зрения А. А. Шахматова, представляет собою д н е в н и к Мономаха, его летопись (см. „Отчет Общества любителей древней письменности за 1896/97 г., стр. 23). К сожалению, А. А. Шахматов не посвятил „Поучению“ обстоятельного исследования, и мы лишены возможности проверить всю его аргументацию в целом. В 1900 г. вышло исследование Н. В. Шлякова „О Поучении Владимира Мономаха“. На основании весьма искусственных сопоставлений Н. В. Шляков пришел к выводу, что „Поучение“ написано под сильным влиянием богослужения первой недели поста 8—10 февраля 1106 г. в погосте Волга, недалеко от Ростова. Следующее затем исследование И. М. Ивакина „Князь Владимир Мономах и его Поучение“ (ч. I, М., 1901) относит „Поучение“ ко времени между походом 1117 г. на Ярослава Святополковича (поход этот, как уже отмечено, упоминается в „Поучении“) и 1125 г. (дата смерти Мономаха). Новую гипотезу о времени написания „Поучения“ высказал В. Л. Комарович. Он сопоставляет три факта: 1) последний из упоминаемых в „Поучении“ походов Мономаха — это поход на Глеба минского в 1117 г., 2) „Поучение“ написано под влиянием великопостной службы, 3) Ипатьевская летопись говорит о том, что Мономах, в этом походе на Глеба, сжалился над Глебом под влиянием своего великопостного настроения. Отсюда В. Л. Комарович делает вывод: „Поучение“ написано в 1117 г. во время или вскоре после Великого поста. Оно было внесено в третью редакцию „Повести временных лет“, так как составитель этой третьей редакции, отмечая, что примирение Владимира Мономаха с Глебом совершилось под влиянием Великого поста на Мономаха, м о г з н а т ь о „Поучении“ в целом (История русской литературы, т. I. Изд. Института литературы АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 295). Оставляя в стороне спорное предположение В. Л. Комаровича о том, что „Поучение“ написано именно в пост 1117 г., о чем якобы знал даже летописец, не можем не согласиться с ним (и с его предшественниками в этом вопросе), что „Поучение“ не могло быть написано ранее тех событий, о которых в этом „Поучении“ идет речь. Иными словами, „Поучение“ не могло быть написано ранее 1117 года, на который падает последнее из упоминаемых в „Поучении“ событий — поход на Глеба минского. Вместе с тем, как на это обратил внимание пишущего эти строки И. У. Будовниц, оно не могло быть написано и позднее 1117 г., ибо, рассказывая о своем походе совместно с Олегом Святославичем в Чехию, Мономах добавляет, что тогда же „и детя ся роди старейшее новгородьское“. Между тем Мстислав был в Новгороде с 1095 до до 1117 г. После этого Мономах вряд ли стал бы его называть новгородским. И т а к „П о у ч е н и е“ н а п и с а н о в 1117 г. — „Поучению“ Владимира Мономаха литературоведы „компаративисты“ всех толков старались подыскать

образцы и параллели во всех литературах мира, начиная от византийской и кончая старофранцузской. Однако, кроме самой идеи поучения отца детям, вполне естественной для каждого отца, никакого сходства между различными „поучениями“, „завещаниями“ и „Поучением“ Мономаха установить не удалось и не могло удасться. Это и понятно: Мономах исходит из собственного житейского опыта, из опыта русской исторической действительности конца XI—начала XII в., он пишет о событиях собственной жизни, обращается к собственным детям, учитывая их будущее, обращается и к русскому читателю, полный заботы об интересах своей родины. Русская действительность конца XI и начала XII в., политическая деятельность Мономаха, его мировоззрение — вот те важнейшие данные, исходя из которых следует прежде всего оценивать „Поучение“.

нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ. Два имени — одно христианское, крестное и другое „русское“, „мирское“ или „княжеское“ — обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее. Так, например, прадед Мономаха имел два имени — Василий (христианское) и Володимер („русское“). В честь его (Владимира I Святославича) и был назван Мономах своим дедом Ярославом. Сам Ярослав также носил два имени — Георгий (христианское) и Ярослав (русское). Два имени были распространены не только в княжеской среде. Так, например, новгородский посадник Остромир имел второе (христианское) имя Иосиф (об этом говорится в послесловии к Остромирову евангелию). Иногда, если мать ребенка была иностранкой, то ему давалось и третье имя — той национальности, к которой принадлежала мать. Так, например, сын Мономаха и его первой жены Гиты, дочери англо-саксонского короля Гаральда, носил три имени: Мстислав (русское), Георгий (христианское) и Гаральд (англо-саксонское, материнское). Сын половчанки Андрей Боголюбский имел половецкое имя Китай. И т. д. В. Н. Татищев, не известно на каком основании, утверждает, что крестное имя Мономаха было Феодор. Поэтому первый издатель „Поучения“ А. И. Мусин-Пушкин вместо имени „Василий“ поместил точки и в примечании заявил, что имени Мономаха „не можно было разобрать“, а в свой перевод поставил имя „Федор“. Между тем имя „Василий“ ясно читается в Лаврентьевском списке. Христианское имя Мономаха „Василий“ называет также игумен Даниил в своем „Хождении“.

Мьномахы. Владимир, очевидно, был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IX Мономаха. Мать Владимира была гречанкой из императорского рода (см. стр. 387—388). „Мономах“, конечно, не имя, а прозвище: „прироком“ (прозвищем) называет его и Ипатьевская летопись под 1124 г. — Вслед за словом „Мьномахы“ в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки. Пробел этот, очевидно, был вызван ветхостью и неразборчивостью того оригинала, с которого пере-

писывал Лаврентий. Лаврентий сделал этот пробел в расчете, что кто-нибудь из его читателей сможет его заполнить. Он сам пишет: „и ныне, господа, отци и братья, оже ся где буду описал или переписал или н е д о п и с а л, ч т и т е и с п р а в л и в а я бога деля, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел“. В данном месте „Поучения“ Лаврентий явно „не дописал“, но его воззвание к читателям — „чтите исправливая“ — осталось безрезультатным: списки „Поучения“ были, очевидно, редкостью и в его время.

и по отни молитвѣ. Полуязыческая молитва предка (отца или деда) неоднократно упоминается в летописях XII—XIII вв. Так, например, под 1171 г. в Лаврентьевской летописи говорится о том, что переяславскому князю Михаилу Юрьевичу и Всеволоду Юрьевичу в битве помогает бог и молитва „дедня и отня“. Позднее в XIV и XV вв. молитвенное обращение к неканонизированному предку выходит из обычаев, так же как и всякие упоминания о загробных молитвах предков об их живых потомках. Упоминание „отней молитвы“ Мономахом особенно интересно: оно доказывает его связь с русским бытом даже в сфере религии, в противоположность тем из исследователей (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков), которые стремились изобразить Мономаха сторонником греческой церкви на Руси.

Сѣдя на санех, помыслих в души своей... Ср. несколько ниже в „Поучении“: „на далечи пути да на санех седя безлепицу си молвил“. Буквально понимать эти слова Мономаха нельзя: в них Мономах говорит о своем „Поучении“, которое, конечно, писать зимой, сидя в санях, было невозможно. Следовательно, выражение „седя в санех“ надо понимать только как выражение образное. Как выражение же образное, оно может иметь два значения: либо „во время зимнего пути“ вообще, либо „в преклонных годах“, „на краю смерти“. Первое понимание этого выражения мало что дает для уяснения всего начала „Поучения“: не ясно, зачем Мономаху надо было упоминать в данном контексте о том, что свое „Поучение“ он писал в дороге; не ясно также, почему писание „Поучения“ в дороге может оправдать какую бы то ни было „безлепицу“. Между тем, второе понимание этого выражения бросает определенный свет на весь замысел „Поучения“. Свое „Поучение“ Мономах рассматривает как своеобразное „завещание“. Он подводит в нем итог не только своим „путям“ (походам) и „ловам“ (охотам), но и всему своему житейскому, государственному опыту. Он подчеркивает в этом выражении свою беспристрастность уходящего из жизни человека и просит не судить его строго за какую бы то ни было старческую „безлепицу“. Значение слов „седя на санех“ — „в преклонных годах“, „на краю смерти“ — основывается на обрядовой стороне древне-русских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая. На санях в 1015 г. хоронили Владимира Святославича, в 1078 г. — Изяслава Ярославича, в 1113 г. — Святополка Изяславича и т. д. Вместе с тем, на сани клали не только умершего, но и умирающего. На это

последнее обстоятельство не было обращено должного внимания при объяснении выражения Мономаха „седя на санех“. Именно оно, между тем, лучше всего разъясняет этот образ. Вот как рассказывает летописец о смерти Феодосия Печерского: почувствовав приближение смерти, Феодосий „повеле изнести ся на двор; братья же, в з е м ш е й н а с а н и, поставиша й прямо церкви“. Затем Феодосий приказал собрать к себе монастырскую братью и здесь на санях сказал им свою последнюю волю (см. ч. I, стр. 124).

и похвалих бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Здесь, конечно, следует видеть указание на преклонный возраст писавшего эти слова Мономаха. Ни молодой человек, ни человек среднего возраста не могли бы обратиться с благодарностью к богу, „допровадившему“ их до их возраста („сих днев“). Аналогичное указание на преклонный возраст Мономаха читается и в конце „Поучения“: „хвалю бога и прославьляю милость его, иже мя грешнаго и худаго с е л и к о л е т сблюд от тех час смертных“. Мономах писал свое „Поучение“ в пожилом возрасте, подводя итоги своему жизненному, государственному опыту (см. об этом в комментарии выше).

Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю. Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое „Поучение“ не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение. По характеру наставлений „Поучение“ предназначено в первую очередь для людей, которым предстояло обладать княжеской властью, но вместе с тем в нем есть и наставления, общеобязательные для каждого феодала.

Усрѣтоша бо мя слы... И. М. Ивакин обращает внимание на то, что абзац, начинающийся этими словами, не вяжется с предшествующим текстом. Слово „бо“ как будто бы говорит о том, что здесь приводится иллюстрация какой-то общей мысли, но мысль эта перед тем не выражена. И. М. Ивакин предполагает, что в этом месте нехватало целого листа, и переписчик переписал текст сплошь, не заметив пропуска (Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901, стр. 77—78).

от братья моея. Здесь разумеются двоюродный брат Мономаха Святополк Изяславич и Святослав Давидович („Святоша“).

да выженемъ Ростиславича и волость их отъимем. „Ростиславича“ — родительный падеж двойственного числа. У Ростислава Владимировича было трое сыновей: Рюрик, Володарь Перемышльский и Василько Теребовльский. Рюрик умер в 1092 г. Речь идет, следовательно, только о Володаре и Васильке. Святополк, повидимому, прислал послов к Мономаху с предложением изгнать Ростиславичей из их волостей в 1099 г. Во всяком случае в „Повести временных лет“ под 1097 г. в повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского говорится о событиях 1099 г.: „Святополк же, прогнав Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «се есть волость отца моего и брата»; и поиде на ня“.

мы собѣ будем, а ты собѣ. В данном случае это выражение — обычная формула отказа от союза (ср. в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1232 г.: „Они же сташа за ними крепко, нъ рекоша: «прислите к ним жены их и товар, тоже мы Вячеслава пустим; или вы собе, а мы собе»“; или там же, под 1223 г.: „а к князю послаша к Ярославу на том: «поеди к нам, забожницье отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на вьсех грамотах Ярославлих ты нашь князь; или ты собе, а мы собе»“, и т. д.).

вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я̓, и то ми ся выня. Здесь Мономах говорит о своем гадании по псалтыри. Псалтырью часто пользовались в древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие „пророческое“ значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад псалтырь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.

И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Мономах начинает свои наставления с выписок „словес божественных“. Все выписки Мономаха в известной мере объединены единством темы и, во всяком случае, единством настроения. Все они характеризуют его душевное состояние после его отказа выступить против Ростиславичей. Сначала идут выписки из псалмов, читаемых обычно в церкви либо накануне великого поста, либо в первые его недели. За выписками этих покаянных псалмов следуют выдержки из „Поучения“ Василия Великого, известного в древней Руси еще по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г Затем следуют выписки из одного Поучения, включаемого в русские Прологи XII—XIII вв., из пророчеств Исаии и из молитвословий, читающихся в так называемых „Триодях“. Не ясно, что имеет в виду Мономах, когда говорит, что расположил свои выписки „по ряду“: повидимому, Мономах имеет в виду то, что он расположил свои выписки в том порядке, в каком он их делал из отдельных произведений.

Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте. Под „передним“ Мономах, повидимому, имеет в виду свои выписки „божественных словес“, а под „последним“ — собственные наставления, которые следуют за этими выписками. Мономах хочет сказать, что если его читателю не понравятся его собственные наставления, то он просит его „принять“ хотя бы те, которые взяты им из „божественных“ книг.

К стр. 156

како птица небесныя изъ ирья идуть. По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну,

где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа. Ср. белорусскую песню:

„Чом ти жавороньку, рано з вирья вилітав?
Ище по гороньках сніженьки лежали"
(П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край Русского географ. общ., т. III, СПб., 1872, стр. 110).

и первѣе въ наши руцѣ. Некоторые исследователи предлагали изменять „первее" в „преданы" без достаточных оснований. Вернее всего думать, что „первее в наши руце" сказано здесь вот почему: рай по средневековым представлениям расположен на востоке; из христианских государств Русь — самая восточная; следовательно, выйдя из рая весною, птицы прежде всего летят „в руки" русских, а затем не остаются здесь, на Руси, „в одиной земли", „но и сильныя и худыя идуть по всем землям".

К стр. 157

Не грѣшите ни одину же ночь. Слово „грешить" употреблено здесь Мономахом, несомненно, в его русском значении: пропускать (ср. „грешиться" — промахнуться). Мономах хочет сказать: не пропускайте ни одной ночи без молитвы (см. последующий текст).

и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка. Ср. в Лаврентьевской летописи под 1212 г. характеристику князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо): он „суд судил истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших и роботящих сироты и насилье творящих"; ср. также ниже в „Поучении" Мономаха „худого смерда и убогие вдовице не дал есмь сильным обидети", и „на посадники не зря ни на биричи, сам творил, что было надобе". О личном суде князя говорила и ст. 33 Правды Ярославичей (в том числе Всеволода, Мономахова отца): „аже смерд умучат, а без княжа слова, то за обиду три гривны"; о личном же суде см. выше комментарий к рассказу „Повести временных лет" под 1071 г. (стр. 404). (*Комментарий Б. А. Романова*).

Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его. Аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Речь здесь идет не о судебном применении смертной казни: русское право того времени не знало ее. Слова эти имеют в виду феодальное самоуправство. Конкретный пример такого самоуправства описан в Патерике Киевского Печерского монастыря (СПб., 1911, стр. 199). В 1093 г. брат Мономаха Ростислав, перед походом на половцев, направился в сопровождении дружины (отроков) в монастырь за благословением и молитвою. На берегу Днепра повстречался им монах Григорий (см. выше, стр. 419), пришедший за водой. Отроки принялись глумиться над ним, а он предсказал им: „Все вы в воде умрете и с князем вашим". Дошло это до князя Ростислава, и он в гневе

повелел связать ему, Григорию, руки и ноги и камень на шею его повесить и бросить старца в воду. Григорий и утонул. Рассказчик Патерика укоризненно заметил при этом, что Ростислав „от ярости" не пошел на похороны утонувшего, а что Владимир Мономах пришел „молитвы ради". А затем вскоре „бывшим им у Треполя (см. под 1093 г.) и полкома сшедшимася, побегоша князи наши от лица противных (половцев), и молитвою прееха реку Владимир. Ростислав же утопе со всеми своими, по словеси блаженного Григория". (*Комментарий Б. А. Романова*).

не зрите на тивуна. Тиун — управляющий хозяйством, дворецкий, правитель, слуга.

ходяще путемъ по своимъ землямъ. Помимо общего значения, выражение „ходить путем" имеет и более специальное: „собирать дань". Ср., например, в „Повести временных лет", под 945 г. Игорь говорит своей дружине: „идете с данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще", или в Ипатьевской летописи под 1238 г.: „Данил же и Василко въдаста ему (Михаилу Черниговскому, — *Д. Л.*) ходити по земле своей, и даста ему пшенице много, и меду, и говяд, и овець доволе". В данном месте „Поучения" Мономах говорит, конечно, о сборе дани.

К стр. 158

не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. С этим местом „Поучения" Мономаха следует сопоставить его заботу о хозяйстве смердов, выраженную им в его речах на съезде в Долобске в 1103 г. и на съезде 1111 г.: „и рече Володимер: «Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить й стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?»" (1103 г.). „И рече Володимер: «Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердом? Но се дивно ми, брате, оже смердов жалуете и их коний, а сего не номышляюще, оже на весну начнеть смерд той орати лошадью тою, и приехав половчин ударить смерда стрелою и поиметь лошадь ту, и жену его и дети его, и гумно его зажжеть; то о семь чему не мыслите?»" (1111 г.). Защита интересов хозяйства смердов была важной особенностью политики Мономаха.

накормите унеина. Кто такой этот „унеин"? Что это за слово? Вопрос этот возбудил о себе целую литературу и до сих пор остается неразрешенным. Н. М. Карамзин производил это слово от кабардинского (!) „унна", что значит „дом" (История государства Российского, т. II, прим. 232). Так же толковали это слово А. И. Мусин-Пушкин и С. П. Шевырев. Ф. И. Буслаев

предлагал читать раздельно „уне ина" и переводил „лучше иного" (Историческая хрестоматия, стлб. 476). В другом месте Ф. И. Буслаев производил это слово от „унитъ" — просить и переводил „просящего" (Русская хрестоматия. М., 1894, стр. 74). С. М. Соловьев в своей „Истории России" (изд. „Общественная польза", кн. I, стр. 316) переводил это место по общему смыслу, „куда пойдете, где станете, напойте, накормите бедняка". В. А. Воскресенский предлагает видеть в слове „унеин" испорченную форму от „унеиша" — юный, малый, слабый (Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893, стр. 15). И. М. Ивакин по поводу „унеина" пишет: „Нельзя ли объяснить это унеина как чисто палеографическое недоразумение? Ведь далее идут слова ти бо мимоходячи, относящиеся, без всякого сомнения, и к ясному гость и к неясному унеина. Если мимоходячи одинаково относится к тому и другому слову, это значит, что оба они должны иметь нечто однородное. Не вышло ли унеина, по неразборчивости, из двух слов: убога и нища, или убога и странна?" (Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901, стр. 134).

Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Ср. у Даниила Заточника, в его Слове XII в.: „глаголеть бо в мирских притчах:... не мужь в мужех, иже ким своя жена владеет..." (Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. Изд. АН СССР, Л., 1932, стр. 26). (*Комментарий Б. А. Романова*).

яко же бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ. По поводу этого места „Поучения" первый его издатель А. И. Мусин-Пушкин справедливо писал: „Из сей Духовной (так Мусин-Пушкин называл „Поучение", — *Д. Л.*) видно, что праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие края для мнимого просвещения, однако не можно заключать, чтобы они языков иностранных не знали, а тем паче чтобы на природном своем худо изъяснялися. Отец мой, пишет Владимир, дома сидя, умел говорить на 5 языках; — довод сильный против тех, кои праотцев наших почитают невеждами". Какие же именно языки знал Всеволод Ярославич? Здесь мнения расходятся, но все исследователи единогласно прежде всего указывают на язык греческий (Всеволод был женат на гречанке). Из других языков, которые мог знать Всеволод, исследователи указывают на латинский, немецкий, венгерский, половецкий, язык волжских болгар, литовский, торческий, касожский, обезский, „скандинавский" и др. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

И сѣдше думати с дружиною. Ср. подробный рассказ о таком заседании князей с дружинами ниже под 1103 и 1111 г. накануне и по поводу похода на половцев. О совещании с дружиною по законодательным вопросам см. ст. 53

Пространной Русской Правды: „Володимер Всеволодович (Мономах) по Святополце (т. е. после 1113 г.) созва дружину свою на Берестовем (княжое село под Киевом): Ратибора Киевского тысяцкого, Прокопья Белгородского тысяцкого, Станислава Переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа (Олега Святославича, двоюродного брата Мономаха), и уставили: ...„ (далее следуют постановления об ограничении ростовщичества и др.). (*Комментарий Б. А. Романова*).

или люди оправливати. Здесь разумеется суд. „Оправливати" — означает восстанавливать в праве, давать удовлетворение обиженному (ср. в договоре Игоря 945 г.: „да аще кто от Руси или от грек створить криво, да оправляеть то").

пути дѣя и ловы с 13 лѣт. В рукописи Лаврентьевской летописи читается „пути дея и ловы 13 лет" — без предлога „с". Однако первый поход Мономаха отмечен в летописи уже под 1076 г. Поэтому, к какому бы году мы ни относили написание „Поучения" (к 1099 или к 1105 или к 1117), чтение „пути дея и ловы 13 лет" явно не может быть принято. И. М. Ивакин предполагает, что переписчик принял за цифру 13 (ӏг҃) полуистершуюся цифру 53 (н҃г). Однако и при этом исправлении фраза получается неловкой. Форма „лет" в ней явно неуместна. Поэтому предполагаем (вслед за М. П. Погодиным), что в этой фразе просто пропущено „с" и читать следует „с 13 лет". Действительно, обряд посажения молодого князя на коня („посаг"), после которого князь считался совершеннолетним, совершался обычно приблизительно в этом возрасте (12—14 лет).

Первое к Ростову идохъ. Ростов, согласно перечню русских князей, помещенному в Новгородской первой летописи под 989 г., был отдан Ярославом отцу Мономаха — Всеволоду („и разделиша землю, и взя болший Изяслав Кыев и Новъгород и иныи городы многы киевьскыя во пределех; а Святослав Чернигов и всю страну восточную и до Мурома; а В с е в о л о д Переяславль, Р о с т о в, Суздаль, Белоозеро, Поволжье"). Перечень этот, как уже отмечалось выше, имеет большую историческую ценность и его указания следует принимать в расчет, несмотря на то, что согласно „Повести временных лет" Всеволод получил один только Переяславль. Если так, т. е. если Всеволод действительно получил в удел Ростов, то отправление Мономаха в Ростов не следует понимать как поход: Мономах пошел в Ростов на свое княжение. С чем согласуется и последующее: „посла мя отець, а сам иде Курьску" (на княжение).

сквозѣ вятичѣ. Вятичи жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. не малую опасность.

а самъ иде Курьску. Отец Мономаха Всеволод пошел к Курску не походом, а на свое княжение. Курск в XI в. входил в состав Переяславского

княжества, доставшегося в удел Всеволоду. — Можно догадыватъся, что Всеволод пошел к Курску, а сына отослал в Ростов в 1068 г. Именно в этом году Изяслав и Всеволод были изгнаны восставшими киевлянами из Киева. Изяслав искал убежища в Польше. Куда отправился Всеволод — из летописи не известно, во всяком случае не в Польшу. Возможно, что он и укрылся в своем Курске, отправив сына в свой Ростов. Ехать Днепром Владимир не мог, так как Днепровский водный путь был в руках киевлян, и ему пришлось ехать „сквозе вятичи", несмотря на опасность.

и пакы 2-е к Смолиньску. Владимир Мономах направился на княжение в Смоленск, повидимому, в том же 1068 году. Сопровождавший его Ставко ушел к Берестию с Изяславом, проехавшим через Берестие в Польшу (через Берестие 50 лет назад направлялся в Польшу и другой политический беглец — Святополк Владимирович). Так понимает исторические обстоятельства этого Смоленского похода С. М. Соловьев. И. М. Ивакин относит этот поход к несколько более позднему времени — к 1069—1070 гг., когда Изяслав уже вернулся из Польши и начал борьбу со Всеславом (И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. М., 1901, стр. 149).

со Ставкомь с Гордятичемъ. В Лаврентьевской летописи „со Ставкомь Скордятичемъ". Имя Скордята сомнительно, так же как и Кордята. Поэтому предлагаем здесь чтение „с Гордятичемъ". Имя „Гордята" встречается в „Повести временных лет" под 945 г. („идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров"). Нигде в других случаях этот „Ставко" более в летописях не упоминается, но в свое время это был человек, очевидно, известный, иначе Мономах разъяснил бы, кто он был такой.

к Берестию. Берестье — город на Западном Буге; ныне Брест.

Володимерю — во Владимир Волынский. Об этом „пути" Мономаха И. М. Ивакин делает следующее предположение: „На Волыни Мономах является несомненно тогда, когда на Руси было не три, а только два Ярославича, т. е. после 22 марта 1073 года, когда Изяслав вынужден был уйти в Польшу, и когда Святослав сменил его в Киеве. Став сам великим князем, Святослав естественно и сыновьям старался дать лучшие уделы. Старший его сын, Глеб, впрочем, еще при Изяславе сидел в Новгороде, перейдя туда из Тмутороканя весной, либо летом 1069 года. Второй его сын Роман, видимо, заместил Глеба в Тмуторокане. Давиду, третьему сыну, предположить надо, Святослав дал по степени старшинства Смоленск. Но перевел ли он Мономаха во Владимир (Волынский, — *Д. Л.*)? Кое-что как будто говорит за это. Повидимому, из Владимира в ту же зиму Мономаха «посласта Берестию брата», т. е. Святослав и Всеволод; повидимому, из Владимира же ходил он к отцу на Пасху в Переяславль и во Владимир же оттуда вернулся; повидимому, и творить с ляхами мир на Сутейске поручено ему было, как ближайшему к ляхам князю. В таком случае, где же сидел Святославов сын

Олег? Можно ли допустить, чтобы отец не постарался дать и ему лучшего после Давида удела? Едва ли. Из Поучения видно, что Олег в 1077 г. сидел во Владимире; стало быть, сидел он там наверное и раньше (т. е. с 1073 года). Где же в таком случае был удел Мономаха? О Смоленске, в княжение Святослава, он упоминать перестает. Повторяю — потерян ключ, и где является Мономах при Святославе удельным князем, остается для нас не известным. Не в Турове ли? Несомненно одно — на Волыни Мономах действовал в то время, когда по удалении Изяслава из Киева в Польшу Болеслав Смелый, его свойственник, наверное принял угрожающее положение“ (ук. соч., стр. 150).

посласта Берестию брата. Здесь двойственное число: имеются в виду братья Святослав и Всеволод Ярославичи (дядя и отец Мономаха).

К стр. 159

иде бяху ляхове пожгли. Почему и когда поляки могли пожечь Берестие? В 1073 г. Изяслав бежал в Польшу, но уже в январе 1075 г. он представлялся в Майнце германскому императору Генриху IV, находившемуся далеко не в дружественных отношениях с польским королем Болеславом Смелым. Не указывает ли это на какую-то размолвку Изяслава с поляками, следствием чего и мог явиться поджог последними русского города Берестия? (предположение И. М. Ивакина, ук. соч., стр. 151).

той ту блюдъ городъ тихъ. Некоторые интерпретаторы „Поучения“ (Миклошич, И. М. Ивакин и др.) предлагают читать вместо „городъ тихъ“ „городъ тѣхъ“, имея в виду города, расположенные близ Берестья. Сохраняем здесь текст Лаврентьевской летописи.

идохъ Переяславлю отцю — к отцу в Переяславль Южный (княжение Всеволода).

на Сутейску. Где был Сутейск, не ясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

Володимерю — Владимиру Волынскому.

посла мя Святославъ в Ляхы. Об этом походе Мономаха в помощь полякам против чехов см. в „Повести временных лет“ под 1076 г.

ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса. Чешский лес расположен на юг от Эгера между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влетавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-моравских гор. — Глогова — Глогау на Одере.

и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1095 по 1117 г. и еще раз перед этим в 1083—1093 г. (см. стр. 424).

таже Турову. Возможно, что в 1076—1077 г. Туров был городом Владимира.

И Святославъ умре. Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г. Повидимому, после смерти Святослава произошло новое распределение волостей, по которому Владимир Мономах получил Смоленск.

Глѣбови в помочь, т. е. в помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г. Всеслав был постоянным врагом Глеба.

онъ иде Новугороду. Святополк Изяславич сел в Новгороде по смерти новгородского князя Глеба, убитого в Заволочье 30 мая 1078 г.

на Одрьскъ. Где этот город Одреск — не ясно. Н. М. Карамзин считал Одрьск опискою вм. Дрьютеск (История государства Российского, т. II, прим. 134). Оснований к этому немного.

И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах й к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ. Угощение Олега Святославича Мономахом могло быть только до 10 апреля 1078 г., так как 10 апреля Олег бежал в Тмуторокань (см. „Повесть временных лет“ под 1078 г.). Отец, о котором здесь идет речь, — отец Мономахов Всеволод. Обед, повидимому, был устроен Мономахом на Пасху, приходившуюся в 1078 г. на 8 апреля (И. М. Ивакин, ук. соч., стр. 159). Под 1078 г. записано, что Олег бежал в Тмуторокань 10 апреля „от Всеволода“. Следовательно, на обеде у Мономаха произошла ссора между Олегом и Всеволодом, результатом которой и явилось бегство Олега в Тмуторокань на третий день Пасхи.

на Краснѣмь дворѣ. Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами: под Киевом, под Перемышлем, под Переяславлем Южным. Черниговский Красный двор был также, очевидно, загородным.

и вдахъ отцю 300 гривен золота. В начале 1076 г. отец Мономаха Всеволод сел после смерти Святослава в Киеве. Услыхав о смерти Святослава, Изяслав вернулся из Польши. На Волыни было заключено соглашение: Изяслав принял Киев, Всеволод отправился в Чернигов, а Мономаху дали Смоленск. 300 гривен золота, которые Мономах передал отцу, приехав в Чернигов, были, возможно, данью, полученной Мономахом в Смоленске. В переводе на серебро это будет 3000 гривен серебра. Для сравнения — несколько примеров: 1) 3000 гривен — это весь доходный бюджет Смоленского княжества в 1150 г. (см. грамоту кн. Ростислава Смоленской епископии, по которой высчитывается этот бюджет, в Хрестоматии Владимирского-Буданова, вып. 1); 2) поход новгородцев против кн. Всеволода, отъехавшего из Новгорода во Псков в 1137 г., обошелся в 1500 гривен (см. Новгородскую первую летопись под 1137 г.); 3) киевский князь Всеволод Ольгович „расскоторовался“ с кн. Владимирком галицким в 1144 г. и уже двинулся было в поход в сопровождении еще трех князей, но еще до открытия военных

действий противники помирились, и Владимирку пришлось взять на себя издержки Всеволодова подъема в сумме 1400 гривен „за труд" (Ипатьевская летопись под 1144 г.); 4) про минского князя Глеба Всеславича известно, что еще при жизни он пожертвовал в Киево-печерский монастырь 1100 гривен, а по смерти его в 1119 г. вдова его передала монастырю еще 600 гривен, т. е. монастырь получил всего 1700 гривен, сама же вдова через 40 лет, на смертном одре лежа, могла передать монастырю только села с челядью и все личные вещи (Ипатьевская летопись под 1159 г.; о гривнах уже не упоминает вовсе). (*Комментарий Б. А. Романова*).

проидох сквозѣ половечьскыи вои, бъяся, до Переяславля. Половцы вторглись на Русскую землю после поражения Всеволода на Сожице 25 августа 1078 г. Мономах пробился к Переяславлю Южному, где и застал своего отца Всеволода, вернувшегося после поражения („и отца налезох с полку пришедше").

То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова, происшедшая 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича („Гориславича"). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, повидимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом „с черниговци".

во Обровѣ. Обров — урочище в Переяславском княжестве, но не ясно, где. Возможно, что „Обров" означает вал, находящийся близ Переяславля Южного.

И Всеславъ Смолнескъ ожъже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню... Здесь — более подробный рассказ о том же походе Владимира Мономаха против Всеслава Брячиславича Полоцкого на Смоленск зимою 1078 г., о котором он уже сказал выше: „И Святослав умре, и яз пакы Смолиньску" (подробные соображения об этом см.: И. М. Ивакин, ук. соч., стр. 159).

до Лукамля и до Лагожьска. Лукомль и Логожск — города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

А на ту зиму, т. е. на зиму 1078 г.

князи Асадука и Саука. Как предполагает И. М. Ивакин (ук. соч., стр. 168), Асадук — это, повидимому, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Утверждать это с достоверностью нет, однако, прочных оснований. Половецкий князь Саук более нигде не упоминается.

за Новымъ Городом — за Новгородом Северским.

силны вои Белкатгина. Белкатгин нигде более не упоминается.

а семечи и полонъ весь отяхом. Что такое „семечи"? Некоторые комментаторы разделяют „се мечи" и переводят: „а мечи их и полон весь отняли" (А. И. Мусин-Пушкин, А. Клеванов, И. Лашнюков и др.). И. М. Ивакин предлагает вместо „се мечи" — „вьсѣ вежи" (ук. соч., стр. 42 и 169). Н. Шляков предполагает, что „семечи" — это поселенцы по реке Семи. Правильнее было бы „семеци", но в списке „Поучения" произошло смешение „ц" и „ч" (Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха. ЖМНП, 1900, № 5, стр. 121, и № 7, стр. 20 и 21). Возможно, что слово „семечи" (или „семеци") нужно связать с упоминаемым ниже „семцем" (см. стр. 446).

ко Корьдну. Город Корьдно упоминается только в „Поучении". Местоположение его не ясно. В „Повести временных лет" под 1080 г. упоминается поход Мономаха на торков („заратишася торци переяславьстии на Русь, Всеволод же посла на ня сына своего Володимера. Володимер же шед победи търкы"). Не есть ли поход „на Корьдну" этот поход на торков? Нигде более в „Поучении" поход на торков не упоминается. Вряд ли Мономах забыл бы упомянуть об этом своем победоносном походе.

И паки по Ростиславичихъ. В тексте Лаврентьевской летописи „по Изяславичих". Однако, повидимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке, сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теребовльском). Ср. в „Повести временных лет" под 1084 г.: „В се же время выбегоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедша прогнаста Ярополка, и посла Всеволод Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери".

за Микулинъ. Мукулин — город в Галицкой области на реке Серете.

И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды. Броды — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Свидание Мономаха с Ярополком Изяславичем происходило, повидимому, весной 1084 г.

К стр. 160

гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша. Хорол — приток Псела. Горошин — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке, на юго-запад от Хорола.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом. О свидании с Ярополком на Бродах уже было сказано выше. Было ли этих свиданий два или одно? И. М. Ивакин подробно обосновывает свое мнение, что было только одно (ук. соч., стр. 171—173). Против этого говорит та разница, которая отмечена Мономахом во времени этих свиданий; о первом из них Мономах говорит: „и на ту весну...", о втором же — „на ту зиму...". Остается предположить только, что последователь-

ность всех „путей“ Мономаха нам не ясна. Сам Мономах, давая список своих „путей“, ставил себе не столько историческую цель, сколько поучительную Он перечислил не все из своих походов; не отметил даже и тех, о которых записала летопись. В частности, в связи с отношениями Мономаха к Ярополку следует заметить, что поход Мономаха 1085 г. к Луцку, в котором Ярополк оставил мать свою и дружину, бежав от Мономаха в Польшу, в „Поучении“ не записан. Мономаху важно было подчеркнуть свои добрые отношения с Ярополком.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею. С. М. Соловьев считает это место испорченным на том основании, что Мономах уже сидел в Чернигове и что Чернигов был старше Переяславля. И. М. Ивакин предложил читать это место так: „И на весну п о с л а мя отець к Переяславлю“ (ук. соч., стр. 175). Думаю, что нет оснований к такого рода исправлению: Переяславль в XII в. обычно занимал тот князь, который должен был сесть после смерти киевского князя в Киеве. Переяславль—это своеобразное „преддверие Киева“ (В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 157). Нет, следовательно, ничего удивительного в том, что сюда, поближе к Киеву, перевел своего старшего сына Мономаха Всеволод Ярославич. Удивляло И. М. Ивакина и выражение „перед братьею“. И. М. Ивакин ссылался при этом на то, что у Мономаха был один только брат Ростислав. Под „братьею“ Мономах разумеет, очевидно, всех русских князей. Мономах, вероятно, хочет подчеркнуть, что он был посажен отцом в Переяславле, чтобы облегчить ему занятие киевского стола после смерти Всеволода, и выделен тем из всех русских князей, поставлен впереди всех русских князей.

и ходихом за Супой. Супой — левый приток Днепра; впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.

И ѣдучи к Прилуку городу. Город в Переяславском княжестве. В некоторых списках „Повести временных лет“ Прилуком называется город Переволочна. Весьма возможно, что это — один и тот же город. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что „прилука“ значит „пристанище“, „постоялый двор“; последние были совершенно необходимы в районах „волоков“, „переволоков“ (отсюда „Переволочна“).

но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ. Исследователь русского оружия А. В. Арциховский пишет: „Воины в походе не обременяли себя доспехами. Это видно из того, что поход в бронях особо отмечается: «Слышав же Святослав, оже болгары собравшися ждут его на Исадах, повеле же всем своим оболочитися во броня и стяги наволочити, и наряди полкы в насадех и лодиях, и поиде полк по полце, бьюще в бубны и во трубы и в сопели, а сам князь по них поиде» (ПСРЛ, т. VII, стр. 127)“ (А. В. Арци-

ховский. „Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета Московского государственного университета, вып. 4, М., 1946, стр. 16). Шлемы, кольчуги („брони“) надевали только перед битвой („крутились в броню“).

только семцю яша одиного живого. Что означает слово „семцю“? Некоторые исследователи, а также издатели Лаврентьевской летописи считают „семцю“ собственным именем. Это скорее отказ от ответа на вопрос, чем его решение. Правильное решение вопроса принадлежит, повидимому, А. И. Соболевскому, который считает „семца“ родственным со словом „сѣмья“, возводя это слово „семца“ к предполагаемой им форме „сѣмьця“ со значением „младший член семьи, слуга“ (Ученые записки высшей школы г. Одессы, Отделение гуманитарно-общественных наук, т. II, 1922, стр. 61—62). Не это ли слово кроется и под загадочным „семечи“ (см. выше, стр. 444)?

на Госпожинъ день. „Госпожиным днем“ назывался праздник Успенья (15 августа) или Рождества богородицы (8 сентября).

к Бѣлѣ Вежи. Здесь имеется в виду Белая Вежа Остерская на реке Остре, а не Донская Белая Вежа — Саркел. Об Остерской Белой Веже см.: В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940, стр. 199—200.

на Святославль гонихом. Местонахождение Святославля не ясно.

на Торческый городъ. Торческий город, или Торческ, см. выше, стр. 418.

на Гюргевъ. К городу Юрьеву на реке Рось — см. стр. 372.

у Красна. Город Красн на реке Красне, впадающей в Днепр близ Триполья.

с Ростиславомъ же — с Ростиславом Всеволодовичем, братом Мономаха.

у Варина. Где находился Варин — не ясно.

Володимерю — к Владимиру Волынскому.

и Ярополкъ умре. Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г. (см. подробное описание его смерти в „Повести временных лет“ под этим годом; в Ипатьевской летописи — под 1087 г.). На княжении во Владимире Волынском он пробыл „мало дний“. Следовательно, посадил его Владимир на Волыни в том же 1086 г.

по отни смерти. Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

и при Святополцѣ. В Лаврентьевской летописи ошибочно „и по Святополцѣ“. Указанные здесь события произошли при Святополке (см. ниже).

на Стугнѣ бившеся съ половци до вечера, бихом — у Халѣпа. В Лаврентьевской летописи вм. „на Стугне“ написано „на Сулѣ“. Поправка эта принадлежит И. М. Ивакину и следующим образом им мотивирована: „Если упоминаемое здесь событие случилось «по отни смерти», это значит, что оно

случилось после 13 апреля 1093 г., потому что в это именно время умер мономахов отец Всеволод Ярославич. Но оно не могло случиться и позднее 1095 года, потому что дальше в Поучении упомянуто о нашествии Олега на Чернигов, которое было в июле 1095 г. Обращаясь к летописи, видим, что половцы, услыхав о смерти Всеволода, прислали к занявшему киевский стол Святополку договориться о мире. Неразумным поступком Святополк раздражил их (Святополк захватил послов,—*Д. Л.*), и соединенные силы его, Владимира и Ростислава были разбиты на Стугне в день Вознесения 24 мая 1093 г. После сражения, во время бегства, на глазах Владимира утонул в Стугне брат его, князь Ростислав. В Поучении идет речь, очевидно, об этом сражении или — точнее — поражении на Стугне. Упомянут даже Халеп, т. е. с. Халепье, находящееся и поныне недалеко от Стугны, не более как в версте от Триполья“ (И. М. Ивакин, ук. соч., стр. 183—184).

и потомь миръ створихом с Тугорканомъ. В „Повести временных лет“ под 1094 г. об этом говорится так: „сотвори мир Святополк с половци, и поя собе жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго“.

и у Глѣбови чади пояхом дружину свою всю. Здесь интересно то, что какой-то знатный половец носит русское имя Глеб. Русские имена у половцев встречаются неоднократно (Лавр — 1185 г., Глеб Тириевич — 1185 г. и др.), очевидно, свидетельствуя тем самым о влиянии русской культуры на половцев. — В „Повести временных лет“ в описании сражения на Стугне сказано: „Володимер же пребред реку с малою дружиною, — мнози бо падоша от полка его“. Очевидно, однако, из этого места „Поучения“, что потери в дружине Владимира объяснялись не только большим числом „павших“, но и тем, что часть ее была взята в плен.

и потомь Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову. Олег Святославич явился с половцами к Чернигову в 1084 г., о чем имеется подробный рассказ в „Повести временных лет“, совпадающий в деталях с рассказом „Поучения“.

и манастырь. В окрестностях Чернигова было два монастыря: Троицеильинский на Болдиных горах, повидимому, основанный в 1069 г. Антонием Печерским, и Елецкий, основанный, повидимому, в это же время.

на святаго Бориса день. Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля. Праздник этот в древней Руси считался очень крупным (ср. в „Повести временных лет“ под 1093 г.: „еже есть праздник новый Русьскыя земля“). Значение этого праздника было потому таким большим, что это был первый праздник, посвященный русскому святому.

К стр. 161

И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ. Под горами здесь разумеются, очевидно, Болдины горы под Черниговом. Пере-

воз же был через Десну, на правом берегу которой стоит Чернигов. Мономаху с дружиной, отправлявшемуся в Переяславль Южный, надо было воспользоваться этим перевозом. — Следует обратить внимание на живую образность языка Мономаха, сравнившего здесь половцев с волчьей стаей, облизывающейся на уходящую добычу.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы... и многы бѣды прияхом от рати и от голода. Мономах княжил в Переяславле Южном не три года, а восемнадцать лет (1095—1113 гг.). Очевидно, речь идет только о трех первых особенно тяжких для Мономаха годах переяславльского княжения.

на вои ихъ — очевидно, на половцев.

за Римовъ. Римов — город на пограничной со степью реке Суле (левый приток Днепра). К какому времени относится поход за Римов — не ясно. Избиение Итларевой чади произошло 24 февраля 1095 г. Поход за Римов был, очевидно, раньше.

и пакы Итлареву чадь избиша. Об избиении Итларевой чади см. подробно в „Повести временных лет" под 1095 г.

за Голтавомь. Голтав — город в Переяславльском княжестве при впадении реки Голтвы в Псел. Поход за Голтав описан в „Повести временных лет" под 1095 г. Он был совершен Владимиром совместно с киевским князем Святополком.

И Стародубу идохом на Олга. Стародуб — город в Черниговском княжестве. Поход Мономаха и Святополка на Олега Святославича рассказан в „Повести временных лет" под 1095 г. Он был вызван отказом Олега участвовать в предшествующем походе Мономаха и Святополка на половцев „за Голтав". Олег бежал из Чернигова и затворился в Стародубе, осада которого длилась 33 дня.

И на Богъ идохом. Имеется ли здесь в виду река Буг или город Богуславль (на реке Рось) — не ясно. Вернее первое.

на Боняка за Рось. Боняк приходил к Киеву 20 июня 1096 г. и быстро удалился. Очевидно, к этому времени и относится погоня за ним Мономаха. Рось — правый приток Днепра. Затем в „Поучении" упоминаются еще две погони за Боняком. Все три погони И. М. Ивакин относит к 1096 г. (ук. соч., стр. 195—196).

с Вороницѣ. Местоположение Вороницы не ясно.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. Повидимому, „путь" к Ростову относится к 1099 г. „Пути" к Смоленску, в таком случае, относятся к 1100, 1101 и 1102 гг. В 1101 г., согласно Ипатьевской летописи, Мономах заложил в Смоленске церковь „святое Богородице камяну".

И-Смолиньска идох Ростову. В Лаврентьевской летописи написано „и се нынѣ иду Ростову". Ввиду сомнительности употребления формы настоящего времени среди описания „путей", последовательно рассказанных в прошедшем времени, исправляю, вслед за другими исследователями, на „и-Смолинска идох Ростову". М. П. Погодин и некоторые другие предполагали, что форма настоящего времени „и се нынѣ иду Ростову" вызвана тем, что именно на этом пути в Ростов Мономах написал свое „Поучение", а все перечисление последующих „путей" Мономаха относили к позднейшим вставкам переписчиков. Однако вряд ли это возможно. Скорее всего испорчена только эта одна фраза. Ведь оригинал „Поучения", переписывавшийся Лаврентием, был ветхий.

но ли оли . . . убиша. Место это крайне испорчено.

по Велицѣ дни. Пасха в 1107 г. была 14 апреля.

и Гюргева мати умре. „Гюргева мати" — жена Мономаха. Она названа так по имени последнего, младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англо-саксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в битве с норманнами Вильгельма Завоевателя при Гастингсе. Дочь Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, повидимому, в 1074 или 1075 г. Сведения о Гите собраны М. П. Алексеевым (Труды ОДРЛ, т. II, М.—Л., 1935, стр. 49 и сл.). Умерла Гита 7 мая 1107 г. Юрий родился, вероятно, в 1090—1095 г.

собрах братью. Поход Мономаха против Боняка описан в „Повести временных лет" под 1107 г. Его участниками были: Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Олег Святославич, кроме того, сыновья Мономаха — Святослав, Вячеслав, Ярополк и внук Игоря Ярославича — Мстислав (отчество его не известно).

и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь. О заключении мира с Аепой и о браке Аепиной дочери с сыном Мономаха Юрием Владимировичем подробнее говорится в „Повести временных лет" под 1107 г. Хронологическое указание Мономаха („по Рожестве") совпадает с летописным: брак Юрия и дочери Аепы был совершен 12 января.

паки идох на половци на Урубу с Святополком. Сведений о походе Мономаха на Урубу или Урусобу в 1107—1109 гг. в летописи нет. В „Повести временных лет" отмечен только поход на Урусобу в 1103 г. — Летописное „Урусоба" правильнее, чем „Уруба" в „Поучении".

на Боняка к Лубьну. Об этом походе на Боняка сведений в летописи нет. Поход Владимира и других князей на Боняка 1107 г. уже был отмечен в „Поучении" выше.

И потомь ходихом к Воиню с Святополком. В Лаврентьевской летописи написано „въ воину", но это очевидная ошибка. Город Воинь находился

при впадении Сулы в Днепр. Здесь имеется в виду поход Владимира Мономаха, Святополка Изяславича и Давида Святославича, отмеченный в „Повести временных лет“ под 1110 г.

и потомь пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ. Об этом походе подробно говорится в третьей редакции „Повести временных лет“ под 1111 г.

К стр. 162

к Выреви. О приходе половцев к Выре (селение на реке Выре) в третьей редакции „Повести временных лет“ говорится под 1113 г.: „Слышав же половце смерть Святополчю, и съвокупившеся, и придоша к Выры; Володимер же, совокупив сыны свои и сыновце, иде к Выру и совокупися с Олгом, половце же бежаша“.

ко Ромну. Город Ромен на реке Суле.

И потомь к Мѣньску ходихом на Глѣба. Об этом походе Мономаха к Минску на Глеба Всеславича рассказывается в Лаврентьевской летописи под 1115 г. и более подробно в Ипатьевской летописи под 1116 г.

И потомь ходихом къ Володимерю на Ярославця. В Лаврентьевской летописи об этом походе Мономаха на Ярославца Святополчича во Владимир Волынский говорится под 1118 г.; в Ипатьевской — под 1117 г. Этот Ярославец был сыном Святополка Изяславича от наложницы, чем и объясняется, очевидно, уничижительный суффикс „ец“ в его имени (ср. Феодорец, Нерадец и др.).

до вечерни. Имеется в виду церковная служба — „вечерня“. Определение времени дня по церковной службе обычно в древней Руси. Вечерня служилась в древней Руси около трех часов пополудни по нашему времени или несколько позднее, но до захода солнца.

А всѣхъ путий 80 и 3 великих. В своем „Поучении“ Мономах перечислил не все из этих „великих“ походов, а только 69. О том, сколько было меньших „путей“ (походов), дает, отчасти, представление упоминание Мономаха о 100 своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие „пути“ исчислялись сотнями. — Победы Владимира Мономаха над половцами были высоко оценены потомками. В некрологической статье о нем в Лаврентьевской летописи под 1125 г. сказано: „Преставися благоверный и великий князь русьскый Володимер, сын благоверна отца Всеволода, украшенный добрыми нравы, прослувый в победах, его же имене трепетаху вся страны, и по всем землям изиде слух его“. В Ипатьевской летописи под тем же годом о нем сказано: „его же слух (т. е. слух о нем, — *Д. Л.*) произиде по всим странам, наипаче же бе страшен поганым“ (половцам). Описывая заслуги его сына Мстислава перед родиной, Ипатьевская летопись под 1140 г. пишет: „се бо Мьстислав великый наследи отца своего пот, Володимера

Мономаха великаго. Володимер сам собою постоя на Дону и много пота утер за землю Рускую...". В той же Ипатьевской летописи под 1201 г. в характеристике князя Романа звучит воспоминание о победах Мономаха: Роман „ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока (половецкого хана, — *Д. Л.*) во обезы, за Железная врата. Сърчанови же (брат Отрока, — *Д. Л.*) оставшю у Дону, рыбою оживщю, тогда Володимер Мономах пил золотом шеломом Дон, приемшю землю их всю и загнавшю оканьныя агаряны". В „Слове о погибели Русской земли" говорится, что именем Мономаха „половци дети своя страшаху в колыбели, а Литва из болота на свет не выникываху, а угры твердяху камены городы железными вороты, абы на них великый Володимер тамо не въехал. А немци радовахуся, далече будуче за синим морем; буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера; и жюр Мануил Цареградський опас имея, поне и великыя дары посылаше к нему, абы под ним великый князь Володимер Царягорода не взял...".

а дая скота много и многы порты своѣ. Интересно, что обычай русских князей и царей одаривать правителей степных народов одеждами прочно сохранялся до XVII в. включительно.

Шаруканя 2 брата. Летопись говорит о том, что Шарукан был разбит Мономахом в 1107 г. О мести за поражение Шарукана говорится в „Слове о полку Игореве": „Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю". Кто были два брата Шарукана, не известно.

Багубарсовы 3. Выше в „Поучении" говорилось о том, что в походе к Белой Веже были взяты два половецких князя, багубарсовы братья — Асинь и Сакзь. Кто был третий Багубарсов брат, не известно.

Осеня братьѣ 4. В Лаврентьевской летописи: „Овчины братьѣ 4". Повидимому, здесь ошибка. Чтение „Осеня" вм. „Овчины" предложено И. М. Ивакиным (ук. соч., стр. 271).

а всѣх лѣпшихъ князий инѣхъ 100... инѣхъ кметий молодых 15... Крупные цифры врагов, захваченных, отпущенных или иссеченных Мономахом, свидетельствуют о том, что „Поучение" написано после побед Мономаха в 1103, 1107 и 1111 гг.

Таревьскый князь Азгулуй. Что такое „таревьскый", не известно.

инѣхъ кметий молодых 15. По поводу значения слова „кметь" акад. Б. Д. Греков пишет: „Это славянское слово обозначало свободного человека, далее в некоторых славянских языках «кмет» начинает обозначать людей, стоящих выше народной массы («и паде о сте къметьства» — Новгородская первая летопись по Синодальному списку, что в другом списке, Академическом, записано иначе: вместо «къметьство» стоит «доброименитых»)" (Б. Д.

Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 18). В данном месте „Поучения“ значение слова „кметь“ то же, что и в „Слове о полку Игореве“: храбрый воин, витязь („А мои ти куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конецъ копия въскръмлени...“). Ср. также в „Повести временных лет“ под 1076 г., где это слово означает „мужи“ „дружинники“.

в ту рѣчку въ Салню. В Лаврентьевской летописи написано „въ Славлий“, но это, повидимому, описка. Речки „Славлий“ не известно. Речь же у Мономаха, очевидно, идет о походе 1111 г. и о победе на реке Сальнице.

Тура мя 2 метала на розѣх. По поводу древнерусского „тура“ Н. В. Шарлемань пишет: „Под этим названием в древних источниках, повидимому, фигурируют два вида диких быков: первобытный бык, настоящий тур (Bos primogenius Bojan.), от которого произошел домашний бык (ближайшим потомком тура считают серого украинского быка), и зубр (Bison bonasus L.). На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами („погнав турів“, „напувати турів“ — вблизи Умани). Это название для домашнего быка сохранилось и в западных областях Украины — на Галичине. Название «зубр» в наших источниках, повидимому, не встречается, и зубра от тура как будто не отличали. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда византийский наследник престола Андроник Комнен приехал в 1154 г. к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, то Ярослав вместе с великим князем киевским и другими князьями устроили для своего гостя охоту «на туров», как читаем в летописи. В то же время византийский историк по этому поводу писал, что Андроник убивал на Руси «зумпров» — зверей многочисленных в названной стране и размерами бо́льших, чем медведь и леопард. Настоящие туры в Киевской Руси исчезли рано, а их название было перенесено на зубров, которые вывелись, повидимому, лишь в начале XVII в.“ (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 116—117).

лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. Кто такой этот „лютый зверь“, не ясно. Предположение некоторых исследователей, что это волк — невероятно: волк не может вскочить так высоко, к тому же волк слишком труслив. Повидимому, это зверь из породы кошачьих. „Лютый зверь“ упоминается также в „Слове о полку Игореве“; о Всеславе Полоцком говорится: „скочи отъ нихъ (от киевлян, — *Д. Л.*) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ“.

К стр. 163

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. Этот

литературный автопортрет Мономаха не прикрашен. Вот какую, например характеристику дает Мономаху в своем послании к нему Киевский митрополит из греков Никифор (1104—1121), неоднократно общавшийся с Мономахом: „что говорить такому князю, который больше на сырой земле спит, дому бегает, платье светлое отвергает, по лесам ходя сиротинскую (нищенскую) носит одежду, и только по нужде, входя в город, облекаешься в одежду властелинскую!... Мы знаем, что для других ты любишь готовить обеды обильные, чтобы на них пригласить всех, и достойных и случайных людей, ради княжеского величия; а сам служишь и работаешь своими руками, и доходит подаяние твое даже и до полатей («даже до комаров»), что ты исполняешь ради княжения и власти: другие насыщаются и упиваются, а сам ты сидишь и смотришь только, как другие едят и пьют, довольствуясь малою пищею и водою. Так ты угождаешь своим подданным, терпеливо сидишь и смотришь, как рабы твои упиваются, и этим поистинне угождаешь им и покоряешь. Так ты относишься к вкушению, что я сам знаю... Я знаю, что с тех пор как ты родился и в тебе утвердился ум, от того возраста, когда можно было благотворить, то руки твои, по благодати божьей, ко всем простираются; никогда не прятал ты сокровищ, никогда не считал ты золота или серебра, но все раздавал, черпая обеими руками...“ (перевод А. С. Орлова: Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 51—52; послание Никифора встречается в списках XVI в. и помещено в Макариевских Великих Четьих Минеях под 20 июня; издано в „Русских достопамятностях“, ч. I, М., 1815).

отроку моему. „Отроки“ — особый разряд княжеских слуг, его „дворовых воинов“, телохранителей, младшие члены дружины.

на зною и на зимѣ. Зима здесь означает просто „холод“, „стужу“. Ср. в „Повести временных лет“ под 1093 г. о пленниках, взятых в мае месяце: „зимою оцепляеми“, ср. также в Ипатьевской летописи под 1187 г.: „и на ту осень бысть зима зла велми“.

биричи. Бирич — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

И в ловчихъ ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястрябѣх. Ястребиная и соколиная охота на Руси была любимой потехой феодальной верхушки. Еще Русская Правда за кражу сокола и ястреба в чьем-либо перевесе назначает штраф в три гривны (Краткая Правда, статья 37, Пространная Правда, статья 81). Образы соколиной охоты проникли в летопись (ср. в „Повести временных лет“ под 1097 г.: „и сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбиваеть галице“), в „Слово о полку Игореве“. Восторженный гимн охоте с ловчими птицами представляет собою „Урядник сокольничья пути“ времени Алексея Михайловича. Ее описание см. у С. Т. Аксакова в „Записках ружейного охотника“.

и от воды. Возможно, что Мономах вспоминает тот случай, когда в 1093 г. на его глазах утонул в Стугне его брат Ростислав и сам он, очевидно, подвергся смертельной опасности.

О многострастный и печалны азъ! Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу „Гориславичу" „Слова о полку Игореве"), написанное, как доказывает наиболее авторитетный исследователь сочинений Мономаха И. М. Ивакин (Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. М., 1901) в 1096 г. Этой датой, как мною предположено выше (стр. 429), и объясняется включение всех сочинений Мономаха в „Повесть временных лет" именно под этот 1096 год. Обстоятельства, при которых написано это письмо, следующим образом рассказаны В. Л. Комаровичем (История русской литературы, т. I. Изд. Института литературы АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 295—296): „В Поучение, как сказано, вставлено письмо Мономаха к Олегу Черниговскому, — тому самому, которого «Слово о полку Игореве», за «сеявшиеся» им усобицы, вместо Святославича величает с горькой иронией «Гориславичем». Письмо к нему начинается внутри Поучения, вероятно, со слов: «О, многострастный и печальный аз!» и написано значительно раньше, чем само Поучение, а именно в том самом 1096 г., на который падают породившие это письмо события. Борьба из-за вотчины Олега, Чернигова, в свое время отданного несправедливо Владимиру, но уступленного им обратно Олегу, как рассказано в Поучении, в 1094 г., возобновилась, лишь только Мономаху со Святополком удалось одержать верх над помогавшими Олегу половцами. Выгнанный из Чернигова, Олег затворился в Стародубе и, после осады, вынужден был принять условия победителей. Но усобица, как пожар, успела уже перекинуться и на более отдаленные области. В муромо-рязанские владения Олега вторгся сидевший перед тем в Курске младший Мономахович Изяслав, овладел было Муромом, но в битве с подоспевшим туда Олегом, 6 сентября 1096 г., был убит. Это-то событие и послужило поводом к переписке Мономаха с Олегом. Впрочем, к ней причастен еще старший Мономахович, сидевший в Новгороде, Мстислав, двинувшийся оттуда оборонять ростовские владения своего рода, лишь только их захватил, вслед за победой над Изяславом, Олег. Принудив Олега уйти из Ростова и Суздаля, Мстислав, говорит летопись: «приде Суждалю и, седя ту, посылаше к Ольгови, мира прося, глаголя: Аз есмь мнии тебе, слися к отцю моему». То же писал он ему и раньше, перед выступлением из Новгорода: «Аз пошлю молиться с дружиною своею к отцю своему и смирю тя со отцем моим: аще и брата моего убил еси, то есть не дивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Вот такое письмо к отцу, посланное Мстиславом, очевидно, уже из Суздаля, и понудило Мономаха написать, со своей стороны, Олегу. В письме к нему он прямо ссылается на почин в этой переписке своего старшего сына: «Да се ти написах, зане принуди мя сын мой... прислал ко мне муж свой и грамоту, река: «Ладимся и смиримся, а братцю

моему суд пришел; а ве ему не будеве местника, но возложиве на бога, а станут си пред богом; а Русьскы земли не погубим». Вняв совету своего старшего сына, Мономах и шлет Олегу слова примирения: «Послушах сына своего, написах ти грамоту». Перед нами, таким образом, отрывок довольно оживленной переписки трех лиц, непосредственных участников породившего эту переписку события".

то бо были рати при умных дѣдѣх наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших. Обращения к патриотическому примеру предков князей постоянны в летописи, где они вкладываются в уста князей и горожан. Например, в 1097 г. Мономах, узнав об ослеплении Василька Теребовльского, говорит: „Сего не бывало есть в Русьскей земьли ни при дедех наших, ни при отцих наших сякого зла". В том же году киевляне обращались к Владимиру: „Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом, великим и храбрьствомь, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую". Услышав об этом, Мономах „росплакавъся и рече: «Поистине отци и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити»".

сынъ мой, его же еси хрестилъ. Мономах говорит здесь про своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич.

К стр. 164

иже то сѣдить близъ тобе. После того, как 6 сентября 1096 г. Олег Святославич победил Изяслава (в битве Изяслав был убит) и „перея всю землю Муромску и Ростовьску", Мстислав Владимирович двинулся на него из Новгорода, выгнал его в Муромо-рязанскую землю из Суздаля „и седя ту, посылаше к Олгови, мира прося". Очевидно, Мстислав сидел в Суздале между Рождеством и Великим постом.

А вѣ ему не будевѣ местника. О слове „местник" см. в комментарии к договору Олега 911 г. (стр. 278).

а Русьскы земли не погубим. Забота о Русской земле в целом, выраженная Мстиславом как здесь, так и в других случаях, сближает его с его отцом Мономахом. Призыв „не погубить земли Русской" не раз раздавался в устах Мономаха (ср., например, под 1097 г.).

онъ въ уности своей. Мстислав родился в 1076 г., следовательно во второй половине 1096 г. ему было 20—21 год.

Егда же убиша дѣтя мое и твое. Повидимому, сын Мономаха Изяслав, убитый в битве с Олегом в 1096 г., был, так же как и Мстислав, крестным сыном Олега. Отсюда слова: „детя мое и твое".

отцю и матери слезы. Под отцом Мономах разумеет себя, под матерью же — свою первую жену Гиту Гаральдовну — мать Изяслава.

а сноху мою послати ко мнѣ. Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава, — не известно.

да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею̂, въ пѣсний мѣсто не видѣхъ бо ею̂ первѣе радости, ни вѣнчанья ею̂. Отсюда следует, что свадьба Изяслава было незадолго до его гибели. Мономах не смог на ней присутствовать, так как, очевидно, был со Святополком в это время в походе на Олега Святославича.

К стр. 165

да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ. Здесь Мономах, несомненно, пользуется образом народной поэзии. Ср. в плаче:

Коковать буду, горюша, под околенкой
Как несчастная кокошка во сыром бору
На подсушной сижу да деревиночке
Я на горькой сижу да на осиночке.

а Ростова бы не заималъ. Ростов был волостью Мономаха. Он отдал его Изяславу. Следовательно, Олег не имел права требовать себе Ростова.

отсюда ся быхом уладили — „отсюда", т. е. из Переяславля Южного.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку? Ср. выше в письме Мстислава Владимировича к Олегу под 1096 г.: „Аще и брата моего убил еси, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають". Ту же воинскую мудрость высказывает Даниил Галицкий, ободряя упавших духом поляков: „Почто ужасываетеся? Не весте ли, яко война без падших мертвых не бываетъ? Не весте ли, яко на мужи на ратные нашли есте, а не на жены? А ще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть? Инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша; укрепите сердца ваша и подвигнете оружье свое на ратнее" (Ипатьевская летопись под 1254 г.). В словах Мономаха сказывается, следовательно, излюбленная мысль всех древнерусских воинов, их презрение к смерти.

и наю сердце. „Наю" двойственное число, иными словами — сердце отца и матери Изяслава: Мономаха и его жены.

не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: в 1096 г., когда Святополк и Владимир осаждали Олега Святославича в Стародубе. После тридцатитрехдневной осады Святополк и Владимир отпустили Олега.

оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля. Святополк и Владимир ходили на Олега к Чернигову в 1096 г. за его отказ выступить в совместном походе против половцев.

сынъ твой хрестьный с малым братомь своимь — Мстислав Владимирович, со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

хлѣбъ ѣдучи дѣдень. Феодальный термин, означающий — сидеть в своем родовом уделе; в данном случае — Ростово-суздальская область, родовой удел Мстислава.

а ты сѣдиши в своемъ — в уделе Муромо-рязанском.

Али богъ послух тому, с братомъ твоимъ рядилися есвѣ. Здесь имеется в виду ряд Мономаха и Святополка Изяславича с братом Олега — Давыдом Святославичем в 1096 г.

К стр. 166

Премудрости наставниче и смыслу давче. Этими словами начинается новое произведение — молитва. Она приписывается Мономаху постольку, поскольку Мономаху же принадлежат первые два произведения — „Поучение" и письмо к Олегу Святославичу. Общее настроение этой молитвы отчасти навеяно покаянным каноном Андрея Критского. Град, упоминаемый в этой молитве, — Киев, „покровительницей" которого считалась богоматерь.

К стр. 167

яже слышах преже сих 4 лѣтъ. Эти слова летописца имеют в виду, очевидно, отсчет четырех лет от времени его собственной работы над летописью. Если считать, что это писал составитель третьей редакции „Повести временных лет", относящейся к 1118 г., то время, когда летописец слышал эти слова от новгородца Гюряты Роговича, должно определяться 1114 годом. Под 1114 г. в „Повести временных лет", действительно, рассказывается еще раз о беседах летописца с местными жителями в новгородской области — в Ладоге, и вновь передаются сходные рассказы о северных странах, вновь подтверждаемые учеными ссылками (см. текст под 1114 г.).

дають скорою противу. Летописец Переяславля Суздальского так поясняет, какую „скору" (меха) давала Югра: „соболи, куницу, белку".

яко же сказаеть о нихъ Мефодий Патарийскый. Весь последующий отрывок до слов „иже суть в горахъ полунощныхъ по повелѣнию божию" объясняется текстом „Откровения Мефодия Патарского" о последних днях мира. Привожу восстановленный по двум редакциям русский текст соответствующего места „Откровения": „Филипп же, Александров отець, макидонянин бе, и поа жену Хузиту, дщерь Фолову, царя Ефиопьска, от нея же Александр

родися... И вшед на восток уби Дария Меденина, и прия земля многы и грады, и в едино сътвори землю и прииде воюя до моря, нарицаемого Солночное место, иде же виде нечистыя человеки, иже суть Иафетови внуци, их же нечистоту видив: едяаху бо всяк живот, жюпеличию тварь, гнусное и скверньное, комары и мухи, котки, змия, мертвыих плъти, женския изврагы, еже не съношьши рождено, и всяку тварь животныих гад, не точию же то едино, нъ и скоты нечистыя; мертвець же не погребааху, но едяаху. Да то все видев Александр, бывающаа в них скверны, убояся, еда како доидуть до земли святыа и осквернять ю от скверненых своих един, и молитися нача богу зело, и повеле събрати я, вся мужа и жены и дети их, и съпроста рещи всяко южижство их и погна я от въсточныя земля и гна я и иде въслед их, донележе внидоша в края северския; и несть куду влести к ним, ни излести от них от востока до запада, и ту абие помолися богу зело со страхом и послуша бог молитву его и повеле господь бог северьским горам соступитеся о них, им же деють нарок Мазы северьскыа; и съступишася о них, тъчию 12 лактьма не соступишася о них. И сотворишася от бога врата медная и помазана быша суньклитом. Да аще имуть хотети железом рассещи врата, но не могуть, или изъжещи огнем не могут. Вещъ бо есть такова суньклитова, да ни железо его приимет, ни огнь жьжет, ни ту абие угаснеть; всяки бо ся хытрости дьявола ту сократять и не успеють ничесо же. Беси бо нечисте и скверньнии и гнуснеи языци вълшебными своими злокозненными делы тако утвердиша, да како любо хытрость не успееть ничто же тому, яко не мощи им ни огнем, ни железом или киим умышлением таковая искрушити врата и отбежати. В последняа же дни по пророчеству Езекиину глаголющу: в последняа дни на скончание мира излезеть Гог и Магог на землю Израилитьску иже суть цари язычестии, яже закова Александр об ону страну севера... яже вогнав аки в ограду Александр и заключи о них врата" (Труды ОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 98—100).

К стр. 168

и помазашася сунклитом. У Мефодия Патарского: „ἀσύγχυτοσ", „несмешанный": легендарный состав, предохраняющий от разрушения огнем и железом.

К стр. 170

Феодорова недѣля поста. — первая неделя Великого поста.

а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци. В Радзивиловской и Ипатьевской летописях нет „и с ростовци". Возможно, что в текст „Повести временных лет" Лаврентьевского списка это добавление было сделано в Ростове: прежде чем быть переписанным Лаврентием в 1377 г., текст „Повести временных лет" Лаврентьевской летописи неоднократно переписывался в XIII в. в Ростове. Этого ростовского этапа своей истории

не имела ни Ипатьевская летопись, ни Радзивиловская. Впрочем, добавление „и с ростовци“ не противоречит истине, так как выше сказано: „К Мстиславу же собрашася дружина в тъ день и в другый, новгородци, и ростовци, и белозерци“.

и ссѣдоша с коней новгородци. Спустя более ста лет, в битве на Липице 1216 г. новгородцы вспоминали о том, что они сражались в битве на Кулаческе пешими: „и рекоша новгородци: «Княже! не хочем измерети на коних, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскей пеши»“. Перед нами важный показатель интенсивности исторического сознания народа, наличия устных исторических преданий.

на Кулачьцѣ. Кулачца, — повидимому, река Колокша.

Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и брат его Олегъ... Этими словами начинается обширное и связное историческое повествование, в центре которого стоит злополучная судьба Василька Ростиславича. Оно кончается с окончанием летописной статьи 1097 г. Повидимому, оно представляло собой отдельное сказание и лишь вставлено летописцем в свой труд. Это видно из того, что оно искусственно приурочено к 1097 г., а на самом деле охватывает события нескольких лет (от осени 1097 г. до 30 августа 1100 г.). Автор этого сказания знал, что Давыд Игоревич умер в Дорогобуже, и считал, что Владимир Волынский находится в руках Ярослава Святополковича (см. окончание статьи 1097 г.). Отсюда ясно, что сказание писано после 25 мая 1112 г. (время смерти Давыда Игоревича) и до 1118 г., когда, Ярослав Святополкович бежал из Владимира Волынского в Венгрию. Возможно, впрочем, что окончание сказания было отредактировано летописцем. В таком случае вышеприведенные датирующие указания должны относиться ко времени включения этого сказания в летопись. Последнее тем более вероятно, что все сказание носит печать злободневности. Автор сказания говорит о себе в первом лице. Это некто Василий, выполнявший дипломатические поручения и составивший свое сказание отчасти со слов самого Василька Ростиславича. Во всяком случае, никто, кроме самого Василька, не мог указать Василию с такою точностью обстоятельства ослепления и эпизод в пути с окровавленной сорочкой Василька. — Василия обычно считают „попом“. Прямых указаний на это мы в самой его повести не встретим. Дипломатические поручения могли выполняться не только священниками (ср., например, под 1151 г. в Ипатьевской летописи боярина Петра Бориславича, выполнявшего посольские обязанности). Нельзя не отметить также той независимой позиции, которую Василий занимал по отношению к Васильку: он дважды осудил его за жестокость („сътвори мьщение на людьх неповиненых и пролия кръвь неповиньну“, а в другом случае: „се же въторое мщение сътвори, его же не бяша лепо сътворити“). Несмотря на это осужде-

1097

ние Василька, в целом, Василий сочувствует Васильку и активно борется за его интересы. Цель повести — подчеркнуть правоту Василька Теребовльского и виновность его врагов. Это одна из первых „повестей о княжеских преступлениях“, задача которых состояла в обличении той или иной из враждующих сторон в междукняжеских феодальных распрях XI—XIII вв. (ср.: Русские летописи. Л., 1947, гл. 12: „Летописные повести о княжеских преступлениях“).

и сняшася Любячи на устроенье мира. На Любечском съезде была сделана попытка восстановить единодушие в княжеской среде для борьбы с половцами: „да ноне отселе имемся в едино сердце, и блюдем Рускые земли“. На этом съезде, вместе с тем, как пишет акад. Б. Д. Греков, „уже совершенно четко было констатировано наличие нового политического строя. Было официально произнесено и признано съездом: «Кождо да держить отчину свою». Съезд признал этот факт основой дальнейших политических междукняжеских отношений“ (Киевская Русь. М., 1949, стр. 494). В отличие от завещания Ярослава (1054 г.) в постановлениях Любечского съезда не упоминается о старейшинстве. Права обижаемого защищает не старший князь, а все князья вместе. Однако ни „завещанию“ Ярослава, ни Любечскому съезду не удалось приостановить раздела Руси и восстановить ее единство. Лишь только разъехались князья, произошли кровавые события, описанные в дальнейшей части летописной статьи 1097 г. Дальнейшие съезды князей: в Городце в том же 1097 г., в Уветичах (Витичеве) в 1100 г., на Золотьчи под Киевом в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г. „Княжеские съезды, — пишет акад. Б. Д. Греков, — оказались неспособными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного. Сильный феодал имел возможность игнорировать и постановления съездов. Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Неизбежным ее следствием явились хронические феодальные войны. Закончился Киевский период истории Руси“ (там же, стр. 495). По интересному предположению Л. В. Черепнина, Начальный свод, предшествовавший „Повести временных лет“, возник в связи с этим Любечским съездом и заканчивался его описанием (см. выше стр. 420). — По мнению М. С. Грушевского, в статье 1097 г. речь идет не о городе Любече близ Чернигова, а о поселке около Киева на левом берегу Днепра у озера Подлюбского („Пидлюбськое“) (М. С. Грушевский. Історія Украіны-Руси, т. II. Львов, 1899, стр. 66 и 329).

К стр. 171

Теребовль — город на Гнезде, левом притоке Серета.

На Рудици. Где была Рудица, не ясно.

присла Святополкъ река: „Не ходи от именинъ моихъ“. Христианское имя Святополка Изяславича было Михаил. Празднование Михаила архангела (день именин Святополка-Михаила) совершалось 8 ноября.

Турова и Пиньска. Туров — на Припяти, ниже впадения в него реки Горыни. Пинск — иа запад от Турова (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 109—110).

К стр. 173

И на ту ночь ведоша й Бѣлугороду. В Ипатьевской летописи вместо „Белугороду“ ошибочно Звенигороду. Аналогичные изменения и ниже в Воскресенской летописи.

И посем удари й в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. Расправа с Васильком Требовльским необычна в русской действительности XI—XII вв. Ослепление как мера против бунтовщиков широко применялось, однако, в Византии. По этому поводу И. У. Будовниц пишет: „Академик В. Г. Васильевский полагает, что это он (Василько, — *Д. Л.*) предводительствовал теми 5000 горцами (русскими с Карпат), которые, по известию византийских хронистов, пришли в 1091 г. вместе с половецкими ханами Тугорканом и Боняком спасать империю от печенегов. В том же 1091 г. он участвовал в набеге половцев на венгров (В. Г. Васильевский. Печенеги и Византия. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 100—102). Достоверно известно, что в 1092 г. Василько вместе с половцами совершил поход на Польшу. Случившаяся с ним трагедия застает его среди приготовлений к более обширным предприятиям. Находясь в заключении у Давида Игоревича, Василько в задушевной беседе рассказал об этих планах попу Василию. Оказывается, он ждал прихода наемных дружин берендеев, печенегов и торков, с которыми собирался сперва воевать Польшу и отомстить ей за обиды, причиненные ляхами Русской земле, а потом захватить дунайских болгар и поселить их в своем княжестве. Византийцы могли быть осведомлены о планах русского князя, удаль которого они имели случай наблюдать во время страшной расправы с печенегами под Константинополем. И вот является естественный вопрос: не было ли замешано в ослеплении Василька византийское правительство, которому болгарские планы русского князя должны были внушать опасения и тревогу? Византийские агенты могли заинтересовать Давида Игоревича перспективой получения принадлежавших Ростиславичам червенских городов, которых он действительно домогался после ослепления Василька, а Святополка, известного своим корыстолюбием, — подкупить богатыми дарами“ (И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина. Исторические записки, № 22, М., 1947, стр. 78). — Об ослеплении Василька Теребовльского говорится также в рассказе о Прохоре Лебеднике Киево-печерского патерика (изд. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 151).

перешедше мостъ Звиженьскый. В Воскресенской летописи мост назван „Звенигородским“ (ср. выше ошибочное изменение Белагорода на Звенигород в Ипатьевской летописи, от которой во многом зависит Воскресенская). Звиждень (Звѣждень, Въздвижень) — город на запад от Киева, на реке Здвиже.

В Звиждени городѣ. В Воскресенской летописи ошибочно: „во Звенигороде“.

по грудну пути. „Груда“ — мерзлая колея на дороге. По предположению Н. В. Степанова („Календарно-хронологический справочник“. Чтения в Московском Обществе истории и древностей российских, 1917, кн. I), „груденъ“ — тринадцатый месяц древнерусского лунного года, вставлявшийся через два года на третий.

К стр. 174

и Берестие, и Погорину. Берестие — ныне Брест на Западном Буге. Погорина — побережье реки Горыни (объяснение Ермолаевского списка Ипатьевской летописи).

К стр. 175

И преклонися [Владимир Мономах] на молбу княгинину [вдовы его отца — Всеволода], чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего. Речь, следовательно, в этом месте идет о мачехе Владимира Мономаха. Других указаний на то, что Всеволод Ярославич был женат два раза, нет.

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ. Этими словами летописец возвращает нас к тому моменту рассказа, когда Василько был привезен во Владимир Волынский, где его посадили „в дворе Вакееве, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко“ (см. о них ч. I, стр. 173). М. Д. Приселков предполагает, что весь этот отрывок, заключенный между фразой „и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчко“ и следующей фразой после слов „на прежереченемь месте“,— вставка летописца в рассказ Василия (Летописание Западной Украины и Белоруссии. Ученые записки Ленинградского Гос. университета. Серия исторических наук, вып. 7, Л., 1941, стр. 6). Как бы то ни было, не может не быть признана вставкой заключенная в этом отрывке похвала Владимиру от слов „Володимер бо так бяше любезнив“ до слов „Но мы на свое възвратимся“.

„Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако ...“. Аз же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы. Как ясно из этого места „Повести временных лет“ и из многих других

в летописях XII—XIII вв., переговоры велись в древней Руси через послов устно. Послы изустно передавали порученные им „речи“ в более или менее точной форме. Уже после выполнения поручения послы представляли письменные отчеты о своих переговорах (см. подробнее: Д. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв. Исторические записки, № 18, М.—Л., 1945).

любо Шеполь. В Никоновской летописи ошибочно — Теребовль, в Софийской первой, Воскресенской ошибочно — Ополь. Шеполь — город на Волыни, на реке Ставе, недалеко от Луцка.

любо Перемиль. Перемиль — город на Волыни, на реке Стыре.

К стр. 176

берендичи. Берендичи — берендеи, кочевой народ тюркского происхождения; летописью упоминаются здесь впервые. Иногда берендеев летопись называет торками (например: „приступи торчин, именем Береньди“). Наравне с другими тюрками летопись также часто называет их впоследствии черными клобуками (кара-калпаки).

у Божьска. Божьск — небольшой пограничный городок на Волыни в верховьях Западного Буга. О Божьске см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 114.

К стр. 177

созваша вѣче. В Ипатьевской летописи поправлено: „созвониша вече“

послалъ Лучьску. Луческ — Луцк, город на Волыни.

воротистася Турийску. Турийск — город в Волынской области на реке Турье.

К стр. 178

Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда. Повидимому, этими словами начинается вторая вставка летописца в рассказ Василия об ослеплении Василька Теребовльского. Заканчивалась эта вставка на словах „а Давыд бежа в Ляхы“. Вставка эта является непосредственным продолжением первой вставки: там изложение заканчивалось предложением союзных князей Святополку или захватить, или изгнать Давыда. С непосредственно примыкающей же частью рассказа Василия эта вставка не связана (М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. Ученые записки Ленинградского Гос. университета. Серия исторических наук, вып. 7, Л., 1941, тр. 6—7). — Часть поздних летописей отсюда начинает год 6607 (1099).

в Червенъ. Червен — город в Галицком княжестве. Один из группы Червенских городов (см. выше стр. 326).

на поли на Рожни. Рожне поле — урочище в верховьях Западного Буга недалеко от Звенигорода Галицкого.

К стр. 179

король Коломанъ — венгерский король (1095—1114 гг.).

по Вагру. Вагр или Вягр — река в Галицком княжестве, впадающая в реку Сан с правой стороны у Перемышля.

а у самого 300. В Ипатьевской летописи иначе: „а Боняк у 300 стех".

бѣ бо угръ числом 100 тысящь. В Никоновской летописи (XVI в.): „100 тысящь и 20000". Источник этой поправки в Никоновской не известен.

глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь. Василий, автор Повести об ослеплении Василька Теребовльского, обнаруживает этими словами какой-то устный источник своего рассказа („глаголаху бо"). Этот устный источник чувствуется и выше: 1) в преувеличении численности врагов (соотношение 100 тысяч венгров против 100 воинов Давыда и 300 воинов Боняка явно преувеличено), 2) в преувеличении численности павших (40 тысяч), 3) в сцене ночного гадания хана Боняка, 4) в поэтическом сравнении смятого строя венгров со сбитою соколом в „мячь" стаей галок. М. Д. Приселков предполагает здесь, в качестве источника для рассказа Василия, половецкую „песнь победы" в честь Алтунопа. Ср. половецкую песнь, записаную впоследствии галицким летописцем под 1201 г. (см. Ипатьевскую летопись) о хане Отроке и траве евшан (М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. Ученые записки Ленинградского Гос. университета. Серия исторических наук, вып. 7, Л., 1941, стр. 10—11). Под 1103 г. об этом Алтунопе сказано: „поидоша половци и послаша пред собою в стороже Алтунопу, и ж е с л о в я ш е в н и х мужеством". „Словяше" на языке того времени означало, что ему пелись „славы". — Никоновская летопись в этом рассказе дает несколько иные цифры (см. выше). При всей преувеличенности цифры потерь венгров — они несомненно понесли тяжелое поражение. Сами венгерские хронисты признают тяжесть поражения (G. Pray. Annales regnum Hungariae, p. I, Vindabonae, 1764, стр. 100).

К стр. 180.

заимъ Сутѣску. Сутейск упоминается в „Поучении" Мономаха (см. стр. 440).

выгошевци. Жители города Выгошева на Волыни. Точно местоположение его не ясно.

Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею. „Забрала“ — помост на верху стены, на котором находятся обороняющиеся, огражденный с внешней стороны бруствером — рубленым или тесовым. В данном случае бруствер был из теса — досок и имел щели.

К стр. 181

яко же и в прежнее лѣто сказахъ. О походе 1098 г. Мономаха с Давы- *1098*
дом и Олегом на Святополка, окончившемся миром, рассказывалось в Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского. Повесть Василия (см. выше стр. 459) охватывала события нескольких лет.

Под 6606 годом в конце годовой статьи в Ипатьевском списке добавлено: „В се же лето заложи Володимер церковь камяну святое богородице Переяславли, на княже дворе. Того же лета заложи Володимер Маномах город на Въстри“. Владимир в этом известии — Владимир Мономах. Все известие восходит к третьей редакции „Повести временных лет“.

В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна *1099*
Давыда в Ляхы... События этого, 1099, года (поход Святополка на Давыда, погром венгров у Перемышля и убиение во Владимире сына Святополка) уже были рассказаны выше под 1097 г. в Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского.

Под 6607 годом в Ипатьевском списке после слов „в Ляхы“ дополнительно читается следующее известие: „В се же лето бысть знамение над Володимеремь месяца априля: два круга, а в нею аки солнце, и по шестаго часа, а ночь аки 3 стязи светле оли до зорь“ Город Владимир, здесь упоминаемый, — Владимир Волынский. Все известие восходит к третьей редакции „Повести временных лет“.

В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь в Володимери мѣсяца июня въ 12 день. Легенду о смерти во Владимире Волынском Мстислава Святополковича как божественной мести за убийство печерского инока Василия рассказывает Киево-печерский патерик. Там, между прочим, сообщаются и следующие подробности: „Мьстислав застрелен бысть в Володимери на забралех... бияся с Давыдом Игоревичем“ (изд. под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 170—171).

мѣсяца августа во 10 день. В Ипатьевской летописи: „месяца августа *1100*
в 14 день“.

В том же лѣте братья створиша мир, межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичих. О съезде в Уветичах уже было сказано

выше под 1097 г. в Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского, охватывавшей события нескольких лет.

шед сяди в Бужьскѣмь въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ. Не ясно, следует ли считать в словах „в Бужьскемь в Острозе“ упоминание двух мест или одного (Бужьский острог). Точное местонахождение обоих (или одного) из этих урочищ, не ясно. Возможно, что здесь имеется в виду Бужеск, упоминаемый и ниже, — город при впадении Полтвы в Западный Буг. — Дубен — город на Волыни. — Черторыйск — там же, на реке Стыре.

К стр. 182

и посем вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же и умре. Давыд Игоревич умер в Дорогобуже 25 мая 1112 г. Следовательно, летописец писал после этого времени. Фраза эта почти буквально повторяет заключительные слова рассказа Василия об ослеплении Василька Теребовльского, помещенного под 1097 г.: „но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре“. Очевидно, что летописец, писавший после 25 мая 1112 г., уже имел на руках Повесть Василия, доведенную именно до этого события, либо Василий знал текст „Повести временных лет“.

а Володимеръ вда сынови своему Ярославу. Никоновская летопись добавляет: „иже бе ему от наложницы“.

1101 Преставися Всеславъ, полоцкий князъ, мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. 14 апреля падало в 6609, мартовском году, на субботу, а в сентябрьском на воскресенье. На среду падали в мартовском 6609 г. 11 и 4 апреля.

Берестьи. Берестье — ныне Брест на Западном Буге.

на Золотьчи. Золотьча — одна из рек, впадающих в Днепр против Киева.

у Сакова. Саков — город в Переяславском княжестве на левом берегу Днепра, несколько выше Витичева.

Под 6609 годом в конце годовой статьи в Ипатьевской летописи читается следующее известие, восходящее к третьей редакции „Повести временных лет“: „В се же лето Володимер заложи церковь у Смоленьске святое богородице камяну, епискупью“. Владимир здесь — Владимир Мономах. — В Никоновской летописи уточнение: „месьца мая 2, в 3 час дне“.

1102 на Нурѣ. Нура — река, впадающая в Западный Буг.

Под 6610 годом в Ипатьевской летописи после слов „в пришедшее лето“ дополнительно читается следующее известие: „В то же лето родися у Воло-

димера сын Андрей". Никоновская летопись помещает это известие сразу после сообщения о гибели Ярослава Ярополчича 11 августа и начинает его словами: „того же дни" (следовательно 11 августа). Дату рождения, 11 августа, имеем мы и в Тверском сборнике с добавлением: „даша ему имя в 18 августа, Андрей Стратилать". В конце той же годовой статьи в Ипатьевской летописи читается: „В се же лето преставися Володислав, лядскый князь". Оба известия восходят к третьей редакции „Повести временных лет".

К стр. 183

за Болеслава — за польского короля Болеслава III.

В лѣто 6611. Под этим годом Синодальный список Новгородской первой 1103 летописи помещает дополнительное известие: „В то же лето заложиша церковь Благовещение Мьстислав князь на Городищи" (в Новгороде на Рюриковом городище, — *Д. Л.*). (Ср. другие новгородские летописи).

Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем погубити смерды и ролью ихъ... Этот рассказ „Повести" рисует социально-экономическое положение смердов как свободных земледельцев-сельчан, обладателей собственного хозяйства, в частности рабочей лошади. Б. А. Романов (Смердий конь. Известия Отделения русского языка и словесности АН, 1908, кн. XIII, т. 3) обратил внимание в этом рассказе на то, что сами смерды в поход на половцев привлечены не были, но, подразумевается, поставили бы только лошадей. Однако ниже в „Повести" под 1111 г., тоже по случаю похода на половцев, вводная часть рассказа о княжеском совещании перед походом в основном копирует рассказ 1103 г. с тою разницей, что смерды там трактуются как участники предстоящего похода, а не только как поставщики лошадей. — В советской историографии тексты эти послужили предметом спора в другом пункте: являются ли здесь смерды в качестве людей, стоящих в прямой феодальной зависимости от частных землевладельцев, или в качестве свободных непосредственных производителей, княжеских данников. Б. Д. Греков и С. В. Юшков высказались за первое понимание, ссылаясь на то, что иначе трудно объяснить возражение дружины против похода, да и самое обращение князей к дружине за согласием на поход. На это Б. А. Романов возражал, что в тексте „Повести" под 1103 г. нет противопоставления интересов князей интересам дружинников, а есть противопоставление недомыслия дружины (Святополковой) мудрости Мономаха (но не Святополка), и таким образом этот текст не имеет отношения к вопросу о значении термина „смерд". (См.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 209 и след.; С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. Л., 1938, стр. 94; Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, Л., 1947, стр. 130 и сл).

К стр. 184

и сташа в Протолчех в Хортичем острове. Протолчи—урочище в Днепровской луке ниже порогов, но выше острова Хортицы, „на том самом броду, который с незапамятных времен служил известным местом переправы через Днепр“ (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1947, стр. 130—131).

и придоша на Сутѣнь. Нигде в летописях „Сутень“ более не встречается. К. В. Кудряшов видит „Сутень“ в реке Молочной (на тюркских языках süten — молочная), впадающей в Азовское море и находившейся как раз на расстоянии четырехдневного пути от порогов (см. выше „сташа в Протолчех в Хортичем острове... идоша в поле 4 дни“). См. об этом: К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 91—94.

Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье бог створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. Победоносный поход русских князей на половцев 1103 г. был первым из степных походов, организованных Владимиром Мономахом. За ним следовали походы 1109, 1111 и 1116 гг. Четырьмя этими походами половецкие кочевья были далеко отброшены от границ Русской земли. Не случайно летописец, давая посмертную характеристику Мономаху, записал о нем под 1125 г.: „его имене трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его“ (Лаврентьевская летопись). Повидимому, часть половцев была отброшена походами Мономаха на Северный Кавказ. Ипатьевская летопись под 1201 г. говорит о Романе Галицком, что он „ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока за Обезы за Железныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю (питаясь рыбой); тогда Володимер Мономах пил золотым шоломом Дон, и приемшю землю их всю, и загнавшю оканьныя агаряны“. Пребывание Отрока (Атерака), сына хана Шарукана, в Закавказье подтверждается грузинскими источниками (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, изд. Кавказского учебного округа, вып. 22, Тифлис, 1897). Лишь смерть сына Мономаха Мстислава Владимировича (в 1132 г.) вновь оживила враждебную деятельность половцев.—О походе 1103 г. кратко говорится и в Киево-печерском патерике (изд. под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 154—155).

К стр. 185

сруби городъ Гюргевъ. Город Юрьев — о нем выше, стр. 372.

1105 В лѣто 6613. В Синодальном списке Новгородской первой летописи под этим годом помещено дополнительное известие: „Томь же лете идоша (новгородцы, — *Д. Л.*) в Ладогу на войну; и погореша хороми от Ручия (от Федоровского ручья в Новгороде, — *Д. Л.*), мимо Славьно, до святаго

Илие“ (ср. также другие новгородские летописи). В Ипатьевской летописи под этим годом помещены следующие дополнительные известия, восходящие к третьей редакции „Повести временных лет“, — в начале статьи: „Увалися верх святого Андрея“, — в конце статьи: „Томь же лете явися звезда с хвостом на западе и стоя месяць. Того же лета пришед Боняк зиме, на Зарубе (на поле добавлено: и победи) торкы и берендее“.

К стр. 186

около Зарѣчьска. Местоположение этого Зареческа не ясно. Во всяком *1106*
случае, это не Зареческ на Волыни (упоминающийся в Ипатьевской летописи под 1150 г.).

и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина. В летописях, восходящих к Новгородско-софийскому своду 30-х годов XV в., сказано: „И посла по них Святополк Яня Вышатича и брата Путяту Иванка Захарьича и Козарина“ (Софийская первая летопись и др.).

и угониша половцѣ, и полонъ отяша. В Ипатьевской летописи добавлено: „ и въгонивьше половце до Дуная, полон отъяша, а половце исъсекоша“.

преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90... От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Яну Вышатичу и его отцу Вышате в „Повести временных лет“, повидимому, принадлежат рассказы о Новгороде, с которым Вышата был связан лично и через своих предков, и о тех событиях русской истории, в которых принимали участие представители их рода (Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, внуком новгородского посадника Константина, правнуком дяди Владимира Добрыни, праправнуком Мстиши, прапраправнуком воеводы Игоря Свенельда). В частности, Вышате и Яну принадлежат рассказы о Свенельде и Мстише, о Добрыне (будущем герое русских былин, о посадничестве Добрыни в Новгороде, о помощи его Владимиру стать новгородским князем, о походе Добрыни с Владимиром на болгар, о помощи Добрыни в сватовстве Владимира к Рогнеде), о помощи Константина Ярославу, о героическом поведении Вышаты в походе Владимира Ярославича на Византию в 1043 г., о подавлении восстания волхвов в Белозерье Яном Вышатичем и мн. др. При этом в „Повести временных лет“ отразились не только сведения, почерпнутые летописцами в рассказах Яна и его отца, но и их идеология старых дружинников, недовольных новыми порядками (см. подробнее: Д. Лихачев. Устные летописи в составе „Повести временных лет“. Исторические записки, № 17, М.—Л., 1945). Гипотеза Л. В. Черепнина предполагает в Яне — Бояна „Слова о полку Игореве“ (Л. В. Черепнин. „Повесть временных лет“, ее редакции и предшествующие ей летописные своды.

Исторические записки, № 25, 1948, стр. 328—329; ср. аналогичное предположение А. Ф. Вельтмана: „Упоминаемый «бо Ян» в Слове о полку Игореве есть старец Ян, упоминаемый Нестором“, Москвитянин, 1842, ч. I).

Под 6614 годом в Ипатьевской летописи после слов „прибеже Избыгнев к Святополку“ добавлено: „Того же лета помраченье бысть в солнци, августа“. Запись эта точна. Полное солнечное затмение произошло 1 августа 1106 г. (Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Известия Отделения русского языка и и словесности АН, т. XX, кн. 1, 1915, стр. 105).

постражеся Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль. В Синодальном списке Новгородской первой летописи добавлено, что Святослав Давыдович (по прозвищу „Святоша“) постригся в Чернигове („Църнигове“). В Погодинском и Хлебниковском списках Ипатьевской летописи указывается его новое, иноческое имя — Никола. См. сказание „О преподобном Свя-
1107 тоши, князи Черниговьском“ в Киево-печерском патерике (изд. под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931, стр. 113—119).

зимѣгола — см. стр. 211.

В лѣто 6615. Под этим годом в Типографской летописи на основании каких-то древних записей читается следующее известие о нападении болгар на Суздаль: „В се же лето чюдо сътвори бог и святаа богородица в Суждалстей земле. Придоша болгаре ратью на Суждаль и объступиша град и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многых от крестьян. Сущии же людие в граде, не могуще противу их стати, не сущю князю у них, на молитву к богу обратишася и к пречистей его матери покаанием и слезами и затворишася в граде. И всемилостивый бог услышав молитву их и покаание: якоже древле ниневгитяне помилова, тако и сих избави от бед, ослепиша бо вся ратныа болгары, и та из града изшедше, всех избиша“.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. В 6615 г. круг луны был 3, а круг солнца 7; в 6616 же году круг луны был 4, а круг солнца 8. О кругах луны и солнца см. в книге Л. В. Черепнина. Русская хронология. М., 1944, стр. 39 и 53.

около Лубьна. Лубен — город в Переяславском княжестве на реке Суле.

1108 до Хорола. Река Хорол, приток Псела.

К стр. 187

В лѣто 6616. Синодальный список Новгородской первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: „Преставися архиепископ Новъгородьскый Никита, месяца генваря в 30; а на весну почяшя пьсати святую Софию, стяжяниемь святаго владыкы“. В Софийской первой уточнение: „в святей Софии в Акиме и Анне“ (т. е. в пределе Иоакима и Анны).

Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая. В Никоновской летописи добавлено, что златоверхая церковь Михайловского монастыря была „о пятинадесяти версех“, и что украшена она была „дивно“. Новгородские летописи (в частности, Синодальный список) относят закладку церкви к следующему, 6617, году. В последнее время археологи (например М. К. Каргер) высказывают обоснованные сомнения в том, что известная до недавнего времени под именем собора Михайловского Златоверхого монастыря постройка в Киеве была действителъно выстроена в 1108 г. и датируют ее более ранним временем (см. выше, стр. 385).

въ 11 июлия мѣсяца. Иная дата в Никоновской летописи: „месяца марта в 9“. В Тверском сборнике сказано коротко: „весною“.

И кончаша тряпезницю Печерьскаго манастыря... иже ю̀ и заложи повелѣньемь Глѣбовым. Глеб Всеславич выступает крупным вкладчиком Печерского монастыря. Под 1158 г. в Ипатьевской летописи сказано (очевидно, на основании вкладной книги Печерского монастыря): „Глеб же вда в животе своем, с княгинею, 600 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью, и все да и до повоя“ (т. е. вплоть до головного платка).

Феоктисту, игумену печерьскому. В Ипатьевской летописи вместо „игумену“ сказано „аньхимандриту“. Титул архимандритов печерские игумены получили только во второй половине XII в. Очевидно, что это исправление внесено в „Повесть временных лет“ не раньше этого времени.

дабы вписалъ Феодосья в сѣнаникъ. Синодик (греч. συνοδικόν) — книга с записями имен умерших для поминания их во время богослужения.

мѣсяца иулия в 11. В Ипатьевской летописи иная дата: „месяца июля в 24“. Повидимому, дата Ипатьевской летописи более точна. Один из составителей Лаврентьевской летописи машинально повторил здесь дату закладки Михайловской златоверхой церкви — 11 июля.

на Кловѣ. Клов — урочище близ Киева, между Киевом и Киево-печерским монастырем.

В лѣто 6617. Под этим годом в Ипатьевской летописи добавлено после *1109*
слов „взя веже половечскые у Дону“: „1000 вежь взя, послани Володимером князем“. — Никоновская летопись помещает под этим годом следующий легендарный рассказ: „Явися в Киеве на церкви святаго архангела Михаила Златоверхаго птица незнаема: величество бе со овна, и сиаше всякими цветы, и песни безпрестанно, и много сладости имуще, изношашеся от нея; и седе на церкви той 6 дний и отлете, и никто же нигде же можаше видети еа к тому“. Внимание составителя Никоновской летописи

здесь и под предшествующим годом к Михайловскому златоверхому монастырю примечательно.

1110 В лѣто 6618. В Ипатьевской летописи под этим годом читается следующее добавление, восходящее к третьей редакции „Повести временных лет“: „Того же лета пришедше половци воеваша около Переяславля по селом. Того же лета взяша половьци идучи назад много сел“. В. Н. Татищев читает это место „по Семи“ (История российская с самых древнейших времен, кн. 2. СПб., 1773, стр. 206). В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи вм. „идучи назад много сел“ читается: „полон у Чючина“. — Синодальный список Новгородской первой летописи под этим годом сообщает: „Приде архепископ Иоан в Новъгород месяця декабря в 20“ (то же известие и во многих других новгородских летописях).

Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася. Этот поход русских князей снова упомянут в Лаврентьевской летописи под 1111 г.: „Идоша весне на половце Святополк, Володимер, Давыд. И дошедше Воиня, и воротишася“. Подобные дублировки известий встречаются в Лаврентьевской летописи и в дальнейшем: смерть Олега Святославича записана под 1115 и 1116 гг., вокняжение Глеба в Киеве под 1168 и 1169 гг., поход Михалки Переяславского под 1169 и 1171 гг. и др. Объясняется это тем, что во Владимире Залесском были использованы в XII — начале XIII в. две летописи Переяславля Русского — епископская и княжеская, — между которыми было различие в хронологии: хронологическая сеть в обеих не совпадала. Ошибался при этом княжеский летописец, а епископский летописец имел правильные даты. Летописание же Владимира Залесского отразилось в Лаврентьевской летописи (см. об этом: М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). Ученые записки Ленинградского Гос. университета. Серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 92—93). Дата похода 1110 г. принадлежит епископскому летописцу и, очевидно, правильная.

К стр. 188

ангелъ твой буди с тобою? Непосредственное продолжение этого текста читается в Ипатьевском списке. Очевидно, что рукопись Сильвестра с течением времени потеряла последние листы. Следующая же затем запись Сильвестра была сделана либо на особом листе, следовавшем за последнею тетрадью, либо на тыльной стороне переплета, и потому сохранилась. На 1110 г. обрывается „Повесть временных лет“ в Лаврентьевской летописи, Радзивиловской, Московско-академической и, повидимому, в утраченной Троицкой. В Ипатьевской летописи (и родственных ей списках) „Повесть временных лет“ доведена до 1117 г., после чего объем погодных статей

резко уменьшается. Об этих различиях в списках „Повести временных лет“ см. стр. 124 и сл.

Игуменъ Селивестръ святаго Михаила. Сильвестр был игуменом в Михайловском Выдубицком монастыре недалеко от Киево-печерского. Монастырь этот был основан отцом Владимира Мономаха Всеволодом Ярославичем и был „княжим“ монастырем в его роду. Сильвестра А. А. Шахматов считает составителем второй редакции „Повести временных лет“. Некоторые исследователи (С. А. Бугославский) считают Сильвестра простым переписчиком „Повести временных лет“. С 1118 г. Сильвестр был поставлен в сан епископа переяславского (Переяславля Южного). Умер Сильвестр в 1123 г.

Яко же пишеть премудрыя Епифаний. Епифаний, архиепископ Кипрский,— писатель IV в. н. э. Изложенное здесь учение рассматривается в его сочинении „Анкорат“ („Якорь веры“). *1111*

К стр. 190

В лѣто 6619. Синодальный список Новгородской первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: „Томь же лете ходи Мьстислав (Владимирович новгородский, — *Д. Л.*) на Очелу“ (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

Вложи богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Описание начала похода 1111 г. на половцев обнаруживает свою литературную зависимость от описания в „Повести временных лет“ начала похода 1103 г. Приводим текст обеих статей.

1103 г.

Бог вложи в сердце князем руским Святополку и Володимиру, и снястася думати на Долобьске. И седе Святополк с своею дружиною, а Володимер с своею в едином шатре. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко „Негодно ныне весне ити, хочем погубити смерды и ролью их“. И рече Володимер: „Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ѐю же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить ѝ стрелою, а лошадь его

1111 г.

Вложи бог Володимеру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополк же поведа дружини своей речь Володимерю; они же рекоша: „Не веремя ныне погубити смерьды от рольи“. И посла Святополк к Володимерю, глаголя: да быхови ся сняла, и о том подумали быхом с дружиною. Послании же приидоша к Володимеру и поведаша всю речь Святополчю. И прииде Володимер, и сретостася на Долобьске. И седоша в едином шатре Свя-

поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?“ И не могоша отвещати дружина Святополча. И рече Святополк: „Се яз готов уже“. И вста Святополк, и рече ему Володимер: „То ти, брате, велико добро створиши земле Русской“. И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: „Поидита на половци, да любо будем живи, любо мертви“. И послуша Давыд, а Олег не всхоте сего, вину река: „не сдравьлю“. Володимер же целовав брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополк по нем, и Давыд Святославичь, и Давыд Всеславичь, и Мстислав Игорев внук, Вячеслав Ярополчичь, Ярополк Володимеричь.

тополк с своею дружиною, а Володимер с своею. И бывшу молчанью, и рече Володимер: „Брате, ты еси старей, почни глаголати, како быхъм промыслили о Руськой земли“. И рече Святополк: „Брате, ты почни“. И рече Володимер: „Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердом. Но се дивно ми, брате, оже смердов жалуете и их коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин, ударить смерда стрелою и поиметь лошадьку и жону его, и дети его, и гумно его зажжеть. То о семь чему не мыслите?“ И рекоша вся дружина: „Право во истину тако есть“. И рече Святополк: „Се яз, брате, готов есмь с тобою“. И посласта ко Давыдови Святославичю, веляча ему с собою. И въста Володимер и Святополк, и целовастася, и поидоста на половце Святополк с сыном. Ярослав, и Володимер с сынми и Давыд со сыном.

Литературная зависимость второго описания от первого несомненна. Первый рассказ проще и логичнее [например, в первом описании: „негодно ныне в е с н е ити, хочем погубити смерды и ролью их“, а во втором: „не веремя ныне (?) погубити смерьды от рольи“; или в первом описании: „Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть“, а во втором: „оже смердов жалуете и их коний“ и др.]. Эта литературная зависимость отнюдь, однако, не означает, что одного из этих Долобских съездов (1103 или 1111 гг.) вовсе не было. Летописец просто воспользовался описанием первого съезда для описания близкого к первому по смыслу и содержанию второго. А. А. Шахматов предполагает следующую сложную зависимость одного от другого: Сильвестр описал съезд 1103 г. на основании реально имевших место событий 1111 г., заменив своим описанием какое-то другое, неблагоприятное Мономаху, составленное Нестором. Составитель же третьей редакции „Повести временных лет“ описал съезд 1111 г. на основании опи-

сания съезда 1103 г. у Сильвестра („Повесть временных лет“, т. I, Пгр., 1917, стр. XXXI). Вряд ли есть необходимость в таком сложном объяснении.

К стр. 191

В суботу поидоша, и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша. А в недѣлю поидоша, в ню же хресть цѣлують, и приидоша на Пселъ, и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ... К. В. Кудряшов так определяет календарь похода русского войска в 1111 г.: „Февраль 26 (воскресенье) — выступили в поход из Переяславля. Март 3 — на Суле; март 4 — на Хороле; март 6 — на Голтве; март 7 — на Ворскле; март 8 — вступили в Половецкую степь и «преидоша многие реки»; март 19 (воскресенье, пятая «неделя») — пришли «к Донови»; март 20 — отдыхают и готовят вооружение; март 21 (вторник) — пришли к Шаруканю «вечеру сущу» и ночью овладевают городом; март 22 (среда) — пришли к Сугрову и зажгли его; март 23 (четверг) — пришли с «Дона»; март 24 (пятница) — бой «на потоце Дегея»; март 25 (суббота) — отдыхают и празднуют день Благовещения; март 26 (воскресенье) — в походе; март 27 (понедельник Страстной недели) — утром сражение на Сальнице“. Подробнее см. главу „Поход Владимира Мономаха в Половецкую землю в 1111 г.“ в книге К. В. Кудряшова: Половецкая степь. М., 1948.

въ 6 недѣль поста. В Воскресенской летописи: „в 5-ю же неделю поста“. Как указывает К. В. Кудряшов, Великий пост начинается в понедельник, а воскресенье заканчивает неделю. Следовательно, пятая „неделя“ (воскресенье) поста приходилось на шестой неделе (Половецкая степь. М., 1948, стр. 113). Противоречия между данными Ипатьевской летописи и Воскресенской нет.

поидоша ко граду Шаруканю. Город Шарукань назван по имени хана Шаруканя. К. В. Кудряшов указывает: „половецкие города назывались по имени своего хана (как это наблюдалось и у печенегов). Со сменой хана, владельца города, менялось и название последнего. Шарукань в некоторых летописных списках носит название Осенева, по имени хана Асана (Осеня), по смерти которого стал называться по имени хана Шарука, едва избежавшего русского плена в 1107 г. на Хороле“ (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 119; здесь же попытка определить точное местоположение этого города).

И князь Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и конъдакы хреста честнаго и канунъ святой богородици... выидоша из города [Шаруканя], и поклонишася княземъ рускымъ, и вынесоша рыбы и вино. В населении половецких городов был очень силен русский

элемент. „Очевидно, город Шаруканъ, находившийся во власти половцев, — пишет И. У. Будовниц, — был населен не половцами, которые в городах не жили, а славянами и во всяком случае христианами, на которых торжественное богослужение должно было произвести, и действительно произвело, известное впечатление“ (Владимир Мономах и его военная доктрина. Исторические записки, № 22, М., 1947, стр. 84).

поидоша к Сугрову. Как указывает К. В. Кудряшов, „Сугров назван по имени хана Сугры, плененного русскими князьями при нападении на Лубны в 1107 г.“ Местоположение Сугрова, как и Шаруканя, К. В. Кудряшов точно определяет в районе Северного Донца (Половецкая степь. М., 1948, стр. 119).

К стр. 192

и падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ. Весь последующий рассказ и рассуждения летописца Выдубицкого Михайловского монастыря об ангелах представляют собой попытку выставить патрона этого монастыря, архангела Михаила „вождя бесплотных сил“, виновчиком русских побед над половцами: „ангелы бо, глаголю, наша поборникы на противныя силы воюющим, им же есть (вождь) архангел Михаил“ и т. п. Летописец развивает ту мысль, что к каждому войску приставлены ангелы. К войску язычников также приставлены ангелы. Язычники побеждают, когда по божьему попущению их водит ангел. Со всей этой статьей 1111 г. следует сопоставить и статью 1110 г., также составленную в Выдубицком монастыре; в этой последней явление огненных столпов над Печерским монастырем также истолковано как явление ангелов и также развивается учение об ангелах.

на рѣцѣ Салницѣ. К. В. Кудряшов определяет эту Сальницу как небольшую, в настоящее время не сохранившуюся, речку в районе Изюмской переправы (между Изюмом и Изюмцем) через Северный Донец (Половецкая степь. М., 1948, стр. 66 и др.).

и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни. Радосынь — урочище около Городца, Городец же, здесь упоминаемый, — ближайший к Киеву, на восток от него.

К стр. 194

И се пакы, яко же Иполитъ глаголеть, толкуеть Данила. Ипполит — писатель конца II—начала III в. Ему принадлежат толкования на книгу пророка Даниила в двух видах: в виде толкований на книгу пророка Даниила и в виде сказания о Христе и антихристе. Русский перевод этих толкований дошел до нас в рукописи XII—XIII в. (И. Срезневский. Сказания об антихристе. СПб., 1874, стр. 10—11).

К стр. 195

Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля. *1112*
Ефимия —дочь Владимира Мономаха — была выдана замуж за венгерского короля Коломана.

въ цjudged церькви святыя Богородица Влахѣрнѣ на Кловѣ. Влахернский монастырь — на ручье Клове близ Киево-печерского монастыря, построен бывшим игуменом печерским Стефаном в честь божией матери „Влахернитиссы".

у церкви святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отецъ ея. Церковь Андрея была построена в Киеве Всеволодом Ярославичем в 1086 г.: (см. в Ипатьевской летописи под 1086 г.: „Всеволод заложи церковь святого Андрея, при Иване преподобномь митрополите; створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижеся дщи его девою, именемь Янька. Сия же Янка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину").

мѣсяца генваря въ 12 день. В Никоновской летописи это известие, как и другие 1112 г., помещено под 1113 г. и дана другая дата: „месяца генваря в 11 день".

К стр. 196

В лѣто 6621. Под этим годом Синодальный список Новгородской первой *1113*
летописи дополнительно сообщает: „Семь же лете победи Мьстислав на Бору чюдь" (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне; бысть видити всѣмъ людемъ: остася солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29. Затмение было 19 марта 1113 г. Серп солнца действительно был виден с рогами, обращенными вниз (Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. XX, кн. 1, 1915, стр. 105). В Лаврентьевской летописи это затмение отнесено под 1114 г.

во дни Онтиоховы. См. выше, стр. 395.

Наутрия же... свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру... Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячьского... и послашася паки кияне к Володимеру... Характер восстания, причины, почему господствующие классы обратились к Мономаху, и характер предпринятых Владимиром Мономахом мер отчетливо вскрыты Б. Д. Грековым (Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 496—498): „В 1113 г. в Киеве вспыхнуло одно из крупных восстаний: воспользовавшись смертью князя Святополка Изяславича, поднялись мелкие городские люди; их поддержала деревня... Как только Святополка не стало, народ

киевский восстал и прежде всего бросился на двор киевского тысяцкого Путяты, который всегда держал сторону Святополка и его сына. Потом разгромили дворы сотских и ростовщиков. Имущие слои испугались. Спешно они отправляют посольство за посольством к Владимиру Мономаху, который не очень хотел вмешиваться в киевские дела. Тогда растерявшиеся господствующие классы стали указывать Мономаху на возможность углубления восстания. Они велели передать Владимиру, что если он не явится немедленно в Киев, то будут разграблены не только отдельные дворы родственников князя, правящей знати и ростовщиков, но и монастыри, за допущение разграбления которых Мономаху придется отвечать перед богом. Владимир явился, вынужденный нарушить правило, принятое на Любеческом съезде князей, что каждый князь должен держаться своей вотчины. Киев не был вотчиной Мономаха. Владимира выбрало вече, собравшееся на этот раз не на площади, где господствовал восставший народ, а в храме св. Софии (В. Н. Татищев. История российская, II, стр. 211), вместившем в себя боявшуюся народного гнева «степенную» публику. «Степенная» публика, однако, даже укрывшись за крепкими стенами Софийского храма, не могла не считаться с желаниями и требованиями киевской народной массы. Выбор пал на князя, который был приемлем для этой народной массы, известен ей как крепкий борец против разнузданности феодалов. В своей деятельности Владимир Мономах действительно обнаружил явную тенденцию итти навстречу городским и деревенским низам. В киевских событиях 1113 г. находит свое выражение, едва ли не впервые, тенденция к союзу между горожанами и сильной великокняжеской властью, своим острием обращенной против феодальных усобиц. Эта опора на горожан Киева является основным источником политической силы Владимира Мономаха. Создавшееся положение подсказало ему, что необходимо прежде всего облегчить положение должников, стонавших под игом ростовщических процентов, и помочь тем, кто за взятые у господ вперед деньги должен был гнуть свою спину на барской работе, т. е. закупам. Владимир сделал и то и другое". Меры, принятые Владимиром Мономахом, характеризуются Б. Д. Грековым так (там же, стр. 196—197): „Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов и в частности должников — против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание. Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть «Пространной Правды», которая носит заголовок: «А се уставил Володимерь Всеволодовичь». Происхождение всех элементов этого «Устава» до сих пор определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп, как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в «Устав» на самом законном основании... Следы революционного происхождения законодательства о закупах

очень заметны. Закупу гарантировано право судиться со своим господином и право уходить от господина «искать кун»: довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», но отнюдь не «без вины», «не смысля» или под пьяную руку. Во всех этих гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу. Характер деятельности Владимира Мономаха очень ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир выступает в качестве «устраяющего словеса на суде, хранящего истину в веки, творяща суд и правду по среде земля». Если есть основание полагать, что эти «гарантии», сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве". Далее Б. Д. Греков подробно характеризует специальный отдел, посвященный закупу, в уставе Мономаха, входящем в состав Пространной Правды Русской (там же, стр. 197—204). Весьма обстоятельная характеристика содержания Мономахова Устава дана также в „Исследовании о Русской Правде" М. Н. Тихомирова (М.—Л., 1941, стр. 206—211).

К стр. 197

и придоша къ Выры. Вырь — река в Переяславском княжестве, левый приток Сейма.

Лазорева манастыря. Женский Лазарев монастырь упоминается здесь единственный раз. Других сведений о нем нет.

Мьстиславъ заложи церковь камяну святого Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ. Николо-Дворищенский собор, построенный Мстиславом Владимировичем в 1113 г., принадлежит к числу лучших сооружений домонгольской поры. Это был крупный княжеский дворцовый храм, богато украшенный внутри фресками (см. о нем: М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946, стр. 24—27). О построении этой церкви имеется особое сказание „Чудо иже во святых отца нашего Николая, сотворившееся в Великом Новеграде, и что ради церковъ святаго Николая соборная, иже на Торговой стране, на Ярославле дворище, именуется, и что ради в той церкви местный образ Николая чудотворца круглая доска". Опубликовано это сказание акад. Н. К. Никольским: Сборник Отделения русского языка и словесности АН, т. 82, № 4.

В лѣто 6622. Под этим годом в Никоновской летописи дополнительно *1114*
читается поздняя повесть о Мономаховых регалиях (о шапке Мономаха, „сердоликовой крабице" и др.), якобы переданных Владимиру Мономаху

императором Константином Мономахом, а также обширная статья „О епископе Иларионе Меглинском“. Под этим же годом (а не под 1116 г., как в Ипатьевской летописи) говорится в Никоновской летописи о смерти Романа Всеславича в Рязани и приводится сведение о поставлении епископа Кирилла (не указано, где). Под 1116 г. в Никоновской летописи читается (с искажениями) и известная приписка игумена Сильвестра, которая заключает собой „Повесть временных лет“ в Лаврентьевской летописи.

<u>егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныи и малыи и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываеть вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь.</u> Речь идет здесь о стеклянных „глазчатых“ бусинах, которые вымывались Волховом из древнейшего культурного слоя Ладоги. Стеклянные разноцветные украшения (бусы, браслеты и т. п.) — распространеннейшее украшение населения городов древней Руси. Изготовлялись они в русских мастерских (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 152—155). Ладога уже в начале XII в. насчитывала несколько веков своего существования. Как доказано раскопками 1947—1949 гг. В. И. Равдоникаса, Ладога как поселение существовала уже в VIII в. н. э. Перед нами, следовательно, в этом рассказе летописца — древнейшее свидетельство об „археологических находках“ на территории Руси.

<u>и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли.</u> „Красивый рассказ древней летописи под 1114 г. о маленьких оленях, падающих из облаков на землю, очень напоминает лопарское предание, записанное в одном из шведских рассказов Стига Стигсона, о том, что «олень не сын Земли; он сын Солнца, он принадлежит самому богу; это могут подтвердить старики: они знают, что первое оленье стадо спустилось с облаков»“ (С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера. Пгр., 1923, стр. 14. Стиг Стигсон, на которого ссылается Платонов, — псевдоним шведской писательницы А. Т. Агреллъ. В 1898 г. А. Т. Агрелль выпустила под этим псевдонимом книгу „С Севера“, в значительной мере основанную на народных сказаниях и этнографических материалах).

<u>Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа.</u> Здесь имеется в виду русский компилятивный хронограф типа „Еллинского летописца“, соединившего в своем составе различные переводные и русские материалы по всемирной истории. Главный материал для содержания этого компилятивного хронографа давали две византийские хроники — Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Читающийся под 1114 г. вслед за приведенной фразой текст представляет собой выписки из этого русского хронографа, в которых текст перевода Хроники Иоанна Малалы переработан русским составителем хронографа (в частности, ему принадлежат и все отожествления Гефеста и Гелиоса с русскими божествами Сварогом и Дажьбогом).

К стр. 198

по немь Феоста, иже и Соварога нарекоша егуптяне. Русский бог Сварог отожествлен здесь с Гефестом, богом огня, богом кузнецом.

И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ. Русский бог Даждьбог отожествлен здесь с Гелиосом, богом Солнца.

К стр. 199.

В лѣто 6623. Синодальный список Новгородской первой летописи до- *1115*
полнительно сообщает под этим годом: „а Новегороде измьроша коня вся у Мьстислава и у дружины его. Том же лете заложи Вой гость церковь святаго Федора Тирона, априля в 28“ (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

рѣжючи паволокы, орници, бѣль, розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ. Здесь „бель“, конечно, мех белки, а не серебряная монета, так как в дальнейшем говорится и о серебряной монете („серебреники“.)

К стр. 200

Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ, и украси гроба ею, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ. Политический смысл этого действия Владимира Мономаха прекрасно вскрыт Л. В. Черепниным: „Акту перенесения мощей Владимир Мономах придавал большое политическое значение. Права̀ на старейшинство в Русской земле связывались с покровительством, оказываемым той или иной княжеской линии со стороны «заступников земли Русьстей» Бориса и Глеба. В этом отношении заслуживает внимания тот междукняжеский инцидент, который разыгрался в Вышгородской церкви. Владимир Мономах хотел поставить мощи Бориса и Глеба посредине церкви, воздвигнув над ними «терем сьребрен». Но это желание Мономаха встретило противодействие со стороны черниговских князей Давыда и Олега Святославичей. Они настаивали на том, чтобы мощи были расположены в правой стороне церкви, «в комару, иде же отьць мой, рече, назнаменал». Имеется в виду отец Олега и Давыда князь Святослав Ярославич Черниговский. По предложению митрополита и епископов спор был решен по жребию, причем жребий выпал Святославичам. Надо сказать совершенно определенно, что этот спор не носил случайного характера, а являлся разногласием большого принципиального политического значения. Он не впервые возник в 1115 г., а имел давнее происхождение. Борьба за первенство между отдельными линиями потомства Ярослава Мудрого сопровождалась попыткой отдельных претендентов на старшинство заручиться покровительством наибо-

лее популярных национальных святых Бориса и Глеба. Еще Святослав «умысли (в Вышгороде) създати церковь камену святыма и създав ю до 50 лакоть възвышеи, преставися». Его дело продолжал Всеволод Ярославич, который почти закончил постройку: «и яко бысть свершена, и абие на ту нощь врутися ей верх и скрушися вся». Святополк Изяславич «на много времена творяще праздник, часто приходя Вышегороде летом». С ним соревновался Мономах, который в 1102 г. позолотил раки Бориса и Глеба. Олег Святославич в 1111 г. достроил в Вышгороде каменную церковь. Желая превзойти Олега Святославича, Мономах устроил в новой церкви великолепный «терем серебрен», восхищавший очевидцев: «яко не могут сказати оного ухыщьрения, по достоянию довольне, яко многом приходящим от грек и инех земль глаголати: нигде же сицея красоты бысть, а многых святых ракы видели есмы» (цитируется Сказание о Борисе и Глебе). Несмотря на неблагоприятное разрешение жребием соревнования со Святославичами в 1115 г., Мономах продолжал свои заботы о распространении культа памяти Бориса и Глеба, считая это своим политическим делом. «Повесть временных лет» указывает, что по окончании торжественного праздника в Вышгороде в 1115 г. «разидошася къждо в свояси. Володимер же окова раце сьребръмь, и позлати, тако же и комаре покова сьребръмь, и украси гроба ею, има же покланяються людие, просяще прощения грехом». В 1117 г. Владимир заложил каменную церковь на Альте — месте убийства Бориса“ (Л. В. Черепнин. „Повесть временных лет“, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. Исторические записки, № 25, 1948, стр. 309—310). Придавая большое значение политическому смыслу культа Бориса и Глеба, Л. В. Черепнин предполагает, что первая редакция „Повести временных лет“ могла быть составлена в связи с церковно-политическим праздником перенесения мощей Бориса и Глеба в новый Вышгородский храм в 1115 г. (именно поэтому составление летописного свода, получившего затем название „Повести временных лет“, было поручено Нестору — жизнеописателю Бориса и Глеба, составившему о них известное „Чтение“ (там же). Подробности вышгородских событий 1115 г. см. в „Сказании о Борисе и Глебе“: Жития Бориса и Глеба и службы им. Под ред. Д. И. Абрамовича, Пгр., 1916.

В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи: снѣдаемо солнце. Запись о солнечном затмении имеется и в новгородских летописях. Солнечное затмение было 23 июля 1115 г. утром за девять дней до смерти Олега Святославича (Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. XX, кн. 1, 1915, стр. 105—106). В Лаврентьевской летописи смерть Олега Святославича отмечена дважды: под 1115 и 1116 г. Объясняется это тем, что в Лаврентьевской летописи слиты два источника с различной хронологией: переяславский княжеский летописец и переяславский епископский летописец.

На самом деле смерть Олега произошла в 1115 г., что устанавливается тою связью, которую летописец видит между его смертью и затмением. Затмение же, как отмечено выше, было в 1115 г.

и Случескъ пожегъ. Случеск — город на Волыни на реке Случе. *1116*

И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Дрьютескъ на щитъ. Ръша — Орша. Город Копыс находился около Орши на левом берегу Днепра.

К стр. 201

городъ Желъди. Желди или Желни — город в Переяславском княжестве на реке Суле, недалеко от впадения ее в Днепр.

Медвѣжа Глава — эстонская крепость Оденпе.

иде Леонъ царевичь, зять Володимерь. О Леоне Диогеновиче („Девгениче") см. выше, стр. 388.

в Дельстрѣ — в Деростре, в Доростоле.

В се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадника по Дунаю. На нижнем Дунае были русские поселения. Подунайские города обычно подчинялись галицким князьям. Ср. в „Словем о полку Игореве": „Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная". Воскресенская летопись XVI в дает в списке русских городов и города на нижнем Дунае. Память о русских городах на Дунае сохранялась, следовательно, и в XVI в. В XII и XIII вв. в придунайские города (гл. образом в Берлад) стекались недовольные, изгнанные и т. п. Владимир Мономах смог послать на Дунай своих посадников после побед над половцами и их оттеснения в глубь степей. Посадники Мономаха, впрочем, не смогли надолго закрепиться в дунайских городах. В 1116 г. Мономах послал на Дунай своего сына Вячеслава и Фому Ратиборовича, однако те „пришед к Дьрьстру и не въспевше ничто же, воротишась".

и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. О Сугрове и Шарукане см. выше (стр. 475—476). Местоположение Балина неясно (К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 121).

В се же лѣто бишася с половци и с торкы и с печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дьни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи. Повидимому, здесь говорится о восстании торков и печенегов против половцев. Восстание это могло произойти как результат ослабления военной мощи половцев после походов Мономаха.

1117 В лѣто 6625. Синодальный список Новгородской первой летописи содержит под этим годом следующее дополнительное известие: „В то же лето бысть знамение Новегороде в святей Софии от грома, месяця маия в 14, в час 10; вечерню поющим, един от дьяк заражен бысть от грома, а клирос вьсь с людьми падоша ници, нъ живи быша; а на вечер бысть знамение в луне. В то же лето игумен Антон заложи церковь камяну святыя богородиця манастырь. В се же лето преставися Добрына, посадник новгородьскый, декабря в 6" (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

К стр. 202

Томъ же лѣтѣ придоша бѣловѣжьци в Русь. Беловежцы — жители города Белой Вежи, Саркела (о нем см. выше, стр. 311).

и церковь заложи на Льтѣ мученику... — в честь Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святославича, на реке Альте, где был убит Борис.

Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его Иванъ. Византийский император Алексей I Комнин умер в 1118 г. Ему наследовал Иоанн II Комнин (1118—1143 гг.).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

---

[1] Цифры, помещенные в указателях вслед за римской единицей, обозначают страницы первой части настоящего издания; цифры, помещенные вслед за римской двойкой обозначают страницы второй части настоящего издания.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

---

[1] В указатель не включен перевод „Повести временных лет". Понятия и термины, употребленные в метафорическом значении, в указателе не отмечаются. Курсивом выделены те слова, которые не употребляются в подлинном тексте „Повести временных лет". В скобках даны пояснения к тем или иным словам; эти пояснения даются только в том случае, если слово имеет несколько значений, а в указатель включено только в каком-либо одном значении.

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ[1]

---

[1] В указатель не включен перевод „Повести временных лет“.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА РУССКИХ КНЯЗЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“

(Составил Д. С. ЛИХАЧЕВ)

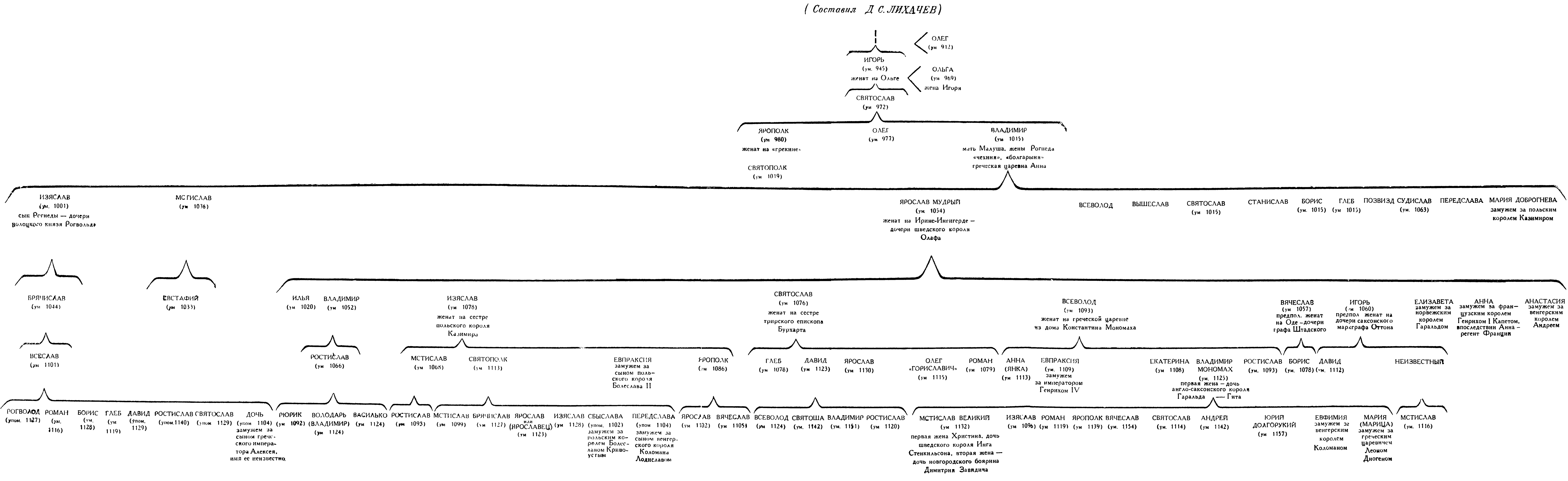
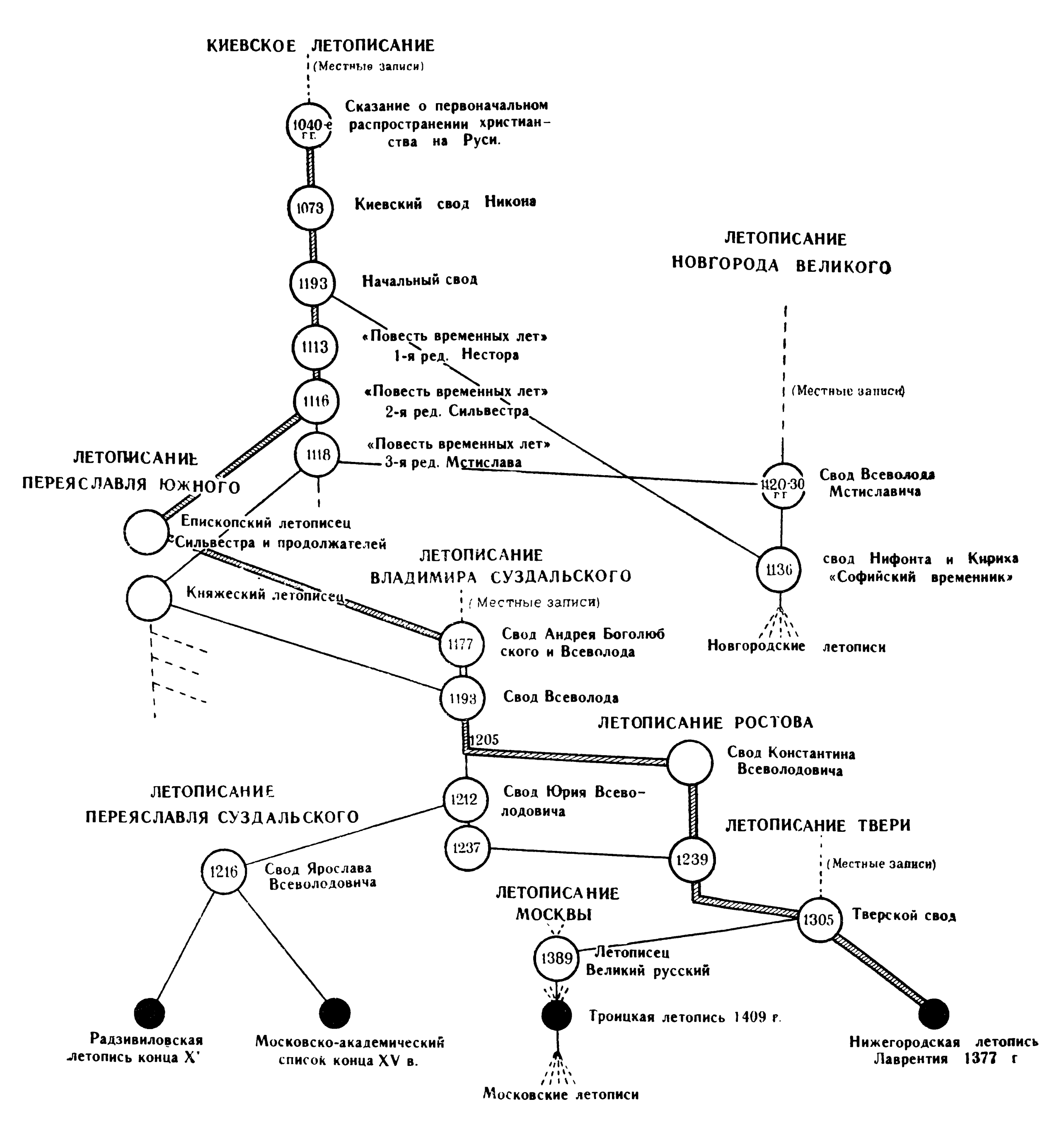
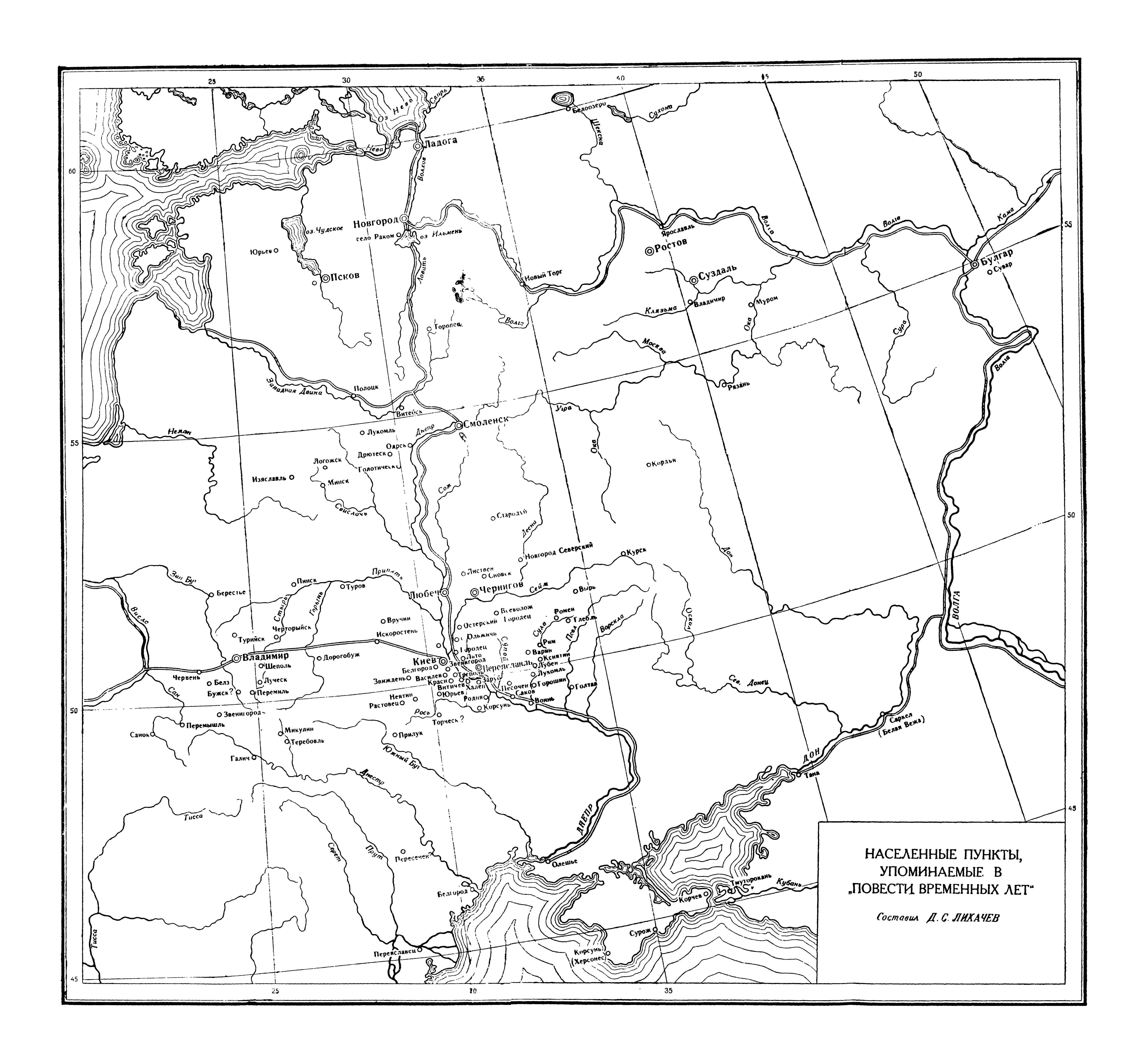


СХЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ, ВКЛЮЧИВШИХ В СВОЙ СОСТАВ „ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ"



Черные круги — сохранившиеся списки

НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ IX в.


НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ"
Составил Д. С. ЛИХАЧЕВ
Ладога
Новгород
село Раком
оз. Ильмень
оз. Чудское
Юрьев
Псков
Белоозеро
Ярославль
Ростов
Суздаль
Владимир
Муром
Новый Торг
Торопец
Полоцк
Витебск
Смоленск
Рязань
Булгар
Сувар
Лукомль
Одрск
Друтеск
Логожск
Голотическ
Изяславль
Минск
Кордьн
Стародуб
Новгород Северский
Курск
Листвен
Сновьск
Чернигов
Берестье
Пинск
Туров
Любеч
Вручии
Всеволож
Ромен
Вырь
Глебль
Туриск
Черторыйск
Искоростень
Остерский Городец
Ольжичи
Городец
Рим
Варин
Ксниятин
Лубен
Лукомль
Горошин
Голтав
Владимир
Шеполь
Дорогобуж
Киев
Звенигород
Переяславль
Белгород
Звижденъ
Василев
Червень
Белз
Луческ
Бужск?
Перемиль
Нятин
Растовец
Торческ?
Корсунь
Родня
Юрьев
Витичев
Песочен
Саков
Воинь
Звенигород
Перемышль
Санок
Микулин
Теребовль
Галич
Прилук
Пересечен
Белгород
Переяславец
Олешье
Корчев
Тмутороканъ
Сурож
Корсунь (Херсонес)
Саркел (Белая Вежа)
Тана
Нева
Волхов
Ловать
Волга
Западная Двина
Днепр
Сож
Десна
Сейм
Припять
Неман
Западный Буг
Висла
Сан
Днестр
Прут
Серет
Тисса
Южный Буг
Рось
Дон
Сев. Донец
Ока
Угра
Москва
Клязьма
Сура
Кама
Кубань
Ворскла
Сула
Псел
Оскол
Шексна
Сухона
Свислочь
Стырь
Горынь
Трубеж
ДНЕПР
ДОН
ВОЛГА

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. А. Воробьева.*
Технический редактор *Р. С. Певзнер.*
Корректоры *Н. П. Ракова* и *И. И. Удимов*

*

РИСО АН СССР № 4050. Подписано к печати 1/VIII 1950 г. М. 12849. Бумага $70 \times 92^1/_{16}$. Бум. листов $17^3/_8$. Печ. листов 40.65 + 6 вкл. Уч.-изд. л. 37. Тираж 10000. Зак. № 1625а. Цена в переплете 29 руб.

1-я тип. Изд. АН СССР,
Ленинград, В. О., 9 л., д. 12.